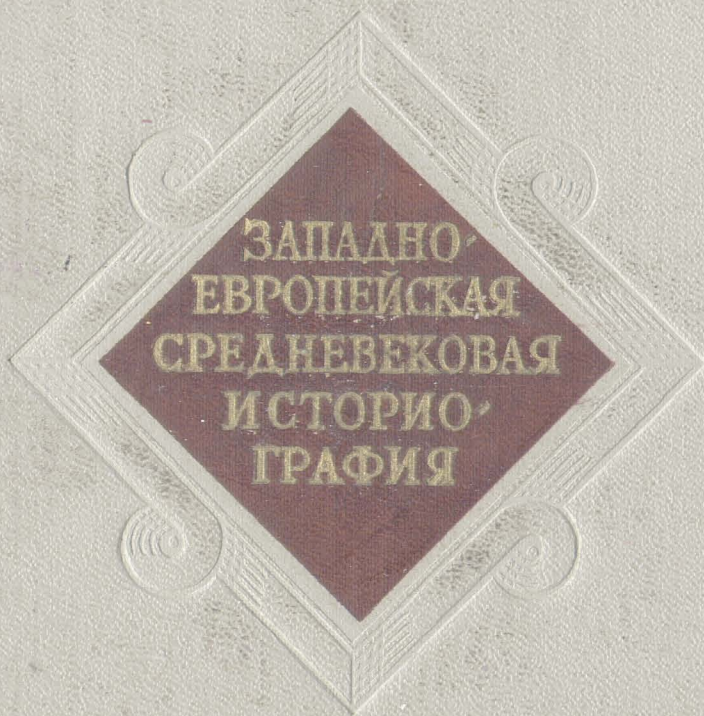

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

О. А. ВАЙНШТЕЙН

О. А.
ВАЙНШТЕЙН
ЗАПАДНО-
ЕВРОПЕЙ-
СКАЯ И
СРЕДНЕ-
ВЕКОВАЯ
ИСТОРИО-
ГРАФИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

О. Л. ВАЙНШТЕЙН

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ
СРЕДНЕВЕКОВАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

1 9 6 4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Задача этой книги — дать на примере четырех крупнейших стран Западной Европы конкретную картину развития феодально-церковной историографии в VI—XIII вв. и ее упадка в XIV—XV вв. (первая часть книги), а далее показать, как в эпоху Возрождения, в процессе освобождения исторической мысли от мертвящего груза средневековых суеверий и богословско-схоластических представлений, были заложены основы светской, рациональной, буржуазной исторической науки (вторая часть).

История исторического знания и его превращения в науку рассматривается здесь как составная часть истории духовной культуры; ее течение может быть понятно только на фоне социально-экономических сдвигов и политической борьбы, с одной стороны, и в теснейшей связи с социально-политическими учениями, — с другой. Ввиду обилия соответствующих материалов и ограниченности места автор избегал по возможности распространяться о вещах, известных из учебников, чтобы сосредоточить внимание читателя на вопросах, сравнительно мало освещенных в советской литературе.¹

В развитии историографии каждой из двух больших культурных эпох средневековья — «классически феодальной» и раннебуржуазной, «ренессансной» — значительную роль играла античная литературная традиция, включая сюда и патристику IV—V вв. Влияние этой традиции сказывается на композиции, форме и жанрах исторических произведений, на методах работы историка, на его теоретических представлениях о задачах, целях и общественном значении истории. Вот почему автор счел необходимым предпослать своему труду краткий обзор античной и патристической историографии (гл. первая), который, разумеется, не претендует на то, чтобы восполнить пробел в советской историографической литературе, но ориентирует читателя в именах и темах древних писателей, часто встречающихся в дальнейшем изложении.

¹ Труд акад. А. М. Деборина «Социально-политические учения нового времени» (т. I, М., 1958), как показывает само название, не включает «классического» периода средневековья; автор, минуя Августина, Фому Аквинского и других теоретиков, переходит сразу от Аристотеля к эпохе Возрождения и Реформации, причем ограничивается здесь немногими данными об учениях Мора, Макиавелли и Бодена. Основным содержанием книги являются политические идеи второй половины XVII и XVIII в.

Центральной в этой книге является проблема происхождения исторической науки как системы достоверных знаний о фактах, относящихся к развитию человеческого общества, их связях и закономерностях, устанавливаемых с помощью определенного метода и специфической для данной науки исследовательской техники. Эта проблема представляет интерес для многих общественных наук, так как в ней переплетаются вопросы истории философии, политических учений, филологии и языкознания, сравнительно-исторического изучения права и учреждений, исторической географии и этнографии, археологии и ряда вспомогательных дисциплин истории. Корни этих наук или отраслей исторической науки уходят в глубь эпохи Возрождения и Реформации.

В эту же эпоху были сделаны первые шаги по рациональной организации научной работы в области истории: возникают первые научные общества, академии, другие формы общения между учеными, например, в виде переписки гуманистов, ставившейся достоянием широких читательских кругов, особенно в связи с первыми опытами подготовки обширных коллективных исторических трудов.

Все эти достижения должны быть записаны главным образом в актив «эрудитов» или «антикваров», как называли ученых, которых интересовали далекие от современности периоды, в отличие от «историков», как называли в XVI—XVII вв. писателей, занимавшихся современной им политической историей и уделявших большое внимание форме своих произведений. Только в XVIII в. различие между «антикварами» и «историками» постепенно стирается, когда историки современности начинают все шире применять методы филологической критики текста и исторической критики письменных источников.

Органической частью этой книги является ее «ученый аппарат», сосредоточенный преимущественно в подстрочных примечаниях. Помимо своей обычной функции — указания на использованные источники и литературу, этот аппарат имеет справочно-библиографическое назначение. Особое внимание было в связи с этим обращено на полноту сведений о советской литературе и переводах источников на русский язык, а также о новейших зарубежных трудах.

Автор считает своим приятным долгом выразить благодарность своим рецензентам и тем товарищам из Ленинградского отделения Института истории, которые взяли на себя труд ознакомиться с его произведением и сделать критические замечания, а также работникам Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде и библиотек Академии наук в Ленинграде и Москве, содействие которых облегчило автору его задачу.

Глава первая (вводная)

АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ И ПАТРИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

... во всех вообще областях идеологии традиция является великой консервативной силой. Но изменения, происходящие в этом запасе представлений, определяются классовыми, следовательно, экономическими отношениями людей, делающих эти изменения.

Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах
(К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.,
т. 21, стр. 315—316).

1. ИСТОРИОГРАФИЯ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Греческое слово «история» (*ιστορίη, ιστορία*) — буквально «разведывание» — имело первоначально широкое содержание, обозначая исследование как прошлого, так и настоящего, как явлений общественной жизни, так и окружающего мира природы. У Геродота этот термин в соединении со словом «повествование» (*ιστορίας ἀπόδειξις*) обозначал письменный рассказ о событиях, происшедших в прошлом; позже, особенно у римских авторов, слово «история» метонимически стало употребляться также для обозначения самих событий прошлого.

Хотя Цицерон назвал Геродота «отцом истории», имея, очевидно, в виду, что последний является древнейшим известным ему создателем художественного повествования о прошедших событиях, однако исторические произведения в широком смысле слова впервые появились не в Греции, а на Востоке.

Представление о прошлом, память об отдаленных предках и важнейших событиях прежних времен свойственна человечеству уже на стадии родового патриархального общества. Передаваемые изустно из поколения в поколение родословные предков (генеалогии) являются примитивной формой хронологии — основы

всякого исторического значения. Кроме того, представление о прошлом, связанное с потребностью объяснения настоящего, в доклассовых обществах находит выражение в народных мифах и сказаниях о подвигах богов и обожествленных предков (полубогов, героев), которые заключают в себе в религиозно-фантастической форме смутные воспоминания не только о военно-политических событиях, но и о крупнейших достижениях культуры (добывание огня — в греческом мифе о Прометее, изобретение металлических орудий — в библейском мифе о Тубалкаине, появление виноградарства — в греческом мифе о Дионисе, в библейском мифе о Ное, первом виноделе и пьянице, и т. д.).

С возникновением антагонистических классов и первых государственных образований, в связи с чем находится более быстрое развитие и более широкое применение письменности,¹ господствующий класс в лице своих руководителей — царей и жрецов, монополизировал отбор и письменную регистрацию событий, стремясь использовать историю в качестве идеологического орудия обработки масс, их подчинения религиозной и государственной дисциплине. Составители первых исторических записей не отбрасывают народных преданий, но подвергают их переработке соответственно своим интересам, усложняют и расцветивают их продуктами своей фантазии.

1) Древнейшим известным нам памятником историографии является запись на Палермском камне, которая датируется временем V династии древнего Египта, т. е. второй половиной III тысячелетия до н. э. (пять более мелких фрагментов этой записи хранятся в музеях Каира и Лондона). Этот памятник заключает в себе главные элементы летописи: хронологическую последовательность событий, политическую тенденцию и практическое назначение.

Хронологическая последовательность определяется сменой царей и счетом годов каждого царствования. Политическая тенденция выражена в стремлении возвеличить фараона, выставить его прямым преемником богов, некогда якобы правивших Египтом, преувеличить его богатства и могущество, выраженное в числе и размерах построенных при нем городов, храмов, дворцов, кораблей, захваченной добычи, убитых врагов и проч.

Любопытно, что уже в этом древнейшем историческом произведении история фальсифицируется как путем раздувания размеров добычи, так и путем умолчания о потерях и поражениях.

Однако хроника времени V династии еще в весьма слабой степени может служить для идеологического воздействия: на первом месте стоят чисто практические, утилитарные цели. Состав-

¹ В. А. Истрин. О происхождении первоначального письма. Вестн. истории мировой культуры, 1959, № 2, стр. 68 сл.

ители этого произведения — жрецы, стремились с его помощью закрепить царские пожалования храмам в виде земель и ежедневных приношений продуктами, а также прибыльные для жречества дни храмовых праздников. Благодаря этому хроника получила ярко выраженный религиозный, культовый характер. Не менее нужны были жрецам, как заведующим ирригационной системой Египта, сведения об уровне воды в Ниле в периоды его разлива, обязательно приводимые в данной хронике под каждым годом.

В последующие тысячелетия самостоятельной политической жизни Египта представление его господствующего класса о державности и задачах истории почти не изменилось. Правда, в связи с усилением царской власти и активизацией ее внешней политики в период нового царства светские политические элементы в историографии выступили более отчетливо (например, в летописи походов Тутмоса III в середине II тысячелетия). Однако доминирующая роль остается по-прежнему за религией. Записанный на стенах Карнакского храма бога Амона, рассказ о походах Тутмоса являлся в сущности «символическим поднесением результатов похода верховному божеству».² Еще существеннее то обстоятельство, что ни подлинного исторического повествования, выявляющего связь причин и следствий, ни представления об истории как изменении во времени древние египтяне так и не создали до конца существования их государства.³

2) Хроники царств Двуречья шумеро-аккадского периода, датируемые концом IV — началом III тысячелетия до н. э., представляют по сравнению с египетскими некоторый шаг вперед. Здесь сильнее выражена связь с народными сказаниями (царь не только мифологический герой, «сын солнечного бога», нередко в хронике отмечается его трудовое занятие или происхождение — рыбак, пастух, садовник). В записях о древнеавилонских царях уже прослеживается некая историческая концепция: смена династий, падение одних и возвышение других царей рассматривается как результат вмешательства бога Мардука, карающего царей, которые пренебрегают его культом, и ставящего на их место лю-

² Б. Тураев. 1) История Древнего Востока, т. 1. Л., 1935, стр. 12; 2) Египетская литература, т. 1. М., 1920, стр. 104—106.

³ Возможно, что это объясняется относительной географической изолированностью Египта.

О древнеегипетской историографии см. также: J. T. Shotwell. The history of history, v. I. Columbia Univ. Press, 1939; Max Pieper. Die Aegyptische Literatur. В кн.: Handbuch der Literaturwissenschaft, hrsg. von Oskar Walzel, 1928; Ludlow Bull. Ancient Egypt. В кн.: The idea of history in the Ancient Near East, ed. by K. C. Denton. Yale Univ. Press, 1955 (приведена библиография). Тексты Палермского камня и другие исторические произведения в переводах на английский язык см.: J. H. Breasted. Ancient Records of Egypt. Historical documents from early times, v. I—V. Chicago, 1906.

дей даже низкого рода, но богобоязненных. Военно-политическая борьба государств изображается как борьба их богов между собою. Почитание богов, исполнение религиозного ритуала выступает в качестве главного фактора истории. Таков, в частности, подход к прошлому в древнеавилонской хронике (так называемой хронике Вейднера).⁴

Такие же теократические черты присущи и историографии Двуречья в позднейшие периоды ассирийского владычества, Нововавилонского царства и персидского завоевания. Исторические сообщения продолжают сохранять форму письменных отчетов царя богу, имеющих целью обеспечить ему милость этого бога. Их главным содержанием являлись данные о возведении новых храмов или восстановлении старых, о сооружении и исправлении каналов, об удачных охотах на диких зверей. Только ассирийские военные надписи на камнях и храмовых стенах преследовали еще одну цель — устрашение подданных, особенно в покоренных землях, детальным рассказом о беспощадном подавлении народных восстаний против ассирийского гнета. Эпиграфические тексты нередко сопровождалась выразительными рисунками, которые делали повествование о зверствах ассирийских воинов доступными каждому. В ассирийской историографии даже чаще, чем в египетской, практиковалось сознательное искажение фактов. Ярким примером служит сообщение Ашшурбанипала (VII в. до н. э.) о завоевании им Египта, совершенном в действительности его отцом Асархадонем. Подобные фальсификации соответствуют египетской практике выскабливания в надписях имени одного царя и замены его другим. Очевидно, восточные цари, пытаясь такими грубыми приемами обмануть потомков и самих богов, отказывали и тем и другим в способности отличать истину от лжи или узнать правду из других источников.⁵ О распространенности таких приемов фальсификации свидетельствует то, что многие надписи заканчиваются угрозой божеской кары и проклятием по адресу тех, которые осмелятся их уничтожить, исказить или изменить в них хотя бы одно слово (например, в надписях царей Лагаша, в Бехистунской надписи персидского царя Дария и др.). Вообще не только эпиграфические тексты, но и любые

⁴ Об историографии шумеро-аккадского периода, помимо названных выше трудов, см.: Bruno Meissner. Die Babylonisch-Assyrische Literatur. В кн.: Handbuch der Literaturwissenschaft; H. G. Güterbock. Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babyloniern und Hethitern... Zs. f. Assyriologie, NF, Bd. VIII, 1939; R. Laqueur. Formen geschichtlichen Denkens. Neue Jahrbücher f. Wissensch. u. Jugendbildung, 1931, H. 6. См. также: E. A. Speiser. Ancient Mesopotamia. В кн.: The idea of history in the Ancient Near East (указана новейшая литература).

⁵ Помимо литературы, приведенной в прим. 4, см. также: A. T. Olmstead. Assyrian historiography: a source study. Univ. of Missouri studies in social sciences, ser. III, v. 1, 1916.

исторические записи имели строго официальный характер и не подлежали изменениям. Неофициальные версии беспощадно уничтожались,⁶ и лишь в редких случаях, как, например, в библейских хрониках, заметны усилия сгладить противоречия между официальной и неофициальной версиями событий с помощью последующих редакций. Все это делает понятным, почему в историографии древневосточных обществ мы, как правило, не обнаруживаем следов критической мысли, никаких признаков скепсиса в отношении письменной исторической традиции. Попытки же буржуазных ученых объяснить эту скованность и неподвижность письменной исторической традиции какими-то исконными свойствами восточных народов, их мнимой противоположностью западным являются антинаучными и отдают явным разложением.

В буржуазной историографии принято считать первыми «настоящими» историками Египта и Вавилона жрецов Манефона и Бероса, которые жили в эллинистическую эпоху, в III в. до н. э., и писали по-гречески, т. е. для греко-македонских завоевателей, а не для своих соотечественников.⁷ Небольшие отрывки из их исторических произведений, дошедшие до нас благодаря главным образом извлечениям Иосифа Флавия (I в. н. э.) и Евсевия (IV в. н. э.), не позволяют точно установить, что представляло собою целое; по-видимому, главным их содержанием наряду с космогоническими сказаниями и рассказами о чудесах были списки царей с краткими сведениями о событиях каждого царствования. Во всяком случае и египетская хроника Манефона (Αἰγυπτιακὰ ἱστορικά), и вавилонская хроника Бероса (Βαβυλωνιακὰ) относятся, скорее всего, к эллинистической литературе и не дают материала, который позволил бы проследить эволюцию древней восточной историографии.

3) Исторической литературе древних народов Ближнего Востока буржуазная наука противопоставляет Библию (точнее, Ветхий завет) как наиболее высокую ступень, достигнутую восточной историографией в древности.⁸

Ветхий завет — это обширный сборник древнееврейских произведений мифологического, религиозного, философского, юридического, поэтического и исторического содержания, написанных

⁶ Впрочем, ассирийский царь Набу-Насир (VII в. до н. э.) приказал уничтожить даже официальные анналы всех своих предшественников, о чем сообщает вавилонский историк Берос (III в. до н. э.).

⁷ Манефону посвящено специальное исследование В. В. Струве «Манефон и его время» (Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР, тт. III, IV, Л., 1928—1930). О Беросе см.: Ed. Schwarz. Griechische Geschichtsschreiber. Leipzig, 1957, SS. 189—199.

⁸ См.: Б. А. Тураев. История Древнего Востока, т. 1, стр. 4; Ed. Meyer. Geschichte des Altertums, Bd. 2. A. 3. Stuttgart u. Berlin, 1928, S. 285.

большую частью анонимными авторами в разное время, от X до II в. до н. э. В основе исторических книг Библии лежат жреческие или, со времен Соломона, царские анналы, аналогичные египетским и ассиро-вавилонским. Вместе с тем библейское историческое повествование опиралось и на устную народную традицию, которую древнейшие авторы перерабатывали сообразно своим политическим тенденциям. Наличие разнородных источников устной и письменной традиции порождало противоречия, которые не в состоянии были устранить последующие редакции Библии.

В историографическом отношении Библия в общем уместается в рамках исторической литературы древневосточных рабовладельческих обществ: та же хронологическая система, основанная на генеалогиях и царских списках, та же религиозная концепция хода истории, те же задачи политического и морально-религиозного воспитания масс «в страхе божьем», в послушании жречеству и царской власти, то же отсутствие критического духа и скепсиса в отношении источников.

Однако длительность и непрерывность исторической традиции, возникновение ряда последовательных напластований в библейских рассказах дают гораздо больше материала для заключений об эволюции исторической мысли, чем памятники египетской или ассиро-вавилонской исторической литературы. В книгах Библии отразилась партийная и классовая борьба в древнееврейском обществе: оппозиция жречества царской власти; пророческая оппозиция жрецам и отчасти всему господствующему классу и осуждение последнего за угнетение бедноты и «неправедный» образ жизни; присущая некоторым пророкам тенденция возлагать вину за все политические неудачи и катастрофы на царей, и т. п.

Удельный вес народных преданий в библейских исторических книгах также значительно больший, чем в литературе других восточных народов, что объясняется сравнительно поздним переходом древних евреев от патриархально-родовых отношений к государственному быту.

Наконец, в некоторых книгах Библии (например, в III книге царств, восходящей к X—IX вв. до н. э. и являющейся пророческой обработкой официальных анналов) обнаруживается уже вполне реалистический подход к событиям прошлого. Здесь нет механического вмешательства бога во все события, нет никаких чудес, историческое повествование включает портреты действующих лиц, изложение местами развивается в виде цепи причин и следствий.⁹

⁹ Gerhard von Rad. Der Anfang der Geschichtsschreibung im Alten Israel. AKG, Bd. XXXII, 1944; H. E. Barnes. History. Encyklopedea Americana, v. XIV, 1957. О Ветхом завете в целом см.: H. Gunkel. Geschichtsschreibung im Alten Testament. Kultur der Gegenwart. Die israelitische Lite-

Тем не менее не эти особенности исторических произведений Ветхого завета оказали влияние на раннехристианскую и средневековую историографию, а пронизывающая Библию богословская историческая концепция, согласно которой единственным фактором и движущей силой истории является древнееврейский бог Яхве (Иегова). Этот первоначально племенной бог, ничем существенно не отличавшийся от богов соседних народов, с течением времени, в представлении авторов пророческих произведений, становится мировым богом, управляющим судьбами не только «избранного народа сынов Израилевых», но и всех других народов. Согласно этому представлению, все в истории совершается путем прямого действия Яхве: по его воле, по намеченному им плану создаются и рушатся царства, процветают и падают народы. На примере Израиля, его политических превратностей Яхве наглядно учит все народы своему религиозно-правственному закону.

Эти мысли получили законченное выражение в «пророчествах» книги Даниила о четырех сменявших друг друга насильственных и угнетательских царствах, за которыми вскоре последует пятое, «вечное» божье царство. Автор книги Даниила, писавший во время успешной борьбы евреев против монархии Селевкидов, считал четвертым царством именно это эллинистическое государство, но его схема в несколько измененном виде оказалась пригодной и для позднейших историко-философских спекуляций.

Хотя, как доказано современной критикой, теория четырех монархий возникла в Персии незадолго до написания книги Даниила (в первой половине II в. до н. э.), но именно в формулировке этого библейского автора и через посредство его комментатора — св. Иеронима (IV в. н. э.), периодизация истории по четырем монархиям стала, по выражению немецкого историка Трибера, «краеугольным камнем исторического мировоззрения на протяжении всего средневековья».¹⁰ Она тесно связана с представлением о прямолинейном прогрессивном движении человечества, заложенном в дуалистической схеме парсизма (конечная победа бога света Ормузда над богом тьмы Ариманом). Согласно апокалипсическому видению Даниила, гибель четвертой монархии

ratur, Bd. I, Abt. 7, 1906; C. A. Simpson. The early traditions of Israel. A critical analysis of the pre-deuteronomic narrative of the Hexateuch. Oxford, 1948; Otto Eissfeldt. Geschichtsschreibung im Alten Testament. Berlin, 1948 (критический обзор новейшей литературы). На русском языке критика Библии дана в научно-популярном очерке И. Крывелова «Книга о Библии» (М., 1958). Историографическим проблемам здесь, естественно, уделено очень мало внимания.

¹⁰ C. Trieber. Die Idee der vier Weltreiche. Hermes, Bd. 27, 1892, S. 321 ff.; J. W. Swain. The theory of the four monarchies — opposition history under the Roman Empire. Classical Philology, v. XXXV, № 1, 1940; E. Bernheim. Ueber die chronologische Einteilung des historischen Stoffes. Dt. Zs. f. Geschichtswissenschaft, Bd. I, 1889.

последует за появлением мессии («помазанника божия»), а установлению вечного божьего царства («пятой монархии») будет предшествовать воскресение мертвых. Оба эти события будут знаменовать конец всей человеческой истории.

Дальнейшее развитие этой концепции в еще более мистическом духе дано в самой ранней из книг Нового завета — в «Откровении Иоанна Богослова», или «Апокалипсисе», составленном в 67—68 гг. н. э.,¹¹ а затем в произведениях «отцов церкви» II—V вв. н. э., которые провозгласили четвертым и последним царством, непосредственно предшествующим светопреставлению, Римскую империю.

Идея прогрессивного и прямолинейного исторического развития, завершающегося победой царства справедливости над злом и насилием, еще долго выражала в этой мистико-религиозной оболочке смутные надежды обездоленных классов на лучшую жизнь на земле. Вытесняя господствовавшую в последние века Римской империи пессимистическую греко-римскую теорию циклизма,¹² эта идея имела в свое время прогрессивное значение, и даже спустя тысячу лет она воодушевляла революционно-еретические массовые движения в Западной Европе.

Однако при определении историографической ценности Библии в целом необходимо исходить не из исторических достоинств некоторых ее книг, но из ее общей теократической, богословской установки. «Авторов почти всех ее частей интересовала в сущности не живая историческая действительность, а отношение израильского и иудейского общества к богу, к выполнению законов бога».¹³

2. ГРЕКО-РИМСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

1) Средневековые историки восприняли не только богословскую историческую концепцию Библии, но и, правда, в ослабленном виде, элементы рационалистической критики, и риторическую литературную форму, всецело господствовавшую в поздней

¹¹ Эту датировку принимает и Ф. Энгельс; см.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 475.

¹² Наряду с реакционной циклической теорией в греко-римской философско-исторической и художественной литературе высказывались и передовые идеи прогрессивного движения мира, природы и человечества ко все большему совершенствованию. Но мы находим их главным образом у представителей материалистической философии — Демокрита, Эпикура, Лукреция; в историографии эти взгляды не получили отражения.

¹³ В. В. Струве. История древнего мира. Древний Восток. М., 1937, стр. 21. Об историографическом значении Библии, помимо ранее указанной литературы, см. также: В. В. Струве. История Древнего Востока. М., 1948; Curt Wachsmuth. Einleitung in das Studium der alten Geschichte, T. III. Leipzig, 1895; E. Reuss. Geschichte der heiligen Schriften des Alten Testament. Braunschweig, 1881; Pauly-Wissowa. Realencyklopedie der Klassischen Altertumswissensch. Neue Bearb., II Reihe, 9 Halbband. Stuttgart, 1934, SS. 856—1010.

греко-римской историографии. Еще более значительным было влияние последней на буржуазную историческую литературу, особенно на первых этапах ее развития, в XV—XVII вв.

Первооснову греко-римской историографии, как и восточной, составляли мифы, героический эпос, генеалогии предков, списки царей и выборных магистратов-эпонимов.

Зарождение исторической мысли и литературы у греков связано с революциями VII—VI вв. до н. э., когда было сломлено господство родовой аристократии, после чего в ряде греческих полисов начинает развиваться строй рабовладельческой демократии. Родиной греческой историографии, как и вообще науки, были ионийские полисы (города-государства) Малой Азии, откуда вышли первые историки (ιστορικοί, ιστοριογράφοι): Гекатей и Дионисий из Милета, Харон из Лампсака и др., за которыми утвердилось в науке название «логографы».

Логографы писали в условиях, резко отличных от тех, в которых жили безымянные историки деспотических государств Востока. Организация греческого полиса открывала личности, принадлежащей к числу свободных полноправных граждан, простор для политической и культурной активности, чуждой и ненавистной восточной деспотии. Развитию свободной личности и ее научно-литературного творчества благоприятствовало также отсутствие в греческих полисах особого жреческого сословия. Таковы предпосылки зарождения ионийской философии, которая отвергла светские и религиозные авторитеты и объявила человеческий разум главным критерием познания окружающего мира. Логограф Гекатей Милетский под влиянием этой философии впервые применил при обработке мифологических сюжетов некоторые приемы рационалистической критики, хотя еще в детски наивной форме.

Логографы первыми ввели в историческую литературу географические и этнографические экскурсы, к чему их побуждал вызванный социально-политическими переменами и развитием торговых связей интерес к чужим землям и быту других народов. Соединение исторического рассказа с географо-этнографическими описаниями стало с этого момента характерной чертой греко-римской исторической литературы, усвоенной затем и средневековыми историками.

Следует отметить также разработку логографами, в частности Геллаником из Митилены (495—ок. 411 г. до н. э.), метода хронологической фиксации события с помощью генеалогии и синхронизмов (приблизительной датировки факта путем указания его отношения во времени к другому, более известному факту).¹⁴

¹⁴ Помимо названных в прим. 16 и 20 общих трудов Бузескула, Лурье и др., см. специальную работу: L. Pearson. Early Jonian historians. Oxford, 1939 (с обширной библиографией), а также: Felix Jacoby. Ab-

Логографам многим обязан крупнейший греческий историк Геродот (ок. 484—425 г. до н. э.), который в труде о греко-персидских войнах развил только намеченные у них принципы исторического исследования. Историческую критику он применяет более систематически и не так наивно, как логографы, но рационализм и скептицизм сочетаются у него с легковерием и различными суевериями. Предзнаменования, сны, чудесное и сверхъестественное играют немалую роль в его рассказе. Ограниченный характер исторической критики у Геродота лучше всего определяется его собственными словами: «Я обязан передавать все, что говорят, но верить всему не обязан». Таким образом, читателю самому предоставляется отделять достоверное от недостоверного — прием, получивший широкое распространение в последующей античной, а затем в средневековой исторической литературе.

Геродот значительно расширил круг источников истории: он опирается не только на устную традицию, но и на разнообразные памятники — надписи, картины, монументы, произведения логографов и особенно на личные наблюдения во время своих многочисленных путешествий.

«История» Геродота является подлинной энциклопедией исторических и географических знаний своей эпохи. Новым в ней является попытка установить причинную связь событий, хотя еще далеко не свободную от архаических идей судьбы, рока, случая (воплощаемых в образах богинь Немезиды, Тихи, Мойры, Аты). Это главным образом относится к вопросу о причинах греко-персидских войн, их смысла и исторического значения. Геродот показывает неизбежность борьбы, вытекающую из противоположности политических систем — восточной деспотии у персов и полисной демократии у греков, он отмечает также стремление персидских царей к всемирному господству, которому противостоит стремление греков сохранить свою свободу, наконец, ему не чуждо понимание и роли экономического соперничества греков с подданными персидского царя, и значения природных богатств Египта или Ливии для греческой торговли. Но самым большим его достижением является создание — в отличие от сухого рассказа логографов — художественного исторического повествования, ставшего классическим образцом для многих позднейших историков и предопределившего одно из требований античной реторической историографии — занимательность.¹⁵

handlungen zur griechischen Geschichtsschreiber, hrsg. von H. Bloch. Leiden, 1957, S. 79 ff.; François Chatelet. La naissance de l'histoire. Paris, 1962, pp. 9—51; O. Seeck. Die Entwicklung der antiken Geschichtsschreibung. Berlin, 1898.

¹⁵ «История» Геродота переведена на русский яз. Ф. Мищенко (тт. 1—2, М., 1886). О творчестве Геродота см.: С. Лурье. Геродот. Л., 1947; А. И. Доватур. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957;

В научном отношении Геродот превзошел Фукидид (ок. 460—395 г. до н. э.). В своей «Истории Пелопоннесской войны» Фукидид поднял историческую критику на высоту, которая оказалась недостижимой для длинного ряда поколений историков.

Историческое дарование Фукидида развилось в атмосфере софистического просвещения. Софисты — философы V в. до н. э. — интересовались главным образом проблемами общественных наук. Некоторые из них выдвигали рационалистические взгляды на общество и государство, являвшиеся смелым вызовом традиционным воззрениям (например, цитируемый Платоном в «Государстве» софист Ликофрон). Софисты Антифонт и Фразимах считали законы орудием власти имущих для угнетения слабых; софист Калликл сделал отсюда вывод, что сила и есть право. Наиболее радикальные из софистов выступали, по данным Аристотеля, против рабства, утверждая, что все люди рождаются свободными и что не существует различия между варварами и греками. Аристотель вкладывает в уста софиста Алкидама следующие слова: «Боги создали всех свободными, природа никого не создала рабом». Многие софисты, в том числе наиболее знаменитые — Протагор, Продик и др., как просветители отрицательно относились к религии. В связи с этим находится и отрицание божественного провидения, вмешательства сверхъестественных сил в жизнь природы и человека.¹⁶ Фукидид, будучи учеником софистов, в частности, наиболее радикального среди них — Антифонта, относился с презрением к любым проявлениям суеверия, отвергал участие богов в судьбах народов и отдельных лиц, называл мифы о богах пустыми «баснями» или «поэтическим вымыслом», а попытки рационализации мифов считал лишенными смысла. В своем труде Фукидид резко критикует легковерие предыдущих историков, прежде всего Геродота. Используемые факты он подвергает самой придирчивой критике и указывает, что писал «Историю Пелопоннесской войны» как очевидец, либо, если и по чужим данным, то лишь «после точных, насколько возможно, исследований относительно каждого факта, в отдельности взятого». Останавливаясь на древнейшем периоде истории Греции, Фукидид впервые применил метод «обратных заключений», т. е. заключений «от известного к неизвестному», а также некоторые приемы сравни-

John M. Gress. Herodotus father of history. Oxford, 1953; F. Chatelet. La naissance de l'histoire, pp. 55—95 (библиография по 1962 г.). На Геродота, особенно после резкой критики его труда Плутархом, все писатели древности смотрели как на сочинителя басен и неблиц; ср. в гл. восьмой, стр. 373 спор о достоверности Геродота в XVI в.; R. C. S. Crahan. La litterature oraculaire chez Herodote. Paris, 1956.

¹⁶ См.: Аристотель. 1) Реторика, I, XIII; 2) Политика, I, С. Общая характеристика софистов: С. Я. Лурье. Очерки по истории античной науки. М.—Л., 1947; E. Dupréel. Les sophistes. Protagoras, Gorgias, Prodicos, Hippias. Neufchatel, 1948; M. Untersteiner. Sophisti. Testimonianze e frammenti. V. 1—3. Firenze, 1949—1954.

тельно-исторического исследования. Он берет из «Илиады» не какие-либо факты, а только те данные, которые освещают общие условия жизни греков в это далекое время; с той же целью он обращается и к археологическим памятникам. При изложении же недавних или современных ему событий он постоянно прибегает к сопоставлению показаний различных источников. Таким образом, в произведении Фукидида можно обнаружить зачатки новейшего метода исторической критики.¹⁷

Фукидид интересуется не просто установлением фактов и художественным описанием событий, а стремится выяснить мотивы действующих лиц и объяснить весь ход исторического развития. Для него важно не только то, что происходило, но и то, как и почему происходило. Соответственно этому Пелопоннесская война изображается не как серия отдельных сражений, а как борьба двух несовместимых политических систем — демократической (Афины) и аристократической (Спарта). Каждое событие Фукидид рассматривает как результат сознательных человеческих стремлений, желаний, страстей, т. е. сводит его к психологическим мотивам. Убеденный в неизменности человеческой природы, определяющей причинную связь событий, и исходя из мысли, что одинаковые причины ведут к одинаковым следствиям, Фукидид смотрит на историю как на «нетленное сокровище» κτήμα εἰς αἰεῖ) исторического опыта. Из событий прошлого можно, по его мнению, извлечь уроки для будущего, «ибо по свойствам человеческой природы и в будущем когда-нибудь может произойти подобное». Это делает историю в первую очередь наставницей политических деятелей.

Такой практический подход к истории как наставнице в политике, морали, гражданских доблестях носит название прагматизма (πράγμα — дело, действие). Фукидид является зачинателем этого направления, получившего свое название и известное обоснование лишь спустя 250 лет, у Полибия.¹⁸

Преемники Фукидида — Ксенофонт, Феопомп и др. — усвоили у него не столько глубокие для того времени мысли о задачах и методах истории, сколько литературную форму: Фукидид ввел

¹⁷ См.: K. von Fritz. Aristotle's contribution to the practice and theory of historiography. Univ. of California publications in philosophy, v. 28, № 3, p. 117. Некоторые новейшие исследователи (Grundy, Cornford, Chatelet) считают невозможным признать труд Фукидида научным, утверждая, что наукой история становится только со времен Ранке и Гизо (см., например: F. Chatelet. La naissance de l'histoire, pp. 15, 25, 114); другие (Shevill, Shotwell, Cochrane) полагают, что труд Фукидида — высшее достижение исторической мысли, непревзойденное по сей день. Оба взгляда не выдерживают критики.

¹⁸ Впрочем, Полибий понимает прагматизм более узко: «прагматической историей» он называет историю политическую, «государственную», а в более широком, фукидидовском смысле, обозначает ее как «поучающую» или «доказывающую» (ἀποδεικτικὴ ἱστορία); см.: E. Verneim. Lehrbuch der historischen Methode. Leipzig, 1908, SS. 26 ff., 172.

в практику включение в текст исторического повествования речей политических деятелей, составленных самим историком согласно требованиям реторики.¹⁹ С помощью этого литературного приема он достигает двух целей: характеризует говорящего и излагает собственные взгляды. У него приведено 39 речей, занимающих по объему более четвертой части всего труда. Не говоря о значительном расхождении этих речей с действительно произнесенными (что признает и сам Фукидид), этот литературный прием ведет к упрощению исторического процесса и к преувеличению роли отдельной личности в исторических событиях. Римские историки особенно грешили в этом отношении, и их примеру, к великому ущербу для исторического знания, последовали бесчисленные поколения средневековых и даже новых историков.²⁰

Будучи, по общему признанию, величайшим историком древнего мира, Фукидид обнаруживает черты классовой ограниченности, особенно в том отношении, что история сводится для него к войнам, дипломатии и политическим переворотам (хотя он понимал значение финансов и вообще экономики для ведения войны). Эта черта творчества Фукидида вытекает из господствовавшего в греческом рабовладельческом обществе представления, что гражданину свободного государства приличествует только военная служба, участие в суде и совете. Что касается хозяйственных функций и любого производительного труда, без которого

¹⁹ Речи имеются и у Геродота, но это не политические рассуждения, а просто рассказы, вводимые в изложение в качестве экскурсов, отступлений от общего повествования.

²⁰ Фукидид. История Пелопоннесской войны, тт. 1, 2. Перев. Ф. Миценко, перераб. С. Жебелева. М., 1915. Из обширной литературы о Фукидиде назовем только: В. П. Бузескул. Введение в историю Греции. Пгр., 1915; А. и М. Круазе. История греческой литературы. Пгр., 1916, стр. 397—417; Т. Гомперц. Греческие мыслители, т. I. Пгр. 1916, стр. 416—432; Ed. Meyer. Thukydides und die Entstehung der wissenschaftlichen Geschichtsschreibung. Wien u. Leipzig, 1913; G. B. Grundy. Thucydides and the history of his age, v. 1—2. Oxford, 1948 (добросовестная, но скучная работа); C. N. Cochrane. Thucydides and the sciences of history. Oxford, 1929 (интересна попытка приписать идеи Фукидида о доказательстве в истории влиянию Гиппократовской медицинской школы); A. W. Gomme. A historical commentary on Thucydides, v. I. Oxford, 1945; W. Jaeger. Thucydides und das Wesen der altgriechischen Geschichtsschreibung. Hamburg, 1937; Walter F. Otto. Herodot and Thucydides. В кн.: Grosse Geschichtsdenker. Ein Zyklus Tübinger Vorlesungen, hrsg. von R. Stadelmann. Tübingen, 1949; P. Morau. Thucydide et la rhétorique. Les études classiques, XXII, 1954, pp. 3—28; H. Bognet. Thucydides und die griechische Geschichtsschreibung. Hamburg, 1937; J. de Romilly. 1) Thucydide et l'imperialisme athénien. La pensée de l'historien et la genèse de l'oeuvre. Paris, 1947; 2) Histoire et raison chez Thucydides. Paris, 1956; ср.: К. Зельин. Из иностранной литературы о Фукидиде. ВДИ, 1950, № 4. О значении речей в античной историографии см.: Ed. Norden. Die antike Kunstprosa, 1, 1909, SS. 86 f., а также приведенную там библиографию. Прочую новейшую литературу о Фукидиде см. в кн.: Fr. Wagner. Geschichtswissenschaft. München, 1957, S. 412 (приведены главным образом немецкие работы).

жизнь невозможна, то для этого существуют рабы и низшие, бесправные слои народа. Из этой теории, разработанной Платоном в диалоге «О государстве» и Аристотелем в «Политике», вытекает присущее всем античным историкам презрение к экономической стороне общественного и государственного развития. Как известно, до революционного переворота, произведенного в исторической науке в середине XIX в. Марксом и Энгельсом, игнорирование экономической основы социальных и политических отношений было преобладающей чертой как феодальной, так и буржуазной историографии, свидетельствуя о долговечности античной традиции в домарксовской исторической литературе.

Продолжателем Фукидида был Ксенофонт (430—ок. 350). Его главный исторический труд «Гелленика» в 7 книгах дает изложение событий начиная с 411 г., где прервал свой рассказ Фукидид, и до битвы при Мантинее (363). Ненавистник афинской демократии и почитатель аристократической Спарты, Ксенофонт известен более всего умением искажать правду, не дискредитируя себя грубой ложью. Историю он рассматривает главным образом как результат произвольных действий царей или полководцев и вмешательства богов; приметам, снам, гаданиям, жертвоприношениям и прочим суевериям он придает огромное значение. Как историк Ксенофонт несравненно ниже, поверхностнее Фукидида. Он оказал влияние на последующую историографию особенно как военный писатель, автор мемуаров («Анабасис») и своего рода исторического романа («Киропедия»). Его можно считать одним из родоначальников исторического портрета (Агесилая, Кира Младшего), хотя и сильно идеализированного. Политическая реакционность Ксенофонта была, вероятно, одной из причин того, что высшие классы греческого, а затем византийского общества сохранили все его произведения для потомства.²¹

Аристотель (384—322), «самая всеобъемлющая голова» античного мира,²² имеет непосредственное отношение к исторической науке как автор двух тесно между собою связанных работ, одной теоретической («Политика»), другой конкретно-исторической («Афинская полития»). Этим, однако, далеко не исчерпывается его значение для античной и средневековой историографии.

Во-первых, развитое Аристотелем в «Этике» учение о формировании характера человека под некоторым воздействием среды и воспитания, но при определяющем значении наследственности,

²¹ В. П. Бузескул («Введение в историю Греции») переоценивает достоинства Ксенофонта как историка и писателя. Ср.: Schmidt-Stählin. Geschichte der griechischen Litteratur, Bd. I, 2. Hälfte. 1948 (приведена библиография). Сюда надо присоединить: E. Delebecque. Essai sur la vie de Xenophon. Paris, 1957.

²² Ф. Энгельс. 1) Анти-Дюринг (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 19); 2) Развитие социализма от утопии к науке (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 202).

было реализовано в произведениях биографического жанра, возникшего, в сущности, лишь после Аристотеля, а также в литературно-исторических портретах общих трудов по истории.

Во-вторых, с научной деятельностью Аристотеля связано значительное расширение поля исторического исследования за рамки чисто политической истории. По его плану и указаниям его ученики подготовили ряд работ по истории культуры: Теофраст — по истории философии, Менон — по истории медицины, Евдем из Родоса — по истории математики и астрономии, Дикеарх в «Жизни Эллады» дал своего рода историю греческой цивилизации.

В-третьих, под редакцией и при прямом участии Аристотеля было составлено 158 «политий» — описаний государственного строя греческих полисов, из которых до нас дошла только «Афинская полития». В связи с этим следует подчеркнуть, что школа Аристотеля дает нам первый в истории пример коллективной разработки большой группой ученых различных областей знания по определенному плану и под единым руководством — пример, который приобрел значение лишь в отдаленном будущем.²³

В «Политике» изложено учение Аристотеля о государстве, отличающееся историческим подходом к проблеме. Исходным пунктом его рассуждений является признание человека существом, от природы склонным к общественной жизни («человек — политическое животное»), что находит свое выражение сначала в семье, затем в селении, наконец, в государстве. В «Политике» Аристотель как идеолог класса рабовладельцев дал развернутое обоснование необходимости и вечности рабства. Соображения Аристотеля о наилучшей и, следовательно, наиболее прочной государственной организации оказали либо непосредственно, либо через посредство его учеников влияние на Полибия и других древних мыслителей и историков, а отсюда перешли в соответствующем измененном виде в произведения Иоанна Сольсберийского, Фомы Аквинского и других средневековых авторов политических трактатов.

«Афинская полития» является во многих отношениях образцовым историческим произведением. В первой его части, где Аристотель широко применяет фукидидов метод «обратных заключений», дается очерк развития конституции Афин со времени возникновения этого государства, во второй — описание афинского государственного строя во времена Аристотеля. Теоретической предпосылкой его исторической концепции является представление об обществе как организме, подчиненном «естественным» законам роста и увядания. Это, если можно так выразиться, биологическое обоснование теории циклизма, свойственной, как уже

²³ K. von Fritz. Aristotle's contribution..., pp. 119 sq. См. также в гл. шестой, седьмой и девятой данные об «академиях» и «ученых содружествах», возникших в эпоху Возрождения и Реформации по образцу ученого объединения Аристотеля.

выше указывалось, почти всем греческим мыслителям. Настоящее служит Аристотелю для понимания прошлого; знание же прошлого необходимо для понимания настоящего. Его внимание привлекают не войны и дипломатия, а революционные перевороты и связанные с ними изменения в общественных учреждениях.

Наконец, Аристотель оказал сильнейшее влияние на эллинистическую и римскую историографию сформулированной в «Поэтике» теорией драматической композиции. Эта теория была перенесена его учениками и последователями («перипатетиками») в историческую литературу. Сам Аристотель противопоставлял историю поэзии (включая сюда трагедию и драму). История, учил он, изображает вещи такими, какими они были, поэзия — такими, какими они могли быть. Поэзия включает философский элемент и важнее истории, ибо изображаемое ею обладает «универсальным» характером, явления же истории единичны. Впрочем, в «Реторике» он указывает на важность изучения единичных событий прошлого, чтобы воспользоваться и положительным опытом политических деятелей минувших времен, и уроками, которые дают нам их ошибки, поскольку в будущем может повториться тот же «ход вещей». Но историки эпохи эллинизма и Римской империи усвоили у Аристотеля не эти принципы исторического прагматизма, а правила драматического развития действия. Они не последовали за Аристотелем и в его стремлении дать верную действительности, научно точную картину развития рабовладельческого государства и превратили историю в одну из ветвей художественной литературы.

Определяя место Аристотеля в развитии исторической науки, мы должны подчеркнуть, что этот великий мыслитель на пороге эллинистического периода не только подвел итог достижениям греческой мысли в области истории, как и во всех других областях знания, но и наметил для нее новые пути.²⁴

²⁴ Аристотель. 1) Политика. Пер. С. А. Жебелева. СПб., 1914; 2) Афинская политика. Пер. Н. Я. Шубина, СПб., 1891; пер. А. М. Ловягина, СПб., 1895. Об Аристотеле как историке см.: В. П. Бузескул. Введение в историю Греции, стр. 153—320; А. и М. Круазе. История греческой литературы, стр. 454—470; I. T. Shotwell. The history of history, pp. 227 sq. О влиянии Аристотеля на античную историографию см.: M. L. W. Laistner. The greater roman historians. Univ. of California Press, 1947, pp. 13—15; K. von Fritz. Aristotle's contribution... Дэй и Чемберс (James Day and Mortimer Chambers. Aristotle's History of athenian democracy. Berkeley-Los Angeles, 1962) пытаются развенчать Аристотеля как историка. Правильно отмечая, что этот великий ученый опирался больше на литературу IV в. («Аттиды»), чем на документальные материалы, Дэй и Чемберс сильно преувеличивают роль собственных домыслов Аристотеля в его картине развития Афинской конституции и считают саму эту картину искаженной влиянием «биологизма» и «телеологизма» его естественно-научных воззрений. Аристотель, по их мнению, изображал далекое прошлое в духе предвзятой теории: задача «Афинской политики» — подтвердить схему, данную в «Политике» на основе теоретических, абстрактных соображений. Следуя

2) Ко времени Аристотеля достиг наивысшей точки кризис греческого полиса, обусловленный узостью его экономической и социальной базы. Преодоление этого кризиса и укрепление существующей экономической системы при отсутствии революционного выхода было возможно лишь с помощью экспансии — завоевания новых территорий и расширения сферы приложения рабского труда. Эта историческая задача была решена походами Александра Македонского, результатом которых явились так называемые эллинистические монархии, представлявшие новый этап в развитии античного рабовладельческого общества. Созданием более обширного, чем полис, экономического единства эллинистические монархии сделали возможным воспроизведение процесса развития античного мира на более высокой ступени.²⁵ Рабовладельческая демократия греческого полиса и деспотическая власть восточного царя уступили место бюрократической организации эллинистического государства, в котором социально-экономические позиции класса рабовладельцев укрепились благодаря его концентрации в крупных мировых центрах торговли, производства и культуры, благодаря расширению сферы применения рабского труда, наконец, благодаря сильнейшему ограничению восточной крестьянской общины в пользу частных рабовладельческих хозяйств. Эти перемены означали резкое усиление эксплуатации рабов и трудовых масс города и деревни, что обусловило подъем революционных движений. Эллинистические монархии после расцвета в III в. до н. э. обнаружили неспособность обеспечить господствующему классу условия спокойной эксплуатации рабов и уступили место Риму, создавшему более крепкую и устойчивую структуру рабовладельческого общества, разрушенную лишь в результате революционного кризиса и варварских вторжений III—V вв. н. э.²⁶

Эпоха эллинизма, охватывающая время от смерти Александра Македонского в 323 г. до установления единовластия императора

новейшим исследователям (W. Scott, Ferguson, W. Theiler, F. Jacoby), Дэй и Чемберс даже отказывают Аристотелю в звании историка. Однако им не удалось опровергнуть старого взгляда на Аристотеля (W. Oncken, П. Виноградов и мн. др.) как на одного из лучших древних историков. См.: Raymond Weil. Aristote et l'histoire. Paris, 1960, pp. 89 ss., 417—420 (приведена обширная библиография).

²⁵ См.: Ф. Энгельс. Диалектика природы (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 643).

²⁶ Б. А. Ранович. История эллинизма. М., 1949; критику концепции Рановича см. в статьях К. К. Зельина «Некоторые основные проблемы истории эллинизма» и В. Д. Блаватского «Культура эллинизма» (Советская археология, т. XXII, 1955; см. там же отчет о дискуссии по данной проблеме); В. Тарн. Эллинистическая цивилизация. М., 1949; G. Sarton. A history of science. Hellenistic science and culture. Harvard Univ. Press, 1959 (особенно гл. XII, XXIV — историография, XI — философия и религия, VI — география и хронология, дающие полезную сводку фактического материала).

Августа в 31 г. до н. э., ознаменовалась в идеологической области значительными сдвигами в религиозных и философских представлениях, обусловленными разрушением прежней замкнутости полиса и распространением в эллинистическом мире единой культуры и общегреческого языка (койнэ). Для религиозных учений эпохи эллинизма характерны синкретизм — слияние восточных и греческих культов — и тенденция к единобожию; для философии — черты универсализма и космополитизма, свойственные как «модным» течениям стоиков и эпикурейцев, так и старым школам Платона и Аристотеля.

На историографию, помимо отмеченных выше эстетических взглядов перипатетиков, наибольшее влияние оказало этическое учение стоиков. Основатель этой философской школы Зенон (ок. 336—264 г. до н. э.) учил, что сила и слабость, болезнь и здоровье, богатство и бедность — все это безразлично с точки зрения высших, нравственных критериев. Теоретически провозглашая равенство всех людей в едином мировом государстве, но проповедуя равнодушие ко всему материальному, это учение объективно поддерживало социальное и имущественное неравенство, систему рабства и политического гнета. От Стоику ведет происхождение свойственный греко-римским историкам II в. до н. э.—I в. н. э. сильный уклон в сторону морализации.

С общими тенденциями эллинистической эпохи связан предложенный Евгемером (ок. 280 г. до н. э.) метод рационализации мифов, которые, согласно его теории, представляют собою искаженную версию подлинных исторических событий. Евгемеризм был принят не только стоиками, но и раннехристианскими писателями (Лактанцием и др.), которым эта теория давала возможность вести борьбу с язычеством, а также синхронизировать мифологические события истории Греции и Рима с библейскими мифами.²⁷

Самым ярким и конкретным выражением универсализма и космополитизма эллинистической эпохи был необычайный успех «всеобщих» (или «всемирных») историй. Провозвестник этого нового направления в исторической работе Эфор, автор «Всеобщей истории Греции» (340 г. до н. э.), назван Полибием «первым и единственным историком, представившим опыт всеобщей истории».²⁸ Судя по сохранившимся фрагментам, Эфор понимал зависимость истории народа от природных условий; у него встречаются меткие оценки используемых источников. Но по критическому чутью, глубокомыслию, пониманию причинных связей Эфор значительно уступает Фукидиду и Аристотелю. За Эфором после-

²⁷ G. Voas. Essays on primitivism and related ideas. Baltimore, 1948, pp. 34—37; ср.: H. Gelzer. Sextus Iulius Africanus und die Byzantinische Chronographie, Bd. I. Leipzig, 1898, S. 76.

²⁸ Полибий, V, 33. Об Эфоре см.: Ed. Schwartz. Griechische Geschichtsschreiber, SS. 3—27.

довали, если назвать только наиболее известные имена, в III в. до н. э. историк «диодохов» Иероним из Кардии и историк Сицилии и Карфагена Тимей, во II—I вв. до н. э. — Полибий и Посидоний, в I в. до н. э. — Диодор Сицилийский, Тимаген и Николай из Дамаска, секретарь иудейского царя Ирода, автор 144 книг «Всемирной истории», в I в. н. э. — Трог Помпей и во II в. н. э. — Аппиан. Следует, впрочем, отметить, что подлинно всемирной истории древний мир не знал: представление о единстве человеческого рода было чуждо как греческим, так и римским рабовладельцам. Те или иные негреческие или неримские народы получали место во всемирной истории лишь с того момента, когда они приходили в соприкосновение, главным образом военного характера, с греками или римлянами. Идеино-теоретические предпосылки всемирной истории были внесены в античную историографию только христианскими авторами IV—V вв., следуя которым средневековые хронисты развили этот вид исторических произведений.

Наряду с «всемирными» историями в рассматриваемую эпоху культивировались и другие жанры исторического повествования. Это, во-первых, местные истории, или хроники, наиболее известными образцами которых являются так называемые Аттиды, восходящие еще к V в. до н. э. произведения аттической анналистики. В эллинистическую эпоху этот жанр переживает как бы второе рождение, когда Фанодем, Мелантий и другие авторы Аттид с помощью славных исторических воспоминаний о былом величии Афин пытались поднять и укрепить патриотические чувства граждан Аттики. Это, во-вторых, мемуары военных и политических деятелей, например, соратников и друзей Александра Македонского — Птолемея Сотера, Аристубула, Клитарха и др. — легшие в основу позднейших биографий и обширного цикла романов об Александре; Пирра, царя Эпирского; Арата, вождя Ахейского союза, и проч. Это, в-третьих, жизнеописания царей, полководцев, поэтов, ученых, особенно стимулировавшиеся стоической философией, так как они позволяли наставлять людей с помощью примеров «добродетельной жизни». Признаком расцвета историографии служит более всего появление специальных монографий по истории культуры (как, например, «Жизнь Эллады» Дикеарха, в которой намечены этапы развития общества от состояния дикости до цивилизации), по вопросам хронологии (например, «Хронография» Эратосфена, заложившая научные основы сопоставления различных хронологических систем), по вопросам географии и этнографии (знаменитый труд Страбона). Сюда же следует причислить многочисленные историко-библиографические и историко-филологические разыскания александрийских эрудитов.

Многие из исторических произведений, сохранившихся лишь в виде выписок и цитат в работах позднейших античных и ранне-средневековых (главным образом византийских) авторов, свиде-

тельствуют о появлении в эллинистическую эпоху нового типа историка — «кабинетного ученого», с особой любовью занимающегося составлением более или менее обширных компиляций из наличных исторических трудов. Большинство «всемирных» историй носило именно такой характер.

Наиболее оригинальным и выдающимся из историков эпохи эллинизма, авторов «всемирных» историй был Полибий (205—123 гг. до н. э.), автор отнюдь не эрудитского типа, как, например, Тимей, а человек, обладавший большим военным и политическим опытом. Из страха перед назревавшей в греческих полисах революцией бедноты против богатых рабовладельцев, что грозило последним перераспределением их собственности и ликвидацией неравенства среди свободных граждан, Полибий стал апологетом агрессивного Римского государства, прилагавшим все усилия к тому, чтобы доказать грекам бессмысленность сопротивления Риму. Главной темой его «Историй» (из 40 книг которой полностью сохранились первые пять, а также многочисленные фрагменты из других книг) является завоевание Римом «ойкумены», т. е. всего средиземноморского мира, а главной целью — обоснование двух положений: во-первых, что могущество Рима в отличие от прежних мировых держав (Египта, Персии, Македонии) опирается на неисчерпаемые ресурсы и не может быть подорвано; во-вторых, что «победы Рима в борьбе за всемирное господство не случайны, а являются результатом дисциплины, приобретенной в суровой школе трудов и опасностей».²⁹ Четкая классовая позиция Полибия проявляется не только в оценках важнейших событий, но и в самом отборе материала, например, в сознательном отказе от изображения «потрясающих сцен» народных волнений.

Как рационалист Полибий отвергает вмешательство богов в судьбу людей и государств, но он признает «веру в богов полезною как средство для обуздания толпы». Одной из причин римских побед он считает культивируемую правительством «богобязненность римских граждан».³⁰

Более четко, чем его предшественники, Полибий формулировал реакционную пессимистическую теорию циклизма. Развивая учение Аристотеля и стоиков, он указывает, что каждая из трех государственных форм — царская власть, аристократия и демократия — неизбежно вырождается: первая в деспотию, вторая в олигархию, третья в охлократию, причем после завершения полного цикла перерождений исторический процесс начинается с самого начала. «Таков, — говорит Полибий, — круговорот государственного общежития, таков порядок природы, согласно коему формы правления меняются, переходят одна в другую и снова

²⁹ Полибий, I, 63, 9.

³⁰ Там же, VI, 56, 6; 59, 4; ср.: В. Бузескул. Введение в историю Греции, стр. 23.

возвращаются».³¹ Однако римский государственный строй, где Полибий находит сочетание царской власти (консулы), аристократии (сенат) и демократии (народное собрание), отличается, по его мнению, наибольшей прочностью и не подвержен перерождению.

В соответствии с традиционными понятиями античной историографии Полибий отводит решающую роль в исторических событиях характеру и действиям руководящих лиц. Но он не ограничивается анализом отдельных событий, а пытается раскрыть более глубокие причинные связи, определяющие весь исторический процесс в целом. Таким образом, в основе его исторической методологии, как и у Фукидида, лежит прагматизм. Однако там, где он не в силах найти рациональное объяснение, на помощь призывается понятие Тихи — судьбы, рока как силы, произвольно вторгающейся в причинные естественные связи.³²

Полибий использует широкий круг источников, в частности, документальные архивные материалы. И хотя письменные источники он, вместе со всеми античными историками, считает менее ценными, чем свидетельства очевидцев и устную традицию, но это не умаляет достоинств его «Историй» как подлинно научного произведения. Ему чужды риторические приемы, введенные в эллинистическую историографию учениками знаменитого греческого оратора Исократом Феопомпом и Эфором (IV в. до н. э.). Он не выдумывает речей, а точно воспроизводит те, которые он нашел в своих источниках; других авторов, например Тимея, он порицает за «выдумывание речей».

Циклизм был господствующей в античности теорией движения исторического процесса.³³ Исходя из этой теории, Полибий придает изучению истории исключительно большое значение. Именно потому, что история, по его мнению, повторяется, ее опыт

³¹ Полибий, VI, 9, 10.

³² См.: P. Lacroix. L'Histoire dans l'antiquité. Florilège suivi d'une étude. Paris, 1951.

³³ В Греции против пессимистического представления о непрерывном ухудшении жизни человечества (самую раннюю формулировку этой концепции мы находим в «Работах и днях» Гесиода, поэта VIII в. до н. э.) выступали софист Протагор и философ-материалист Демокрит, в Риме — поэт и философ-материалист Лукреций (ум. в 55 г. до н. э.), который в заключении к книге 5 «О природе вещей» (пер. Ф. А. Петровского, М., 1954, стр. 365) пишет:

Судостроение, полей обработка, стены, законы,
Платье, оружие, дороги и прочее в этом же роде. . .
Все это вызвано мыслью пытливого или нуждою
Смертных и мало-помалу идет по пути к совершенству.

Однако, как отметили уже Г. Грееф (Общественный прогресс и регресс, СПб., 1896) и Е. С. Маркарян (Концепция общественного круговорота в философии истории, Вестник истории мировой культуры, 1957, № 2), теория циклизма у древних заключала (в зародышевом состоянии) две ценные идеи: идею естественноисторического процесса развития общества независимо от действий отдельной личности и догадку о единстве исторического процесса у разных народов.

важен для понимания настоящего и предвидения будущего. История — могучая воспитательница людей и народов, она учит искусству политической деятельности. В латинской формулировке «*historia magistra vitae*» взгляд Полибия на историю стал прописной истиной, которая была подвергнута сомнению главным образом лишь с началом кризиса буржуазной исторической мысли.³⁴

Полибий был последним великим греческим историком. Уже в I в. до н. э., а особенно в период империи, греческая историография обнаруживает признаки упадка. «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского — это только обширная компиляция, в которой мы не найдем следов критической мысли, составлявшей ранее славу греческой науки. Современник Диодора Дионисий Галикарнасский, автор «Римских древностей» (7 г. до н. э.), злоупотребляет риторическими приемами и некритически воспринимает любые басни, дающие ему возможность «обосновать» эллинское происхождение римлян и всех вообще племен Италии. «Его труд — печальное свидетельство упадка духовной силы греков... после гибели эллинистических государств» (Эд. Шварц). «Параллельные жизнеописания» Плутарха (ок. 46—126 г. н. э.) — памятник в своем роде замечательный, но относящийся более к области художественной литературы, чем к историографии. Ставя перед собой исключительно морализующие и художественные задачи, Плутарх идеализирует своих героев, часто поступает исторической правдой, широко пользуется непроверенными слухами, сплетнями, анекдотами, не прослеживает развития личности и не ставит ее в ту историческую обстановку, в которой она действовала.

Совершенно исключительное влияние на художественную и историческую литературу Плутарх приобрел с XVI в., после появления блестящего перевода его трудов на французский язык, выполненного гуманистическим ученым Амио (I. Amyot). На основе французского перевода появились затем английский, испанский и прочие переводы Плутарха. Сенатор, видный чиновник империи Дион Кассий (165—235) пытается в «Римской истории» подражать Фукидиду и Полибию, но чисто внешним образом. В его рассказе необычайно большое место занимают чудеса, знамения, вещи сны, вмешательство богов, а напыщенная риторика заменяет критику свидетельств источников. Другой сановник империи — Флавий Арриан, в «Продолжении истории Александра» и других произведениях избрал образцом для подражания Ксенофонта; он

³⁴ Помимо указанных общих работ по греческой историографии, см. о Полибии: W. Siegfried. Studien zur geschichtlichen Auffassung des Polybios. Leipzig, 1928; K. Lorenz. Untersuchungen zum gesch. Werk des Polybios. Stuttgart, 1931; E. Méoni. Polibio. Padova, 1949; Ed. Schwartz. Griechische Geschichtsschreiber; M. Gelzer. Ueber die Arbeitsweise des Polybios. Heidelberg, 1956; E. W. Walbank. A historical commentary on Polybios. Oxford, 1957.

использует хорошие источники, но не обнаруживает и проблесков оригинальной мысли. Над этим уровнем несколько поднимается только «Римская история» Аппиана (II в. н. э.), в которой превосходно показано (как это отметили Маркс и Энгельс) значение борьбы за землю в гражданских войнах республики и реакционно-буржуазная сущность принципата.³⁵

Древнегреческие и эллинистические историки в течение целого тысячелетия были известны Западной Европе в лучшем случае лишь по извлечениям, сделанным латинскими писателями. Поэтому они не оказали непосредственного влияния на развитие средневековой мысли и историографии. Лишь с середины XV в. их труды получают распространение, особенно благодаря переводам на латинский язык, сделанным крупнейшими итальянскими гуманистами, а с XVI в. и благодаря печатным изданиям как в оригиналах, так и в переводах на национальные языки.³⁶

Едва ли не единственным исключением является еврейский историк Иосиф Флавий, почти все произведения которого («Иудейская война» в 7 книгах, «Иудейские древности» в 20 книгах, речь «Против Апиона»), написанные на греческом языке во второй половине I в. н. э., сохранились полностью, а важнейшие со времен Кассиодора (VI в.) переведены на латинский язык и получили на Западе широкое распространение. «Иудейские древности» и отчасти «Иудейская война» использованы многими средневековыми авторами «всемирных хроник» в качестве первоисточников. Начиная со св. Иеронима (IV в.), назвавшего Иосифа

³⁵ Русские переводы трудов Аппиана: «Гражданские войны» (Л., 1935), «Митридатовы войны» и «Сирийские дела» (ВДИ, 1946, № 4), «Римская история» (ВДИ, 1950, № 2). Отзывы Маркса и Энгельса об Аппиане: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 312; т. 30, стр. 125; т. 23, стр. 738 («Капитал», т. 1, гл. 24, прим. 211). См. также: С. А. Жебелев. Введение в «Гражданские войны» Аппиана. Л., 1935, стр. 13; О. Севастьянова. Введение к переводу «Римской истории». ВДИ, 1950, № 2. Отметим явное недоброжелательство к Аппиану со стороны буржуазных историков (например: Ed. Schwartz. Griechische Geschichtsschreiber, S. 155; Arth. Rosenberg. Einleitung und Quellenkunde zur Römischen Geschichte. Berlin, 1921, S. 207); противоположная оценка — у Габба (E. Gabbia. Appiano e la storia delle guerre civili. Firenze, 1956). О других названных выше греческих историках I—III вв. н. э. см.: A. Lesky. Geschichte der griechischen Literatur. Bern, 1958 (приведена библиография).

³⁶ «Историю» Геродота в 1452—1455 гг. перевел Лоренцо Валла. Ему же принадлежит перевод Фукидида (1450—1452 гг.). «Историю» Полибия Леонардо Бруни подробно изложил в 1421 г., а Перотти перевел в 1455 г.; Диодора Сицилийского перевел ок. 1455 г. Поджио Браччиолини, Аппиана — Пьетро Кандидо Дечембрио (ок. 1457 г.), «История» Диона Кассия была переведена на латинский язык в 1526 г.; в переводе «Жизнеописаний» Плутарха (ок. 1450 г.) принял участие целый коллектив гуманистов (Леонардо Бруни, Филельфо, Гварино и др.). В XVI в. греческие историки были изданы с помощью печатного станка уже в переводах на национальные языки — французский, английский, немецкий, итальянский. См.: R. R. Volgar. The classical heritage and its beneficiaries. App. I, II. Cambridge Univ. Press, 1958, pp. 461—494, 508—541.

Флавия «греческим Ливием»,³⁷ и кончая знаменитым филологом XVI—начала XVII в. Скалигером его не переставали восхвалять как «величайшего приверженца истины», превосходящего «всех историков» как греческих, так и римских достоверностью своих данных. Эта репутация Иосифа объясняется тем, что он — единственный из древних нехристианских авторов, упоминающий об основателе христианской религии как об исторической личности. Но с того времени, как наукой было доказано, что упоминание о Христе является позднейшей (вероятно, IV в.) интерполяцией, произведение Иосифа Флавия утратило для богословов и историков свою притягательную силу.³⁸

3) Историография в эллинистическом мире находилась уже в полном расцвете, когда римляне стали делать на этом поприще только первые шаги. С выходом Рима в III в. до н. э. на международную арену возникла прежде всего потребность в ознакомлении народов Средиземноморья с историей возвышения этого ранее малоизвестного государства. Поэтому первые римские историки, так называемые старшие анналисты, писали на греческом языке, предначая свои труды — краткие и сухие погодные записи событий — для образованных кругов эллинистического общества. Наиболее известный из старших анналистов Фабий Пиктор во время второй Пунической войны ездил в Дельфы с дипломатическим поручением от сената, и его анналы, в которых он подчеркивал легендарное родство римлян с греками, несомненно, имели целью привлечь симпатии последних на сторону Рима в самый критический период его борьбы с Карфагеном.

Первое историческое произведение, написанное латинской прозой, — «Начала» («Origines») Марка Порция Катона (293—149), появилась лишь около середины второго века. Характерно, что этот автор при всей своей враждебности ко всему греческому полностью следует эллинистическим образцам. Отсюда он взял интерес к этнографо-географическим описаниям и широкое употребление речей, построенных на правилах греческой ретирики. Значительное место в «Началах» отведено легендам об основании городов-государств древнейшей Италии, что соответствует излюб-

³⁷ Ср.: Cassiodori. Institutio divinarum lectionum, cap. 17: «Ut est Josephus pene secundum Livium in libris antiquitatum Iudaicorum».

³⁸ О широком использовании Иосифа в средние века см.: Manitius, I, 51 и указатели к тт. I—III, под словом «Josephus». В конце XVI в. Боден восхвалял Иосифа как ученого, «доказавшего» подлинно исторический характер всех книг Ветхого завета, «историчность» Христа и позволяющего своими данными опровергнуть «басни Геродота, Диодора и Юстина». См.: Bodini, Methodus ad facilem historiae cognitionem (1607), pp. 101—102; L. Bernstein. Flavius Josephus, his time and his critics. N. Y., 1938 (в гл. XI дана критика новейших трудов об этом историке). Все сочинения Иосифа Флавия переведены на русский язык: «О древности иудейского народа» (СПб., 1898), «Иудейская война» (СПб., 1900), «Иудейские древности», тт. 1, 2 (СПб., 1900).

ленному жанру эллинистической историографии, так называемым *хтiтeс*. В конце II—начале I в. в произведениях младших *анналистов* (Клавдия Квадригария, Валерия Антиата) этот вид историографии вырождается, приобретая черты исторического романа, в котором фантазия преобладает над действительностью. Наряду с этим в связи с обострением в Риме классовой и партийной борьбы возникает политическая публицистика в историографической форме. В этой литературе со времен Гракхов скрещивают перья защитники и противники сенатской аристократии — Кальпурний Пизон, Кай Фанний, Целий Антипатер, Семпроний Азеллион. Сюда же примыкают мемуары или комментарии таких видных политических деятелей, как Эмилиий Скавр, Рутилий Руф, Люций Корнелий Сулла, ставившие своей целью самооправдание или апологию своей деятельности. Из этой обширной литературы потомство сохранило только «Комментарии» Юлия Цезаря, заключающие две отдельные работы: 7 книг «Галльской войны» и 3 книги «Гражданской войны». «Комментарии» отличаются замечательной простотой стиля и кристальной ясностью языка, что сделало их классическим образцом латинской прозы. В первой из названных работ, составленной по дневникам штаба и донесениям своих легатов, Цезарь стремится снять с себя обвинение в неспровоцированной агрессии против союзных Риму племен Галлии; в незаконченных мемуарах о гражданской войне он пытается свалить всю вину за ее возникновение на Помпея. В обоих произведениях Цезарь, естественно, тенденциозно искажает многие факты.

«Галльская война» благодаря наличию интересных географо-этнографических экскурсов была довольно широко использована средневековыми историками.³⁹ Вообще же Цезарь, которого Тацит назвал «величайшим римским историком», стоит в римской литературе особняком и оказал значительное влияние лишь на историографию XVI—XVII вв.

Наибольшее число подражателей в средневековой феодальной историографии нашел Саллюстий.

К. Саллюстий Крисп (86—35 гг. до н. э.), автор «Катилины», «Югурты», «Историй», написанных вскоре после гибели Цезаря, был ярким врагом нобилитета, моральное банкротство которого он показал с большой силой. В обрисовке борьбы между сенатской олигархией и демократической партией он следует как образцу Фукидиду. У того же Фукидида Саллюстий усвоил такой литературный прием, как характеристика политических деятелей с помощью речей, якобы произносимых ими, а также архаизацию языка и стремление к максимальной сжатости фразы. В его твор-

³⁹ М. Покровский. Комментарии Юлия Цезаря. М., 1948; H. Oppermann. Caesar. Der Schriftsteller und sein Werk. Neue Wege zur Antike, Reihe II, H. 2, 1933; Ed. Norden. Die römische Literatur. Leipzig, 1954, SS. 47 ff., 167—168.

честве сильно заметно и влияние риторической морализующей школы эллинистического периода. «Его моралистический тон вызвал симпатию к нему со стороны св. Августина и стал одной из причин его популярности в средние века».⁴⁰

Эпоха империи была в общем неблагоприятна для развития политической историографии. Известно, что уже Август приказывал сжигать негодные ему исторические произведения (Тита Лабиена, Кремуция Корда и др.). Очевидно, в связи с этим находится подъем биографического жанра, провозвестником которого в конце республики был Корнелий Непот (ум. после 32 г. до н. э.), автор весьма популярных в последующее время «Биографий знаменитых мужей» («De viris illustribus»). В I—начале II в. н. э. появилось много других биографических произведений, из которых наибольшую известность приобрели биография Александра Македонского, написанная в духе исторического романа Курцием Руфом, биография Агриколы Тацита и «Жизнеописания цезарей» («De vita Caesarum») Светония Транквила.

Последнее из названных произведений пользовалось в течение ряда столетий большим успехом и явилось предметом подражаний в последние века империи и в раннее средневековье. Светоний имел в своем распоряжении разнообразные и ценные источники — мемуары, сборники писем, опубликованные речи императоров, но он больше опирается на устную традицию, причем особенно интересуют его придворные сплетни, сенсационные анекдоты и тому подобные материалы, нередко весьма сомнительного происхождения, но зато способные заинтересовать и развлечь читателя. С этим Светоний совмещает заботу об установлении точных фактов, предпринимая подчас специальные разыскания в первоисточниках.⁴¹

Что касается «большой историографии», дающей картину Римской истории на всем ее протяжении или за какой-нибудь длительный период, то здесь выделяются два крупных имени: Тита Ливия и Корнелия Тацита.

Тит Ливий (59 г. до н. э.—19 г. н. э.) в 142 книгах, от которых сохранилось только 35, изложил в анналистической форме, со все

⁴⁰ M. L. W. Laistner. The greater roman historians, p. 63 sq. О Саллюстии см.: С. Л. Утченко. Развитие политических воззрений Саллюстия. ВДИ, 1950, № 1; W. Böhrens. Sallust als Historiker, Politiker und Tendenzschriftsteller. Neue Wege zur Antike, Reihe IV, 1926, S. 33 ff.; W. Schür. Sallust als Historiker. Stuttgart, 1934; W. Stadle. Sallusts historische Monographien. Wiesbaden, 1958; V. Paladini. Sallustio. Milano, 1948. Сочинения Саллюстия в русском переводе: А. С. Клеванова (СПб., 1874), В. Е. Рудакова (СПб., 1892—1894), Н. Б. Гольденвейзера (М., 1916), С. П. Гвоздева (Л., 1934). Фрагменты его «Историй» см.: ВДИ, 1950, № 1.

⁴¹ Светоний Транквилл. Жизнь 12 цезарей. Введение М. Петровского. М., 1933; W. Steidle. Sueton und die antike Biographie. München, 1951; ср.: Ю. Кулаковский. Светоний и его биографии цезарей. Киевск. унив. изв., 1881, № 10.

возрастающими по мере приближения к своему времени подробностями историю Римского государства начиная от его основания (ab Urbe condita). Огромные размеры этого труда сделали его малодоступным уже современникам Ливия, и он рано был вытеснен краткими переложениями (эпитомами). Этим объясняется гибель большей части книг Ливия уже в период поздней империи.

Главное внимание Ливий уделяет военно-политическим событиям, а также психологическим портретам руководящих деятелей, которые обычно характеризуются их собственными речами. Количеством и размерами речей Ливий, по-видимому, значительно превзошел Фукидида и Саллюстия. Несмотря на эпический тон повествования, труд Ливия отчетливо выражает его консервативно-аристократическую тенденцию, соответствующую общему направлению политики Августа. Ливий идеализирует патрицианскую республику, прославляет грабительские войны римлян, превозносит государственную мудрость сенатской олигархии, враждебно относится к Гракхам и другим вождям демократического движения, симпатизирует Сулле и проявляет заметное недоброжелательство к первому триумvirату и даже к самому Юлию Цезарю. Во многих частях своего труда Ливий опирается на хорошие источники и не чужд критического духа, но его труд ценен главным образом как монументальное художественное воспроизведение материалов античной исторической традиции. У него немало анахронизмов, хронологической путаницы, фактических ошибок, а история ранних периодов сводится главным образом к легендарным рассказам, заимствованным без критики у младших анналистов. Особенно неприятное впечатление производит его высокомерное отношение ко всем побежденным и эксплуатируемым народам. Так, о греках, культуре которых Ливий столь многим обязан, он пишет: «Это народ, более доблестный на словах, чем на деле», а о сирийских греках: «Это самая презренная раса людей, они рождены для рабства» (слова консула Глабрия, но они выражают и мнение самого автора).⁴²

Ливий, не намного переживший Августа, мог еще питать иллюзии насчет принципата как силы, способной возродить аристократическую республику. У Тацита, пережившего правление Нерона и Домициана, не было таких иллюзий, и он стал страстным

⁴² Сочинения Ливия имеются в русском переводе под ред. Н. Адрианова (тт. 1—6, М., 1900—1902). См. также: P. G. Walsh. Livy, his historical aims and methods. Cambridge, 1961; R. Heinze. Augusteische Kultur. A. 3. Leipzig—Berlin, 1939, S. 91 ff.; A. Klotz. Livius und seine Vorgänger. Neue Wege zur Antike. Berlin, 1941; см. также общие труды Лайстнера, Шотуэлла по историографии и Нордена, Шанца, Пишона по истории римской литературы; последний (R. Pichon. Histoire de la littérature latine, I. 2. Paris, 1903, p. 316) говорит о «возмутительной партийности» Ливия, убежденного в праве Рима и его аристократического правительства руководить всеми народами. «Tu regere imperio populos, Romane, memento» — «помни, римлянин, что тебе надлежит управлять народами», — пишет Ливий.

обличителем императорского режима, при котором римляне, по его словам, сделались рабами.

Тацит, подобно всем римским историкам, был воспитанником риторической школы и стоической философии. Отсюда он усвоил представление об истории как учительнице жизни, воспитывающей на примерах любовь к добродетели и ненависть к пороку. Движущей силой истории, по Тациту, является сознательная деятельность «ведущих» личностей, которым народ противопоставляется как темная, невежественная масса, служащая лишь орудием в руках политических честолюбцев. Поэтому история Рима в I в. н. э., которую он преимущественно занимался, предстает в его трудах в виде ряда психологических портретов императоров и их ближайшего окружения. Все эти личности участвуют в сложных исторических событиях, ход которых определяется не только их неизменными характерами, но и волей богов, предначертанием рока и сцеплением случайностей. Явления природы и чудесные знамения являются для Тацита «вестниками предстоящих бедствий». Комбинации воли людей, богов и рока порождают драматическое развитие исторического действия. Высокая художественность стиля и композиции, мастерская группировка материалов, чему не мешает традиционная анналистическая форма изложения, — все это усиливает впечатление, производимое на читателя зрелищем человеческих страстей, пороков, преступлений и доблести. В общем же представленная Тацитом единая и цельная картина истории ранней империи глубоко пессимистична: для ее автора невозвратный золотой век лежит далеко позади.

Таковы черты главных и наиболее зрелых произведений Тацита — «Историй» (от смерти Нерона до смерти Домициана) и «Анналов» (от смерти Августа до смерти Нерона). В своих ранних произведениях Тацит дал превосходные образцы биографического («Агрикола») и географо-этнографического («Германия») жанров, но здесь еще не так сильно проявилась его яркая индивидуальность как писателя.

«Отцы церкви» замалчивали труды Тацита ввиду его республиканских убеждений и враждебных отзывов о христианстве как «восточном суевии». Тертуллиан называл его «красноречивейшим из лжецов». Впрочем, св. Иероним и Сульпиций Север на него ссылаются, а Орозий широко его использует; тем не менее труды Тацита оставались почти неизвестными до эпохи Возрождения.⁴³

⁴³ Тацит. Сочинения, тт. 1—2. Пер. В. И. Модестова. СПб., 1886—1887. См. также: И. М. Грѣвс. Тацит. М.—Л., 1946; Clarence W. Mendell. Tacitus. The man and his work. Yale Univ. Press, New Haven, 1957 (хорошая сводка результатов работы над Тацитом на протяжении 450 лет); Ronalde Syme. Tacitus, v. 1—II. Oxford, 1958; E. Kornemann. Tacitus. Eine Würdigung im Lichte griech. u. latein. Geschichtsschreibung. Wiesbaden, 1946; B. Walker. The Annals of Tacitus. A study in the writing of history. Man-

Все упомянутые авторы ставят в центре своего изложения историю города Рима, разросшегося до размеров мировой империи. На все события они смотрят глазами римлян, точнее, оценивают их с позиций римской правящей аристократии. Жизнь провинций и даже народа самой Италии их мало или совсем не интересует. Единственным в римской исторической литературе представителем оппозиции Риму, его агрессивной политике, его системе порабощения и угнетения покоренных народов является Помпей Трог, автор всемирной истории («Historiae Philippicae», в 44 книгах, ок. 7 г. н. э.). Последняя дошла до нас только в извлечениях и кратком пересказе Юстина, позволяющем, несмотря на допущенные здесь искажения мыслей Трога и устранение ряда фактических данных, увидеть в его произведении выражение антиримских тенденций эллинистического мира.

В IV в. Трога наряду с Ливием, Саллюстием и Тацитом считали одним из величайших римских историков, а в средние века конспект (Epitome) Трога, составленный Юстином, был одним из наиболее распространенных учебников всеобщей истории; заимствования и ссылки на него особенно часты у авторов V—X вв.⁴⁴

Подводя итог восходящему этапу развития римской историографии, который завершается творчеством ее величайшего представителя — Тацита, мы должны отметить, что как в отношении формы, композиции, приемов исследования, так и понимания всего хода истории римские авторы внесли мало принципиально нового. В начале нашей эры это было отмечено знаменитым греческим географом Страбоном, который писал: «Римские писатели подражают греческим, хотя неудачно: то, что они говорят, заимствовано ими от эллинов, сами же они обнаруживают мало усердия к исследованию».⁴⁵

Как бы в ответ на это замечание римский ритор I в. н. э. Квинтилиан заявляет: «Нельзя уступать историю грекам. Я не полюблю сравнить Саллюстия с Фукидидом, а Геродот не должен быть в претензии, если рядом с ним поставит Ливия».⁴⁶

chester, 1952; Gerold Walser. Rom, das Reich und die fremden Völker in der Geschichtsschreibung der früheren Kaiserzeit. Baden-Baden, 1951 (автор выносит резкий приговор Тациту; ср. рец. — A. Pignaniol, RH, 1953, oct.-déc.).

⁴⁴ Перевод «Эпитомы» Юстина см.: ВДИ, 1954, №№ 2—4; 1955, № 1; о Помпее Троге см.: К. К. Зельин. 1) Основные черты исторической концепции Помпея Трога. ВДИ, 1948, № 8; 2) Помпей Трог и его произведение «Historiae Philippicae». ВДИ, 1954, № 2. О роли конспекта Юстина в средние века см.: Manitius, I, 51, 64, 269, 291, 295, 304, 488—490, 643, 660, 700.

⁴⁵ Strabonis Geographica, Bd. I—III. Recogn. A. Meinecke. Leipzig, 1895—1897, III, 4, 19. Цитата приведена в русском переводе Ф. Г. Мищенко (География Страбона, М., 1879, стр. 165).

⁴⁶ M. Fabii Quintiliani de Institutione Oratoria. Liber decimus, § 101: «At non historia cesserit Graecis, nec opponere Thucydidi Sallustium verear, nec indignetur sibi Herodotus aequari T. Livium». Имеется старый перевод А. Никольского (Двенадцать книг риторических наставлений, СПб., 1834).

Эти слова свидетельствуют больше о патриотизме Квинтилиана, нежели о способности его разбираться в достоинствах исторических произведений, что объясняется, между прочим, и его представлением об истории как «стихотворении в прозе» (*carmen solutum*).⁴⁷ Не совсем справедливы к грекам и образованные римляне времен Цицерона, а позже Сенека, Ювенал и многие другие римские авторы. Критикуя греческих историков, они преувеличивают их недостатки, обвиняют их в лживости и злоупотреблении «поэтическими вольностями».⁴⁸

Между тем такой суровой критики в неменьшей степени заслуживают и римские историки, включая и наиболее выдающихся — Саллюстия, Тита Ливия, Тацита и Светония.

Для них характерно прежде всего то, что они считают для себя необязательным обращаться к первоисточникам, а очень часто берут материал из вторых и третьих рук и притом без всякой критики. К тому же они пренебрегают точным воспроизведением документальных источников, переделывая их в интересах стилистического единства своих произведений, либо, если эти источники изданы, совсем их не приводят. Так, Саллюстий не дает ни одной из речей Цицерона, опубликованных к его времени, а Тацит весьма неточно, с существенными пропусками, цитирует речь императора Клавдия в сенате, в чем его уличает обнаруженный только в XIX в. текст этой речи, вырезанный на бронзовой доске.⁴⁹

Объясняется это тем, что в отличие от Фукидида и Полибия они ставят перед собою не столько научную задачу — установить связь причин и следствий в ходе истории, сколько литературную — передать нарастающий драматизм событий, нарисовать ху-

⁴⁷ M. Fabii Quintiliani de Institutione Oratoria. Liber decimus, § 34: «Historia... proxima poetis et quodam modo carmen solutum est... Scribitur ad narrandum, non ad probandum».

⁴⁸ Цицерон (De Oratore, II, 12, 55—59) вкладывает в уста Антония, представляющего общепринятую точку зрения, похвалы Геродоту и Фукидиду, подчеркивая вместе с тем богатство греческой исторической литературы по сравнению с римской; однако Антоний принижает значение первой: «Я обычно читаю их (греческих историков, — О. В.) книги, — заявляет он, — не ради какой-либо пользы, но чтобы позабавиться на досуге» (*non ego utilitatem aliquam ad dicendum aucupans horum libros... sed delectationis causa, quum est otium, legere soleo*).

Ювенал ничего не усмотрел в греческих трудах по истории, кроме лжи:

... Quidquid Graecia mendax
... Audet in historia...

(Satyr., X, 174—175) —

«... и верят всем басням Греции лживой» (Ювенал. Сатиры. Пер. Г. С. Недовича и Ф. А. Петровского. М.—Л., 1937, стр. 79).

Иосиф Флавий в речи «Против Апиона» пишет, что греческие историки «просто выдают за факты свои собственные вымыслы» и больше всего стремятся не к истине, а к художественности изложения (Contra Apionem, I, 27).

⁴⁹ См., например: K. Wellesley. Can you trust Tacitus? Greece and Rome, Oxford, 1954, v. I, № 1, pp. 13—33.

дожественные портреты исторических деятелей, эмоционально воздействовать на читателя. Наряду с художественными они преследуют и воспитательные, морализующие цели, причем средством для достижения тех и других служат риторические приемы, широко применявшиеся уже в эллинистической историографии.

Историческое произведение, согласно правилам ретирики, формулированным Исократом, а вслед за ним Цицероном, должно иметь вступление (*exordium* — обращенную к читателю просьбу о внимании и благосклонности), повествование (*narratio*) и заключение (*conclusio*); в соответствующих местах должны быть вставлены речи (большей частью вымышленные), похвалы и осуждения, анекдоты, отступления морализующего характера. Цицерон, сверх того, рекомендует историку указывать причины событий, «вытекают ли они из случайности, мудрости или безрассудства» (De Oratore, II, 63). Исход событий, помимо характера действующего лица, определяется фортуной или прямым вмешательством богов.

Обычное построение общих, а иногда и монографических трудов анналистическое. Все это вошло в римскую литературную традицию и было воспринято средневековой историографией.⁵⁰

Построение биографического труда также подчинено определенным правилам. Сначала идут сведения о происхождении и родителях данного лица, затем о его детстве, юности, далее следует его характеристика как политического и военного деятеля, его поведение в частной жизни, полученные им знаки отличия и почести, наконец, его смерть и завещание. По этому плану составлена, в частности, Светониева биография Августа.

Что касается стилистических правил, выдвигаемых в реторике на первое место, то наиболее восхваляется сжатость (*brevitas*), которую считали важнейшим достоинством Саллюстия, а после него Тацита, хотя Квинтилиан находил прелесть и в плеонастическом, словообильном стиле Ливия. Высоко ценились далее серьезность (*gravitas*) и умение выбрать нужное слово или, в случае необходимости, создать новое. В этом отношении образцом служил Саллюстий — изобретатель новых слов (*novator verborum*).⁵¹

Согласно прочно установившейся традиции, историк считал своим долгом предупредить читателя, что он будет говорить одну только правду, ни на йоту не отклоняясь от нее, не умалчивая даже о вещах неприятных и не позволяя себе выражения своих личных

⁵⁰ См.: Donald Lemen Clark. Rhetoric in greco-roman education. Columbia Univ. Press, 1957; Ed. Norden. Die antike Kunstprosa, SS. 81—95; P. G. Walsh. Livy..., pp. 32—34.

⁵¹ См.: Ed. Norden. Die antike Kunstprosa, SS. 97, 201—204; В. Ласгроix. L'histoire dans l'antiquité (во второй части дана характеристика риторических приемов в историографии), а также: S. Dosson. De Institutione oratoria. Notice sur Quintilien, Paris, 1904 (даны пояснительные примечания к тексту десятой книги Квинтилиана).

симпатий или антипатий («без гнева и пристрастия» — «sine ira et studio», по выражению Тацита). Однако от этого идеала римские историки стоят еще дальше, чем их греческие учителя.⁵² Принадлежит к высшему, правящему слою рабовладельческой аристократии, они искажали историю римских завоеваний и взаимоотношений Рима с другими народами, а внутреннюю историю излагали сообразно своим партийно-политическим взглядам и морализующим пропагандистским целям. Таков, например, рассказ Саллюстия о заговоре Катилины, в котором намеренно оставлены в тени Цезарь и Красс; история правления императора Тиберия в очень пристрастном изложении Тацита; идеализация римского народа и очернение всех других народов в повествовании Ливия.⁵³

4) После Тацита и Светония греко-римская историческая литература обнаруживает все признаки быстрого упадка. Греческий писатель II в. Лукиан Самосатский (ок. 125—180), которого Энгельс назвал «Вольтером классической древности»,⁵⁴ в своем произведении «Как следует писать историю» остроумно высмеял современных ему расплодившихся во множестве историков, полагающих, что для написания исторического труда не нужно никаких знаний и никакой подготовки. Все они, указывает Лукиан, рабски подражают Фукидиду, заимствуя у него характеристики деятелей и целые эпизоды, внося от себя только риторическую напыщенность и болтливость и обнаруживая на каждом шагу незнание с фактами, с описываемыми странами, с нравами и

⁵² Ср., например, слова Полибия: «Недостойн звания историка тот, кто ставит что бы то ни было выше правды» — и Саллюстия: «Я расскажу (о заговоре Катилины, — О. В.) по возможности с максимальной правдивостью (quam verissime potero dicam)». Часто цитируемые слова Цицерона (De Oratore, II, 15, 62): «Кому же неизвестно, что первый закон истории — не сместь говорить неправду и не сместь не сказать правду» — вызваны этой выдвигаемой каждым историком претензией быть жрецом истины, претензией, чуждой ретору, для которого на первом месте стоит задача убедить и эмоционально воздействовать на слушателей хотя бы с помощью выдумок или искажения истины. При всем том нам представляется чрезмерно суровым и пристрастным приговор Отто Зеека: «У римлян бесстыдная тенденциозная ложь в историографии приобрела необычайно широкие размеры, так как они сделали все выводы из задач истории в области морали и политики» (O. Seeck. Die Entwicklung der antiken Geschichtsschreibung).

⁵³ К указанной выше литературе об отдельных греческих и римских историках нужно присоединить ряд общих трудов: И. М. Тронский. История античной литературы. Изд. 3. Л., 1957; С. А. Жебелев. Древний Рим, чч. 1—2. Пгр., 1922—1923; А. Бокшанин. Великие историки эпохи империи. Ист. журн., 1940, № 4; И. Нетушил. Введение в римскую историю. Харьков, 1912; Б. Нязе. Очерк римской истории и источниковедения. СПб., 1910; Arth. Rosenberg. Einleitung und Quellenkunde zur römischen Geschichte; M. Schanz. Geschichte der römischen Literatur, Bd. 1, 2. A. München, 1927—1935; M. L. W. Laistner. The greater roman historians. Отрывки из греческих и римских источников в немецких переводах см. в кн.: Fritz Wagner. Geschichtswissenschaft. München, 1951.

⁵⁴ Ф. Энгельс. К истории раннего христианства (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 469).

обычаями народов. Но больше всего в их произведениях лжи и путаницы, порождаемых как отсутствием политического и военного опыта, так и стремлением угодить властям преобладающим. Идеалом историка для Лукиана является автор, обладающий «политическим пониманием и умением выражать свои мысли», независимостью взглядов и суждений, бесстрашием, неподкупностью, беспристрастием и любовью к одной только истине.⁵⁵

Но во II в. и позже, в эпоху углубления экономического, политического и военного кризиса рабовладельческой империи, никакой почвы для появления талантливых исторических произведений не было. Наиболее характерным для глубокого упадка исторической литературы является выход в свет, вероятно, ок. 375 г. и необычный успех сборника биографий императоров II—III вв. «Scriptores Historiae Augustae».

Включенные в сборник произведения составлены в подражание Светонию. До сих пор не удалось установить, принадлежат ли все они тем шести авторам (Элий Спартиан, Аврелий Виктор, Вописк и др.), которым они приписаны анонимным издателем сборника. Оставляя в стороне сложный вопрос об источниковедческой ценности отдельных его частей, отметим только, что здесь наряду с достоверными много недоброкачественных материалов, подложных писем, выдуманных речей, анекдотов, лишенных всякого исторического значения, никогда не выносившихся сенатских решений и т. п. Авторы или издатель преследовали пропагандистские цели, выступая либо, как думают одни, в защиту политической и религиозной программы Юлиана Отступника, либо, как полагают другие, в интересах западной аристократии, враждебно настроенной по отношению к сильной императорской власти.

Любопытно, что в средние века «Historia Augusta» охотно читалась и цитировалась наряду с такими авторами, как Саллюстий и Светоний.⁵⁶ Впрочем, еще большей популярностью в средние

⁵⁵ Lukianos de Samosata Opera, ed. Jacobi, t. II. Teubneri, Leipzig, 1887, S. 20 ff. («Quomodo historia conscribenda sit»); отрывки из этого произведения во французском переводе см.: B. Lacroix. L'Histoire dans l'antiquité; подробное изложение и анализ: M. Croiset. Essai sur la vie et les oeuvres de Lucien. Paris, 1882. Библиография приведена у Бомпера (J. Bompaire. Lucien écrivain. Paris, 1958). Произведения Лукиана имеются в русском переводе (Лукиан. Собрание сочинений, тт. 1, 2, пер. под ред. Б. Л. Богаевского, Л., 1935; Лукиан. Избранное. Пер. и коммент. Н. Махова и Ю. Шульца. М., 1962).

⁵⁶ См.: M. H. Baynes. The Historia Augusta, its date and purpose. Oxford, 1926; E. Hohl. 1) Zur Historia Augusta. Forschungen. Klio, XXVII, 1934; 2) Ueber die Glaubwürdigkeit der Historia Augusta. Berlin, 1953; то же: Zs. d. Dt. Ak. d. Wissensch., 1953, № 2. О знакомстве с «Historia Augusta» в средние века см.: M. Manitius. Handschriften antiker Autoren in mittelalterl. Bibliothekskatalogen. Leipzig, 1935; R. R. Bolgar, The classical heritage..., p. 423. Перевод «Historia Augusta» (С. П. Кондратьева) см. в ВДИ за 1957 г. и сл.; существует также старинный перевод: Шесть писателей «Historia Augusta», чч. I—II, СПб., 1776.

века пользовалась опубликованная в 369 г. компилятивная «Краткая история от основания Рима» Евтропия, основанная на материалах сокращенного переложения Тита Ливия и «Жизнеописаниях императоров» Светония.⁵⁷

Среди унылой пустыни компиляций, фальсификаций и плагиатов, какую представляет историческая литература последних веков падающей империи, одиноко возвышается монументальная и замечательная по богатству содержания «История» Аммиана Марцеллина (ок. 332—390). Романизированный грек из Антиохии, Аммиан приобрел большой военный и жизненный опыт на службе в римской армии и собрал из самых разнообразных источников материал по истории империи от 96 до 378 г. Хронологически он продолжает «Историю» Тацита и сознательно примыкает к этому автору, уступая ему в литературном отношении, в художественности и драматической силе изображения событий и характеров, но превосходя его правдивостью и искренним стремлением к беспристрастию. Однако его труд, написанный с позиции представителя «средних классов» и вскрывающий губительную роль римского нобилитета в судьбах империи IV в., был вскоре почти забыт и до XVI в. не оказывал никакого влияния на средневековую историографию.⁵⁸

В то время, когда Аммиан Марцеллин, следуя древнему, восходящему еще к Геродоту, обычаю, публично читал в Риме главы своего труда, языческая литература уже отступала по всему фронту перед христианской. В области философии и истории решающее влияние в IV—V вв. перешло к церковно-христианским писателям, «отцам церкви» (отсюда наименование древнехристианской литературы — «патристика», или «патрология»). Синтезируя библейскую и греко-римскую философско-историческую мысль, эти писатели создали новую историческую концепцию, новые методы и этические оценки, новые представления о назначении исторических трудов, которые они наполнили и новым содержанием.

⁵⁷ Сохранилось всего пять рукописных экземпляров Евтропия, но из каталогов монастырских библиотек X—XV вв. видно, что в обращении их было в несколько раз больше. См.: M. L. W. Laistner. Some reflections on latin historical writing in the V century. *Classical philology*, v. XXXV, № 3, 1940.

⁵⁸ См.: введение Кулаковского к русскому переводу Марцеллина (А. Марцеллин. История, тт. 1—3. Киев, 1906—1908); Н. Н. Розенталь. Социально-политические воззрения языческой интеллигенции поздней Римской империи. Труды Одесск. ун-ва, вып. 49, 1949, стр. 89—114; то же: ВДИ, 1950, № 3, стр. 141; Н. А. Л. Фишер. The last of latin historians. *Quarterly review*, v. 230, 1918; L. Dautremet. Ammien Marcellin. *L'étude d'hist. littéraire*. Lille, 1899; E. A. Thompson. The Historical Work of Ammianus Marcellinus. Cambridge Univ. Press, 1947; W. Ensslin. Zur Geschichtsschreibung u. Weltanschauung des Am. Marcellinus. *Klio*, Beiheft 16, 1923. О слабом знакомстве с Аммианом в средние века свидетельствуют данные Манициуса (Manitius, I, 251, 657).

Был ли этот «переворот» (или даже «революция» в историографии, как именуют достижения древнехристианских историков многие современные буржуазные ученые) прогрессивным, содействовал ли он успехам исторической мысли и знания или, наоборот, повернул историографию вспять, к временам господства богословско-мифологических представлений, преграждавших путь к критическому рассмотрению и рациональному объяснению фактов истории? Ответ на это даст рассмотрение патристической историографии.

3. ПАТРИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ (IV—V вв.)

1) Основателем патристической историографии считают Евсевия Памфила, епископа Кесарийского (ок. 260—340), хотя главные черты этого нового направления можно обнаружить уже в хрониках его предшественников — Юлия Секста Африкана, Ипполита и других христианских апологетов конца II и III вв. От произведений последних сохранились, однако, лишь скудные отрывки, так как Евсевий сделал их ненужными, используя полностью для своих работ.

Из этих работ наибольшее значение имеют «Хроника» и «Церковная история».⁵⁹ «Хроника» Евсевия состоит из двух частей: «Введения», которое представляет нечто вроде хрестоматии материалов, относящихся к истории различных народов, и «Хронологического канона» (*καὶνὸν Χρονικόν*), т. е. синхронистических таблиц, где кратко изложены важнейшие факты мифологической

⁵⁹ Сочинения Евсевия Памфила. Пер. с греч. при СПб. Духовной Академии. Т. I, Изд. 2, СПб., 1858; т. II, СПб., 1849. Цитаты из «Церковной истории» Евсевия приведены по этому изданию. Полное название «Хроники» — *χρονικαὶ καὶνόμεναι καὶ ἐπιτομὴ παντοδαπῆς ἱστορίας Ἑλλήνων τε καὶ βαρβάρων* т. е. «Каноны хроники и эпитома всеобщей истории греков и варваров», что Иероним перевел очень неточно. Евсевий сам определил содержание «Хроники» следующим образом: «Хронологические таблицы, которым предшествует эпитома всемирной истории, извлеченная из разных источников». Эпитома, дошедшая до нас только в армянском переводе, составляет первую книгу (Введение). Таблицы — вторую. Только Таблицы были переведены св. Иеронимом на латинский язык, да и то с немалыми ошибками и искажениями.

О Евсевии как историке см.: A Dictionary of christian biography and literature, ed. by H. Wace and W. C. Piercy. London, 1911, pp. 318—334; J. T. Shotwell. The history of history, v. I; P. de Labriolle. Histoire de la littérature chrétienne, t. II. Paris, 1947; J. Foakes-Jackson. 1) Eusebius, Bishop of Caesarea as first christian historian. Cambridge, 1933; 2) A History of church history. Cambridge, 1939, pp. 56—70; H. Gelzer. Sextus Julius Africanus, Bd. II. Leipzig, 1898, pp. 23—107; Ed. Schwarz. Griechische Geschichtsschreiber. Leipzig, 1957, SS. 495—598; R. Laqueur. Eusebius als Historiker seiner Zeit. Berlin—Leipzig, 1929; K. Heussi. Zum Geschichtsverständnis des Eusebius von Caesarea. *Wissenschaftliche Zs. der Univ. Jena*, Bd. 7, Gesellsch. u. Sprachwiss. Reihe, H. I, 1957—1958.

и реальной всемирной истории от «сотворения мира» по 324 г., причем разные системы летосчисления (вавилонская, греческая, римская и пр.) сопоставлены с библейской. Опираясь на хронологические изыскания ученых эпохи эллинизма и подвывая критически к генеалогическим данным Ветхого Завета (что объясняется, между прочим, его ненавистью к еврейским богословам), Евсевий устанавливает, например, следующие синхронизмы: время библейского мифического героя Самсона соответствует времени Троянской войны, время пророков Исаии и Осии — первой олимпиаде, проповедь Христа отнесена к 15-му году правления Тиберия и 4-му году 201 олимпиады и т. д.

Наиболее важным для всей последующей историографии является перевод различных хронологических систем на однообразный язык цифр. Следуя Сексту Африкану и, может быть, более древней традиции, Евсевий определяет время, протекшее от «сотворения мира» до мифического рождения Христова, примерно в 5 500 лет и соответственно этому строит свою хронологию.

Хронологическая схема Евсевия утвердилась на Западе благодаря переводу «Хронологического канона» на латинский язык св. Иеронимом, который добавил отсутствовавшие данные римской истории и продолжил таблицы Евсевия до 378 г.

Хотя для составителей христианских хроник центральным событием всемирной истории являлось рождение основателя религии, однако счет от «сотворения мира» оставался единственно принятым до появления в VI в. пасхальных таблиц скифского монаха Дионисия Малого, введших в практику римской церкви, а затем и в историографию, наше современное летосчисление. Впрочем, на протяжении всего средневековья с ним конкурировали и другие хронологические системы.⁶⁰

Важность для христианской историографии III—V вв. хронологических выкладок была обусловлена ожиданием близкого конца света и «второго пришествия»: для обоснования различных намечаемых сроков нужно было установить число лет, прошедших со времени «сотворения мира», и даты важнейших событий, подтверждающих эти подсчеты. Нужно было, далее, ведя полемику с язычниками, доказать, что «священная история» (Библия) обладает наиболее древней традицией и что библейские мифы так же достоверны, как любые хорошо засвидетельствованные исторические события. Нужно было, наконец, подчинить события языческого мира этапам библейской истории. Но чем бы ни вызывался повышенный интерес христианских авторов к занятиям хроно-

⁶⁰ E. Bernheim. Ueber die chronologische Einteilung des historischen Stoffes. Dt. Zs. f. Geschichtswissenschaft, Bd. I, 1889; J. T. Shotwell. The history of history, v. I, ch. XXVII; Max Büdinger. Die Universalhistorie im Mittelalter. Denkschr. d. K. Ak. d. Wissenschaft, Philol.—Hist. Klasse, Bd. 46, Wien, 1900.

логией, существенно то, что явившиеся их итогом таблицы Евсевия—Иеронима дали хронологическую канву для западно-европейской средневековой историографии.⁶¹

Что касается другого крупного труда Евсевия — «Церковной истории», превозносимой буржуазной наукой как великое для своего времени достижение эрудиции и критической мысли, то о характере учености автора и его любви к точной документации свидетельствуют приведенные в названном труде письма, которыми якобы обменялись с помощью мифического «скорохода Анании» столь же мифические «князь Авгар» и Иисус Христос. Эти письма, по утверждению Евсевия, «заимствованы из архивов [г. Эдессы] и буквально переведены с арабского языка»; на архивы Эдессы он ссылается также, говоря о «миссии», посланной в этот город самим Христом.⁶² У Евсевия встречается немало других фальшивок и неверных ссылок (например, на Иосифа Флавия), но его защитники без каких-либо доказательств утверждают, что он «не обманщик, а обманутый», либо что приводимые им документы просто «плохо скопированы с оригиналов», либо, наконец, что он, «копаясь в сотнях документов, неверно оценил один или два из них».⁶³

Наряду с богом главной действующей силой в «Церковной истории» является «ненавистник добра диавол, всегда завидующий благу церкви». Эта дуалистическая нотка, еще более усиленная Августином, уже не перестанет с этого времени звучать в произведениях историков до самого конца средневековья. Светские дела мало интересуют Евсевия, но, будучи придворным льстецом и интриганом, он, помимо яростных выступлений против инакомыслящих, наполняет свой труд безудержными восхвалениями Константина — «покорителя вселенной», «самого миролюбивого, самого кроткого и человеколюбивого, какого никогда не бывало», не останавливаясь перед искажениями исторических фактов и портретов исторических личностей вроде Александра Македонского.

Помимо хронологических таблиц Евсевия—Иеронима, большую роль в формировании средневековой исторической концепции сыграл комментарий Иеронима на пророчества Даниила, о чем

⁶¹ H. Gelzer. Sextus Julius Africanus..., Bd. II, S. 107: «Латинская средневековая хроника целиком базируется на Евсевии—Иерониме».

⁶² На эту фальшивку указал уже Лоренцо Валла в XV в. (см. гл. шестую, стр. 270).

⁶³ Гельцер (H. Gelzer. Sextus Julius Africanus..., Bd. II) поет настоящие дифирамбы Евсевию, его «любви к истине». То же у Шварца (Ed. Schwarz. Griechische Geschichtsschreiber, SS. 539, 550). Фоакс-Джексон (J. Foakes-Jackson. A History of Church history, p. 56) отмечает, однако, «склонность» Евсевия «опускать или извращать неудобные факты», но ограничивает эту оценку лишь теми разделами «Церковной истории», где речь идет о времени, когда жил сам Евсевий. Ср.: A. Dictionary of christian biography and literature, pp. 323—325; R. Milburn. Early christian interpretation of history. London, 1954, ch. IV.

уже упоминалось. Иероним истолковал эти пророчества в том смысле, что последней земной монархией, четвертой по счету, является Римская империя, и это представление, связанное с позднейшей идеей «переноса» (translatio) империи от римлян к германцам, господствовало вплоть до XVI в., а в некоторых учебниках держалось и значительно позже.⁶⁴

К Евсевию—Иерониму примыкает ряд христианских хронистов конца IV—VI вв. — Проспер Аквитанский, Идаций, Кассиодор, Руфин и мн. др. Их «всемирные хроники» представляют, по существу, воспроизведение «Хроники» Евсевия—Иеронима до 378 г., после чего помещается список императоров, консулов и других должностных лиц с указанием важнейших событий, происходивших под данным годом. Из всей этой литературы историографический интерес представляют только два произведения начала V в. — «Хроника от начала мира» Сульпиция Севера и «Семь книг истории против язычников» Павла Орозия. От первого произведения сохранилась целиком одна рукопись, от второго — двести; очевидная непопулярность первого и огромный успех второго (что можно объяснить только различным их характером и установками) бросает свет на условия исторической работы в это время и на судьбы историографии, ставшей сильнейшим орудием воинствующей христианской церкви.

«Хроника» Сульпиция, по оценке специалистов, является «лучшим историческим рассказом V века».⁶⁵ В стилистическом отношении ее автор следует лучшим классическим образцам — Саллюстию, Цезарю, Ливию и Тациту. По содержанию она представляет попытку соединить Библию с языческой историографией, дополнить исторические данные первой материалами второй. Характерно, что Сульпиций опирается главным образом на «исторические» книги Ветхого завета, не подвергая их, подобно другим «отцам церкви», аллегорическому толкованию; материалов Нового Завета он совсем не привлекает. К хронологическим указаниям Библии он относится более критически, чем Евсевий. Характерно также, что библейские книги царств он использует для выражения своих антимонархических взглядов. Он сурово порицает «глупость всех царей (имея в виду римских императоров, — *O. B.*), требовавших себе божеских почестей», и скорбит по поводу того, что «четвертое царство Даниилова пророчества» раздражается междоусобиями нескольких императоров или «тиранов», как он их называет, и фактически стало из-за этого добычей варваров. Недаром Мильтон, защищая установление республиканского строя в Англии в середине XVII в., ссылается на авторитет Сульпиция, враждебного монархии. Библейскими же рассказами Сульпиций

⁶⁴ См. гл. вторую, стр. 80—81.

⁶⁵ M. L. W. Laistner. Some reflections on latin historical writing in the V century.

пользуется и для осуждения церковной иерархии за ее стремление к мирским благам. Духовные лица, указывает он, «домогаются земельных владений, заставляют обрабатывать поля, возлежат на золоте, покупают и продают, заботятся больше всего о барышах». Подобные высказывания настолько противоречили теории и практике церкви, что полное забвение, постигшее хронику Сульпиция, не должно вызывать удивления.⁶⁶

Иную судьбу имело им же написанное, но уже в духе мистической экзальтации той эпохи «Житие св. Мартина», распространенное в тысячах экземпляров и тогда же переведенное на греческий язык. Любопытно, что, прожив еще около четверти века после окончания своей «Хроники», Сульпиций больше к ней не возвратился, оставив ее по существу незаконченной.

Совсем другим духом проникнуто произведение испанского священника Орозия, обязанное своим возникновением «социальному заказу», который автор получил в 413 или 414 г. от своего учителя Аврелия Августина, епископа Гиппонского. Составленная Орозием компиляция из хроник Евсевия, Сульпиция Севера и римских языческих историков — «История против язычников» имела прежде всего целью обличить заблуждения язычников и еретиков, убедить их в необходимости подчиниться католической церкви. Самая же общая задача, которой подчинено все изложение, это наполнить конкретным содержанием богословско-историческую схему Августина, о которой будет сказано ниже. Но Орозий, не имевший для выполнения этой задачи необходимой подготовки и к тому же, работавший в большой спешке, допустил много фактических ошибок и путаницы. Его новейшие критики показали, что он плохо прочел источники, что для обоснования своих тезисов он ссылается на самые нелепые легенды с такой же серьезностью, как на достоверные исторические факты, а там, где не хватает ни тех, ни других, прибегает к собственным домыслам.

Излюбленный прием Орозия — сгущение черных красок при изображении дохристианского времени, чтобы, таким образом, ужасы настоящего побледнели при сравнении с ужасами давно прошедших времен. В истории до появления Христа он не находит ничего, кроме бесчисленных бедствий и военных катастроф. Петрарка едко назвал его «коллекционером всех бед на свете». Современные же ему вторжения варварских народов не кажутся

⁶⁶ Обстоятельный анализ см.: Jacob Bernays. Ueber die Chronik des Sulpitius Severus. Berlin, 1861; а также: M. Büdinger. Die Universalhistorie im Mittelalter, SS. 11—13; M. Gelzer. Latinité de Sulpice Sévère. Paris, 1884. Текст хроники см.: PL. v. 20 и критич. издания: Corpus Scriptorum ecclesiasticorum Latinorum. Wien, 1866 ff. Перевод на французский язык: A. Lavertujon. La Chronique de Sulpice Sévère. Texte critique, traduction et commentaire, tt. 1—2. Paris, 1896—1899; Thompson, p. 134 sq.; P. de Labriolle. Histoire de la littérature chrétienne, t. II, pp. 566 ss.

Орозия большим несчастьем, и он подчеркивает мягкость, проявленную готами в Испании, где эти завоеватели «по указанию бога» обеспечили покой и безопасность. Но даже бедствия, причиненные варварскими вторжениями, служат к счастью, так как они приближают час подчинения всех людей на земле христианской церкви. К тому же варвары склонны к совершенствованию, а если они и совершают злодеяния, то способны в них раскаиваться (VII, 40, 10). Явления природы также свидетельствуют о милости божьей со времени появления христианства. Так, например, вулкан Этна, извержения которого раньше разрушали города и села, теперь только дымится, не причиняя вреда (II, 14, 3). В 125 г. до н. э. было ужасное нашествие саранчи, а вот после «рождества Христова» саранча, хотя и появлялась по-прежнему, но вредила уже меньше («sed tolerabiliter laedunt», V, 11, 6). В общем Орозий в духе поддерживаемого церковью оптимизма старается доказать, что все переживаемые населением империи бедствия — не что иное, как «легкие испытания, ниспосылаемые богом в его всеблагости», и что эпоха, в которую люди ныне живут, является, благодаря победе христианства в Римской империи, самой счастливой эпохой в истории человечества.

Орозий ввел в христианскую историографию мистическую веру в числа. Его «История» делится на 7 книг, так как число 7 священное; царства Даниилова пророчества длились, по его фантастическим расчетам, по 700 лет; беспримерный пожар в Риме, охвативший 14 кварталов (опять-таки 7, помноженное на 2), случился на 700-м году (!) от основания города, и т. д.; одним словом, его хронология всюду подчиняется мистике числа 7 — числа дней творения.⁶⁷

Августин, поручивший Орозию написать своего рода исторический комментарий к своему большому богословско-историческому труду «De civitate dei», остался недоволен тем, как была выполнена его учеником эта задача. Орозий резко враждебен Риму, осуждает все его завоевания, называет его ненасытным, алчным, радуется тому, что Рим теперь сам разграблен и несчастен (V, 18, 29). Позиция Августина в отношении Рима, как будет видно дальше, совсем другая. Орозий до победы христианства не видит среди римлян ни одного деятеля, достойного внимания. Августин подчеркивает и достижения язычников в литературе, искусствах, науке и политике. Орозий строит изложение по схеме четырех монархий; Августин, хотя не осуждает эту схему, но игнорирует ее. Как доказал Т. Е. Моммсен, Орозий исходит больше из исторической концепции Евсевия—Иеронима, чем Августина. Поэтому Августин в последних книгах «De civitate dei», написанных после ознакомления с произведением Орозия, даже не упоминает по-

⁶⁷ Orosius. *Historiarum adversus paganos libri septem* VII, 2, 1—2; «Septenarius ille numerus, quo indicantur omnia...».

следнего, не отсылает читателя к его «Истории против язычников», а в своих «Поправках» («Retractationes») пренебрежительно называет Орозия «неким испанским священником».⁶⁸

Современники и писатели следующих поколений не заметили разрыва Августина с его учеником, и труд Орозия получил широчайшее распространение как якобы одобренный наиболее авторитетным из «отцов церкви». Он цитировался бесчисленное число раз историками VI—XVI вв.; для Иордана, Исидора Севильского, Григория Турского, Беда он являлся важнейшим первоисточником; Орозий продолжал пользоваться успехом даже в эпоху Ренессанса и Реформации.⁶⁹

2) Аврелий Августин, епископ Иппонский, прозванный «учителем Запада», писал «О граде божьем» («De civitate dei») с 413 по 426 г. Этот обширный по античным масштабам и сложный по содержанию труд наложил печать на историко-философскую мысль средневековья и наиболее реакционные ее направления в новое и новейшее время. В XII в. идеями Августина вдохновлялся Оттон Фрейзингенский, в XVII — Боссюэ, в XIX — Ранке, в XX — католические теоретики истории, особенно активизировавшиеся в 30—50-х годах нашего столетия в США.⁷⁰

Августин принялся за этот труд с целью дать отпор язычникам, приписывавшим катастрофу 410 г. (взятие и разграбление Рима готами Алариха) введению в Римской империи христианства и прекращению языческого культа. Многих христианских авторов, современников Августина, это событие привело в отчаяние. Так, Иероним писал в 410 г.: «Кто поверил бы, что Рим, завоеватель всего мира, пал, что мать народов стала, таким образом, их могилкой!».⁷¹ Среди христиан в связи с этим усилились ожидания близкого конца света. Августин выступил как против обвинений христиан язычниками, так и против христианских эсхатологических спекуляций. В 22 книгах «De civitate dei» он дал законченную систему христианского богословско-исторического мировоззрения.

⁶⁸ Theodor E. Mommsen. *Medieval and Renaissance studies*. Cornell Univ. Press, N. Y., 1959, pp. 325—348.

⁶⁹ Помимо цитируемых выше работ Бидингера, Лайстнера, Лабриоллы и Гильдея, см.: G. Boissier. *La fin du paganisme*, t. II. Paris, 1898, pp. 314 s., 397—409; представление о популярности Орозия в средние века дают индексы к томам Манициуса; особенно см.: Manitius, I, 752. «Репутация Орозия пережила даже Возрождение, о чем свидетельствуют 26 изданий его книги в XVI веке», — пишет Буассье (стр. 399). Небезынтересно отметить, что «История» Орозия была переведена на арабский язык. См.: Della Vida, G. Levi. *La traduzione araba delle Storie di Orosio*, v. 19. Al-Andalus, 1954, p. 257 ss. Одна из древнейших рукописных копий Орозия — VIII в. — принадлежит ЛГПБ. Ее описал А. Г. Бекштрем в статье «Орозий и его петербургские списки» (ЖМНП, 1900, №№ 8—11).

⁷⁰ См. нашу работу «Реакционные тенденции в современной американской средневековедении» (в сб.: *Средние века*, вып. 18, 1960).

⁷¹ См.: Theodor E. Mommsen. *St Augustine and the christian idea of progress*. В сб.: *Medieval and Renaissance studies*.

В первых 10 книгах Августин подвергает критике языческую теологию и религиозно-этические учения античных философских школ. Здесь же, с помощью широко привлекаемых данных истории, он старается доказать, что судьбы государств и народов, их возникновение, возвышение, упадок и гибель определяются не языческими богами — бессильными демонами или пустыми порождениями поэтической фантазии, а всемогущим богом христиан, который изначально предопределил прошлое, настоящее и будущее человечества до «конца времен» и притом во всех, даже мельчайших подробностях. К историко-богословскому обоснованию провиденциализма Августин неоднократно возвращается и в последующих 12 книгах.

Но в основном эти 12 книг посвящены христианской догматике. В них излагается система христианского богословия главным образом при помощи аллегорического или символического толкования Священного писания. Этот метод позволяет Августину рассматривать «факты» библейской мифологии как предвосхищение и прообраз (praefiguratio) христианской церкви и всей ее истории. Наряду с разъяснением догматов и в тесной связи с христианской эсхатологией здесь развивается учение о «двух градах», или «царствах», — «мистическом» граде божьем, небесном, вечном и граде дьявола, земном, преходящем. Это дуалистическое учение составляет основной стержень всего произведения Августина.

Град божий (civitas dei) — это «странствующее» по земле общество праведных, состоявшее до пришествия Христа из верных богу ангелов, патриархов, пророков и прочих библейских положительных персонажей, а позже включившее и всех христиан. Град божий не существует физически; в отличие от земного града — это понятие метафизическое, т. е. нематериальное и потому вечное, опять-таки в отличие от материального земного и потому временного, преходящего града. Важнейшими чертами божьего града являются смирение и послушание, а его наивысшим выражением на земле — «воинствующая церковь».

Общество праведников, или град божий, «сплетается и смешивается» в земной жизни с градом земным (civitas terrena), т. е. с государством, включающим отпавших от бога ангелов, язычников, еретиков, неверующих и т. п. Земной град, впервые в истории основанный братоубийцем Каином, является для Августина «великой разбойничьей организацией», созданной насилием и ради насилия. Ассирийский царь Нин был первым, кто приступил к покорению соседних земель и народов, дабы удовлетворить свою гордыню и жажду богатств (IV, 6). Мысль о разбойничьей сущности (grande latrocinium) земного града Августин поясняет анекдотом о разговоре Александра Македонского с пленным пиратом. «Как ты смел разбойничать на море?» — спросил царь. «Я следовал твоему примеру, — гордо ответил пират. — Но я граблю, пользуясь малым кораблем, и потому зовусь пиратом,

ты же делаешь то же самое большим флотом и потому зовешься императором» (IV, 4). С этой точки зрения все римские завоевания также являются разбоем, с которого и начал основатель Рима Ромул, такой же братоубийца, как Каин (XV, 4).

В полном противоречии с этим находятся высказывания Августина о положительной роли «земного государства» в той мере, в какой оно осуществляет «правосудие» и поддерживает общественное спокойствие, необходимое и для небесного града в период его «земного странствования», т. е. в той мере, в какой оно защищает богатых от бедных и угнетенных. По своим социальным взглядам консерватор и даже более того — реакционер, Августин в высшей степени враждебно относится к любым формам протеста против существующего строя: к борьбе плебейских масс за гракханские реформы, к союзническим войнам в Римской республике I в. до н. э., к освободительным войнам против римского гнета, к выступлениям бедных против богатых, в особенности же к восстаниям рабов. Для него рабство, как и другие формы гнета, — естественный результат грехопадения первого человека и кара божья за грехи последующих поколений. По его убеждению, все это окончится лишь с концом земного бытия, а до того времени нужно повиноваться господам и властям предрержащим, ибо земные владыки также избраны и назначены самим богом. Если в падении Рима Августин видит кару за угнетение и насилие над покоренными народами и подчеркивает, что в Римском государстве никогда не было полной справедливости (XIX, 21), то, с другой стороны, он восторгается примерами доблести, самопожертвования и патриотизма древних римлян, которые «ставили благо своего отечества выше собственного блага и были обуреваемы лишь одним пороком — честолюбием», преодолевая тем самым все другие пороки — жадность и проч. «Пусть же граждане сего вечного града, — пишет в связи с этим Августин, — пока он еще страждует, усердно и с ясным взглядом глядят на эти примеры и узнают, какую любовь надлежит иметь к небесному отечеству ради вечной жизни, если земному отечеству так много любви отдано его гражданами ради славы перед людьми» (V, 16). Но боясь быть уличенным в противоречии, он готов признать, что «и Римское государство также создано истинным богом, от которого исходит все могущество и провидением которого управляется все на свете» (V, 21). И он не скрывает своей надежды, что могущество Рима может еще возродиться, как это бывало в прежние времена, «ибо кто знает, какова на этот счет воля божья» (IV, 7).

Противоречиво также отношение Августина к различным проявлениям мирской активности человека. С одной стороны, его труд проникнут аскетической тенденцией, отрицанием войны как разбоя, театральных зрелищ как распутства, произведений изобразительного искусства как идолопоклонства и т. п., с другой, —

он восхищается разнообразием человеческих талантов, проявляющихся во всех сферах деятельности. Гений человека при всей его испорченности, как он пишет, — это дар божий. Презирая все «низменное», плотское, земное, восхваляя монашескую жизнь, Августин в то же время восторгается благолепием человеческого тела, красотой природы, животных, растений как творений бога (V, 11—14 и мн. др.). Еще более противоречивы его высказывания по таким сложным проблемам, как свобода человеческой воли и ее отношение к божественному предопределению.

Всем этим объясняется, что в средние века трудом Августина пользовались для защиты самых противоположных позиций; на него ссылались папы и императоры, церковники и еретики, защитники аскетизма и его противники, рационалисты и мистики, Петрарка и Марсилио Фичино, Боссюэ и Мальбранш. Только материалисты не имели никакого повода ссылаться на Августина, яростного врага всех античных материалистических учений и последователи платоновского спиритуализма.

«De civitate dei» — произведение богословское и философско-историческое, причем первое больше, чем второе. Здесь нет и последовательного, систематического изложения фактов истории. Исторические данные привлекаются лишь в качестве примеров, служащих подтверждением религиозно-этических либо философско-исторических положений. Характерно в этой связи, что подлинно исторических книг Ветхого завета Августин почти не привлекает и систематически излагает лишь библейскую мифологию с целью аллегорического ее толкования. Этот прием, дающий возможность в самых тривиальных словах и выражениях Библии, в ее мифологических или исторических данных видеть глубокий скрытый смысл, получил в христианской апологетике самое широкое распространение с легкой руки иудейско-эллинистического философа Филона Александрийского (I в. н. э.) и был от «омцов церкви» воспринят средневековыми историками. Правда, Августин выступал против злоупотребления аллегорическим или символическим истолкованием Библии. «Я не стану осуждать тех, — писал он, — кому удалось извлечь духовное, аллегорическое значение из какого-либо рассказа, имеющегося в Писании, лишь бы только не была извращена историческая истина» (XVII, 3).

Но эта оговорка, эта забота об «исторической истине» имела в виду только интересы борьбы с «еретиками», пользовавшимися аллегориями в своих интересах против ортодоксального христианства. Фактически же произвольные аллегории, символика и мистика чисел часто встречаются и в его произведениях и главным образом через него получили право гражданства в средневековой литературе.

Вместе с тем нельзя отрицать того, что «De civitate dei» является выдающимся памятником исторической мысли, дающим наиболее полный и во многом оригинальный синтез древнееврейских и греко-римских философско-исторических спекуляций.

Церковно-феодалные историки Западной Европы находили здесь теоретические основы для своей работы, каких не могли дать ни произведения других «отцов церкви», ни непосредственно даже книги Священного писания.

К этим «основам» относится прежде всего провиденциализм — взгляд на историю как на раскрытие таинственного божеского плана, ведущего человечество через многочисленные испытания к конечному блаженству. Философия Августина проникнута оптимистической верой в то, что история представляет восходящую линию, движение в сторону улучшения, а не ухудшения, как думали многие мыслители античности. Провиденциализм не совместим с пессимистической античной теорией циклизма. Правда, циклическую теорию защищает и автор одного из библейских произведений, так называемой книги Екклесиаста. Но Августин истолковывает вывод этой книги — «нет ничего нового под солнцем» — в том смысле, что в истории ничего нет нового для божественного провидения, поскольку оно все заранее предусмотрело, а не для человека, для которого план божий является непроницаемой тайной. Что же касается языческой теории циклизма, то Августин излагает ее, ссылаясь на Платона. Поучая своих учеников в Академии, этот философ, по словам Августина, утверждал, что в бесконечном прошлом были и в бесконечном будущем снова появятся тот же Платон, та же Академия, те же Афины. Августин решительно отвергает подобные мысли. «Христос, — пишет он, — умер один раз за наши грехи и, воскресши из мертвых, более не умрет, мы же после нашего воскресения из мертвых навеки пребудем с господом». Таким образом, заключает он, «в круге вращаются одни нечестивые, и не потому, что, как они полагают, их жизнь возвращается, а потому, что их жизнь и лживое учение полны заблуждений» (XII, 14).

При таком подходе Августина не могла полностью удовлетворить периодизация истории по четырем сменяющим друг друга царствам, принятая Евсевием—Иеронимом. Эта схема, по его мнению, не давала ясного ответа на то, в каком направлении движется история. Предложенная самим Августином мистико-богословская периодизация по шести возрастам указывает и направление истории, и характеристику каждого ее этапа. Она построена по принципу тройного параллелизма: шесть дней творения, шесть возрастов человеческой жизни⁷² и шесть «исторических» эпох. Человечество, по Августину, живет «ныне» в шестую эпоху — старости, но как раз к ней относится пришествие Христа, знаменующее «возрождение» к новой жизни, т. е. переход к «седьмому дню вечной субботы» в «божьем царстве». Этой схемой утверж-

⁷² Младенчество, детство, отрочество, юность, зрелый возраст и старость. Самую мысль сопоставления истории общества с развитием отдельного человека Августин взял из языческой античной литературы.

дается, таким образом, христианская эсхатология, видящая цель истории в достижении конца истории.⁷³

Существенно, однако, то, что история, по мысли Августина, это не топтание на месте, не постоянное возвращение и повторение пройденных этапов, а непрерывное изменение, возникновение нового и исчезновение старого. Вместе с тем, вводя в историю бога, т. е. — согласно разделяемому Августином воззрению неоплатоников — понятие вечно неизменной «покоющейся сущности», он столкнулся с проблемой: как может неизменное порождать изменчивость или, пользуясь нашей современной фразеологией, как можно втянуть статику богословия в динамику истории? За попытками Августина решить эту проблему с помощью всяких теологических ухищрений мы не последуем.⁷⁴ Достаточно указать на то, что результатом такого теологического подхода явился отказ от рационального понимания исторических фактов, если такое понимание вступает в противоречие с «божественным откровением». Верить нужно только тому, что сказано в священном писании, заявляет Августин. «Самые разногласия между (языческими, — О. В.) историками дают нам основание и обязывают верить тому их них, кто не противоречит божьей истории...». И далее: «Мы опираемся в истории на нашу веру и на авторитет бога и убеждены, что все, противоречащее этому, безусловно лживо, что бы ни было написано в светских книгах, которые, правдивы ли они или лживы, нисколько не помогают нам жить праведно и счастливо».⁷⁵

Эти слова как бы предвосхитили господствовавшие на протяжении целого тысячелетия после Августина отношение к истории и к исторической истине, критерии ее оценки, подход к источнику исторического знания.

Августин, который дал средневековью законченную систему философско-исторических взглядов, который предугадал истории роль одной из служанок богословия, поставил веру выше разума и авторитет Библии выше исторической истины, был по существу уже сам в известной мере средневековым человеком, хотя и по своему образованию, и хронологически он является представите-

лем поздней античности. Точно так же и главный труд его жизни, по необходимости очень кратко охарактеризованный в настоящей вводной главе, следует считать началом того нового этапа в развитии исторической мысли и знания, который мы называем феодально-церковной историографией средневековья.⁷⁶

⁷⁶ Из обширной немарксистской литературы об Августине, помимо названных в сносках, укажем следующие работы: Е. Трубецкой. Религиозно-общественный идеал западного христианства в V в. Ч. 1. Мирозерцание блаж. Августина. М., 1892; Л. Успенский. Идея прогресса в философии блаж. Августина. М., 1916; Г. Буассье. Падение язычества. М., 1892 (G. Boissier. La fin du paganisme); Г. Эйкен. История и система средневекового мирозерцания. Пер. с нем. СПб., 1907 (главным образом о том, как понимали Августина в средние века). Э. Трельч (E. Troeltsch. Augustin, die christliche Antike und das Mittelalter. Historische Bibliothek, Bd. 36. München-Berlin, 1915) считает, что нельзя видеть в «De civitate dei» христианскую философию истории и освещать Августина, исходя из того, как понимали его в средние века; поэтому все построение Эйкена ложно. Однако для понимания влияния Августина на средневековую историографию необходимо исходить из того, как понимали его именно в средние века, а не в какую-либо другую эпоху. Это не значит, конечно, что для нас приемлемы оценки Эйкена. Новейшая литература: Edg. Salin. Civitas dei. Tübingen, 1926; P. Brezzi. La concezione agostiniana della «Città di Dio» e le sue interpretazioni medioevali. R. st. ital., LV, 1938; G. v. Hertling. 1) Augustinus. Bekentnisse u. Gottenstaat. 1930; 2) Augustin. Mainz, 1911; J. T. Shotwell. The history of history, v. 1, Ch. XXVIII; H. J. Marrou. St Augustin et la fin de la culture antique. Paris, 1938; Ch. Guignebert. St Augustin et la fin du monde antique. RH, 1940, juillet. Для раздела о патристической историографии см.: R. L. P. Milburn. Early christian interpretation of history. London, 1954.

⁷³ Ср.: G. Voas. Essays on primitivisme..., pp. 170—180. Об этих двух системах периодизации см. в гл. второй, стр. 80—81.

⁷⁴ G. J. Seyrich. Die Geschichtsphilosophie Augustins nach seiner Schrift «De civitate dei». Chemnitz, 1891; Otto Herding. Augustin. В кн.: Grosse Geschichtsdenker, hrsg. von Rud. Stadelmann. Tübingen—Stuttgart, 1949; Floyd Seward Lear. The mediaeval attitude toward history. The Rice institute pamphlet, apr. 1932, v. XX, № 2.

⁷⁵ «Nam et ipsa historiarum inter se dissonantia copiam nobis praebet, ut ei potius credere debeamus, qui divinae, quam tenemus, non repugnat historiae... Nos vero in nostrae religionis historia fulti Auctoritate divina, quidquid ei resistit, non dubitamus esse falsissimum, quomodolibet sese habeant cetera in saecularibus litteris, quae seu vera seu falsa sint, nihil momenti adferunt, quo recte beateque vivamus».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ФЕОДАЛЬНО-ЦЕРКОВНАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ

VI-XV вв.

«... в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть, никогда внеклассовой или надклассовой идеологии».

В. И. Ленин. «Что делать?» (Соч., т. 6, стр. 39—40).

«... теоретики феодализма менее абстрактны, чем буржуазные либералы».

Ф. Энгельс. Из письма Ф. Мерингу от 28 сентября 1892 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIX, стр. 140).

Глава вторая

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ФЕОДАЛЬНО-ЦЕРКОВНОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

1. ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИОГРАФИИ БУРЖУАЗНЫМИ МЕДИЕВИСТАМИ

Средневековая историческая литература долгое время изучалась преимущественно как особый вид источников; она интересовала исследователей лишь постольку в ней можно было найти более или менее достоверные фактические сведения. Поэтому изучение исторических произведений средневековья — анналов, хроник, хронографов, историй и т. п. — почти не выходило за рамки внешней и внутренней критики текста; их ценность определялась главным образом тем, в какой мере они восполняют пробелы более надежных документальных источников или позволяют восстановить лежащую в их основе более древнюю традицию.

При таком источниковедческом подходе те части труда средневекового историка, которые имеют компилятивный характер и не содержат ни новых фактических данных, ни не дошедших до нас источников компиляции, оставались без внимания и даже нередко исключались из печатных изданий.

Источниковедческая критика феодальной историографии началась еще в средние века. Основатели гуманистической (буржуазной) историографии — Леонардо Бруни, Флавио Биондо и другие историки XV в., дали уничтожающую оценку средневековым хроникам, написанным, как отмечали гуманисты, на «варварской латыни» и заполненным легендами и «суеверными вымыслами невежественных монахов». Если гуманисты, особенно немецкие, издавали в XVI в. средневековые хроники, то исключительно как источники.

В эпоху Просвещения презрительное отношение к средневековой исторической продукции определялось еще более острой враждою ко всему вообще средневековому, феодальному. Наоборот, медиевисты XIX в. высоко подняли значение средневековых

хроник как ценных источников, но отрицали у их авторов наличие способностей к серьезной работе. «Средние века, — писал Генрих фон Зибель, — не имели представления об исторически обоснованном суждении, не имели понятия об исторической реальности, не имели даже намека на критическое рассмотрение. Принцип авторитета, безусловно господствовавший в области религиозной, отразился не только на догматической, но и на всякой другой традиции. Везде люди были склонны видеть, но не исследовать, фантазия всюду преобладала над рассудком».¹

Примерно такова же по этому вопросу позиция Ранке, Бернгейма, Эйкена и мн. др.²

Рассматриваемая как некое единство, средневековая историческая литература характеризовалась пронизывающей ее религиозно-аскетической концепцией истории, восходящей к Августину. В этом отношении ей противопоставляли, с одной стороны, античную, с другой, — гуманистическую историографию, поскольку и та и другая отличаются светским, рационалистическим и критическим духом. Грубые ошибки и фальсификации, обнаруживаемые при источниковедческом анализе хроник, объясняли либо наивностью и轻信ием монахов (Эллингер), либо недостаточностью их образования (Зибель), либо их полным равнодушием к сообщаемым фактам, что обусловлено аскетическим мировоззрением хронистов (Баур, Кроче, Коллингвуд).³

В новейшей литературе эта позиция подвергалась радикальному пересмотру. Б. Шмейдлер, И. Шперль, П. Кири, Г. Грундманн, Г. А. Беццола, Г. Рихтер, Г. Лампрехт, Р. Латуш, Г. Бойманн, А. Д. фон ден Бринкен и многие другие⁴ показали недоста-

¹ H. von Sybel. Ueber die Gesetze des historischen Wissens. Vorträge und Aufsätze. A. 3. 1885, S. 14 f.

² L. von Ranke. Sämtliche Werke, Bd. 51. Leipzig, 1884, S. 95 f.; E. Bernheim. Lehrbuch der historischen Methode. Leipzig, 1908, S. 213; Г. Эйкен. История и система средневекового мировоззрения. Пер. с нем. СПб., 1907, стр. 590.

³ G. Ellinger. Das Verhältnis der öffentlichen Meinung zu Wahrheit und Lüge im 10, 11 und 12. Jahrhundert. 1884, S. 78 f.; H. von Sybel. Ueber die Gesetze des historischen Wissens.; F. Ch. Baur. Die Epochen der kirchlichen Geschichtsschreibung. Tübingen, 1852, S. 37; B. Croce. Theory and history of historiography, tr. by D. Ainslie. London, 1921, p. 210 ss.; R. G. Collingwood. The idea of history. N. Y., 1956, p. 55.

⁴ Bernhard Schmeidler. 1) Geschichtsschreibung und Kultur im Mittelalter. AKG, Bd. XII, 1917; 2) Italienische Geschichtsschreiber des XII und XIII Jahrh. Leipzig, 1909; 3) Vom patristischen Stil in der Literatur besonders in der Geschichtsschreibung des Mittelalters. В кн.: Gesch. Studien A. Hauck zum 70. Geburtstage. Leipzig, 1916; Johannes Spörl. 1) Das mittelalterliche Geschichtsendenken als Forschungsaufgabe. Hist. Jahrb., Bd. 53, H. 3, 1933; 2) Grundformen Hochmittelalterlicher Geschichtsanschauung, Studien zum Weltbild der Geschichtsschreiber des 12. Jahrhundert. München, 1935; Paul Kirn. Das Bild des Menschen in der Geschichtsschreibung von Polybios bis Ranke. Göttingen, 1955; Gian A. Bezzola. Das Ottonische Kaisertum in der französischen Geschichtsschreibung des 10. und beginnenden 11.

точность и ограниченность источниковедческого подхода. Они считают, что средневековые анналы и хроники следует изучать не только как источники, из которых можно извлечь фактические данные, но и как отражение «умственной атмосферы» эпохи, и как определенный этап в развитии исторической мысли и знания.

Таким образом, в настоящее время выдвинуто требование равноправного с источниковедческим историографического анализа. Такой анализ должен выяснить не только характер исторических представлений в средние века, но и влияние их на действительность, что, по мнению Г. Грундманна, «важно для понимания духовных предпосылок, движущих сил и руководящих идей в средневековой истории и политике».⁵

Далее, в новейших трудах подчеркивается, в противоположность прежним взглядам, отсутствие единства в понимании и применении средневековыми историками патристической (главным образом августиновской) концепции истории, значительные их расхождения в понимании и оценке исторической реальности. Невозможность единой характеристики средневековой историографии обосновывается также тем, что историографическая продукция каждого большого периода средневековья обладает резко отличительными особенностями. Поэтому почти все названные выше ученые ограничиваются монографическим исследованием трудов одного какого-либо века, одной страны и даже одного средневекового историка.

Наконец, в новейших работах уделяется много внимания форме и стилю средневековых исторических произведений, влиянию на них античной литературной традиции и школьных риторических штампов.

Все это, разумеется, является шагом вперед в изучении исторической литературы средневековья. Однако работам буржуазных ученых по данной теме присущ формалистический подход, выражающийся особенно в отсутствии классовой характеристики изучаемых произведений, в невнимании к общественному положению хрониста, к условиям, мотивам и назначению его работы. Так,

Jahrh. Graz, 1956; Herbert Grundmann. Die Grundsätze der m. a. Geschichtsanschauung. AKG, Bd. 24, 1934; Hans Lamprecht. Untersuchungen über einige englische Chronisten des 12. und des beginnenden 13. Jahrh. Torgau, 1937; Heinz Richter. Englische Geschichtsschreiber des 12. Jahrh. Berlin, 1938; Robert Latouche. Un imitateur de Salluste au X siècle, l'historien Richer. Annales de l'Univ. Grenoble, t. 6, 1929, pp. 289—305; Richer, Histoire de France, publ. par R. Latouche, v. I. Paris, 1930, Introduction; H. Beumann. Widukind von Korvei. Weimar, 1950; Anna Dorothee von den Brincken. Studien zur lateinischen Weltchronik bis in das Zeitalter Ottos von Freising. Düsseldorf, 1957.

⁵ H. Grundmann. Die Grundsätze der m. a. Geschichtsanschauung. В советской литературе эта позиция по отношению к средневековым нарративным источникам особенно отчетливо формулирована в трудах Д. С. Лихачева. См., например, его монографию «Русские летописи и их культурно-историческое значение» (М.—Л., 1947).

например, мало или совсем не учитывается то обстоятельство, что хроники писались большею частью по заказу духовного или светского начальства, что они еще в процессе работы и особенно после окончания ее подвергались строжайшей цензуре и даже служили иногда предметом обсуждения на церковных синодах. Вопрос о фальсификации истории, прямых подлогах, грубой лжи, представляющий не только источниковедческий интерес, во многих новейших исследованиях отодвинут на задний план или совсем выпал. Если при источниковедческом анализе раскрытие тех или иных ошибок и искажений является главной задачей, то историк средневековой историографии обязан выяснить объективные и субъективные причины искажений: в одних случаях это сознательный обман, преследующий пропагандистские или иные практические цели; в других — это бессознательное выражение классовых и партийных тенденций при субъективной добросовестности хрониста; в третьих — это прием, применяемый в силу литературной традиции или под воздействием школьной ретирики: в четвертых — это следствие некритичного отношения хрониста к полученной информации, что может быть обусловлено специфическими условиями работы средневекового историка и весьма примитивными приемами исследования. Обычно все эти моменты в различных соотношениях сказывались на характере и содержании исторического произведения, но над всеми доминирует и их окрашивает момент классовый.

При всех особенностях западноевропейской средневековой историографии на различных ее этапах она все же отличается определенным классовым единством, оказавшим решающее влияние на содержание и форму исторических произведений, что позволяет дать им общую характеристику.

2. КЛАССОВЫЕ ЧЕРТЫ ФЕОДАЛЬНО-ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Феодалы были проникнуты убеждением, что существующая общественная структура с ее делением на «благородных» и «подлых», т. е. трудящихся, установлена божественной волей и не может быть изменена. Уже самый влиятельный из «отцов церкви» — св. Августин учил, что человек только в «естественном состоянии», до грехопадения, был свободен. Грехопадение создало новые условия, сделало людей склонными к пороку и к угнетению себе подобных. Так возникли, с одной стороны, необходимость в дисциплине, сдерживающей дурные страсти человека и принуждающей его делать добро, следовательно, необходимость в принудительной силе государства, с другой, — рабство в качестве кары божьей за первородный грех. Почему эта кара падает на людей, которые сами по себе не греховны,

а лишь отвечают за «грехи» первой человеческой пары и людей до потопа, Августин не объясняет. «Состояние рабства, — заявляет он, — сделано по праву (iure) уделом грешника. В Писании мы нигде не встречаем слова раб, пока справедливый Ной не покарал этим званием своего греховного сына (Хама, — *O. B.*)... Но, насколько приличествует рабам смирение, настолько же вредит гордыня господам. Апостол повелевает рабам подчиняться господам своим и служить им усердно, с полной готовностью (*cum bona voluntate*), доколе не прекратится несправедливость и не исчезнет всякая человеческая власть и господство (*omnis principatus et potestas humana*) и все станут подвластны лишь единому богу».⁶

Августин так сильно заботится об интересах господ, что решительно возражает против предписания Ветхого Завета освободить рабов на седьмой год их неволи. «Рабы-христиане, — пишет Августин, — не смеют требовать применения к себе этого правила, ибо Апостол предписывает рабам быть всегда в подчинении у своих господ».⁷

Таковы же установки по данному вопросу и папы Григория Великого (VI в.), и Исидора Севильского (VII в.), и многих других авторитетных авторов раннего средневековья.

Однако в период развитого феодализма в связи с некоторым усложнением социальной и политической структуры и организации наставления отцов церкви оказались уже устаревшими. Не только в городе, но и в деревне число свободных людей сильно выросло; к ним уж нельзя было применять учение церкви о рабах или крепостных. В середине XIII в. Фома Аквинский в ответ на назревшую потребность в идеологическом обосновании господства и привилегированного положения дворянства пишет комментарий к «Политике» Аристотеля и дополнения к нему, где общество рассматривается как состоящее из трех «частей», которые в свою очередь распадаются на несколько групп. Высшую часть (*pars*) общества образует правительство; второй частью являются слои, стоящие между правительством и простым народом, сюда относятся воины, «защитники государства», далее — судьи, советники и все чиновники и, наконец, все вообще богатые люди, «руководители народа». Наиболее многочисленную часть общества образуют «хлебопашцы и наемные работники», которых Фома Аквинский называет «ничтожными», «подлыми» (*viles*), так как они при работе «загрязняют свое тело». Сюда относятся крестьяне, ремесленники — кожевники, ткачи и проч., а также «музы-

⁶ De civitate dei, XIX, 15.

⁷ Augustini Questiones in Heptateuch, II, 77: «Quae de servo Hebraeo praecipuntur, ut sex annos serviat, et dimittatur liber gratis, ne servi Christiani hoc flagitent a dominis suis, apostolica auctoritas iubet servos dominis suis esse subditos...». Цит. по: R. W. and A. J. Carlyle. Il pensiero politico medievale, v. I. A cura di Luigi Firpo. Bari, 1959, p. 139.

канты». В одну из категорий этой низшей группы Фома Аквинский включает менял и мелких торговцев.

Полноправными гражданами государства являются только дворяне, феодалы, т. е. землевладельцы. Их основная черта — «доблесть» (*virtus*). «Дворянство, — пишет Фома Аквинский, — есть добродетель рода, передающаяся от отца к сыну; дворянство — это вместе с тем богатство», но приобретенное не торговлей и т. п. занятиями, а передающееся по наследству от предков. Идеальное государство, утверждает он, состоит из «среднего дворянства», военного или чиновного; к нему примыкает и все духовенство. Но государство ни в коем случае не включает бюргерство.

Вот как объясняется такое решение вопроса о государстве: те, кто ведут жизнь наемных работников, не способны к доблести, не могут быть *virtuosi*. «Их жизнь низкая, не направленная на верный путь и потому несовместимая с доблестью». То же справедливо и по отношению к земледельцам-крестьянам. Они не граждане, «ибо для граждан необходим досуг, свобода от низких занятий, которых требует жизнь». Граждане должны располагать временем для «благородных» (*liberales*) занятий, нужных для воспитания доблести. У крестьян нет такого досуга: они заняты физическим трудом в сельском хозяйстве, следовательно, они «не граждане и не входят в состав государства».

Идеальное государство не может обходиться и без сервов. Они обрабатывают землю и должны быть крепки телом и слабы разумом (*deficientes rationis*), дабы они не были в состоянии злоумышлять против господ. Конечно, для серва печально (*contristabile est*), что он вынужден заботиться не о своих интересах, а об интересах господина. Но это не может быть иначе, ибо существование серважа — следствие божьей кары за грехи.

Что касается восстания против правительства, то оно допустимо в исключительных случаях (тирании государя, его жестокости и несправедливости), но только для «граждан». Фома проводит различие между простым мятежом, или бунтом (*seditione*), ни в коем случае недопустимым, и возмущением (*perturbatio*) дворян против тирана. Но и такое восстание допустимо лишь при условии, что государство от перемены власти не испытает большего вреда, чем от правления тирана.⁸

Таковы в главных чертах взгляды ведущих церковно-феодалных идеологов по социально-политическим вопросам. Эти взгляды по существу представляют несколько модернизированные католицизмом воззрения идеологов рабовладельческого общества, в осо-

⁸ См.: J. J. Baumann. Die Staatslehre des h. Thomas von Aquino. Leipzig, 1873, SS. 146—165, где приведены цит. отрывки из «Второго дополнения» к комментарию Фомы Аквинского на «Политику» Аристотеля. Такие же взгляды развиваются и в главных произведениях Фомы — «Summa theologiae» и «Summa adversus gentiles».

бенности Аристотеля. Но только, согласно Аристотелю, раб является таковым по своей физической и духовной природе и, следовательно, всегда и при любых условиях остается рабом; христианские же богословы объявляют рабов и господ равными перед лицом бога. Излишне говорить, что это различие никакого практического значения не имеет. Равными люди всех общественных групп становятся лишь по окончании их земного существования, на небе. Августин запрещает рабам домогаться освобождения, отклоняясь даже от Священного писания, которое предусматривает — отражая практику патриархального рабовладения — освобождение рабов по истечении шестилетнего срока, а Фома Аквинский поддерживает тезис Аристотеля об исковном различии рабов и господ. Впрочем, даже в учении о равенстве перед богом католическая церковь не пошла дальше стоиков, например, Сенеки, которого Энгельс недаром назвал «дядей христианства».⁹

Появление городских хроник в XIII—XV вв., несомненно, нарушило классовую однородность средневековой историографии, но, как будет показано в дальнейшем, лишь в незначительной степени. Средневековые историки были либо сами духовными или светскими феодалами, либо, в качестве монахов и прочих членов католического духовенства, представляли интересы эксплуататорского класса.¹⁰ Свои труды они предназначали для ограниченного круга образованных людей и слушателей и обычно посвящали их королям, духовным или светским князьям. Деяния королей и знатных особ являются главным, если не единственным, их содержанием. Обычными являются названия «Истории пап, императоров, королей» («*Pontificum regumque gesta*»), а биографии отдельных государей, духовных и светских князей, святых знатного происхождения принадлежат к наиболее распространенному жанру исторической литературы.

Один из крупнейших историков XII в. англичанин Вильям Мэмсберийский прямо заявляет: «Всякий исторический труд есть зеркало государей (*principum*)», причем под «*principes*» чаще всего разумеется вообще феодальная знать.¹¹ Хотя церковно-феодалные писатели подчас говорят о равенстве всех людей перед богом, подобно тому, как буржуазные авторы впоследствии заговорят о равенстве всех людей перед законом, однако подобным высказываниям уже потому нельзя придавать серьезного значения, что они сочетаются с резко выраженными феодально-иерархическими представлениями о раз навсегда установленном

⁹ Ф. Энгельс. Бруно Бауэр и раннее христианство. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 307, 310.

¹⁰ Это отметил уже М. Стасюлевич в статье «Средневековый историк и его отношение к своему обществу» (Вестн. Европы, 1866, № 1, стр. 291 сл.).

¹¹ Englische Geschichtsschreiber des 12. Jahrh., S. 76; ср.: H. Baumann. Widukind von Korvei, S. 23.

богом строении общества.¹² Хорошо известно, что «иерархизм средневекового мышления» пронизывает также богословские и естественно-научные труды, произведения изобразительного искусства и художественной литературы.

Развивая мысль Августина об оправдании рабства грехопадением, Авит, епископ Вьеннский (VI в.), связал ее с сыновним непослушанием Хама своему отцу Ною, за что, «как говорится в книге Бытия, Хам был осужден вместе со своими потомками на вечное рабство». Версию о происхождении сервов от потомков Хама повторил в XII в. Гонорий Отенский, автор ряда исторических произведений.¹³ Некоторые средневековые писатели обосновывали положение, что крестьяне являются потомками Каина, который был первым пахарем и был осужден богом за убийство Авеля.¹⁴ Наконец, широкое хождение имела теория, согласно которой социальное неравенство на земле установлено богом в соответствии с небесной иерархией ангелов. Таким образом, любое нарушение феодальной иерархии в земной жизни есть нарушение божьего закона. Восстание сервов против их сеньоров является тяжчайшим преступлением, а стремление серва выбиться из своего низкого общественного положения мирным трудом противоречит заповедям христианства. Только на небесах крестьянин может ожидать награды за тяжелую жизнь на земле.

Эти теории преподавались в церковных школах и университетах, развивались в богословских сочинениях, обосновывались в проповедях. На этих теориях воспитывались поколения средневековых историков. Представление о неизменности богом установленного общественного строя являлось органической частью их мировоззрения.

Не удивительно, что трудящиеся массы, их жизнь, их борьба против феодального гнета почти полностью выпадают из поля зрения средневековых историков.¹⁵ В тех редких случаях, когда еретические движения масс, восстания крестьян и горожан упоминаются, то лишь мимоходом, кратко и крайне недоброжелательно.

Известное внимание к народу проявляется главным образом в литературе периода становления феодализма в виде этнографи-

¹² H. Schneider. Das kausale Denken in deutschen Quellen des 10., 11. und 12. Jahrh. Gotha, 1905, S. 36. Шнейдер полагает, без всяких оснований, что, например, Титмару Мерзебургскому можно в этом отношении верить на слово, но он же сам далее указывает, что «чем выше стоит свидетель (какого-нибудь чуда, — О. В.) по социальному положению, тем свидетельство его (для Титмара, — О. В.) авторитетнее».

¹³ См. гл. третью, стр. 154—155.

¹⁴ См.: Frederic Hertz. The development of the German public Mind. London, 1957, p. 139 sq.

¹⁵ Эту особенность исторических произведений для XI—XII вв. подчеркнула О. А. Добиаш-Рожественская в своем исследовании о хронике Адемара Шабанского. (Уч. зап. Ленингр. ун-ва, отд. ист., вып. 4, 1939, стр. 148 сл.).

ческих описаний, использования народных легенд, сказаний, песен; но уже с VIII в. здесь скорее обнаруживается влияние литературной традиции и необычайно часты буквальное заимствование из античной или ранне-средневековой историографии. Так, Павел Диакон (VIII в.) ряд этнографических данных о древних германцах списал у Иордана, а лангобардские саги излагает с оттенком недоверия; Рудольф Фульдский (IX в.) свой экскурс о нравах и языческих суевериях саксов взял целиком из тацитовской «Германии»; Видукинд Корвейский (X в.) в этнографических частях своей хроники больше опирается на Иордана и Беду, чем на фольклор своего родного племени. Вообще же этнографические данные у средневековых хронистов встречаются преимущественно при описании чужих стран, как, например, у Гельмольда и Адама Бременского (что также восходит к античной литературной традиции).¹⁶ Можно считать правилом, что чем дальше от VII—VIII вв., тем меньше у хронистов внимания к своему народу. Славянские хроники и летописи — Козьмы Пращского у чехов, Мартина Галла у поляков, Повесть временных лет у русских, — являющиеся в этом отношении исключением, только подтверждают правило, так как феодальный строй в славянских странах утвердился позже, чем в романо-германских.

О презрительном или враждебном отношении церковно-феодальных историков к простому народу яснее всего свидетельствуют их прямые высказывания. Так, Теган — биограф Людовика Благочестивого, называет епископов незнатного происхождения «низкими и недостойными»; простолюдина, подчеркивает он, можно сделать свободным, но не благородным: здесь бессилен даже император.¹⁷

Особенно ярко выступает феодальная классовая окраска в биографиях святых. Во всех произведениях этого жанра обязательно делается акцент на знатном происхождении святого. В единственном случае, в житии св. Иоанна, аббата Горского (de Gorze), когда автор отмечает, что его герой — выходец из богатой крестьянской семьи, он считает нужным добавить: «Знатное происхождение не имеет значения; даже человек низкого рода может подняться высоко, подобно Давиду, ставшему царем из пастухов, или апостолу Петру, который был рыбаком. Религия ценит благородство характера и подлинную свободу, а не суетную светскую знатность».¹⁸ Это единичное высказывание

¹⁶ См. по этому вопросу: B. Schmeidler. Geschichtsschreibung und Kultur im Mittelalter.

¹⁷ MG SS, II, 595; ср.: Manitius, I, 655; Wattenbach-Levison, III, 332—335. Прочие примеры: Л. Беркут. Етюди з джерелознавства середньої історії, Київ, 1928, стр. 12.

¹⁸ MG SS, IV, 335 ff. О знатности святого как обязательном элементе схемы каждого жития см.: Ludwig Zoepf. Das Heiligen-Leben im 10.

только подчеркивает феодальный аристократизм агиографической литературы.

То же феодально-аристократическое презрение к простому народу нередко выражается в средневековой историографии в виде крайне высокомерной и презрительной оценки физического труда как занятия низкого и недостойного свободного человека. Один из крупнейших историков XII в. Ордерик Виталий от имени монахов пишет в своей «Церковной истории»: «Недопустимо, чтобы крестьяне (*rustici*) предавались безделью и развлекались на досуге пустыми зрелищами, ибо их назначение — непрерывно трудиться». Он возражает против строгого цистерцианского устава, принуждающего «высокородных рыцарей, тонких философов и глубокомысленных ученых, принявших монашеское пострижение, заниматься, наподобие подлых сервов, барщинными работами (*servilibus et incongruis more vilium mancipiorum studiis seu laboribus occupari*)». ¹⁹ Для него простой народ — это «свиная чернь, запятнанная проказой преступлений». ²⁰

Возьмем первое историческое произведение на немецком языке — «Императорскую хронику» («*Kaiserchronik*»). Ее автор, монах, по-видимому, сам рыцарского происхождения, защищает наследственность ленов, прославляет феодалов, а крестьян изображает как «самое подлое сословие». Им должно быть запрещено ношение меча. Закон о запрете крестьянам, под угрозой штрафа, носить оружие («*Constitutio de pace tenenda*», 1156) он формулирует следующим образом: «С крестьянина, у которого обнаружат оружие, содрать шкуру (*Haut und Naare abschlagen*)». ²¹ Новейший исследователь хроники называет это требование «юнкерским выпадом» хрониста. ²²

Иоанн Сольсберийский, пользующийся репутацией наиболее объективного писателя XII в., изменяет своей внешне бесстрастной манере изложения, когда речь заходит о его современнике Арнольде Брешианском. Он отмечает достоинство Арнольда как человека умного, добродетельного, сурового аскета, красноречивого разоблачителя порочных и жадных до денег иерархов церкви, но не скрывает своей ненависти к нему как мятежнику, виновному в потрясении основ католической церкви. ²³

Если так пишет историк, претендующий, как он сам заявляет, на абсолютное беспристрастие, то чего можно ожидать от рядо-

Jahrhundert. Leipzig—Berlin, 1908 (Beiträge zur Kulturgesch. des Mittelalters und der Renaissance, hrsg. von W. Goetz, H. 1), SS. 46 f., 94 f.

¹⁹ PL, 188, col. 639.

²⁰ PL, 188, col. 787: «Effera plebs passim scelerum lepra maculatur».

²¹ E. Schröder. *Kaiserchronik*. NA, Bd. 20, 1895, S. 486; ср.: A. Hauck. *Kirchengeschichte Deutschlands*, Bd. IV. A. 8. 1894, S. 512 ff.

²² M. M. Helft. *Studien zur Kaiserchronik*. Leipzig—Berlin, 1930 (Beiträge zur Kulturgesch. des Mittelalters und der Renaissance, hrsg. von W. Goetz, H. 41).

²³ HP, p. 63: «Seditiosus erat et auctor scismatis».

вого хрониста, который, даже будучи сам выходцем из низов, стремится прежде всего угодить своему начальству и знати? Он безоговорочно осуждает любые выступления против властей светских и духовных, стараясь всячески очернить народные движения. Последние неизменно приписываются козням дьявола. Иногда, как, например, в описании хронистом Лампертом Герсфельдским восстания 1074 г. в Кельне, вожак народа выступает дьявол своей собственной персоной. ²⁴ Не довольствуясь ссылкой на дьявола-подстрекателя, хронист указывает на пьянство и распущенность «подлого люда» как на одну из причин мятежа.

Вот как Титмар, епископ Мерзебургский, рисует восстание народа Павии против своего «благодетеля» короля Генриха II. Жители города на радостях по случаю прибытия короля перепились и забыли о своей присяге. Генрихову «провосудию» они предпочли «разнузданность Ардуина». «Охваченное внезапной яростью, престолярное восстало с наглостью холопов, а к нему затем присоединились и другие — к вечному для них стыду и позору». ²⁵

Хорошо известно, как изобразил талантливый Гвиберт Ножанский коммунальное движение в г. Лане, а также его замечание о «новом и ненавистном слове коммуна». ²⁶ Таким же настроением проникнут рассказ аббата Сугерия о подавлении восстания в Орлеане. Он в своей «Истории Людовика VII» сообщает, что король «храбро подавил безумную затею нескольких глупцов против королевского величества, что не обошлось без страданий для кое-кого из них». ²⁷

Эти примеры взяты из произведений XI—XII вв. Картина в общем не изменилась и в XIII в. Но в ней все же заметны некоторые новые краски и оттенки, связанные с усилением среди образованной части духовенства бюргерских элементов. К этой категории относится, несомненно, анонимный автор «Всемирной хроники», написанной в первой половине XIII в. в г. Лане. К «буйному народу» (*populus indisciplinatus*), к «мужицкой массе» (*rusticana multitudo*) он питает такое же презрение, как и его собратья феодального происхождения, но как плебей он с удовольствием цитирует слова одного епископа гордому своей

²⁴ Lamperti monachi Hersfeldensis Annales sub a. 1074. MG SS rer. Germanic. in usum schol., recogn. Osw. Holder-Egger. 1894, p. 188; Ausg. Quellen, Bd. 13, S. 240.

²⁵ Thietmari Merseburgensis episcopi Chronicon, VI, 7. Ausg. Quellen, Bd. 9: «Plebeios furere subitaneo inflammato et servili presumptione animatos hanc commotionem primitus incepisse...».

²⁶ Guiberti abbatis... de Novigento. De vita sua. PL, 156, col. 922: «Коммуна! Новое, ненавистное имя. Благодаря ей сервы освобождены от всякой барщины, замененной простым годичным оброком; благодаря ей они присуждаются за нарушение законов только к установленному денежному штрафу; благодаря ей они освобождаются от денежных платежей, которым подлежат сервы».

²⁷ Цит. по: M. Bloch. *Rois et serfs*. Paris, 1920, p. 51.

знатностью архиепископу Реймскому: «В Ноевом ковчеге мои предки были столь же знатными и могущественными, как и твои» («Non minoris nobilitate vel potentiae fuerunt in archa Noe parentes mei, quam tui»).²⁸ Немало примеров чисто классового подхода к оценке людей и событий дает одна из интереснейших хроник второй половины XIII в. — «Хроника» французского монаха Салимбене. Народное движение «апостольских братьев» и их вождя Сегарелли (учителя Дольчино) этот хронист изображает самыми мрачными красками. Он полон презрения к апостольским братьям, называя их не иначе, как бандитами, бездельниками и т. п. Сегарелли он рисует в самом карикатурном виде как «шута, идиота и невежду». Его недовольство вызвано отчасти тем, что народ дает апостольским братьям щедрую милостыню, от чего уменьшаются доходы францисканских монахов. Но главным образом его оценки определяются традициями и предрассудками пармской феодальной знати, к которой он принадлежал по рождению. Ограничимся одним примером. «Брат Бонавентура, — пишет он об одном из спутников генерала своего ордена, — был... разумный, честный, святой жизни человек, только чересчур корчил барина (baronçabat), хотя, как говорят, был сыном какой-то трактирщицы» (р. 553). Свое *scedo* Салимбене выражает словами: «Подлыми людьми и мужиками мир разрушается, а рыцарями и знатными сохраняется» (р. 643). В то же время он вступает в «демократический» орден францисканцев, увлекается одно время иоакимитскими идеями, громит в своей хронике прелатов церкви, интересуется настроениями народных масс, высказывается в пользу республиканских вольностей городов и против «тиранов». В XIV—XV вв., когда массовые крестьянские движения становятся опасными для всего феодального строя в целом, классовый характер церковно-феодальной историографии обнаруживается еще резче. Правда, в этот период появляются и произведения, проникнутые известными симпатиями к угнетенным классам. Таковы французские хроники Жана де Венетт и анонимного монаха из Сен-Дени, а также анонимная английская хроника за 1328—1388 гг.³⁰ Но и в этих произведениях враждебное отно-

²⁸ Anonimi Laudensis Chronicon universale. MG SS, XXVI, pp. 442—457. См.: В. Панина. Ланский аноним. Сб. в честь В. П. Бузескула. СПб., 1914.

²⁹ MG SS, XXXI, 256 ff. Больше всего возмущает Салимбене то, что Сегарелли, «человек низкого происхождения», деньги, вырученные от продажи своего имущества, отдал не францисканцам, а «всяким ворами и грабителям». Ср.: П. М. Бицлли. Салимбене. Одесса, 1916, стр. 59, 191—202.

³⁰ Источниковедческие данные о первых двух хрониках см.: Molinier, IV, № № 3098, 3572; историографическая характеристика: Н. Н. Гурджан. 1) Общественно-политические течения во французских хрониках XIV в. МГУ, 1952; 2) О политических тенденциях некоторых французских хроник. В сб.: Средние века, вып. 6, 1955, стр. 468 сл. Об английской хронике (Chronicon Angliae, 1328—1388, auctore monacho quodam sancti Albani) см.: Gross, № 1745.

шение к феодалам и симпатии к народу выражены в очень острой форме, сопровождаются оговорками, осуждением насильственных действий (расправа «жаков» с дворянами — «чудовищное дело», как пишет Жан де Венетт), попытками противопоставить «справедливые требования» умеренных домогательствам революционных элементов деревни, которых английский аноним клеймит как «омерзительнейших из крестьян» (rusticorum abiectissimos).³¹

Общим же правилом являются произведения, игнорирующие народ или крайне ему враждебные. Хорошо известно, в каком духе изображает Жакерию и восстание Уота Тайлера один из самых талантливых историков XIV в. Фруассар. Этот «певец рыцарства», сам вышедший из рядов бюргерства, с негодованием пишет о единичных случаях расправы крестьян со своими угнетателями, а затем с удовлетворением останавливается на картинах разгрома «жаков» и их массового истребления феодалами. Народ у него неизменно выступает с эпитетами «глупый», «злой», «ненавидный». Страдания людей из народа оставляют его совершенно бесчувственным: с эпическим спокойствием он повествует об избияниях безоружных горожан вместе с их женами и детьми французскими или английскими рыцарями.³²

Историк XV в. Шателен (Chastellain) в «Хронике герцогов Бургундских» четко формулирует свою классовую позицию: «Что касается третьего сословия, составляющего все население королевства, то сюда входят добрые города, купцы и трудовой люд, на которых не подобает останавливаться так же подробно, как на дворянах, потому что они сами по себе неспособны к высокой политической деятельности, пребывая на ступени рабства». И это написано во Фландрии, стране богатого, гордого своей независимостью бюргерства! Далее Шателен замечает, что от людей третьего сословия требуется только «покорность королю, послушание и готовность усердно служить феньорам».³³

Шателен — придворный историограф. Но не лучше его официальной хроники оценивают роль народа и многочисленные городские хроники XIV—XV вв. В них, правда, уже проглядывает

³¹ Chronicon Angliae, ed. by E. M. Thompson. Rolls series. London, 1879, p. 290. Характеристику этой хроники см. в кн.: Д. М. Петрушевский. Восстание Уота Тайлера. М., 1914, стр. 573 сл.

³² См.: Thompson, 370. Точно такой же характер носят хроники Сент-Албанского монастыря, являющиеся важнейшими источниками истории Англии XIV в. По выражению английского ученого Гэлбрэга, они представляют собою «аналогию в пользу баронов». Монахи этого монастыря сами были крупными лэндлордами; поэтому, как отмечает Гэлбрэт, в их хрониках «нет и намека на симпатии к крестьянам или к горожанам» (V. H. Galbraith. Roger Wendover and Matthew Paris. Glasgow, 1944).

³³ Цит. по: J. Huizinga. Le déclin du moyen âge. Paris, 1932, p. 71. Здесь же подчеркивается «рыцарский дух», пронизывающий и другие хроники XIV—XV вв. — Монстреле, Ламарша, Молине и т. д.

мысль, что людей надо оценивать не по знатности, а по личным достоинствам, а позиция их по отношению к внегородским феодалам, особенно к крупным территориальным князьям, является открыто неприязненной, поскольку последние угрожали независимости городов. Но еще более враждебны авторы городских хроник, выступающие постоянно в качестве идеологов патрициата, по отношению к городским низам и даже к цеховым ремесленникам. Типична позиция автора «Любекской хроники», в которой руководители восстания против патрициата названы «врагами христовыми», а самый рассказ о восстании заканчивается словами: «Непослушание городским властям, раздоры и беспорядки будут отомщены в день Страшного суда».³⁴ Не только хроники других немецких вольных городов, но и городские хроники Франции, Италии, Испании в отношении их классовой окраски не отличаются сколько-нибудь существенно от Любекской.

Приведенные нами примеры взяты из хроник, написанных в разные периоды средневековья, в разных странах, на разных языках; при всем несходстве их литературной формы, политической тенденции, степени правдивости, и даже при наличии в некоторых из них внутренней противоречивости, их классовая однородность не вызывает никаких сомнений.

3. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ХРОНИСТОВ

Классовая однородность средневековой историографии находит выражение и в единстве мировоззрения и методологии, имеющих в своей основе философию истории Августина и методологию патристической богословско-исторической литературы. Это единство не исключает наличия различных течений и известных специфических черт историографии в отдельные периоды средневековья. Тесно связанное с экономическим развитием изменение социально-политической обстановки, борьба различных прослоек и групп внутри господствующего класса, в частности, между монашеством и «мирским» духовенством, между церковью и государством, процесс консолидации национально-феодалных монархий — все это не могло не сказываться на характере исторических произведений и на их методологических основах. Известное развитие этих «основ» в зависимости от меняющейся обстановки облегчалось еще тем, что учение Августина, сложное и внутренне

³⁴ Много аналогичных данных приводит исследователь немецких городских хроник Шмидт (Heinrich Schmidt, Die deutschen Städtechroniken als Spiegel des bürgerlichen Selbstverständnisses. Göttingen, 1958), но он игнорирует феодальный характер городского патрициата, рассматривая его просто как верхушку бюргерства.

противоречивое, в разные периоды средневековья различно понималось и истолковывалось.

Уже центральный пункт богословско-исторической концепции Августина — учение о предопределении — породил в средневековой исторической литературе по меньшей мере два направления, различающихся отношением к реальной исторической действительности.

Для меньшинства историков, верных букве и духу августиновского богословия, весь ход всемирной истории от начала и до самого ее конца заранее предопределен богом в мельчайших подробностях. Исходя из этого представления, Руотгер, биограф Бруно Кельнского, сообщает, что епископский престол был предназначен его герою Бруно еще «до времен», т. е. до «сотворения мира».³⁵ Точно так же Лиутбранд пишет, что бог «до сотворения мира хотел», чтобы Генрих I стал королем Германии — вот почему его и избрали на престол единогласно.³⁶

Для таких историков «земная» история есть не что иное, как постепенное раскрытие божьего плана. Сам бог отодвинут за пределы земной жизни, отдельные события совершаются уже без его непосредственного вмешательства. Тем самым открывается некоторая возможность трезвого, сравнительно реалистического изображения исторических событий. Фактором истории является человек (т. е. духовный или светский феодал); чудеса играют второстепенную роль, причем чудо понимается в античном значении — как *miraculum* (достойное изумления), т. е. как нечто, нарушающее естественный ход вещей и, следовательно, редко встречающееся.

Различные оттенки такого истолкования предопределения мы находим, например, у Рихера и Руотгера в X в., у Випо и Ламперта Герсфельдского в XI в., у Эадмера, Иоанна Сольсберийского, Вильяма Мэмсберийского в XII в. и т. д.

Более распространенным является, однако, представление, согласно которому божий план намечен лишь в общих чертах и реализуется только благодаря постоянному и прямому вмешательству бога в судьбы как народов и государств, так и отдельных людей. Человек — не фактор истории, а слепое орудие бога, марионетка, которую дергает за ниточки единственный герой всемирно-исторической драмы — всевышний.

Голод и мор, пожары и наводнения, политические раздоры и поражения войска — все это ниспосылаемые богом кары за грехи и, тем самым, средства воспитания и исправления людей.

Характерно для феодального мировоззрения хронистов, что за грехи государей и с целью их искупления бог карает не их са-

³⁵ См.: Н. Schneider. Das kausale Denken in deutschen Quellen... S. 15.

³⁶ Там же, стр. 19.

мих, а простой народ, рядовых воинов и т. п. Впрочем, здесь многое зависит от того, как хронист и его окружение относятся к высокопоставленным грешникам. Император Генрих II за свои преступления отделяется только «коликами», которые господь время от времени насылает на него (Титмар Мерзбургский); папу Иоанна XII за такие же грехи (алчность и безнравственность) бог порастил смертью во сне, в непристойной позе, вслед за чем папа был утащен демонами прямо в ад (Видукинд Корвейский); туда же попала и императрица Феофано за «великий грех» уже совсем другого рода — она ввела в Германии моду на роскошные «греческие» одежды (Отло Сент-Эммерамский).³⁷

Объяснение фактов истории с помощью прямого вмешательства бога делает ненужным отыскание естественных причин. С такой позиции излагается подчас весь ход истории за длительный период времени. Так, Генрих Гентингдонский в предисловии к своей «Истории Англии» (до 1154 г.) формулирует следующее обобщение: изменчивость судеб этой страны есть наглядное проявление божьего гнева (*ultio divina*). За грехи народов и их правителей бог послал на Англию пять тяжких кар: опустошение ее римлянами, затем пиктами и скоттами; далее завоевание ее англосаксами и гибель бриттов; вслед затем вторжения данов; наконец, нормандское завоевание.³⁸

Все это построение, несомненно, навеяно библейским изложением истории древних евреев, но в то же время является попыткой реализовать своеобразно понятую богословско-историческую концепцию Августина.

Личное вмешательство бога в земные дела обнаруживается чаще всего благодаря чуду, видению, вещему сну.³⁹ Для сторонников рассматриваемого направления чудо — отнюдь не нарушение естественного хода вещей, а обыденное явление. Чудеса творит не только бог, но и дьявол, не только святые, но и простые монахи. Чудом может оказаться любое событие, к которому хронист не относится безразлично: исцеление от болезни, спасение

³⁷ См.: Manitius, II, 94; Otloh de St Emmeram. Liber visionum. PL, 146, col. 17; H. Schneider. Das kausale Denken in deutschen Quellen... S. 38.

³⁸ Henry of Huntingdon. Historia Anglorum, ed. Thomas Arnold. Rolls series. London, 1879, Praefatio; цит. у: H. Lamprecht. Untersuchungen... S. 159 f.

³⁹ Другие способы божьего вмешательства или предупреждения о вмешательстве — экстаз, голос с неба, вдохновение св. духом и т. п. — в исторических работах (исключая агиографические произведения) обычно не встречаются.

Сводка всех видов божьего вмешательства на основе книг Библии дана неизвестным автором V в., возможно, из ближайшего окружения Августина (*extasis, visiones, somnia, per nubem, vox de coelo repletio spiritus sancti etc.*). См.: Th. Zahn. Ein Kompendium der biblischen Profetie aus der afrikanischen Kirche. В кн.: Gesch. Studien A. Hauck zum 70. Geburtstage. Leipzig, 1916.

от опасности, победа или поражение. Чудом называется иногда и ничтожнейшая случайность. Хронист как бы живет в атмосфере чудес и сновидений, являющихся для него куском реальной действительности.

О чуде говорится обычно на основании свидетельств «очевидцев» или со слов лица, слышавшего о нем от «очевидца». Доверие к самым фантастическим сообщениям о чудесах было обязательным для монаха. Видукинд «не смеет усомниться» в правдивости одного отшельника, видевшего собственными глазами, как ангелы уносили на небо королеву Матильду и епископа Гальберштадтского. Доверие к подобным басням предписывалось церковными авторитетами. Еще в V веке Теодорет, продолжатель «Церковной истории» Евсевия, заявил: «Кто не поверит в эти чудеса (совершенные святыми христианской церкви, — *O. B.*), тот будет, чего доброго, считать и чудеса Ветхого и Нового заветов за басни».⁴⁰

Рассказы о чудесах, видениях и снах используются в средневековых житиях и хрониках для весьма практических целей. Важнейшая забота монастырей, находящихся нередко в ожесточенной борьбе с епископами и светскими феодалами, состояла в том, чтобы отстоять от их покушений свою независимость, земельные богатства и иммунитетные привилегии. Известиями о чудесных божественных карах, поражающих нарушителей привилегий и доходов какого-нибудь монастыря, епископства или духовенства страны в целом, заполнены многие хроники и биографии святых IX—XIII вв. Чудесные видения, вещие сны и т. п. используются также в пропагандистских целях, для защиты определенных политических позиций, например, в период борьбы империи и папства — за или против верховенства папы в светских делах. Наконец, упоминание о «чуде» является и литературным трафаретом, следствием влияния агиографии, к которой многие средневековые историки были очень привержены.⁴¹

От Евсевия—Иеронима и Августина церковно-феодалная историография восприняла и дуалистическое мировоззрение, видевшее и в политических событиях, и в судьбах отдельных лиц проявление извечной борьбы бога и дьявола, добра и зла, неба и ада. Это представление стало, как известно, в такой мере органической частью христианского вероучения, что малейшее сомнение в существовании дьявола — «архиврага», «старой чумы человеческого рода» — считалось великой ересью. Отрицание дьявола означало ведь отрицание необходимости церкви, смысла существования которой состоял в борьбе с «князем тьмы» и спасении от него людских душ.

⁴⁰ F. von Bezold. Ueber die Anfänge von Selbstbiographie und ihre Entwicklung im Mittelalter. Aus Mittelalter und Renaissance. München—Berlin, 1918, S. 201.

⁴¹ См.: L. Zoepf. Das Heiligen-Leben...

Почти во всех хрониках VI—XIII в. дьявол (Сатана, Люцифер) проявляет необычайную активность. Он действует и сам, и через своих помощников — демонов, организованных по образцу небесной иерархии ангелов. Демонов называют «ангелами Сатаны» в противоположность «ангелам света». ⁴² В ряде хроник ссылки на дьявола встречаются даже чаще, чем упоминание о вмешательстве бога. Такова, например, «Хроника» Рауля Глабера, в которой даже древние поэты — Гораций, Вергилий, Ювенал — представлены в облике и качестве демонов. ⁴³

Все, заслуживающее в глазах хрониста сурового осуждения, в частности и особенности ереси и народные восстания, вызвано дьяволом или по его наущению (*diabolico instinctu, diabolo instigante, suggestione diabolico stimulatus etc.*). Рассказывая о некоем Левтарде, который побуждал крестьян к мятежу, призывал их не платить феодальной десятины, а также учил, что библейские пророки заблуждались, Рауль Глабер утверждает, что все это было внушено дьяволом, который проник в Левтарда «в виде пчелиного роя». ⁴⁴ Ламперт Герсфельдский сообщает, что многочисленные участники восстания кельнцев против архиепископа видели во главе народа демона «в шлеме, панцире и со страшно сверкавшим огненным мечом в руке». ⁴⁵ Дьявол является людям также в образе «черного человека», небесного ангела, свиньи или другого животного.

За любые поступки, стоящие в противоречии с учением или интересами церкви, дьявол несет полную ответственность. Характерно объяснение причин распрей среди потомков Генриха I Саксонского, которое приводит Титмар в своей «Хронике». Генрих I в состоянии сильного опьянения вломился в спальню королевы Матильды и зачал сына Бруно, будущего «святого» и архиепископа Кельнского. «Сатана, виновник сего преступления и враг человеческого спасения» похвалился своим успехом перед одной «почтенной дамой». «Королева, — объявил он даме, — не-

⁴² Lamperti Hersfeldensis. Annales sub a. 1057 (Ausgew. Quellen, Bd. XIII, S. 62).

⁴³ PL, 142, col. 644: «...daemones poetarum species Virgilii et Horatii atque Iuvenalis, apparantesque illi; fallaces retulerunt grates... Hisque daemonum fallacis depravatus... [равеннский клирик Вильгард] coepit multa... docere fidei sacrae contraria...».

⁴⁴ PL, 142, col. 643: Левтард, «homo plebeius in Gallis... satanae legatus credi potuit... Qui ex labore somno depressus, visum est ei ut grande examen arum in eius corpus per secreta ingrederetur naturae, quod... cum strepitu erumpens crebris illum punctationibus agitabat... Nam decimas dare dicebat esse... superfluum et inane...» и т. д. В результате преследований со стороны церкви Левтард утопился в колоде.

⁴⁵ Lamperti Hersfeldensis. Opera, hrsg. G. Holder-Egger. MG SS rer. Germanic. in usum schol., s. a. 1074, 1894, S. 188: «Inter haec conspiciantur quam plurimi ipsum talium furiarum incitorem demonem precurrere insanienti populo, galeatum, loriatum, igneo mucrone terribiliter fulgurantem...».

давно зачала сына, который, бесспорно, принадлежит мне; но смотри, храни эту тайну». Дама, разумеется, немедленно сообщила об этом королеве, и та созвала епископов и священников, которые освободили ребенка от власти Сатаны. Последний, «увидя себя обманутым», укорял даму в болтливости и добавил: «Но все же мой спутник — Раздор — никогда не покинет будущих детей [Генриха]; никогда не будет меж ними согласия». ⁴⁶

Очевидно, Титмар сочинил этот рассказ с целью набросить тень на потомков Генриха I, особенно на Оттона II, ликвидировавшего епископство Мерзебург, и прославить Генриха II, восстановившего это епископство, противопоставив «мирное правление» этого короля раздорам в семье Оттонов.

Заметим, что дьявол, как подчеркивают хронисты, преуспевает в своих делах только с божьего попустительства; нередко он действует просто как орудие бога, употребляемое с целью поставить грешника на путь истинный. Но и с этой задачей, как видно из приведенного примера, дьявол не всегда справляется: он глуп, болтлив, и духовенству нетрудно расстроить его планы. ⁴⁷ Вообще уже в XI—XII вв. роль дьявола в истории сильно снижена по сравнению с представлениями Августина и его учеников. Козни дьявола и его слуг становятся излюбленной темой монашеских сборников назидательных рассказов вроде поучений Петра Дамиани «О жизни отшельников» и «О совершенстве монахов» (XI в.) или же известного «Диалога о чудесах» Цезария Гейстербахского (XIII в.). ⁴⁸ В серьезных же исторических трудах упоминание о дьяволе приобретает все более формальный характер.

В Библии и в античной литературе III—V вв. средневековые историки находили частые указания на тесную связь между небесными явлениями и событиями земной жизни. Под влиянием Августина, осудившего в «Исцоведе» и других произведениях ⁴⁹ свое юношеское увлечение языческой астрологией, они придали языческим представлениям в этой области христианский смысл. Небесные тела рассматривались ими как «письмена небесной книги», уразумение которой позволяет предугадать намерения бога. Лунные и солнечные затмения, появление кометы, падение «звезд» (метеоритов) — все это являлось для них «знамениями небесными», предвестниками политических перемен или насту-

⁴⁶ Thietmari... Chronicon, I, 24.

⁴⁷ Интересные примеры презрительного отношения к дьяволу и его слугам можно найти в хронике Льва Марсиканского (конец XI в.): PL, 173; RIS, IV.

⁴⁸ Petri Damiani opera. PL, 145: «De vita eremitica», «De perfectione monachorum»; см.: Owen J. Blum. S. Peter Damiani: his teaching on the spiritual life. 1947; Caesarii Heisterbacensis. De miraculis et visionibus sui temporis seu Dialogus miraculorum, Bd. 1, 2. Köln, 1851. Cp.: Potthast, I, 180.

⁴⁹ См., например, «De doctrina christiana», liber secundus, cap. XXI—XXII (PL, 34, col. 51—52).

пления великих бедствий. В чтении «небесной книги», разумеется, не было никакого единообразия. Как отмечает Ордерик Виталий, каждый «бесстыдно» (*proscaciter*) использует знамения по своему желанию, «истолковывает их различными способами и делает произвольные выводы».⁵⁰

Действительно, одна и та же комета 1066 г. для немецкого хрониста Адама Бременского служила предзнаменованием восстания полабских славян, Оттону Фрейзингенскому она возвестила первый крестовый поход, а Ордерiku Виталию — завоевание Англии нормандскими рыцарями.

Особенно наивно методом установления соответствия между небесными и земными явлениями пользуется Рауль Глабер. Солнечное затмение 1033 г. было для него предвестником покушения римских баронов на жизнь папы; затмение 1039 г. явилось указанием на предстоящую смерть императора Конрада; лунное затмение 1049 г. возвестило войну французского короля Генриха I против сыновей графа Блуа, и т. д.

От подобных «дилетантских» (если можно так выразиться) представлений астрологического характера нужно отличать влияние, оказанное на средневековую историографию астрологической псевдонаукой, процветавшей в период упадка античного мира и возрожденной в IX в. на мусульманском Востоке.

По-видимому, уже в X в. арабская астрология через Испанию проникла на Запад. В конце этого века автор биографии чешского святого Вацлава Гумпольд Мантуанский жалуется на людей, которые пренебрегают «Священным писанием и житиями святых» и стремятся «познать порядок неизменных законов движения светил... при помощи геометрических формул».⁵¹ В XII в. Ордерик Виталий, останавливаясь на предзнаменованиях первого крестового похода, упоминает об «астрономе» Гислеберте, епископе г. Лизье, который «по ночам долго созерцал звезды и их движения и искусно составил хитроумный гороскоп», предвещавший «переселение многих народов» (*transmigratio populorum de regno in regnum*).⁵² Если в начале XII в. Гвиберт Ножанский констатировал слабое распространение на Западе по сравнению с Востоком «науки о звездах»,⁵³ то уже в XIII в. эта «наука» приобрела на Западе большой авторитет. Даже Фома Аквинский, довольно сдержанно относившийся к астрологическим увлечениям своих современников, причисляет к «естественным условиям»

⁵⁰ *Historia Ecclesiastica*, цит. в кн.: Н. Wolter. *Ordericus Vitalis*. Wiesbaden, 1955, S. 89.

⁵¹ Цит. по: L. Zoepf. *Das Heiligen-Leben...*, S. 26.

⁵² *Historia Ecclesiastica*, PL, 188, col. 649: «...qui singulis noctis sidera diu contemplari solebat et cursus eorum utpote sagax horoscopus callide denotabat».

⁵³ Цит. по: F. von Bezold. *Kulturgeschichtliche Studien*. München u. Berlin, 1918, S. 174 f.

исторической жизни людей наряду с климатом и почвой «положение земли в отношении неба», в частности, «по отношению к планетам и звездам». С изменением этого отношения меняются и исторические судьбы народов.⁵⁴ О влиянии астрологии на историографию в XIV в. свидетельствует, например, «Всемирная хроника» Джованни Виллани, пользующаяся заслуженной славой одного из лучших исторических произведений средневековья. Виллани объясняет непрерывную политическую борьбу во Флоренции основанием этого города в момент «схождения» Солнца, Меркурия и Марса. В марте 1345 г. Виллани записывает: «Соединение Юпитера и Сатурна в созвездии Водолея возвещает миру, с божьего соизволения, великие события — сражения, убийства, важные перемены в жизни государств и народов, смерть государей, смены династий, появление новых пророков и новых шаталий в вере, походы и дороговизну».⁵⁵

Хотя Чекко д'Асколи, профессор астрологии в Болонском университете, был в 1327 г. сожжен инквизицией за то, что составил гороскоп Христа, церковь, вообще говоря, поощряла астрологические занятия, как и многие другие суеверия, поддерживавшие ее влияние на умы. В XV в. один из столпов церкви кардинал Петр д'Альи издал трактат «О согласовании астрономической истины и исторического повествования», где вся история рассматривается с астрологической точки зрения.⁵⁶ Здесь он, между прочим, «точно» рассчитал, что конец света наступит в 1789 г. Другие, еще более знаменитые писатели — Николай Кузанский, Пико делла Мирандола, немецкий хронист Иоганн Каррион — устанавливали более отдаленные сроки, опираясь на составленные ими гороскопы. Так эсхатологическая концепция истории в церковно-феодалной историографии использовала для своей поддержки астрологию. Особенно заметно влияние последней на историков в те периоды средневековья (в конце VI в., около 1000 г., в середине XI в., около середины XIII в., в XV—начале XVI в.), когда крупные политические потрясения, обострение борьбы внутри господствующего класса, усиление противоречий между папством и светской властью и т. п. давали толчок размышлениям о конечной цели исторического процесса.⁵⁷ Наиболее ярким при-

⁵⁴ Фома Аквинский рассуждает об этих материях во втором дополнении к своему комментарию на «Политику» Аристотеля. См.: J. J. Van Man n. *Die Staatslehre des h. Thomas von Aquino*, S. 105 ff.

⁵⁵ Villani Giovanni. *Historie Fiorentine seu Cronica universale... italice scripta... Libri 12, v. IV*. Firenze, 1844, sub a. 1345.

⁵⁶ Petrus de Alliaco. *Tractatus de Concordia astronomice veritatis et narrationis istorice*; цит. у: F. von Bezold. *Kulturgeschich. Studien*, S. 185. Поттхаст (Potthast, II, 913—915) в перечне 17 произведений кардинала д'Альи не называет этого трактата. Д'Альи носил «почетное» прозвище «молот еретиков».

⁵⁷ Примеры высказываний о «конце света» в различные периоды средневековья см.: Joh. Spörl. *Das Alte und das Neue im Mittelalter*. Hist. Jahrb., Bd. 50, H. 3, 1930, SS. 519—521.

мером эсхатологического построения всемирной истории являются «Пять книг историй» французского монаха Рауля Глабера. Как показал Э. Заккур,⁵⁸ не только общий план работы, но и группировка материала, хронология событий и пр. — все подчинено мысли о конце света в 1000 г. Когда же этот год прошел, не оправдав связанных с ним ожиданий, Рауль Глабер внес в свою хронологию и оценку различных «знамений» серьезную поправку: он стал считать не от «рождества Христова», а от года «страстей Христовых», что дало ему 33-летнюю отсрочку. Когда же в 1033 год не принес конца света, наш хронист вспомнил, что, по мнению богословских авторитетов, для наступления светопреобразования необходимо, чтобы все человечество подчинилось христианской (католической) церкви. С этой точки зрения причиной задержки, кроме евреев, являются народы «Востока и Юга», упорствующие в своих заблуждениях, в то время как обращение в христианство язычников на Западе и на Севере произошло успешно. Поэтому Глабер заканчивает свой труд мистическим объяснением указанного различия. Оно было предопределено, по его мнению, тем, что распятый Христос смотрел на Запад, а правая его рука была направлена на Север.

Хронисты XII в., следуя благоразумному призыву Августина и Беда,⁵⁹ отказываются от точной датировки конца света. Оттон Фрейзингенский пишет только о приближении конца, не указывая сроков, а его современник Генрих Гентингдонский прямо заявляет: «В ошибку впали те, кто твердо верили, что мир будет существовать не более 1000 лет после рождества Христова», — и предпочитает вообще не касаться этой рискованной темы.⁶⁰ Эта осторожная позиция была в XIII в. закреплена авторитетом Фомы Аквинского, который заявил: «Человеку не дано знать, когда бог положит конец существованию мира».

Отход церковно-феодалных историков по крайней мере до конца XV в. от эсхатологических спекуляций, помимо того, что ход истории опрокидывал все вычисления, внося соблазн в души верующих, объясняется еще и тем, что эсхатологическая концепция стала оружием антипапской и антифеодалной оппозиции иоакимитов и спиритуалов в XIII—XIV вв. Только после подавления этих и родственных им мистических и еретических учений стало возможно возвращение ряда историков к эсхатологическим соображениям и астрологическим выкладкам.

В прологе к VI книге «Церковной истории» Ордерики Виталии наиболее, кажется, подробно формулировал задачи и содержание

⁵⁸ E. Sackur. Studien über Radulfus Glaber. NA, Bd. 14, 1889; PL, 142, col. 610 ff.

⁵⁹ См. стр. 45. Беда в «Historia Ecclesiastica gentis Anglorum» почти дословно повторяет Августина: «Reliquum sextae aetatis (т. е. последняя эпоха земного существования, — O. B.) soli deo est cognitum».

⁶⁰ См.: H. Lamprecht. Untersuchungen..., S. 162.

истории, цель работы историка и принципы, которыми он должен руководствоваться.

«Богатую и обширную тему для любого писателя [истории], — заявляет Ордерики — образуют состояние человечества и движение его, превратности мирского круговорота, судьбы наших прелатов и князей, мир и война, разнообразные и многочисленные события в жизни обитателей земли. О чудесах же и знамениях писатель должен рассказывать особенно неутомимо... Однако о направлении мирских, человеческих дел следует писать правдиво; в историческом труде все должно быть изложено во славу творца и подлинного руководителя всех вещей. Ибо предвечный создатель и поныне непосредственно направляет всю историю чудесным образом. Пусть же каждый [историк] в меру сил и возможностей, кои он получил от бога, благочестиво поведаст о его славных деяниях» (PL, 188, col. 450).

В итоге нашего обзора мы должны прийти к выводу, что церковно-феодалная историческая мысль представляет собою во многих отношениях шаг назад по отношению к наиболее выдающимся достижениям светской рационалистической античной мысли. Последняя оперировала понятием причинных связей и группировала все события вокруг государства или выдающегося политического деятеля, реалистически представляя себе, хотя и крайне односторонне, процесс изменений в мире истории. Эти изменения, мотивировались ли они действием человеческих страстей или интересами государства, рассматривались с трезвых, рационалистических позиций.

Феодално-церковная историография, являвшаяся ветвью христианского богословия, отошла от понимания реальной действительности, ввела в историю бога и вообще сверхъестественные силы, обратив человека в их безвольное орудие, а свойственное человеку стремление понять ход истории направила по ложному пути мистики чисел и символики знамений. Это означало дальнейшее развитие тех реакционных черт, которые были свойственны античной историографии периода ее полного упадка.

Вместе с тем в феодално-церковной историографии мы обнаруживаем и элементы нового, в известной мере прогрессивного представления о ходе истории. Вслед за Августином она отвергла античный циклизм и в основу оценки исторического процесса положила оптимистическую веру в непрерывное движение человечества к всеобщему счастью, понимаемому, конечно, в мистико-религиозном смысле.⁶¹ В соответствии с богословским положением о единстве человеческого рода феодално-церковная историография создала новый вид исторического произведения —

⁶¹ См.: S. Stelling-Michaud. Quelques aspects du problème du temps au moyen âge. Schweiz. Beiträge zur Allgemeinen Geschichte, Bd. 17, 1959.

всемирную хронику, всемирную или всеобщую в самом широком значении этого слова: «средневековый хронист стремится охватить все, что происходит на земле и на небе, во времени и вне времени». ⁶²

В связи с таким пониманием истории впервые были сделаны попытки ее периодизации, исходящей из чуждого античности представления, что «золотой век» является конечным, а не начальным этапом исторического процесса.

Повышенный интерес средневековых богословов и историков к вопросам исторической периодизации (занимающим вообще видное место в развитии исторической мысли) требует специального рассмотрения этой темы.

4. ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ В ФЕОДАЛЬНО-ЦЕРКОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Еще в патристической литературе были выдвинуты три различные системы периодизации всемирной истории, которые в средние века разрабатывались в историко-богословских произведениях в связи с определенными политическими и религиозными пропагандистскими задачами историографии.

Остановимся прежде всего на периодизации по четырем монархиям, о происхождении которой уже говорилось во вводной главе. ⁶³ Согласно этой схеме Римская империя рассматривалась как последнее перед концом света земное государство. Последовательная смена четырех монархий не является случайной, а пре-

⁶² P. Rousset. La conception de l'histoire à l'époque féodale. Mélanges Louis Halphen. Paris, 1951. Типичен в этом отношении широкий замысел Готфрида Витербского (нотария Конрада III, Фридриха I и Генриха VI), который в предисловии к своей всемирной истории или «Пантеону», так формулирует свою задачу дать читателю в сжатом виде (sub compendio) ответы на их обычные вопросы: «Где был бог до сотворения мира? Что он делал?... И чьим он был господом, раз не было тогда еще ни одного создания? И каким образом дух божий носился над водами?... А также об ангелах, небесах, планетах, элементах, о сотворении человека. Далее изложить весь Ветхий и Новый заветы и все истории народов, царей и царств». В частности, он называет «царства», которым он собирается уделить внимание: Вавилонское, Ассирийское, Индийское, Египетское, Аргивское, Лакедемонское, Фессалоникийское, Сикийское, Лидийское, Амазонское, Македонское, Иудейское, Греческое; народы италиков, франков, тевтонов, ломбардов, гуннов, готов, визиготов, остроготов, англо-бриттов, паннонцев, афинян, мидян, троянцев..., сикамбров, галлов синопских, свевов, сикудов, критян, скифов, аваров, или венгров, и т. д. в самой причудливой последовательности, беспорядочно смешивая эпохи, страны и народы. См.: PL, 198, col. 878—880, 981, а также: H. Ullmann, Gotfrid von Viterbo. Beitrag zur Historiographie des Mittelalters. 1863. Напомним, что «всеобщие истории» эллинистического периода строились по совсем другому принципу (см. гл. первую, стр. 23).

⁶³ См. стр. 11.

дусмотрена божественным планом, ведущим человечество ко все большему единству — сначала политическому, затем религиозному. Еще Пруденций в трактате «Против Симмаха» (402—403) впервые высказал мысль, что обширная Римская империя создана богом с тою целью, чтобы ускорить распространение христианства среди всех народов. ⁶⁴ Ту же мысль в XII в. повторил Оттон Фрейзингенский в своей «Хронике от сотворения мира». Политическое единство Римской империи и он считает важнейшей предпосылкой установления религиозного единства: «Бог способствовал могуществу Рима, дабы люди, будучи дисциплинированы культом одного человека — императора, и страхом перед одним городом — Римом, научились придерживаться также одной веры и стали более способными к восприятию истины христианства (ad maiora intelligenda promptiores et capaciores)».

Но Оттон Фрейзингенский, выступавший как идеолог средневековой «Священной Римской империи» германских королей, не мог просто повторить Пруденция, так как гибель Римской империи на Западе была фактом, отмеченным уже хронистами раннего средневековья. ⁶⁵ Оттону необходима была фикция «переноса империи» (translatio imperii), согласно которой бог перенес власть римских императоров сначала на «западных франков» в лице Карла Великого, а затем на германцев в лице Оттона I. Без этой фикции вся схема «четырёх монархий», несмотря на авторитет одного из ее пропагандистов — св. Иеронима, утрачивала значение.

Именно поэтому хронисты периода становления феодализма (Григорий Турский, Исидор Севильский, Беда Почтенный), равно как и историки каролингского времени, еще ничего не

⁶⁴ Aurelius Prudentius Clemens. Contra Symmachum libri II. PL, 60, col. 228—229. «В чем тайна исторической судьбы Рима?» — спрашивает автор этого стихотворного произведения. По его мнению, в следующем: бог желал единства человеческого рода, ибо религия Христа невозможна без мира и дружбы между народами. Между тем вся земля от Востока до Запада раздиралась на части непрерывной борьбой. «Дабы обуздать это бешенство, бог решил все народы подчинить одинаковым законам и всех сделать римлянами... Ныне, как видим, существует общий закон, все объединены одним именем, и укрощенные люди связаны братскими узами... От смешения крови различных племен родилась единая раса (una progenies). Вот к чему привели все победы и триумфы Римской империи. Так приготовлен был путь для прихода Христа, путь, проложенный установлением римского мира (pacis Romanae). Ибо какое место нашлось бы для бога в диком мире (in orbe feroci), где люди, как это происходило некогда, вели друг с другом борьбу и не имели общей основы для закона?»

Эти оптимистические строки, написанные буквально накануне новой мощной волны варварских вторжений, взятая Рима Аларихом и т. п. событий, ликвидировавших «римский мир», были скоро опровергнуты самим ходом истории. Но аргументы Пруденция еще целое тысячелетие сохраняли свою силу для богословов и историков Западной Европы.

⁶⁵ Впервые, кажется, в хронике комита Марцеллина (ум. ок. 535). См.: Marcellini comitis Chronicon. MG AA, XI, 2, p. 86.

знают о «переносе», игнорируют концепцию четырех монархий и считают, что эра великих монархий кончилась с появлением христианства.

Схема четырех монархий возродилась только в XI в. у немецких и итальянских хронистов в связи с политическими притязаниями, с одной стороны, германских королей, с другой, — римского папства, причем для обоснования идеи «вечности» Римской империи тогда же была выдвинута идея «переноса».

Защитники папских притязаний утверждали, что «перенос империи» от римлян к германцам был произведен римским папой в 800 г. путем возложения императорской короны на голову Карла Великого; в конце XII в. были сфабрикованы соответствующие фальшивые документы, а в XIII в. эта позиция была освящена авторитетом Фомы Аквинского.⁶⁶

Защитники императорской власти разработали теорию «переноса» с помощью соответствующей интерпретации исторических данных.⁶⁷

Оттон Фрейзингенский во второй редакции своей «Хроники» говорит о переносе империи «от Рима... к грекам (т. е. к Византии, — *O. B.*), от греков к франкам, от франков к лангобардам, от лангобардов к немецким франкам (*ad Teutonicos Francos*)». Сообразно этому Карл Великий введен в немецкие всемирные хроники как 68-й или 69-й по счету прямой преемник императора Октавиана Августа.⁶⁸

Таким образом, теория *translatio imperii* стала в Германии официальной доктриной, которую еще в XVI в. защищал Слей-

⁶⁶ См.: W. Goez. *Translatio imperii*. Tübingen, 1958, а также рецензии на этот труд: R. Folz. *Le Moyen Age*, t. LXVI, № 1—2, 1960; E. Perrin. *RH du droit fr. et étr.*, série 4, 1960, № 4.

⁶⁷ Самая идея «перенесения» власти от одних народов к другим была, очевидно, заимствована из Библии: в книге «Иисуса, сына Сирахова» (10, 8) говорится: «*Regnum a gente in gentem transfertur propter iniustitias et contumelias et diversos dolos*». Готфрид Витербский (PL, 198) целый раздел своего «Пантеона» (*pars XVII*) называет «*Imperia transfertur ad Francos*». Этот же автор отмечает расхождения между итальянскими и неитальянскими (т. е. немецкими) историками по вопросу о номере императора Оттона I в «Каталоге императоров». Первые исключают из этого списка Арунольфа, вторые включают; первые включают в список Людовика (Прованского), двух Беренгариев, Гуго и Альберика, вторые же их императорами не признают. Поэтому Оттон I, согласно одним (немцам), 77-й по счету император от Августа, а согласно другим (итальянцам) — 84-й. Таковы исторические контрверсы, которые занимали умы средневековых историков! Вероятно, на основе той же библейской формулы идея «переноса» была воспринята в Московской Руси XV в. и формулирована как передвижение верховенства от римлян к грекам, а от греков к русским («Москва — третий Рим», «два Рима падоша, третий стоит, а четвертому не быти»).

⁶⁸ См.: A. D. von der Brincken. *Studien*. 1957, S. 223 u. passim; Carl Erdmann. *Forschungen zur politischen Ideenwelt des Frühmittelalters*. Berlin, 1951.

дан,⁶⁹ а в XVII в. Г. Хорн.⁷⁰ Для зарождавшихся национальных монархий теория «четырех монархий» и «переноса империи», как бы утверждавшая господство Германии над другими государствами, была неприемлема. Вот почему уже в XII в. Ордерик Виталий и Иоанн Сольсберийский подвергли ее резкой критике,⁷¹ а все вообще французские, английские и другие немецкие авторы всемирных хроник предпочитали периодизацию по «шести возрастам», предложенную Августином. Ее особенностью является то, что центральным и поворотным моментом всемирной истории является не возникновение «последней империи», или ее «перенос», а рождение основателя христианской религии, которым открывается «шестой возраст». По Августину, это — последний период земной жизни человечества, период его старения (*aetas debilis, aetas mundi senescentis*). Отсюда известное положение хроникера Псевдофредегара: «Мир стареет, и в нас ослабевают острота разума» («*Mundus iam senescit, ideoque prudentiae agumen in nobis tepiscit*»).

Периодизация по шести возрастам может сочетаться и со схемой четырех монархий, как мы видим, например, у Оттона Фрейзингенского. Положение Августина о «старении мира» немецкий историк положил в основу своей «Хроники».

Французский монах Гуго из Флери рассматривает в своей «Церковной истории»⁷² шесть дней творения как прообраз (*prae-figuratio*) шести исторических эпох.⁷³ У ранних хронистов, принявших эту периодизацию, каждый день творения соответствует тысяче лет в истории человечества; шестое тысячелетие завершится светопреставлением и страшным судом, после чего наступит «седьмой день вечной субботы» — эпоха блаженства в небесном царстве. С этим представлением и связано ожидание конца света в 1000 году. Но после Рауля Глабера долгое время никто не пытался устанавливать длительность шестой эпохи. Мало того, ее стали в свою очередь делить на шесть периодов — от рождества Христова до конца шестой эпохи, чем еще более подчеркивалась неопределенно большая ее длительность.

Возможность сосуществования обеих рассмотренных периодизаций во многих хрониках обусловлена их классовой однородностью. Ни та, ни другая не предусматривают никаких существенных изменений в положении человечества до конца земной

⁶⁹ I. Sleidanus. *De quatuor summis imperiis, babylonico, persico, graeco et romano*. Strassburg, 1556.

⁷⁰ G. Hornius. *Brevis et perspicua introductio ad universalem historiam*. Leyden, 1665.

⁷¹ J. Spörl. *Grundformen...*, SS. 65 ff, 97 ff. Не потому ли немецкая публицистика XIII в. пыталась популяризовать мысль, что «итальянцам бог дал папство, французам науку, а немцам империю», — мысль, как бы примирявшую различные интересы?

⁷² Hugo Floriacensis. *Historia ecclesiastica*. PL, 163, col. 821—854.

⁷³ Manitius, III, 518—521.

истории. Бедствия, постигающие человечество на протяжении его земной жизни, — страдания народных масс от войн, эпидемий, голодовок, изнурительного труда на феодальных господ и т. д., являются следствием грехопадения первого человека.

Обе схемы примиряются в конечном счете в общем для них положении о том, что церковь и христианское государство суть близнецы, призванные сотрудничать на земле, чтобы обеспечить достижение конечной цели истории — божьего царства, и чтобы вести борьбу против враждебных им обоим сил, в частности упорствующих в язычестве народов.⁷⁴

Таким образом, обе схемы отличаются ярко выраженным классовым характером. Ими утверждается вечность и неизменность существующего феодального строя. Никакие попытки людей разрушить этот богом установленный порядок не могут иметь успеха; стремление к политическим и социальным изменениям является бесплодным и греховным. Единственная возможная в будущем перемена связана только с концом земного существования человечества.

В патристической литературе наряду с рассмотренными системами периодизации возникает и третья схема, на первых порах с ними не конкурирующая. Это — периодизация по трем «мировым эпохам» соответственно трем ипостасям «божественной троицы». Ее отличает довольно отчетливо выраженная, хотя и в мистико-богословской форме, идея исторического прогресса, чуждая первым двум схемам. Каждая эпоха — «бога-отца», «бога-сына» и «святого духа» — характеризуется поднятием на более высокую ступень.

Периодизацию по трем эпохам возродил в IX в. Иоанн Скотт Эригена. В своем комментарии на евангелие от Иоанна он рассматривает первую эпоху как время господства Ветхого завета, второй эпохе соответствует Новый завет, третьей эпохе — святого духа — соответствует царство божье. Христианская церковь эпохи Нового завета есть только символический прообраз «вечной церкви».⁷⁵ В связи с этим находятся и рассуждения Эригены о вечности мира и, следовательно, человеческой истории. Эти рассуждения, недоступные пониманию его современников, спустя три с половиной столетия были осуждены папой Гонорием III. Специальной буллой (1225) папа наложил запрет на его главный труд «О разделении природы» и приказал сжечь все экземпляры этой книги на том основании, что она помогает альбигойцам и лжебогословцам извращать мысли, в свое время являв-

⁷⁴ M. Ritter. Studien über die Entwicklung der Geschichtswissenschaft. Die christliche mittelalterliche Geschichtsschreibung. HZ, Bd. 107, 1911. Ср.: R. Schmidt. Aetates mundi. Die Weltalter als Gliederungsprinzip der Geschichte. ZKG, Bd. LXVII, 1956, SS. 288—317 (рассмотрены Евсевий, Августин, Исидор Севильский, Беда).

⁷⁵ См.: Э. Жебар. Мистическая Италия. СПб., 1900, стр. 60—62.

шиеся правильными, и обосновывать ими свои еретические взгляды.⁷⁶

Схему Эригены видоизменил в XII в. символист и мистик Гуго из Сен-Виктора (1097—1141), который задолго до Гонория III понял ее опасность. Для обозначения первой эпохи он ввел понятие «естественного закона» (*sub lege naturali*), библейская история до Христа — это эпоха Моисеева закона, третья эпоха — это время господства христианской церкви, когда люди живут в условиях благодати. Вопрос о конце третьей эпохи обходится молчанием, чтобы избежать противоречия с официальным учением о конце земной истории.⁷⁷

Оттон Фрейзингенский тоже говорит о «трех состояниях», через которые проходит история человечества: 1) до благодати (*ante gratiam*), 2) время благодати (*sub gratia*), 3) после конца земной жизни. Он отбросил «естественный закон», о котором ничего не сказано в Писании, и получил, таким образом, возможность рассматривать время, наставшее после рождения Христа, как вторую эпоху, а третью — царство божие, в полном согласии с церковью перенес на небеса. Таким образом, Оттон является едва ли не единственным историком, который ухитрился использовать все три схемы периодизации всемирной истории, не придя в противоречие с учением церкви.

Совсем иначе обстояло дело с периодизацией по трем эпохам, разработанной Иоахимом Флорским (ум. в 1202 г.).

Иоахим был по происхождению крестьянином.⁷⁸ Вероятно, он стал монахом, чтобы освободиться от крепостничества, а позже стал аббатом одного из монастырей в Калабрии. Он поставил своей задачей на основании изучения закономерного развития общества в прошлом понять настоящее и предвидеть будущее. Это будущее, в противоположность Оттону Фрейзингенскому и правоверным богословам, Иоахим рисует не как конец мира и успокоение человечества в царстве небесном, а как наступление более совершенного строя здесь же, на земле. Римская империя

⁷⁶ Manitius, I, 335.

⁷⁷ W. A. Schneider. Geschichte und Geschichtsphilosophie bei Hugo von St Victor. München, 1933. Сходное построение в первой половине XII в. дал приближенный Фридриха Барбароссы Ансельм, епископ Гавельбергский (ум. в 1158), который в дополнение к своему предшественнику разделил каждую из трех эпох на периоды, или ступени подъема человечества. Четвертая ступень II эпохи — это современный ему период истории, когда господствуют монахи, «любители истины, восстановители религии», спасающие церковь от гибели. Его произведения см.: PL, 188, а анализ — в ст.: J. Spörl. Grundformen..., SS. 27—30.

⁷⁸ «Homo agricola a iuventute mea», — говорит он о себе в «Expositio super Apocalipsin». В связи с этим следует отметить всю нелепость предположения, что Иоахим был крещеный еврей, только на том основании, что в своем трактате «Adversus Iudaeos» он цитирует тексты на древнееврейском языке. См.: H. Grundmann. Zur Biographie Ioaichims von Fiore und Rainers von Ponza. D. A. f. Erforsch. d. MA, 1960, H. 2.

и католическая церковь в их современном виде не являются, с его точки зрения, последней формой существования человеческого общества, они подвергнутся коренным изменениям и даже исчезнут, хотя земной мир не исчезнет. В качестве духовного лица и сына своего времени Иоахим, естественно, представлял себе весь исторический процесс как процесс развития христианской церкви, но под этой богословской оболочкой скрывается определенно революционное, антифеодалное содержание. Иоахим не отказывается от мистической веры в приход Антихриста со всеми его ужасами, но когда свершатся все таинства, начертанные в Евангелии, как он пишет, «наступит время мира и правды для всей земли».

Согласно учению Иоахима, изложенному в его главном произведении «Согласование» («Concordia»), человечество проходит в своем развитии три фазы. Первая фаза — это время «бога-отца», когда общество держится только страхом, когда повиновение человека закону обусловлено рабством (*servitus*); она длится до появления Христа, но уже задолго до этого проявляются и развиваются элементы нового строя, «дабы старое не исчезло раньше, чем не будет посеяно, не укоренится, не возрастет, словно из земли, и не станет приносить плодов новое (*ne prius videtur deficere vetus quam novum seminatam et radicum geminaret velut ex humo et produceret fructum*)». Таким образом, между концом первой фазы и началом второй Иоахим устанавливает нечто вроде переходного периода, получающего у него название «*initiatio*» (начало, подготовка). Далее следует период, определяемый организацией и расцветом (*fructificatio*) христианской церкви. Это — время «бога-сына», когда суровое рабство закону сменяется более мягким сыновним послушанием, или зависимостью (*servitus filialis*). В этот период человек еще не свободен, хотя страх уже сменился сознательным повиновением, «дисциплиной». Следовательно, государство и церковь как формы принудительной организации общества еще необходимы. Но уже со времени зарождения монашества закладываются семена нового, третьего строя, для которого характерна полная свобода духа (*tertius status in plena spiritus libertate*). Развитие монашества создает предпосылки к переходу общества на наивысшую ступень, к господству «святого духа». Когда этот переход осуществится, связь между людьми будет уже не страх и не дисциплина, а любовь; государство и церковь с присущими им элементами насилия станут ненужными и исчезнут. Это и будет «субботой» для человечества, свободой от всех забот («...*libertas a curis mundi non potest haberi perfecte nisi in sabbato, hoc est in tempore libertatis*»). Так будут окончательно решены все политические, социальные, экономические и религиозные проблемы, так произойдет освобождение от мирских забот, которые являются причиной всех бедствий и несчастий человека. Один из новейших

исследователей мысли Иоахима — итальянец Буонаюти, приходит даже к выводу, что Иоахим верил в близкий революционный переворот, который совершат... монахи цистерцианского ордена. Еще сильнее подчеркивает революционное содержание религиозных по форме идей Иоахима немецкий ученый К. Бурдах.⁷⁹

Г. Грундманн полагает, наоборот, что в учении калабрийского аббата не было ничего революционного.⁸⁰ Но руководители католической церкви держались на этот счет другого мнения: произведения Иоахима были осуждены и сожжены по решению церковных соборов 1215, 1255 и 1260 гг., усмотревших в них угрозу церкви и существующему строю. В середине XIII в. для борьбы с иоахимитскими идеями понадобилось также решительное выступление столпа католицизма и крупнейшего идеолога феодального строя — Фомы Аквинского. Общий смысл его возражений Иоахиму сводится к тому, что никаких перемен в строе человеческого общества не последует до самого конца света; развитие общества не есть исторический процесс его совершенствования и перехода на все более высокую ступень, а чисто логический процесс раскрытия раз и навсегда данной человеку истины евангельского учения.⁸¹

Все это не могло, однако, задержать распространения и дальнейшего углубления идей Иоахима Флорского. Среди францисканского монашества возникают тайные кружки для изучения его работ. По сообщению Салимбене, первый крупный кружок иоахимитов образовался вокруг францисканца Гуго из Дигны. В состав кружка наряду с монахами входили представители городской интеллигенции — нотариусы, судьи, врачи и другие

⁷⁹ E. Buonaiuti. 1) Gioacchino da Fiore. Roma, 1931; 2) [Введение к изданию труда Иоахима «Tractatus super quatuor Evangelia»]. *Ponti per la storia d'Italia*, v. 67. Roma, 1930. Из обширной литературы о Иоахиме Флорском назовем только: Herbert Grundmann. 1) Studien über Joachim von Floris. Leipzig, 1927 (особенно стр. 117 сл.); 2) Neue Forschungen über Joachim von Floris. Marburg, 1950; J. C. Huck. Joachim von Floris und die joachitische Literatur. Freiburg in Brissgau, 1938 (в строго католическом духе); M. Reeves and R. Hirsch. The Figures of Joachim of Flore. Mediaeval and Renaissance Studies, v. 3. 1954; G. Voas. Essays on Primitivism and related ideas in the Middle Ages. Baltimore, 1948, p. 209 sqq.; A. Crocco. Gioacchino da Fiore, 1960; Felice Tocco. L'Eresia nel medio evo, I, 2. Firenze, 1884, cap. I—II; P. Fournier. Joachim de Flore et l'Evangile éternel. RQH, v. 45, 1900; P. René de Nantes. Histoire des spirituels. Paris, 1909; Э. Жебар. Мистическая Италия, стр. 51 сл. Критический обзор важнейшей литературы по теме: G. La Piana. Joachim of Flora: a critical survey. Speculum, v. 7, № 2, 1932; марксистская оценка: С. М. Стам. Учение Иоахима калабрийского. Вопросы истории религии и атеизма, т. VII, М., 1959, стр. 328—360. К сожалению, этому автору осталась неизвестной новейшая литература, отчет о которой дает Биньями-Одье (Jeanne Bignami-Odier. Le Moyen Age, t. LVIII, 1952, pp. 145—161).

⁸⁰ H. Grundmann. Studien..., S. 117; Conrad Burdach. Riforma, Rinascita e Humanesimo. Firenze, 1935, pp. 29, 31 sq.

⁸¹ H. Grundmann. Studien..., S. 122 f.

образованные люди.⁸² Сам Салимбене также был причастен к иоахимитскому движению, но вскоре отошел от него по совету одного монаха знатного происхождения, предупредившего его об опасности этого увлечения. Действительно, иоахимитские кружки вскоре были разогнаны орденовыми властями, а наиболее упорствовавшие в заблуждениях подвергнуты суровым карам.

Иоахимиты популяризировали идею, что история идет от хорошего к лучшему, идею прогрессивного развития. Из их среды вышел такой антипапский документ, проникнутый вместе с тем ненавистью ко всей церковной иерархии, как «Введение» («Liber Introductorius») к «Вечному евангелию», своеобразной хрестоматии из произведений Иоахима.

Историческая концепция Иоахима оказала сильнейшее влияние на еретиков, соприкасавшихся с широкими массами. Возникшая в начале XIII в. в Париже секта амальрикан, включавшая много ремесленников, испытала влияние иоахимитских идей.⁸³ То же самое можно сказать о сектах «свободного духа», появившихся к этому времени в Германии, об итальянских «фратичелли», о ереси «апостольских братьев» и «братьев бедной жизни» (*fraterculi de vita paupere*). Из этой сектантской среды вышел вождь крестьянского восстания на севере Италии фра Дольчино, который переработал идеи Иоахима в еще более революционном духе.⁸⁴ Наконец, в середине XIV в. до некоторой степени последователем иоахимизма был знаменитый «римский трибун» Кола ди Риенцо, который считал себя «рыцарем святого духа», призванным просветить и возродить к новой жизни все человечество.⁸⁵

В конечном итоге иоахимитство было задушено так же, как и те еретические и революционные движения XIII—XIV вв., для которых оно давало историко-теоретическую основу. С проповедниками этого учения церковь расправилась беспощадно, так как, по энергичному выражению францисканца Анджело Кларено, они были проникнуты «духом дьявольской свободы» (*spiritus libertatis diabolicae*). Может быть, именно вследствие преследований они не успели применить идеи своего учителя к разработке конкретной истории, хотя Иоахим как бы призывал к этому своих учеников, указывая на лживость цер-

⁸² Cronica fratris Salimbene de Adam sub anno 1248, p. 236: «Erant ibi multi notarii et iudices atque medici atque alii litterati...».

⁸³ См.: L'Eresia nel medio evo, p. 409 sq.; Э. Жебар (Emile Gebhart. L'Etat d'âme d'un moine de l'an 1000. Revue des deux Mondes, 107, 1891) указывает, что Амальрик Шартрский (ум. 1204), основатель этой ереси, разработал схему Скота Эригены самостоятельно.

⁸⁴ G. Voas. Essays on Primitivism..., p. 215 sq.

⁸⁵ P. P. P. Cola di Rienzo: Darstellung seines Lebens und seines Geistes. Wien, 1931; H. Grundmann. Studien..., S. 141 f.

ковно-феодалной историографии (*culpa scriptorum vitiatæ sunt scriptoribus*).⁸⁶

Таким образом, господство церковно-феодалной исторической концепции (как и всей идеологической системы средневековья) осталось непоколебленным. Только на грани XV и XVI вв. в связи с крупными экономическими сдвигами, с зарождением капитализма, породившего новые явления в политической и социальной жизни Западной Европы, богословская концепция истории стала отступать перед натиском новых идей, выдвинутых гуманистической историографией.

5. ОТНОШЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ИСТОРИКА К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ. ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ И ЕЕ ЦЕЛИ

Нет, пожалуй, ни одного средневекового историка, который, следуя церковным авторитетам, не считал бы своим долгом заставить читателя в своей абсолютной правдивости. Еще Августин в трактате «Христианское учение» («De doctrina christiana») выдвинул положение: «Задача истории — рассказывать факты правдиво и в целях пользы».⁸⁷

Августин вообще немало внимания уделил вопросу об истине и лжи, который он рассмотрел наиболее подробно в двух специальных трактатах: «De mendacio» («О лжи») и «Contra mendacium» («Против лжи»). Своими богословскими ухищрениями и тонкой казуистикой этот авторитетнейший из «отцов церкви» не столько разъяснил, сколько запутал эти, казалось бы, простые понятия. «Не всякий, кто говорит ложь, — утверждает он, — повинен в обмане, если только он думает или верит в истинность того, что он говорит»: Обманывает, по его мнению, лишь тот, кто думает одно, а говорит или пишет другое. В этом случае лжец впадает в двойной грех: во-первых, в грех сокрытия истины, во-вторых, в грех распространения заведомой лжи. Из этого Августин делает следующий вывод: «Можно без всякого обмана говорить неправду, если ты думаешь, что дело происходило так, как сказано, хотя бы это было совсем не так».⁸⁸ Следовательно, оценка сказанного как лжи или истины определяется чисто субъективно, с точки зрения говорящего, хотя Августин прекрасно понимал и даже подчеркивал, что ложь есть нечто объективно

⁸⁶ Там же, стр. 56. Влияние мистических идей Иоахима прослеживается до XVIII в., а в наше время ими заинтересовались сектанты (так называемые адвентисты) в США.

⁸⁷ De doctrina christiana, II, 28. PL, 34, col. 56: «Historia facta narrat fideliter atque utiliter».

⁸⁸ De mendacio, cap. III. PL, 40, col. 488 [разрядка всюду моя, — О. В.].

противоположное истине и в любых случаях является «греховной».

Весьма существенным является отношение Августина к умолчанию, т. е. к нарочитому устранению нежелательных фактов, что в исторической науке считается одним из приемов фальсификации. У Августина же по поводу этого приема сказано: «Хотя всякий, кто лжет, хочет скрыть истину, но не всякий, кто хочет скрыть истину, лжет. . . Ибо большею частью мы скрываем истину не с помощью лжи, а с помощью умолчания. Итак, не является ложью, когда истина скрывается путем умолчания. . .».⁸⁹

К любым видам обмана, даже самого, на наш взгляд, невинного (шутка и т. п.), Августин относится крайне нетерпимо. Вместе с тем, стремясь предусмотреть и оценить с точки зрения христианской морали все возможные случаи вольной или невольной лжи, он открывает лазейку для любых фальсификаций в историографии. Ведь в средние века при отсутствии у историка, склонного верить всему написанному, каких-либо критических навыков, при ненадежности, случайности и скудости информации (самые серьезные историки писали многое *fama vulgante* — по слухам) трудно, а чаще невозможно было утверждать о каком-нибудь авторе, что он говорит ложь, зная истину, т. е. обманывает, по Августину. Да и что мог средневековый историк считать критерием истины? Лишь у единичных писателей XII в. можно обнаружить понимание того, что наличие двух совпадающих независимых свидетельств говорит в пользу их истинности (что также недостаточно). Между тем средневековые историки, как правило, довольствовались одним свидетелем, не пытаясь даже выяснить, насколько он надежен и заинтересован в том, чтобы сообщить истину.

Заметим, что церковные авторитеты, не столь ригористичные, как Августин, по отношению к обману, освящали сознательную ложь, если только она продиктована благочестивыми целями (*pia fraus*). Специфические же условия работы средневекового историка, на чем мы остановимся далее, содействовали безнаказанному искажению одних фактов, вольному обращению с другими, проникновению в исторические труды фантастических измышлений, подложных документов и т. п.

⁸⁹ *Contra mendacium*. PL, 40, col. 533: «Quamvis enim omnis qui mentitur velit celare quod verum est, non tamen omnis qui vult quod verum est celare mentitur. Plerumque enim vera non mentendo occulimus, sed tacendo. . . Non est ergo mendacium cum silendo absconditur verum, sed cum loquendo promittitur falsum». Ср.: «Mendacium est quippe falsa significatio cum voluntate fallendi. Non est autem falsa significatio, ubi etsi aliud ex alio significatur, verum est tamen quod significatur, si recte intelligatur» (PL, 40, col. 537). Примеры умолчаний в средневековых исторических трудах см. на стр. 131, 133.

Опираясь на Августина и на античную литературную традицию (вспомним Цицерона с его «*ne quid falsi audeat, ne quid veri non audeat historia*»), средневековые историки сказали немало хороших слов о необходимости писать только правду. Беда Почтенный рассматривает труд историка как «служение богу» и поэтому считает «первейшим долгом» правдиво излагать факты.⁹⁰

«Историк обязан быть правдивым», — повторяет за ним Эадмер, — «сознательно написать в священной истории ложь есть преступление, ибо всякий раз, как ее прочтут или услышат, душа автора убивается (*anima scriptoris occiditur*)».⁹¹ «Недостойно историка обманывать легковерного читателя», — пишет Вильям Мэмсберийский. Иоанн Сольсберийский в своей небольшой по объему «Папской истории» несколько раз возвращается к вопросу о правде и лжи в историческом труде: «Историк должен служить истине, ибо стремясь понравиться немногим, он на свою погибель обманывает всех»; «Живой историк обрекает на гибель и свою репутацию, и свою бессмертную душу».⁹²

Являются ли подобные высказывания (а их по меньшей мере столько же, сколько дошло до нас исторических средневековых произведений) литературным трафаретом или выражением искреннего стремления к истине? Новейшие буржуазные исследователи склоняются ко второй точке зрения. У большинства хронистов они обнаруживают добросовестность, подлинную любовь к правде, попытки критического подхода к получаемым сведениям.⁹³ Они резко критикуют немецкого медиевиста Эллингера, который в своем исследовании «Отношение общественного мнения к истине и лжи в X, XI и XII веках» считает высказывания средневековых историков об истине литературным штампом и приходит к выводу, что «никогда так откровенно не лгали и фальсифицировали, как в эту эпоху».⁹⁴

Эллингер, действительно, несколько упростил вопрос. Фальсификация истории и ее источников производилась не менее часто и до, и после рассмотренного им периода. С другой стороны, собранные им образцы лжи в анналах и хрониках не всегда представляют собою сознательный обман читателя и нередко являются следствием специфических условий работы церковно-феодалного историка, характера источников его информации,

⁹⁰ *Beda Venerabilis. Historia Ecclesiastica*, 161.

⁹¹ *Eadmeri. Vita Anselmi*, 422. Цит. по: H. Richter. *Englische Geschichtsschreiber*. . ., S. 27 f.

⁹² HP, pp. 4, 17 etc.

⁹³ Особенно ясно выражена эта тенденция у Лампрехта, Рихтера и других исследователей хроник XII в. Уго Бальцани еще в начале нашего века пришел к тому же выводу при изучении ряда итальянских хроник. U. Balzani. *Le cronache italiane nel medio evo*. Milano, 1900, p. 147: «Свет критики загорался самопроизвольно у этих монахов» (т. е. у хронистов монастырей Фарфа и Монтекассино в конце XI и XII в.).

⁹⁴ G. Ellinger. *Das Verhältnis*. . ., S. 78 f.

неспособности подвергнуть их проверке. Как раз в хрониках XI и XII вв., которым Эллиндер вынес столь суровый приговор, нередко встречаются попытки критики некоторых источников или отдельных фактов. Хотя они не дают нам права говорить вместе с новейшими исследователями о пробуждении в XI—XII вв. «критического духа», но они все же являются показателем известного прогресса в историографии.

Чтобы лучше разобраться в вопросе, необходимо предварительно выяснить: 1) характер фальсификаций и неверных данных, 2) наличие в них определенных тенденций, 3) отношение средневекового автора к своим источникам.

Наиболее распространенной категорией вымыслов или фальсификаций являются сообщения о чудесах. Здесь особенно резко обнаруживается легкое верие хрониста, и здесь он наиболее связан своим монашеским обетом послушания (*obedientia*), препятствующим критике явно неправдоподобных сведений. Даже такой добросовестный писатель, как Беда Почтенный, считающий «первым долгом историка» исследование истинности сообщаемых им фактов, не смеет усомниться в «чуде», о котором рассказал ему «достойный доверия» священник, сам слышавший о нем от другого священника.⁹⁵

Для Титмара Мерзебургского «надежный» свидетель — наилучшее доказательство любого чуда, особенно если свидетель — лицо высокого социального положения.⁹⁶ Даже Вильям Мэмсберийский, один из лучших историков XII в., осуждает «неверие наших дней, украшающее себя зонтом осторожности (*cautelae umbraculo*) и отказывающееся верить чудесам, хотя бы он видел их собственными глазами».⁹⁷ Одно чудо, которое он «сам видел», заставляет этого хрониста, как он спешит заявить читателю, верить всем другим чудесам. Вообще сомнение в достоверности какого-либо чуда для монаха было равнозначно сомнению в истинности христианского вероучения. Б. Лаш в исследовании «Пробуждение и развитие исторической критики в средние века» с полным основанием делает церковь в целом ответственной за слабое развитие критики.⁹⁸ В лучшем случае, да и то в виде редкого исключения, тот или иной церковный писатель выступал против чересчур грубого обмана верующих, опасного для церкви в целом.

Таким редким исключением являются произведения Гвиберта Ножанского: «Автобиография» («*De vita sua*», libri III) и «О мощах святых» («*De pignoribus sanctorum*»). Он разоблачает неко-

⁹⁵ H. Richter. Englische Geschichtsschreiber..., S. 18 f.

⁹⁶ W. A. Schneider. Geschichte..., S. 11.

⁹⁷ W. Malmesbergiensis. De gestis regum Anglorum libri V, p. 289.

⁹⁸ Berthold Lasch. Das Erwachen und die Entwicklung der historischen Kritik im Mittelalter. Breslau, 1887: «Церковь подавляла... зародыши критики».

торые легенды о святых и некоторые наиболее возмутительные приемы обмана верующих монахами. Так, например, он остроумно осмеивает легенду о «святом Пироне», аббате одного монастыря, который достиг вершины святости, утонув в колодце, куда он свалился в пьяном виде; он с возмущением описывает мошеннические проделки монахов с фальшивыми реликвиями и т. д. «Я краснею, — рассказывает Гвиберт в первой книге трактата „О мощах святых“, — когда аббат восхвалял реликвию, ссылаясь на меня, а я вынужден был молчать, хотя оратор бесстыдно лгал».⁹⁹

Впрочем, трезвые критические соображения совмещаются и у Гвиберта с некритическим отношением ко многим басням и легендам, с верой в чудеса, знамения и вещие сны, о чем свидетельствует хотя бы его автобиография (особенно книга III). Тем не менее даже эти первые проблески критики были неприятны церкви: не случайно трактат Гвиберта о реликвиях и его автобиография сохранились только в одном экземпляре.

У других авторов X—XIII вв. элементы критики выражены еще слабее. Иногда новейшие исследователи критический подход средневекового историка усматривают там, где для этого нет никаких оснований. Так, Г. Бойманн отмечает «критическое сомнение» Видукинды Корвейского в достоверности чудес, совершенных чешским святым Вацлавом.¹⁰⁰ Но для того же Видукинды не подлежит ни малейшему сомнению, что мать императора Оттона I св. Матильда была ангелом вознесена на небо: ведь это видел собственными глазами один «достойный доверия» монах. Не вправе ли мы видеть в «смелой критике» чудес св. Вацлава просто выражение недоброжелательства немецкого феодала к славянам?

Легенды о чудесах составляют, разумеется, основное содержание прежде всего житийной литературы. Б. Круш, Теодор фон Зиккель и другие медиевисты давно доказали, что целью многих легенд является обоснование имущественных претензий или привилегий монастыря, церкви и т. д.¹⁰¹ Л. Цепф, посвятивший агиографии X в. специальное исследование, показал, как в этом и следующих столетиях перерабатывались старые жития для тех же практических целей, причем в житийный текст вводились фальсифицированные данные, новые вымыслы о чудесах.¹⁰²

⁹⁹ PL, 156, col. 621. Ср.: Abel Lefranc. Le Traité des reliques de Guibert de Nogent et les commencements de la critique historique au moyen âge. В кн.: Études d'histoire du moyen âge dédiées à G. Monod. Paris, 1896. Критическое дарование Гвиберта особенно вышукло выступает при сопоставлении его «*De pignoribus sanctorum*» с одноименным разделом хроники Рауля Глабера («*De sanctorum pignoribus ubique revelatis*», cap. 6).

¹⁰⁰ H. Veumann. Widukind von Korvei, S. 57 f.

¹⁰¹ См., например: B. Krusch. Zur Eptodius und Eparchius-Legende. NA, Bd. 25.

¹⁰² L. Zoepf. Das Heiligen-Leben...

Однако и цели, и приемы фальсификаций не составляли монополию одних лишь авторов житий, тем более, что последние являлись большей частью и авторами хроник. Адам Бременский, например, прямо указывает, что его «История Гамбургского епископства»¹⁰³ имеет главной целью сохранение документов и факты, которыми обеспечиваются права и привилегии этого епископства.¹⁰⁴ Точно такую же задачу ставят перед собою Ламперт Герсфельдский в своих «Анналах», Лев Марсианский в Монтессинской хронике и его продолжатель Петр Диакон, которого еще в XVII в. Цезарь Бароний назвал «самым лживым» (*mendacissimus*) автором,¹⁰⁵ и ряд других.

Отличие собственно исторических произведений от житий в указанном отношении состоит лишь в том, что в первых наряду со свидетельствами «очевидцев» гораздо чаще используются документы, в том числе и заведомо подложные. Ярким примером может служить «История новых [времен]» английского монаха Эадмера (ум. ок. 1124).¹⁰⁶ В этом труде, который Г. Рихтер восторженно характеризует как «апогей средневековой историографии, никем уже более не достигнутый»,¹⁰⁷ для обоснования первенства Кентерберийского архиепископства в английской церкви приводятся десять «найденных» автором документов. Как доказал в 1902 г. Г. Бемер, все эти документы являются фальшивками, сфабрикованными, по мнению того же исследователя, в 1072 г. кентерберийским архиепископом Ланфранком. А. Макдональд в исследовании о жизни и трудах Ланфранка датирует эти фальшивки 1120 г. и приписывает их (не без основания) самому Эадмеру. Все, что Рихтер может сказать для опровержения Макдональда, сводится к утверждению, что сознательная фальсификация противоречит правдивому характеру Эадмера. Трудно, однако, допустить, что этот хронист, являвшийся ближайшим советником архиепископа Ансельма Кентерберийского, был совершенно непричастен к подлогу. Макдональда он во всяком случае не убедил.¹⁰⁸ Случаев, подобных данному, огромное количество. Имея это в виду, Морид Риттер заканчивает свою характеристику средневековой историографии словами: «Не видно конца фальсификациям истории!».¹⁰⁹

Всевозможные вымыслы, подлоги и фальсификации широко применялись не только для защиты непосредственных материальных интересов одного монастыря, церкви, епископского престола, но и с целью пропаганды определенных политических взглядов. Средневековый хронист, даже если он был проникнут аскетическими идеалами клюнийцев, проявлял удивительный интерес к чисто мирским делам, к политическим событиям, сражениям, дипломатическим переговорам и т. п. Он проводит строгое различие между историей церковной (*ecclesiastica*) и светской (*profana*), но в его изложении обе истории переплетаются, причем последняя занимает явно преобладающее место.

В раннее средневековье историки еще считали нужным оправдывать свое внимание к мирским делам. Григорий Турский начинает «Историю франков» указанием на то, что в этом труде смешаны факты церковной и светской истории и в связи с этим просит читателя не сомневаться в его правоте.¹¹⁰ Беда, Фрекульф, Видукинд в VII—X вв. ссылаются для оправдания интереса к светской истории на книги Ветхого завета.¹¹¹

Правда, в период наибольшего подъема клюнийского движения с его строго аскетическим направлением увлечение монахов светской историей было осуждено таким авторитетом, как Петр Дамиани. В трактате «О совершенстве монахов» этот ревнитель суровой аскезы порицает монахов, которые «сплетают ткань исторического повествования, рассказывают об эдиктах древних царей или их победах и проводят дни в чтении вздорной бабьей болтовни». Так, сокрушается Дамиани, монахи «употребляют время не на повторение душевспасительных молитв, а на изучение смешных и суетных анналов».¹¹²

Однако историография была слишком важным идеологическим орудием в руках церкви, чтобы ее руководители согласились с этой ригористической позицией. В стенах даже клюнийских монастырей создаются, при всемерном поощрении со стороны аббатов, исторические произведения, несущие на себе печать мирских забот и ярко выраженных политических тенденций.

Таковы, несмотря на пронизывающее их мистико-аскетическое настроение, «Истории» Рауля Глабера, написанные в пе-

¹⁰³ Adamus Bremensis (ум. ок. 1076). *Gesta Hammenburgensis ecclesiae pontificum. Libri 4. Geschichtsschreiber d. deutschen Vorzeit. Lief. 7.* Neu bearb. von W. Wattenbach. Leipzig, 1888.

¹⁰⁴ W. A. Schneider. *Geschichte...*, S. 12.

¹⁰⁵ U. Balzani. *Le chronache...*, pp. 150 sq., 171.

¹⁰⁶ Eadmer. *Historia novorum in Anglia*. См.: Gross, № 1768.

¹⁰⁷ H. Richter. *Englische Geschichtsschreiber...*, S. 25.

¹⁰⁸ A. J. Mac Donald. 1) Lanfranc, a study of his life, work and writing. Oxford, 1926; 2) Eadmer and the Canterbury privileges. *Journ. of theological studies*, v. XXXII, 1930.

¹⁰⁹ M. Ritter. *Studien über die Entwicklung der Geschichtswissenschaft*. HZ, Bd. 107, 1911.

¹¹⁰ Gregorii ep. Turonensis. *Historiarum libri decem*. V. I, l. 1: «... quod in ecclesia credi praedicatur sine aliquo fuco aut cordis hesitationem retineam...» (Ausg. Quellen, Bd. 1, S. 6).

¹¹¹ H. Beumann. *Widukind von Korvei*, S. 23.

¹¹² De perfectione monachorum, LXXIII. PL, 145, col. 324; «... fabulosi naeniis occupantur... Modo enim rerum gestarum lacinias texunt, modo regum antiquorum edicta vel victorias referunt: sicque diem in nugarium anilium inepta recitatione consumunt. Ita fit, ut per linguam Deo dicatam, quam non salutare occupant preces, ridiculose vani, ac superstitiosi recitentur annales...». См. также: J. Gonsette. *Pierre Damien et la culture profane*. Louvain, 1953.

риод его пребывания в Клуни по настоянию аббата Одилона.¹¹³ В «Прологе» Рауль Глабер указывает, что со времен Беды и Павла Диакона не появлялось ни одного автора, который изложил бы «для потомков историю последних 200 лет». Он убежден в том, что «в Римской империи и у заморских варваров за это время произошли события, знание которых весьма полезно людям».¹¹⁴

Такова и «Церковная история» Ордерика Виталия, в которой, вопреки названию, гораздо больше места отведено норманским завоеваниям и прочим политическим событиям, чем истории церкви и монастыря св. Эвула, которую Ордерик, собственно, поручено было написать. В прологе к I книге автор оправдывается тем, что так же поступали «агиографы Моисей и Даниил», «языческие историографы» Дарий Фригиец и Помпей Трог, «церковные писатели» Орозий, Беда, Павел Диакон. Все они стремились передать «будущим поколениям деяния своих современников»; к тому же стремится и он, Ордерик Виталий.¹¹⁵

Каким же путем проводит средневековый хронист свою политическую тенденцию? Чаще всего это достигается путем умолчаний или с помощью соответствующего подбора непроверенных или легендарных данных, дополняемых при необходимости продуктами собственной фантазии.

Фальсификация истории при помощи своевременных умолчаний и «осторожных» формулировок применяется, естественно, главным образом наиболее опытными и хорошо подготовленными историками. Так, Оттон Фрейзингенский похищение малолетнего Генриха IV у матери-регентши духовными феодалами излагает следующим образом: «Генрих сперва находился под опекою своей матери императрицы Агнесы, правившей государством благоразумно и умело, но затем, отчужденный от матери по замыслу некоторых, стал править самостоятельно».¹¹⁶ В этой фразе взвешено каждое слово, равно как и все сообщение в целом, является образцом ловкого искажения действительных событий. Известно, что Генрих IV, тогда еще 11-летний ребенок, был по-

¹¹³ E. Sachur. Studien über Rodulfus Glaber. NA, Bd. 14, 1889.

¹¹⁴ PL, 188, col. 15—16. Ср. высказывания Августина о пользе истории (прим. 139). Готфрид Витербский в посвящении своей книги папе Урбану III считает, что она «будет полезна не только клирикам, но и всем королям и князьям... Ибо не могут безупречно править те, кто не знают происхождения мира и течения его истории... Ведь все короли должны быть знакомы с современной им обстановкой и наукой правосудия (regum statum et iustitiae disciplinam). Для них важно знание биографий (vitam et gesta atque historias) прошлых королей... дабы обстоятельства жизни предшественников явились предостережением для потомков и дабы они правили разумно (rationabilius)». (Godefridi Viterbiensis. Pantheon sive memoria saeculorum. PL, 198, col. 877).

¹¹⁵ Orderici Vitalis. Historia Ecclesiastica. PL, 188.

¹¹⁶ MG SS rer. Germanic. in usum schol., XXIII, lib. VI, cap. 34: «Postmodum consilio quorundam matri alienatus, per se regnavit».

хищен у матери; «некоторые», осуществившие похищение, — это хорошо известные Оттону лица: архиепископ Кельнский Аннон и другие высшие духовные феодалы; Генрих IV «стал править самостоятельно» только по достижении совершеннолетия, спустя 7 лет после упомянутого события, а до этого времени Германией правили или, точнее, ее грабили члены регентского совета, вынудившие Агнесу уйти в монастырь.

В некоторых случаях, когда исторические факты, по какой-либо причине неприятные Оттону, не поддаются искажению, он отказывается от всяких оценок. Точно так же поступает и Готфрид Витербский.¹¹⁷ Он пользуется своим «правом» замалчивать некоторые факты самым примитивным способом и ухитряется изложить историю времен Григория VII и Генриха IV, не упоминая о борьбе между папством и империей! У него нет ни звука о Каноссе и последующем разрыве между папой и императором; хронологическая последовательность дальнейших событий в Германии и Италии нарочито извращена так, чтобы стереть всякие следы деятельности папских агентов и сделать непонятным восстание Генриха V против отца.

Что касается фальсифицирования истории при помощи различных легенд и измышлений самих авторов, то при подборе примеров мы испытываем настоящее *embarras de richesses*. Примеры можно извлечь из любой хроники. Возьмем Павла Диакона. В своей «Истории лангобардов» он наряду с подлинными фактами сообщает немало сказок, которые должны были восприниматься его читателями как историческая истина. Таков рассказ о бегстве в Константинополь жены персидского царя, за которой прибыл в столицу Византии и сам царь (имя которого Павел осторожно не называет) в сопровождении 60 000 воинов, вместе с которыми он, по примеру жены, якобы, принял христианство.¹¹⁸

Сообщая о вторжении сарадинов в Аквитанию, Павел Диакон утверждает, что франки перебили 375 000 человек из вражеского войска, потеряв всего 1 500 своих.¹¹⁹

Оба эти фантастических сообщения должны, очевидно, показать превосходство христиан над «язычниками» (т. е. мусульманами), могущество христианского бога и все более широкое распространение «истинной религии» по всей земле.

Стремление историка представить в благоприятном свете былое могущество своего родного племени породило такую выдумку: при втором вторжении сарадинов в Галлию король франков Карл

¹¹⁷ В своей всемирной хронике (PL, 198, col. 958) он пишет: «Haec omnia (т. е. действия Оттона I, низложившего папу Льва VIII, — O. B.) utrum licite an illicite facta tunc fuerint, ad hoc opus non pertinet explicare; proposui enim res gestas describere, non rerum gestarum reddere rationem».

¹¹⁸ Paulus Diaconus. Historia gentis Langobardorum. Libri VI. MG SS rer. Germanic. in usum schol., 1878, I. IV, cap. 50.

¹¹⁹ Там же, кн. VI, гл. 46.

Мартел, якобы, обратился за помощью к королю лангобардов Лиутпранду. При одном лишь известии о приближении лангобардского войска сарацины обратились в бегство. Лиутпранд вернулся домой победителем, даже не обнажив меча.¹²⁰ О сражении 732 г. между Пуатье и Туром Павел Диакон даже не упоминает.

Можно ли приписать подобное искажение событий, свидетелей которых Павел мог еще застать в живых, его легковерию, отсутствию элементарной критики свидетельств и т. п.? Нашел же Павел возможным подвергнуть критике народную легенду о происхождении лангобардов, названную им «смешной сказкой».¹²¹

Было бы, конечно, ошибочным, считать Павла Диакона, на основании приведенных примеров, недобросовестным историком. Но его отношение к исторической действительности уже совсем иное, чем у лучших античных авторов. Ему чуждо стремление последних тщательно отделять вымысел от истины путем применения элементарных приемов исторической критики. То же справедливо в отношении всех других средневековых историков. Только удельный вес вымышленных данных в общей их массе у разных авторов неодинаков, у некоторых вообще стирается всякая грань между историческим повествованием и романом.

Самым разительным примером превращения истории в сплошное собрание вымыслов является «История британских королей» Джоффри Монмаутского, написанная около 1137 г.¹²²

Ссылаясь на мифическую «очень старинную книгу на британском языке»; Джоффри подробно рассказывает о подвигах столь ж мифического короля Артура, который покори саксов, прошел со своими войсками Норвегию, завоевал Галлию, разгромил войско римского полководца Луция и т. д. Через придворного астролога и прорицателя Мерлина, являющегося рупором историка, вводятся политические пророчества, оказывавшие влияние на политическую жизнь в Англии и на англо-французскую лите-

¹²⁰ Там же, гл. 54.

¹²¹ Там же, кн. I, гл. 8.

¹²² Geoffrey of Monmouth (ум. 1154). *Historia Regum Britanniae sive Historia Britonum*. См.: Gross, № 1374. Литература, посвященная этому произведению, огромна. Из новейших трудов назовем только: Laura Keeler. *Geoffrey of Monmouth and the late latin chroniclers 1300—1500*. Univ. of California Press, 1946; J. S. Tatlock. 1) *Certain contemporaneous Matters in Geoffrey Monmouth's Speculum*, v. 6, 1934, pp. 206—234; 2) *Geoffrey Monmouth's Motives for writing his Historia. Proceed. of the Amer. Philos. Soc.*, v. 79, № 4, 1938, p. 695—703; 3) *The legendary History of Britain: Geoffrey of Monmouth's Historia regum Britanniae and its early vernacular versions*. Univ. of California Press, Mediaeval Academy of America, 1950 (основной труд по данной теме); E. K. Chambers. *Arthur of Britain*. London, 1927; Jacob Hammer. 1) *A commentary on the Prophetia Merlini*. *Speculum*, v. 10, 1935; 2) *Издание текста «Historia regum Britanniae»*. Mediaev. Ac. of America, Cambridge, Mass., 1951.

ратуру до XVII в. В частности, пророчество Мерлина о неминуемом восстановлении государства бриттов сыграло пропагандистскую роль в ряде восстаний кельтов Уэльса (в XII—XIV вв.) против англо-нормандских феодалов.

Джоффри писал свою «Историю» в то время, когда у нормандцев, анжуйцев, фламандцев уже имелись местные хроники, излагавшие историю образования во Франции соответствующих графств и герцогств. Появление этих феодальных хроник в XII в. было обусловлено потребностью крупных вассалов французского короля исторически обосновать свои права на подвластную территорию и на полную самостоятельность от королевской власти, которая как раз тогда начинала поднимать голову. Эта задача казалась столь важной, что за нее брались иногда сами заинтересованные феодалы. Так, «Историю Анжу» пишет около 1109 г. граф анжуйский Фульк, стремившийся оправдать захваты своих предков, которыми было создано величие его дома.¹²³

Американский историк Тэтлок видит в появлении подобных хроник признак зарождения национального самосознания, или, как он выражается, «расового патриотизма».¹²⁴ В действительности Монмаут, как и другие авторы, старался с помощью своих басен доказать древность происхождения бретонских феодалов и возвеличить их, приписывая их мнимым предкам, Артуру и его рыцарям, фантастические завоевания и подвиги.

Но у Джоффри была и другая политическая цель. В его истории фигурирует ряд королей, самостоятельно якобы правивших Британией — Гвендолена, Корделия, Елена и проч. Можно на сей раз согласиться с мнением Тэтлока, что все эти «замечательные королевы» специально выдуманы для того, чтобы поддержать притязания на английский трон дочери Генриха I и супруги анжуйского графа Матильды, которой Джоффри и посвятил свою «Историю». Действительно, одним из серьезных возражений против признания Матильды было то, что женщины никогда не занимали королевского трона Британии.

«История» пользовалась огромным успехом.¹²⁵ Она была положена в основу большого числа английских хроник. Ее цитировали как авторитетный и правдивый источник на протяжении нескольких столетий. Сюда были позже добавлены новые басни, но уже не ради защиты политических притязаний, а в связи с ма-

¹²³ A. Molinier, V, p. CII; Молинье называет хронику Фулька «une sorte de mémoire justificatif».

¹²⁴ J. Tatlock. *Geoffrey Monmouth's motives...*, l. c.

¹²⁵ «Пророчества Мерлина» неоднократно переиздавались, а в XV—XVII вв., т. е. значительно раньше, чем весь труд Джоффри Монмаутского, переведены были на английский, французский, итальянский и испанский языки. Латинское название: *Prophetia Anglicana Merlini Ambrosii Britanni, ex incubo olim (ut hominum fama est) ante annos mille ducentos circiter in Anglia nati, vaticinia et praedictiones, a Galfredo Monmetensi latine conversae*. См.: Potthast, I, 488 f.

териальными интересами английской церкви. Так, например, составитель «Цветов истории» («Flores Historiarum», ок. 1326), обратив Луция в «первого христианского короля Британии», приписал ему щедрые раздачи земель и доходов различным английским церковным учреждениям, причем приведенные в виде доказательства хартии дарений были между XI и XIII вв. сфабрикованы в Сент-Албанском монастыре. Кроме того, один из мифических королей, упомянутых Джоффри, оказывается, получил исцеление от болезни в воде источника, исторгнутого из бесплодной земли св. Албаном на территории того же Сент-Албанского монастыря.

Хронист Вильям Ньюбургский (ум. ок. 1498), которого Фримен назвал «отцом исторической критики», смело выступил против Джоффри Монмаутского. Он ссылался на то, что у достовернейших древних авторов — Гильдаса, Беды — нет никакого упоминания о короле Артуре, об «императоре» Луции и т. д., возмущался тем, что Джоффри «прикрыл свои басни честным именем истории».¹²⁶

Однако его критика была оставлена без внимания. В XIV в. Ранульф Хигден, автор популярнейшей «Полихроники», сразу пресек подобную критику следующим замечанием: в евангелии от Иоанна имеется немало фактов, неизвестных другим евангелистам. Следует ли отсюда, что Иоанн выдумал эти факты?¹²⁷

Против этой апелляции к авторитету Священного писания никто не смел возражать, по крайней мере до историка-гуманиста Полидора Виргилия, который в XVI в. сильно подорвал репутацию Джоффри как «правдивого» историка.

Перед грандиозной исторической фальсификацией Джоффри Монмаутского бледнеют отдельные вымыслы других историков, как бы велико ни было число этих вымыслов. Возьмем, например, хроника Матвея Парижского (точнее, Мэтью Пэриса; ум. ок. 1259), историка выдающегося дарования, превосходно осведомленного в политических событиях не только своего времени, но и недавнего прошлого.¹²⁸ Он не ограничивается бесчисленными историями о чудесах, но приводит и вымышленные факты, продиктованные его политическими взглядами и религиозными предубеждениями. Под 1236 г. он так объясняет читателю, почему мусульмане не едят свинину (что поразило крестоносцев, для которых свинина была основной мясной пищей): Магомет однажды так напился, что упал без сознания на навозную кучу, и свиньи его задушили. С того времени мусульманская религия ввела за-

¹²⁶ William of Newburgh. *Historia rerum Anglicarum* (1066—1498). *Rolls series*, 2 vv. 1884—1885. Прочие издания см.: Gross, № 1283.

¹²⁷ Ranulf Higden. *Polychronicon*. *Gross*. № 1793.

¹²⁸ Matthew Paris. 1) *Chronica maiora*. *Rolls series*, 7 vv., 1872—1883; 2) *Historia Anglorum sive historia minor*. *Rolls series*, 3 vv., 1852—1854; прочие издания и переводы см.: Gross, № 1830.

прет на свинину. Здесь же мы находим немало других выдумок о развитии ислама и истории арабов, выражавших враждебное отношение к арабо-мусульманскому миру, давшему как раз в это время решительный отпор крестоносцам.¹²⁹

О мусульманах Матвей Парижский пишет также в связи с мнимым посольством Иоанна Безземельного в Испанию к «эмиру Мурмелию». Английский король якобы изъявил готовность стать вассалом эмира и даже принять мусульманскую веру, если тот окажет ему помощь против мятежных английских баронов. Излагая эту выдумку, очевидно порожденную враждою баронов к Иоанну Безземельному, хронист ссылается на участника посольства к эмиру Роберта Лондонского, от которого подробности о посольстве «услышал сам Мэтью Пэрис, автор сей книги». Можно ли согласиться с мнением, что Матвей не мог сочинить эту историю и что вина падает исключительно на Роберта Лондонского, который, «вероятно, был ужаснейшим лгуном».¹³⁰ Легко понять желание английского ученого, считающего «Большую хронику» Матвея Парижского «величайшим достижением английской историографии позднего средневековья», спасти его репутацию правдивого историка, но какие основания делать это за счет репутации некоего Роберта Лондонского? Хорошо известно, что вся «Сент-Албанская школа», в том числе и ее виднейший представитель Матвей Парижский, защищала интересы английских баронов, и этого вполне достаточно, чтобы объяснить происхождение легенды о посольстве Иоанна Безземельного к эмиру Мурмелию.

Тенденциозные измышления и искажения исторической действительности нетрудно обнаружить и во многих других хрониках, пользующихся репутацией весьма правдивых.¹³¹ Не всегда и не везде они вызываются материальными интересами, политической тенденцией, племенными или религиозными предрассуд-

¹²⁹ Басню о свиньях, разорвавших Магомета на части, Матвей Парижский мог вычитать из «Gesta dei per francos» Гвиберта Ножанского (PL, 156, col. 679—838), но разукрасил ее новыми небылицами. Гвиберт, возможно, следуя византийской традиции и ссылаясь на *plebeia opinio*, связывает смерть Магомета не с опьянением, а с припадками эпилепсии. См.: R. W. Southern. *Western View of Islam in the Middle Ages*. Cambridge, Mass., 1962, pp. 30—36, но в этом тщательном исследовании версия Матвея Парижского совершенно выпала.

¹³⁰ Claude Jenkins. *The monastic chronicler and the early school of Saint Albans*. London, 1922.

¹³¹ Такова, к примеру, и хроника венецианца Мартина да Канале, в которой история 4-го крестового похода изложена недобросовестно, лживо, с целью обелить весьма неблагоприятные действия Венеции во главе с ее дожем Энрико Дандоло. Уго Балзани (U. Balzani. *Le cronache...*, pp. 280—284) считает эту хронику недостоверной только для периода до XIII в., а история XIII в. в ней якобы изложена правдиво. Таков же фальсифицированный рассказ Ламперта Герсфельдского о свидании в Каноссе и множество других свидетельств хроник.

ками. Средневековый историк подчиняет свой рассказ и морально-назидательной задаче, которая обычно формулируется следующим образом: история есть собрание примеров, побуждающих подражать добрым поступкам и остерегаться дурных («...ad bona sequenda vel mala cavenda»).¹³² Историки строго аскетического направления, сверх того, искали в истории доказательств изменчивости счастья, бренности всего земного, преходящего характера славы. «Перемены счастья в земной жизни, — пишет Ордерик Виталий, — велики, ее радости быстротечны... Как мыльный пузырь лопается и внезапно исчезает мирская слава... Люди, охваченные мирскими заботами, следуют дурным побуждениям; кто вознесся высоко, внезапно низвергается в бездну. Так всемогущий творец поучает смертных, чтобы они не надеялись на якорь спасения в бурном море мирской жизни, не увлекались преходящими наслаждениями и суетными целями». ¹³³ Такие же мотивы звучат в хрониках Оттона Фрейзингенского, Генриха Гентингдонского и мн. др.¹³⁴ Жизнь они называют «мрачной трагедией» (*Iugubris tragoedia*).

Естественно, сообразно этой установке подбираются и фактические данные, служащие содержанием исторического повествования.

Однако распространенность мистико-аскетических взглядов была сравнительно невелика и хронологически ограничена XI—XII столетиями. Наиболее полно и почти всесторонне сформулировал назначение историографии Иоанн Сольсберийский. В введении к своей «*Historia Pontificalis*» он пишет: «Зрелище прошлого помогает нам, во-первых, понять планы и намерения бога (*invisibilia*); оно наполняет сердца людей спасительным страхом перед господом, показывая примеры кар и наград за действия людей и побуждая их следовать путями справедливости.

«Во-вторых, как выражаются языческие писатели, чужая жизнь является для нас наставницей, и тот, кто не знает прошлого, будет чувствовать себя среди современных ему событий подобно слепому (*quasi caecus*).

«В-третьих, записи хроник служат для утверждения новых и для отмены старых постановлений, для укрепления или ликвидации привилегий».¹³⁵

¹³² См.: *Veda Venerabilis. Historia Ecclesiastica* (посвящение королю Цеовульффу): «Sive enim historia de bonis bona referit, ad imitandum bonum auditor sollicitus instigatur; seu mala commemorat ad pravis, nihilominus religiosus ac pius auditor sive lector devitando quod noxium est...». Ср. «Историю» Фрекульфа из Лизье (ум. 852 или 853; *Manitius, I, 663—668*), «*Gesta Regum*» Вильяма Мэмсберийского и мн. др.

¹³³ *Ordericus Vitalis. Historia Ecclesiastica. PL, 188, col. 954*; ср. также стихотворный пролог к XI книге этого труда: *PL, 188, col. 785—787*.

¹³⁴ См.: *H. Lamprecht. Untersuchungen...*, S. 5 ff.

¹³⁵ *HP, p. 3*; см. также вводную статью Чибналла (*M. Chibnall. HP, p. XXXV*).

В этой формулировке отсутствует лишь такой нередко встречающийся мотив писания истории, как желание прославить свой народ (Видукинд Корвейский), своего государя (Вильям Мэмсберийский, Гильом из Пуатье, Гильом Жюмьежский), «оставить потомству памятник собственной славы» (Джиральд де Барри в своей автобиографии), словом, как выразился Вильям Мэмсберийский, «сделать преходящую славу бессмертной».¹³⁶

С XIII в. выступает на первый план еще одна задача историка — дать занимательное чтение широким кругам господствующего класса. С этой целью в исторические произведения, помимо чудес святых, включаются многочисленные басни и анекдоты о рыцарях и придворных, нередко весьма игривого свойства. При этом историческая истина страдает не менее сильно, чем когда ее приносят в жертву классовым, групповым, конфессиональным и прочим интересам.

Хотя стремление развлечь читателя сильно сказывается уже в монашеских хрониках, например, у Роджера Уэндовера и Матвея Парижского, но наиболее заметны усилия сделать свои труды занимательными у авторов исторических энциклопедий, учебников и других компиляций («Историческое зеркало» Винцента из Бове, «Цветы истории» Бернарда Ги, «Море истории» итальянского доминиканца Джованни Колонна — в XIII в.; «Цветы истории» английского анонима, «Полихроника» Ранульфа Хигдена, «Мемориал» анонимного монаха из Сен-Дени — в XIV в.; «Историческое зеркало» Ричарда Сайренчестерского — в начале XV в., и мн. др.).

О приемах, с помощью которых достигается эта цель, можно составить себе представление по упомянутому «Мемориалу» монаха из Сен-Дени. В XIV в. «Мемориал» пользовался во Франции столь большим успехом, что король Карл V приобрел для своей библиотеки два экземпляра этого произведения.

Автор «Мемориала» заявляет в предисловии, что его целью является сообщить читателю «только интересное», только вещи «приятные для слуха». История древних евреев, конечно, стоит на первом месте. Но много сведений дается о египтянах, ассирийцах, греках и римлянах. Так, например, здесь можно было узнать, что египетское письмо изобрела Изида; способ мерить зерно не горстью, а точной мерой — Церера; что Дионис-Бахус построил Аргос и научил людей разводить виноградники; что поэт Вергилий знаменит не только стихами, но и механическими изобретениями: он создал механическую муху, которая изгнала из Неаполя всех живых мух, придумал горячие бани с подземным отоплением, автоматические статуи, изображавшие провин-

¹³⁶ Ср.: *H. Richter. Englische Geschichtsschreiber...*, S. 92 ff.; *F. von Bezold. Ueber die Anfänge der Selbstbiographie*, S. 214 ff.

ции Римской империи и сигнализировавшие сенату, когда в какой-либо из них вспыхивало восстание, и т. д. В истории средневековой Европы главное место занимают чудеса святых, а также все необычайное в жизни природы и людей. Так, об одном конюхе Карла Великого сообщается, что он умер в 1139 г., прожив более 300 лет; об одной женщине из Нормандии рассказывается, что у нее были две головы, четыре руки и все прочее, кроме пищевода, в двойном количестве. Исторические факты густо перемешаны с известиями такого рода и, как правило, лишены всякой датировки.¹³⁷

Все эти материалы, извлеченные из исторических произведений XIII—XIV вв., относящихся к самым различным жанрам и имевших самое разнообразное назначение, не оставляют сомнений в том, что средневековый историк не видел существенной разницы между подлинным фактом и вымыслами своей или чужой фантазии. Не умея подчинить факты своей политической тенденции или практическим интересам представляемой им общественной группы, либо своим религиозно-назидательным целям, он прибегает к выдумкам, фальсификациям документов и фактов.

Его представление об изменчивости в истории является механическим, поверхностным: происходят смены династий, государств, их границ, населения и т. д., но сами люди, их занятия, быт, психология, разделение на сословия — все это остается неизменным, раз навсегда установленным. Вот почему древний мир и первые века средневековья историк XI—XIV вв. представляет себе в образах и понятиях, возникших в более позднюю эпоху (что характерно не только для историографии, но и для художественной литературы, и для искусства). Поэтому ему ничего не стоит, рассказывая о похоронах Александра Македонского, назвать среди присутствующих монахов с крестами, или утверждать, что Катилина отслужил обедню во Фьезоле, или назвать Сарданапала царем Греции, Юлиана Отступника — папским капелланом, а Магмета — кардиналом, восставшим против Рима.¹³⁸ Понятие развития средневековому человеку чуждо; это и является причиной бесчисленных анахронизмов в исторических произведениях и в подложных документах, анахронизмов, которые, между прочим, являются для новейших ученых важнейшими уликами при установлении подлогов.

¹³⁷ Анализ «Мемориала» дал Кудерк (Camille Couderc. Le manuel d'histoire de Philippe VI de Valois. В кн.: *Études d'histoire du moyen âge dédiées à G. Monod*. Следует заметить, что подобные басни, правда в гораздо меньших количествах, рассказываются и в самых серьезных исторических произведениях.

¹³⁸ См.: А. Бартоли. *Начало итальянской литературы. «Флорентийские чтения»*, М., 1914, стр. 237.

6. ВИДЫ И ЖАНРЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ. ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДЫ РАБОТЫ ИСТОРИКА

Исидор Севильский в «Этимологиях», одной из самых распространенных и читаемых книг в средние века, кратко определяет историю как «рассказ о прошлом... для потомства (*narratio rei gestae... ad posteritatem*)». Подобно античным авторам, он не отводит истории особого места среди других наук, а рассматривает ее как отрасль литературы, зависимой от реторики и богословия.¹³⁹ Этот взгляд оставался в силе на протяжении всего средневековья: до XVIII в. курсы истории в университетах читались профессорами реторики.

В количественном отношении эта отрасль литературы вряд ли уступала богословию, а по политическому значению, особенно в наиболее критические периоды (борьбы империи и папства, расколов в католической церкви, Реформации), она стала главным оружием политической пропаганды.

Усердные занятия историей вызвали к жизни большое число различных видов произведений, отчасти повторявших известные античности формы, отчасти новые. К последним относятся всемирные хроники (*chronicon universale, chronica mundi* — жанр, в сущности неизвестный античности)¹⁴⁰ и разные виды агиографической литературы: биографии святых (*vitae sanctorum*), истории перенесения мощей (*translationes*), мартирологи и легенды о святых — род псевдоисторических романов, выходивших иногда сборниками, среди которых наибольший успех приобрела «Золотая легенда» («*Legenda aurea*») генуэзского епископа Якопо ди Ворагине (ок. 1230—1298).¹⁴¹

¹³⁹ Эта установка вполне соответствует взглядам Августина на пользу изучения истории, изложенным, в частности, в его трактате «*De doctrina christiana*», особенно в XXVIII главе 2-й книги (PL, 34, col. 55—56): «История, — говорится здесь, — больше всего нужна нам для понимания священных книг...», «хотя в историческом изложении идет речь и о прошедших человеческих учреждениях (*instituta*), саму историю не следует относить к числу творений человеческих, ибо то, что уже произошло и не может быть изменено, относится к категории времени (*in ordine temporum habenda sunt*), каковая создана и направляется богом». Для определения истории в средние века пользовались также несколько видоизмененной формулировкой Цицерона (*De Oratore*, II, 9, 36): «История — свидетельство времен, указатель истины, жизнь памяти, учительница жизни, вестник прошедших времен, правила (*norma*) для всех добродетельных людей» (Leo Marsicanus. *Chronicon Cassinensis*. PL, 173, col. 817).

¹⁴⁰ Ср. стр. 23.

¹⁴¹ Hippolyte Delehaye, Bollandiste. *Cinq leçons sur la Méthode Hagiographique*. Bruxelles, 1934 (см. особенно стр. 36—39, 57). Здесь показано, что большинство житий — «романы без всякой исторической подкладки», «сказки без единого слова правды». Впрочем, жития, написанные через короткое время после смерти святого, часто представляют собою произведения биографического жанра, мало чем отличающиеся от

Собственно историческую литературу представляют анналы, хроники и истории.

Обычно анналами называют краткие и сухие погодные записи событий, хрониками (реже хронографами) — произведения, дающие более распространенное и связное изложение, историями — работы, в которых наряду с хронологической дается прагматическая связь событий и предлагаются объяснения их причин и следствий.¹⁴²

Гервасий Кентерберийский (ум. ок. 1210) в введении к своей «Хронике» указывает на следующее различие между хроникой и историей. «И та, и другая, — пишет он, — преследуют одну цель и опираются на одинаковый материал, но способ его рассмотрения и форма различны. Цель у историка и хрониста одна, так как оба стремятся к истине. Форма рассмотрения различна, так как историк распространяется подробно и искусно, а хронист пишет просто и кратко». Себя Гервасий не считает историком, так как пишет «кратко и просто»; свое произведение он скромно называет «компиляцией из хроник».¹⁴³ Нечто в этом роде пишет и Готфрид Витербский: «Между тем как в старых хрониках излишняя краткость речи, а в историях излишнее многословие, я придерживался середины».¹⁴⁴

Сомнительно, чтобы соображения Гервасия или Готфрида разделяли все средневековые историки. В «Анналах» Ламперта Герсфельдского изложение начиная с середины XI в. вовсе не краткое и не сухое; произведение Ордера Виталия, которому сам автор дал название «Церковная история», по форме ничем не отличается от хроники; Оттон Фрейзингенский назвал свой первый труд «Хроникой», хотя он обладает указанными Гервасием признаками «истории». Многие произведения носят название «Хроника, или история», «Хроника, или анналы», «Анналы, или история».¹⁴⁵

биографий светских политических деятелей и широко используемые в науке как ценные исторические источники.

¹⁴² См., например: R. Milburn. Early christian interpretation of history. London, 1954, p. 12 sq.

¹⁴³ Gross, № 1730; The Historical works of Gervase de Canterbury, ed. W. Stubbs. Rolls series, vv. 1—2, 1879—1880. Анализ цитируемого места из Гервасия см.: P. Kirn. Das Bild des Menschen in der Geschichtsschreibung von Polybios bis Ranke. Göttingen, 1955.

¹⁴⁴ Godefridi Viterbiensis. Pantheon. MG SS, XXII, 403.

¹⁴⁵ Например: Cronica o storia dal principio del sec. XIII sino al 1341 di un anonimo Fiorentino (Potthast, I, 236 f.); Chronica Pisana seu Annales rerum Pisanorum ab a. 471 (Potthast, I, 237); Annales Cluniacenses seu Chronicon Cluniacense (Potthast, I, 59); Annales de Raimo sive Brevis historia rerum in regno Neapolitano gestarum (Potthast, I, 62); Chronicon seu Annales Quedlinburgenses ab O. C. ad a. 1025 (Potthast, I, 285); Chronicon Salernitanum seu historia principum Langobardorum, 747—974 (Potthast, I, 289). Что многие средневековые писатели применяли все три термина, не делая между ними различия, заметил уже Тоут

Нетрудно также заметить, листая Поттгаста, что подавляющее большинство исторических произведений средневековья носит название «хроника», которое казалось их авторам менее притязательным. Историки-монахи по крайней мере до XIII—XIV вв. вообще были склонны к уничижительным наименованиям и в посвящениях знатым особам свои подчас весьма объемистые труды оценивали как «opusculum» (работенка), «historiunculum» (историйка), «munusculum» (подарочек) и проч. К тому же хроники в значительной своей части являлись компиляциями; в основе каждой из них лежит какая-нибудь из наиболее распространенных ранних хроник — Орозия, Исидора Севильского, Беда, Фрутольфа, либо сокращенные выдержки из нескольких хроник. Самостоятельное и подробное изложение начинается лишь с приближением автора к современным ему событиям.

Можно без большой ошибки утверждать, что «история» в средневековом понимании — это современная автору история, для написания которой он опирается на собственные наблюдения и на свидетельства очевидцев. Беда Почтенный называет три категории источников своей «Церковной истории Англии»: 1) произведения древних авторов, 2) свидетельства предков, 3) то, что историк узнает сам путем непосредственных наблюдений («... ex litteris antiquorum, vel ex traditione maiorum, vel ex mea ipsa cognitione»).¹⁴⁶

К последней категории, очевидно, относятся и материалы, полученные историком из архивов своего монастыря, или копии официальных документов, присланные ему из Рима. Хронисты охотно включали в свои произведения такие документы, причем в отличие от древних стилистически их не перерабатывали и не сокращали. Но это еще не означает, что они ценили документы как наиболее достоверный вид источников. Не говоря уже о том, что среди документов, воспроизводимых в хрониках, немало фальшивок, хронист не проводит различия между данными какой-нибудь старой хроники, попавшей в его руки, и документальными свидетельствами. Более того, басни, легенды он излагает столь же серьезно, как и самые достоверные факты. Он предпочитает готовое изложение интересующей его темы, если оно имеется в его распоряжении, трудному делу собирания и сопоставления новых материалов. Так, Ордерик Виталий, неутомимый собиратель материалов для истории своего времени, историю норманов и их завоеваний излагает по хронике Гильома Жюмьежского, которая сама большей частью списана с хроники Дудона Сент-

(Th. F. Tout. The Study of mediaeval chroniclers. The collected Papers, v. III. Manchester Univ. Press, 1934).

¹⁴⁶ Beda Venerabilis. Historia Ecclesiastica, p. 357; ср.: H. Richter. Englische Geschichtsschreiber..., S. 18 ff.

Кантенского;¹⁴⁷ история правления Карла Великого всюду излагается исключительно по Эйнгарду, то, что является по отношению к этому автору новым, представляет собою просто выдумку;¹⁴⁸ Павел Диакоп, Псевдофредегар, Фрехульф из Лизье и другие дословно списывают обширные куски из предшествующих им авторов.¹⁴⁹ Такие дословные заимствования не считаются плагиатом: понятие литературной собственности средним векам неизвестно. Средневековый историк ставит себе даже в заслугу такой метод работы. Часто он сравнивает свой труд с букетом цветов, сорванных на лугу, или себя — с трудолюбивой пчелой.¹⁵⁰ В компилятивных главах хроники Матвея Парижского мы находим превосходные образцы таких «букетов», настоящую мозаику из отрывков и цитат. Вот как построена одна из таких глав: отрывок из Адона Вьеннского («Chronicon sive Breviarium chroniconum de sex mundi aetatibus ad Adamo usque ad a. 869»); далее — извлечения из хроники Евсевия — Иеронима и из одной хроники XII в.; цитата из Юстина (Трога Помпея); цитата из Августина; снова извлечение из Иеронима; цитата из Библии («Исход»); отрывок из Орозия; снова Августин; Исидор Севильский; два отрывка из Библии («Числа»); Августин; Библия («Числа»); Августин; Библия («Судьи»); Августин.¹⁵¹

Еще проще поступают Винцент из Бове и другие авторы произведений типа «Исторических зеркал», «Цветов хроник» и проч. В подобных компиляциях вообще мало текста, принадлежащего составителю. Обычно это механическое соединение отовсюду взятых отрывков, расположенных в хронологическом порядке.¹⁵²

Дело не меняется и в тех случаях, когда автор использует не чужие хроники, а материалы, которые можно назвать первоисточниками. Так, Эбергард Виндеке, автор начала XV в., в «Книге императора Сигизмунда» ограничивает свою задачу

¹⁴⁷ См.: Potthast, I, 385, 556 f.

¹⁴⁸ M. Wevers. Einhard's Vita Karoli Magni in der mittelalterlichen Geschichtsschreibung. Diss. Marburg, 1929 (названы 62 хроники, опирающиеся на Эйнгарда). Известно, что Ноткер (Notkerus Balbulus, ум. 912) берет у Эйнгарда весь фактический материал, но распекает его продуктами собственной фантазии. Так же точно поступает Фрутольф и мн. др. См.: Wattenbach-Levison, II, 277 ff.; Potthast, I, 790 f.

¹⁴⁹ См. введение Отто Абеля: Paulus Diaconus. Gesch. d. Langobarden. Übers. von Otto Abel. Leipzig, 1878 (Die Geschichtsschreiber der dt. Vorzeit), S. XXIII; S. Hellmann. Das Fredegarproblem. Historische Vierteljahrschr., XXIX Jg, 1934, H. 1.

¹⁵⁰ См.: B. Schmeidler. Vom patristischen Stil in der Literatur. В кн.: Gesch. Studien A. Hauck zum 70. Geburtstage, S. 32 f.

¹⁵¹ См.: C. Jenkins. The monastic chroniclers..., p. 52.

¹⁵² См.: Molinier, III, s. v. Vincent de Beauvais. Этот составитель даже для истории своего времени ограничивается отрывками из хроники сендийского монаха Ригора («Gesta Philippi II Augusti regis Francorum») до 1208 года, а после этого года — из «Gesta Philippi [II] regis Galliae» Гильома Бретонского. Ср.: Potthast, II, 1095; I, 552.

историка воспроизведением документов, листов, памфлетов, стихотворений и других материалов, которые он связывает друг с другом чисто механически, без всякой критики и без попытки их обработать.¹⁵³

Заметим, что даже при дословном списывании чужих произведений средневековый историк обычно не дает их названий, а ограничивается упоминанием имен авторов, да и то скорее желая показать свою ученость и придать больше веса цитате, чем из уважения к чужой литературной собственности.¹⁵⁴ При изложении одной какой-либо темы он предпочитает опираться на один источник; переходя к другому, он это отмечает: «До сего места, — пишет, например, Ордерик Виталий, — я следовал хронографии англичанина Беды» (Historia Ecclesiastica, II, 152); «до сего места я шел по следам Бальдерика Почтенного» (там же, III, 622).¹⁵⁵

Используя таким примитивным способом предшествующие хроники, средневековый историк не задается вопросом об их сравнительной ценности, надежности сведений и проч. Ему совершенно чуждо представление о прогрессе исторических знаний: хронике VI в. он цитирует рядом с хроникой XII или XIII в., басни Джозффри Монмаутского — рядом с подлинными документами или с достоверными данными очевидца. Эта черта свойственна даже тем историкам, которые, подобно упомянутому выше Вильяму Ньюбургскому проявляют в отдельных случаях известные критические способности.

Все эти особенности средневековых трудов объясняются в значительной степени условиями работы историка. В его распоряжении мало книг; получая во временное пользование книгу, которой нет в монастырской библиотеке, он сводит свою работу над нею к кратким выпискам. В отношении современных ему событий он вынужден довольствоваться слухами или показаниями какого-нибудь одного свидетеля. Работать ему нередко приходилось одному. Только в крупных и богатых монастырях, таких, как Сен-Дени во Франции или Сент-Албанс в Англии, монах, имеющий официальное поручение писать хронику, получал в помощь себе писцов (нотариев). Чаще же монах-хронист был предоставлен самому себе. С наступлением осенних или зимних холодов он ограничивался краткими записями на навощенных табличках и лишь весной имел возможность перейти к обра-

¹⁵³ Eberhart Windecke (ум. после 1443). Kaiser Sigismunds Buch. В кн.: Ottokar Lorenz. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter seit der Mitte des 13. Jahrh., Bd. II, 1887, SS. 294—301; Potthast, II, 1118 («Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigismunds»).

¹⁵⁴ См.: M. L. W. Laistner. Bede as a classical and a patristic scholar. Trans. of the R. Hist. Soc., v. XVI, 1933.

¹⁵⁵ H. Wolter. Ein Beitrag zur Kluniazensischen Geschichtsschreibung. Wiesbaden, 1955, SS. 91—100.

ботке собранного материала и перенесению его на пергамен. У Ордерика Виталия этим неблагоприятным условиям работы посвящены весьма красноречивые строки. Этот же хронист жалуется на то, что затворническая жизнь препятствует его связям с внешним миром, ознакомлению с событиями непосредственно на месте и у самих участников или очевидцев.¹⁵⁶

В лучшем положении, чем монахи какого-нибудь провинциального монастыря, были хронисты, жившие в городе, особенно столичном, или вблизи него, что облегчало им возможность получать политическую информацию из первоисточника. Но зато они связаны необходимостью давать только официальную версию событий, хотя бы им были известны и другие. Такой полуофициальный историограф вынужден писать с оглядкой не только на монастырское начальство, но и на высокопоставленных светских лиц. В оригинале рукописи хроники Матвея Парижского на полях имеются авторские пометы: «Опасайся недовольства магнатов» («scandalum magnatum»). «Поистине, — жалуется он в одном месте „Больших хроник“ (V, 469), — тяжела доля историка: если он говорит правду, то раздражает человека, а если говорит ложь, то оскорбляет бога».¹⁵⁷ Различные редакции отдельных частей средневековой хроники нередко отражали также изменение политической позиции монаха-хрониста или его начальства. Наконец, редакционные поправки вызывались появлением новых данных или новых письменных источников уже после окончания работы. Соответствующие дополнения или вставки обычно плохо увязаны с первоначальным текстом.

Независимо от этого стройность изложения почти у всех хронистов нарушается различными отступлениями (*incidentiae*, т. е. материалами, не имеющими прямого отношения к данной теме), благочестивыми размышлениями, для которых излагаемые события являются лишь поводом, и т. п. Заканчивая такое отступление, автор обычно пишет: «Мы несколько уклонились в сторону, теперь вернемся к нашей теме», — или: «Но возвратимся к началу рассказа» и т. п.¹⁵⁸

То обстоятельство, что технические приемы хрониста оставались достаточно примитивными на всем протяжении развития церковно-феодалной историографии, еще не говорит, однако, об

отсутствии всякого прогресса в этой области. Хотя продолжатель хроники Льва Марсиканского Петр Диакон (начало XIII в.) утверждал, что историк не нуждается в образовании и что ему достаточно опираться на здравый смысл (*naturalis intelligentia*),¹⁵⁹ однако развитие схоластической философии, права и других наук оказывало все возрастающее влияние на историческую литературу. В XII в. этим влиянием были затронуты Гвйберт Ножанский, Ордерик Виталий, Иоанн Сольсберийский, Оттон Фрейзингенский, Джеральд де Барри (или Геральд Камбрейский — *Geraldus Cambrensis*), Радульф из Дипето, Вильям Мэмсберийский, стремившиеся к более систематическому и рациональному изложению. Усвоив из схоластической философии понятие *ordo naturalis* (естественный, т. е. хронологический порядок изложения) и *ordo artificialis* (искусственный порядок), они, в духе последнего, местами систематизируют материал по признаку причинных связей. Так, Ордерик Виталий уже говорит о необходимости «освещать происхождение какого-либо явления (*ad... originem elucidandum*)» или «выяснять причины» событий (*dilucidare casus belli et pacis*); он вообще ссылается на причины (*ut causa pateat*), не смущаясь тем, что это нарушает хронологический порядок изложения.¹⁶⁰

Одновременно появляется такое нововведение, как разделение исторического труда на части, книги и главы с обозначением названий глав в начале каждой книги, что позволяет читателю сразу ориентироваться в содержании труда и найти нужное ему место.

Любопытно, что эти нововведения, особенно нарушение традиционной хронологической последовательности в исторических трудах, вызвало критические замечания со стороны ревнителей старины. В учебнике реторики, составленном в Сенгалленском монастыре, по этому поводу сказано: «Хорошее расположение [материала] состоит в том, чтобы излагать события в той последовательности, в какой они происходили. Этого не придерживаются в новейших книгах историй королей, авторы которых, извращая нормальный порядок, сначала рассказывают о смерти короля, а затем о том, что он совершил при жизни. Только разумное расположение делает рассказ ясным».¹⁶¹

¹⁵⁶ PL, 188, col. 648. Впрочем, отдельные историки находились в более благоприятных условиях, имея возможность опираться на помощь более или менее значительного числа других клириков. Таковы, например, Исидор Севильский в VII в., Винцент из Бове в XIII в. и др. См.: Paul Lehmann. Geisteswissenschaftliche Gemeinschaftsunternehmen in der geschichtlichen Entwicklung. Erforschung des Mittelalters, Bd. IV, 1961 (особенно стр. 356—362).

¹⁵⁷ C. Jenkins. The monastic chronicler..., p. 85; R. Vaughan. Matthew Paris. Cambridge, 1958, p. 131.

¹⁵⁸ См., например: Ordericus Vitalis. Historia Ecclesiastica. PL, 188, col. 541, и др.

¹⁵⁹ RIS, VII, 490, либо PL, 173, col. 816: Leo Marsicanus. Chronica monasterii Cassinensis. Prologus Petri Diaconi: «Mens... historiographi elucescere minime valet... Ego, quem non grammaticorum scientia ornat, non eloquentiae gratia, non sapientium peritia, sed sola naturalis intelligentia, et illud... offere studeam... quod possum».

¹⁶⁰ Подробно об этом говорит Вольгер (H. Wolter. Ordericus Vitalis) в главе «Die Methode des Geschichtsschreibers».

¹⁶¹ St Galler Rhetoric, cap. 49 (ed. Piper, I, 670): «Bona dispositio est rem eo ordine quo gesta est narrare. Non est hoc observatum in libris regum novissimis, ubi praepostero ordine quorundam regum obitos, deinde quid in vita gesserint, narratur. Rationalis dispositio facit lucidam orationem» (разрядка моя, — O. B.).

Как бы ни расценивать такие рекомендации, они свидетельствуют о росте интереса и внимания к построению исторического труда.

Заметные успехи были сделаны начиная с XI в. также в языке и стиле, в описании мест, являвшихся театром исторических событий (особенно сражений), в попытках психологической характеристики военно-политических деятелей. Эти успехи, в какой-то мере обусловленные ростом влияния древнеримской литературы и более широким распространением через школу принципов античной реторики, будут рассмотрены в связи с названными явлениями.

7. ВЛИЯНИЕ АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ШКОЛЬНОЙ РЕТОРИКИ НА ИСТОРИОГРАФИЮ

В некоторых новейших трудах заметна тенденция преувеличивать влияние античной историографии на средневековую. П. Кирн значительную часть своей книги «Изображение личности от Полибия до Ранке» посвятил обоснованию следующего тезиса: средневековые историки не только усвоили литературные приемы античных авторов, но и превзошли их в создании исторических портретов.¹⁶² «Средние века, — пишет он в этой же работе, — подражая античности, скоро поднялись до творений, равных античным образцам».¹⁶³ Другие исследователи более осторожны, ограничиваясь выяснением влияния того или другого античного автора. Особенно подчеркивается значение Саллюстия. Р. Латуш в работе «Рихер, подражатель Саллюстия» доказывает, что под влиянием этого древнего историка Рихер переработал первую редакцию своей хроники и, стремясь приблизить свой труд к римскому образцу, фальсифицировал историю своего времени.¹⁶⁴ Влияние Саллюстия и Светония на Видукинда и Руотгера сильно преувеличивает Х. Бойманн.¹⁶⁵

Все эти авторы прежде всего упускают из виду, что среди античных образцов, служивших предметом подражания, было очень мало крупных имен, а самое главное, что сила влияния и его характер определяются не достоинствами этих античных образцов, а подготовленностью средневековых историков к их симпатическому восприятию и пониманию.

Но как раз о подлинном и глубоком понимании произведений классической древности говорить не приходится. Античное наследие усваивалось средневековыми историками поверхностно и

формально. Их пониманию была недоступна гражданская и военная организация Рима, партийная борьба в период республики, социально-экономические проблемы, поставленные римской экспансией. Империя, особенно после победы христианства, была несколько ближе их политическим представлениям, но учреждения и события, непосредственно не затрагивавшие церковь, были им чужды и оставляли их равнодушными.¹⁶⁶

Средневековые историки широко пользовались политической терминологией древних, но вкладывали в нее новое содержание. Более реальное значение имела для них языческая античная мифология, усвоенная через посредство римских поэтов. Самые образованные хронисты подражали Саллюстия, когда им приходилось рассказывать о мятежах феодалов против центральной власти, о феодальных войнах и отдельных сражениях. Изложенная Саллюстием история заговора Катилины и югуртинских войн давала достаточный материал для подражания. Некоторые усвоили и светониеву схему биографий римских цезарей и стремились воспроизвести ее в какой-то мере в своих трудах. Известное влияние оказали на средневековую историографию также морализирующие рассуждения римских историков о падении нравов как главной причине государственных потрясений и прочих общественных бедствий.

Если говорить о силе античной традиции в средневековой историографии, то нужно учесть, что хронисты среди своих образцов называли наряду с историками и даже чаще, чем историков, Вергилия, Овидия, Ювенала, Лукана и других поэтов, которых они не отделяли от римских историков, рассматривая почти всех древних авторов как представителей одного литературного жанра.

Гораздо более сильным было воздействие античной реторики, воспринятой не столько непосредственно из языческой литературы, сколько через патристику, и особенно через весьма устойчивую позднеимперскую школьную традицию.¹⁶⁷

Широкое использование правил реторики было освящено в средние века авторитетом Августина, который в трактате «О христианском вероучении» писал: «Поскольку с помощью риторического искусства можно доказать и истинное, и ложное, кто посмеет утверждать, что истина должна оставаться безоружной перед лицом защитников лжи?».¹⁶⁸

¹⁶⁶ Ср.: E. R. Curtius. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern, 1948, S. 27 ff.

¹⁶⁷ См.: Mc Keon. Rhetoric in the Middle Ages. Speculum, v. 17, January 1942. Ср.: E. R. Curtius. Europäische Literatur...

¹⁶⁸ Augustini, episcopi Hipponensis. De doctrina christiana. PL, 34, col. 89: «Nam cum per artem rhetoricam et vera suadentur et falsa, qui audeat dicere, adversus mendacium in defensoribus suis inermem debere consistere veritatem...?». Глава II, книга IV, которою начинаются эти слова, носит название: «Христианский ученый (doctor) вполне может пользо-

¹⁶² P. Kirn. Das Bild des Menschen..., S. 78 f.

¹⁶³ Там же, стр. 107.

¹⁶⁴ R. Latouche. Un imitateur de Salluste...; ср.: G. Bezzola. Das Ottonische Kaisertum..., S. 108 ff.

¹⁶⁵ H. Weumann. Vidukind von Korvei, SS. 31—45.

Античная риторика была, таким образом, почти с самого начала взята на вооружение христианской церковью. Недаром Исидор Севильский посвятил ей вторую книгу своих «Этимологий», а церковно-монастырская школа распространила знакомство с нею среди широких кругов клира. Неудивительно поэтому, что применение риторических приемов прослеживается почти во всех средневековых трудах.

Рассмотрим на нескольких примерах, как литературная античная традиция и искусство риторики отразились конкретно в произведениях церковно-феодальной историографии.

У античных историков средневековые авторы заимствовали прежде всего прием характеристики исторических личностей с помощью вымышленных речей. Но в отличие от древних эти авторы использовали, преимущественно, формы прямой речи, вероятно, потому, что это было значительно проще, чем прибегать к грамматически более сложной косвенной речи.

Но различие не только в этом. У античных историков речи служили не только для характеристики говорящего лица, но выполняли еще одну важную функцию — постановку политической проблемы, разъяснение политической ситуации. Эта функция уже совершенно чужда средневековым авторам. Большею частью они выдумывали речи даже не с целью характеризовать какую-либо личность, а лишь с целью украсить и оживить свой рассказ. О чисто формальном подражании древним образцам свидетельствует тот факт, что многие речи просто дословно списывались из древних произведений. Лиутпранд в X в. пользовался для этой цели речами Цицерона. Так, в знаменитой фразе: «Доколе, Катилина, ты будешь злоупотреблять нашим терпением?» — он только заменил имя Катилины именем одного из мятежных немецких феодалов. Рагевин, продолжатель Оттона Фрейзингенского («История Фридриха» — «Gesta Frederici Imperatoris»), списал несколько речей из «Иудейской войны» Иосифа Флавия, а Эадмер — у Саллюстия. Образцы прямой речи хронисты находили также у Евтропия и Юстина (Трога Помпея).¹⁶⁹

Описание (*descriptio*, *ἔκφρασις*) местности, города, явлений природы, несчастных случаев (кораблекрушений, пожаров) также являлось, сообразно требованиям античной историографии и риторики, обязательным элементом исторического повествования. Таково, например, описание гибели на море сына английского короля Генриха I со всей его свитой в произведениях Ордера Виталия и Вильяма Мэмсберийского. Но выполнение и этого требования нередко сводилось к прямому списыванию.

ваться средствами риторики (*rhetorica facultate*). В IV книге вообще много говорится о пользе риторики и необходимости ее изучения, причем автор ссылается на «князя римского красноречия» Цицерона.

¹⁶⁹ P. Kirn. Das Bild des Menschen..., SS. 134, 140 f.

Так, географическое описание Британских островов наряду с данными об их древнейших обитателях в «Церковной истории Англии» Беды Почтенного представляет собою «монтаж» отрывков из Плиния, Солина и Орозия.¹⁷⁰ Особенно же часто копирование древних наблюдается в описаниях сражений. Хронисты-монахи, которые по своему положению в феодальном обществе и по аскетическому мировоззрению были очень далеки от военных интересов, тем не менее находили какое-то особое удовольствие в подробностях кровавых битв. Эти подробности оказываются при тщательном их анализе либо вымышленными, либо списанными с античных образцов, либо сильно искаженным пересказом достоверных сведений.¹⁷¹

Из античной историографии средневековые историки усвоили также интерес к этимологическим объяснениям названий городов, стран, народов. У них мы узнаем, что Юлих произошел от Юла, города, якобы основанного Юлием Цезарем; Британия — от Брута, сына троянского царя Приама, шотландцы — это потомки Скоты, дочери фараона, утонувшего при преследовании евреев в Красном море, и т. д.

От греко-римской историографии идут сравнительные или параллельные характеристики военных и политических деятелей, ученых и прелатов, так называемый синкрисис (*σύνκρισις* — сравнение). Примерами синкрисиса являются сопоставление Гильберта Порретанского и Бернарда Клервосского в «Папской истории» Иоанна Сольсберийского; Фридриха Барбароссы и Генриха Льва в «Истории Фридриха» Рагевина; Роберта Глостерского и Юлия Цезаря в «Истории королей» Вильяма Мэмсберийского.

Особенно часто встречается обозначение характеризуемого лица именем какого-либо античного исторического, литературного или библейского персонажа, обладающего определенной репутацией: короля-тирана называют Иродом, Нероном; воинственного государя — Юлием Цезарем или Александром Македонским; воинственных феодальных дам сопоставляют с царицами амазонок Ипполитой или Пентесилеей.

Биографические данные как в специальных трудах, посвященных жизни одной личности, так и в хрониках строятся согласно общепринятым в римской историографии канонам. Особый раздел в биографии представляет собою оценку характеризуемой личности, ее осуждение или, чаще, восхваление. Это так называемая элогия. Приведем ее образцы из «Церковной истории» Ордера Виталия. О папе Урбане II он пишет:

¹⁷⁰ K. Werner. Beda der Ehrwürdige und seine Zeit. A. 2. Wien, 1881, SS. 190—200. Ср. также данные на стр. 107 сл.

¹⁷¹ См.: H. Veumann. Widukind von Korvei, SS. 23, 100 ff; H. Lamrecht. Untersuchungen..., Kap. II.

«Бог Израиля поставил его как великого государя против чужеземцев (здесь употреблено греческое слово «аллофиллы»; имеется в виду германское войско императора Генриха IV, — *O. B.*), утвердил его как укрепленную башню Давидову перед лицом Дамаска. Родом был он француз, знаменит благородством происхождения, гражданин Реймса, клюнийский монах, средних лет, могучего телосложения, исключительно скромный, выдающийся ученостью и красноречием».¹⁷²

Далее следует отрицательная характеристика ненавистного монахам Ранульфа Фламбарда, фаворита Вильгельма Рыжего: «Он происходил от малоизвестных и бедных родителей, но, на беду для многих, высоко поднялся над своими родными. Рос он с детских лет среди придворной челяди, воспитывался вместе с жалкими паразитами, так что больше научился всяческим уловкам и хитроумным изворотам речи, чем искусству грамматики».¹⁷³

В построении подобных характеристик значительную роль играли навыки, созданные школьными риторическими упражнениями на темы: юноша, украшенный христианскими добродетелями; распутный человек; игрок; сводник; блюдолиз, и т. п.¹⁷⁴

В двух приведенных примерах, равно как в портрете епископа Адалберта у Адама Бременского или в самокритическом автопортрете Титмара Мерзебургского за школьными риторическими штампами проглядывают все же живые лица. Гораздо чаще характеристика исчерпывается напыщенными риторическими фразами. Много ли можно узнать, например, об императоре Генрихе VII из похвального слова, сочиненного Иоанном Винтертурским: «Он был мерилом правосудия, воплощением закона, светочем церкви, [государем], принуждавшим наглость к молчанию, поборником улучшения, выдающимся бойцом за правду, преданным делу своей жизни, усердным почитателем божественной службы, примером сдержанности, зеркалом чистоты, образцом щедрости, прообразом справедливости, защитником бедных, великим приверженцем евангельского учения».¹⁷⁵

В специальных биографических трудах характеристики исторических личностей более подробны и содержат ценный фактический материал, но копирование античных образцов, особенно Светония или позднейшего конспекта «Биографий Цезарей» («*Epitome de Caesaribus*»), и печать школьной риторики лишают

наиболее важных элементов даже такие исторические портреты, как образ Карла Великого в известном произведении Эйнгарда. В еще большей степени это справедливо от отношению к портрету Людовика VI в биографии, написанной аббатом Сугерием, к портрету императора Конрада Салического, написанному Випо, и др.

Особо следует отметить немногочисленные в средние века автобиографии: «*De vita sua*» Гвиберга Ножанского (ум. 1124), «*Istoria calamitatum mearum*» Петра Абельяра (1079—1142), «*De rebus a se gestis*» Джеральда де Барри (1147—1223) и др., написанные либо в подражание «Исповеди» Августина, либо под ее влиянием, что не мешает им быть ценными документами своей эпохи.¹⁷⁶

Яснее всего формальный характер подражания античным образцам обнаруживается в языке и стиле средневековых исторических произведений. Правда, что касается используемых образов и стилей, то на первом месте нужно поставить влияние Библии. Подражание библейской манере повествования не считалось нарушением той «церковной простоты» (*ecclesiastica simplicitas*), которая рассматривалась как одно из главных достоинств исторического труда. Но и влияние античной языческой литературы сказывается достаточно сильно. Из уроков школьной риторики средневековые авторы усвоили положение, что историю в отличие от хроники нужно излагать более «изысканным» языком. С конца X в. выдвигается требование все исторические произведения писать не грубым, простым, а «более обработанным стилем» (*cultiore stylo*).¹⁷⁷ Вильям Мэмсберийский подчеркивает, что «великие события требуется излагать не обычным языком», и если сам он этого не делает, то лишь по недостатку «ораторского дарования» (*oratoria facultas*).¹⁷⁸ Гвиберт Ножанский, чувствуя себя в этом отношении, может быть, лучше подготовленным, заявляет в «Деяниях бога через франков» («*Gesta dei per Francos*»), что он писал прежние свои труды «не с поэтической болтливостью, а с церковной простотой»; однако ныне да будет ему позволено «украсить историю изящными выражениями», дабы не возникло контраста с древними историками — контраста, особенно нетерпимого, по его мнению, в настоящее

¹⁷⁶ См.: G. Misch. *Geschichte der Autobiographie*, Bd. I, 1907; Bd. II, 1955. Из названных произведений только автобиография Абельяра была переведена на русский язык и издана дважды. См.: Петр Абельяра. *История моих бедствий*. Пер. с лат. Отв. ред. Н. А. Сидорова. М., 1959. Об отличии этих автобиографий от «Исповеди» Августина см.: П. Бицилли. Салимбене. Одесса, 1916, стр. 122 сл.

¹⁷⁷ L. Zoerf. *Das Heiligen-Leben...*, S. 146. Лев Марсиканский (Leo Marsicanus. *Chronicon Cassinense*. PL, 173, col. 512) восхваляет Павла Дякона за то, что его произведения написаны *elegantī stilo*.

¹⁷⁸ H. Richter. *Englische Geschichtsschreiber...*

¹⁷² Ordericus Vitalis. *Historia Ecclesiastica*. PL, 188, col. 578.

¹⁷³ PL, 188, col. 580.

¹⁷⁴ P. Kirn. *Das Bild des Menschen...*, S. 41.

¹⁷⁵ Johannes Vitoduranus seu Johannes de Wintertur. *Chronicon a Friderico II imperatoris ad a. 1348*; Potthast, I, 677. Цит. по: P. Kirn. *Das Bild des Menschen...*, S. 47 f.

время, когда «и поместья, и города, и местечки кишат латинскими школами».¹⁷⁹

«Изысканность выражений» чувствуется не только в общем строе речи, чему немало примеров было уже приведено, но больше всего в употреблении описательных эпитетов, терминов, выражений и образов, воспринятых от античности.

Соборный капитул обозначается в хрониках как «сенат святого клира» (*sancti cleri senatus*); святых именуют «консулами небесной империи», святой после смерти вступает «с венком на челе в небесный Капитолий». Особенно часты риторические тропы и фигуры: «слепаة фортуна войны»; «под водительством Марса и Вулкана»; победоносный противник был «предан Бахусу и незнаком с Марсом»; король возвращается с войны, «увенчанный лаврами триумфа». Излюбленные метафоры: «звезда клира», «столпы королевства», «лучи святости» (для обозначения членов церковного собора); гиперболы: «дождь стрел затмил дневной свет», «военные клики поднялись до самых небес»; риторические вопросы: «чего же более?», «что можно еще сказать?»; патетические восклицания: «какой был плач, сколько слез и стенаний!» (при похоронах аббата); антитезы: Вильгельм Завоеватель «был мудр, но хитер; богат, но алчен; славен, но привержен к доносам и клевете». Латинская школа приучала монахов-историков щеголять античными языческими понятиями, которые в общем контексте звучали экзотично: «*fata*», «*toga*», «*consulares*» «*Erinniae*» (богини, мстящие за преступления) и проч.

Средневековые историки любят, подчеркивая свою скромность, в то же время прихвастнуть ученостью. Они ссылаются на древних поэтов и историков, которых они не читали, и приводят цитаты, взятые из «Этимологий» Исидора Севильского или из учебников грамматики. Лайстнер показал, что именно таково происхождение цитат из Теренция Варрона, Светония в трудах Беды Почтенного.¹⁸⁰ Ордрик Виталий ссылается на «Персия, Плавта и других язвительных сатириков», о которых он мог знать только понаслышке.¹⁸¹ Цитаты выписывались также из произве-

¹⁷⁹ Из письма к Суассонскому епископу, предвещающего этот труд. PL, 156, col. 680; «*Et villas video, urbes, ac oppida studiis fervere grammaticae. Unde a veteribus historicis noluisse... discrepare...; decet enim, licetque... historiam verborum elegantia coronari.*»

¹⁸⁰ M. L. W. Laistner. Bede...

¹⁸¹ *Historia Ecclesiastica*. PL, 188, col. 588. Готфрид Витербский (PL, 198, col. 878—879) называет среди своих источников книги Ветхого и Нового завета, всех «докторов церкви», а из древних историков — Иосифа, Диона, Страбона, Орозия, Гегезиппа, Светония, Солина, Юлия Африканца, Бероза, «который использовал все халдейские труды», а также Манефона, Мо(с)ха, Эстия (?!) и Иеронима (из Кардии) — «славнейших египетских историографов» (!). Уже этот перечень показывает, что почти ни одного из названных им произведений Готфрид в глаза не видел; он лишь стремился

дений Иеронима, Руфина, Орозия, Евтропия и Августина, сравнительно хорошо представленных в монастырских библиотеках.

Мы рассмотрели далеко не все стороны проблемы преемственности между античной и средневековой историографией, но и приведенных данных достаточно для того, чтобы отвергнуть вывод П. Кирна, что в области историографии между античностью и Ренессансом не было никакого разрыва. Влияние античной историографии сводилось, как мы уже не раз отмечали, главным образом к чисто формальным заимствованиям, к усвоению, преимущественно через школьную грамматику и ретиорику, напыщенного стиля позднеимской литературы и к поверхностным сопоставлениям с некоторыми персонажами античной истории и мифологии.

Кроме того, как будет показано далее, хронологически примыкающая к античной историография VI—VIII вв. обнаруживает признаки постепенного угасания древней литературной традиции. Когда же потребности становящегося феодального общества, интересы формирования новой феодальной идеологии вызвали обращение к античным образцам, резко изменившиеся условия жизни сделали невозможным восстановление преемственности с античностью. Церковно-феодальная историография IX—XIV веков оказалась во многих отношениях шагом назад по сравнению с античной, что, конечно, не лишает ее самостоятельной ценности как отражения жизни, культуры и мировоззрения феодального общества.

своею «ученостью» пустить пыль в глаза читателю. Той же цели служат и автобиографические данные: он, Готфрид, за 40 лет путешествий по заморским странам якобы собрал огромный материал «из всех библиотек — латинских, варварских, греческих, еврейских и халдейских» (PL, 198, col. 981).

Глава третья

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛЬНО-ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

1. ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ФЕОДАЛИЗМА (VI—VIII вв.)

Образование варварских государств на развалинах Западно-Римской империи происходило в условиях значительного понижения уровня производительных сил, материальной и духовной культуры — процесса, начавшегося еще в III в. н. э.

Распадение рабовладельческой государственной организации, варваризация быта, почти полное исчезновение светских школ, падение даже среди духовенства элементарной грамотности — все это объясняет довольно быстрое угасание на Западе античной литературной традиции. В конце V и первой трети VI в. представители церкви и римской аристократии пытались спасти от забвения кое-какие элементы античной языческой образованности, но достигнутые результаты были не особенно велики. В эти десятилетия в Риме были переизданы языческие авторы: Virgilii, Гораций, Юлий Цезарь, Помпий Мела, Валерий Максим, Макробий, Марциан Капелла.¹ А со второй половины VI в. выходят в свет уже только богословские христианские сочинения. Список книг, которые Кассиодор рекомендует монахам своего монастыря в Виварии, не содержит ни единого исторического труда языческих авторов. Из древних историков назван только Иосиф Флавий, а из произведений христианских историков IV—V вв. — латинские переводы «Церковной истории» Евсевия и его продолжателей, хроники Иеронима, Орозия, Проспера Аквитанского, в общем ничтожное количество книг, тонущее в массе чисто богословской литературы.²

¹ A. Van de Vyver. Cassiodore et son oeuvre. Speculum, v. 6, 1931.

² См.: M. L. W. Laistner. Some reflexions on latin historical writing in the V century. Classical Philology, v. XXXV, № 3, 1940. Манициус (Manitius, I, 44 ff.), перечисляя названия из Кассиодоровых «Institutiones

Однако правители варварских государств довольно скоро поняли значение истории как орудия политической пропаганды. В 519 г., по заказу Евтариха, зятя и наследника Теодориха Остготского, Кассиодор составил «Всемирную хронику» — малосодержательную компиляцию из Евтропия, Иеронима и других поздне-римских авторов. Главная идея хроники сводится к тому, что назначение Евтариха консулом в 519 г. совместно с восточноримским императором Юстином означает начало новой эры — полного примирения готов и римлян.³

Другое, нужно полагать, гораздо более солидное и ценное произведение Кассиодора, — «Гетика», или «Готская история», в 12 книгах — пропагандировало ту же идею примирения римлян с готским владычеством в Италии. Оно должно было, по замыслу автора, «перебросить мост между гордыми своим происхождением римлянами и презираемыми ими готами»,⁴ высоко поднять престиж готских королей указанием на глубокую древность их рода (Амалов), равно как и всего племени готов. Эта цель достигается путем отождествления готов с древними фракийскими племенами гетов. С помощью этой исторической фикции готы были включены в круг народов, известных еще древним грекам и римлянам.⁵

«Гетика» Кассиодора дошла до нас только в выдержках или кратком пересказе Иордана, автора одноименного труда (полное его название «О происхождении и деяниях гетов» — «De origine actibusque Getarum»), написанного в 551 г., когда готское владычество в Италии было почти полностью уничтожено. Поэтому Иордан, сам романизованный гот, превозносит победителей — императора Юстиниана и его полководца Велизария — и видит для готов спасение в слиянии их королевства с Римской империей. Устами короля Теодориха он рекомендует готам, чтобы они «почитали [готского] короля, любили сенат и римский народ, а всемилостивейшего государя Восточной империи... всегда чтити как второе лицо после бога».⁶

saecularium lectionum» и «Institutiones divinarum lectionum», называет среди небогословской литературы только произведения по медицине, философии и математике.

³ Cassiodori Chronicon. MG AA, XI, 2; Manitius, I, 39.

⁴ Manitius, I, 42.

⁵ Wattenbach-Levison, I, 67—75 (указана и основная литература о Кассиодоре). Кассиодор написал также «Церковную историю». См.: M. L. W. Laistner. The value and influence of Cassiodorus Ecclesiastical History. Harvard Theologic. Review, 1948, Jan.; P. Lehmann. Cassiodor-Studien. В кн.: Erforschung des Mittelalters, Bd. II, 1959, SS. 38—108.

⁶ Проблема примирения готов и римлян в религиозном и политическом отношениях отразилась и в других произведениях VI в. См.: A. Momigliano. Gli Anicii e la storiografia latina del VI secolo. Rendiconti dell'Ac. dei Lincei, Classe morale, storiche etc., ser. 8a, XI, 1956. О политических задачах, поставленных перед Иорданом на последнем этапе войны против готов, см. труд Е. Ч. Скржинской «Иордан. Getica» (введение, пере-

«Гетика» Иордана представляет историографический интерес как одна из самых ранних попыток дать на основе героического эпоса и вообще устного народного предания историю одной из групп завоевателей Западно-Римской империи. Неменьшее значение имеет «Гетика» как важный источник для истории народов Северного Причерноморья.⁷ Вместе с тем это произведение, а в еще большей степени другой труд Иордана — «Происхождение и деяния римского народа» («De summa temporum vel origine acibusque gentis Romanorum»), является и по языку, и по приемам обработки материала свидетельством упадка латинской литературной традиции и исторической мысли, что выступает особенно ярко при сравнении Иордана с его современником — греческим историком Проконием, подражателем Геродота и Фукидида.⁸

Историки других варварских народов, образовавших государства на территории бывшей Западно-Римской империи, — Григорий Турский, Исидор Севильский, Беда Почтенный, Павел Диакоп (называем только главнейших) — писали уже в условиях, резко отличных от тех, какие существовали в первой половине VI в., во времена Кассиодора и Иордана. Для этих историков проблема взаимоотношений германцев с римской рабовладельческой аристократией и новых варварских государств с Восточно-Римской империей утратила актуальное значение, так как она была фактически уже решена самой историей.

В Галлии конца VI в., во времена историка франков Григория Турского (ум. 593), полным ходом шел процесс варваризации римской знати и ее слияния с франкской господствующей верхушкой. Сын Сидония Аполлинария, живший при Хлодвиге, еще полуварвар, а внук, приближенный преемников Хлодвига — уже совершенный варвар.

В Испании конца VI — первой трети VII в., когда жил и действовал историк вестготов Исидор Севильский, т. е. после победы католичества над арианством (в 589 г. при короле Рекареде), ассимиляция испано-римской аристократии с победителями

вод и комментарий; Изд. восточн. литер., М., 1960, стр. 33—48), а также: В. В. Смирнов. Готский историк Иордан. Уч. зап. Казанского гос. пед. инст., вып. 11, 1956, стр. 149—161.

⁷ Е. Ч. Скржинская. 1) Иордан. *Getica*, стр. 57—59; 2) О склавенах и антах, о Мурсианском озере и городе Невитуне. Визант. временник, XII, 1957, стр. 2—30.

⁸ Перечень изданий Иордана и литературы о нем, помимо названной выше книги Е. Ч. Скржинской, см.: Wattenbach-Levison, I, 75, 79; Manitius, I, 213—214. Многие буржуазные исследователи «Гетики» видят в ней просто конспект исчезнувшего труда Кассиодора. Е. Ч. Скржинская (Иордан. *Getica*) показала, что Иордан коренным образом изменил политическую тенденцию Кассиодора, которого он должен был заменить, и высказала весьма правдоподобное предположение, что труд Кассиодора был в связи с этим уничтожен.

была уже столь полной, что ее потомки «хвалились своим происхождением от готов».⁹

Эта ассимиляция во всех западных странах шла параллельно и в тесной связи с падением военного могущества и международного престижа Восточно-Римской империи после смерти Юстиниана.

Жившие значительно позднее, в VIII в., историк англосаксов Беда Почтенный и историк лангобардов Павел Диакоп испытали на себе воздействие двух новых, взаимно связанных между собою факторов, — возросшего влияния римской церкви на экономику и политические отношения и далеко зашедшего процесса феодализации Западной Европы. Перед ними стояла уже не задача спасения остатков античной образованности, столь актуальная во времена Кассиодора и Исидора Севильского, а приспособления спасенных ее элементов к потребностям формирующегося класса духовных и светских феодалов.

Для общей характеристики названных четырех историков ограничимся рассмотрением лишь тех элементов нового, которые они внесли своими трудами.

Григорий, епископ г. Тура (ок. 540—593), принадлежал по рождению к галло-римской сенаторской аристократии, которая захватила в свои руки все высшие церковные посты в меровингской Галлии. Главный его труд «Десять книг историй» является по форме «всемирной» хроникой: автор начинает с «сотворения мира», но уже в первой книге (с гл. 30) переходит к истории Галлии, которая до самого конца остается в центре его внимания. В отличие от Кассиодора—Иордана он совсем не интересуется вопросом о древности происхождения новых властителей страны. Еще более показательно, что Григорий вообще не занимает проблема политического единства Римской империи и что даже представление о культурном единстве римского мира у него утрачено. По своему мировоззрению Григорий не поднимается над уровнем окружающего варварского общества, суеверия и жестокость которого он отразил в «Историях».

В произведении Григория события светской истории переплетаются с фактами истории церковной, причем последней отдается предпочтение. Рассказы о чудесах, о возведении храмов, о борьбе с евреями и еретиками, которых автор называет «собаками» и «грязными свиньями», занимают настолько большое место, что потомки справедливо назвали «Десять книг историй» «церковной историей франков». К тому же этот труд проникнут религиозной моралью, стремлением «доказать, что нарушение божьих законов, презрение к священникам, преступления по отношению к церкви всегда карались и что бедствия, постигавшие Галлию,

⁹ F. Lot. *La fin du monde antique et le début du moyen âge*, Paris, 1927, p. 328.

являются карой за пороки людей». ¹⁰ Четвертая и десятая книги заканчиваются подсчетом прошедших от «начала света» тысячелетий в соответствии с христианскими эсхатологическими ожиданиями.

Что касается светской истории, то внимание автора поглощено скандальной и преступной хроникой франкского королевского двора и представителей знати, их кровавыми раздорами, дикарскими выходками, распутством и стяжательством. При этом нельзя заметить ни каких-либо различий, ни признаков вражды между галло-римлянами и франками. Изумительный рассказчик (уже в XVI в. его сравнивали с Геродотом, а в XIX крупнейшие историки писали, что его нельзя выпустить из рук, не дочитав до конца), Григорий Турский украшает изложение не столько речами, по античному образцу, сколько краткими живыми диалогами действующих лиц.

Григорий пишет на «варварской» латыни, т. е. на языке, близком к народному языку романизованного населения Галлии. Но, хотя он сам говорит о своем слабом знакомстве с риторикой и грамматикой и хотя он вряд ли читал большинство цитируемых им языческих авторов, в его языке немало следов и книжных, литературных влияний. Таким образом, как относительно данного, так и относительно других произведений Григория Турского (собранных в его «Восьми книгах о чудесах») можно говорить только о значительном ослаблении, но не о полном угасании античной литературной традиции. ¹¹

Исидор, епископ Севильский (ок. 570—636), талантом значительно уступает Григорию Турскому, но превосходит его ученостью. Глава испанской церкви и тем самым испано-готской аристократии, Исидор собрал в своей библиотеке все, что сохранилось в Испании его времени от античной литературы. Его начитанность в этой литературе обнаруживается особенно в произведениях научного и богословского содержания — «О природе вещей», «О знаменитых мужах», в «Двадцати книгах этимологий», или «Начал» («*Etymologiarum libri XX*», «*Opus de origine quatuordecim gentium*»), — энциклопедическом труде, имевшем хождение до XVII в., т. е. в течение почти целого тысячелетия после его выхода в свет.

¹⁰ G. Monod. *Études critiques sur les sources de l'histoire Carolingienne*. Paris, 1898, p. 11.

¹¹ Издания произведений Григория Турского и литература к ним перечислены: Wattenbach-Levison, I, 99—108; Manitius, I, 216—223; Molinier, I, 55—63; Potthast, I, 542—545. Новейшее издание с немецким переводом, введением и комментариями Р. Бухнера (*Ausg. Quellen*, 2 Bde, [1955]). К указанной здесь библиографии следует присоединить: R. Meunier. *Grégoire de Tours*, vv. 1, 2. Poitiers, 1946; J. Wallace-Hadrille. *The work of Gregory of Tours in the light of modern research*. Trans. of the R. Hist. Soc., 1950.

«Этимологии» наиболее ясно раскрывают метод работы, которого Исидор придерживался и при составлении исторических сочинений: это метод компиляции и выписок из древних авторов, большую часть известных составителю из вторых или третьих рук. Свой подлинные источники, также античные, вроде энциклопедических трудов М. Теренция Варрона или Светония, Исидор заботливо скрывает. ¹² Любопытно, что хотя сам он изучал языческую латинскую литературу и писал сравнительно чистым, правильным языком, но монахам запрещал читать языческих авторов, как если бы он хотел сохранить за собою одним репутацию ученойшего человека своего времени.

Задачу, поставленную перед собою, — дать читателю понятие о христианском богословии и светских науках — Исидор осуществляет главным образом с помощью дефиниций, которые нередко сводятся, по примеру Варрона, к фантастической этимологии слов (сообразно его же объяснению: «*Etymologia est origo vocabularum*»). ¹³

Одна из глав пятой книги «Этимологий» (гл. 39) представляет собой «Малую хронику» — сокращение им же написанной «Большой хроники» («*Chronicon majus*»). Оба произведения, излагающие всемирную историю от «сотворения мира» и до 615 г. (во втором издании до 624 г.), будучи компиляциями из сохранившихся трудов Евсевия—Иеронима, Орозия, Августина и т. д., в качестве исторических источников не имеют большого значения. Но они сыграли важную роль в распространении августиновской периодизации по шести возрастам и связанной с нею эсхатологической концепции истории. «Большая хроника» Исидора лежит в основе хроники Беды Почтенного, которая в свою очередь послужила основой для всех всемирных хроник XI—XIV вв.

Наиболее ценна «История готы, вандалов и севов», т. е. история варваров — завоевателей Испании, которую Исидор начинает с 176 и доводит до 628 г. В сущности история двух последних народов, изложенная в конце всей работы на полутора—двух страничках, является лишь небольшим привеском к основной теме — о государстве вестготов. Через все произведение проходят два мотива: горячая любовь к своей стране, которую Исидор восхваляет в введении («*De laude Spaniae*») как лучшую

¹² Шмекель (A. Schmeckel. *Die positive Philosophie*. I. Isidorus von Sevilla, sein System und seine Quellen. Berlin, 1914) пытается вывести все познания Исидора из утраченного энциклопедического труда Светония «Prata» («Луца»). Многие новейшие филологи пытались реконструировать «Prata» из Исидоровых «Этимологий». См.: G. Brugnoli. *Sulla possibilità di una ricostruzione dei Prata e della loro attribuzione a Suetonio*. *Memorie della R. Acc. dei Lincei*, ser. 8a, t. 6, Roma, 1955; ср.: P. Weissner. *Isidorus und Sueton*. *Hermes*, Bd. 52, 1917, SS. 261—292.

¹³ См.: *Etymologiarum libri XX*. PL, 82.

страну на свете, и чувство благодарности к вестготской власти, установившей в Испании спокойствие и порядок: «Римляне, живущие в готском государстве, — пишет Исидор, повторяя слова Орозия, — и поныне так сильно любят владычество готов, что предпочитают скорее жить с готами в бедности, нежели пользоваться могуществом при римской власти и нести тяжелое бремя налогов».

В одной фразе здесь много сказано, но сильнее всего в ней выражено чувство страха, которое испано-римская знать испытывала перед грозными движениями испанских багаудов и кантабрийских крестьян в V—VI вв., и в связи с этим чувством преданности вестготам, потопившим в крови народные восстания.¹⁴

Разумеется, история вестготской Испании дается в церковном и политическом разрезе: это история вестготских королей и их войн за владычество на Пиренейском полуострове и в Южной Галлии, история утверждения в Испании католической церкви и ликвидации ненавистного арианства.¹⁵

Рядом с Исидором Севильским в качестве общепризнанного в средние века авторитета в области богословия, естествознания и истории можно поставить только англо-саксонского монаха Беду Почтенного (673—735). Недаром лишь этих двух писателей Данте помещает в рай, по соседству с величайшим богословским авторитетом католической церкви Фомаю Аквинским.¹⁶

Хотя Беда для своих всемирных хроник, включенных в труды по хронологии, — «De temporibus» и «De ratione temporum» — основательно «выпотрошил» Исидора, но в вопросах хронологии сохранил по отношению к своему предшественнику полную самостоятельность. Будучи, в отличие от Исидора, знаком с древне-еврейским оригиналом Библии, он отверг его хронологию как «ненаучную», основанную на латинском переводе с греческого перевода «70 толковников», и создал свою хронологическую систему. По Исидору, от «сотворения мира» до «рождества Христова» прошло 5211 лет, а по Беде — 3952 года. Таким образом, Беда отводит для «шестой эпохи» августиновской периодизации

¹⁴ См.: F. Lot. La fin du monde antique... p. 325; P. Альтамира-и-Кревеа. История Испании, I. М., 1951, стр. 56 (особенно прим. ред. на этой странице).

¹⁵ Potthast I, 687—689; Manitius, I, 52—79; Wattenbach-Lewis, I, 86—91. См. также: Агрικольтура в памятниках западного средневековья. Под ред. О. А. Добиаш-Рождественской и М. И. Бурского. М.—Л., 1936 (на стр. 9—40 приведены в русском переводе отрывки из «Этимологий»). В новейшем обширном труде Фонтэна (Jacques Fontaine. Isidore de Seville et la culture classique dans l'Espagne Wisigothique, vv. 1, 2. Paris, 1959) деятельность Исидора как историка совершенно не затрагивается, вероятно, не случайно, так как исторические труды епископа Севильи находятся в противоречии с тезисами Фонтэна об «исидоровском Ренессансе» (там же, стр. 863—888) и «исидоровском гуманизме» (там же, стр. 875—888).

¹⁶ Dante. Divina Comedia. Paradiso, X, 131.

не 800 лет, как Исидор, а 2000, и хотя оба историка заявляют, что срок окончания земной жизни человечества известен одному богу, но все же хронология Беды, отодвигающая день Страшного суда в отдаленное будущее, звучала более утешительно для всех благоденствовавших на грешной земле.

Именно Беде, общепризнанному авторитету в области хронологии,¹⁷ принадлежит заслуга перенесения из пасхальных таблиц в историографию нашего современного летосчисления.

Важнейший исторический труд Беды — «Церковная история народа англо» («Historia ecclesiastica gentis Anglorum»), был для своего времени крупным достижением. Автор здесь отказался от обычной схемы всемирной хроники и начинает свой труд не от сотворения мира, а с описания островов Британии и Ирландии и вторжения Юлия Цезаря в Британию. Хотя история распространения и утверждения римско-католической церкви в Англии является главной темой «Церковной истории», а рассказы о чудесах занимают немало места,¹⁸ но и для политической и даже социально-экономической истории Англии VI—VII вв. труд Беды является важнейшим источником.

Этот ученый монах, живший безвыездно, в полном уединении в стенах монастырей-«близнецов» Уирмаузе и Джарроу (в северной Англии), получал информацию из разных частей страны; он располагал и ценными официальными документами, в том числе копиями некоторых писем из папского архива. За созданием «Церковной истории» следил с интересом король Нортумбрии Цеовульф, которому ее главы пересылались по мере их завершения. О значении, которое придавали этому труду и в более позднее время, свидетельствует перевод его королем Альфредом Великим с латинского на англо-саксонский язык.

Одно из писем Беды к близкому родственнику Цеовульфа обнаруживает его живой интерес к социально-экономическим процессам, происходившим тогда в Англии. Это письмо включает некоторые важные данные о становлении феодальных отношений. Беда указывает, между прочим, что раздачей вельможам земель якобы для постройки монастырей король ухудшил свое экономическое положение: он уже не в состоянии наделять дворянских сыновей земельными участками, и эти молодые люди, лишённые возможности основать семью, бродяжничают или нанимаются на военную службу в чужие страны. Королевские же

¹⁷ Его основной труд по хронологии («De temporibus ratione») сохранился в 81 рукописи. См.: M. L. W. Laistner. Bede as a classical and a patristic scholar. Trans. of the R. Hist. Soc., v. XVI, 1933; Bedae Opera de Temporibus, ed. Ch. W. Jones. [Введение]. Mediaeval Ac. of America, Cambridge, Mass., 1943.

¹⁸ Как все средневековые историки-монахи, Беда был убежден в том, что человек может беседовать с ангелами и умершими святыми. Все же он не так легковерен, как другие хронисты, а многие приводимые им чудеса не заключают в себе ничего сверхъестественного.

приближенные, получая от короля в дар либо покупая на предмет учреждения монастырей обширные земли, заполняют эти монастыри своими слугами и наемниками, имеющими жен и детей. Эти крупные землевладельцы, оставаясь в миру, становятся аббатами, а их жены аббатиссами. Так усиливается их могущество в ущерб королевской власти.

Процесс раздачи земель «народных» (фолклэнда) в феодальную собственность (буклэнд) и обращения сидящих на этих землях свободных крестьян в феодально зависимых рисует и «Церковная история Англии». У Беда при всей его склонности к назидательным рассказам о чудесах сильно выражено чутье исторической действительности, что делает его произведение единственным в своем роде источником весьма ценных социально-экономических сведений.¹⁹

Последним по времени крупным историком периода становления феодализма был лангобард Павел Диакон, сын Варнефрида (ок. 720—ок. 799). В числе других знатных лангобардских юношей он воспитывался при королевском дворе в Павии, где получил превосходную по тому времени подготовку, приобрел репутацию ученойшего человека и занимал должности придворного нотариуса, придворного поэта и учителя дочери короля Дезидерия. Первая его большая историческая работа — «Римская история», написанная по просьбе его бывшей ученицы, представляет переработку Евтропия («*Breviarium historiae Romanae*», IV в.) в христианском духе. Используя Орозия, Григория Турского, Беду и другие дошедшие до нас произведения V—VII вв., Павел продолжил римскую историю Евтропия до царствования Юстиниана включительно.

Самостоятельной ценности «Римская история» Павла Диакона не имеет, но в средние века она пользовалась большим успехом, неоднократно дополнялась другими авторами, из которых особенно интересен как редкий в то время историк-мирянин Ландульф Хитроумный (*Landulf Sagax*, начало XI в.),²⁰ и вытеснила из обращения Евтропия, подобно тому как Евтропий в IV—

¹⁹ См., например: F. W. Maitland. *Domesdaybook and Beyond*. Cambridge, 1897, pp. 228, 233, 242, 251, 358, 509—515. Метлэнд широко использовал труд Беда в связи с выяснением процесса феодализации. Издания и литературу о Бедe см.: Gross, №№ 1355, 1448—1451; Potthast, I, 137—140; Manitius, I, 81—87; новейшая литература приведена: Wattenbach-Levison, II, 169—171 (Беда здесь назван «учителем всего средневековья», см. особенно прим. 14 на стр. 169). Сюда нужно добавить: Bede the Venerable. *A History of the English Church and People*. Translated by Leo Sherby-Price. Edinburgh, 1955. Сопоставление Беда с Григорием Турским, невыгодное для последнего, проводит Фокис-Джексон (*A. Foakes-Jackson*. *A History of the Church History*. Cambridge, 1939, ch. X); см. также: Ch. W. Jones. *Bede as early medieval historian*. *Medievalia et Humanistica*, fasc. IV, 1946, ср. прим. 17.

²⁰ Об его «*Historia Miscella*» см.: Wattenbach-Levison, II, 214—215.

VII в. вытеснил учебники, составленные ранее по эпитомам Тита Ливия.

Первый исторический труд Павла Диакона историографически важен лишь как свидетельство того, что умение подчинять материал определенной исторической концепции и связывать его в единое целое (если не говорить о чисто внешней, хронологической связи) было в VIII в. уже совершенно утрачено.

Несравненно большее значение по содержанию и форме имеет другой труд Павла Диакона — «История лангобардов» в 6 книгах, написанный им уже в старости и оставшийся незаконченным.²¹

Несмотря на компилятивный метод, которого придерживается Павел и в этом произведении, оно ценно не только как богатейший источник истории Италии в VII—VIII вв., но и как показатель наивысшего уровня, достигнутого историографией к началу так называемого каролингского Возрождения. «История лангобардов» написана сравнительно хорошим литературным языком, сильно отличающимся от «варварской латыни» Псевдо-Фредегара («История франков», VII в.) и других исторических сочинений этого времени. Для ранних периодов использованы лангобардские народные предания и героические песни, а также, что заслуживает особого внимания, некоторые данные топонимики и памятники изобразительного искусства. Прослеживая путь лангобардов до их перехода в Италию, Павел ссылается на названия «Антаиб, Бантаиб, Бургундаиб, в которых можно усмотреть наименования их областей» (История лангобардов, I, 13). Стены церкви и дворца, построенных королевой Теудолиндой, как сообщает он в другом месте, украшены фресками на сюжеты из истории лангобардов; по этим фрескам мы узнаем, какое платье и волосы носили прежде лангобарды, какие сапоги. Позже они стали носить и штаны, на которые при верховой езде натягивали гамашы. Это они усвоили от римлян» (там же, IV, 21—22). Для позднейшего периода Павел пользуется письменными данными и свидетельствами современников или участников событий. Иногда он точно называет свои источники, иногда ссылается на них очень неопределенно: с одной стороны, это «предисловие короля Ротари к законам лангобардов» или монах Секунд Тридентский, «который много писал о деяниях лангобар-

²¹ Такова господствующая точка зрения. Против нее выступила О. А. Добаш-Рождественская, доказывавшая, что Павел заканчивает правлением Лиутпранда только потому, что этот лангобардский король «всячески стремился сохранять мир с франками». Последние же лангобардские короли (Аистульф, Дезидерий) с франками воевали. См.: О. А. Добаш-Рождественская. Ранний Фриульский минускул и одна из проблем жизни и творчества лангобардского историка VIII в. Сборник статей по вспомогательным историческим дисциплинам, Л., 1935, стр. 135 сл. Это соображение не кажется нам убедительным, так как сам Павел пишет о намерении продолжить свой труд, очевидно, не осуществленном ввиду его смерти.

дов», с другой, — «один правдивый старик», «некий воин, участвовавший в этом сражении», и т. п.

Наряду с событиями политической истории, Павел Диакон уделяет внимание и культурно-историческим данным (например, там же, I, 25—26). В свой труд он включил сведения по истории Византии и Франкского государства, с которыми тесно переплетались судьбы его родного народа. Замечательно в этом труде Павла ясное понимание того, что древняя Римская империя закончила (после Юстиниана) свое существование и что историей варварских государств открывается новая эпоха.

Вместе с тем «Истории лангобардов» недостает единства, цельности построения. Изложение местами производит впечатление мозаики из отрывков, взятых у Беды, Григория Турского и других авторов, без ссылок, без критики, без попытки обработать и слить эти отрывки со всем текстом. Нить повествования нередко нарушается отступлениями. Доказательства истинности каких-либо сведений, которым Павел хочет верить, чрезвычайно наивны. Альбоин был отравлен женой, которую он заставлял пить вино из кубка, сделанного из черепа ее убитого отца. Рассказав эту легенду, Павел добавляет: «Не считайте это невозможным; я говорю истину во Христе, я сам видел этот кубок» (там же, II, 28). Столь же наивны и его изредка встречающиеся критические замечания. Так, недостоверность легенды о победе короля Ламиссио над амазонками обосновывается тем, что, по сообщениям «древних писателей», «народ амазонок уже задолго до того погиб». «Впрочем, — добавляет он, — говорят, что где-то на краю Германии они еще проживают» (там же, I, 6).

Несмотря на в общем светский характер произведения, в котором церковным делам уделяется сравнительно мало внимания, удельный вес рассказов о чудесах святых, небесных знамениях и т. п. очень велик: «Диалоги о чудесах» папы Григория I являются для автора одним из важнейших первоисточников. Влияние другого первоисточника Павла — трудов Исидора Севильского — сказывается на его увлечении фантастической этимологией географических названий. Тусция (Этрурия) — от «тус — благовония жертв, которые народ приносил своим богам» (там же II, 16), Лукания — от *lucus* (роща), Корсика — от вождя Корса, Сардиния — от сына Геркулеса Сардиса (там же, II, 22), Италия — от вождя сикулов Итала (там же, II, 24), и т. д.

Популярность «Истории лангобардов» была необычайной. В одних только крупных библиотеках Европы насчитывается более ста сохранившихся рукописей IX—XVI вв. Средневековые историки продолжали и дорабатывали труд Павла, а также широко пользовались им вплоть до XV в.²²

²² Potthast, II, 898—905; Manitius, I, 257—272; Wattenbach-Levison, II, 203—224 (указана вся новейшая литература).

VI—VIII столетия можно рассматривать как переходный этап в развитии западноевропейской историографии. В этот период постепенно угасает античная литературная традиция: утрачивается умение историка комбинировать факты, подчинять их своей тенденции, сливать заимствованные материалы со своим собственным текстом в единое органическое целое. В истории, как и в других областях знания, надолго утверждается метод механической компиляции литературных источников. На содержание исторических трудов сильнейшее влияние оказывает необычайно разросшаяся житейная литература, которая показывает пример неограниченного использования продуктов религиозной фантазии в пропагандистских и религиозно-назидательных целях. Это влияние было тем более естественным, что авторами хроник и житий нередко были одни и те же церковные деятели. Так историография превращается в одну из ветвей христианского богословия. В связи с этим находится и оттеснение на второй план данных «гражданской» истории элементами истории церковной. В эти же столетия популяризируется мистико-эсхатологическая концепция истории, усвоенная пока еще чисто формально, в виде исторической периодизации, выработанной «отцами церкви», а также вводится новая система летосчисления («от рождения Христова»). Всем этим объясняется тот факт, что созданные в VI—VIII вв. исторические труды Григория Турского, Исидора, Беда, Павла Диакона стали основой и образцами для всей последующей средневековой историографии. Так называемая каролингская эпоха (IX—X вв.) присоединила к названным выше чертам сравнительно мало нового.

2. РАННЕФЕОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД (IX — СЕРЕДИНА XI в.). ИСТОРИОГРАФИЯ КАРОЛИНГСКОГО ПЕРИОДА И ЕЕ УПАДОК

В каролингский период в основном завершилась феодализация Западной Европы. Завоевательные войны Карла Великого и организация в его обширной империи относительно централизованного государственного управления значительно ускорили процесс закрепощения свободных крестьян и образования крупного феодального (церковного и светского) землевладения на огромной территории от р. Эбро на западе до р. Эльбы на востоке. Тем самым были созданы условия для дальнейшего развития политической, юридической и идеологической надстройки феодального общества.

В сфере идеологии и вообще духовной культуры исходным моментом развития явилось движение, несколько напоминающее культурный перелом в Италии и других западноевропейских странах в XV—XVI вв. и потому получившее по аналогии название «каролингского Ранессанса».

Сходство между Ренессансом IX и XV—XVI в. является, конечно, чисто внешним: создатели новой идеологии — феодальной в раннее средневековье, буржуазной в позднее средневековье, обращались к античному культурному наследию, чтобы взять из него то, что могло бы помочь в решении стоявших перед ними задач. Но главным направлением ранней феодальной культуры было религиозное, церковное, богословское, и это естественно, определило преобладающее влияние патристической латинской литературы времени упадка античного мира, между тем как светский по преимуществу характер интересов зарождавшейся капиталистической буржуазии predetermined увлечение ее идеологов греко-римской языческой литературой и философией периодов расцвета.

Интересы политики и религии, государства и церкви при Каролингах так тесно между собою переплетались, что носителями не только церковных, но и светских элементов феодальной идеологии могли стать образованные клирики — англосакс Алкуин и его ученики, испанец Теодульф и др., а позже такие деятели, как лионский архиепископ Агобард и глава франкской церкви, вождь всей феодальной знати Гинкмар, выполнявший функции министра трех каролингских государей. Что касается таких светских писателей, как Ангильберт и Эйнгард при Карле Великом, граф Нитград при Карле Лысом, то они являлись редкими исключениями.

Историография в каролингскую эпоху была той областью умственной работы, в которой слияние церковных и светских элементов выступает особенно отчетливо. Важнейшим продуктом историографии уже при первых Каролингах, в VIII в., были многочисленные монастырские анналы, развившиеся из кратких погодных записей на полях пасхальных таблиц, составленных на столетия вперед (до 1063 г.) Бедой Почтенным. Такие таблицы с пометами о событиях каждого года были занесены в Галлию англо-саксонскими миссионерами и в ряде монастырей континента Европы стали основой локальной анналистики. Эти краткие, сухие, примитивные по форме анналы могли служить только для справок. Наряду с этими погодными краткими записями появляются при первых Каролингах и краткие придворные летописи, имевшие строго официальный характер. В некоторых монастырях Галлии и Западной Германии делались попытки объединить все эти «малые анналы» различного происхождения в более полные сборники, но только в конце VIII в. результатом этих усилий явился единый официальный летописный свод Франкской монархии.

Образование большого франкского государства и связанное с этим развитие интенсивной политической жизни объясняет интерес правящих кругов во главе с Карлом Великим к упорядочению и объединению различных историографических материалов,

подвергнутых при этом основательной переработке. Перед исполнителями этого дела Карл Великий ставил, по-видимому, в качестве главной задачи прославление каролингской династии, оправдание в глазах современников и потомства мероприятий королевской власти, укрепление союза этой власти с церковью — словом, задачу правительственной политической пропаганды. Этой же цели служила и литературная обработка старых летописей, освободившая их от слов и выражений «варварской» латыни и придавшая им более «удобочитаемую» форму.

Так возник, как полагают в 795 г., летописный свод, имевший весьма сложный состав и охвативший со всеми продолжениями период от 741 по 829 г. Этот свод известен в науке под названием «Королевских анналов» («*Annales regii*»), или «Анналов Франкского королевства» («*Annales regni Francorum*»), или, наконец, по месту его обнаружения в Лоршском монастыре — «Больших Лоршских анналов» («*Annales Laurissenses maiores*»). Его особенностью является превосходная осведомленность составителей и вместе с тем большая их сдержанность в освещении одних событий, полное умолчание о других по достаточно прозрачным политическим мотивам. Через весь свод проходит одна отчетливо выраженная тенденция — апология каролингской династии.²³

Борьба различных феодальных группировок и партий, приведшая, начиная с 830 г., к междоусобным войнам и завершившаяся окончательным распадом империи Карла Великого на три отдельных государства, имела следствием для историографии прекращение единого официального летописания. Для западной части бывшей империи значение королевских приобрели с 843 г. Санбертенские анналы, непосредственно продолжавшие «Королевские анналы», а для восточной — Фульдские анналы. Заметим, что эти названия не означают сосредоточения официальной анналистики в соответствующих монастырях, а только указывают, в каких монастырских библиотеках эти анналы были найдены.

В конце IX в. официальная анналистика угасает. Санбертенские анналы заканчиваются в 882 г. со смертью автора последней их части — Реймского архиепископа Гинкмара. Но в сущности они уже ранее утратили прежний характер: Гинкмар, будучи главою феодальной аристократии, превратил эти анналы в орудие собственного прославления и очернения своих политических противников.²⁴

²³ См. текст «*Annales regni Francorum*» в новейшем издании (с нем. перев.): *Quellen zur Karolingischen Reichsgeschichte, Teil I. Hrsg. v. R. Rau. Berlin, [1955]*, а также введение и приложенный к нему список литературы по 1953 г.

²⁴ Гинкмар известен также как автор ряда богословских произведений и политических трактатов («*De regis persona et regio ministerio*», «*De*

Сходство между Ренессансом IX и XV—XVI в. является, конечно, чисто внешним: создатели новой идеологии — феодальной в раннее средневековье, буржуазной в позднее средневековье, обращались к античному культурному наследию, чтобы взять из него то, что могло бы помочь в решении стоявших перед ними задач. Но главным направлением ранней феодальной культуры было религиозное, церковное, богословское, и это естественно, определило преобладающее влияние патристической латинской литературы времени упадка античного мира, между тем как светский по преимуществу характер интересов зарождавшейся капиталистической буржуазии predetermined увлечение ее идеологов греко-римской языческой литературой и философией периодов расцвета.

Интересы политики и религии, государства и церкви при Каролингах так тесно между собою переплетались, что носителями не только церковных, но и светских элементов феодальной идеологии могли стать образованные клирики — англосакс Алкуин и его ученики, испанец Теодульф и др., а позже такие деятели, как лионский архиепископ Агобард и глава франкской церкви, вождь всей феодальной знати Гинкмар, выполнявший функции министра трех каролингских государей. Что касается таких светских писателей, как Ангильберт и Эйнгард при Карле Великом, граф Нитград при Карле Лысом, то они являлись редкими исключениями.

Историография в каролингскую эпоху была той областью умственной работы, в которой слияние церковных и светских элементов выступает особенно отчетливо. Важнейшим продуктом историографии уже при первых Каролингах, в VIII в., были многочисленные монастырские анналы, развившиеся из кратких погодных записей на полях пасхальных таблиц, составленных на столетия вперед (до 1063 г.) Бедой Почтенным. Такие таблицы с пометами о событиях каждого года были занесены в Галлию англо-саксонскими миссионерами и в ряде монастырей континента Европы стали основой локальной анналистики. Эти краткие, сухие, примитивные по форме анналы могли служить только для справок. Наряду с этими погодными краткими записями появляются при первых Каролингах и краткие придворные летописи, имевшие строго официальный характер. В некоторых монастырях Галлии и Западной Германии делались попытки объединить все эти «малые анналы» различного происхождения в более полные сборники, но только в конце VIII в. результатом этих усилий явился единый официальный летописный свод Франкской монархии.

Образование большого франкского государства и связанное с этим развитие интенсивной политической жизни объясняет интерес правящих кругов во главе с Карлом Великим к упорядочению и объединению различных историографических материалов,

подвергнутых при этом основательной переработке. Перед исполнителями этого дела Карл Великий ставил, по-видимому, в качестве главной задачи прославление каролингской династии, оправдание в глазах современников и потомства мероприятий королевской власти, укрепление союза этой власти с церковью — словом, задачу правительственной политической пропаганды. Этой же цели служила и литературная обработка старых летописей, освободившая их от слов и выражений «варварской» латыни и придавшая им более «удобочитаемую» форму.

Так возник, как полагают в 795 г., летописный свод, имевший весьма сложный состав и охвативший со всеми продолжениями период от 741 по 829 г. Этот свод известен в науке под названием «Королевских анналов» («*Annales regii*»), или «Анналов Франкского королевства» («*Annales regni Francorum*»), или, наконец, по месту его обнаружения в Лоршском монастыре — «Больших Лоршских анналов» («*Annales Laurissenses maiores*»). Его особенностью является превосходная осведомленность составителей и вместе с тем большая их сдержанность в освещении одних событий, полное умолчание о других по достаточно прозрачным политическим мотивам. Через весь свод проходит одна отчетливо выраженная тенденция — апология каролингской династии.²³

Борьба различных феодальных группировок и партий, приведенная, начиная с 830 г., к междоусобным войнам и завершившаяся окончательным распадом империи Карла Великого на три отдельных государства, имела следствием для историографии прекращение единого официального летописания. Для западной части бывшей империи значение королевских приобрели с 843 г. Санбертенские анналы, непосредственно продолжавшие «Королевские анналы», а для восточной — Фульдские анналы. Заметим, что эти названия не означают сосредоточения официальной анналистики в соответствующих монастырях, а только указывают, в каких монастырских библиотеках эти анналы были найдены.

В конце IX в. официальная анналистика угасает. Санбертенские анналы заканчиваются в 882 г. со смертью автора последней их части — Реймского архиепископа Гинкмара. Но в сущности они уже ранее утратили прежний характер: Гинкмар, будучи главою феодальной аристократии, превратил эти анналы в орудие собственного прославления и очернения своих политических противников.²⁴

²³ См. текст «*Annales regni Francorum*» в новейшем издании (с нем. перев.): *Quellen zur Karolingischen Reichsgeschichte, Teil I. Hrsg. v. R. Rau. Berlin, [1955]*, а также введение и приложенный к нему список литературы по 1953 г.

²⁴ Гинкмар известен также как автор ряда богословских произведений и политических трактатов («*De regis persona et regio ministerio*», «*De*

В Германии примерно с того же времени вместо королевского развивается локальное монастырское летописание.²⁵

Помимо летописания, историографическая активность на протяжении IX в. выражалась в создании биографий, всемирных хроник, монографических произведений, а также по-прежнему количественно преобладающих произведений житийной литературы.

Самым выдающимся образцом биографического жанра является Эйнгардова «Жизнь Карла Великого» («Vita Caroli Magni»). Эйнгард (770—840), ближайший сподвижник Карла Великого в последние годы его царствования, написал эту работу уже в старости, когда он совершенно отошел от политической деятельности. Судя по числу цитат, выписок и прочих заимствований вплоть до XII в., книга Эйнгарда оказала немалое влияние на средневековую историографию; об ее популярности свидетельствуют и более 80 сохранившихся рукописных копий IX—XV вв.²⁶ О том же говорит большое число печатных изданий и переводов на главные западноевропейские языки в XVI—XVII вв. (сохранились и отрывки немецкого перевода XIII в.).

Манициус считает произведение Эйнгарда «самой лучшей средневековой биографией»: «по красоте формы и значительности содержания ее можно сравнить с Тацитовской „Германией“».

Действительно, безупречной латынью и изяществом стиля «Жизнь Карла Великого» напоминает классические образцы, являясь, таким образом, показателем замечательных успехов, достигнутых при Карле Великом в усвоении античного литературного наследия. Путем стилистического анализа удалось обнаружить следы знакомства Эйнгарда не только со Светонием, но и с Цицероном, Виргилием, Цезарем, Юстином, Флором и другими латинскими авторами.

Эйнгард так близко следует своему главному образцу — Светонию, заимствуя план, стиль, фразеологию римского писателя, что образ Карла Великого в его произведении лишается многих инди-

ordine palatii» и др.). Новейшее издание Бертинских анналов: Quellen zur Karolingischen Reichsgeschichte, Teil II. Berlin, [1959]; Фульдских анналов: там же, Teil III, 1960.

²⁵ Сложная проблема каролингской анналистики породила богатую исследовательскую литературу, представление о которой дает Ваттенбах-Левисон (Wattenbach-Levison, II, 8, Die Reichsannalen). Разобраться в противоречивых взглядах нескольких поколений исследователей анналистики по ряду частных вопросов помогает ясная их постановка в общем введении, которое Молинье предпослал V тому своего труда (Molinier, V, pp. XXII—XLVIII); см. также: G. Monod. Etudes critiques..., pp. 22—25, 68—92. О «Больших Лоршских анналах» см.: Manitius, I, 646 f.; о Гинкмаре см.: там же, стр. 339—354, а также: Quellen zur Karolingischen Reichsgeschichte, Teil I—III. Berlin, 1956—1960 (введение); H. Hoffmann. Untersuchungen zur karolingischen Annalistik. Bonn, 1958.

²⁶ В том числе один из древнейших списков (X в.) в Ленинградской ГПБ.

видуальных черт. Следуя схеме Светония, Эйнгард рассказывает сначала о предках Карла, затем о его походах и сношениях с другими государствами, далее о строительной деятельности, после чего он переходит к частной жизни императора, дает его характеристику и заканчивает его болезнью и смертью.

Скованный школьной риторической схемой, Эйнгард при характеристике личности Карла выдвигает на первый план «величие духа» и «великодушие» (magnitudo animi, magnanimitas), о чем он говорит несколько раз. Как и в античных биографиях, характер исторической личности выступает статичным, не развивающимся. Фактическая история царствования Карла дается исключительно по «Королевским анналам», т. е. чисто официально, хотя Эйнгард, выполнивший ряд важных дипломатических поручений императора, несомненно, знал гораздо больше, чем было записано в анналах. Много неприятных для Карла фактов он просто обходит молчанием. Апологетическая каролингская тенденция сказывается также в несколько карикатурном изображении последних меровингских королей и в стремлении переложить всю ответственность за династический переворот 751 г. на римского папу.

«Жизнь Карла Великого» отличается рассудочностью, подчеркнута светским тоном, что новейшие исследователи пытаются, без достаточных к тому оснований, объяснить как «выражение оппозиционности Эйнгарда» по отношению к строго церковному, ханжески-религиозному направлению, восторжествовавшему при дворе Людовика Благочестивого.²⁷

Тема, занимавшая Эйнгарда, разрабатывалась и более поздними историками. Наиболее известна «История Карла Великого» сангалленского монаха Ноткера Заики (ум. 912). Хотя он ссылается на устные рассказы одного из участников походов Карла, но главный фактический материал заимствует у Эйнгарда, присоединяя к нему только легенды, сложившиеся к его времени вокруг личности императора (но легенды о Роланде еще нет). Смешивая историю и сагу, вымысел и действительность, Ноткер не только подчеркивает теократическую концепцию власти Карла Великого, но и переносит в биографию светского лица приемы житийной литературы.²⁸

²⁷ Manitius, I, 639 ff.; Wattenbach-Levison, II, 266—277; Molinier, V, pp. L—LI; G. Monod. Etudes critiques..., pp. 155—162 (подробно рассматривается вопрос о предполагаемом участии Эйнгарда в написании «Annales regni Francorum»); K. Hampe. Zur Lebensgeschichte Einhard's. NA, Bd. 21, 1895—1896, SS. 599—631. См. также: Д. Н. Егоров. Как писал Эйнгард? Из далекого и близкого прошлого. Сборник в честь Н. И. Кареева. Пг., 1923. Последнее по времени издание текста «Vita Caroli Magni» с указанием избранной литературы по 1951 год см.: Quellen zur Karolingischen Reichsgeschichte, Teil I.

²⁸ Новейшее издание Ноткера см.: Quellen zur Karolingischen Reichsgeschichte, Teil III.

Из прочих произведений биографического жанра назовем две работы о Людовике Благочестивом. Одна, принадлежащая епископу Тегану, проникнута аристократическим и реакционно-клерикальным духом, представляя в сущности панегирик Людовику и политический памфлет против его недругов: другая — анонимная «Жизнь императора Людовика» («Vita Ludovici imperatoris») так называемого Астронома — для периода 814—829 гг. является простым пересказом официальных анналов, но для 830—840 гг. сообщает немало ценных данных.

Единственной в своем роде исторической монографией каролингской эпохи, имеющей мемуарный характер, является книга графа Нитгарда «О раздорах сыновей Людовика Благочестивого» («De dissensionibus filiorum Ludovici Pii ad a. usque 843»). Автор, внебрачный сын дочери Карла Великого и придворного поэта Ангильберта, участвовал в междоусобной войне на стороне Карла Лысого и его союзника Людовика Немецкого. Книга его проникнута глубоким пессимизмом. Яркими красками он описывает благоденствие империи при Карле Великом, противопоставляя этой «счастливой эпохе» упадок, наступивший при его преемниках. «От печали» у Нитгарда «выпадает перо из рук», он «исполнен стыда за свое время», когда вместо прежних «изобилия и радости, всюду недостатки и горести».

Только у Нитгарда приведены «старофранцузский» и «старонемецкий» тексты Страсбургской клятвы 842 г. и сведения о крестьянском восстании Стеллинга в Саксонии. Автор приписывает это грозное восстание козням Лотаря, что в устах историка-феодала звучит как тягчайшее обвинение старшего сына Людовика Благочестивого в предательстве по отношению ко всему господствующему классу.²⁹

Всемирные хроники в каролингский период представлены сравнительно небольшим числом работ: это Муассакская хроника — анонимная компиляция из анналов; хроника вьеннского епископа Адона, основанная на произведениях Исидора и Беды; наконец, наиболее интересные из всех, хроники Фрекульфа из Лизье и Регинона Прюмского.

Фрекульф, епископ Лизье (Нормандия, ум. 853 г.), написал по предложению канцлера Людовика Благочестивого Элисахара, в качестве учебного пособия для сына императрицы Юдифи Карла (Лысого), обширную всемирную хронику, занимающую в издании Миня более 340 страниц. Это типичная средневековая

²⁹ Новейшее издание произведений Тегана, так называемого Астронома, и Нитгарда см.: Quellen zur Karolingischen Reichsgeschichte, Teil I (с немецким переводом, вводными статьями и указанием литературы). О Нитгарде см. также: Potthast, II, 856 f.; Manitius, I, 657 ff.; Molinier, V, pp. LII—LIV; J. Spörl. Das Alte und das Neue im Mittelalter. Hist. Jahrb., Bd. 50, H. 3, 1930, S. 513 f.; Wattenbach-Levison, III, 353—357.

мозаика: извлечения из Иосифа Флавия, Евсевия—Иеронима, Беды, из «Гетики» и «Римской истории» Иордана, из Августина и Орозия (последний является важнейшим источником для всех частей хроники) связаны в единое целое лишь отдельными авторскими фразами. Но само обилие использованных материалов характерно для каролингского Ренессанса. Начав от «сотворения мира», Фрекульф рассказывает историю евреев, ассирийцев, мидян, персов, греков и римлян и доводит изложение до 600 г. Таким образом, он дает в сущности только древнюю историю, заканчивая появлением варварских государств на территории Римской империи. У Фрекульфа впервые встречается миф о троянском происхождении франков, являвшийся символом веры французских историков вплоть до XVI в.: «Род франков вышел из Фригии. Избрав своим королем Франциона, они получили от этого имя франков». Правда, Фрекульф отмечает также, что, «по мнению некоторых, франки родом из Скандинавии», но ничем не подкрепляет этот вывод.

Подобно большинству средневековых историков, Фрекульф не проводит никакого различия между мифами и историей; греческие и римские сказания о подвигах богов излагаются как исторические факты.

Следуя установившейся схеме, Фрекульф включает сведения о событиях в Восточно-Римской империи, но Западно-Римская империя для него погибла с появлением варварских королевств. Таким образом, для него Карл Великий (если бы он довел изложение до 800 г.) являлся бы не преемником римских императоров, а создателем новой империи.³⁰

Хроника Фрекульфа послужила образцом для Регинона, аббата Прюмского монастыря (близ Трира, ум. 915). Но в отличие от Фрекульфа Регинон начинает не от «сотворения мира», а от «рождения Христова» и доводит изложение до 907 г. Характерно, что историю последних десятилетий IX в. он излагает очень осторожно. О многих вещах он предпочитает умалчивать, чтобы не навлечь на себя преследований, о чем он пишет под 892 г.: «Я обойду это молчанием и прошу у читателей прощения, ибо в этом рассказе я и так был более болтлив, чем это полагается». В письме-посвящении Аугсбургскому епископу он также подчеркивает: «Там, где речь идет о настоящих временах, я писал умеренным стилем из-за известной угрозы, которая и сейчас не исчезла, предоставляя потомкам описать все подробнее». Судя по тому, что Регинона изгнали из его монастыря, у него были могущественные политические враги. Все это свидетельствует о том, что

³⁰ Frechulf de Lisieux. Chronicon. PL, 106, col. 917 ff.; Potthast, I, 467 f.; Wattenbach-Levison, III, 350—352; Manitius, I, 663—668; Molinier, V, XLIX—L; A. D. von den Brincken. Studien, SS. 121—126.

с конца IX в. создаются условия, весьма неблагоприятные для развития относительно независимой историографии.³¹

Политическая обстановка к этому времени резко ухудшилась. Вторжение норманов, сарацин, венгров, усиление центробежных тенденций среди феодалов, рост их могущества за счет королевской власти, представлявшей при последних Каролингах зрелище военного и политического бессилия, наступление (особенно во Франции и Италии) длительного периода феодальной анархии — все это приостановило развитие церковно-феодальной культуры и даже отбросило ее назад. Тематика исторических произведений мельчает, заметно ухудшается их язык и стиль, знакомство с античной языческой литературой становится редким исключением.

Таким исключением являются четыре виднейших историка X в.: Флодоард и Рихер во Франции, Лиутпранд в Италии, Видукинд в Германии.

Флодоард (894—966) известен своими «Анналами» за 919—965 гг. и «Историей Реймской церкви», каноником которой он являлся. Междоусобные феодальные войны, сопровождавшие их грабежи и насилия получили в его трудах яркое отражение. Но горизонт историка сильно сузился: редко он выходит за границы Реймского диоцеза и за рамки чисто церковной истории. Флодоард писал по документальным материалам и знал почти все, что было до него написано о Реймской церкви; поэтому Молинье называет второй его труд «лучшей историей епископства, какою мы обладаем для средневековой Франции».³²

Рихер, «последний историк эпохи каролингов»,³³ был учеником знаменитого Герберта, монахом св. Ремигия в Реймсе. Его «Четыре книги историй» и анналы, охватывающие период 884—998 гг., — произведения, полные всевозможных чудес и суеверий, — давно привлекают особое внимание французских и немецких исследователей явным подражанием Саллюстию, о чем уже упоминалось выше (стр. 110), а еще более — отношением его к борьбе последних Каролингов с Робертинами во Франции и с германской (саксонской) династией Оттонов. Немцы называют Рихера «первым французским националистом», а французы — «первым подлинно французским историком». Австрийский ученый Дж. А. Беццола недавно доказал всю неосновательность

³¹ Хроника Регинона Прюмского была продолжена монахом Адальбертом (позже архиепископом Бременским), возглавившим миссию Оттона I в Киев. Приводимые им сведения об этой миссии и ее провале представляют большой интерес. См.: В. Я. Рамм. Папство и Русь в X—XV вв. М.—Л., 1959, стр. 33 сл.; Manitius, I, 701. О хронике Регинона см.: A. D. von den Brincken. Studien, S. 129 f.; Manitius, I, 695—701; Molinier, V, p. XLVIII s.; G. Monod. Etudes critiques..., p. 27 s. Новейшее издание Регинона см.: Quellen zur Karolingischen Reichsgeschichte, Teil III.

³² Molinier, V, p. LXVI s. Сочинения Флодоарда см.: PL, 135, col. 275—328; о нем: Manitius, II, 155 f.; Wattenbach, I, 409 ff.

³³ Molinier, V, p. LXIX.

обоих определений.³⁴ Противоречия между «галлами» и «германцами», как он справедливо замечает, не носили тогда еще национального, а лишь феодально-династического характера. Франко-немецкое соперничество явилось результатом формирования в X в. двух «крупных феодально обособленных союзов», главы которых стремились к полной независимости каждый «внутри своего союза, втянувшего в себя и церковную иерархию».³⁵

Однако Беццола не удалось выполнить свою другую задачу: оправдать Рихера от обвинения в каролингской партийности, объясняющей тенденциозное искажение фактов, цифр, хронологических данных. Беццола игнорирует то, что семья Рихера принадлежала к числу непосредственных каролингских вассалов, а при анализе «Историй» даже не упоминает характерного высказывания их автора: «Предателю Каролингов не избежать божьей кары» (I, 43).

Данные Рихера, естественно, весьма ненадежны, и его труды пользуются у новейших историков неважной репутацией. Но на этих трудах лежит как бы последний отблеск «каролингского Ренессанса». Рихер знаком с античной литературой, сочиняет длинные речи и пользуется другими риторическими приемами, увлекается естествознанием и особенно медициной (отсюда натуралистические описания болезней, предшествующих отравлению в ад грешников и предателей). Он обнаруживает также редкий у монаха X в. интерес к военным хитростям, к тактике боя. В итоге «Истории» представляют удивительную смесь грубых суеверий и здравого смысла, монашеской оторченности от мира и живого интереса к миру, религиозных фантазий и партийно-политической страстности и, таким образом, отражают противоречивое содержание своей эпохи, нравы и настроение французского феодального общества в конце X в.³⁶

Центром французской феодальной культуры во времена Флодоарда и Рихера был г. Реймс с его школой соборного капитула, руководимой Гербертом. В Италии и Германии таким центром являлся королевский двор.

Лиутпранд (ок. 920—971), самый образованный писатель X в., учился в придворной школе в Павии. Ему покровительствовал

³⁴ Gian Andri Bezzola. Das Ottonische Kaisertum in der französischen Geschichtsschreibung des 10. und beginnenden 11. Jahrhundert. Graz, 1956.

³⁵ Там же, стр. 113.

³⁶ Помимо книги Беццола, см.: Manitius, II, 214—219; H. Schneider. Das kausale Denken in deutschen Quellen des 10., 11. und 12. Jahrh. Gotha, 1905, S. 12 ff.; Molinier, V, LVII—LXX; G. Monod. Etudes sur l'histoire de Hugues Capet. RH, v. 28, 1887, p. 249 sqq.; R. Latouche. Un imitateur de Salluste au X siècle l'historien Richer. Annales de l'Univ. Grenoble, t. 6, 1929, chap. 2, note 4; F. Lot. Derniers Carolingiens. Paris, 1891, p. XVII ss.; издания трудов Рихера и переводов см.: Potthast, II, 971; новейшее издание с французским переводом: Richer. Histoire de France, éd. R. Latouche, vv. I—II. Paris, 1930—1937.

король Гуго Прованский, затем, после изгнания последнего, Беренгар II Иврейский. Лиутпранд возглавил посольство этого короля в Константинополь (949—950), что позволило ему усовершенствоваться в редких тогда познаниях в греческом языке и литературе. По возвращении в Павию он чем-то навлек на себя гнев Беренгара и его жены, бежал в Германию к Оттону I и здесь написал свой первый и самый крупный исторический труд «Антаподозис» (по-гречески «воздаяние», «возмездие»), в котором он свел счеты с Беренгаром. В «Антаподозисе» охвачены политические события в Италии, Южной Франции и Византии с 888 по 950 г., по поводу которых автор делает подчас весьма меткие и ядовитые замечания.

Оттон I использовал дипломатические способности Лиутпранда, его знакомство с греческим и немецким языком для сношений с византийским двором и с римской курией. Итальянская политика Оттона главным образом за 962—969 гг. получила освещение в другой книге Лиутпранда — «История Оттона», написанной по заказу германского короля. Второе посольство Лиутпранда в Византию, по поручению Оттона I, закончилось неудачей. Отчет об этом посольстве («*Relatio de Legatione Constantinopolitana*»), пропитанный злобой и насмешкой над византийским двором и нравами византийской знати, несколько напоминает инвективу Прокопия Кесарийского против Юстиниана. Грегоровиус характеризует это произведение Лиутпранда как «блестящий, живой памфлет», являющийся «как бы оазисом в пустыне, которую представляет собою литература того времени».³⁷ Сведения о третьем посольстве Лиутпранда в Константинополь после свержения Никифора Фоки, по-видимому, недостоверны.

Оттон вознаградил своего дипломата, сделав его епископом Кремоны, но в этом городе его деятельность почти не оставила следов.

Лиутпранд — самый блестящий, но и наиболее субъективный из раннесредневековых историков. В центре его исторического повествования всегда стоит его собственная личность, о благополучии которой заботятся святые, ангелы и сама мать божья. Его произведения носят характер мемуаров, основанных больше на личных впечатлениях, чем на документах и литературе; историю же ранних периодов (888—940) он пишет по свидетельствам очевидцев, используя и не дошедшие до нас источники.

Как итальянский (точнее лангобардский) патриот Лиутпранд презирает всех иноземцев, вторгавшихся в Италию, но в отношении немцев, завися от милостей Оттона, он очень осторожен в выражениях. Зато он отводит душу, говоря о всех других народах. Сарацинов, венгров, болгар, хазар он называет «дикарями» (*fero-*

cissimi), «безбожниками», «детьми дьявола», византийцев — «дураками», «льстецами», «клятвопреступниками», легкомысленными и изнеженными людьми. Даже римлян он не пощадил: они «трусливы как зайцы».

К папству как учреждению Лиутпранд относится почтительно и утверждает, что византийская церковь «незаконно» отвергла притязания пап на верховенство. Но скандальную хронику папского двора, преступления папы Иоанна XII и т. п. он описывает с большими подробностями и с явным удовольствием. Претензии папства на господство над светской властью он отвергает, а грубое вмешательство Оттона I в церковные дела всячески оправдывает.

Как идеолог феодальной знати Лиутпранд не признает права народов на сопротивление феодальному гнету. «Всякое начальство — от бога, и подданные должны повиноваться даже плохим князьям», — пишет он. Однако это положение не распространяется на феодалов: они имеют полное право восстать против сюзерена-тирана и перейти на сторону другого государя, как это сделали вассалы Беренгара II, предавшие его германскому королю.

Хотя на произведениях Лиутпранда лежит печать его эпохи (чудеса, вещие сны, знамения и у него весьма часты), но этот яркий и своеобразный автор, который пишет изысканным стилем, щеголяя цитатами из древних латинских и греческих писателей, стоит особняком среди историков раннего средневековья.³⁸

Лиутпранд в своих произведениях осуществил требование античной историографии — быть активным участником изображаемых историком событий. В этом отношении его современник Видукин (919—973), автор «Саксонской истории» («*Res gestae Saxonicae*»), является его полной противоположностью. Большую часть жизни Видукин провел в Корвейском монастыре и не имел никакого отношения ни к дипломатии, ни к военным подвигам героев своего исторического повествования Генриха I и Оттона I.

Однако этот монах меньше всего интересуется церковными делами. Его привлекает шум битв, в которых саксонские феодалы («наши князья» — «*principes nostri*») одолевали венгров и полабских славян. С восторгом он описывает, как в 929 г. саксонское

³⁸ Поттгаст (*Potthast*, I, 742—744) приводит издания и литературу до конца XIX в.; Манитиус, II, 166—174; Walter Baum. *Die politische Anschauungen Liutprands von Cremona, seine Stellung zum Kaisertum*. Berlin, 1936; M. Lintzel. *Studien zu Liutprand von Cremona*. 1933; M. Galdi. «L'Antapodosis» di Liutprando. *Atti della R. Acc. di archeologia*, XIII, Napoli, 1933—1934; H. Schneider. *Das kausale Denken...*, SS. 19—25; H. Jensen. *Die Wirkungen der augustinischen Geschichtsphilosophie auf die Weltanschauung und Geschichtsschreibung Liutprands von Cremona*. Greifswald, 1921; Molinier, 274. В Архиве АН СССР в Ленинграде хранится изложение и частично перевод на русский язык «Донесения о Константинопольском посольстве», выполненный академиком Ф. И. Успенским и ныне еще не опубликованный.

³⁷ Ф. Грегоровиус. *История города Рима в средние века*, т. III. СПб., 1904, стр. 330, прим. 3.

войско сломило сопротивление защитников славянского укрепления Бранибор «голодом, мечом и холодом» (fame, ferro, frigore). Впрочем, к славянам, хотя они и язычники, у него нет особой ненависти. «Они, — пишет Видукин, — предпочли миру войну, ставя превыше всего дорогую им свободу... Ибо эти люди суровы и привычны к труду, они довольствуются самой скудной пищей, а то, что для нас тягостный труд, они выполняют с каким-то наслаждением. Так проходило [в осаде Бранибора] много дней, причем одни [саксонские феодалы] сражались ради славы и расширения границ своего государства, а другие [славяне] бились для того, чтобы отвести от себя угрозу полного порабощения».

Королям Саксонской династии Видукин приписывает постановку трех задач, которые они решали военной силой и, конечно, с помощью бога: прославить свой народ, расширить границы государства, установить мир (который историк понимает в смысле Pax Romana, т. е. как приведение к покорности и порабощение соседних народов).

Биографии Генриха и Оттона излагаются по схеме Светония, усвоенной, возможно, через Эйнгарда, а феодальные мятежи против Оттона — в духе Саллюстиева «Заговора Катилины». Отсюда Видукин переписывает целые речи, лишь слегка их переделывая (например, речь Оттона I к войску перед Лехфельдским сражением 955 г. копирует речь Катилины перед битвой при Пистории).

В центре «Саксонской истории» стоит война. Гросвита, монахиня Гильдесгеймского монастыря, прославившая тех же Генриха и Оттона в стихотворных анналах, специально отмечает, имея в виду Видукина, что описание военных событий она предоставляет мужчинам. Очевидно, увлечение монаха военными подвигами было вполне в духе эпохи.³⁹

К концу X в. влияние каролингского Ренессанса в области культуры и, в частности, историографии было полностью исчерпано. Примерно до 1075 г., т. е. в течение почти целого столетия, историография находилась в глубоком упадке. Во Франции в этот период были написаны хроники Радульфа Глабера, Адемара Шабанского и Дудона Сен-Кантенского. Путаная по содержанию,

³⁹ Издания и литературу о Видукине см.: Potthast, II, 1113—1114; из новейших монографий сюда нужно присоединить: E. Vach. Politische Begriffe und Gedanken Sächsischen Geschichtsschreiber der Ottonenzeit. Diss. Münster, 1948; H. Beumann. Widukind von Korvei. Weimar, 1950; ср. рец.: M. Lintzel. HZ, Bd. 176, 1953, S. 112 f. Специально о позиции Видукина по отношению к славянам см.: E. Donnert. Studien zur Slawenkunde des deutschen Frühmittelalters. 1963 (отдельный оттиск из Wiss. Zs. der Fr. Schiller-Universität, Jena, Jg. 12, S. 203—205); там же, S. 220, п. 4, названы работы польских буржуазных ученых о Видукине.

мистическая по тону, варварская по языку хроника Радульфа была уже охарактеризована выше.⁴⁰ Аквитанская хроника Адемара (988—1034) на две трети является плагиатом из анонимной «Истории франкских королей» (IX в.) и «Лоршских анналов», а в последней части носит узко провинциальный характер. Той же ограниченностью отличается нормандская хроника, написанная монахом Сен-Кантенского аббатства Дудоном по поручению нормандского герцога Ричарда II. Дудон «не только совершенно запутал хронологию, но и смело перенес в настоящее обстановку прошедших времен».⁴¹

Еще печальнее картина историографии в Италии. Хроника Бенедикта из обители св. Андрея на горе Соракте (конец X в.) является «настоящим чудищем по форме и содержанию».⁴² Несколько позже появляются салернская и венецианская хроники. Их варварская латынь делает невозможным понять смысл многих фраз. В Германии таковы же «Кведлинбургские анналы», доведенные до 1025 г. Единственным немецким историческим произведением начала XI в., в котором обнаруживаются следы каролингских традиций, является хроника Титмара, епископа Мерзебургского (945—1018). Но и к ней можно целиком применить слова, сказанные новейшим исследователем по поводу хроники Адемара Шабанского: «Великие образцы IX в. забыты, нигде не видно... даже попытки подражать древнеримским историкам — ни в языке, ни в манере изложения».⁴³

Что касается Англии, то здесь в историографии на протяжении всего XI в. вообще не появилось ничего достойного внимания. В некоторых монастырях велись анналы, составлявшие продолжение «Англосаксонских хроник» — древнейшего на Западе исторического произведения на национальном языке, — но такой примитивной регистрацией событий и ограничивалась вся историографическая деятельность английских монахов.⁴⁴

⁴⁰ См. гл. вторую, а также живую характеристику Радульфа в статье E. Gebhart. L'état d'âme d'un moine de l'an 1000. Le chroniqueur Radulf Glaber. Revue des deux Mondes, v. 107, 1891, p. 600 ss.

⁴¹ Manitius, II, 263.

⁴² Manitius, II, 179; ср.: L. C. Baldeschi. La Cronaca di Benedetto di S. Andrea del Monte Soratte. Ascoli Piceno, 1890.

⁴³ Manitius, II, 287. Характеристику произведений Титмара см.: Manitius, II, 265—268, а более подробный анализ — в введении Бухнера к новейшему изданию «Хроник» Титмара: Ausg. Quellen, Bd. 9, SS. IX—XXVII; наилучшее издание с обширным комментарием — польского ученого Едлицкого (M. Z. Jedlicki. Kronica Tietmara, wyd. Instytut Zachodniego. Poznań, 1953); см. рец. Доннерта (E. Donnert. Zs. f. Slawistik, Bd. 1, H. 3, 1956, S. 133 f.) и его же критику немецких буржуазных комментаторов Титмара в цитируемой выше работе (E. Donnert. Studien zur Slawenkunde..., SS. 205—208); из старых русских работ заслуживает внимания: Ф. Я. Фортинский. Титмар Мерзебургский и его хроника. СПб., 1872.

⁴⁴ Gross, № 1349.

Каролингская эпоха в области культуры дала, как известно, мало оригинального. Подобно тому, как дворцы и храмы возводились при Карле Великом по позднеантичным образцам, а нередко и из целых архитектурных деталей, вывозившихся из Италии, так и в литературе нетрудно обнаружить следы заимствований и подчас даже прямого копирования античных авторов. Однако такое копирование наряду с злоупотреблением риторическими приемами способствовало и развитию литературного вкуса; благодаря этому каролингские писатели могли оставить потомкам образцы хорошего стиля и рациональной композиции, в особенности в исторической литературе. Прогрессивными в каролингской историографии были и такие черты, как появление исторического портрета, перенесение акцента с церковной на светскую историю (при сохранении общей религиозной окраски), создание новых жанров исторических произведений — летописных общегосударственных сводов, биографий светских государственных деятелей, мемуаров.

В каролингскую эпоху классовый феодальный характер историографии выступает уже вполне отчетливо, т. е. не только в религиозной оболочке — как оправдание феодального гнета и насилий божественным правом, но и в обнаженном виде — презрения к незнатным людям, обоснованного специально создаваемыми историческими мифами (например, о троянском происхождении франкской аристократии).⁴⁵

Все эти черты каролингской историографии приобрели особое значение и получили дальнейшее развитие лишь когда западноевропейское феодальное общество, пройдя полосу междоусобий и анархии, связанной с распадом империи Каролингов, вступило в XII—XIII вв. в период своей полной зрелости.

В течение же большей части XI в. историография продолжала находиться в глубочайшем упадке, хотя в социально-экономической, политической и культурной жизни уже наметились новые, прогрессивные тенденции.

⁴⁵ См.: P. Lehmann. Das Problem der Karolingischen Renaissance. В кн.: Erforschung des Mittelalters, Bd. II. 1959, SS. 109—138; Angelo Monteverdi. Il Problema del rinascimento carolino. В кн.: Settimana di Studio del centro italiana sull'alto medio evo, vol. I. Problemi della civiltà carolingia. Spoleto, 1954.

Глава четвертая

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛЬНО-ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ. ПЕРИОД РАЗВИТОГО ФЕОДАЛИЗМА (КОНЕЦ XI—XIII в.)

С середины XI в. обнаруживаются первые признаки экономического и культурного перелома, следствия которого сказались с полной силой лишь столетием позже. Рост производительных сил, сосредоточение ремесленного производства в городах, развитие межгородской и межрайонной торговли, усиление в феодальном поместье элементов денежно-товарной экономики — все это разрушало натурально-хозяйственную замкнутость и политическую обособленность феодальных мирков, создавая в некоторых странах Западной Европы предпосылки к национально-политической консолидации. Тем самым подготовлялась почва и для появления наряду с монастырскими областными анналами и всемирными хрониками больших летописных сводов и монографий, посвященных истории одной страны, т. е., как мы бы теперь сказали, национальной истории.

Крупные города с ростом экономического могущества добиваются ликвидации в своих стенах крепостной зависимости, а вслед за тем завоевывают, нередко в упорной борьбе с местными феодалами, полную политическую автономию. Борьба за коммунальные вольности захватывает и мелкие города. Италия, где раньше всего появляются городские коммуны, опередила прочие страны Европы в создании нового вида исторических произведений — городских хроник.

Успеху коммунального движения способствовал раскол внутри класса феодалов, вызванный длительной борьбой империи и папства номинально за владычество над «всем христианским миром», фактически — за верховенство в Западной Европе.

Борьба между империей и папством наложила яркую печать на историографию. Она внесла оживление в традиционную церковно-феодальную литературу, расширила ее тематику, способствовала пробуждению критики и дальнейшему развитию светских

интересов, стоявших в противоречии с аскетическим направлением клянийских и цистерцианских реформаторов.¹

В ходе этой борьбы как защитники, так и противники теократических притязаний папства обращались к оружию идейно-политической пропаганды. Только за годы 1073—1112 вышло в свет более сотни так называемых «книжечек о споре» (*libelli de lite*), которые читались публично с церковных амвонов и школьных кафедр, в феодальных замках и на городских площадях. Их авторами были миряне и клирики, юристы, историки и богословы. В пылу полемики заострялись формулировки, выдвигались смелые взгляды на церковь и государство, широко привлекались официальные документы и делались ссылки на подлинные или вымышленные исторические прецеденты.

Так, Петр Красс, королевский судья в Равенне, в своей «Защите короля Генриха IV» (1080—1085), ссылаясь на кодекс Юстиниана, утверждал, что духовная власть папы всегда зависела от светской власти короля или императора.² Как бы в ответ на это Манегольд фон Лаутенбах выступил после 1085 г. с «Книгой в защиту папы Григория VII», в которой, опираясь на Августина и другие церковные авторитеты, он доказывал, что власть королей в отличие от власти папы основана не на божьем праве, а исходит от народа. Таким образом, полный суверенитет в государстве принадлежит духовным и светским феодалам (составляющим для Манегольда «народ»), король же обладает только исполнительной властью. Церковь как божье установление выше государства — установление человеческого.³

Против подобных взглядов энергично выступил французский монах-хронист Гуго из Флери (начало XII в.). В «Трактате о королевской власти и священническом звании» (*Tractatus de regia potestate et sacerdotali dignitate*) он защищает божественное происхождение королевской власти, а мнение о «народном суверенитете» отвергает как неканоническое, неправовое. Послушание королю, как он заявляет, необходимо для сохранения обществен-

ного (т. е. феодального) порядка, созданного волею божьей. Светская власть так же исходит от бога, как и власть папы.⁴

Как француз Гуго из Флери, разумеется, вовсе не имеет в виду обоснование императорских притязаний на «всемирную» власть. Эту задачу ставили перед собою преимущественно немецкие авторы. В конце XIII в. кельнский каноник Александр де Роэс (*de Roes*) и аббат Адмонтского монастыря (в Штирии) Энгельберт дали в своих сочинениях наиболее развернутую аргументацию в пользу «универсальной» империи. Без империи, как писал Александр, не может существовать и церковь. С падением империи начнутся страшные смуты, которые подготовят путь к приходу Антихриста. Опираясь на данные истории, Александр оспаривает теорию, согласно которой немецкие князья получили право избирать императора от римского папы, а также утверждения французских авторов, будто Карл Великий был француз, в силу чего Франция якобы является законной преемницей Каролингской империи.

Кельнскому канонику едва ли не первому принадлежит мысль как-то примирить притязания итальянцев (папства), немцев (империи) и французов на руководство всем «христианским миром». По его теории, старейший народ — римляне — получил от бога власть над церковью; за ними следуют по старшинству немцы, им предоставлено господство над миром в светских, политических делах; французам как самому молодому из народов бог даровал превосходство в научных делах (Парижский университет). Все это подкрепляется псевдоисторическими соображениями об общем происхождении римлян и германцев от троянских героев, о происхождении Карла Великого от греческих, римских и германских (франкских) предков, наконец, о «национальных» особенностях трех «главнейших» народов Европы, особенностях, объясняющих различный характер возложенной на каждого из них богом исторической миссии.⁵

Сходные мысли развивает и Энгельберт Адмонтский в «Трактате о правлении государей», но только он ищет доказательства не в исторических легендах, а в «Политике» Аристотеля.⁶

¹ См.: R. W. and A. J. Carlyle. A history of mediaeval political theory in the West, v. III, 1915, и особенно v. IV, 1921, где подробно рассматривается отражение борьбы империи и папства в политических теориях XI—XIII вв. К итальянскому переводу этого труда, вышедшему в Бари в 1959 г., редактор перевода Луиджи Фирпо (*Luigi Firpo*) приложил обширную библиографию (стр. 609—681). См. также: Paul Lehmann. Erforschung des Mittelalters, Bd. III. Stuttgart, 1960 («Die Vielgestalt des 12. Jahrhunderts»).

² Petrus Crassus. Defensio Heinrici IV regis. MG, Libelli de lite, I, 434—453. Ср.: Thompson, 189 s.; A. Fruser. Die Publizistik des Investiturstreites. Diss. München, 1935; A. Fliche. La querelle des investitures. Paris, 1946.

³ Manegoldi. Liber ad Geberhardum archiepiscopum Salisburgensem pro Gregorio VII pp. MG, Libelli de lite, I, 380—430; Potthast, I, 761 f.; Wattenbach, II, 52; Manitius, III, 27 ff.; M. T. Stead. Manegold of Lautenbach. EHR, XXIX, 1914.

⁴ MG, Libelli de lite, II, 466—494. Трактат написан для английского короля Генриха I в связи с его борьбой против Ансельма, архиепископа Кентерберийского. Potthast, I, 626; E. Sackur. Ueber den Tractatus de regia potestate et sacerdotali dignitate des Hugo von Fleury. NA, Bd. 16, 1891, SS. 369—386.

⁵ Анализ этого и других трактатов Александра см. в кн.: F. Hertz. The development of the German public mind. London, 1957, pp. 151—155. Произведения Александра де Роэс вышли в издании «Deutsches Archiv» под ред. Грундманна и Хеймпеля (H. Grundmann und H. Heimpel), а отрывки из них в английском переводе приведены: Ewart Lewis. Medieval political ideas, v. I. London, 1954, pp. 466—469.

⁶ Engelbertus Admontensis. De regimine principum libri (1291). Potthast, I, 406; S. Riezler. Die literarischen Widersacher der Päpste. Leipzig, 1874, SS. 159—169.

Включившись в эту полемику, авторы хроник начинают проверять исторические аргументы своих партийных противников, критически сопоставлять источники, выражать сомнение в подлинности тех или иных документов и т. д. Так, например, противники папских притязаний показали лживость утверждения, что папа Иннокентий I отлучил от церкви императора Аркадия, или что папа Захарий основал королевство франков, возведя на престол Пипина, или что папа Григорий I угрожал низложить с престола любого короля, который посмеет нарушить привилегии монастырей. Оттон Фрейзингенский усомнился в подлинности «дарения Константина» папе Сильвестру на том основании, что и после Константина императоры, кончая сыновьями Феодосия, распоряжались по своей воле и Востоком, и Западом.⁷

Приведенные примеры, число которых может быть умножено, не оставляют сомнений в том, что первые шаги исторической критики в средние века были сделаны не в связи со «стремлением к истине», не из научного, «теоретического» интереса, а в силу практических потребностей, в данном случае для защиты определенных политических взглядов. При всем том политическая полемика и связанные с нею попытки элементарной исторической критики имели положительное значение для развития средневековой историографии.

Экономический и культурный перелом XII столетия был ускоро крестовыми походами, приведшими Запад в тесное соприкосновение с новым для европейцев культурным миром Византии и мусульманского Востока. Отсюда были заимствованы западноевропейскими народами судоходная и торговая техника, компас и бумага, элементы эллинистической и арабоязычной науки, труды Платона, Аристотеля и его восточных комментаторов. Даже в область богословия проникает отсюда свежее дыхание рационалистической мысли, глашатаями которой становятся Росцелин, Абельяр, Гильом Коншский, Гильберт (Жильбер) Порретанский и многие другие магистры XII в.

Одновременно усиливается интерес к латинской классической литературе. В школах при кафедральных соборах, затмивших старые монастырские центры образованности, поэзия Вергилия, Овидия, Лукана, Стация, Ювенала изучалась с неменьшим рвением, чем грамматические труды Доната и Присциана или риторика Квинтилиана. Особенно прославились в этом отношении школы в Шартре и Орлеане. В Болонье выдвинулось на первое место преподавание римского права. В городах Италии впервые на Западе организуются школы для мирян. В конце XII в. возникают первые университеты — в Париже, Болонье, Оксфорде.

⁷ См.: M. Ritter. Studien über die Entwicklung der Geschichtswissenschaft. Die christlich-mittelalterliche Geschichtsschreibung, Kap. 3. HZ, Bd. 107, 1911.

Все это свидетельствует об известном ослаблении влияния папства на духовную жизнь общества. Prestиж папства был сильно подорван провалами крестовых походов, антипапской пропагандой защитников светской власти, широким распространением ересей, особенно катаров, непримиримо враждебных католицизму. Правда, усилиями крайних представителей церковно-феодалной реакции во главе с Бернардом Клервоским удалось соорудить плотину против напора новых идей. Достаточно сказать, что монастырь в Клерво основал около 200 цистерцианских «дочерних» организаций в различных странах Западной Европы и что влияние Бернарда распространилось на весь католический мир. Но эта плотина то и дело давала течь. К середине XII в. мирские настроения, чувства, интересы и заботы вторгаются в литературу и искусство, накладывая отпечаток на все проявления умственной деятельности: расцветает провансальская лирика трубадуров, появляется рыцарский роман, поэзия голиардов, пародии на литургические гимны. Сильнее, чем когда-либо до этого, забледи родники народного творчества. Даже в изобразительных искусствах (в готической архитектуре и скульптуре), хотя и питавшихся заказами церкви, получил известное отражение общий поворот к реалистическому восприятию действительности.⁸

Не осталась в стороне от общего движения и историография. Хотя античных историков знали и изучали гораздо меньше, чем поэтов и риториков, но и здесь можно отметить некоторые сдвиги. Наряду с Саллюстием и Светонием в исторических трудах встречаются теперь ссылки на Ливия, на «Записки о Галльской войне» Цезаря, на «Анналы» и «Истории» Тацита, дошедшие до гуманистов XV—XVI вв. большей частью в рукописях XI—XII вв. Историческая литература количественно сильно выросла. Из массы исторических, богословских и других произведений за II—XII вв., собранных в 217 томах (не считая 4 томов указателей) латинской патрологии Миня, 40 томов — больше, чем за любой другой период — приходится на XII столетие (в X в. 8 томов, в XI 12 томов). Крупных исторических трудов появилось в XII в. почти в пять раз больше, чем в XI.

⁸ Общую характеристику перелома и дискуссию по вопросу о «Ренессансе» XII в. см.: Н. А. Сидорова. Очерки по истории ранней городской культуры во Франции. М., 1953; Ch. H.askins. The Renaissance of the Twelfth century. Camb. Harford (USA), 1928; K. Hampe. Der Kulturwandel um die Mitte des 12. Jahrhunderts. AKG, Bd. 21, H. 2, 1931; E. M. Sanford. The twelfth-century Renaissance or Proto-Renaissance? Speculum, v. 26, № 4, 1951; Urban T. Holmes. The idea of twelfth-century Renaissance; J. S. Ghellinck. L'Essor de la littérature latine au XII siècle, v. 1, 2. Bruxelles—Paris, 1946; R. S. Lopez. Still another Renaissance? AFR, XLVI, 1951; G. Paré, A. Brunet, P. Tremblay. La Renaissance du XIIe siècle. Ottawa, 1933; Gerald G. Walsh. Medieval Humanism. N. Y., 1942.

Среди этих трудов видное место занимают придворные анналы, автобиографии церковных писателей, биографии королей, сочинения по истории церковной литературы, всемирно-исторические хроники и хроники на национальных языках. Появление последних «неизбежно вело к секуляризации и популяризации истории».⁹ С XIII в. к этим видам исторических произведений присоединяются учебники и «энциклопедии», составляющиеся главным образом доминиканцами, городские хроники, авторами которых нередко были уже миряне.

Культурный перелом XII в. получил в буржуазной литературе наименование «Ренессанса XII века», неправильное уже хотя бы потому, что этот перелом в отличие от настоящего Ренессанса XV—XVI вв. не затронул основ церковно-феодалной культуры и оставил непоколебленным духовное господство католической церкви. Что касается увлечения классической литературой, то по социальным мотивам и значению оно не имело ничего общего с гуманистическими занятиями и интересами деятелей Возрождения.¹⁰

1. ФРАНЦУЗСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КОНЦА XI—XII в.

Во главе культурного движения XII—XIII вв. шла Франция, «средоточие феодализма в средние века».¹¹ Франция выдвинула в этот период ряд видных деятелей в различных областях науки и литературы, в том числе и историков: Гвиберта Ножанского, Гуго из Флери, Гуго из Флавины, Ордерика Виталия, аббата Сугерия — в XII в., Виллардуэна, Жуанвилля, Винцента из Бовэ, Бернара Ги — в XIII в. Немало крупных историков нефранцузов (Оттон Фрейзингенский, Иоанн Сольсберийский, Геральд Камбрский, Радульф из Дигето, Матвей Парижский и мн. др.) получили высшее образование в Париже и Шартре. Представители французского свободомыслия — Росцелин, Абельяр, Гильом Коншский, и их ученики, вступившие в борьбу с реакционными теологами и вносявшие в вопросы философии и богословия «чисто мирской дух исследования, критицизма и скепсиса»,¹² оказали не-

⁹ Ch. H. Haskins. The Renaissance...

¹⁰ См.: Hans Liebeschütz. Das zwölfte Jahrhundert und die Antike. AKG, Bd. 35, H. 3, 1953. Как справедливо подчеркивает этот исследователь творчества крупнейшего представителя «гуманистической» образованности XII в. Иоанна Сольсберийского, это столетие «рассматривало античность как сокровищницу идей и форм, из которой можно брать подходящие для современной мысли и деятельности отдельные элементы», но никогда не интересовалось античностью как целым (стр. 271).

¹¹ Ф. Энгельс. Предисловие к третьему изданию «Восемнадцатого Брюмера Луи Бонапарта». К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 259.

¹² См.: Н. А. Сидорова. Абельяр — представитель средневекового свободомыслия. В кн.: Петр Абельяр. История моих бедствий. М., 1959,

которое влияние и на историков. Гильом Коншский был учителем Иоанна Сольсберийского, а Абельяр — учителем Оттона Фрейзингенского. В качестве автора известной автобиографии Абельяра и сам был прикосновенен к исторической литературе. Как в этом, так и в других своих произведениях («Введение в теологию», «Диалектика», «Да и нет», «Диалог»), вызвавших яростные преследования автора со стороны «теократической партии» во главе с Бернаром Клервоским, Абельяр защищал права разума и осуждал некритическое следование церковным авторитетам; Гильом Коншский в своей «Философии мира» защищал идеи закономерности и причинной связи в явлениях природы, независимо от Аверроеса он пришел к мысли о необходимости разграничивать веру и разум, религию и науку.¹³

Старший современник Абельяра и Гильома — историк и богослов Гвиберт Ножанский, быть может, не испытал непосредственного влияния прославленных философов, но его исторические произведения несут на себе, несомненно, печать новых веяний.

Гвиберт (1053—1124) принадлежал по рождению к северо-французской феодальной знати. В 1104 г. он был избран аббатом монастыря св. Марии в Ножане (Novigentum). Его первым историческим трудом была история крестового похода 1096—1099 гг. Название этого труда — «Деяния бога через франков», подчеркивающее августиновскую концепцию автора, должно было, по его мысли, вместе с тем «служить к чести [французского] народа», ибо первый крестовый поход, являющийся «славой нашего времени» (hanc nostri gloriam temporis), был осуществлен преимущественно силами французского рыцарства.¹⁴

О славе и чести французского «народа» Гвиберт печется и во многих других местах своего сочинения. Так, он сообщает о своем споре с «неким архидиаконом майнцским», поносившим французов за то, что они поддерживали папу Пасхалия II (последний, как известно, заключил с императором Генрихом V невыгодное для церкви соглашение и был за это изгнан из Рима). В ответ на это Гвиберт, отметив, что слава французов достигла Индийского океана, с возмущением сказал: «А к кому папа Урбан обратился за помощью против турок? Разве не к французам? Ведь если бы французы не пошли первыми и своей смелостью и силой не сдержали бы натиска варварских народов, то вся по-

стр. 216; Б. Я. Рамм. Гильом Коншский (из истории развития прогрессивных идей во Франции в начале XII в.). Французский ежегодник, вып. 2, 1959. М., 1961, стр. 37 сл.

¹³ Н. А. Сидорова. Очерки по истории...; особенно см. гл. V—VII; Б. Я. Рамм. Гильом Коншский, стр. 43, 50, 54.

¹⁴ Guibertus abbas monast. s. Mariae Novigenti. Gesta dei per Francos. Praefatio. PL, 156, col. 684: «Nomen autem indidi quod arrogantia careat gentisque honori proficiat, scilicet: Dei gesta per Francos».

мощь ваших немцев, коих даже по имени никто не знает, не имела бы ни малейшего значения».¹⁵

Это раннее проявление национального чувства представляет новую черту в средневековой исторической литературе. Освещение событий, общая их оценка являются в данной работе еще типично средневековыми, «чудеса» и сновидения находят себе в ней обычное место. Но мы обнаруживаем в «Gesta dei» принципиально новый подход к информации, достоверность которой историк не мог проверить, и осторожность его формулировок. Вот как, например, Гвиберт рассказывает о Петре Пустыннике, одном из вождей крестового похода: «Я разузнал о нем, что он был, если не ош и ба ю с ь, из города Амьена и вел сначала жизнь пустынника под одеждою монаха, не знаю в какой именно части верхней Галлии. Выйдя оттуда, не знаю с каким намерением, он... ходил по городам и селам и всюду проповедывал». Далее, рассказав о действиях Петра, создавших ему необыкновенную популярность, автор добавляет: «Я рассказываю это не потому, что считаю истинною, но больше для простых людей, которые любят все новенькое (vulgo... amanti novitatem)».¹⁶

Наконец, следует отметить в качестве новой черты интерес историка к экономическим предпосылкам и социально-политическим условиям организации крестового похода. Он рисует яркую картину неурожая и голода в течение ряда лет перед походом, бичует алчных собственников, припрятавших зерно и наживавшихся на страданиях голодного народа, рассказывает, как движение масс на Восток, побудившее тысячи людей продавать за бесценок свое имущество, ненужное в походе, вызвало внезапное падение цен на продовольствие и орудия труда и резкое повышение цен на средства транспорта. Весьма реалистически, но не без злорадства Гвиберт описывает бесчинства крестьянских ополчений на пути их следования к Константинополю и их разгром турками. Наоборот, история похода феодальных ополчений изложена в самых приподнятых тонах: о грабежах и насилиях, совершенных рыцарями-крестоносцами на Востоке, нет ни слова, зато много говорится о предательском поведении византийского императора и о ратных подвигах франкского воинства, которое из самых критических положений благодаря непосредственному вмешательству Христа, девы Марии и апостола Петра выходило победителем.

Еще более ярко выступают элементы нового в двух позднейших произведениях Гвиберта — «Автобиографии» и в трактате «О мощах святых».

В «Автобиографии» Гвиберт дает вполне реалистические картины феодального семейного быта и воспитания, феодальных войн и грабежей, жизни в монастыре, окружающей природы; в последней,

¹⁵ PL, 156, col. 697.

¹⁶ PL, 156, col. 704—705 (разрядка моя, — О. В.).

третьей книге дано знаменитое «классическое» описание борьбы ланских горожан за коммуну. Особенно интересны проскальзывающие то тут, то там элементы критического отношения к источникам и проявления большой наблюдательности автора. Так, Гвиберт подметил, что покойники, похороненные на старом монастырском кладбище, обращены ногами не на восток, согласно с обычаем католической церкви, и сделал отсюда вывод, что эти погребения относятся еще к временам языческим или раннехристианским, когда не существовало обязательных правил трупоположения.

В трактате о реликвиях святых Гвиберт разоблачает наиболее грубые подделки монахов, стремясь покончить со злоупотреблениями в столь важном для церкви деле. В одном монастыре хранится молоко богородицы, в другом демонстрируют зуб Христа, а голова Иоанна Крестителя хранится даже в двух местах. Но ведь Христос целиком вознесся на небо, не оставив на земле ни одной части своего тела; у Иоанна была только одна голова и т. д. Следовательно, полагает Гвиберт, подлог в этих случаях настолько очевиден, что может повести только к шатаниям в вере. Что Гвиберт, занимаясь подобными разоблачениями, имел в виду только интересы самой же церкви, а не исторической истины как таковой, свидетельствует тот факт, что в ряде других случаев обман народа ложными реликвиями не вызывает с его стороны протеста и даже считается целесообразным. Но для историографии имеют значение не мотивы его изысканий о реликвиях, а применяемые им при этом методы критики. Гвиберт указывает, что в основе почитания большинства реликвий лежат жития святых; поэтому он обращается к критике достоверности житийной литературы. Выводы, к которым он при этом приходит, поистине замечательны для того времени: жития святых в своей массе трафаретны по форме и содержанию; большинство фактов из жизни одного святого повторяется в житиях других святых и не заслуживает доверия; многие сообщения о чудесах являются легендами, причем автор показывает, как создавались на его глазах подобные легенды; ссылки на свидетельства очевидцев являются часто несостоятельными, ибо свидетель может ошибаться даже относительно таких вещей, которые он видел собственными глазами.¹⁷

¹⁷ О Гвиберте см.: B. Monod. Le moine Guibert et son temps. Paris, 1905; A. Lefranc. Le Traité des reliques de Guibert de Nogent et le commencement de la critique historique au moyen âge. В кн.: Etudes d'histoire du moyen âge dédiées à G. Monod. Paris, 1896. Н. А. Сидорова. Очерки по истории..., стр. 76 сл. и др. (см. указатель); Manitius, III, 416—421; Thompson, 232—235; Georg Misch. Gesch. d. Autobiogr., Bd. II, 1955; см. также: DV f. Lit. Wiss. u. Geist., H. 3, SS. 566—614; Пауль Леманн (Paul Lehmann. Autobiographies of the Middle Ages. Tr. of the R. Hist. Soc., 4th ser., v. 3, 1953, pp. 41—52) подчеркивает полную зависимость «De vita sua» Гвиберта от «Исповеди» Августина, но не учитывает новых, реалистических элементов у первого.

Знамением перелома в историографии являются и произведения Сугерия, аббата монастыря Сен-Дени и крупнейшего государственного деятеля средневековой Франции.

Сугерий (1080—1151) положил начало официальной истории Франции как единого государства. Отобрав в монастырской библиотеке старые хроники и приказав сделать из них соответствующие выписки, Сугерий расположил их в хронологическом порядке и таким образом составил первую историческую компиляцию, которую можно считать «самой старинной из всех историй Франции». ¹⁸ Эта рукопись в течение XII—XIII вв. непрерывно дополнялась в монастыре Сен-Дени новыми латинскими хрониками и биографиями французских королей; в итоге образовалась сплошная серия так называемых «Сенденийских хроник». На этой основе уже к концу XIII в. возникает и далее продолжается национальный летописный свод на французском языке — «Большие французские хроники» («Les grandes chroniques de France»). ¹⁹

Сугерий был другом, ближайшим советником и биографом Людовика VI Толстого. При этом короле, а еще более при его сыне Людовике VII, Сугерий держал в своих руках все нити внутренней и внешней политики королевства. Написанная им биография Людовика VI («Vita Ludovici VI Grossi») содержит не только первоклассную информацию, но и является выдающимся для своего времени историческим произведением по трезвости политической мысли, по построению и стилю, обнаруживающему сильное влияние античных образцов. Особенно интересны соображения Сугерия о взаимоотношениях Франции с соседними государствами. Не принадлежа к числу крайних приверженцев папской теократии (хотя он и находился под известным влиянием Бернарда Клервоского), Сугерий тем не менее относился очень неодобрительно к «императорской партии» и в связи с ее действиями против папы писал о «тевтонском бешенстве» (furor Teutonicus), считая притязания германских королей опасными для интересов Франции. Что касается такого серьезного соперника французской монархии, как Анжуйская династия английских королей, то для его позиции здесь особенно характерно еще более отчетливо выступающее национальное чувство. «Несправедливо и ненормально, — писал он, — как подчинение французов англичанам, так и англичан французам»

¹⁸ J. Calmette. Le monde féodal. Paris, s. a., Introduction, p. XVII.

¹⁹ Автором первой краткой истории Франции на народном языке был Гильом де Нанжи, монах из Сен-Дени, предназначавший свой труд главным образом для мирян. Этот же автор написал на латинском языке биографии Людовика IX и Филиппа III, а также краткую хронику французских королей, наконец, обширную всемирную хронику. Монахи Сен-Дени присоединили к последней ряд анонимных продолжений до 1381 г. Moliner, III, №№ 2530, 2531, 2532, 2536. Ср. стр. 205—206.

(«Nec fas nec naturale est Francos Anglis, immo Anglos Francis subici»). ²⁰

Сугерий начал писать биографию Людовика VII (т. е. историю Франции при этом короле), но успел рассказать только о первых годах его правления. Он оставил также рассказ о своей деятельности в качестве аббата, где главный интерес представляет подробный перечень имений, приобретенных им для Сен-Дени, церковных зданий, построенных по его указаниям, и т. п. ²¹

В обширной и разнообразной французской исторической продукции XII в. видное место занимают всемирные хроники. Этот старейший вид средневековых исторических произведений, прошедший было в упадок в X—XI в., повсеместно возрождается в XII в. В начале этого столетия появилась одна из самых замечательных работ этого жанра — «Хронография» валлонского монаха Сигеберта из Жамблу (ум. 1112). ²² В прологе автор указывает, что его труд примыкает к хронике Евсевия—Иеронима и построен по образцу этой хроники (законченной в 380 г.). Поэтому Сигеберт начинает свое изложение в 381 г.

По образцу другого произведения Иеронима — «О знаменитых мужах» («De viris illustribus»), написана Сигебертом своеобразная история церковной литературы — «Liber de scriptoribus ecclesiasticis», — последнюю, 174-ю главу которой автор посвятил перечню своих собственных трудов. ²³ Сигеберту была известна большая часть всей предшествующей христианской исторической литературы. Он сопоставляет свидетельства разных авторов, но часто отказывается от традиционного приема — предоставлять выбор между ними самим читателям, и дает версию, которая ему кажется наиболее правильной. Правда, примитивный характер применяемой при этом критики является нередко источником грубых ошибок, но важным и сравнительно новым является стремление Сигеберта опираться при отборе фактов на здравый смысл, что роднит его с Гвибертом Ножанским.

²⁰ Цит. по: J. Calmette. Le monde féodal, p. 322.

²¹ Издание трудов Сугерия см.: Lecoy de la Marche. Oeuvres de Suger, vv. 1—3. Paris, 1867 (Société de l'histoire de France); Potthast, Sugerus abbas, II, 1038 f.; Manitius, III, 601—603; Otto Cartellieri. Abt Suger von Saint-Denis. Berlin, 1898; Т. Н. Грановский. Аббат Сугерий. Соч., М., 1900, стр. 190 сл.; M. Aubert. Suger. St. Wandrille, 1950; Hubert Glaser. Sugers Vorstellung von der geordneten Welt. Hist. Jahrb., Bd. 80, 1961, SS. 93—125.

²² Sigebertus Gemblacensis monachus. Chronographia. См.: Potthast, II, 1016 f.; Wattenbach, II, 126 ff.; В. Lasch. Das Erwachen und die Entwicklung der historischen Kritik im Mittelalter. Breslau, 1887, S. 29; Marie Schulz. Zur Arbeitsweise Sigeberts von Gembloux im Liber de scriptoribus ecclesiasticis. NA, Bd. 35, 1909, SS. 563—571; издания: MG SS, VI; 30—475; PL, 160.

²³ См.: PL, 160, col. 547—592.

Другой замечательной чертой «Хронографии» является то, что автор «не столько копирует, сколько резюмирует и комбинирует» данные своих источников.²⁴

К этим достоинствам нужно присоединить систематичность и ясность изложения, простоту языка, почти лишенного риторических красот, стремление автора занять нейтральную и сравнительно «объективную» позицию при оценке современных ему политических событий, широту его исторических интересов и политического горизонта.

В «Хронографии» дается синхронистический обзор государств начиная с IV в. н. э. — Римской империи, Персии и др., затем история франков, вандалов, готов, гуннов, лангобардов. С VII в. появляются новые рубрики: «сарацины», «болгары» (под 926 г. автор уделяет внимание болгарскому царю Симеону). Там, где источники, имевшиеся в распоряжении Сигеберта, прерываются, он прерывает и соответствующие рубрики, ссылаясь на отсутствие у него точных сведений. Хотя и в «Хронографии» немало грубых ошибок, тенденциозных умолчаний и прочих недостатков, вообще свойственных средневековой хронике, но в силу большой добросовестности автора его труд сохраняет свою ценность.

Влияние Сигеберта из Жамблу на протяжении всего XII в. было необычайно велико. Его труд широко использован в десятках хроник, из которых около 25 являются простым «расширением» (*ausarum*) или «продолжением» (*continuatio*) «Хронографии».²⁵

Среди «продолжений», составленных во Франции, наиболее интересны хроники аббата Роберта из Ториньи (ум. в 1186 г.) и каноника Роберта Оксеррского (1156—1212). По удачному подбору источников, умелой комбинации материала и наличию элементов критики они принадлежат к лучшим образцам средневековой хронистики.²⁶

Наряду с этим во Франции появилось много всемирных хроник, совершенно самостоятельных по отношению к Сигеберту, использующих его лишь в качестве одного из источников. Таковы хроники Гуго из Флавины, Гуго из Сен-Виктора, Гонория Отенского, Ордрика Виталия.

Ни одна из них не пользовалась таким огромным успехом, как учебник «Сумма всей истории» («*Summa totius de omnimoda historia*») и, особенно, «Картина мира» («*Imago Mundi*») Гонория, пресвитера Отенского (ум. после 1152).²⁷ В трех книгах «Кар-

²⁴ Molinier, V, XCVIII s.

²⁵ MG SS, VI, 300—475; Бетман (L. C. Bethmann) издал 23 таких хроники XII в.

²⁶ Potthast, II, 976—977; Molinier, II, № 2204; III, № 2514; V, XCVIII—XCIX.

²⁷ Potthast, I, 620; A. D. von den Brincken. Studien zur lateinischen Weltchronik bis in das Zeitalter Ottos von Freising. Düsseldorf, 1957,

тины мира» популярно изложены астрологические и географические знания, вопросы хронологии (по Беде Почтенному) и все это завершается краткой всемирной хроникой, где события изложены не от «сотворения мира», а от «падения Сатаны».

«Картина мира» сохранилась во множестве списков, удостоилась ряда «продолжений» и была переведена на французский и итальянский языки.

Июно была судьба несравненно более серьезной, содержательной и оригинальной всемирной хроники Ордрика Виталия (1075—ок. 1143), которой автор дал название «Церковная история». Несмотря на исключительно богатый фактический материал, живые характеристики исторических личностей, большую осведомленность и литературный талант Ордрика Виталия его произведение не было использовано ни одним средневековым историком. По достоинству оно было оценено лишь медиевистами XIX—XX вв.²⁸

Ордрик Виталий, сын англичанки и француза, служившего в Англии у одного крупного нормандского феодала, еще ребенком был отведен отцом в Нормандию и отдан в монастырь св. Эврула. Здесь в течение почти 20 лет он и писал «Церковную историю», представляющую в сущности историю всей Западной Европы по 1141 г. Для ранних периодов Ордрик широко использовал архив и библиотеку своего монастыря, а также библиотеки монастырей Франции, Фландрии, Нормандии и Англии. Для современных ему событий он усердно собирал устные сообщения очевидцев, рассказы богомольцев и бывалых людей, выспрашивал даже местных крестьян, жадно впитывал в себя во время кратковременных отлучек из монастыря все впечатления окружающего мира.

Благодаря широкой начитанности и осведомленности автора «Церковная история» является и теперь настоящей сокровищницей сведений о жизни, быте и нравах, о материальной и духовной культуре западноевропейского феодального общества XI—XII вв.

Ордрик Виталий наиболее подробно излагает события своего времени и недавнего прошлого, и в этом отношении он ничем не выделяется из массы хронистов. Но он одним из первых подчеркнул значение современной истории по сравнению с хроникой отдаленных времен. Не история древних египтян или греков должна, по его мнению, больше всего интересовать людей, а история современная; главная задача «Церковной истории», как заявляет он в общем предисловии (прологе), — это «исследовать

SS. 214—217. Существует мнение, впрочем, не поддерживаемое большинством исследователей, что автором этого произведения был Гильом Коншский. См.: Б. Рамм. Гильом Коншский, прим. 111.

²⁸ Молинье (Molinier, II, № 1973) называет Ордрика Виталия «лучшим французским историком XII в.»

новые события в христианском мире» (*modernos christianorum eventus... rimari*).²⁹

Центральное место среди этих событий занимают вторжения норманов во Францию, Англию, Италию, их участие в крестовых походах, политические последствия их завоеваний в Европе. Иоганнес Шперль сделал на этом основании вывод, что для Ордерика Виталия «носителями исторического развития являются норманы», что созданным ими государствам принадлежит, по мысли хрониста, «руководящая роль в Европе», словом, что Ордерик Виталий является представителем чего-то вроде норманского «национализма» в средневековой историографии.³⁰ Все это сильнейшая натяжка. Ордерик Виталий, считая себя англичанином (он называет себя «*Angligena*»), как бы сосланным в нормандский монастырь и вынужденным по воле церковного начальства писать историю норманов — жестоких покорителей его родины, относится к ним очень недоброжелательно. «Неукротимое племя норманов, — пишет он, — когда его не сдерживает суровый правитель, весьма скоро на злодеяния (*ad facinus promptissima est*)». «Куда бы [норманы] ни попадали, они стремятся установить свое господство; франки, бритты, фламанды, итальянцы и англосаксы испытали это на себе, вплоть до истребления (*usque ad internationem experti sunt*)».³¹

Рассказав о действиях Вильгельма Завоевателя в Англии и о насилиях и грабежах его войска, хронист в заключении с известным удовлетворением сообщает о некоторых особых обстоятельствах его смерти и погребения, в которых он видит «божью кару за преступление» этого короля.³² Отзыв о его преемнике, Вильгельме II Рыжем, который «во всем старался подражать отцу», также выдержан в недоброжелательном духе.³³

²⁹ Ordericus Vitalis. *Historia Ecclesiastica*, ed. par Prevost et Delisle, vv. 1—5, Paris, 1838—1855, cap. 7; PL, 188; H. Wolter. *Ordericus Vitalis*. Wiesbaden, 1955, S. 78; «Мы получили от предков сведения о прошедших событиях, — пишет он в том же прологе, — и мы обязаны передать будущим поколениям известия о современных нам событиях».

³⁰ J. Spörl. *Grundformen Hochmittelalterlicher Geschichtsanschauung*. München, 1935, S. 63 ff.

³¹ PL, 188, col. 654—655.

³² PL, 188, col. 531—534. Когда жирное тело покойного короля перенесли в помещение церкви для отпевания, рассказывает хронист, то его толстое брюхо быстро раздулось и лопнуло. Никакие ароматические вещества не могли заглушить нестерпимого зловония. Поэтому тело пришлось предать погребению в большой спешке. Непосредственно за этой натуралистической картиной следует заключение истории конца XI в., подчеркивающее назидательную задачу всего изложения: «*Esse subtiliter investigavi et veraciter enucleavi quae in lapsu ducis (Вильгельма Завоевателя, — O. B.) praecostendit dispositio dei. Non fictilem tragoediam venundo, non loquaci comoedia cachinantibus parasitis faveo, sed studiosis lectoribus varios eventus veraciter intimo.*»

³³ PL, 188, col. 537.

В «Церковной истории» большое место занимают также «великие события» первого крестового похода. Отдав дань обычным увлечениям средневековых хронистов «небесными знаменами» и «чудесами» и отметив, что крестовые походы были вызваны «местью» христиан за «святотатственное разорение Иерусалима», Ордерик Виталий далее указывает и вполне реальные причины крестоносного движения: голод и хозяйственную нужду в ряде стран Запада, политическую проблему, созданную неустойчивостью младших дворянских сыночек. В развитии второго соображения Ордерик особенно оригинален. Ранее, как он сообщает, для дворянства Нормандии был выход в виде завоевательных экспедиций в Южную Италию; ныне же Восток открывает еще большие возможности, и притом не для одной Нормандии, а для всех европейских стран, где имеется избыточное дворянское население. Его огорчает лишь одно обстоятельство: к дворянам (*nobiles*) пристают и подонки общества — воры, бандиты и прочие преступники (*fures et piratae aliique scelerosi*).³⁴

В оценках и высказываниях Ордерика Виталия виден представитель низшего слоя феодалов. Он враждебно или с презрением относится к простому народу, но критически настроен и по отношению к феодальным верхам с их склонностью к войнам и насильственным действиям, принесшим людям неслыханные страдания в прошлом. Этот опыт предков, как пишет он в предисловии к одной из книг, должен научить потомков ценить мир, беречь его, воздерживаться от насилий и захватов, характеризующих политику князей, для которых весь мир слишком тесен, чтобы удовлетворить их жажду господства.³⁵

Несмотря на то, что вся эта критика прикрыта благочестивыми рассуждениями, она, вероятно, и явилась главной причиной полного игнорирования Ордерика Виталия церковно-феодальными историками. Его скромная надежда, что «Церковная история», главное дело его жизни, послужит источником для позднейших ученых (*ad notitiam studiosorum*), осуществилась лишь через восемь столетий после его смерти.³⁶

Ордерик Виталий принадлежит столько же английской, сколько французской историографии. Но в Англии в XII в. и помимо того выдвинулся ряд крупных историков, произведения которых по реалистическому подходу к явлениям политической жизни могли соперничать с лучшими французскими хрониками.

³⁴ Цит. у: H. Wolter. *Ordericus Vitalicus*, S. 81 f.

³⁵ Ordericus Vitalis. *Historia Ecclesiastica*, v. II, p. 251.

³⁶ Первое издание Ордерика Виталия — Дюшена (*Duchesne; Scriptores historiae normannicae*, Paris, 1619), но использование его труда медиевистами начинается только с середины XIX в. См.: *Wattenbach*, II, 218; *Manitius*, III, 522—528; *Molinier*, V, CI s. (§ 146); II, № 1973; *Gross*, № 1858; *Ch. H. Haskins. The Renaissance...*, p. 240 f.; *H. Wolter. Ordericus Vitalis* (единственная монография, посвященная данному автору, дающая, впрочем, несоответственно своему объему, очень мало нового).

2. АНГЛИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КОНЦА XI—XII в.

Толчком к развитию английской историографии с конца XI в. послужило нормандское завоевание. Этот политический переворот обострил в стране социальные противоречия, осложнив их, сверх того, враждою между англосаксами и нормандцами, необычайно усилил королевскую власть, активизировал внешнюю политику Англии, сильно затронул интересы церкви, подготовив тем самым почву для последующих конфликтов между королем и римской курией. В дальнейшем борьба за королевский престол, сопровождавшаяся феодальной анархией, реформы Генриха II Плантагенета, затянувшаяся на многие десятилетия война между Анжуйской династией и Капетингами на территории Франции — все это также давало обильную пищу для историко-политической мысли. Немалое значение имело и то обстоятельство, что в Англии XII в., особенно при Генрихе II, «историография становится как бы официальным орудием правительства».³⁷

Ярким примером влияния политической обстановки на творчество историка могут служить произведения монаха Эадмера (ум. 1124), ближайшего советника архиепископа Ансельма Кентерберийского. Уже самим названием своего главного труда — «История нововведений в Англии»,³⁸ Эадмер подчеркнул отношение церковных и англосаксонских кругов, рупором которых он являлся, к нормандскому завоеванию и его последствиям. На протяжении всего труда он неоднократно дает понять, что «новое» гораздо хуже «старого», привычного, унаследованного от англосаксонских предков. В первую очередь это относится к новому устройству английской церкви при Вильгельме Завоевателе. Помимо королевской воли, с осуждением констатирует он, никто не смеет признавать законно избранным папу, без королевской санкции архиепископы не могут созывать церковных синодов и проводить в жизнь их решения, без согласия короля епископы не вправе привлекать к церковному суду баронов за их преступления против церкви.

Но Эадмеру как англосаксу «новое» ненавистно не только потому, что оно ущемляет привилегии церкви. Он вообще глубоко недоволен нормандским завоеванием, хотя, учитывая позицию папы, признает притязания Вильгельма на английский трон вполне законными, а гибель англосаксонского короля Гарольда рассматривает как божью кару за нарушение им клятвы. Эадмер видит в нормандцах и французах, привлеченных в Англию Вильгельмом Завоевателем, врагов своего народа. «Англичанину, — пишет он с горечью, — даже если он заслуживает всяческих поче-

стей, не помогут никакие его достоинства, тогда как чужеземцу достаточно заручиться рекомендацией друзей, чтобы получить любую должность».³⁹ Англичанам вообще приходится плохо, замечает он далее, ибо они «не так ловки лгать, как люди заморские».

Эти жалобы явно исходят от клириков. Но и у англосаксов-мирян имеются важные основания для недовольства. Нормандцы, сообщает Эадмер, беспощадно обижают народ, налагая на него непосильные налоги.⁴⁰ Народ страдает под игом чужеземцев, да и на церковь король наложил новые тяготы. Но хотя англосаксы покорены военной силой, они остаются сильным народом, они сознают свою силу, и их не покидает чувство боли от того, что они утратили свободу.⁴¹ Это уже походит на скрытую угрозу по адресу завоевателей!

Конечно, под «народом» Эадмер понимает не крестьян, а мелких клириков и мелких феодалов, вынужденных служить новым сеньорам. О закреплении завоевателями ранее свободных крестьян у него нет ни слова. Да и вообще интересы церкви у него на первом плане. Защите первенства Кентерберийского архиепископства (с помощью фальшивых документов) он уделяет больше внимания, чем недовольству «народа». Второе по важности место в его «Истории» занимает спор об инвеституре и вообще вопрос об отношениях между светской властью и церковью.

«Истории» Эадмера присущи слишком многие традиционные черты средневековых хроник, чтобы согласиться с чрезмерно высокой оценкой, которую дает ему Рихтер.⁴² Нельзя, однако, не признать, что в отношении единства плана, трактовки главной темы, сознательного применения определенного исторического метода это произведение было для своего времени явлением выдающимся.

Спустя всего год после смерти Эадмера, в 1125 г., появилось другое произведение — «Деяния английских королей» Уильяма Мэмсберийского, не менее оригинальное и замечательное в своем роде.⁴³

³⁹ Eadmer. *Historia novorum...*, p. 224; H. Richter. *Englische Geschichtsschreibung des 12. Jahrhunderts*. Berlin, 1938, S. 42 f.: «Si Anglus erat, nulla virtus, ut honore aliqua dignus iudicaretur eum potest adiuvere. Si alienigena, solum modo quae alicuius boni speciem amicorum testimonio praetenderent illi ascriberentur, honore praecipuo dignus illico iudicabatur».

⁴⁰ Eadmer. *Historia novorum...*, p. 171 ff.

⁴¹ Там же, стр. 224; H. Richter. *Englische Geschichtsschreibung...*, S. 52 f.

⁴² Там же, стр. 25; ср.: P. Raguey. Eadmer. Paris, 1892; A. J. Mac Donald. Eadmer and the Canterbury privileges. *Journ. of theol. studies*, XXXII, 1930.

⁴³ William of Malmesbury. *De gestis regum Anglorum libri V [449—1127]. Historiae novellae libri tres [1125—1142]*. Ed. by W. Stubbs. London, 1887—1889 (Rolls series, vv. 1—2). «*Historiae novellae*» изданы также отдельно с английским переводом и введением К. Р. Поттера (Willelmi Malmesbiriensis monachi. *Historia Novella*, London, 1955). Издания всех произведений Уильяма Мэмсберийского см.: Gross, №№ 1815, 1144, 2263; Potthast, I, 557; Manitius, III, 466—473.

³⁷ Thompson, I, 257.

³⁸ Eadmer. *Historia novorum in Anglia et Opuscula duo de vita S. Anselmi*, ed. Martin Rule. London, 1884 (Rolls series). См.: Gross, №№ 2255, 1768.

Уильям, монах-библиотекарь монастыря в Мэмсбери (ум. 1142), как и Ордерик Виталий, принадлежал к новому поколению, появившемуся в результате смешанных англо-нормандских браков. Его позиция по отношению к новым порядкам, созданным завоеванием, должна была, естественно, несколько отличаться от позиции англосакса Эадмера. Уильям не осуждает нового только потому, что оно новое. Он находится под явным влиянием нормандской придворной культуры. Его покровителем был сын короля Генриха I Роберт, герцог Глостерский, которого Уильям в своем последнем (незаконченном) произведении «Новая история» («*Historia novella*») восхваляет за образованность и щедрость по отношению к людям ученым. Повторив в связи с этим слова Боэция (заимствованные последним у Платона): «Счастливо государство, в котором философы управляют или король философствует», Уильям приводит затем поговорку, имея, вероятно, в виду врага Роберта Глостерского, короля Стефана: «Необразованный король — это коронованный осел» (*Rex illiteratus asinus coronatus*).⁴⁴ Сам Уильям охотно демонстрирует свою ученость, обильно цитируя латинских поэтов и историков, сочиняя речи по образцу Саллюстия и характеризуя исторических деятелей на манер Светония. Он ставит перед собою задачу писать историю так, чтобы она была доступной даже для людей, не получивших, как мы бы теперь сказали, научной подготовки. Вот почему он обращает столь большое внимание на литературную форму и многократно стилистически перерабатывает свои главные произведения.

Уильяму совсем не свойственно показное смирение, которым отличались почти все его собратья монахи-летописцы. Он подчеркивает, что он «первый и единственный после Беды написал историю англо-саксов без всяких пробелов» (*continuum Anglorum historiam ordinaverim post Bedam vel solus vel primus*), тогда как Эадмер — «историк, достойный всяческих похвал» — допустил в своем труде ничем не заполненный разрыв в 223 года между временем Беды и началом своего труда. Уильям начинает «Историю английских королей» с вторжения в Британию англо-саксов (причем источники ранних периодов он подвергает критике). Наиболее оригинальны его высказывания и оценки, относящиеся к нормандскому завоеванию. Подобно Эадмеру, он считает сражение при Гастингсе «роковым днем для Англии», «днем крушения милой отчизны», которую завладели «новые господа».⁴⁵ О погибших в этой битве англосаксах он пишет, что они умерли «красивой смертью» (*pulchram mortem... meguere*), «положив животы за свое отечество

⁴⁴ Эта поговорка встречается уже в середине X в. Фульк Анжуйский в своих «*Gesta consulum Andegavensium*» приводит ее под 950 годом. См.: Giuseppe Salvioli. *L'Istruzione in Italia prima del mille*. Firenze, 1912, p. 27, nota 4.

⁴⁵ De gestis regum, § 282; H. Richter. *Englische Geschichtsschreibung...*, S. 99 f.

(*pro patria animas posuere*)».⁴⁶ Но в отличие от Эадмера Уильям не ограничивается обвинением Гарольда в нарушении клятвы, что и послужило причиной божьего гнева, а пытается разобраться в реальных причинах гибели англосаксонского государства. Следуя Саллюстия, Уильям ищет их в упадке нравов господствующего класса. Безграмотные клирики, монахи — нарушители устава, знать, предавшаяся чревоугодию, пьянству и распутству, — таковы главные виновники катастрофы 1066 г.

Подобно Эадмеру, Уильям со скорбью отмечает тягостные для англосаксов последствия нормандского завоевания. Прежние хозяева страны оказались в подчиненном положении. «Ныне ни один англичанин не является ни герцогом, ни епископом, ни аббатом; все богатства Англии загребают пришельцы, и нет никакой надежды, что этим бедствиям будет конец».⁴⁷ Нельзя, однако, не заметить, что бедствия англосаксов сводятся для хрониста к тому, что для них закрыт доступ к высшим церковным и государственным постам, резкого ухудшения юридического и экономического положения английских вилланов, низведенных до положения французских сервов, он даже не заметил.

В «Истории английских королей» Уильям Мэмсберийский выходит за рамки национальной истории и уделяет много внимания Франции, Германии, Италии, а также крестовым походам и другим событиям, представлявшим интерес для всей Западной Европы. Характерно, что к мусульманам он относится терпимо, указывая на их монотеизм, на этом основании он, видимо, не совсем одобрительно относится к крестовым походам — признак наступившего в Европе разочарования после неудачи первого похода, зато он приветствует агрессию германских феодалов против язычников славян.

Обилие сохранившихся списков и цитат из «Истории английских королей» свидетельствует о широком распространении этого произведения и влиянии его на средневековую историографию. Этому успеху более всего способствовали внешние достоинства труда Уильяма — увлекательное изложение, хороший стиль. Источниковедческая же критика показала его недостатки: чрезмерное свободное использование документов, отсутствие логической связи в изложении, частые ошибки в хронологии, искажение ряда фактических данных.⁴⁸

⁴⁶ Там же; см. также: De gestis pontificum, § 303. Вряд ли нужно подчеркивать античное происхождение всех этих формулировок. Однако они не являются просто литературными украшениями, а выражают и мнение историка.

⁴⁷ De gestis regum, § 277: «Nullus hodie Anglus vel dux, vel pontifex, vel abbas; advenae quique divitias et viscera corradunt Angliae, nec ulla est finitiae miseriae». Ср.: H. Richter. *Englische Geschichtsschreibung...*, S. 107.

⁴⁸ Marie Schütt. *The literary form of William of Malmesbury's Gesta regum*. EHR, v. XLV, 1931; W. de Gray Bish. *Life and writings of William of Malmesbury*. London, 1874.

У хронистов второй половины XII в. мы не обнаруживаем уже никаких признаков вражды между англосаксами и нормандцами. Отчасти это объясняется тем, что большинство хронистов — Годжер из Ховдена, Ральф из Дицето, Геральд Камбрейский, Уильям Ньюбургский и др. — были близки к придворным кругам и нередко сами играли активную роль в политической жизни. Хотя они и не являлись придворными историографами в собственном смысле слова, но в своих произведениях отражали большей частью официальную точку зрения.

В связи с этим находится богатая документация их трудов, а также их чисто светский, лишенный богословской окраски подход к политическим проблемам, их живой интерес к людям и к окружающему миру природы.

Магистр Роджер из Ховдена (в Йоркшире) при Генрихе II и до самой смерти (ок. 1204) занимал должность придворного священника. Первые части его «Хроники», охватывающие период от середины V до середины XII в., представляют собою компиляцию из старых хроник; после 1169 г. изложение, основанное на многочисленных документах — папских декретах, законодательных актах английских королей, судебных решениях, письмах знатных особ, — приобретает все большую полноту и самостоятельность. Много внимания Роджер уделил третьему крестовому походу: политическому положению на мусульманском Востоке и в Византии накануне похода, соглашению Ричарда I с Филиппом II Августом и Танкредом Сицилийским, «подвигам» Ричарда, его пленению, освобождению и смерти.⁴⁹

Ральф (Радульф) из Дицето, один из образованнейших людей своего времени, получивший звание магистра в Париже, занялся историей уже в старости, когда он был деканом церкви св. Павла в Лондоне (с 1180). Как и Роджер, он был в хороших отношениях с высокопоставленными лицами, о чем он сам сообщает в своем главном труде «Очерки истории» («Ymagines historiarum»)⁵⁰.

В «Очерках» дана история всей второй половины XII в. Их особенностью является лишенный риторических украшений сухой «деловой» язык, изобилующий юридическими терминами. Наиболее подробно рассказано о взаимоотношениях Генриха II

⁴⁹ Rogerus de Hoveden, magister, clericus regius. Chronica seu Annalium Anglicarum libri 2 [449—1201]. См.: Potthast, II, 980 f.; Gross, № 1800; Manitius, III, 411—413; H. Lamprecht. Untersuchungen über einige englische Chronisten des 12. und des beginnenden 13. Jahrh. Torgau, 1937, S. 79 ff.

⁵⁰ Radulfus de Diceto, magister Parisiensis. Ymagines historiarum (1148—1202). Этому произведению предшествуют «Abbreviationes chroniconum» (доведенные до 1147 г.) — соединение обширных выписок из большого числа античных историков и старых хроник, расположенных довольно беспорядочно. Полный перечень его трудов и их изданий см.: Potthast, II, 949—950; Manitius, III, 637—640; Gross, № 1765; H. Lamprecht. Untersuchungen..., S. 82 ff.

с французскими королями Людовиком VII и Филиппом Августом, о победах Генриха и восстаниях против него его сыновей, о его реформах и борьбе с злоупотреблениями феодальной знати, о мерах по развитию торговли и проч. Таким образом, затронуты многие вопросы, обычно лежащие вне поля зрения средневековых хронистов. Вместе с тем Ральф из Дицето, соревнуясь с другими историками своего времени, стремится сделать свой труд привлекательным для читателя и включает в него с этой целью красочные описания (например, Анжера) и многочисленные анекдоты и новеллы, заимствованные из разных источников, в частности, из «Аттических ночей» Авла Геллия.⁵¹

Геральд Камбрейский, советник Генриха II и воспитатель одного из его сыновей, писатель необычайно плодовитый, известен следующими историческими и историко-географическими трудами: «Описание Уэльса», «Топография Ирландии», «Завоевание Ирландии», «Автобиография» («De rebus a se gestis»)⁵².

Произведения, посвященные Ирландии, написанные в духе, весьма враждебном ирландцам, впоследствии (с XVII в.) не раз вызывали со стороны последних резкую критику. Тем не менее их ценность никем не оспаривалась. Впервые в них дано подробное описание «Зеленого острова», его флоры и фауны, обычаев и нравов его населения; в заслугу автору можно поставить запись многочисленных ирландских сказок и легенд, которые Геральд во время пребывания в Ирландии собирал с большим усердием. Его монография о завоевании Ирландии проливает свет на методы, применявшиеся при этом англичанами: натравливание вождей местных племен друг на друга, подкуп и проч. Его автобиография, в которой приведено много писем и других документальных материалов, по-видимому, основана на записях, сделанных автором ранее, под свежим впечатлением текущих событий; это скорее мемуары политического деятеля, чем история духовного развития, которую дают автобиографические произведения Августина, Абеяра или Гвиберта Ножанского.⁵³

⁵¹ T. Gottlieb. Über mittelalterliche Bibliotheken. Leipzig, 1890, S. 447.

⁵² Gross, №№ 1782, 2242; Manitius, III, 622—637. Ф. Энгельс в своей «Истории Ирландии» (Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 86—87) дает следующую характеристику «Топографии Ирландии»: «Написанная на крайне претенциозной латыни, полная самых диких суеверий и всех религиозных и национальных предрассудков того века, в котором жил, и того племени, к которому принадлежал тщеславный автор, эта книга все-таки чрезвычайно важна, как первое сколько-нибудь подробное свидетельство иностранца об Ирландии». Существует английский перевод («слабый», по оценке Энгельса) исторических сочинений Геральда (The Historical works of Giraldus Cambrensis, London, 1863). См. также: Л. И. Гольман. Ф. Энгельс — исследователь истории древних ирландцев. В сб.: Средние века, вып. 19, 1964, стр. 14—15.

⁵³ Ср.: P. Lehmann. Autobiographies..., pp. 49—51. В связи с Геральдом Камбрейским должен быть назван его друг, тоже уэльсец, Вальтер Мап, автор любопытного произведения «О забавах придворных» (Walter

Третьим главным произведением Иоанна Сольсберийского, оставшимся незаконченным, является «Папская история» («*Historia Pontificalis*») за годы 1143—1152. Здесь формулированы задачи истории, о чем уже говорилось выше (см. гл. вторую, стр. 100 сл.), и дается ряд замечательных исторических портретов — Бернарда Клервосского, Гильберта Перретанского, Арнольда Брешианского, пап Евгения III и Адриана IV, Томаса Бекета, близкого друга автора, которому он посвятил главный труд своей жизни «Поликратикус».⁵⁸

Произведения Иоанна Сольсберийского оставляют противоречивое впечатление. С одной стороны, политические позиции автора являются определенно реакционными. Он — решительный противник роста могущества королевской власти и чиновничества. Автономия церкви, которую он считает носительницей «высших духовных интересов», является для него единственной гарантией соблюдения светской властью законности и справедливости.⁵⁹ По существу он стоит на позициях реакционной «теократической партии», повторяя вместе с ее руководителями: «Государь получает свой меч из рук церкви» (*Gladium de manu ecclesiae accipit princeps*). В то время как государей много, как он пишет, церковь одна, и только она объединяет в одно целое христианские народы. Это не мешает ему весьма критически относиться к папской курии, к подкупности кардиналов, к порокам духовных особ, к монашескому чину и к самому главе теократической партии Бернарду Клервосскому. Последнего он изображает яростным гонителем «самых ученых мужей» Абеяра и Гильберта Порретанского, к чему Иоанн относится с явным неодобрением.⁶⁰

Что касается исторической концепции Иоанна Сольсберийского, то она в сущности направлена против дуализма и провиденциализма Августина. История для него — «свободная игра сил», в которой решающую роль играет не бог, а человеческая

⁵⁸ *Iohannes Sarisberiensis. Metalogikon. Libri 4; Polycraticus seu de nugis curialium et vestigiis philosophorum. Libri 8. Opera*, ed. I. A. Giles. Oxonii, 1848; последнее (и лучшее) издание под ред. Вебба (CL. C. I. Webb, Oxford, 1909); НР; Manitius, III, 253—264; G. Misch. *Studium zur Geschichte der Autobiographie. V. Johann von Salisbury. Göttingen*, 1960.

⁵⁹ H. Liebeschütz. *Mediaeval humanism in the life and writings of John of Salisbury*. London, 1950, p. 43; J. E. Sandys. *CHL*, I, 185; E. R. Curtius. *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*. Bern, 1948, S. 84 ff.

⁶⁰ НР, pp. 14—16: «Бернард Клервосский, святейший и влиятельнейший человек... напал на ученых мужей — Абеяра и Гильберта Порретанского, преследуя их с такой яростью, что он добился осуждения первого и едва не добился осуждения второго ученого». Впрочем, Иоанн Сольсберийский выражает свое отрицательное отношение к Бернарду с такими оговорками, которые говорят об исключительной его осторожности. Он многое знает, на многое только намекает, а о еще большем умалчивает. Однако даже то немногое, что было им сказано, побудило его скрыть свое авторство (оно было установлено лишь в XIX в.). Ср.: G. Misch. *Studium...*, SS. 340—351.

личность с ее индивидуальными психологическими особенностями. В трактате «Поликратикус» выдвигается против Августина мысль, которая была повторена и в новое время, что бог вечен и неизменен, история же характеризуется изменчивостью, гибелью одних вещей и возникновением других, человеческими стремлениями и заблуждениями. Таким образом, история — это сфера чисто человеческих дел и событий. В отличие от Августина Иоанн Сольсберийский думает не о конце земной жизни человечества, а об исправлении общества рациональными средствами. Исторические портреты и характеристики, которых так много в произведениях английского философа и историка, — это прямое следствие его убеждения, что фактором истории является не бог, а человек.⁶¹

Иоанн Сольсберийский нигде прямо не высказывает своего отношения к августиновской или иеронимовской периодизациям истории: первую он просто игнорирует, вторую косвенно критикует, подчеркивая свое несогласие с идеей «вечности» Римской империи и ее «переноса». Древнюю империю он считает погибшей, а немецких королей, претендующих на всемирную власть римских цезарей, называет (как, например, Фридриха I) выскочками и тиранами. «Кто сделал немцев судьями над другими народами?» — спрашивает он с негодованием. По его мнению, эти претенденты — просто варвары, стремящиеся к тому, чтобы подчинить себе «соседние государства и даже империю греков». В связи с этим он отмечает, что государства, возникшие на Западе после гибели Римской империи, являются независимыми или, как мы бы сказали, суверенными.⁶²

Изложенные здесь взгляды являются, бесспорно, для своего времени новыми и прогрессивными. Однако связанное с ними учение Иоанна Сольсберийского об органическом строении общества показывает, что этот глашатай новых идей все же оставался в плену чисто феодальных представлений. В 6-й книге «Поликратикуса» он сравнивает общество с человеческим организмом: духовенство — это душа общества, государь — его голова, государственный совет — сердце, чиновники и воины (*milites*, рыцари) — руки, сборщики налогов (*questores*) и прочие мелкие королевские слуги — внутренности, крестьяне — ноги, сюда же он относит и другие «добывающие» сословия — рабочих, обрабатывающих шерсть, дерево, металлы, людей «низких» профессий, словом, всех добывающих средства к жизни или богатства личным трудом.⁶³ Последнее сравнение свидетельствует об аристократически-феодалном презрении автора даже к богатому купечеству.

Хотя Иоанн Сольсберийский заявил однажды, что «не благородно рождение, а благородный образ мыслей», образование,

⁶¹ J. Spörl. *Grundformen...*, SS. 92—96.

⁶² Там же, стр. 97—100.

⁶³ См.: H. Liebeschütz. *Das Zwölfte Jahrhundert...*, S. 267 f.

начитанность поднимают человека над ему подобными, но в этом высказывании можно видеть, вероятно, лишь литературную реминисценцию. Провозглашая свободу отдельной личности («*Quid est amabilius libertate*» — «Что любезнее свободы?» — вопрошает он), наш автор имеет в виду свободу аристократа от страха перед произволом неограниченного государя вроде Генриха II, виновника его изгнания и смерти архиепископа Бекета. Поэтому он стоит за ограничение королевского самовластия, или «тирании»; тирана, по его мнению, в известных случаях дозволено даже убить. Однако эта мысль не связана у Иоанна с глубоко ему чуждым учением о народном суверенитете: государь, если только он не тиран, является «помазанником Божиим», «образом бога» на земле (*imago dei*).

Таким образом, представление некоторых буржуазных медиевистов о Иоанне Сольсберийском как «предтече Ренессанса и гуманизма»⁶⁴ является неверным. Он знал античность, может быть, не хуже многих гуманистов, но брал из нее лишь те элементы, которые подкрепляли церковно-феодалное мировоззрение и не были, да и не могли быть в то время связаны с интересами нового, только зародившегося в городах общественного слоя. Английское купечество в XII в. еще не имело среди высокообразованных людей из господствующего класса своих идеологов.⁶⁵

Иоанн Сольсберийский пользовался влиянием в высших кругах феодального общества. У него были ученики и последователи, особенно во Франции, где он закончил свою жизнь добровольного изгнанника на почетном посту епископа Шартрского.

3. НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КОНЦА XI—XII в.

В то время как в Англии подъем церковно-феодалной историографии был связан с нормандским завоеванием, а во Франции с началом крестовых походов и первыми успехами королевской власти, в Германии стимулом к оживлению исторической работы послужили, с одной стороны, конфликт между империей и папством и обусловленная им внутривосточная борьба, с другой — агрессия германских феодалов против славян и литовско-латвийских племен Прибалтики с целью завоевания и колонизации их земель. При этом в порядке своеобразного разделения труда западногерманские хронисты (Ламперт Герсфельдский, Фругольф Михельсбергский, Эккегардт из Аура, Оттон Фрейзингенский и др.) сосредоточили внимание преимущественно на первой теме, а восточногерманские (Адам Бременский, Гельмольд, Арнольд Любекский) — на второй.

⁶⁴ J. Spörl. Grundformen..., S. 110 f.

⁶⁵ Либешютц (H. Liebeschütz. Das Zwölfte Jahrhundert...) приходит к аналогичному выводу по нескольким другим основаниям.

Ламперт, монах Герсфельдской обители (ум. ок. 1085), составил «Анналы», в которых события от «сотворения мира» и примерно до середины XI в. изложены очень кратко, по «шести эпохам», главным образом на основании материалов Исидора, Беды и старых анналов Герсфельдского и Фульдского монастырей. Затем рассказ становится все более подробным, достигая для периода 1073—1077 гг. большой полноты и богатства деталей.

Долгое время Ламперт являлся для медиевистов непререкаемым авторитетом в вопросе о начале спора за инвеституру. Особенно содействовало этому его выдающееся литературное дарование. Язык и стиль «Анналов», которые отличаются почти классической ясностью и выразительностью, обнаруживая влияние Ливия, отчасти Аммиана Марцеллина и Саллюстия, привлекли к этому произведению внимание немецких гуманистов, дважды издавших его в начале XVI в. (в 1525 и 1533).⁶⁶ С этого времени и почти до конца XIX в. все перипетии борьбы Генриха IV и Григория VII, в частности знаменитое свидание в Каноссе, излагались по Ламперту. Но уже Ранке, а затем более подробно и тщательно Хольдер-Эггер показали, что Ламперт тенденциозно искажал факты, что ему ни в чем нельзя верить.⁶⁷ Будучи заклятым врагом Генриха IV, Ламперт составил против него настоящий обвинительный акт, изобразив этого короля ничтожеством, лжецом, клятвопреступником, развратником, убийцей, грабителем и осквернителем церквей. Все эти обвинения основаны на фактах, которые при ближайшем анализе оказались либо измышленными, либо неверно изложенными хронистом, который вообще повинен в умолчаниях, передержках, словом, в систематической фальсификации истории. «Это печальная истина, — говорит Хольдер-Эггер, — что наш способнейший писатель, величайший стилист раннего средневековья, является очень плохим историком, которому не хватает любви к правде, объективности, непредубежденности, дальновидности».

Позже этот приговор был несколько смягчен, но и для новейших исследователей остается бесспорным, что «во многих местах Ламперт сознательно лжет» и что его «Анналы» являются «скорее плодом упражнений стилиста, чем историка».⁶⁸

С нашей точки зрения все подобные оценки, как бы выделяющие Ламперта из массы средневековых хронистов как злостного фальсификатора, совершенно неосновательны. Ламперт подчерк-

⁶⁶ Manitius, III, 323, 326.

⁶⁷ L. von Ranke. Zur Kritik fränkisch-deutscher Annalistik. SW, Bd. 51/52, Leipzig, 1888; O. Holder-Egger. Studien zu Lambert von Hersfeld. NA, Bd. 19, 1893—1894, SS. 141—213, 369—430, 509—574; Pott-hast, I, 706.

⁶⁸ См. введение В. Д. Фритца к новейшему изданию (и переводу на нем. яз.) «Анналов» в серии «Ausc. Quellen» Bd. 13 и приведенную здесь литературу; Manitius, III, 322—329.

вершением всего развития» средневековой историографии.⁷⁴ Исключительное обилие сохранившихся списков «Хроники» свидетельствует о ее быстром распространении и значительном успехе в XII—XIII вв.

Оттон, епископ Фрейзингенский, внук императора Генриха IV, брат короля Конрада III и дядя императора Фридриха Барбароссы, играл по своему происхождению и общественному положению видную роль в политической жизни Германии. Учился он во Франции у Абельяра, Гильберта Порретанского и Гуго из Сен-Виктора; мистицизм последнего он сочетал с рационалистической мыслью первых двух. Свое первое произведение — «Хронику от начала мира» — он написал, по-видимому, под влиянием тягостного зрелища феодальных раздоров, в частности, опасной для господствующего класса распри между империей и папством.⁷⁵ Вдохновляемый Августином (что он подчеркнул в подзаголовке «Хроники» — «De duabus civitatibus» — «О двух градах»), Оттон стремится показать, что всемирная история, эта «трагедия человеческих бедствий» (*historia humanae miseriae, mortalium calamitatum tragediae*), представляет собою борьбу царства дьявола и царства Христова, Вавилона и Иерусалима». История, по его мнению, поучительна лишь в том отношении, что она показывает несовершенство и непостоянство земной жизни: за всяким человеческим величием лежит бренность всего земного. Недаром Оттон дал своей хронике во второй редакции название «Об изменчивости вещей» («De mutatione rerum»). Только в монашестве он видит единственный ценный элемент земного существования.⁷⁶ Уверенный в близком конце мира, он все упования возлагает на будущее блаженство в царстве небесном.

⁷⁴ H. Schneider. *Das kausale Denken*, S. 71 f.; J. Spörl. *Grundformen...*, S. 34 ff.; M. Ritter. *Studien*, cap. 2. HZ, Bd. 107, 1911; A. Hoffmeister. *Studien über Otto von Freising*. NA, Bd. 37, 1911—1912, SS. 101—161; A. Passerin d'Entrève. *Ottone di Frisinga e la Storiografia del Medioevo*. Rivista intern. di filosofia del diritto, XX, 1940; H. M. Klinkenberg. *Der Sinn der Chronik Ottos v. Freising*. В кн.: *Aus Mittelalter u. Neuzeit*. Gerh. Kallen zum 70. Geburtstag. Bonn, 1957 (автор стремится доказать, что Оттон — «основатель философии истории», произвольно толкуя и сильно модернизируя мысли епископа Фрейзингенского). A. D. von den Brincken. *Studien...*, SS. 218—228; Ch. H. Haskins. *The Renaissance...*, S. 241 ff.; Manitius III, 376—388; Wattenbach, II, 271—279; Pothast, II, 885—887. Все они указывают более раннюю литературу, а также издания «Хроники» и других произведений Оттона Фрейзингенского. В дальнейшем «Хроника» цитируется по: MG SS rer. Germanic. in usum schol., Bd. 23. Новейшее издание «Хроники» — в серии «Ausg. Quellen» (Bd. 13, hrsg. von W. Lammers, Berlin, 1960), ценны: первый полный немецкий перевод текста, подробная библиография, общее введение и комментарии.

⁷⁵ См. пролог с посвящением епископу Изенгриму. Пессимистическое настроение Оттона Фрейзингенского было вызвано также позорным провалом крестового похода 1147 г., которого он сам был участником.

⁷⁶ Оттон до получения епископского сана был аббатом одного из монастырей цистерцианского ордена.

С этой богословской, августиновской точки зрения Оттон рассматривает всемирную историю. Его хроника является первой после Августина выдающейся попыткой охватить весь ход истории единой концепцией, причем реальным политическим событиям придается символическое значение в духе августиновского провиденциализма. Однако в отличие от Августина историческая мысль Оттона окрашена в мрачные, пессимистические тона. Что источники его пессимизма коренятся в раздорах внутри господствующего класса, об этом лучше всего свидетельствует 6-я книга, где речь идет о начале спора за инвеституру. «Сколько из-за этого последовало бедствий, — пишет по этому поводу Оттон, — сколько военных раздоров, сколько раз несчастный Рим осаждали, брали приступом и разоряли, папу выставляли против папы, короля против короля — обо всем этом неприятно и вспоминать».⁷⁷

Не менее возмущает историка восстание Генриха V против отца и низложение последнего, ибо это «против закона природы» и равносильно тому, что простой рыцарь воюет с королем или что раб восстает против господина. Единственное, что утешает Оттона, — это все возрастающий успех клонийского движения. «Строгость жизни в монашеском и священническом сословии с того времени и по сей день все более растет, дабы, по справедливому решению божию, в то время как граждане земного града все более погружаются в грязь, граждане божьего града все более преуспевали в добродетелях».⁷⁸

Однако аскетическое мировоззрение не препятствует Оттону отстаивать весьма земные интересы феодального государства и правящих верхов. Прикрываясь своим «беспристрастием», он сознательно при помощи своеобразных умолчаний и осторожных формулировок проводит определенную политическую тенденцию. Мы уже видели (см. гл. вторую, стр. 94), как он извратил начальный период «самостоятельного» правления Генриха IV. В тех случаях, когда исторические факты по какой-либо причине неприятны историку, он старается поскорее пройти мимо них и уклоняется от каких-либо оценок. Так, он отказывается решать, прав ли был Конрад III или нет, карая епископов Северной Италии. Точно так же он не осмеливается ни осудить, ни оправдать действия императора Оттона I, который возвел на папский престол Льва VIII при наличии законно избранного папы. Упомянув с подобных фактах, он замечает: «Сказать, правильно или худо это было сделано, не является задачей настоящего произведения, ибо мы ставим целью только описывать происходившее, но не давать ему оценку».⁷⁹ Это неправда, ибо в ряде случаев хронист

⁷⁷ MG SS rer. Germanic. in usum Schol., Bd. 23, 293.

⁷⁸ Там же, стр. 304 сл.

⁷⁹ См., например, кн. VI, гл. 23.

не ограничивается простой констатацией фактов, а оценивает их с точки зрения своей историко-богословской концепции или аскетической морали.

Рационалистические элементы и светская политическая тенденция еще более ярко выступают в другом, позднейшем произведении Оттона Фрейзингенского — «Деяния императора Фридриха I».⁸⁰ Первые успехи Фридриха, подъем могущества империи и вместе с нею всего класса немецких феодалов настолько окрылили нашего историка, что он готов отказаться от своего прежнего пессимизма и даже изменяет своим аскетическим убеждениям. Он рассказывает теперь веселые анекдоты, например, о жирных монахах Лимбурга, которые во время осады этого города императором опасались, что жители, страдая от голода, съедят их в первую очередь. Он дает описание турнира, устроенного королем Лотарем под стенами Вюрцбурга. Война, которую Оттон осуждает в «Хронике», считая ее бичом человечества, в «Деяниях Фридриха I» изображается как занятие веселое и достойное феодала. Историк внушает императору, что он обязан начать войну против венгров «для защиты чести империи». С великим удовлетворением он рассказывает о стычке войска Фридриха I с восставшими римлянами (1155), причем немцы потеряли якобы только одного, а римляне тысячу убитыми, сотни пленными и ранеными. Он гордится доблестью немцев, их победами над «бандитами» (т. е. крестьянами-повстанцами) на севере Италии. Непокорным ломбардским городам он дает характеристику, которая, по его мнению, объясняет их упорное сопротивление императорской власти. Города, как сообщает Оттон, вооружают и дают почетные звания молодым людям из низших слоев населения, в том числе работникам «презренных и механических профессий», которых другие народы «избегают, как чумы», людей же самых почетных профессий они лишают оружия. Благодаря этому ломбардские города превзошли в богатстве и силе города других стран. Кроме развитой промышленности, росту их могущества содействовало и то, что германские короли подолгу находятся за Альпами. «Хотя эти города хвастаются, — отмечает он далее, — что они живут по закону, в действительности они не подчиняются законам, не выполняют своего долга — принимать с почетом своих законных государей, не повинуются приказам императора, если только последний не заставит их признать свой авторитет с помощью военной силы».⁸¹

⁸⁰ Otto Frisingensis. Gesta Friderici I imperatoris. Libri II. См.: Potthast, II, 886; Wattenbach, II, 271—284; Manitius, III, 381—386; A. Hauck. Kirchengesch. Deutschlands, Bd. IV. A. 8. Berlin, 1954, S. 508 ff.; Adolf Hofmeister. Studien über Otto von Freising, NA, Bd 37, 1911—1912, SS. 633—768.

⁸¹ Gesta Friderici I, II, cap. 13.

«Деяния Фридриха I» написаны по указанию самого императора, который послал автору краткий обзор своего правления в качестве основного материала для этой работы. Оттон умер в 1158 г., не доведя ее до конца; его ученик, фрейзингенский каноник Рахевин, добавив от себя еще две книги, довел изложение до 1160 г. включительно.

Значительно уступая Оттону как писатель, Рахевин довольно неумело старается обелить императора, который даже в тот век приобрел репутацию чрезмерно воинственного и жестокого государя. Император Фридрих, уверяет он читателей, страстно любил мир и вел войны только ради утверждения мира. Его походы были лишь ответом на агрессию врагов. Благо империи — это благо всего человечества: без империи не может быть достигнута конечная цель истории — победа божьего царства над царством дьявола. Таким образом, Рахевин пишет, как противник папских притязаний на власть над империей. Однако он так боится себя скомпрометировать, что в изложении самых острых моментов борьбы Фридриха с папством ограничивается цитированием документов, предоставляя самим читателям сделать из них выводы.⁸²

Среди восточногерманских историков конца XI и XII вв. наиболее известны Адам Бременский и Гельмольд. Первый был в 60—80-х годах XI в. каноником Гамбургско-Бременского архиепископства и приближенным его главы Адальберта. Второй, саксонский священник, действовал столетием позже (ум. 1177) в качестве миссионера среди пограничных славян. Тот и другой, находясь на окраине германского феодального мира, больше всего интересовались теми странами и народами, которые являлись объектами христианизации и тесно с нею связанной военной экспансии германских феодалов: Скандинавией, Прибалтикой, землями западных славян. Не ограничиваясь историей скандинаво-германских и славяно-германских отношений, оба историка по примеру древних включают в изложение обширные географо-этнографические экскурсы, характеризующие быт, нравы, культуру, природные условия жизни славян и скандинавов.

«Деяния епископов Гамбургской церкви» («Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum») Адама Бременского основаны на архивных материалах соборного капитула, среди которых было множество фальшивых документов, на устных сообщениях моряков, купцов и датского короля Свена Остритсона, наконец, на свидетельствах античных и раннесредневековых авторов — Солина, Марциана Капеллы, Макробия, Орозия, Беды и на житиях

⁸² Manitius, III, 388—390; Wattenbach, II, 279—284; W. Gundlach. Zu Rahewin. NA, Bd. 11, 1886, S. 569 f.; G. Jordan. Ragewine Gesta Friderici. Diss. Strassburg, 1881; H. Simonsfeld. Bemerkungen zu Rahewin. В сб.: Historische Aufsätze dem Andenken an C. Waitz gewidmet. Hannover, 1886.

«святых-апостолов», т. е. христианских миссионеров. Ко всем этим источникам Адам Бременский относится некритически: он повторяет без всяких признаков сомнения в их достоверности басни древних и средневековых авторов об амазонках, кинокефалах («псоглавцах»), антропофагах, циклопах, троглодитах, имантоподах («тонконогих») и т. п. сказочных народах неведомых земель.

Первая книга «Деяний» представляет краткий обзор истории восточных германцев от завоевания Саксонии Карлом Великим и до 936 г. После этой даты, со второй книги, изложение становится более подробным и самостоятельным. Интересны рассказы о плаваниях скандинавов по Балтийскому и Северному морям на северо-запад вплоть до Исландии и Гренландии. У Адама впервые упоминается Винланд — страна на восточном побережье североамериканского континента. Особенно много данных собрал Адам Бременский о «Славии», которую он бесцеремонно определяет как «обширную область Германии, обитаемую винулами, некогда именовавшимися вандалами» (II, 31; автор здесь явно спутал западных славян — по-немецки вендов — с германским племенем вандалов). «Эта страна, — пишет он далее, — в десять раз больше Саксонии, если считать частями Славии Богемию и населенные поляками пространства за Одером, ибо все эти племена не отличаются друг от друга ни по внешности, ни по явьяку».

Таким образом, Адам Бременский на страницах своего сочинения присоединил к Германии все без исключения западно-славянские земли, определив тем самым размеры аппетитов германских феодалов. Однако уже появление в XII в. первых национальных хроник у чехов (Козьмы Пражского; ум. 1125), поляков (Мартина Галла; начало XII в.) и русских («Повесть временных лет»; начало XII в.), знаменовавших зарождение национального сознания у этих славянских народов и успешное развитие у них государственной организации, указало границы германской экспансии на восток от Эльбы.

Несмотря на свое чисто феодальное мировоззрение, окрашенное в немецкие националистические тона, Адам Бременский относится довольно критически к действиям германских феодалов и проповедников христианства в славянских землях. Три мощных восстания полабско-поморских славян против германских агрессоров (938, 1012—1018, 1066), восстания, о которых Адам рассказывает подробно, заставили его призадуматься об их причинах. В одном месте он пишет: «Славяне, сильно угнетенные своими христианскими правителями, сбросили иго рабства и взялись за оружие для защиты своей свободы» (II, 42); в другом — он прямо называет виновниками восстания саксонских герцогов Бенно, затем его сына Бернарда, «которые жестоко угнетали славянские народы» (II, 45). Изложение этой темы Адам заканчивает следующим выводом: «Для меня ясно, что у славян уже

давно утвердилось бы христианство благодаря стараниям духовенства, если бы обращению этого народа не мешала жадность [немецких] князей» (II, 79; ср. III, 23).

Адам Бременский является большим мастером исторического портрета. Его психологическая характеристика архиепископа Адальберта, которому он посвятил большую часть третьей книги своего труда, принадлежит к числу наиболее замечательных достижений средневековой историографии.⁸³

Гельмольд (ум. ок. 1177), священник из Гольштейна, занимавшийся миссионерской деятельностью в прилегающих славянских землях, был менее образованным историком, чем Адам Бременский, но он знал славянский язык и был лучше осведомлен о характере и методах германской «колонизации» на землях поморских славян. Рисуя картину массового истребления и насильственного онемечения и порабощения уцелевших славян, сожжения их деревень, захвата их земель, Гельмольд не скрывает своего отрицательного отношения к подобным методам колонизации. Однако это не мешает ему прославлять главных организаторов этих злодеяний — Генриха Льва, Альбрехта Медведя и др. В посвящении «Славянской хроники» каноникам Любека он пишет, что взялся за это сочинение с целью спасти от забвения имена этих и многих других германских князей.⁸⁴

Когда Арнольд из Любека (ум. 1212), аббат монастыря св. Иоанна, писал продолжение хроники Гельмольда, полное онемечение обширного края, составившего земли Мекленбурга, Гольштейна, Померании и Бранденбурга, было уже совершившимся фактом; памятью о некогда густом славянском населении этих

⁸³ Adamus Bremensis. Gesta Hammenburgensis ecclesiae pontificum seu historia ecclesiastica. Libri 4. Potthast, I, 110 f.; Wattenbach, II, 78—82. К перечню изданий и литературы, приведенному в указанных справочниках, нужно присоединить: Adam of Bremen. History of the Archbishops of Hamburg—Bremen. N. Y., 1959 (текст, английский перевод, комментарии и введение Фрэнсиса Чана); B. Schmeidler. Hamburg—Bremen und Nordost Europa von 9. bis 11. Jahrh. Kritische Untersuchungen zur Hamburger Kirchengeschichte des Adam von Bremen. Leipzig, 1918; E. E. Stengel. Adam von Bremen und das Chronicon Bremense. D. A. f. Erforsch. d. MA, 1939, H. 3; P. W. Kohlmann. Untersuchungen zur Hamburger Kirchengeschichte Adams von Bremen. Leipzig, 1908; W. King. Chroniclers of three free-cities: Hamburg, Bremen, Lübeck. London, 1914; P. Kirn. Das Bild des Menschen..., SS. 119—125; Margaret Bünding. Das Imperium Christianum und die deutschen Ostkriege vom X bis XII Jahrhundert. Berlin, 1940; ср. рец.: E. Jordan. RH, 1946, april—juin.

⁸⁴ Helmoldus presbyter Bosoviensis. Chronica Slavorum. Libri II. Potthast, I, 576; Wattenbach, II, 338—341. Новое критическое издание: B. Schmeidler. Helmoldi, presb. Bozoviensis Cronica Slavorum. Edit. secunda. Hannover u. Leipzig, 1909; см. также издание Чан с переводом на английский язык (F. J. Tschan, N. Y., 1935); Manitius, III, 493—498; W. Norden. Das Schlussproblem bei Widukind und Helmold. NA, XXXI, Bd. 37, 1911—1912, SS. 791—799; Д. Н. Егоров. Колонизация Мекленбурга в XIII в., т. I. М., 1915.

территорий остались лишь географические названия. Внимание Арнольда поэтому направлено главным образом на новые объекты колонизации — литовские и латвийские земли Прибалтики.⁸⁵

4. ИТАЛЬЯНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ XII в.

Италия раннего средневековья, по сравнению с другими западноевропейскими странами, отличалась в экономическом и культурном отношениях рядом особенностей, которые не могли не наложить отпечатка на ее историографию.

В Италии никогда не замирал пульс городской жизни. По окончании варварских вторжений многие города, в первую очередь приморские, довольно быстро восстановили свою экономику и уже в IX—X вв. превратились в оживленные центры торговли и ремесла. Поэтому здесь ранее, чем в других странах, началась революционная борьба городов против духовных и светских сеньоров, которая привела к возникновению независимых городских коммун. Феодальное поместье в Италии экономически и политически никогда не противостояло городу так сильно, как за Альпами, а натуральное хозяйство не господствовало в такой степени, чтобы тормозить рост торгово-ремесленного городского населения, предшественника будущей буржуазии.⁸⁶

В связи с этим находится и сравнительно высокий уровень, которого рано достигла в Италии светская городская культура. Итальянское духовенство не владело монополией на образование, и монастыри не являлись единственными центрами литературной деятельности. Наряду с монастырскими и епископскими кафедральными школами существовали частные светские школы, в которых учителя-миряне за плату обучали молодежь грамматике, истории, праву и «искусству письма» (*ars dictaminis*).⁸⁷ Этим и объясняется наличие среди авторов итальянских хроник

⁸⁵ Arnoldus Lubecensis, abbas S. Johannis. Chronica Slavorum. Libri VII (1171—1209). Издания и литература: Potthast, I, 119 f.; Wattenbach, II, 343—345.

⁸⁶ См.: Д. Луццато. Экономическая история Италии. М., 1954, гл. II, III.

⁸⁷ См.: Giuseppe Salvioli. L'Istruzione in Italia prima del Mille. Firenze, 1912, pp. 29—44. Еще в X в. Ратхерий Люттихский отмечал, что образованные миряне в Италии смеются над невежественными священниками (Ratheri, «De contemptu sanonum», см.: Manitius, II, 44), а Випо около середины XI в. констатировал, конечно, сильно преувеличивая, что в этой стране «все юноши потеют в школах» (Wipo «Tetralogus»; Pertz, MG SS XI, 247). Вопреки мнению церковных реакционеров вроде Петра Дамиани, считавших ненужным изучение языческих писателей, на римском соборе 1074 г. было решено готовить клириков к преподаванию светских наук, дабы таким путем вытеснить светскую школу и отучить отцов «воспитывать сыновей согласно законам античности и предписаниям языческих авторов» (Аттон, епископ г. Верчелли, цит. по: G. Salvioli. L'Istruzione... , p. 29).

значительного числа мирян-нотариев, судей, учителей, чего не было больше нигде в Европе по крайней мере до середины XIV в.

Развитие историографии в Италии XI—XIII вв. определялось и региональными особенностями южных, центральных и северных областей страны. В Южной Италии было сильно влияние византийской и арабской культуры; огромное значение имело и нормандское завоевание, приведшее к образованию здесь с конца XI в. крупного феодального государства. Для Северной Италии наиболее характерной особенностью являлся ранний экономический и политический подъем городов, их ожесточенная борьба с германскими королями за свою свободу, а затем внутренняя борьба партий гвельфов и гибеллинов. Что касается Средней Италии, то для судеб этого экономически наиболее отсталого района определяющее значение имел Рим, резиденция пап, религиозный центр для католических стран и центр политических интриг во всем тогдашнем мире.

Отсталостью Папской области, почти не затронутой общим подъемом XII в., объясняется и то обстоятельство, что историография дала здесь наиболее тощие плоды. Римские хроники принадлежат к числу самых скудных по содержанию и грубых по форме произведений этого рода. «Папская книга» («Liber Pontificalis») — сборник биографий пап, написанных разными авторами начиная с VIII—XI по XII в., для более ранних периодов представляет перечень имен и большей частью апокрифических сведений, а биографии пап XI—XII вв., хотя и более подробные, отличаются весьма невысокими достоинствами, уступая произведениям этого жанра, вышедшим в любой другой стране Европы.⁸⁸ Единственный культурный центр Папской области — Монтекассинский монастырь — до середины XI в. не имел даже своей библиотеки. Она была создана лишь в 70-х годах усилиями монаха-архивиста Льва Марсиканского.

Лев Марсиканский (ум. ок. 1118) является автором «Хроники Монтекассинского монастыря», едва ли не единственного произведения конца XI—начала XII в., заслуживающего как исторический источник высокой оценки. В Прологе автор указывает, что он написал хронику по настоянию аббата Ордеризия, желавшего установить, «какие владения и церкви, коими мы ныне владеем, каким образом и при каком аббате поступили в наш монастырь». Лев значительно расширил поставленную перед ним задачу. Изучая дарственные грамоты и привилегии, в разное

⁸⁸ Liber pontificalis seu Vitae pontificum Romanorum. Potthast, I, 737 ff.; лучшее издание — Дюшена (L. Duchesne, t. I—II, Paris, 1886—1892), с подробным введением и комментариями; Н. Grisar. Der Liber pontificalis. Zs. f. Kathol. Theologie, 1887, SS. 417—446. Представление о характере «Папской книги» дает рассказ об аресте папы Григория в церкви во время ночной мессы. Воин, ранивший папу, был немедленно унесен демоном в ад, а коня его убежал, так что больше его не видели.

время полученные монастырем от пап, императоров, князей и т. д., он втянулся в чисто историческую работу по выяснению различных обстоятельств, которыми были вызваны те или иные дарения, для чего им были использованы многие не дошедшие до нас материалы. При этом он проявил редкую по тем временам добросовестность. По-видимому, даже многочисленные рассказы о «чудесах» он не выдумывал, а списывал из своих источников.

Этого нельзя сказать об его преемнике Петре Диаконе, который довел изложение до 1138 г., заполнив последние две книги «Хроники» фальсифицированными документами и многими сомнительными или просто вымышленными данными.⁸⁹

Лев, Петр Диакон и другие историки, подвизавшиеся в Папской области, защищали, разумеется, интересы папства. Исключением является Готфрид Витербский (ум. ок. 1198), родом из г. Витербо близ Рима. Он был капелланом, нотарием, политическим агентом, придворным историком и поэтом Конрада III Фридриха I и Генриха VI. Деяния последних двух он изложил в стихотворной форме, а большие его исторические труды — «Пантеон» и «Зерцало царей», написаны прозой пополам со стихами. При всей преданности немецким королям Готфрид в качестве лица духовного заискивал и перед папами, посвящая разные издания своих трудов то императору, то папе, то обоим вместе (например, «Пантеон» в последней редакции 1187—1190 гг.).⁹⁰

Автор не раз указывает, что он предназначает свои исторические произведения не столько для взрослых, сколько для юношества («... hoc pueris magis quam adultis scribenda putavi»), особенно для использования в школах. Ему представляется весьма важным «запечатлеть в душе читателя юноши... истории царей и императоров, коими мир строится и украшается (quum sit honestias historias regum atque imperatorum, quibus mundus instruitur et ornatur, animo pueri legentis imprimere)».

Что Готфрид, выполняя эту задачу, фальсифицировал историю, кажется, ни в ком не вызывает сомнений. Спор идет лишь о том, сознательный ли он фальсификатор или просто увлечен

⁸⁹ Leo Marsicanus, Casinensis monachus. Chronica monasterii Casinensis ab a. 529—1075, Continuator eius Petrus Diaconus, bibliothecarius Casinensis (ум. 1139). Potthast, I, 718; Manitius, III, 546—549, 554 f.; ср. гл. вторую, стр. 92 настоящего сочинения, а также: W. Smidt. Papsttum und Kaisertum, Festschrift für Kehr. München, 1925, SS. 263—286; H. Zatschek. Leo Marsicanus. NA, Bd. 47, 1927, S. 174 ff.; Тости (L. Tosti). La Biblioteca dei codici manoscritti di Montecassino. Napoli, 1874) отмечает, что Лев назвал свой труд «Historiola», а не «Chronica», желая подчеркнуть изысканность изложения и точность приводимых им сведений; Ugo Balzani. Le cronache italiane nel medio evo. Milano, 1900.

⁹⁰ Godefridus Viterbiensis. Carmen de gestis Friderici I imp. in Italia; Gesta Heinrici VI imp. metrica scripta; Memoria seculorum; Pantheon; Speculum regum seu de genealogia omnium regum et imperatorum a diluvii tempore ad Henricum VI imp. Издания и литературу см.: Potthast, I, 533—534; Manitius, III, 392—398.

желанием сделать свои писания более интересными и привлекательными. В «Пантеоне» и «Зерцале царей» великое множество беспорядочно нагроможденных легенд и басен, как правило, не им самим придуманных,⁹¹ но им введенных впервые в историю. Отсюда они проникли в учебники XIII—XVII вв., и многие из них упорно держались в популярной литературе и более позднего времени. Характерно, что все приводимые легенды или сказки для придания им большей достоверности включаются в ткань анналистического изложения с точными указаниями места и времени самых фантастических событий. К этому автор не раз присоединяет уверение, что он «сознательно ничего легендарного от себя не прибавил (in omnibus istis nihil fabulosum scienter addidimus)».

Что касается фактического материала, то большую часть его Готфрид Витербский просто списал у Оттона Фрейзингенского, причем, называя множество мнимых источников, он именно этот, настоящий источник тщательно скрывает. При этом он, возможно в целях камуфляжа, до неузнаваемости искажил данные Оттона, перепутал даты, лица и события (например, кровавую расправу Оттона I с римлянами приписал Оттону II и т. д.). Более важными мотивами искажений были, с одной стороны, политическая (штауфеновская) тенденция, с другой — желание сделать свое повествование более интересным.

Произведения Готфрида Витербского, получившие к XIII в. широчайшее распространение, являются ярким свидетельством низкого уровня среднеитальянской исторической литературы.⁹²

Несравненно более благоприятное впечатление оставляет продукция историков Южной Италии. Здесь в первую очередь должен быть назван Абат, ранее монах Монтекассинского монастыря, позже епископ, умеренный сторонник клонийского движения (ум. 1101). Его «История норманов» основана главным образом на устной традиции, а для 60—80-х годов XI в. — и на собственных наблюдениях. Во всяком случае из самого произведения невозможно установить, пользовался ли Абат какими-либо письменными источниками.

Изложение начинается справкой о происхождении норманов, которых Абат выводит из «острова Нора»;⁹³ далее идет рассказ о морских экспедициях норманов вокруг всей Европы, особенно подробный с момента их высадки в Южной Италии, доведенный до смерти князя Капуи Ричарда (1078).

⁹¹ Например, басни о британских царях он взял у сочинителя исторических сказок Джоффри Монмаутского, рассказы о путешествии Карла Великого в «святую землю» — из народной саги и т. д.

⁹² Цитаты приведены частично по: PL, 198, col. 875 ff., отчасти по кн.: H. Ullmann. Gotfrid von Viterbo. Beitrag zur Historiographie des Mittelalters. Diss. Göttingen, 1863, SS. 7, 21, 25 n. 10, 30, 54 ff., 73.

⁹³ Заметим, что Ордерик Виталий, пользовавшийся «Историей норманов» Абата, дает правильное объяснение слова «норманы».

До нас дошел не латинский оригинал «Истории норманнов», а перевод на французский язык, сделанный в начале XIV в. («L'ystoire de li Normant et la Chronique de Robert Viscart par Aimé, moine de Mont-Cassin»). Анонимный переводчик внес в текст Амата ряд изменений и разделил его на 8 книг с перечнем глав и их содержания в начале каждой книги.⁹⁴

«История» Амата написана в пронормандском духе. Той же политической тенденцией отличается и вышедшая примерно в то же время «Сицилийская история», написанная по поручению одного из первых нормандских завоевателей графа Рожера Сицилийского (брата Роберта Гвискара) Гауфредом Малатерра.⁹⁵ Она особенно ценна своими данными о возникновении союза между норманами и папством, подробным рассказом о нормандском завоевании Сицилии, войнах с арабами и Византией, разгроме Гвискарсом Рима при освобождении папы Григория VII и проч.

Самым замечательным произведением южноитальянской историографии в XII в. является «Книга о Сицилийском королевстве» Гуго Фальканда, писавшего в 80-х годах. Француз по происхождению,⁹⁶ Фальканд долго жил в Палермо, стал горячим патриотом Сицилии, своей второй родины, и ненавистником придворных и духовенства, предавших страну в руки «немецких варваров». Рассказывая об отчаянной борьбе Танкреда де Отвилля (возведенного на трон «сицило-нормандской партией») против императора Генриха VI, автор скорбит по поводу того, что сицилийские «дворяне и народ, христиане и сарадины» не сумели договориться, чтобы совместными усилиями отстоять свою родину от агрессоров. Главный интерес его произведения составляет описание конституции Сицилийского королевства, муниципального строя, торговли и ремесел города Палермо, к архивам которого Фальканд, по-видимому, имел доступ. Гневный сарказм и горькая ирония историка по адресу власть имущих, равно как и его элегантный и сжатый стиль, доставили ему славу «средневекового Тацита». Гиббон полностью присоединяется к этой оценке, отмечая не только превосходный стиль и острую наблюдательность Фальканда, но считая его, наравне с Тацитом, большим знатоком человеческой души.⁹⁷

⁹⁴ Amatus Casinensis monachus et episcopus. *Historia Normannorum*. Potthast, I, 39; Manitius, III, 449—454. Рукопись французского перевода сохранилась в одном экземпляре; последнее издание — О. Деларка (*L'ystoire de li Normant...*, Roma, 1892, éd. par Odon Delarc), с его обширным введением.

⁹⁵ Gaufrèdus Malaterra. *Historia Sicula*, libri V. Potthast, I, 490; Manitius, III, 457 f. Ордерик Виталий в III книге своей «*Historia Ecclesiastica*» с похвалой отзываясь о «*Goisfredus monachus cognomento Malaterra*», который «hortatu Rogerii comitis Siciliae elegantem libellum nuper edidit».

⁹⁶ Во Франции Фальканд был известен как Фуко́ (Hughes Foucault).

⁹⁷ E. Gibbon. *The history of the decline and fall of the Roman Empire*, v. X, London, 1807, ch. 56, p. 288 (см. особенно прим. 126, 127);

Что касается Северной Италии, то именно здесь зародился, как уже отмечалось выше, новый вид исторических произведений — городские хроники и анналы, проникнутые светским духом, страстным интересом к партийной борьбе и к политическим событиям во всей Италии.

Авторы городских хроник, сначала большею частью члены местного клира, затем преимущественно миряне, должностные или частные лица, отразили в них не только бурную эпоху становления городских республик и их кровопролитные войны с императорами, феодалами и городами-конкурентами, но и внутреннюю классовую и партийную борьбу. Наряду с крупными коммунами — Миланом, Генуей, Пизой, Венецией, Флоренцией, даже самые мелкие города — Лоди, Пьяченца, Брешия и др., выдвигают своих местных историков. Анналы и хроники, отражающие новые тенденции развития, появляются в Милане уже в XI в., во Флоренции — с 1110 г., в Пьяченце — с 1130 г., в Пизе — с 1136 г., в Генуе — с 1152 г. и т. д.

Автор первой миланской хроники диакон Арнульф (ок. 1085 г.) начинает свое изложение с образа политического правления в Италии X в., главным же содержанием его труда является история борьбы между высшей знатью (*capitanei*) и мелкими городскими феодалами-вальвассорами при архиепископе Арнульфе, а затем история народного движения патаренов и восстания Ариальда.⁹⁸

Аристократической хронике Арнульфа народная партия противопоставила «Миланскую историю» Ландульфа, священника, вышедшего из низов и примыкавшего к патарии. Самостоятельный интерес этот труд приобретает с 1045 г. — даты фактического возникновения Миланской коммуны. О периоде 1045—1085 гг. Ландульф пишет как очевидец и участник событий. «Миланскую историю» продолжил до 1137 г. Ландульф Младший, священник при церкви св. Павла, также симпатизирующий народной партии. Но, будучи в отличие от своего предшественника человеком ученым (он учился в Париже), Ландульф Младший применяет правила риторического изложения, сочиняет длинные речи, стре-

издания и литература: Falcandus Hugo. *Historia de rebus gestis in Siciliae regno praecipue ab a. 1154—1169 etc.* Potthast, I, 444; Manitius, III, 332; U. Balzani. *Le cronache italiane...*, pp. 212—219; E. Jamison. *Admiral Eugenius of Sicily. His life and work and his authorship of the...* *Historia Sicula Hugonis Falcandi*. London, 1957. Джемисон приводит ряд оснований, заставляющих считать возможным автором данного исторического произведения не Фальканда, а эмира Евгения, видного чиновника при Сицилийских королях из династии Гогенштауфенов. См. рец.: F. Dölger. *Byzantinische Zs.*, Bd. 50, H. 2, 1957, SS. 444—446.

⁹⁸ Potthast, I, 121: Arnulfus archiepiscopus [?] Mediolanensis. *Reum sui temporis libri V, seu gesta archiepiscoporum Mediolanensium* (925—1077); Wattenbach, II, 242; Манициус (Manitius, III, 507—509) указывает, что автор хроники — внук архиепископа того же имени, был субдиаконом.

мится охарактеризовать главных политических деятелей. Он не ограничивается историей Милана и обнаруживает интерес к событиям во всей Италии.⁹⁹

Могущественная коммуна Милана, отстаивая свою независимость, в то же время стремилась лишить независимости и подчинить себе соседние мелкие коммуны, в том числе город Лоди рынок которого ущемлял ее экономические интересы. Патрициат Лоди, примкнувший вследствие вражды к Милану к партии гвельфинов, выдвинул из своей среды двух замечательных историков — Оттона и Ацерб Морена. Первый, будучи чиновником и послом Фридриха I, описал поход последнего в Италию, Ронкальский сейм и войну против Милана до 1161 г.

Ацерб Морена, сын Оттона (ум. 1167), подеста Лоди, продолжил историю города до 1164 г., украсив свое изложение характеристиками видных политических деятелей. Б. Шмейдлер отметил, что этот автор являлся первым средневековым историком, который обращает внимание и на внешние черты характеризующих личностей; однако трудно с ним согласиться, что в этом нашло свое выражение уже зарождающееся новое отношение к человеку и к окружающему миру.¹⁰⁰

С конца XI в. возникают анналы Венеции, Генуи, Пизы, которые легли в основу позднейших городских хроник. Наиболее замечательна серия анналов, которые по поручению правительства Генуи велись в этом городе непрерывно в течение XII и XIII вв. Инициатором серии был видный представитель правящих кругов Генуи и военный деятель Каффаро (ум. 1166). Анналы Генуэзской республики, начатые им еще в 1100 г., Каффаро довел, уже в глубокой старости, до 1163 г. Как в этом, так и в других произведениях он обнаруживает широту взглядов, большую осведомленность, горячий патриотизм.¹⁰¹

Серию генуэзских анналов закончил в конце XIII в. Джакомо Дориа (ум. 1294), который превзошел всех своих предшественников, включая и Каффаро, ясностью мысли, хорошим стилем, интересными данными о политическом устройстве республики, организации ее войска, флота и финансов. Уго Бальцани считает анналы Генуи «самыми полными для всей эпохи коммун», отмечая точность и простоту их языка, лишенного риторических укра-

⁹⁹ Potthast, I, 710: Landulfus de S. Paulo (Landulphus junior), presbyter. Historia Mediolanensis, 1097—1137. Ландульфа Старшего Поттхаст не упоминает. См. о нем: Manitius, III, 509—512; RIS IV, parte II (Landulfus senior); V, parte III (junior).

¹⁰⁰ Potthast, I, 796: Morena Otto eiusque filius Acerbus Morena. Historia rerum Laudensium ab a. 1153 ad a. 1164; Manitius, III, 535—537; B. Schmeidler. Geschichtsschreibung und Kultur im Mittelalter. AKG, Bd. 12, 1917.

¹⁰¹ Potthast, I, 181 f.: Cafarus de Caschifellone, civis Ianuensis. Annales Ianuenses (1099—1163); Cronica della prima Crociata seu De liberatione civitatum Orientis liber; De expeditionibus Almariae, etc.

шений, обилие фактов, имен и дат, любовь к родине и беспристрастие в суждениях.¹⁰²

Отмеченные особенности историографии в трех районах Италии получили дальнейшее развитие в XIII столетии.

В истории становления церковно-феодалной культуры XII век занимает, пожалуй, самое видное место. Именно тогда получили завершение или приняли ярко выраженные формы такие ее черты, как символизм, т. е. отыскивание в видимых явлениях скрытых признаков божественной воли, иерархическое представление о мире, схоластический абстрактно-рационализирующий метод научного мышления, вступающий в борьбу с мистико-аскетическим направлением. Хотя в историографии эта борьба, происходившая на высотах философии, получала очень неравномерное, можно сказать, спорадическое отражение, однако и здесь можно заметить отчетливые признаки поступательного движения. Следуя за рационалистической философией, историческая мысль делает первые шаги, выводящие ее за границы аскетического отношения к миру и религиозно-назидательных задач исторического повествования. Историк втягивается в мирские интересы, определяет свое отношение к событиям не по окостеневшим традиционным схемам, а сознательно, в соответствии со своей классовой природой и партийной позицией. Один порывает с дуалистической и провиденциальной евсевиянско-августиновской концепцией истории (Иоанн Сольсберийский), другой обнаруживает острокритическое отношение к авторитетным источникам (например, Гвиберт Ножанский или Уильям Ньюбургский); многие, не довольствуясь хронологической регистрацией событий, начинают комбинировать факты, устанавливать причинные связи между ними, обращать внимание на предпосылки и мотивы действий масс и отдельных личностей (Гвиберт, Оттон Фрейзингенский, Эадмер, Уильям Мэмсберийский). В ряде работ можно найти и реалистические картины быта, и понимание социально-политической и экономической обстановки, и живые портреты исторических деятелей (Ордерик Виталий, Адам Бременский, Геральд Камбрыйский). Упорядочивается и внешняя форма ряда исторических произведений в связи с их делением на книги и главы, появлением оглавлений, раскрывающих содержание каждой книги; улучшается стиль. Однако эти признаки прогрессивного развития нигде не встречаются в развернутом виде и все сразу; те или другие из них представляют достижения отдельных

¹⁰² U. Balzani. Le cronache italiane..., p. 293. Мнение насчет «беспристрастия» остается на совести автора, но вся предшествующая часть характеристики не возбуждает сомнений. Труды Лизео (Giuseppe Lisio. La storiografia. Milano, s. a.), где дается подробный анализ итальянских хроник, и Дельмонте (Del Monte. La storiografia fiorentina dei secoli XII e XIII. Firenze, 1949) были мне недоступны.

талантливых историков, но они не стали завоеванием целой школы или направления, не были закреплены в каком-либо теоретическом произведении. Поэтому они и не могли стать исходным моментом дальнейшего подъема средневековой историографии, ни нарушить ее характерных, типичных особенностей.

В этом мы убедимся при рассмотрении историографии XIII и XIV вв.

5. ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В XIII в.

Буржуазные медиевисты, увлеченные идеей «Ренессанса XII века», склонны рассматривать XIII столетие как время заметного упадка историографии, так как «лучшие умы» с пренебрежением отворачиваются от «лживых басен историков», чтобы целиком посвятить себя решению проблем натурфилософии на основе Аристотеля и его арабских комментаторов. Иногда это столетие даже сближают с XVIII веком, который имеет репутацию «антиисторического».¹⁰³ Все это является сильнейшим преувеличением. Во-первых, уже в XII в. раздавались жалобы на пренебрежение к «гуманитарным» занятиям. Иоанн Сольсберийский в «Металогикусе» пишет: «Поэты и историографы почитались презренными людьми, и если кто прилежно занимается трудами древних, был на дурном счету и смешон для всех». Еще более резко высказывается Геральд Камбрейский. Большинство увлекается, по его словам, логикой или правоведением. К свободным искусствам снисходят лишь немногие и незначительные люди. Образованность пришла в упадок, а люди, преданные литературным занятиям, вызывают даже ненависть.¹⁰⁴ Во-вторых, несмотря на увлечение в университетах XIII в. натурфилософией, историческая литература продолжала расти и достигла некоторых новых успехов. Правда, философско-теологические обобщения и элементы критики почти исчезают со страниц всемирных хроник, зато сильно развиваются новые жанры исторических произведений — мемуары, монографии, учебники, городские хроники. Правда, среди историков мы уже почти не встречаем высокопоставленных представителей церковной иерархии, хорошо осведомленных в вопросах «высокой политики», зато растет число историков-мирян, в трудах которых заметны признаки секуляризации исторической мысли. Одним из самых прогрессивных моментов, характеризующих историографию XIII в., является частичное вытеснение латинского языка народными языками, благодаря чему исторические знания стали доступны более широким кругам читателей. Интересы последних, а не только инте-

¹⁰³ Особенно резко это выражено у Тоффанина (Giuseppe Toffanin. History of Humanism. N. Y., 1954, p. 24 s.).

¹⁰⁴ Цит. по: П. М. Бицилли. Салимбене. Одесса, 1916, стр. 116, прим. 4.

ресы церкви и крупнейших светских феодалов, начинают влиять на отбор материала, на форму и содержание исторических работ.¹⁰⁵ Историки теперь ставят перед собою как главную задачу сделать свои произведения возможно более занимательными, в связи с чем в них резко возрастает удельный вес легенд, басен, ходячих анекдотов и т. п. Характерно также, что этно-географические описания далеких стран, включаемые в общие исторические труды, заимствуются теперь не столько из античной литературы, как это практиковалось в хрониках XI—XII вв., сколько из «хождения» богомольцев в «святую землю», из отчетов о посольствах и путешествиях монахов и купцов (Плано Карпини, Рубрук, Асцелина, Симона из Сен-Кантена, Марко Поло, его спутника Гильома Триполитанского и др.).¹⁰⁶

Одним из способов популяризации истории становится стихотворная форма повествования, применяемая в XIII в. значительно чаще, чем в предшествующих столетиях, и притом главным образом на народном языке. Авторами стихотворных хроник (*chroniques rimées*) наряду с труверами дворянского происхождения были странствующие певцы — жонглеры, менестрели, шпильманы, выходцы из низших слоев бюргерства, которых церковь стремилась держать под своим контролем и использовать как проводников церковно-феодальной идеологии в народные массы. Этим можно объяснить изменение отношения церкви к данному разряду жонглеров. Если в XII в. Оттон Фрейзингенский называет всех их без различия «членами дьявольского сообщества» (*membra diaboli*), а современные ему богословы приравнивали их, наравне с проститутками, к «слугам Сатаны» (*ministri Satanae*), то в XIII в., согласно авторитетному разъяснению Фомы Аквинского, те жонглеры, «которые воспевают деяния государей и жития святых, давая людям утешение в их горестях», не подлежат церковному преследованию и заслуживают покровительства.¹⁰⁷

¹⁰⁵ См.: Lorenz, I, 1—6.

¹⁰⁶ О донесениях Плано Карпини и Асцелина см.: Potthast, I, 663; Molinier, III, № 2562; о Рубруке («Guilelmus de Ruysbrock, Itinerarium», 1253): Potthast, I, 556; Molinier, III, № 2561; о путешествии Марко Поло: Potthast, I, 765. На русском языке: Джованни дель Плано Карпини. История Монголии. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Пер. А. И. Малеина, ред. Н. Н. Шастиной. М., 1957; о Гильоме, спутнике Николо и Марко Поло: Potthast, I, 560; Molinier, III, № 2563; Guilelmus Tripolitanus, Liber de Statu Saracenorum (1271). К изданиям и литературе, приведенным в указанных справочниках, следует добавить: Historia Mongalorum, viaggia di F. Giovanni da Pian del Carpine ai Tartari. Ed. G. Pullé. Firenze, 1913; Sinica Franciscana, t. I. Itinera et relationes fratrum Minorum saeculi XIII et XIV. Ed. P. Van den Wingaert. Quaracchi, 1928. Другие издания приведены: P. L. Lemmens. Geschichte der Franziskaner Missionen. Münster, 1929; B. Altaner. Die Dominikanermissionen des 13. Jahrhunderts. Habelschwert, 1924; G. Sgarzo. Il papato, l'Europa cristiana e i Tartari. Milano, 1930.

¹⁰⁷ См.: E. Faral. Les jongleurs en France au moyen âge. Paris, 1911; S. J. Browe. Die kirchliche Stellung der Schauspieler im Mittelalter. AKG,

Во Франции, где стихотворные хроники с XIII в. широко распространяются, большой популярностью пользовались «Рифмованная хроника» Филиппа Муска (Mouskes), буржуа из г. Турне. Автор в 31 000 стихов изложил всю историю Франции до 1241 г.¹⁰⁸ В начале XIV в. странствующий поэт (ménestrel de bouche) Гильом Гиард (Guiard) в почти столь же обширной поэме рассказал о деяниях французских королей, начиная от Филиппа-Августа и кончая Филиппом IV. Наиболее подробно изложена война Филиппа IV во Фландрии, в которой автор сам участвовал в качестве сержанта (sergent). Несколько стихотворных хроник написано о крестовых походах, об Альбигойских войнах и проч.¹⁰⁹

На немецком языке жанр стихотворных хроник (Reimchronik) представлен в XIII в. двумя выдающимися произведениями: «Кельнской рифмованной хроникой» и «Австрийской рифмованной хроникой». Автор первой — Гodefрит Хагене, кельнский городской писарь в 1250—1295 гг., написал ее по заказу «господ» Малого совета; она направлена как против кельнского архиепископа, так и против цеховых ремесленников, стоявших в оппозиции правительству патрициата.¹¹⁰ Автором второй хроники был Оттокар из Штирии, мелкий вассал (Dienstmann, Knappe) барона Лихтенштейна. Большая часть из ее 650 глав (83 000 стихов) написана между 1280 и 1295 гг. Этот огромный труд дает историю Западной Европы второй половины XIII в. на основе устных сведений от разных лиц и собственных впечатлений автора. Достоверные исторические данные перемешаны здесь с самыми фантастическими, к сведениям о событиях, происходивших за пределами Австрии, Оттокар относится без всякой критики, доверяет любым слухам. Знаменитый чешский ученый Ф. Палацкий был одним из первых, кто на примере истории Чехии показал, насколько осторожно следует обращаться с данными Оттокара,

Vd. 18, 1928. Оттон Фрейзингенский повторяет в «Хронике», кн. VI, гл. 32, высказывание Августина, ставившего знак равенства между актерами и проститутками (см.: PL, 38, col. 1327); наоборот, Фома Аквинский (цит. по: S. J. B r o w e. Die kirchliche Stellung. . ., S. 250 f.) более благосклонен к тем актерам: «... qui cantant gesta principum et vitas sanctorum et faciunt solatia hominibus in aegritudinibus suis... et non faciunt innumeros turpitudines, sicut faciunt saltatores et saltatrices et alii qui ludunt in imaginibus honestis...».

¹⁰⁸ Molinier, III, № 2522.

¹⁰⁹ О Гиарде см.: Molinier, III, № 2848; о стихотворных хрониках, например: Ambroise. L'estoire de la guerre sainte (поэма, содержащая 12 352 стиха, о третьем Крестовом походе; Molinier, III, № 2331); Chanson de la croisade (история Альбигойских походов 1209—1219 гг. на провансальском языке; Molinier, III, №№ 2433—2434).

¹¹⁰ Lorenz, II, 61—64. К хронике Хагене — «boich van der Steda Colne» — по форме и политической ориентации примыкает другая рифмованная хроника, конца XIV в., «Die Weverslaicht» («Побойще ткачей»), в которой воспевается победа патрициата над ремесленниками, восставшими в 1369—1371 гг. (Lorenz, II, 64 f.).

которого до этого считали одним из самых правдивых историков XIII в.¹¹¹

В Англии и Италии национальный язык еще не стал в XIII в. языком исторических произведений. Те из историков, которые пишут не по-латыни, пользуются французским языком. Учитель Данте Брунетто Латини, автор целой энциклопедии — «Книги сокровища» («Li livres dou tresor»), включающей также разделы «церковной и гражданской истории», счел нужным объяснить читателю, почему он, флорентинец, написал свой труд на французском языке: «Этот язык более приятен и более понятен всем людям» («Cette parole est plus delitable et plus commun à toutes gens»). Почти теми же словами характеризуют французский язык венецианский хронист Мартино да Канале и Данте.¹¹²

Что касается английских хронистов, то они предпочитают латынь; но англо-нормандские историки и поэты, начиная от Васа (Wace) во второй половине XII в. и кончая анонимным автором «Лондонской хроники» за 1259—1343 гг., пишут по-французски, т. е. на языке англо-нормандской аристократии.¹¹³ Как известно, только со времени Столетней войны английский язык вытеснил французский и отчасти латынь из суда, законодательства и литературы, в том числе исторической.

После четвертого крестового похода (1202—1204) появляется во Франции новый вид исторических произведений, написанных французской прозой, — мемуары. Самое раннее из таких произведений и наиболее ценное по своим литературным достоинствам — это «История завоевания Константинополя», написанная одним из виднейших участников и организаторов четвертого похода Жоффруа де Виллардуэном, маршалом Шампани. Отклонение направления крестового похода, взятие и разграбление византийской столицы, основание Латинской империи и ряд других скандальных событий, которыми сопровождалось или которые явились следствием этого предприятия, произвели много шума в Европе. Его руководителей, забравших себе львиную долю земель и добычи, награбленной в Византии, обвиняли в интригах, в предательстве «христианских интересов», в подкупности и проч. Отзвуки этих обвинений сохранились в тех частях «Заморских историй» («Histoires d'Outremer», или «Livre d'Outre-

¹¹¹ Lorenz, I, 242—252; F. Palacky. Geschichte Böhmens, II, Abt. 1. Prag, 1837, SS. 380—388. Лучшее издание: Ottokars österreichische Reimchronik. Hrsg. von I. Seemüller. MG, Deutsche Chroniken, Bd. V, Teil 1—2, 1890—1893. См.: Pothast, II, 888.

¹¹² А. О в е т т. Итальянская литература. Пер. проф. С. И. Соболевского. М., 1922, стр. 24. Ср. слова Мартино да Канале (U. Balzani. Le chronache italiane. . ., p. 280 s.): «Lengue francese cort parmi le monde et est la plus delitable à lire que nule autre».

¹¹³ У Гросса (Gross, №№ 1859, 1795, 1734, 1778, 1763) приведены некоторые английские хроники XII—XIV вв., написанные на французском языке. Ср.: Molinier, III, №№ 2217, 2271, 2331, 2335 и др.

mer»), которые принадлежат некоему Эрнулю, а также в «Истории завоевателей Константинополя» («l'Estoire de chiaus qui conquissent Constantinoble»), написанной около 1216 г. участником похода мелким пикардийским рыцарем Робертом де Клари.¹¹⁴

Виллардуэн продиктовал (после 1207 г.) свои мемуары с явной целью обелить себя и других вождей крестоносцев от всяческих упреков и обвинений. Одни факты он искажил, другие, о которых ему не могло быть неизвестно, скрыл и, таким образом, представил действия руководителей похода в самом благоприятном свете.¹¹⁵ Таковы выводы серьезной научной критики. Эдмон Фараль пытался их опровергнуть и в то же время поставить под сомнение ценность показаний Эрнуля и Роберта де Клари, но его соображения большей частью совершенно неубедительны. Все это, конечно, не мешает признанию произведения Виллардуэна замечательным памятником французской прозы XIII в.¹¹⁶

В последней четверти того же столетия начал писать свои мемуары Жан де Жуанвилль (1225—1317), сенешал графства Шампанского, участник первого крестового похода Людовика IX 1248—1254 гг. Это простодушный рассказ очень наблюдательного феодала о самом себе и своих впечатлениях в Египте, о битвах, о пребывании вместе с королем в плену у турок после разгрома французского войска. Впоследствии Жуанвилль дополнил свои мемуары несколькими анекдотами о Людовике IX, с которым он очень сблизился во время похода и плена, включил обширные отрывки из «Больших французских хроник», относящиеся к деятельности этого короля, так появилась «Книга святых слов и добрых деяний святого Людовика» («Le Livre des saintes paroles et des bonnes actions de saint Louis»), которая при всех недостатках — длиннотах, повторениях, противоречиях в некоторых деталях — принадлежит к числу интереснейших произведений светской феодальной историографии XIII в.¹¹⁷

¹¹⁴ Molinier, V, p. CXXIV—CXXVII; III, № 2351. Особенно интересны простодушные записки Роберта де Клари, человека мало образованного, но дающего живое описание взятия Зары, осады Константинополя, грабежа города и раздела добычи. В главе LXXX де Клари жалуется, что бароны все респали на своих «тайных совещаниях» и «предавали мелких рыцарей».

¹¹⁵ Molinier, III, №№ 2348—2350; V, p. CXXVI sqq. Лондон (J. Longnon. Recherches sur la vie de Geoffroy de Villehardouin. Paris, 1939) не затрагивает вопроса о достоверности этого автора.

¹¹⁶ Edmond Faral. Geoffroy de Villehardouin. La question de sa sincérité. RH, t. CLXXVII, 1936, mai—juin. Можно признать только одно — что Виллардуэн фальсифицирует историю 4-го крестового похода несравненно более тонко, чем, например, упоминавшийся выше (см. гл. вторую, стр. 99) венецианец Мартино де Канале, который, стремясь обелить Энрико Дандоло и все правительство Венеции, прибегает к самой грубой лжи.

¹¹⁷ Лучшим изданием мемуаров и других произведений Жуанвилля остается роскошно оформленная публикация: M. Natalis de Wailly. Jean sire de Joinville. Histoire de saint Louis. Credo et Lettre à Louis X. Texte original, accompagné d'une traduction. Paris, 1874. Прочие издания, литература и общая характеристика: Molinier, III, № 2537; V, p. CXXVII s.; Pott-

Как уже упоминалось (см. стр. 152), к концу XIII в. возникают «Большие французские хроники», представляющие серию произведений, параллельных латинским хроникам аббатства Сен-Дени. Основу французской серии положил монах этого аббатства Прима, который в 1274 г. представил королю Филиппу III обширную компиляцию из старых латинских хроник на французском языке. Жуанвилль для своей биографии Людовика IX использовал эту компиляцию, которую он цитирует под названием «*Romant des rois*». Ее дополнили и продолжили другие авторы, из которых наиболее известен монах из Сен-Дени Гильом де Нанжи. Эти дополнения идут непрерывно вплоть до времени Людовика XI; так образовался обширный национальный летописный свод, который пользовался во Франции большим влиянием как в силу своего официального характера, так и благодаря доступности сравнительно широким кругам читателей.¹¹⁸

Сен-Дени являлся в XIII—XV вв., по выражению Молинье, настоящей «лабораторией национальной историографии». В Англии того же периода аналогичную функцию выполняло Сент-Албанское аббатство (в 32 км от Лондона), с тою лишь особенностью, что оно работало не столько в интересах королевской власти, сколько в интересах церкви и крупных английских феодалов. Кроме того, хронисты Сент-Албанской «исторической школы» в отличие от своих французских собратьев не ограничивались историей своей страны; серия их хроник по содержанию представляет собою не только национальную, но и всемирную хронику.

Такая всемирная хроника, типичная монашеская компиляция, заключавшая обзор «от сотворения мира», существовала в Сент-Албансе уже к концу XII в. Она послужила основой для «Цветов истории» («*Flores historiarum*») Роджера Уэндовера (ум. в 1236 г.), первого известного нам Сент-Албанского историка. «Цветы истории» примерно до 1200 г. представляют просто собрание выписок из более ранних произведений, но затем вплоть до 1235 г. следует самостоятельный рассказ хрониста о современных ему событиях, являющийся главным источником для истории Англии данного периода.

Хроника Уэндовера получила в Англии широкое распространение, сохранилось много копий и продолжений ее, выполненных в ряде других монастырей. После смерти этого хрониста аббат Сент-Албанса поручил Матвею Парижскому (Mattheus Paris, ум. 1259)¹¹⁹ пересмотреть, дополнить и продолжить «Цветы ис-

hast, I, 679—681; Jean Joinville. Life of St Louis. Translated by René Hague. N. Y., 1955 (введение написано главным образом на основании статей Гастона Пари — Hist. litteraire, v. XXXII, pp. 291—459, и Сент-Бева — Causeries de lundi, v. VIII, pp. 396—424).

¹¹⁸ Molinier, III, №№ 2530, 2531, 2536; V, pp. CX—CXIII.

¹¹⁹ Заметим, что Paris — это не кличка, данная Матвею ввиду того, что он учился в Париже, как утверждает Томпсон (Thompson, 277), а фа-

тории». Результатом его работы явилась огромная по объему «Большая хроника» («Chronica maiora», или «Historia maiora Angliae»), в которой последние два с половиной тома, т. е. половина всего труда, полностью написанные Матвеем, охватывают период 1235—1259 гг.

Хотя Матвей Парижский оставил в неприкосновенности текст своего предшественника все традиционные монашеские басни, рассказы о знамениях и чудесах, но он придал изложению более живой характер, дополнил его данными о делах Германии, Италии, Франции, Испании, Венгрии, Византии, стран Востока, собирая информацию из самых разнообразных источников. Король и другие высокопоставленные лица, весьма заинтересованные в его труде, снабжали его сведениями и документами, что не помешало Матвею Парижскому проявить в оценке их деятельности известную независимость суждений.

Сделанное самим автором извлечение из «Большой хроники», так называемая «Малая история» («Historia minor») за 1067—1253 гг., включает и некоторые новые материалы и оценки.

Отражая настроения сент-албанского руководства, Матвей Парижский в обоих произведениях возмущается назначениями иностранцев на высокие должности в церкви, расточением английских богатств, продажной папской курией, притеснениями, которые испытывало и от нее, и от английских королей духовенство.

Он страстный защитник привилегий бенедиктинских монастырей и их аббатов, принадлежавших по своему социальному положению к высшему слою феодальной знати — к «великим баронам Англии». На страницах «Большой хроники» он ведет борьбу против сторонников монастырской реформы, особенно против Линкольского епископа Роберта Гросстеста, которому он не прощает ни вражды к феодальной аристократии, ни его низкого социального происхождения (II, 528). Как идеолог английских баронов Матвей выступает и против притязаний английских королей на неограниченную власть. Его возмущают попытки Генриха III распространить обложение налогами на лордов. Он напоминает Генриху III, что он «король милостью баронов» (III, 384). Английское королевство и английская знать (totius Angliae nobilitas) — для него понятия тождественные (III, 380). На обеих хрониках лежит печать незаурядной личности автора, его горячего интереса к любым явлениям жизни, его любви к истории. О том же свидетельствуют выполненные им самим карты и рисунки, иллюстрирующие текст «Большой хроники». Матвей Парижский был не только самым выдающимся средневековым английским историком, но и талантливым «иллюминатором».¹²⁰

милые имя; Mattheus Parisiensis, Matthew of Paris стали писать позже, по недоразумению.

¹²⁰ Gross, №№ 1830, 1864; Potthast, I, 778; Claude Jenkins. The Monastic chronicler...; V. H. Galbraith. Roger Wendover and Matthew

Продолжатели Матвея Парижского не поднимаются выше посредственности, исключая, может быть, одного из самых поздних представителей Сент-Албанской «исторической школы» — Томаса Уолсингема (ум. ок. 1422), давшего подробный отчет о событиях 1377—1422 гг., в том числе о восстании Уота Тайлера.¹²¹ Тем не менее вся продукция этой «школы» оказала, как отмечает проф. В. Х. Гэлбрэт, «большое... влияние на современную (буржуазную, — О. В.) интерпретацию нашей (английской — О. В.) средневековой истории».¹²²

Ничего похожего на Сен-Дени и Сент-Албанс не могло возникнуть в Германии, в которой после падения Гогенштауфенов, с середины XIII в., все более углубляется процесс феодального политического раздробления. Единственным достижением этой страны в области национальной историографии явилась в XIII в. «Саксонская всемирная хроника», на средне-нижненемецком языке, автором которой был, вероятнее всего Эйке фон Репгове, составитель известного «Саксонского зеркала» («Sachsenspiegel»)¹²³

«Саксонская хроника» в прозе, как и рифмованная хроника Оттокара Штирийского, получила распространение по всей Германии и в течение ближайших столетий определяла исторические представления немецких читателей. Что касается ранних городских рифмованных хроник, упоминавшихся выше, то они не давали материала, выходящего за рамки политической жизни данного города. Они являлись только слабыми предвестниками нового вида — бюргерской исторической литературы, достигающей расцвета в XV—XVI вв. Латинские же хроники, выродившиеся в Германии XIII в. в мелкие и строго локальные монастырские анналы, для «большой историографии» не имели никакого зна-

Paris. Glasgow, 1944; В. А. Бильбасов. О документальных источниках хроники Матвея Парижского. Киевск. унив. изв., 1867, № 4, стр. 1—25; Richard Vaughan. Matthew Paris. Cambridge, 1958. Последний труд представляет наиболее полное и тщательное исследование всех произведений Матвея Парижского. Здесь показано, между прочим, как этот хронист в интересах своей аристократической тенденции фальсифицирует документы, отмечены и другие приемы извращения исторических фактов и портретов (например, портрет Генриха III в «Chronica Maiora» определяется как «злая карикатура»). Однако Воган заходит слишком далеко, третируя Матвея как ханжу и фанатика (bigot) и видя в нем «не крупнейшего историка своего времени, а только простого любителя новостей (quidnunc)», собирателя анекдотов или сплетен (см. там же, особенно стр. 151—152).

¹²¹ Gross, № 1861. Его труд носит название «Английская история» («Historia Anglicana»). Он же написал компилятивную историю Нормандии («Memorials of Normandy») и «Деяния Сент-Албанских аббатов».

¹²² K. H. Galbraith. Roger Wendover...; R. Vaughan. Matthew Paris, p. 154—158.

¹²³ Такова точка зрения К. Цоймера (K. Zeumer. Eike von Repgove. Festschrift für H. Brunner. Weimar, 1910), принятая и Хауком (A. Hauck. Kirchengeschichte Deutschlands, Bd. 4, Leipzig, 1913). См. также отзыв: S. Rietschel. HZ, Bd. 109, H. 2, 1912, S. 346.

чения. Можно поэтому только удивляться словам Б. Шмейдлера знатока средневековой литературы: «Великая немецкая историография IX—XIII вв. превосходит историографию других народов по ценности и историко-государственному содержанию».¹²⁴ Это утверждение, несправедливое даже для периода X—XII вв., когда церковно-феодалная историография в Германии достигла своего «потолка», является совершенно неправильным по отношению к XIII в.

В итальянской исторической литературе XIII в. главное место заняли городские хроники, уже чисто светские по характеру хотя еще обнаруживающие на себе сильное влияние церковно-феодалной исторической мысли. Отклонившись от первоначального типа кратких и сухих городских анналов, они становятся теперь более привлекательными по форме и богаче по содержанию. Особенно ярко и живо отразилась в них борьба партий гвельфов и гибеллинов, социальная борьба в рамках не только одного города, но и целой области. Такова, например, хроника Роландина из Падуи (ум. 1276), магистра грамматики и реторики, доктора Болонского университета.

Сын нотариуса Падуи и сам нотариус, Роландин использовал заметки своего отца и собственные записи для написания хроники важнейших событий конца XII—первой половины XIII в. в Тревизской марке (северо-восточный угол Аппенинского п-ова, от г. Удине до г. Падуи на юге). История родного города, естественно, стоит в центре его повествования. Особенно много внимания уделено времени правления жестокого тирана Эццелино да Романо III (1215—1259), главы гибеллинской партии в Ломбардии. Роландин превосходно передает обстановку террора, установленного последним в завоеванных им городах Тревизской марки. Хроника Роландина, как и все подобные произведения, проникнута горячим местным патриотизмом. Падуя для хрониста — «второй Рим». Как и Рим, она цвела свободой и доблестями своих граждан, пока не подпала под иго жестокого тирана (*Liber chronicorum*, 137). В уста венецианского посла Роландин вкладывает речь, в которой Тревизская марка во главе с Венецией восхваляется как лучшая земля на свете; «в почитании бога и св. церкви, в доблести и талантах граждан, в богатстве и могуществе с нею не может сравниться ни одно государство» (там же, стр. 51).

По окончании своего труда в 1262 г. Роландин публично читал его в Падуанском университете в присутствии «докторов, магистров, бакалавров и схоларов» и удостоился единодушного одобрения.¹²⁵

¹²⁴ B. Schmeidler. *Geschichtsschreibung*...

¹²⁵ Potthast, II, 984; Rolandinus Patavinus. *Liber Chronicorum sive Memoriale temporum de factis in Marchia et prope marchiam Tarvisanum*,

Авторы многих других хроник в отличие от Роландина излагают историю своих городов с самого их основания. В этих историях преобладает легендарный материал, взятый из устного предания и украшенный сверх того «учеными» домыслами хрониста. Так, например, первая хроника Венеции, составленная в 60—70-х годах XIII в. магистром Мартино да Канале, открывается сообщением о мифическом переселении в Италию беглецов из Трои, якобы положивших основание городу на лагунах. До 1200 г. подобных легенд у него так много, что Уго Бальцани характеризует эту часть хроники как «настоящий роман». Однако и после названной даты Мартино дает немало сомнительных или просто неверных сведений; только для периода 1250—1275 гг. у него имеется ряд интересных деталей. Хроника Мартино да Канале, посвященная дожу Венеции и написанная на французском языке, «который распространен по всему свету», предназначалась, вероятно, для популяризации в чужих странах Венеции и ее политики. На это, в частности, указывает насквозь лживая венецианская версия истории четвертого крестового похода, официальное происхождение которой не вызывает сомнений.¹²⁶

Немногом лучше первая хроника Флоренции (по 1231 г.), автор которой, судья Санцаноме (т. е. безымянный), пустил в оборот немало басен о возникновении и древнейшем периоде истории этого города.¹²⁷ В конце XIII в. Толомео из Лукки, ученик Фомы Аквинского, поставил своей задачей расширить рамки истории Флоренции включением материалов, относящихся ко всей Тоскане (за 1080—1278 гг.), но не успел их обработать.¹²⁸

Выше всех городских и областных историков XIII в., судей или нотариусов, ничего не видящих за пределами городских стен и большей частью довольствующихся сухой регистрацией событий, стоит францисканский монах Салимбене из Пармы (1221—ок. 1289). Хотя больше всего места он уделяет городам Модене,

libri XII. Сноски сделаны по изд.: MG SS, XIX; U. Balzani. *Le cronache italiane*...; П. Бицилли. Салимбене, стр. 70—76, 137; RIS, VIII, parte I.

¹²⁶ Potthast, I, 183 f.; Martino da Canale. *La cronica dei veneziani dall'origine della città*; Ugo Balzani. *Le cronache italiane*...; Прост (A. Prost. *Les chroniques Vénitiennes*. RQH, v. 31, 1882, pp. 524—526) дает чисто формальное описание хроники Мартино да Канале, как и других венецианских хроник XI—XV вв. До конца XIII в. все хроники составлялись на латинском языке. Любопытный отрывок из Пролога хроники Марка (конец XIII в.), приведенный Простом («Ego utique Marcus perlegens quasdam veteres ac recentes ystorias que, quamvis sermonico Gallico scripte forent, tamen paucis in voluminibus compilate de facili a memoria prolabi potuissent...»), вряд ли может служить доказательством существования других венецианских хроник на французском языке, а относится к «историям» одного да Канале.

¹²⁷ Potthast, II, 999; Sanzanome [iudex] Florentinus. *Gesta Florentinorum* (1125—1231); Wattenbach, II, 326.

¹²⁸ R. Davidsohn. *Forschungen zur Geschichte von Florenz*, Bd. III—IV. Berlin, 1908; то же: *Arch. St. it.*, V, t. 45, № 1 ff., 1910;

Парме, Реджио и Болонье, а также борьбе группировок внутри францисканского ордена, но его интересы распространяются на всю Италию. Дело здесь не только в том, что этот типичный монах-бродяга, проведший жизнь в странствованиях по городам и монастырям родной страны и даже за ее пределами, чужд местного патриотизма. Широта его политического кругозора является, несомненно, следствием зарождения во второй половине XII в. общеталийского национального чувства. Ведь сам фра Салимбене, человек весьма средний по уму и образованию, пропитанный монашескими и феодальными предрассудками, к тому же сплетник и чревоугодник, вряд ли выражал свои собственные, оригинальные, им самим продуманные политические взгляды. А между тем у него много метких суждений о событиях с позиции итальянского патриота. Он относится с презрением к обеим партиям — гвельфов и гибеллинов, борьба которых стояла в центре всей политической жизни страны в целом и каждого ее города в отдельности. Салимбене обе партии обвиняет в беспринципности, в жажде неограниченного господства, в нежелании искать путей к примирению. Результатом кровавых раздоров внутри господствующего класса автор считает упадок Италии, ее бессилие. Салимбене оплакивает такое положение страны, как это впоследствии с еще большей силой сделал Данте. Но в отличие от последнего у Салимбене главным виновником раздоров выступает чужеземец, «так называемый» император (*Cronica fratris Salimbene*, 380, 591). Еще резче его национальное чувство выражено там, где идет речь о межгородских расприх. Под 1284 г., рассказывая о войне между Пизой и Генуей, он заканчивает описание морского сражения между флотами обеих республик следующими словами: «Кто может без скорби и великих рыданий поведать о том, как оба эти благородных города, из коих и нам, итальянцам, доставлялось много всевозможных продуктов, взаимно разрушили друг друга, желая одолеть один другого из одного лишь честолюбия и суетного стремления к славе, как будто моря не хватает для всех плавающих».¹²⁹

B. Schmeidler. 1) Studien zu Tholomeus von Lucca. NA, Bd. 33, 1907—1908, SS. 285—343; 2) Annales seu Gesta Tuscorum des Tholomeus. NA, Bd. 34, 1908—1909, SS. 723—756; Bd. 36, 1910—1911, SS. 157—199. Новейшее изд.: Tolomeo Fiadoni di Lucca. *Historia ecclesiastica*. MG SS rer. Germanic., nova series, Berlin, 1930, v. 8; см. введение Б. Шмейдлера, который подчеркивает, что для этого автора определяющим фактором истории церкви является папство. Ср.: Harald Zimmermann. *Ecclesia als Objekt der Historiographie*. Wien, 1960 (Osterreichische Ak. d. Wissensch. Philosoph.-Hist. Klasse. SB, Bd. 235, Abh. 4).

¹²⁹ *Cronica fratris Salimbene de Adam*, p. 534: «Quis enim sine tristitia et magno fletu referre potest... qualiter ille due nobiles civitates, ex quibus nobis Italicis omnium honorum copia veniebat, mutuo sunt destructe ex ambitione tantum et pompa et vana gloria, qua una aliam superare volebat, quasi mare navigantibus non sufficeret? (разрядка моя, — О. В.)».

Хроника Салимбене стоит особняком в исторической литературе XIII в., представляя собою своеобразное сочетание всемирной хроники, городской хроники, мемуаров и сборника исторических примеров для проповедников — *exempla*. Что касается последнего, то хроника отражает проповедническую практику францисканцев, будучи написана латинским разговорным языком, понятным итальянцу XIII в., живым и образным, пересыпанным поговорками, пословицами, песенками, которыми народ откликался на события, поразившие его воображение. Для стиля Салимбене характерно также необычайно щедрое использование цитат из Библии, приводимых почти на каждой странице то в качестве исторических обобщений, то в качестве назидательных выводов, то как «доказательство» истины.

Салимбене как историк очень легковерен; он с удовольствием подхватывает любые слухи, сплетни, анекдоты, хотя, если верить его словам, он непримиримо относился к недостоверным данным своих предшественников и «выбросил из [их] хроник... извращения, обманы, лживые сведения и противоречия» (там же, 217).

Хроника Салимбене ценна как исключительно богатый источник политической и культурной истории Италии и отчасти Франции XIII в. Но ее значение для развития средневековой историографии равно почти нулю, так как она до конца XVIII в. оставалась в сущности неизвестной, будучи погребена в архиве одного из францисканских монастырей. Ее, очевидно, никто не переписывал, и она дошла до нас в одной единственной авторской рукописи, значительная часть которой к тому же оказалась утраченной. Нужно думать, что чрезмерная болтливость Салимбене, его подчас едкие отзывы о власти имущих, его былые иоакимитские симпатии (о чем упоминалось в гл. второй), его простодушная откровенность (как, например, в рассказе о двух монахах, которые уговорились «сделать чудо» в праздник пасхи), — все это не могло прийти по вкусу орденскому начальству.¹³⁰

Салимбене было тем более легко отвергнуть и предать забвению, что он являлся далеко не единственным историком из среды францисканцев. К концу XIII в. существовала уже довольно обширная и разветвленная францисканская литература, включавшая биографии основателя и главы ордена и его преемников, воспоминания и очерки истории распространения ордена за пределами Италии, историю раскола ордена и борьбы внутриорденских тече-

¹³⁰ *Cronica fratris Salimbene de Adam ordinis minorum*. MG SS, XXXII; по этому образцовому изданию О. Холдер-Эггера приведены цитаты. Об авторе хроники см. предисловие (*Praefatio Cronicae*), написанное Б. Шмейдлером; П. М. Бицилли. Салимбене; О. Holder-Egger. *Zur Lebensgeschichte des Bruders Salimbene de Adam*. NA, Bd. 37, 1911—1912, SS. 163—218; Bd. 38, 1912—1913, SS. 469—481; A. Dove. *Lombardische Chronisten des 13. Jahrhunderts*. HZ, Bd. 111, 1913, SS. 1—4. Прочая литература приведена в предисловии Б. Шмейдлера.

ний.¹³¹ Францисканцы выступали в качестве авторов и общих исторических трудов. Среди последних самое видное место по распространности и влиянию занимают «Цветы времен» («Flores temporum») Мартина Минорита (или, по некоторым данным, другого францисканца — Германа Генуэзского). Составитель этой обширной исторической компиляции сам указывает цель, которую он преследовал, — снабдить францисканского монаха материалом для проповедей. «Когда я говорю в своей проповеди перед народом, — читаем мы в прологе к «Flores temporum», — что сегодня столько-то лет со дня смерти такого-то святого, то необходимо хронологически точно провести всю линию исторических событий». Автор хочет рассказать о папах и их постановлениях и осветить события времен римских императоров «не для их восхваления, но ради славы и чести современных им святых, которые цветут словно небесные розы и райские лилии среди шипов царей земных».¹³²

«Цветы времен», имевшие сравнительно ограниченное назначение, были скоро оттеснены на второй план произведением Мартина из Опавы (нем. Toppau), чешского доминиканца и папского капеллана, умершего в 1278 г. в должности архиепископа Гнезненского (отсюда, возможно, его прозвище «Polonus»). Его «Хроника пап и императоров» («Chronica pontificum et imperatorum») на протяжении нескольких веков являлась авторитетнейшим источником исторических сведений для большинства образованных людей, особенно для богословов и юристов.

Хроника Мартина Оповского сохранилась в бесчисленном количестве рукописей и положила основание как бы нового жанра хроник, получившего по имени автора прототипа название «мартиниановских хроник» (chronice martiniane).¹³³ В XIV—XV вв. ее неоднократно переделывали, дополняли и переводили на национальные языки — чешский, немецкий, французский, итальянский и др.

Произведение Мартина Оповского — это сухой учебник, в котором центральное место занимают списки всех пап и императоров, нередко с указанием ошибочных дат и столь же ошибочных или легендарных сведений о событиях, относящихся к правлению каждого из них. Из Готфрида Витербского, Джоффри Монмаутского и других столь же недостоверных хронистов Мартин позаимствовал немало басен и легенд. Подбор материала и оценки исторических фактов выдержаны в ортодоксальном, инквизитор-

¹³¹ Таковы, например: Th. de Celano. S. Francisci vita et miracula; S. Bonaventura. Legendae duae de vita S. Francisci; Actus S. Francisci et sociorum eius; A. Clarenus. Historia septem tribulationum; Th. de Eccleston. De adventu fratrum Minorum in Angliam; Jordani. Chronica (о появлении миноритов в Германии), и мн. др.

¹³² Цит. по: Lorenz, II, 64.

¹³³ Lorenz, I, 3.

ски-доминиканском духе. Это обстоятельство, а также строгая систематичность изложения, параллельно дающего историю «церковную» и историю «гражданскую» и, следовательно, облегчающего наведение справок, сделали хронику Мартина в глазах церковной иерархии образцовым историческим произведением. Таковы причины ее исключительного и совершенно незаслуженного успеха.¹³⁴

Таким же большим и, пожалуй, столь же незаслуженным успехом пользовалась до XVI в. другая доминиканская компиляция — «Историческое зеркало» («Speculum historiale») Винцента из Бовэ. Оно составляет третью часть обширного труда, которому автор дал название «Большое зеркало» («Speculum maius»); оно известно так же как «Тройное зеркало» — «Speculum triplex»). Первые две части «Большого зеркала» посвящены естествознанию («Speculum naturale») и богословию («Speculum doctrinale»). Все три части образуют в совокупности нечто вроде энциклопедии, дающей ясную картину всей суммы знаний, которыми располагали образованные люди к середине XIII в. Этим определяется культурно-историческая ценность произведения Винцента из Бовэ.¹³⁵ По существу же это не более, как довольно грубая компиляция необычайно начитанного и трудолюбивого монаха, поражающая своими огромными размерами.

Метод работы Винцента можно проследить по «Историческому зеркалу». Имея звание придворного чтеца (лектора) при Людовике IX, он получил доступ к большому собранию рукописей королевской библиотеки; с помощью других монахов он сделал из многих десятков, если не сотен, исторических сочинений обширные выписки, расположил их в весьма приблизительном хронологическом порядке, наконец, связал их своими дополнениями или просто соединительными фразами в некое единство — «всемирную хронику» от «сотворения мира» до середины XIII в. Следуя примеру одной из использованных им всемирных хроник — хроники Гелинанда (Helinandus — бывший трувер, затем цистерцианский монах, ум. 1227), Винцент добросовестно указывает свои источники, а собственным дополнениям предпосылает слово «автор». Это нововведение было первым проявлением систематического отделения цитат от собственного текста, развившегося

¹³⁴ Molinier, III, №№ 2795, 2796; Поттхаст (Potthast, I, 771—772) приводит список важнейших рукописей, печатных изданий XV—XVII вв. и переводов «Хроники пап и императоров» на национальные языки.

¹³⁵ Общую характеристику и анализ «Speculum maius» дает Тэйлор (H. O. Taylor. The mediaeval mind. A history of the development of thought and emotion in the Middle Ages. Vv. 1, 2. N. Y., 1911; ed. 5—1949). О размерах компиляции Винцента дают представление следующие цифры, приведенные Ульманном (см. прим. 136): «Speculum naturale» насчитывает 1 260 000 слов, «Speculum doctrinale» — 770 000, «Speculum historiale» — 1 230 000; в XIV в. сюда была присоединена неизвестным составителем еще одна часть — «Speculum morale», насчитывающая 850 000 слов.

в XV—XVI вв. в «ученый аппарат» сносок и примечаний. В остальном «Историческое зеркало» содержит мало оригинального. Даже о своем времени Винцент не сообщает почти никаких данных, которых нельзя было бы обнаружить в других источниках. Тем не менее его компиляция послужила источником для Гильома из Нанжи и ряда других писателей. В XIV в. «Историческое зеркало» было переведено на французский язык и издано с многочисленными миниатюрами. Наряду с этим обширным произведением в обращении находился и значительно сокращенный самим автором текст, которому он дал название «Дневник времен» («Memoriale temporum») и который он включил в первую часть своего «Большого зеркала».

Вся энциклопедия Винцента из Бовэ, и особенно ее историческая часть, неоднократно дополнялась, переиздавалась в рукописных копиях и в печати, переводилась в XIV в. на французский, каталанский, голландский языки и начиная с 1472 г. выдержала множество изданий.¹³⁶

Третьим выдающимся произведением доминиканской историографии являются «Цветы хроник» («Flores chroniconum») Бернарда Ги, инквизитора в Тулузе, позже епископа Лодевского (ум. 1331). «Цветы хроник», иначе называемые также «Каталогом пап и императоров», по построению и общему характеру немногим отличаются от хроники Мартина Опавского, но содержат более точные сведения. Французский доминиканец обладал большими критическими способностями и склонностью к преимущественному использованию документов. Развитию этих способностей и склонностей, нужно полагать, содействовал его многолетний инквизиторский опыт сыска и расследования дел заподозренных в катарской ереси. В ряде других произведений, особенно по истории деятельности доминиканцев и организации их монастырей, Бернард Ги весьма добросовестно собрал во славу своего ордена и католической церкви материал, вполне достаточный, по словам Молинье, для того, чтобы осудить на его основании не «еретиков», а саму инквизицию.¹³⁷

¹³⁶ Potthast, II, 1095—1096. Vincentius Bellovacensis. 1) Speculum historiale, libri XXXI; 2) Memoriale omnium temporum; Molinier, III, №№ 2524—2527; V, pp. CXVII—CXIX; к указанной у Поттхаста и Молинье литературе следует присоединить: B. L. U l m a n n. A project for a new edition of Vincent of Beauvais. Speculum, v. 8, № 1, 1933, pp. 312—326. Опираясь на авторитет Саббадини и Гребера, Ульманн рассматривает этого доминиканского монаха как предтечу итальянских гуманистов XIV в. Мы увидим, что подобный взгляд основан на извращенном понимании гуманизма и итальянского Возрождения. Ср. также наш вывод об Иоанне Сольсберийском как «предтече Ренессанса и гуманизма» (стр. 168 и прим. 65).

¹³⁷ Potthast, I, 150—152; Молинье (Molinier, V, pp. CXIX—CXX; III, № 2511) считает Б. Ги «первоклассным историком» по точности приводимых им данных и по великолепной осведомленности. Лучшее исследование «Flores chroniconum» и других трудов Бернарда Ги дал Делиль

Хотя в произведениях некоторых францисканцев (Салимбене) и доминиканцев (Бернард Ги) имеются значительные элементы объективного отражения исторической действительности (разумеется, в границах, предписываемых монашески-аскетическим мировоззрением), однако исторические труды нищенствующих монахов в целом по методу работы, задачам, построению, литературной форме представляют шаг назад по сравнению с хрониками лучших авторов XII в.

Прогрессивные моменты в историографии XIII в. выражаются не в единичных случаях применения критики, а в быстром росте литературы на национальных языках, распространении исторических знаний и уже начавшейся (особенно в городских хрониках) секуляризации истории.

(L. Delisle. 1) Notice sur les mss. de Bernard Gui. Notices et extraits des mss., t. XXVII, 2, Paris, 1879, pp. 169—455; 2) Mémoires sur les ouvrages de Bernard Gui. Mémoires de l'Ac. des inscriptions, 1877, juin-août).

Глава пятая

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛЬНО-ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ. ПЕРИОД РАЗЛОЖЕНИЯ И УПАДКА (XIV—XV вв.)

С XIV в. наиболее экономически развитые страны Европы вступают в полосу затяжного кризиса, знаменующего начало разложения в этих странах феодального способа производства.

Дробление феодальных поместий и уменьшение их доходности; отчуждение феодальной ренты в качестве самостоятельного объекта собственности и переход последней, нередко вместе с самими поместьями, в недворянские руки; обеднение значительных слоев дворянства и резкое повышение социального веса «денежных людей», купцов и банкиров; первые проявления капиталистического предпринимательства, зарождение капиталистической мануфактуры в одних странах (Италия, Фландрия) и экономический застой в других (Англия, Франция) — все это явные признаки экономического кризиса феодализма.¹

Даже феодальная поэзия отразила этот кризис. Дворянские поэты XIV—XV вв. видят в деньгах первопричину всех бед своего класса. Их стихи проникнуты пессимизмом, горечью, презрением к богатым бюргерам, которых они неизменно называют «подлыми» (vilains).²

Во Франции, Фландрии, Англии экономический кризис был усугублен Столетней войной, а во всей Европе в целом, сверх того,

¹ Проблеме кризиса феодальной экономики посвящено за последние годы большое число произведений. Их обзор и критика постановки этой проблемы в буржуазной историографии даются в статье: E. A. Kosminsky. Peut-on considérer le XIV et le XV siècles comme l'Époque de la Décadence de l'Économie Européenne? В кн.: Studi in onore di A. Saporì. Milano, 1957, p. 553 sqq.; см. также сб.: Средние века, вып. 10, 1957, стр. 257—271.

² J. Huizinga. Le déclin du Moyen Age. Paris, 1948, passim; K. Smith. Die Augsburgische Chronik des Burkard Zink. München, 1958, S. 72.

эпидемиями Черной смерти в 1348—1350, 1362 и следующих годах, вырвавшими главным образом из рядов непосредственных производителей миллионы жизней и вызвавшими временный упадок производительных сил, истощение крестьянского хозяйства, сужение рынка.

Кризис феодальной экономики повлек за собою кризис социальный: в деревне и городе обостряются классовые противоречия, поднимаются вооруженные восстания крестьян против феодальных сеньоров, мелких городских ремесленников и наемных рабочих — против патрициата, богатого купечества, привилегированных цехов.³

Наконец, для всей католической Европы имел большое значение кризис церковной организации во главе с папством. Сначала «Авиньонское пленение» пап, затем так называемая «великая схизма» в католической церкви, наконец, соборное движение первой половины XV в. — все это распатало влияние высшей церковной иерархии и ослабило позиции папской курии, открыв дорогу распространению ересей — фратичелли в Италии, бегардов в Германии и Франции, лоллардов в Англии, гуситов в Чехии.

Церковно-феодальная организация была атакована не только народными ересями, но и представителями передовой философской мысли. В Англии Дунс Скотт и Оккам возродили номинализм, являвшийся, по определению Маркса, «первым выражением материализма»;⁴ Виклиф осудил традиционное схоластическое богословие и пропагандировал идею бедной церкви, ликвидации церковных десятин и секуляризации церковно-монастырских имуществ;⁵ во Франции последователи Оккама и натурфилософии

³ Общую характеристику классовых боев в XIV в. см.: Georges Renard. Histoire du travail à Florence, v. II. Paris, 1914, ch. 1. Этот автор, как и многие другие буржуазные историки склонный к модернизации, дал этой главе громкое название «Социальная революция в XIV веке». Ср.: J. Lestoquoy. Les villes de Flandres et d'Italie sous le gouvernement des patriciens. Paris, 1952, pp. 131—166. Марксистскую оценку кризиса феодализма в этом веке см. в монографии: В. И. Рутенбург. Народные движения в городах Италии XIV—начала XV в. М.—Л., 1958; здесь же (стр. 358—367) дан обзор источников по теме. Для Франции см.: E. Perroy. 1) La guerre de Cent ans. Paris, 1945; 2) Les crises du XIV siècle. Annales, économies, sociétés, civilisations, v. 4. 1949, а также: E. Lavisse (ред.). Histoire de France depuis les origines, v. IV, 1, 2. Paris, 1902; для Фландрии: L. Vanderkindere. Le siècle des Artevelde. Bruxelles, 1879; для Англии: А. Мортон. История Англии. М., 1950, гл. IV, V; Р. Хилтон и Г. Фаган. Восстание английского народа в 1381 г. М., 1952; для Германии: В. В. Стоклицкая-Герешкович. Очерки по социальной истории немецкого города в XIV—XV вв. М.—Л., 1936, особенно очерк VII, стр. 275—321 («Политическая борьба в Кельне в XIV—XV вв.»); Н. Неймел. Deutschland im späteren Mittelalter. 1953; для Германии и Чехии: М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера. Изд. 2. М., 1954.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 142.

⁵ См.: May McKisack. The Fourteenth century (1307—1399). Oxford, 1959, pp. 510—516.

Аверроэса одерживают верх над томистами; в Германии богословие Фомы Аквинского подрывают мистики — Мейстер Эккарт и его ученики; в Италии и других странах против феодальной организации церкви и ее учений выступают спиритуалы — представители демократического течения во францисканском ордене. Атаки философов и богословов были усилены политическими мыслителями, враждебными светской власти папства. Среди них особенно выделяется Марсилиус Падуанский, автор знаменитого трактата «Защитник мира», впервые обосновавший идею «народного суверенитета» (под «народом» он уже разумеет в отличие от церковно-феодальных писателей все слои населения, включая крестьянство и горожан). Как неоднократно отмечалось в новейшей литературе, «Защитник мира» сыграл известную роль в программах революционных движений XIV—XV вв.⁶

Папство ответило на бунт «церковной интеллигенции» осуждением Оккама, Виклифа, Эккарта, Гуса и многих других виднейших своих противников как «ересиархов», но Римской курии не помогли ни запреты изучать в университетах их труды, ни костры, на которых сжигали сначала книги, а затем кое-кого из их авторов. Вся система официальной церковно-феодальной идеологии, веками служившая преградой для свободной мысли, начинает разваливаться. Показательно, что в XIV—XV вв. университеты, эти бастионы средневековой схоластики и католического права верия (*fundamentum ecclesiae*, как называл их историк Матвей Парижский), либо освобождаются от папского влияния, либо приходят в упадок, утрачивая свою роль центров умственной работы.

Особенно смело против феодальной церкви и против всего феодального строя в целом выступают в XIV в. безвестные авторы народных исторических и сатирических произведений (фабльо и др.), крестьянские и бюргерские писатели и поэты — фламандец Ван Мерлан, француз Жан де Мен, англичанин Уильям Ленгленд, анонимный автор одной из переделок «Романа о Лисе» («*Contrefait de Renard par un épicier de Troye*») и мн. др.

В своих плохо обработанных, но проникнутых страстным социальным протестом стихах «лавочник из Труа» рисует производ феодальной знати и церковных иерархов, королевских судей и

чиновников. Он угрожает сильным мира сего всеобщим восстанием угнетенного народа:

Car li peuples vous haira
Et puis si vous envaiga.

(Ибо народ вас возненавидит,
а затем нападет на вас).⁷

В этой обстановке всеобщего кризиса, предвещавшего переход к позднему средневековью, к «началу капиталистической эры» (Маркс), происходит постепенное разложение традиционной средневековой историографии. Особенно заметен в XIV—XV вв. упадок основных видов монашеской исторической литературы — анналов, хроник, житий — на латинском языке, предназначавшейся в основном для читателей из духовенства. В этот период монастырские скриптории вообще перестают быть «лабораториями исторической работы», уступая место историкам из рядов немонашеского духовенства и, особенно, мирянам. Известный английский богослов Гаскойнь (ум. 1458) горько жаловался на упадок летописания в Англии и в других странах. «Прежде, — писал он, — короли имели в монастырях, основанных ими, знаменитых авторов книг о великих ученых и хроники. Теперь, увы, больше уничтожают книги, чем пишут новые. На Базельском соборе [1431—1443] искали по всему свету одну книгу о событиях во времена апостолов, но не нашли ни в одном монастыре приличного списка».⁸

В Англии после смерти Матвея Парижского мало-помалу снижается значение «исторической школы» Сент-Албанского аббатства. Наиболее известные продолжатели Матвея — в XIV в. Ришнджер, в XV в. Уолсингем, значительно уступают Матвею во всех отношениях.⁹ Со смертью Уолсингема (ок. 1422) летописание в Сент-Албансе вообще заглохло.

Во Франции точно так же постепенно сходит на нет «историческая школа» аббатства Сен-Дени. Формально последняя часть «Больших французских хроник» была написана монахом аббатства Сен-Дени, официальным историографом Карла VII Жаном Шартье (ум. 1462).¹⁰ Но уже задолго до этого «Большие хроники»

⁷ E. Langlois. La vie en France au moyen âge, t. I. Paris, 1926, p. 297 ss. Ланглуа признает, что буржуазная наука замалчивала «Contrefait de Renard», считая его автора бесталанным. Ср.: G. Renard. Histoire..., pp. 6—41 ss.; E. du Méril. Poésies populaires latines au moyen âge. Paris, 1847; E. G. G. u d d e. Social conflicts in Medieval German Poetry. 1934.

⁸ Church Quart Rev., XX, 1885; цит. по: Thompson, p. 405 s.

⁹ Rishanger William. Chronica. См.: Gross, № 1836; Walsingham Thomas. Historia Anglicana. Gross, № 1836; общую оценку английской монашеской историографии в XIV—XV вв. см. на стр. 207 и в прим. 20.

¹⁰ Molinier, IV, № 4133; V, № 212 (p. CXLVIII).

⁶ Marsilius von Padua. Der Verteidiger des Friedens, Bd. 1. Berlin, 1958, S. IX (из предисловия редактора латинского текста и немецкого перевода этого трактата проф. Хорста Куп). Ср.: R. Scholz. Marsiglio von Padua und die Idee der Demokratie. Zs. f. Politik, 1908, S. 74; H. Finke. Weltimperialismus und nationale Regungen im Späteren Mittelalter. Freiburg in Brsg. und Leipzig, 1946, S. 36 ff.; Hermann Segall. «Der Defensor pacis» des Marsilius von Padua. Grundlagen der Interpretation. Wiesbaden, 1959 (хорошая библиография вопроса); Alan Gewirth. Marsilius of Padua. The Defender of Peace, v. I. N. Y., 1951.

утрачивают прежний монашеский характер. Автором хроники за 1350—1378 гг. был не монах и вообще не духовное лицо — канцлер Карла V Пьер д'Оржемон, писавший по прямым указаниям короля. Эта часть «Больших хроник» дает, таким образом, строго официальную версию событий и является апологией действий королевской власти (см., например, в высшей степени тенденциозное изложение истории англо-французских отношений, мира в Бретини, восстания Этьена Марселя и мн. др.).¹¹ К этому нужно добавить, что с того же времени латинский текст «Больших хроник» теряет самостоятельное значение, так как авторы пишут сначала по-французски, а уж затем переводят свои хроники на монашескую латынь.

С середины XIV в. прекращают существование и аналогичные французским «Большие хроники Фландрии»;¹² их заменяют произведения чисто светского, рыцарского характера, принадлежащие историкам так называемой Бургундской школы, о которой речь будет ниже.

В Германии после падения Штауфенов (вторая половина XIII в.) усиливается политическое дробление; в связи с этим историография вообще мельчает, приобретая черты узколокальной анналистики. Таковы хроника Тевтонского ордена за 1190—1326 гг., составленная Петром Дусбургом;¹³ «Каринтийская хроника» аббата Иоганна Виктринга (ум. ок. 1347);¹⁴ хроника Иоганна из Вингертура, посвященная почти исключительно событиям в Верхней Швабии (до 1348 г.);¹⁵ «Баварская хроника» Ульриха Онзорге, представляющая бездарную компиляцию из предшествующих хроник этого района с дополнениями до 1422 г.,¹⁶ и др. Феодальная историография в Германии вообще отстывает перед городской хроникой, которая с середины XIV в. заняла господствующее место в исторической литературе.

В Италии, где рано начался культурный перелом Возрождения, упадок традиционной историографии определился еще

¹¹ Molinier, IV, № 3099; V, № 191 (р. CXXXIII).

¹² Petit de Julleville, II, 312.

¹³ Potthast, II, 916.

¹⁴ Lorenz, I, 252 ff.; Potthast, I, 676 f.

¹⁵ Lorenz, I, 68 ff.; Potthast, I, 677.

¹⁶ Lorenz, I, 206 ff. Разумеется, эта характеристика немецких локальных хроник XIV—XV вв. не затрагивает их значения как исторических источников. Как и в других странах, многие бездарные, скучно написанные немецкие хроники этого периода с источниковедческой точки зрения нередко представляют большую ценность. Что касается всемирных хроник монашеского типа, то заслуживает упоминания пользовавшаяся исключительной популярностью, переводившаяся на другие языки, издававшаяся в XV в. хроника Ролевинка (1425—1502), картезианского монаха из Кельна (Werner Rolevinck. Fasciculus temporum omnes antiquorum cronicas complectens. Ab O. C. 1474). См.: Potthast, II, 982 f.; Lorenz, II, 92, 331.

в XIII в. Правда, как будет видно далее, влияние клерикальной исторической мысли продолжает сказываться и на городских (пополанских) хрониках до конца XV в., а при дворах итальянских князей городским хроникам даже предпочитали такие типично средневековые, церковно-феодальные произведения, как «Всемирная история» Рикобальда из Феррары (ум. ок. 1312)¹⁷ или «Историческая сумма» флорентийского архиепископа Антонина (ум. 1459).¹⁸

Не только в Италии, но и во всей Европе главной продукцией церковно-феодальной историографии в XIV—XV вв. становятся учебники и своеобразные исторические энциклопедии, вышедшие под названиями «Полихроника», «Зерцало истории», «Историческая сумма», «Сбор цветов истории» и т. п. Мы находим в них почти исключительно фактические материалы, взятые откуда попало, без всякой критики, без всякого исторического понимания. Составители подобных произведений даже не пытаются связать их в единое целое определенной философско-исторической концепцией.

Такова «Полихроника» английского монаха Ранульфа Хигдена (ум. 1364), которая даже в новейших своих частях «почти не содержит оригинальной информации».¹⁹ Однако этот беспомощный труд до конца XV в. считался в Англии «классическим» (standard work), дважды переводился на английский язык и несколько раз переиздавался английским первопечатником Кэкстоном. Еще хуже «Хроника Англии от сотворения мира» монаха Джона Кэпгрева (ум. 1464). Главный ее интерес состоит только в злобных нападках на Виклифа и его последователей. Яркими показателями деградации монашеской историографии являются другие произведения того же Кэпгрева: «Сборник житий святых» («Nova legenda Angliae») и, особенно, «Книга о знаменитых Генрихах» («Liber de illustribus Henricis»). В последней собраны извлеченные из разных хроник биографии императоров, королей, князей всей Европы с X по XV в., носивших имя Генрих. Очевидна бессмысленность подобного принципа отбора материала, не говоря уже о низком его качестве.

¹⁷ Potthast, II, 972. «Всемирную историю» Рикобальда в самый разгар Возрождения перевел с латыни на итальянский язык придворный поэт герцогов Феррарских знаменитый Маттео Мария Боярдо.

¹⁸ Potthast, I, 113. Компиляция Антонина, в которой он по средневековому обычаю бесцеремонно переписывает Виллани и других предшествующих хронистов, носит название «Chronicon sive Opus historiarum sive summa historialis ab orbi condito ad a. 1457». Об авторах таких исторических произведений XIV—XV вв. еще Тирабоски писал: «Все они только копировали или сокращали то, что написали старые писатели, прибавляя только события своего времени» (G. Tiraboschi. Storia della letteratura italiana, t. V. Venezia, 1823, p. 534).

¹⁹ Gross, № 1793.

Среди многочисленных монашеских хроник Англии в XIV—XV вв. лишь считанные единицы заслуживают несколько более высокой оценки, чем творения Хигдена или Кэпгрева.²⁰

Во Фланции и Фландрии мы имеем подобную же картину. И здесь монахи-историки ограничиваются большей частью компиляциями, примерами которых являются «Историческое зеркало» («*Miroir historial*») аббата Жана де Нуайяля (ум. 1396)²¹ и сходное с ним «Зерцало историй» («*Le Mureur des histoires*») Жана де Прея (ум. 1400), нотариуса епископского суда в Льеже. Этот валлон, более известный под прозвищем d'Outremeuse (из-за Мааса), в течение более двадцати лет усердно собирал выписки из старых латинских и французских хроник, большей частью в плохих списках; поэтому у него множество нелепостей: «названия рек приняты за названия земель, имена людей — за названия государств» и т. д., а вся критика сводится к обещанию «молчать о том, чего он не нашел в книгах», т. е. не прибегать к собственным вымыслам.²²

В Германии к той же категории компиляторов и усердных собирателей фактических данных принадлежал страсбургский священник Яков Твингер из Кенигсхофена (ум. 1420). Его латинская хроника — это собрание извлечений из огромного числа старых хроник и учебников (Евсевия, Сигеберта из Жамблу, Мартина Опавского, Винцента из Бовэ и мн. др.); подражая Мартину, Твингер систематизирует свои выписки по двум основным рубрикам: события церковной истории и факты гражданской истории, располагая материал синхронистически. Сверх того, отдельно дается история Страсбургского епископства, переписанная из местных хроник. Единственной оригинальной чертой этого произведения является алфавитный указатель материалов. Признаком новых веяний следует считать и то, что автор переработал свое собрание латинских выписок в «Немецкую хронику» (на эльзасском наречии немецкого языка) в интересах,

²⁰ Gross, № 1731. Ср. данные о других монашеских хрониках XIV—XV вв.: Gross, №№ 1360, 1747, 1774 и др., и общую оценку Гросса на стр. 253: «Лучшие историки XIV в. . . значительно ниже лучших историков XII и XIII вв. В XV в. продолжается дальнейший упадок исторической литературы». Гардинер (S. R. Gardiner and Mullinger. Introduction to the study of English history. Ed. 3. London, 1894, p. 284) также отмечает «general decline of literary spirit» с середины XIV до конца XV в.; по его мнению, нарративные материалы для истории этого периода неудовлетворительны как источники и ничтожны как образцы исторической литературы. Наиболее подробную характеристику английской историографии этого периода дают: Ch. C. S. Kingsford. English historical literature in 15th century. Oxford, 1913; V. H. Calbraith. The St. Albans Chroniclers. 1406—1420. Oxford, 1937; Dom David Knowles. The Religious Orders in England, v. II. Cambridge, 1955, ch. XXI.

²¹ Molinier, IV, № 3101.

²² Molinier, IV, № 3464; Petit de Julleville, II, 313. Молинье и Поттхаст зарегистрировали немало подобных компиляций.

как он пишет в предисловии, «умных мирян, читающих о древних и особенно о новых делах так же охотно, как ученые попы».²³

Приведенные примеры типичных хроник XIV—XV вв. свидетельствуют, между прочим, об усилиях церковных писателей сохранить свои позиции в исторической литературе. Однако скучные и сухие компиляции церковных историков, продолжавшие — теперь, правда, чисто формально — мистико-эсхатологическую историографическую традицию и уделявшие слишком много внимания делам церкви, уже не могли удовлетворить ни военно-феодалскую знать, ни городские патрицианские верхи, т. е. тех «умных мирян», любителей исторического чтения, о которых писал Яков Твингер. Этим новым читателям больше всего интересовали в исторических произведениях подробности о политических событиях, о судьбах знаменитых личностей, занимательные рассказы о битвах, турнирах, придворных празднествах и церемониях. Всего этого нельзя было найти в обычных монашеских хрониках.

С другой стороны, обострение социальных противоречий в городе и деревне, а в некоторых странах и политической борьбы внутри господствующего класса, требовало от историков четкой партийной и классовой позиции. Между тем в церковных хрониках при всей их враждебности к народным движениям нередко допускалась — из демагогических соображений — довольно резкая критика в адрес светских феодалов, ростовщиков и купцов. В связи с этим следует напомнить, что нищенствующие монахи, из рядов которых преимущественно выходили «народные проповедники», обличители пороков высших классов, как раз в XIV—XV вв. проявляли наибольшую активность в области историографии.²⁴

Таковы некоторые предпосылки развития в рассматриваемый период при дворах крупных светских князей рыцарской

²³ Lorenz, II, 49. Общую характеристику обеих хроник см. там же, стр. 45—52. Латинская хроника дошла лишь в одной копии, а от немецкой сохранилось более пятидесяти, что говорит об ее значительном успехе. Ср.: Potthast, II, 1076 f.

²⁴ Вероятно, этим объясняется ненависть рыцарства к нищенствующим монахам, проявившаяся, например, в следующих стихах хрониста Жана Молине (см. стр. 215).

Попросим же бога, чтобы якобинцы
(т. е. доминиканцы, — О. В.)
Могли пожрать августинцев,
И чтобы кармелитов повесили
На веревках миноритов.
Prions Dieu que les Jacobins
Puisent manger les Augustins
Et les Carmes soient pendus
Des cordes des Freres Menus.

Хейзинга (J. Huizinga. Le déclin du Moyen Age, p. 214 s.) объясняет «ненависть и презрение рыцарей к нищенствующим монахам» — на наш взгляд, неудовлетворительно — тем, что рыцарям не нравилась «проповедь бедности».

хроник, а в городах — патрицианско-бюргерской городской хроник, успешно конкурировавших с литературной продукцией церковных историков. В особую группу следует выделить также мемуары и автобиографии, примыкающие по социальной окраске либо к рыцарской, или придворной, либо к бюргерской, или городской, хронике.

Рыцарская хроника, возникнув в период, когда уже ясно обнаружился упадок рыцарства как особого слоя мелкого дворянства,²⁵ имела своей задачей подчеркнуть единство всего класса феодалов, возвеличить рыцарство в качестве главного носителя воинских доблестей, показать его значение для славы и могущества государя.

Рыцарская хроника — такое же проявление феодальной реакции против подъема недворянских классов, каким было возрождение в XV в. рыцарской любовной поэзии и эпоса, аллегории и символики в художественной литературе, рыцарских турниров, аристократических «рыцарских орденов» («Золотого Руна», «св. Михаила» и т. д.) — в придворной жизни.²⁶ Вместе с тем рыцарская хроника, проникнутая уже чисто светскими интересами, нередко враждебна духовенству и церковному духу.

Наиболее значительные рыцарские хроники созданы авторами, вышедшими из феодальных кругов валлонской Фландрии, Артуа и других владений герцогов Бургундских и получившими поэтому название историков «бургундской школы».

Ряд этих историков открывается автором «Правдивых хроник» Жаном Лебелем (1290—1370). Этот льежский каноник приобрел известность как рыцарский поэт, дамский угодник и, несмотря на духовный сан, любитель всевозможных авантур, в том числе и военных. На старости лет он занялся описанием «новых войн и событий, случившихся в 1326—1361 гг. во Франции, Англии...» и других странах, по собственным воспоминаниям и по рассказам очевидцев.²⁷ За перо его побудили взяться, как он сам заявляет, «выдумки жонглеров», «искаживших подлинную картину англо-французских войн (les guerres de Bretagne)». К жон-

²⁵ В Германии, как отмечает Ф. Энгельс (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 349), примерно с конца XV в. «рыцарство быстрыми шагами шло навстречу своей гибели»; во Франции же рыцарство показало свою полную несостоятельность как военная сила уже в XIV в., в период Столетней войны. Об упадке английского рыцарства в XIV—XV вв. см. популярную работу: G. G. Coulton. The medieval scene. Cambridge, 1960 (особенно стр. 58—60). О рыцарстве в целом интересные факты и наблюдения: J. Huizinga. Le déclin du Moyen Age (немецкий перевод этой работы носит название «Herbst des Mittelalters»).

²⁶ См. написанную Гансом Бароном главу «Культура XV в. и Ренессанс» в кн.: New Cambridge modern history. V. I. Renaissance, 1493—1520. Ed. by K. R. Potter. Cambridge, 1957, pp. 50—55.

²⁷ Les vraies chroniques jadis faites et rassemblées par Jean le Bel...; Potthast, I, 642 f.; Молинье (Molinier, IV, № 3093) дает краткую историю обнаружения рукописи этой забытой хроники в 1861—1863 гг.

герам, как и вообще ко всем людям недворянского происхождения, Жан Лебель относится с величайшим аристократическим презрением, что сделалось характерной чертой всех произведений «бургундской школы». Основным содержанием его хроники являются битвы, воинские подвиги (les biaux fès d'armes) отдельных рыцарей, пиры и турниры. Словом, Лебель вполне заслуживает свою репутацию «певца рыцарства».

Тем не менее Лебель был вскоре основательно забыт, его хроника была вытеснена более обширным (25 томов в бельгийском издании XIX в.) и более ярким произведением Жана Фруассара (ум. между 1400—1410).

Фруассар переписал лучшие главы Лебеля, значительно их дополнив и изменив их профранцузскую окраску на проанглийскую, а затем продолжил самостоятельно до 1400 г. Его «Хроники Франции, Англии, Шотландии, Испании, Бретани, Гаскони, Фландрии и соседних стран» дают, таким образом, политическую и военную историю большей части Западной Европы на протяжении почти всего XIV века.²⁸

В лице Фруассара мы имеем редкого в средние века историка, который ищет материал повсюду и почти всю жизнь проводит в разъездах, охотясь за новостями и очевидцами событий. «Много стран и государств, — пишет он, — я изъездил с целью разведать подробности; сводил знакомство со многими важными людьми нашего времени... Вообще, о какой бы стране дело ни шло, я не рассказываю без того, чтобы ее не обследовать и не убедиться ясно, что то, что я знаю, верно и несомненно».

Однако Фруассар скромно умалчивает о том, что его гнало с места на место не только желание узнать о событиях из непосредственного источника, но и весьма материальные личные интересы. Сын простого бюргера из г. Валансьенна, он из 40 лет своих странствований большую часть времени провел при королевских и княжеских дворах, где его таланты поэта и историче-

²⁸ Potthast, I, 472 ff.: Jean Froissart. Chronique de France. Dangleterre. Descocce. Despaigne. De bretaigne. De gascongne. De flandres. Et lieux circumvoisins. 1307—1400. Livres IV. В некоторых из дошедших более 50 списков заглавие (в современной транскрипции) звучит иначе: «Les Chroniques de Sire Jean Froissart qui traitent des merveilles emprises, nobles aventures et faits d'arme advenus en son temps en France, Angleterre, Bretagne, Bourgogne, Escosse, Espagne, Portugal es autres parties». Помимо обширных введений Кервина де Леттенове и Симеона Люса к изданиям хроник (Kervyn de Lettenhove, t. I, Bruxelles, 1867; S. Luce, t. I, Paris, 1869), см.: Molinier, IV, № 3094; Petit de Julleville, II, 317—324; M. Darmsteter. Froissart, 1894; G. Coulton. The Chronicles of European chivalry. Froissart. London, 1930; F. S. Shears. Froissart, chronicler and poet. London, 1930 (ср. рец.: EHR, XLVII, 1932); Molinier, V, pp. CXXXVII—CXL; A. Maury. Chroniques de Jean Froissart. JS, 1889, pp. 95—106, 353—362 (излагаются выводы Симеона Люса); M. Galway. Froissart in England. Univ. of Birmingham hist. journ., 7, № 1, 1959, pp. 18—35; P. Philippeau. Froissart et Jean le Bel. Revue du Nord, v. 22, 1936, pp. 81—111.

ского повествователя, отданные целиком на службу господствующему классу, щедро оплачивались. В зависимости от партийной принадлежности своих высоких покровителей он не раз менял политическую ориентацию. Сначала его хроника была выдержана в английском духе (первая редакция); затем, став на хлебником одного из французских феодалов, он перерабатывает ее в более благоприятном для французов свете (вторая редакция); наконец, после ряда военных неудач англичан во Франции, Испании и Шотландии, он вносит ряд новых оценок, направленных против англичан и восхваляющих французское рыцарство (третья редакция).²⁹

Сопоставление трех редакций показывает, что этот «Геродот средневековой Европы», как его иногда называют поклонники его таланта, не стеснялся в угоду своим покровителям фальсифицировать историю. Новейшие буржуазные исследователи приписывают извращение исторической картины в хронике Фруассара не критическому отношению автора к получаемой информации, что свойственно большинству средневековых хронистов. Но такое объяснение уже потому недостаточно, что Фруассар перед каждой новой редакцией пользовался показаниями людей только определенной политической ориентации (например, сначала — друзей Англии, затем — ее врагов). Гораздо существеннее, что при всех изменениях симпатий к той или иной группировке феодалов неизменным остается его полнейшее презрение к народу любой национальности: к немцам он питает отвращение за их «жадность» и готовность продаться тому, кто дороже заплатит; простой народ Англии — бюргеры и вилланы (*hommes mestis et vilains, li communs peuple*), «вероломен, опасен, бесчестен»: шотландцы — «все мерзавцы и воры», ирландцы — «дикари» и т. д. Рыцарей же, независимо от национальности, Фруассар нежно любит, ими он восхищается, прощая им любые злодеяния, если только они не нарушают кодекса «рыцарской чести».

Фруассар — превосходный рассказчик: живые диалоги, портреты феодалов, художественные описания пейзажей, сочный, образный язык — таковы достоинства, обеспечившие его хронике исключительный успех у современников и потомков.³⁰ Но хотя он претендует на звание историка, а не хрониста («Если бы я удо-

²⁹ Следует, впрочем, подчеркнуть, что первая редакция дошла в 48 списках, тогда как вторая — только в двух, а третья (Ватиканская рукопись) — только в одном. Ширф (F. S. Heags, Froissart) пытается доказать, что различные «ориентации» Фруассара в разных редакциях хроники — это не просто отражение взглядов его покровителей и что его позиция в последние годы жизни стала более критической и не столь тенденциозной, как в молодости; но эти выводы, даже если признать их верными, не затрагивают основных пороков Фруассара как историка.

³⁰ Несмотря на огромные размеры хроники Фруассара (в издании Симеона Люса — 16 тт., в издании Кервина де Леттенове — 25 тт.), она уже в 1495 г. была напечатана, а затем неоднократно переиздавалась во французском оригинале и переводах на латинский и новые европейские языки в те-

вольствовался тем, чтобы рассказать, что такие-то события произошли в такие-то времена, не проникая в глубь явлений, то я сочинял бы хронику, а не историю»), однако в действительности он ограничивается поверхностным описанием событий, не пытаясь выяснить причинные связи между ними. «Упрощенность его мыслей поразительна. Он знает лишь три—четыре моральных мотива — верность, честь, жадность, храбрость...; его рассуждения чрезвычайно банальны».³¹ В довершение всего он путает даты и до неузнаваемости искажает имена.

Подражатель Фруассара и вместе с тем его продолжатель Ангерран де Монстреле (ум. 1453), мелкий северофранцузский дворянин, довел хронику до 1444 г. Как и Фруассара, его больше всего интересуют военные кампании, битвы, турниры, придворные празднества. Все это описано с такими утомительными подробностями и столь напыщенным риторическим языком, что Франсуа Рабле имел полное основание назвать его «слинявым, как банка горчицы».

Монстреле присутствовал при свидании бургундского герцога Филиппа Доброго с Жанной д'Арк после пленения ее бургундцами, но предпочел умолчать о содержании их беседы. Он молчит и о комедии суда над Жанной в Руане. Под 1431 г. он только приводит, без всяких комментариев, письмо английского короля, в котором эта народная героиня Франции названа еретичкой и колдуньей. В качестве чиновника бургундского герцога, всецело ему преданного, Монстреле не менее Фруассара повинен в сознательном искажении исторической действительности.³²

Крупнейший историк «бургундской школы» Жорж Шателен (ум. 1475) так же «поглотил» Монстреле, как его учитель Фруассар «поглотил» Лебеля: для своей хроники он использовал материалы Монстреле, относящиеся к 1419—1444 гг., но далее, до 1475 г., он совершенно самостоятелен.³³

чение XVI, XVII, XIX и XX вв. Монтень, один из усердных читателей «добрейшего Фруассара», относит его к числу «простодушных историков, которые не вносят в освещение событий ничего своего, а заняты лишь тем, чтобы тщательно собрать все дошедшие до них сведения и добросовестно записать все события без всякого отбора...». «История Фруассара — это сырой и необработанный материал, который всякий может использовать по-своему...» (Михель Монтень. Опыты. Кн. II. М.—Л., 1958, стр. 105).

³¹ J. Huizinga. Le déclin du Moyen Age, pp. 362—364; по мнению Фруассара, единственными настоящими историками могут быть только герольды и герольдмейстеры (*hérauts d'arme, les rois d'armes*) в качестве лиц, официально призванных регистрировать и оценивать рыцарские подвиги; этот хронист и в данном отношении только отражал взгляды класса, которому он поклонялся и служил. Ср.: там же, стр. 80.

³² Potthast, I, 792: Monstrelet, Enguerrand de... Des chroniques de France, d'Angleterre, Descocce... etc., 1400—1444; Molinier, IV, № 3946; V, p. CXLV sq.

³³ Potthast, I, 218: Chastellain, Georges. Chronique de ducs de Bourgogne. 1419—1474. Все фрагменты этой хроники, изданные в разное

В отличие от своих предшественников, не игравших заметной политической роли, Шателен был важной особой при бургундском дворе. Он показал себя опытным дипломатом, с успехом выполнявшим ответственные секретные поручения, был введен в 1456 г. в состав совета при герцоге и назначен официальным историографом. Шателен располагал, таким образом, обширными и точными данными о внутренней и внешней политике правительства Филиппа Доброго. Но при всей своей преданности последнему Шателен критикует его действия, а еще более действия его преемника Карла Смелого, не меньше, чем французских королей. Поэтому Шателен не осмелился при жизни опубликовать свою огромную хронику, дошедшую до нас, очевидно, по той же причине со значительными пробелами (книги хроники, охватывающие 1458—1461 и 1470—1474 гг., исчезли полностью, за 1430—1431 и 1431—1451 гг. — частично).

Шателен уступает Фруассару как рассказчик, но превосходит его в том отношении, что не довольствуется поверхностным описанием событий, а стремится выяснить их рациональные причины, предвосхищая тем самым Филиппа де Коммина. Подобно «Мемуарам» последнего, хроника Шателена охватывает историю ряда стран Западной Европы и также представляет собою, в сущности, мемуары политического деятеля. Характер рыцарской хроники сообщает его труду яркая дворянская направленность, феодально-аристократическое презрение к народу, даже к богатым бюргерам (см. гл. вторую, стр. 67), увлечение турнирами и придворными празднествами, восхваление пустейших рыцарских «подвигов», тогда как подлинного подвига, совершенного Жанной д'Арк, он просто «не заметил». Вообще во французской рыцарской историографии (разумеется, сюда не относятся многочисленные произведения, вызванные пересмотром судебного процесса в Руане и «реабилитацией» Жанны) упоминать о простой крестьянке-героине считалось дурным тоном, а те хронисты, которые не решились замолчать ее совсем, говорят о ней без всякой симпатии или даже враждебно.³⁴

Другое произведение Шателена — «Зерцало французских дворян», является еще более откровенной апологией рыцарства и вообще дворянства. «Жизнь и добродетели дворян являются лекарством от бедствий эпохи; от них зависит благосостояние и спокойствие в церкви и государстве и осуществление правосудия», — такова основная идея «Зеркала» в формулировке самого автора.³⁵

время, объединил Кервин де Леттенове в издании: Oeuvres de G. Chastellain, vv. 1—8. Bruxelles, 1863—1866; Molinier, IV, № 3957; V, pp. CXLVI sq.; A. Vallet de Veriville. Oeuvres de G. Chastellain, JS, 1867, pp. 49 sqq., 183 sqq., 385 sqq.

³⁴ J. Huizinga. Le déclin du Moyen Age, p. 86.

³⁵ Там же, стр. 77. «Le Miroir des nobles hommes de France» напечатано в издании: Oeuvres de G. Chastellain, v. VI, p. 203 sqq.

Одним из учеников Шателена был Жан Лефевр, сеньор Сен-Реми и рыцарь «Золотого Руна» — ордена, в котором он играл видную роль в качестве герольдмейстера. Для своей «Хроники» Лефевр также использовал Монстреле, дополнив его важными дипломатическими документами. Интересно и другое его произведение — «Хроника Жана де Лален», посвященная прославлению этого странствующего рыцаря, который при осаде одного города погиб от пушечного выстрела, т. е. стал жертвой нового оружия, несущего, как уже сознает автор, гибель всему рыцарству.³⁶

Соперником Шателена был другой придворный историк бургундских герцогов Оливье де ла Марш (ум. 1502), автор мемуаров, доведенных до 1488 г. Но он «во всех отношениях ниже Шателена».³⁷ Турнирам и празднествам при блестящем бургундском дворе он отводит гораздо больше места, чем сведениям о своей дипломатической деятельности. Его многочисленные стихотворные произведения являются типичными образчиками напыщенной и скучной рыцарской поэзии XV в. Большой интерес представляют его политические антифранцузские памфлеты и особенно трактат об организации управления во владениях Карла Смелого.

Последний представитель бургундской школы Жан Молине, продолживший в качестве официального историографа Карла Смелого и Филиппа Габсбурга хронику Шателена до 1506 г., является наглядным свидетельством быстрой деградации «школы». Он как бы вобрал в себя все ее недостатки, в особенности злоупотребление риторическими приемами.³⁸

В других странах Западной Европы рыцарская хроника представлена отдельными авторами, не образующими школы, но обладающими всеми типическими чертами историков, пишущих о рыцарстве и для рыцарства.³⁹

³⁶ Осуждение огнестрельного оружия идеологами рыцарства встречается часто в литературе XV в., в частности, в чрезвычайно популярной поэме Ариосто «Неистовый Роланд». О «Хронике Жана де Лален» см.: Molinier, IV, № 3941; A. Vallet. Jean de Lalaing, JS, 1867, p. 186; в «Истории французской литературы» под ред. А. А. Смирнова и др. (т. I, 1946, стр. 194) о Жана де Лален даны неточные сведения.

³⁷ Molinier, IV, № 3961; V, p. CXLVII sq.; см.: E. Stein. Olivier de la Marche, historien, poète et diplomate bourguignon. Bruxelles et Paris, 1888.

³⁸ Molinier, IV, № 4753; Petit de Julleville, III, 323 (Молине охарактеризован как «дурак, ослепленный риторикой»). Новейшее издание Молине: 3 vv., Doutrepont-Jodogne, 1935—1939.

³⁹ Так, в Англии каноник Петр Лангтофт (ум. 1307) написал на «французско-йоркширском» диалекте стихотворную хронику, в которой он с помощью басен Монмаута и других стремится доказать, что английские рыцари происходят от троянцев, древних римлян и от рыцарей «круглого стола» мифического короля Артура. Хроника Лангтофта была переведена на английский язык около середины XIV в. Робертом Мэннингом (см.: Potthast, I, 701; Gross, №№ 1808, 1816). Рыцарь Томас Грей (ум. 1369) написал на французском языке «Хронику Англии и Шотлан-

К середине XV в. некоторые бургундские хронисты были уже затронуты влиянием итальянского Возрождения и становились на путь рационального объяснения отдельных фактов современной им истории. Особо следует выделить в этом отношении Шателена, чье произведение является по существу переходом от рыцарской хроники к военно-дипломатической истории нового типа. Следующий шаг в направлении к гуманистической историографии сделал Филипп де Коммин, автор «Мемуаров», которые справедливо считаются «самым выдающимся во всех отношениях произведением французской литературы конца XV в.»⁴⁰

Филипп де Коммин (ум. 1509 или 1511) был воспитан в той же придворно-рыцарской среде, из которой вышли почти все бургундские хронисты XV в. Он принадлежал к числу приближенных Карла Смелого, который осыпал его милостями и доверял ему самые ответственные поручения. Тем не менее в 1472 г. Коммин перешел на сторону Людовика XI, поставив, таким образом, свой опыт и таланты на службу этому королю, преследовавшему прогрессивные цели национально-политического объединения Франции. Умный и дальновидный политик, Коммин, очевидно, понял, что бургундский герцог является представителем отживающей и обреченной на гибель системы, основанной на феодальном сепаратизме, и «неразумной» политике, проникнутой

дией», или «Scalachronica», где подробно изложены войны между обоими государствами в XIV в. (Gross, № 1784; MG SS, XXVIII, 647). Английский первопечатник Уильям Кэкстон (W. Saxton, ум. 1491) популяризировал своими изданиями рыцарскую поэзию и рыцарские хроники XIV—XV вв., а также сам составил для нужд рыцарства весьма посредственную компиляцию под названием «The chronicles of England» (London, 1480; Gross, № 1733; H. Baron. New Cambridge modern history). Во Франции рыцарская хроника представлена большим числом таких произведений, как «История Гастона IV, графа Фуа» Лесера (Molinier, IV, № 4155), «Хроника Артура Ришмона, коннетабля Франции» Грюэля (Molinier, IV, № 4153), «Книга о деяниях маршала Бусико», идеализирующая этого типичного рыцаря-авантюриста, свирепого, алчного и весьма «благочестивого» (J. Huizinga. Le déclin du Moyen Age, pp. 77, 88 sqq.).

⁴⁰ Molinier, V, p. CLIII sqq., № 4663 (pp. 5—22); Potthast, I, 328—330; J. de Sainte-Beuve. Causeries du lundi, I, Paris, 1851, pp. 241—254; Fueter, 182—186; Petit de Julleville, II, 326—334; B. de Mandrot. 1) L'autorité historique de Ph. de Commines. RH, v. LXXXIII, 1900; LXXV, 1900; 2) Введение к мемуарам Ф. де Коммина («Mémoires de Ph. de Commines. V. I, 1901; v. II, 1903, pp. I—CXL с обширной библиографией). Все цитаты из Коммина даются по этому изданию; новейшее издание (Ph. de Commines. Mémoires, publiés par J. Calmette et G. Durville, vv. 1—3. Paris, 1924—1925) было мне недоступно; А. Е. Рогинская. 1) Исторические взгляды Коммина. В сб.: Средние века, вып. 2, 1946, стр. 278—291; 2) Ф. де Коммин как политик и историк. Изв. АН СССР, сер. ист. и филос., вып. II, 1946; Roman Szewczyk. Pamiętniki Filipa de Commines jako źródło Historyczne. Praca magisterska. Lublin, 1948 (слабая работа); G. Heidel. La langue et le style de Philippe de Commines. Paris, 1934; Ferrant-Dalle. Ph. de Commines, homme d'état. Miroir de l'histoire, Paris, 1956, № 82, pp. 448—458.

культулом войны и грубой силы (v. II, 15 s.). Наоборот, Людовик XI, неутомимый борец против феодальной раздробленности Франции, предпочитавший войне подкуп и хитроумные дипломатические маневры, представлялся Коммину государем нового типа, образцовым правителем, которого ожидает заслуженный успех. Особенно ценил Коммин то, что король в отличие от бургундского герцога считал войну глупой и преступной, если она не вызвана крайней необходимостью.⁴¹

Однако при всем своем восхищении Людовиком XI Коммин, узнавший его ближе и лучше, чем кто-либо иной из королевских приближенных, рисует вполне реалистический его портрет, не скрывая ни одного из его пороков и отмечая только, что их у него было меньше, чем у других государей («Пролог», v. I, p. 2). Такой подход к оценке личности короля находится в полном соответствии с пессимистическим представлением Коммина о человеческой природе вообще и о порочности сильных мира сего в особенности («veu la mauvaite des hommes, et par especial des grans»); потому-то и «необходимо, чтобы у каждого сеньора и и государя был свой противник, который держал бы его в страхе и смущении, — иначе никто не мог бы жить под их властью или рядом с ними» (v. I, p. 460).

Совершенно новой чертой в феодальной историографии является внимание Коммина к тяжелому положению народных масс вследствие чрезмерного налогового нажима. Так, он указывает, что при Карле VII французские крестьяне и города платили налогов не более 1 700 000 франков, а при Людовике XI — 4 700 000 (v. II, p. 49 ss.). К использованию последним этих огромных денежных средств Коммин также подходит критически. Значительное увеличение дорогостоящих постоянной армии и артиллерии — вещь неизбежная, но щедрость короля по отношению к монастырям и церквам является, по его мнению, настоящим расточительством (v. II, p. 53). Таким же расточительством ресурсов страны представляются Коммину и финансовые операции правительства Карла VIII, которое ради «безрассудного» похода в Италию произвело в одном генуэзском банке заем из 52% годовых! (II, 99, 133). Вообще он сторонник рациональной налоговой и финансовой политики и решительно высказывается против произвольных поборов (в обход Генеральных штатов), что,

⁴¹ Обобщение дипломатических приемов Людовика XI (v. I, pp. 222 sq.). Ср. восхваление изворотливой политики Людовика в отношении Англии (v. II, ch. I). О передовых взглядах Коммина свидетельствуют особенно страницы, где восхваляется стремление французского короля установить по всей стране единый закон, единство мер и веса, желание его составить кодекс законов на французском языке, «дабы избавить народ от грабителей-адвокатов» и судебной волокиты. «Если бы бог продлил его дни еще на 5—6 лет, — заключает Коммин, — он сделал бы много добра своему королевству» (v. II, p. 36—37).

по его мнению, свойственно только тиранам (v. I, p. 446 s.; v. II, p. 97; v. V, p. 445). Коммин считает наиболее эффективным в этом отношении государственный строй, обеспечивающий регулярный контроль подданных (т. е. дворянства и богатого купечества) над действиями абсолютного монарха. Такой строй Коммин находит в Англии. «По моему мнению, — пишет он, — из всех государств мира, которые мне известны, Англия является единственным, где лучше всего решаются государственные дела и где народ меньше всего подвергается насилиям» (v. I, p. 444). Восхваляя английские представительные и судебные органы контроля над правительством, Коммин является едва ли не самым ранним предшественником Монтескье, который свою теорию равновесия властей вывел, как известно, из сильно им идеализированного строя Англии.

Столь же отрицательно относится Коммин к подрыву благосостояния королевских подданных другим путем — размещением солдат на постой среди населения. Результатом этой порочной практики являются грабежи и насилия военных над мирными жителями (v. I, p. 443). С явным неодобрением он рассказывает о беспощадном ограблении герцогства Бургундии («...les tres grans pilleries... qui estoient trop excessives») после перехода этого богатого края под власть французского короля. Больше всего его возмущает, что на этом грабеже нажились королевские чиновники (v. II, pp. 21—25).

Эти передовые для того времени мысли вызваны, конечно, не состраданием Коммина к тяжелой доле простого люда, а исключительно соображениями о необходимости рациональной эксплуатации налогоплательщиков. К простым людям Коммин в качестве идеолога служилого дворянства относится с меньшим презрением, чем феодальная аристократия. Его формулировка — «грубые ремесленники... ничего не смыслят в высокой политике» и вопросах государственного управления» (v. I, p. 433) — почти дословно совпадает с высказыванием Шателена по тому же вопросу (см. гл. вторую, стр. 67).

Коммина нередко называют непосредственным предшественником Макиавелли, а его «Мемуары» — «настоящей историей», знаменующей переход от средневековой к «новой» историографии. Многие государственные деятели XVI в., в том числе император Карл V, искали в его книге уроки политической мудрости. Однако Коммин в отличие от итальянского мыслителя не любит теоретизировать: широких обобщений он избегает, ограничиваясь частными выводами практического характера. Здесь он неизменно выступает как человек трезвого, рассудочного образа мыслей. Но что касается его общей исторической концепции, то она целиком еще находится под властью традиционных средневековых представлений и их первоисточника — Августина («De civitate dei» имелось в его личной библиотеке).

Историю делают правители и их советники. Характер государя, его ум и опыт, а еще более ум и опыт его помощников, имеют важное значение. В последней же инстанции все решает бог. Если бог хочет помочь правителю, то дает ему способность выбирать умных советников (v. I, p. 26); наоборот, обреченного на гибель государя (например, Карла Бургундского, Ричарда III) лишает и разума, и дельных помощников. В руках бога — исход сражений, «он дает победу по своей воле» (v. I, p. 30; v. II, p. 16); от бога вообще зависит «счастье и удача во всех делах» (v. I, p. 44). А человеческие намерения, предположения и решения ничего изменить не в состоянии (v. II, pp. 65, 89, 127).

Самое широкое обобщение в духе августиновского провиденциализма и средневековой мистики сформулировано в «Мемуарах» следующим образом: «Это великая тайна, что одни королевства и большие княжества гибнут, разрушаются, а другие поднимаются и начинают господствовать» (v. I, p. 32); разумеется, тайна сия есть «промысел божий над миром» (v. I, p. 33).

Таким образом, «Мемуарам» Филиппа де Коммина свойственно смешение старых и новых представлений, но над всем преобладают интересы складывающейся абсолютной монархии и ее борьбы с феодальным сепаратизмом. Самой привлекательной чертой этого произведения являются реалистические портреты государственных деятелей конца XV—начала XVI в. и богатство наблюдений над политической жизнью и нравами феодально-аристократических кругов, жадных до денег, власти и наслаждений. Хотя Коммин о многих вещах умалчивает, его «Мемуары» являются верным зеркалом эпохи кризиса феодализма и вместе с тем учебником политической мудрости. Последним объясняет исключительный успех «Мемуаров». С 1524 г., когда они впервые появились в печати, и до нашего времени можно насчитать более 120 изданий в оригинале и в переводах на латинский и почти на все новые европейские языки. Отзывы о «Мемуарах» и их авторе многочисленны и противоречивы, но до сего времени нельзя указать ни одного солидного монографического исследования, посвященного Коммину.⁴²

⁴² Монтень (Опыты, кн. II, стр. 108) превозносит «изящный и приятный стиль» Коммина, но отрицает у него «какой-нибудь выдающийся талант». Фютер (E. Fueter, 183) считает его плохим писателем, но замечательным «мемуаристом». Молинье (Molinier, V, p. 17) утверждает, что Коммин лишь хронологически принадлежит к средним векам, что он во многом уже человек нового времени; Фютер же пишет: «Коммин полностью принадлежит еще к французскому средневековью, он «почти не затронут гуманистическим движением». Одни считают его историком в полном смысле этого слова, другие же — только мемуаристом, но не историком. Одни подчеркивают добросовестность Коммина, другие — ошибки, умолчания, искажения фактов. Одни видят в нем представителя передовых взглядов и «человека доброго», другие — человека, одержимого чрезмерным честолюбием, циничного и алчного.

Нам остается рассмотреть еще одну обширную категорию исторических произведений — городские хроники, развитие которых в XIV—XV вв. было обусловлено подъемом бюргерства к самостоятельной политической жизни и зарождением его классового самосознания.

Городские хроники можно разделить на две группы: официальные и частные. Первые писались по заказу и под наблюдением городских властей, вторые — по личной инициативе их авторов.

В основе официальных хроник лежат памятные книги, в которые заносились данные о правах, привилегиях и вольностях города, постановления городского совета или другого органа управления, краткие сведения о важнейших событиях. Городские писари (секретари) совета, которые вели памятные книги и заведовали городским архивом, обычно являлись и первыми составителями хроник. В Италии это были светские лица, чаще всего нотариусы, в Германии до середины XIV в. — почти всегда лица духовного звания и учителя церковных школ, позже юридически образованные миряне, в Англии — мэр города, шериф или другие должностные лица. Иногда совет поручал написание хроники постороннему лицу или одному из советников. Так, совет города Любека в 1385 г. дал такое поручение францисканскому монаху Детмару, предоставив в его распоряжение старые памятные книги и прочие архивные материалы.⁴³

По своему характеру, методу обработки материала и т. п. хроника Детмара примыкает к церковно-феодальной историографии. Но в эти старые формы влило уже новое содержание: отбор фактов и их освещение отражает интересы патрицианских правящих верхов.

Хроника Детмара охватывает период от основания Любека до 1395 г. В XV в. ее продолжил городской писарь Иоганн Герцг, доведший изложение до 1482 г. В Страсбурге, Аугсбурге, Нюрнберге и других имперских городах процесс создания официальных хроник проходил примерно таким же образом. От типичных церковно-феодальных хроник они отличаются главным образом материалами, относящимися к внутренней жизни соответствующего города. Эти материалы говорят о замкнутости интересов каждого города, его правящего слоя; это характерно не только для немецких имперских городов, но и для многих городских коммун Италии. И здесь анналы и хроники в XIV—XV вв. пишутся по поручению городских властей. Таковы хроника Съены с 1447 по 1457 г., составленная по поручению Синьории канцлером Съены Агостино Дати, «Хроника событий в Ареццо» Бартоломео ди сер Горелло (ум. 1393), «История бедствий Вольтерры», написанная канцлером этого города А. Ивани и др. Во Франции и Англии с их сравнительно сильной центральной государственной

⁴³ Lorenz, II, 164 ff.; ср.: G. Ehrismann. Geschichte der deutschen Literatur bis zum Ausgange des Mittelalters, Bd. 3. München, 1922.

властью дело обстояло иначе, и не случайно в этих странах мы редко находим официальные городские хроники.⁴⁴

Несравненно больший интерес в историографическом отношении представляют частные бюргерские хроники, являющиеся вместе с тем и наиболее распространенным видом городских хроник.

Во Франции они известны под названием дневников (journal). Таков «Дневник Никола де Бэя» (Nicolas de Baye), регистратора Парижского парламента (ум. 1419), составившего по своим памятным записям хронике Парижа в период борьбы арманьяков и бургиньонов. Автор весьма критически настроен в отношении знатных сеньоров, предводителей обеих партий, обвиняет их в вымогательствах и в расхищении королевской казны. Он обнаруживает склонность к реформам в управлении и в то же время страх перед революционными движениями парижского народа.⁴⁵

Другим образцом частной хроники является анонимный «Дневник парижского буржуа» («Journal d'un bourgeois de Paris»), охватывающий период 1405—1449 гг. Записи в дневнике, лежащие в основе этой хроники, дают, по определению Молинье, «самую точную картину политической и частной жизни Парижа». Для автора, среднего парижского зажиточного обывателя, характерна неустойчивость политических симпатий: убежденный бургиньон, враждебный дофину Карлу (VII), он постепенно переходит в оппозицию к герцогу Бургундскому и к союзникам последнего англичанам.

В Англии одним из ранних продуктов бюргерской историографии были «Лондонские анналы» («Annales Londonienses») за 1194—1330 гг., приписываемые казначею г. Лондона Эндрию Хорну. Большая часть «Анналов» представляет сокращение монашеской компиляции XIV в. «Цветов истории», и лишь за 1316—1330 гг. даны материалы, относящиеся к жизни лондонских бюргеров.⁴⁶ Примерно к тому же времени относятся «Лондонские хроники» («Chroniques de Londōn») на французском языке. Они отражают взгляды богатого столичного купечества и особенно важны для периода борьбы Генриха III с баронами.⁴⁷ В XV в. появляется в Лондоне не менее 25 анналистов, давших материал для серии лондонских хроник на английском языке. Наряду с анналами и памятными записями узкого местного характера (например, списки лорд-мэров, шерифов и олдерменов Лондона) в этих хрониках использованы данные о политических событиях,

⁴⁴ Едва ли не исключением являются латинская «Хроника мэров и шерифов Лондона», составленная еще в последней четверти XIII в. (см.: Gross, № 1773), и Бристольская городская хроника, написанная по заказу городских властей (см.: Ralph Flenley. Six town chronicles of England. Oxford, 1911, p. 11).

⁴⁵ Molinier, IV, № 4149; V, № 206, p. CXLIII sq.

⁴⁶ Gross, № 1690; R. Flenley. Six town chronicles..., ch. II.

⁴⁷ Gross, № 1763.

относящихся ко всей Англии. Таков состав, в частности, хроник Уильяма Грегори (ум. 1467), богатого скорняка, избравшегося на посты шерифа и лорд-мэра Лондона. Здесь наиболее интересен рассказ о восстании Кэда.⁴⁸ Серия лондонских хроник XV в. завершается двумя обширными компиляциями: анонимной «Большой хроникой» («The Great Chronicle») с самостоятельным продолжением за 1496—1513 гг.⁴⁹ и «Новой хроникой Англии и Франции» Роберта Фабиана, члена гильдии суконщиков (ум. 1513). Фабиан разделил свой труд на семь частей «сообразно семи радостям св. Девы». В введении он говорит о сотворении мира, падении Трои, основании Рима; далее следуют части, трактующие раннюю историю Британии главным образом на основе легендарных рассказов Джоффри Монмаутского. Только последние главы седьмой части, в которых использованы все предшествующие лондонские хроники, представляют собою собственно городскую хронику. Характерно, что это произведение выдержало четыре печатных издания.⁵⁰

Лондонские хроники XV в. отличаются от монашеских исторических компиляций главным образом тем, что их авторами являются светские лица и что они написаны на английском языке. В них нет и признака критического отношения к источникам; авторы их отличаются необычайным轻信 и крайней узостью кругозора; их английский язык примитивен, стиль грубый, необработанный. Такова общая характеристика, которую дает им английский исследователь. Как и парижские «дневники», они не обнаруживают заметных сдвигов в исторической мысли, в мировоззрении, в понимании прошлого.⁵¹

В этом отношении от английских и французских городских хроник отличаются лучшие хроники некоторых имперских городов Германии и городов-республик Италии.

Авторами частных хроник в Германии XIV—XV вв. были почти исключительно представители патрициата и богатого купечества. Такова памятная книга крупного нюрнбергского купца Ульмана Штримера, принадлежавшего к правящим семьям города, — «Книжка о моем роде и моих похождениях» («Buchel von mein Geschlecht und abentewr»), за 1371—1407 гг. Особенно много внимания уделено здесь борьбе патрициата с цехами. Такова и аугсбургская хроника зятя Якова Фуггера Гектора Мюлиха (ум. 1490), принятого в ряды патрициев (в так называемый Geschlechterstube). Мюлих включил в свой труд налоговые списки, строительные расчеты, постановления городского совета и т. п. документы. Такова также «Памятная книжка» («Мемо-

rialpüchlein») Эндреса Тухера, нюрнбергского патриция и члена совета (ум. 1440). Частными патрицианскими хрониками богаты, особенно в XV в., Ульм, Регенбург, Кельн, Франкфурт, Майнц и многие другие вольные и имперские города.⁵²

Одной из наиболее интересных по содержанию и социальной окраске является хроника аугсбургского богатого купца Буркарда Цинка (ум. 1474). Преуспевший выходец из среды ремесленников, Цинк выражает в своей хронике взгляды и интересы не патрициата, к правлению которого он относится критически, а среднего бюргерства. Крестьяне, наемные рабочие, вообще люди физического труда для него не существуют. Борьбу «радикальных» цехов — ткачей, сапожников, пекарей и т. д., за участие в городском управлении он считает опасной и не одобряет, так же как и денежные махинации богатых ростовщиков и городских воротил, представителей нарождающегося капитала. Падение и гибель бургомистра Петера Эгена, убитого по решению тайного суда (Feme), он считает карой господней за попытку этой сильной личности возвыситься над другими и захватить единоличную власть в городе. Вообще Цинк против каких бы то ни было новшеств в социальной, экономической и политической жизни. Каждый человек, как этому учит церковь, должен жить сообразно своему рангу и достатку; стремление возвыситься или разбогатеть за счет других греховно. По тем же мотивам он осуждает гуситов, стремящихся к нововведениям в церкви, и враждебно относится к князьям, пытающимся подчинить себе имперские города. Ненавистны ему и дворяне, разбойничающие на больших дорогах. Его пугают всякие перемены «в христианском мире», всегда рассматриваемые как ухудшение существующего порядка вещей и как следствие людских пороков — зависти, злобы, ненависти и т. п. (falschhait, ungetreu, poshait, neid, hasz). За эти пороки бог карает немцев и, в частности, аугсбургцев. Разгром немецкого воинства гуситами — такая же божья кара за грехи, как и пожар в аугсбургской ратуше или плохая погода, повредившая урожаю.

Таким образом, Цинк находится вполне еще во власти средневековых представлений. Но наряду с прямым вмешательством бога он указывает и естественные причины событий. В его хронике уже заметны черты нового, расходящегося с традиционными построениями. Сюда относятся индивидуальные портреты некоторых «сильных личностей» вроде упомянутого выше Петера Эгена, несвойственный типичному средневековому лето-

⁵² Они изданы Карлом Герелем и др. (Die Chroniken der deutschen Städte vom 14. bis in's 16. Jahrh., Bde 1—36. Leipzig, 1862—1931). См.: Pott-hast, I, LI, а также краткие обзоры: Deutsche Städtebuch. Handbuch städtischer Geschichte, hrsg. v. E. Kayser, Bd. 1—3. 1939—1956; Karl Jacob. Quellenkunde der deutschen Geschichte im Mittelalter. Bd. 3. Das Spätmittelalter. Berlin, 1952, S. 128 ff.

⁴⁸ Gross, № 1785; R. Flenley. Six town chronicles..., p. 22 sq.

⁴⁹ Thompson, I, 419.

⁵⁰ Denys Hay. Polydore Vergil. Oxford, 1952; R. Flenley. Six town chronicles..., ch. IV.

⁵¹ Там же, гл. II, III.

писцу повышенный интерес к экономической жизни — к торговле, финансам, монетному делу — и приводимые в связи с этим точные цифровые данные, обилие автобиографических и бытовых деталей (автобиография Цинка целиком посвящена одна из четырех книг хроники). Эти относительно новые черты предвещают уже в какой-то мере близкий переход к новому этапу в историографии.⁵³

Еще более заметно смещение традиционных средневековых и новых черт в «Нюрнбергской хронике» городского врача Гартманна Шеделя (ум. 1514). Этот хронист в отличие от Цинка уже затронут гуманистическим образованием. Он учился в Падуанском университете и общался с представителями итальянской гуманистической мысли. Тем не менее его хроника «от сотворения мира» построена по традиционной схеме «четырех монархий» и «шести возрастов», из которых шестой, последний, начался с приходом Христа и закончился появлением Антихриста, Страшным судом и гибелью земного государства. Хотя Шедель усвоил у гуманистов мысль о падении Римской империи в V в., но это не мешает ему видеть в средневековой «священно-римской империи германской нации» прямое продолжение древнего Рима. Он посвящает особую главу «развитию империи и перенесению ее к немцам» («De progressu imperii ac translatione eius in Germanos»), где повторяется тезис немецких хронистов XI—XIII вв., что «со времени Оттона императорский титул и империя, отнятые у римлян, потом у галлов и лангобардов, переносятся в Германию, где пребывают и поныне». Помимо этого, в хронике Шеделя воспроизведены все средневековые легенды, басни, все суеверия и предрассудки, отвергнутые и осужденные современными ему итальянскими гуманистами.

Хроника Шеделя получила в Германии широкое распространение. Она была роскошно издана известным типографом Антоном Кобергером в 1493 г. почти одновременно на латинском и немецком языках. 2000 гравюр работы Вольгемута, украшающие книгу, немало способствовали ее успеху.⁵⁴

⁵³ Karl Schnith. Die Augsburger Chronik des Burkard Zink. Eine Untersuchung zur reichstädtischen Geschichtsschreibung des 15. Jahrhunderts. München, 1958. В этой интересной монографии имеются противоречия и неверные положения (например, что бюргерские записи были порождены хроникой Мартина Опавского и что вообще бюргерская историография обязана своим возникновением доминиканским и францисканским историческим трудам). См. также: Heinrich Schmidt. Die deutschen Städtechroniken als Spiegel des bürgerlichen Selbstverständnisses im Spätmittelalter. Göttingen, 1958 (хроника Цинка анализируется довольно подробно, выводы же о зарождении «бюргерского самосознания» совершенно несостоятельны). Ср. рец.: Speculum, № 1, 1960, pp. 145—148. Отчасти хронистам юго-западных городов Германии посвящено исследование: Gerhart Burger. Die südwestdeutschen Stadtschreiber im Mittelalter. Schlecht, 1960.
⁵⁴ Potthast, II, 1001; Schedel Hartmann. Chronicon mundi ab O. C. 1492; в нем. пер.: Buch der Chroniken und Geschichten. Nürnberg, 1493.

В социальном, экономическом и культурном отношении итальянское попопанство опередило немецкое бюргерство по крайней мере на целое столетие. Те элементы нового, которые мы наблюдаем в немецких бюргерских хрониках XV в., выступают даже в более яркой форме в итальянских городских хрониках XIV в. В Италии не было сословной замкнутости, которая содействовала укреплению закостенелых средневековых предрассудков, характерных для немецкого бюргерства. Существенное различие в социальной атмосфере итальянского и немецкого города было отмечено в начале XV в. молодым Леонардо Бруни. В 1414 г. он писал из Констанцы своему другу Поджио, что ему кажется весьма странным резкое деление в немецком городе на бюргеров и знать (т. е. патрициев). «Если бюргер разбогател и пытается войти в сословие знати, — сообщает Бруни, — те считают это оскорблением своего достоинства и не допускают этого никоим образом. Знать считает занятие торговлей и ремеслом весьма постыдным. Это — занятие для одних только бюргеров. Знатные оберегают свою рыцарскую честь и живут на доходы от наследственных имений».⁵⁵ С чувством гордости за свою родину Бруни подчеркивает в своих письмах из Германии, что его земляки гораздо образованнее и дружелюбнее, чем люди в других странах.⁵⁶

При всем том политические и связанные с ними исторические представления итальянских писателей XIV в. еще полностью зависят от церковно-феодальной традиции. Даже такой гигант, как Данте, видит в средневековой «всемирной монархии» учреждение «божественное», «чудо» истории. От этой монархии он ожидает спасения Италии и всего человечества. Для Данте эта монархия — непосредственная преемница, прямое продолжение древней Римской империи. Вообще для него еще не существует никакого различия между античным миром и его эпохой (исключая различие религий); в этом отношении он разделяет антиисторизм всех людей классического средневековья.⁵⁷

На тех же позициях стоят даже лучшие итальянские хронисты, современники Данте, такие, например, как падуанец Альбертино Муссато и флорентинец Дино Компаньи.

См.: P. Joachimsen. Geschichtsauffassung und Geschichtsschreibung in Deutschland unter dem Einfluss des Humanismus. 1910, S. 87 f.; F. X. von W e g e l e. Geschichte der deutschen Historiographie. München, 1885, SS. 51—60; G. Falco. Polemica sul medio evo, v. I. 1933, p. 34 sq.; M. Haitz. H. Schedels Weltchronik. Diss. München, 1899; G. Sprengler. H. Schedels Weltchronik. München, 1903.

⁵⁵ Цит. по: Franz Beck. Studien zu Lionardo Bruni. Abhandlungen zur Mittleren u. Neueren Geschichte, hrsg. von G. v. Below, H. Finke, Fr. Meinecke, H. 36. Berlin—Leipzig, 1912, S. 22 f.

⁵⁶ Там же, стр. 27.

⁵⁷ См.: Dante Alighieri. De monarchia, libri III; H. Finke. Dante als Historiker. HZ, Bd. 104, H. 3, 1910.

Альбертино Муссато (1261—1330), солдат и дипломат, поэт и историк, по своим политическим убеждениям близок к Данте. Он говорил о себе, что он ни гвельф, ни гибеллин, но с походом императора Генриха VII в Италию (1308—1313) он связывал, подобно Данте, надежды на возрождение своей родины. Истории похода Генриха VII Муссато посвятил свой лучший труд — «Августейшую историю» («*Historia Augusta seu de gestis Henrici VII caesaris, libri 13*»). Продолжением этой работы является его «История итальянцев после смерти Генриха VII» в 12 книгах, из которых 3 в стихотворной форме. Сюда приложена и биография императора Людвига Баварского, итальянский поход которого вызвал резкую перемену в политических взглядах историка. В свое время народ Падуи, подозревая Муссато в гибеллинстве, изгнал его из города; теперь же он и сам выступает с резким осуждением императора и его немецкого воинства как варваров, которые обнаружили свои подлинные цели — удушение свободы Италии. Прежние иллюзии исчезли; поход Людвига рассматривается как божья кара за грехи итальянцев.

Как историк Муссато интересен в том отношении, что, не довольствуясь описанием событий, он старается установить их причины. У него можно найти и элементы критического отношения к источникам. Он стремится возродить классическую традицию в историографии, избрав своим образцом Ливия. Петрарка называет его «довольно заботливым исследователем новой истории (*historicus novarum rerum satis anxius inquisitor*)».⁵⁸

К группе политических единомышленников Данте принадлежит и флорентийский популан, член шелкового цеха Дино Компаньи (ок. 1260—1324).⁵⁹ Написанная им «Хроника событий, случившихся в его время» представляет одно из самых замечательных произведений догуманистической историографии. Содержанием хроники является острая классовая и партийная борьба во Флоренции между 1280 и 1312 гг., причем в центре повествования стоит распадение флорентийских гвельфов на «черных» и «белых». К последним, выступавшим за прекращение партийных раздоров и возлагавшим в этом отношении надежды на императора Генриха VII, принадлежал наряду с Данте и автор хроники, но в отличие от великого поэта он не был изгнан из родного города после поражения «белых» в 1301 г.

⁵⁸ Potthast, I, 799 f. Из довольно большой литературы о Муссато назовем только: Lorenz, II, S. 271 ff.; U. Balzani. *Le cronache italiane nel medio evo*. Milano, 1900, p. 264; G. Tiraboschi. *Storia...*, t. V, pp. 565—579; M. T. Dazzi. *Il Mussato storico*. Arch. Veneto, an. 59, ser. 5, v. 6. М. Корелин (Ранний итальянский гуманизм, Пб., 1914) нигде не упоминает Муссато, очевидно, не причисляя его к непосредственным предшественникам гуманизма.

⁵⁹ Сюда же принадлежат Джованни да Черминато, автор истории Милана, Феррето из Винченцы, автор истории Италии, и ряд других хронистов.

Дино Компаньи играл видную роль в политической жизни Флоренции. Он неоднократно избирался консулом своего цеха, был сподвижником вождя популанов Джано делла Белла, занимал в 1293 г. пост гонфалоньера Справедливости, т. е. главы правительства Флорентийской республики, дважды избирался членом правительства — приором. Таким образом, он знал не только детали, но и подкладку политических событий, а также, разумеется, всех действующих лиц той исторической драмы, которую он развернул перед читателем. Четко сделанные портреты папы Бонифация VIII, императора Генриха VII, политических деятелей Флоренции занимают центральное место в его изложении (по силе изображения Дино Компаньи иногда сравнивают с Саллюстием). К этому нужно присоединить острый анализ политической ситуации, страстную защиту автором своих убеждений, превосходный итальянский язык хроники — все это делает ее для того времени уникальным произведением.

Хроника Дино оставалась неизвестной до XVII в. и впервые опубликована лишь в XVIII в., причем из двух дошедших рукописей самая ранняя — середины XV в. В хронике встречаются ошибки, казалось бы, немыслимые со стороны участника событий. В ней обнаружены заимствования из хроники Виллани, которой Дино Компаньи не мог еще знать. Наконец, о самом Дино, хотя и видном политическом деятеле, не упоминает ни один из его современников. Все это позволило некоторым исследователям увидеть в хронике Дино подлог XV в. Однако Исидоро дель Лунго и другие ученые неопровержимо доказали ее подлинность.⁶⁰

Выдающимся итальянским хронистом XIV в. является и другой флорентиец — Джованни Виллани, автор 12 книг «Флорентийских историй», или «Всемирной хроники» («*Historie Fiorentine seu Chronica universale*»)⁶¹.

Крупный сукноторговец, член торговой компании Буонакорси, Виллани принадлежал к победившей партии «черных»

⁶⁰ *La cronica di Dino Compagni delle cose occorrenti ne' tempi suoi*. Per cura di Isidore del Lungo. Firenze, 1908. Имеются и другие издания. О полемике по вопросу о подлинности см. введение к названному изданию, а также основной труд: I. del Lungo. *Dino Compagni e la sua Cronica*. Firenze, 1879—1887. К обширной литературе, приведенной у Поттхаста (Potthast, I, 332 f.), следует присоединить: R. Davidsohn. *Forschungen...*, Bde I—IV, Berlin, 1901—1908; C. Parazzoli. *Dino Compagni e la sua cronica*. Milano, 1956 (краткая характеристика и отрывки из хроники для учебных целей); Л. М. Баткин. Хроника Дино Компаньи или притча Данте Алигьери. В сб.: *Средние века*, вып. 17, 1960, стр. 374—387. Баткин убедительно опровергает новейшую попытку (E. von Roon Bassermann a. n. *Die Weissen und die Schwarzen von Florenz. Dante und die Chronik des Dino Compagni*. Freiburg, 1954) «оспорить подлинность и достоверность хроники Дино Компаньи». Удивительно, что на позиции подложности хроники стоит виднейший буржуазный историк исторической науки Томпсон (Thompson, 475, особенно прим. 10).

⁶¹ RIS, XIII—XIV.

гвельфов и после переворота 1301 г. трижды входил в состав приората, назначался членом различных правительственных комиссий, выполнял дипломатические поручения. Таким образом, он был хорошо осведомлен о всех делах Флоренции, которые уже в то время тесно переплетались с политикой и экономическими интересами ряда других государств не только Италии, но и всей Западной Европы.

Банкротство компании Буонаккорси в 1345 г. разорило Джованни Виллани, и он попал в долговую тюрьму. В 1348 г. он стал одной из первых жертв эпидемии чумы во Флоренции. Хроника продолжил после его смерти «тем же стилем» Маттео Виллани, его брат, а когда и тот в 1363 г. умер от чумы, то племянник Филиппо Виллани (ум. 1405) довел ее до конца 1364 г.

Как многие представители флорентийского «жирного народа», Джованни Виллани был человеком довольно образованным, любознательным, обладавшим широким кругозором. Любовь к историческим занятиям разбудило в нем (как впоследствии в Гиббоне) созерцание памятников величия древнего Рима, куда он ездил на богомолье в «юбилейном» 1300 г. Вот как он сам об этом рассказывает: «Я видел [в Риме] великие и древние вещи, познакомился и с историческими трудами Вергилия и Саллюстия, Лукана, Тита Ливия, Валерия, Орозия и других магистров истории, в коих они описали как малые, так и великие события... дабы оставить память о них и примеры для потомков. А так как наш город Флоренция, дочь и творение Рима, склонна следовать той же дорогой величия, мне представляется необходимым в этой новой хронике напомнить факты о начале этого города... и изложить их, идя от отдаленного прошлого к настоящему и будущему... а именно факты истории Флоренции и прочие великие события на всем свете, насколько я о них узнаю» (*Historie Fiorentine*, VIII, cap. 36).

Однако влияние упоминаемых автором древних историков почти не сказывается в его хронике. Первые шесть ее книг являются, согласно обыкновению средневековых хронистов, переложением ранних хроник, особенно мартиниановских, из которых Виллани некритически заимствовал много легендарного материала, в частности, басни о троянском происхождении Флоренции. Лишь начиная с VIII книги, перейдя к своему времени, Виллани оригинален и дает много ценного.

По своему общему мировоззрению Виллани — типичный средневековый человек, а по своей исторической концепции — типичный средневековый хронист. Он пишет свой труд на *volgare* — тосканском наречии итальянского языка, чтобы быть доступным и неученым людям, но пересыпает свое изложение цитатами из Библии. Фантастическая этимология ученых схоластов пользуется в его глазах полным кредитом: Британия происходит от Брута, сына Энея, сарацины — от Сарры, жены Авраама, и т. п.

Он не сомневается в правдивости всех басен Джоффри Монмаута и в подлинности его легендарных королей. Там, где непосредственно не затрагиваются экономические и политические интересы его родины Флоренции, трезвый купеческий ум Виллани нередко исчезает, уступая место схематизму и церковно-аскетической связанности средневекового мышления. Хроника построена по августиновской схеме «шести возрастов» и «четырех монархий»; в начале истории — грехопадение, в конце ее — светопреставление. Августиновский дуализм и провиденциализм пронизывает все оценки и объяснения событий. Император Генрих IV ведет борьбу с папой, так как он безбожный государь, которым пользуется дьявол, чтобы повредить церкви. У французского короля Филиппа IV умерли бездетными все сыновья: это кара за насилие над папой Бонифацием VIII в Анagni. Гибель Манфреда, внезапная смерть Людвига Баварского — все это кара божья за грехи и следствие папского отлучения от церкви. Во Флоренции произошло восстание, это значит, что «бог навел беду на наш город, ибо граждане не возблагодарили бога за его благодеяния». О стихийных бедствиях и говорить не приходится, здесь уже совсем очевидна «рука божья». «Заметь, читатель, — пишет Виллани под 1347 г., — какие беды постигли в этом году наш город: голод, мор, разрушения, бури, молнии, пожары, междоусобия — и все это от чрезмерности наших грехов. Нужно опасаться, что бог осудит нас еще тяжче, если среди горожан будет мало веры и любви». Иногда вместо бога в качестве сил, произвольно вторгающихся в историю, выступают «святые». Их личным вмешательством объясняются как многие важные политические события, так и различные «чудеса» или стихийные бедствия. Культ святых, вера в чудесное у Виллани не менее сильны, чем у любого монаха-хрониста X—XIII вв. Мы уже видели (см. гл. вторую, стр. 75), что Виллани отдает дань и астрологическим суевериям своей эпохи.

Бросается в глаза также клерикальная окраска его политических симпатий. Верный сын католической церкви, он считает папство непогрешимым. Хотя ему подчас и случается осуждать греховность отдельных пап и незаконность их действий, но каждый папа для него «наместник бога на земле». Почитает он и монашество, созданное, по его словам, затем, чтобы показать людям пример святой жизни, и священников как посредников между богом и людьми.

Преклонение Виллани перед папством и его отношение к церкви вообще объясняются его партийной принадлежностью к «черным» гвельфам, союзникам Бонифация VIII и защитникам папских притязаний. Но, разумеется, его позиция определяется в конечном счете классовыми интересами. Представитель и идеолог «жирного народа», Виллани смотрит на простых ремесленников с аристократическим презрением. Когда младшие цехи одер-

живают верх над старшими, то он называет составленную ими синьорию «плохим правительством», которое уничтожает кредит. В битве при Куртре он с сокрушением усматривает разгром европейского рыцарства «самой низкой породой людей — ткачами и сукновалами» (там же, VIII, 55).

Ценность его хроники определяется не его мнимой объективностью, о которой пишут буржуазные исследователи, а трезвостью, деловитостью, практичностью его ума — достоинствами, сделавшими последние книги хроники жемчужинами всей хроники XIV в. Политику, которая не считается с реальными интересами, Виллани называет глупой. Экономические вопросы и связанные с ними явления политической и классовой борьбы занимают в этих книгах центральное место. Приведенные в хронике статистические данные о промышленности и бюджете Флоренции, об ее монетной системе, о крахе банкирских домов в 1345 г., о причинах и следствиях этого краха по точности и полноте являются единственными во всей средневековой историографии.⁶²

Флоренция XIV в. чрезвычайно богата хрониками и мемуарами, или дневниками, авторами которых являются почти исключительно «жирные пополаны». Таковы «Хроника» Пьеро ди Джованни Минербетти (ум. 1409), в которую включено много официальных документов; «Хроника, или мемуары» Якопо Сальвиати (ум. 1411), ценная для дипломатической истории Италии; хроники Маркионе Стефани (ум. 1386) и Джинно Каппони (ум. 1420), дающие при всей их реакционности немало ценных сведений о восстании Чомпи в 1378 г.;⁶³ «Домашняя хроника» Донато Веллутти (ум. 1370), где больше говорится о семейных, чем о государственных делах, но рассеяно множество бытовых подробностей, и большое число других, далеко не полностью перечисленных в введении Дель Лунго к последней из названных хроник.⁶⁴ Все они, будучи по классовой окраске, как мы бы теперь сказали, «буржуазными» и в большей мере враждебными трудовому народу, чем феодальному миру Европы, по мировоззрению и исто-

рической концепции авторов, по композиции и писательским приемам принадлежат еще к церковно-феодальной литературе. Созданные в «колыбели Ренессанса», во Флоренции, они почти не затронуты уже начавшимся гуманистическим движением, хотя и обладают некоторыми чертами, делающими их предвестниками нового этапа в развитии исторической мысли и науки.

Эти черты — повышенный интерес к экономическому развитию и к социальной борьбе, реалистические оценки политической обстановки, яркие индивидуальные характеристики политических деятелей, разрыв со средневековой латынью и переход к общепонятному народному языку, — которые лишь в единичных немецких городских хрониках обнаруживаются в XV в., во Флоренции уже в XIV в. свойственны всей массе исторических работ. В этом отношении с Флоренцией не может сравниться ни одна из других коммун Италии. Видные хронисты появились в этом столетии и в Венеции, Милане, Виченце, Падуе, Модене, Парме и т. д.,⁶⁵ но это одинокие фигуры, пишущие большей частью не в силу внутренней потребности, а по заказу, и притом пользующиеся исключительно средневековой латынью — языком церкви и науки, непонятным массе читателей.

Только во Флоренции историография стала делом и предметом интереса целого общественного слоя — богатых пополанов. Не случайно именно отсюда вышли крупнейшие историки-гуманисты XV—XVI вв., пролагатели новых путей в исторической мысли.

⁶⁵ В Милане можно назвать только нотария Джованни да Черминато (ум. после 1344; Potthast, I, 659) и доминиканца Гальвано Фьямма (ум. после 1371; Potthast, I, 488 f.), в Венеции — дожа Андреа Дандоло (ум. 1354; Potthast, I, 362), в Виченце — Феррето (ум. после 1330; Potthast, I, 446), в Модене — Бонифация да Морано (ум. 1349; Potthast, I, 165) и ряд анонимов в Парме, Пьяченце и т. д. Ср. перечень хроник XIV в. у Тирабоски (Girolamo Tiraboschi. Storia..., t. V, pp. 550—596) и Бальдани (U. Balzani. Le cronache italiane..., ch. VII).

⁶² Potthast, II, 1092—1094 (указана вся литература XIX в. о Виллани). К этому следует добавить: Ernst Mehl. Die Weltanschauung des Giovanni Villani. Leipzig, 1927; F. Neri. Dante e il primo Villani. Giornale Dantesco, v. 20, Firenze, 1912.

⁶³ RIS, XXX: Piero di Giovanni Minerbetti. Cronica; Iacopo Salviati. Cronica e memorie dall'anno 1398 al 1411; Marchionne di Coppo Stefani. Cronica dalla fundazione agli anno di Christo 1386, libri 12; см. В. И. Рутенбург. Народные движения..., стр. 335 сл.; Gino Carroni. Il Caso o tumulto de' Ciompi (Potthast, I, 186); В. И. Рутенбург считает эту хронику «наиболее реакционной из всех флорентийских хроник того времени» (стр. 333). Настоящим автором хроники Каппони, по его мнению, является Аламанно Аччаюоли, один из приоров 1378 г.; см.: RIS, XVIII, parte III, Il Tumulto dei Ciompi.

⁶⁴ La cronica domestica di Messer Donato Velluti... dai manoscritti originali per cura di Isidoro del Lungo e G. Volpi. Firenze, 1914 (особенно см.: Introduzione, pp. XIII—XXXIV).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ,
РЕФОРМАЦИИ
И КОНТРРЕФОРМАЦИИ

XV-начало XVII в.

«...великая эпоха Возрождения и Реформации — эпоха, когда возникла современная человеческая мысль...», это — «весна человеческого разума».

(Анатоль Франс. Рабле. Собр. соч., т. VII, М., 1959, стр. 687, 692).

Глава шестая

ИСТОРИОГРАФИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ (XV—НАЧАЛО XVII в.)

1. ИТАЛЬЯНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

В конце XIII—начале XIV в. во Флоренции, затем и в других городах-государствах Тосканы и Северной Италии появляются первые ростки капиталистической промышленности, сначала в текстильном производстве, позднее, в XV—XVI вв., в книгопечатании, горнодобывающей промышленности, кораблестроении, в производстве предметов роскоши.¹ Необычайно расширяются в то же время масштабы банковско-ростовщических операций и внешней торговли. В связи с этим впервые в городах Италии организуются своего рода торговые палаты (например, флорентийская *Mercanzia*) для охраны интересов своих купцов за границей и для улаживания их споров между собою или с иногородними купцами; на основе их практики создается коммерческое право; появляются руководства по торговле, такие, как «*Торговое дело*» («*Pratica della Mercatura*») флорентийца Бальдуччи Пегалотти (ок. 1340), яркий показатель предприимчивости итальянских купцов, проникавших во все страны тогда известного мира. Хорошо также известна роль итальянцев в подготовке испано-португальских морских экспедиций, приведших к географическим открытиям и колониальному ограблению стран Южной Азии, Африки и Америки. Итальянские дельцы, будучи банкирами папы и кредиторами европейских государей, оказывали сильное влияние и на ход политических событий в Европе.

Экономические сдвиги вызвали в Италии столь значительные социальные, политические и культурные перемены, что уже некоторые современники усмотрели в них начало новой эры, которую они противопоставляли «тысячелетнему мраку» средневековья как эпоху «света», «возрождения» или «пробуждения от

¹ Д. Луццато. Экономическая история Италии. М., 1954, гл. VI—VII.

сна», первоначально имея в виду «новое рождение» литературы или искусства (*litterae renatae, renascentes; rinascita degli arti*, и т. д.).

Эти перемены раньше и ярче всего обнаружались во Флоренции. Здесь между 1260 и 1300 гг. «жирный народ», прообраз крупной буржуазии нового времени, одержал решительную победу над феодальной аристократией «магнатов». Освободив безземельных крестьян флорентийского контадо, правительство «жирного народа» обеспечило приток из деревни дешевой рабочей силы и переход феодальных поместий в руки буржуазии. В XIV в. производство сукна, а позже шелка достигло во Флоренции большого расцвета.²

Во многих городских коммунах тот же путь развития привел к установлению не буржуазной республики, как во Флоренции, а «синьории», или единоличной диктатуры так называемых «тиранов»; но повсюду, где такие политические перемены происходили, они означали ослабление, если не ликвидацию, силы и влияния феодальной знати. Разумеется, здесь идет речь не о каком-то перевороте в масштабах всей Италии, а лишь о социальных и политических сдвигах в передовых городах-государствах, оставшихся не более чем отдельными островками среди моря феодальных хозяйств и еще повсеместно господствующих феодальных общественных отношений. Этим, как мы увидим далее, объясняется известная противоречивость, непоследовательность и ограниченность мысли большинства буржуазных идеологов рассматриваемой эпохи.

«Жирные пополаны» Флоренции после прихода к власти показали себя еще более жестокими угнетателями и эксплуататорами людей физического труда, чем феодалы. Но они являлись носителями прогрессивного экономического развития и прогрессивной культуры. Свои деловые отношения, свое хозяйство они строили рационально, на принципе расчета, на трезвом учете реальных факторов, в том числе и фактора времени. На свои бухгалтерские книги они полагались больше, чем на вмешательство бога и прочих сверхъестественных мистических сил. Появление в XIV в. городских башенных часов сначала в Северной

² См.: J. Lestoquoy. *Les villes de Flandres et d'Italie sous le gouvernement des patriciens*. Paris, 1952, pp. 96 ss., 185 s.; A. Saporì. *Il problema economico in Rinascimento*. Atti del III Congresso Internazionale sul Rinascimento. Firenze, 1953; то же: *Arch. St. It.*, anno 113, 1955; 114, 1956; R. Stadelmann. *Persönlichkeit und Staat in der Renaissance*. Die Welt als Geschichte, V, 1944, SS. 137—155; K. Ferguson. *Italian Humanism: Hans Baron's contribution*. *Journ. of History of Ideas*, v. XIX, № 1, 1958; Giovanni di Pagolo Morelli. *Ricordi*. A cura di Vittore Branca. Firenze, 1956. В предисловии (стр. 12—19) подчеркивается переход флорентийских богатых пополанов в начале XV в. от авантюристически смелых ростовщических и торговых операций к более осторожным и расчетливым формам капиталовложений. Но скупка ими земельных участков в флорентийской области («contado») происходила в широких масштабах уже в XIV в.

Италии, затем во Фландрии, Северной Франции, Каталонии и т. д. означало переход от церковного к светскому делению суток, не по часам церковных служб, а по часам работы. По каноническому праву «время — дар божий и не может быть предметом продажи», а с точки зрения предпринимателя эпохи Возрождения «время принадлежит человеку», т. е. работодателю. Все это связано с усилением эксплуатации людей физического труда. (См.: Jacques le Goff. *Le temps du travail dans le crise du XIV siècle*. *Le Moyen Age*, t. LXIX, 1963, volume jubilaire). Рациональному ведению хозяйства соответствовала и рациональная организация государства «жирного народа» с его сложными органами управления и контроля, с его откровенно классовой системой налогов и государственного кредита, с его политикой, взвешивавшей все мыслимые факты и возможности вплоть до характера того или иного политического деятеля, с его изворотливой дипломатией, возведенной в степень высокого искусства. Не говоря уже о непосредственно связанных с экономической областью умственной работы, даже изобразительные искусства отразили этот всепроникающий принцип расчета, будь то линейная, математически построенная перспектива в живописи или математико-графический метод расчета частей здания в архитектуре.³

Интенсивная общественная жизнь и деловая активность выдвинула на передний план человеческую личность, обязанную своим положением и успехами не знатности предков, а собственным усилиям, предприимчивости, уму, знаниям и удаче. Для такой личности стали тесны рамки сословно-феодальных отношений, корпоративной связанности, церковно-аскетической морали, средневековой традиции. Человек начинает по-иному видеть себя и мир природы, изменяются критерии его оценок, эстетические вкусы, отношение к окружающей действительности и к прошлому. Сначала во Флоренции, затем в других крупных центрах Италии, наконец, и в других странах Западной Европы создаются общественные условия и духовная атмосфера, благоприятные для быстрого подъема культуры. Так возникает и ширится сначала в Италии, а с конца XV в. и в других странах Европы культурное движение, которому впоследствии (около середины XIX в.) было присвоено французское название «Ренессанс» (Возрождение). Его результатом было преобразование и обновление в самых различных областях мысли и творчества — в художественной литературе, изобразительном искусстве, философии, в общественных и естественных науках, во всем мировоззрении.

³ См.: A. Martin. 1) *Soziologie der Renaissance*. Zur Physiognomik und Rythmik bürgerlicher Kultur. Stuttgart, 1932; A. 2, Frankfurt a/M., 1949; 2) *Der Renaissance-Humanist als soziologisches Phänomen*. München, 1948. (*Geist u. Gesellschaft. Soziologische Studien*), SS. 92—128; ср.: Herbert Weisinger. *English origins of sociological interpretation of the Renaissance*. *Journ. of History of Ideas*, v. XI, № 3, 1950.

Идеологами и теоретиками движения Ренессанса были поэты, филологи, философы и историки, представители тех отраслей знания и умственной работы (обычно объединявшихся в творчестве одного и того же лица), которые, имея своим объектом человека и все человеческое (*studia humaniora, studia humanitatis*), противопоставлялись схоластическому изучению «божественного» (*studia divina*). Отсюда наименование этих писателей — «гуманисты» (*humanista*, по аналогии с другими латинскими терминами: *legista, artista, canonista* и т. д.).

В Италии, а по ее примеру и в других странах Европы гуманисты объединялись в вольные сообщества, так называемые академии; таковы Римская академия Лэта, Платоновская академия Фичино во Флоренции, Понтановская академия в Неаполе, академия Альда в Венеции и т. д. Объясняется это тем, что университеты, за немногими исключениями, оставались в течение всей эпохи Возрождения цитаделями схоластической рутины.⁴

Гуманисты защищали в своих произведениях достоинство свободной человеческой личности, теоретически обосновывали и оправдывали стремление человека к богатству, славе, могуществу, к светским знаниям, к наслаждению жизнью. Гуманистическая программа проникнута антицерковной и антифеодальной концепцией жизни, убеждением в могуществе человеческого разума. «На место теоцентрической картины мира гуманисты поставили антропоцентрическую картину мира».⁵ Некоторые гуманисты были столь враждебны церкви, что именно на нее возлагали всю вину за гибель античной литературы и искусства.⁶

В гуманизме были и очень умеренные, даже ретроградные течения, более связанные с традиционным средневековым мировоззрением, чем с новой идеологией (типичными их представителями во Флоренции конца XIV—XV в. были Доминичи и Чино Ринуччини), но не они играли ведущую роль в эпоху Возрождения.

Для всех гуманистов XIV—XV вв., независимо от направления, характерно увлечение античностью, преклонение перед ее ценностями. Литературные и художественные достижения классической древности гуманисты считали образцовыми, достойными подражания. Однако античное наследие гуманисты использовали совершенно самостоятельно, в интересах новых потребностей на-

⁴ Майлендер (M. Ma y l e n d e r. *Storia delle Accademie d'Italia*. Bologna, 1926—1930) описывает несколько сот академий, возникавших в Италии в течение XVI—XVII вв. Что касается Франции, то здесь академии до 60-х годов XVII в. не имели никакого отношения к истории, а объединяли поэтов и музыкантов. См.: Frances A. J a t e s. *The French Academies of the XVI century*. London, 1947.

⁵ H. von S r b i k. *Geist und Geschichte*, Bd. I. 1950, S. 48.

⁶ См. ниже, стр. 249—250.

рождающегося буржуазного общества. «Обращение к античности, — замечает Антонио Грамши, — ... само по себе не может создать культуры».⁷ Между тем люди Возрождения создали свою оригинальную и богатую культуру, хотя они в первую очередь, казалось бы, только собирали, переводили, публиковали, изучали и комментировали произведения древних, причем делали это с энтузиазмом, с подлинной страстью. Все это было бы непонятно, если бы мы не знали, что в произведениях древних они находили материалы для обоснования прав разума по отношению к вере, для полной секуляризации мысли и знания, для защиты своих политических идеалов, для совершенствования своего языка и стиля, для эстетического и нравственного воспитания молодого поколения.

В решении этих задач важную роль сыграло непосредственное знакомство гуманистов с великими творениями греческих ученых, мыслителей, художников слова. Итальянским гуманистам было уже вполне ясно, что римская культура сильно зависела от греческой. Следует подчеркнуть, что сокровища греческой литературы открылись впервые именно перед гуманистами Италии благодаря давним культурным и политическим связям с Византией, оттуда перешли в Италию и древнегреческие рукописи, и учителя древнегреческого языка.⁸

Провозглашенные гуманистами идеалы свободной, всесторонне развитой, гармонической личности (*uomo universale*) имели, правда, в виду лишь меньшинство политически полноправных, зажиточных граждан (составлявших, например, во Флоренции не более 3% всего населения). За редкими исключениями гуманисты не были демократами. Подобно своему предшественнику в XIV в. Франческо Петрарке, они относились пренебрежительно к простому народу (*vulgus*) и с одинаковым усердием обслуживали как буржуазные правительства городов-республик, так и дворы «тиранов», королей, римского папы.⁹ Будучи, как правило, равнодушными к религии, они считали ее необходимой для народа. Макиавелли писал об этом с присущим ему цинизмом, прославляя мудрость легендарного римского царя Нумы, который ввел религиозный культ, чтобы с помощью жрецов дер-

⁷ Антонио Грамши, *Избранные произведения*, т. III, М., 1959, стр. 282.

⁸ P. O. Kristeller. 1) *Humanism and scholasticism in the Italian Renaissance*. Byzantium, v. 17, 1945, p. 348 sq.; 2) *The Classics and Renaissance Thought*. Cambridge, 1955; 3) *The Place of Classical Humanism in Renaissance Thought*. Journ. of History of Ideas, v. XIII, 1952, pp. 450—468; Г. М. Хартман. Значение греческой культуры для развития итальянского гуманизма. *Визант. восток*, XV, 1959.

⁹ A. von Martin. *Petrarca und Augustin*. AKG, Bd. 18, 1928, S. 258 ff. Здесь приведен ряд пренебрежительных высказываний Петрарки о *vulgus*. Об отношении других гуманистов к простому народу см.: Я. Буркгардт. *Культура Италии в эпоху Возрождения*, т. II. СПб., 1906, стр. 330.

2. ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Пионерами гуманистической историографии, заложившими основы исторической науки, были итальянские писатели эпохи Возрождения, занимавшиеся филологией и риторикой, политической публицистикой, римскими древностями, философией и правом. Все эти отрасли знания, еще не обособившиеся в научные специальности, наложили печать на историческую литературу.

Немалое влияние на гуманистическую историографию оказали также античные образцы, в частности и в особенности Ливий и Полибий.

Что касается средневековых хроник, то к ним итальянские гуманисты относились с величайшим пренебрежением, что не мешало им широко пользоваться хрониками в качестве первоисточников.¹² Последнее объясняется тем, что многие итальянские гуманисты являлись официальными историографами того или иного города-государства и поэтому, вопреки Петрарке, считавшему единственно достойным предметом исторических занятий древний Рим, много внимания уделяли и средним векам.¹³ К этому их побуждал и местный патриотизм, желание рассказать историю превращения родного города в независимую коммуны (т. е. историю XI—XIII вв.). Таким образом, историки-гуманисты были в гораздо большей степени «медиевистами», чем это принято думать, хотя история древнего Рима никогда не теряла для них притягательной силы.

Тематика итальянских историков-гуманистов была — во всяком случае до XVI в. — локально и национально ограниченной; «всемирной» историей в отличие от средневековых хронистов они почти не занимались. Следуя античной литературной традиции, они в своих общих работах давали только политическую историю. Немало внимания они уделяли и вопросам истории

Полезна критическая сводка новейшей буржуазной литературы с марксистских позиций, которую дает Клосковска (Antonina Kłoskowska. Machiavelli jako humanista na tle wloskiego Odrodzenia. Lodz, 1954).

¹² Вот типичная гуманистическая формулировка, принадлежащая Полидору Виргилию: «Монашеские анналы голы, грубы, хаотичны и лживы (nudi, rudes, indigesti, mendosi)... Образованный человек читает их с отвращением и с трудом понимает». Цит. по: Denys Hay. Polydore Virgil. Oxford, 1952, p. 155 sq.

¹³ Леонардо Бруни и Поджио Браччиолини, авторы трудов по истории Флоренции, были освобождены от налогов и удостоены многих других почестей; Макиавелли, выполнявший такое же поручение, получал регулярно жалованье по ведомости Пизанского университета, хотя он там не преподавал; Сабеллико был официальным историографом Венеции, Лоренцо Вилла, Понтано и Фацио — неаполитанского короля, Бернардино Корсио и Симонетта — Милана, Джованни Серкамби — Лукки, Пьер Паоло Верджерио — Падуи, и т. д. Все эти историки-гуманисты получали за свой труд материальное обеспечение. Назначение официальных историографов практиковалось при дворах королей и крупных феодалов уже в раннее средневековье.

жать в узде народную массу.¹⁰ И тем не менее гуманисты, среди которых появляются «титаны учености, мысли и характера» (Энгельс), создавали культурные ценности общечеловеческого значения и выдвинули ряд плодотворных идей, ставших отправным пунктом для новых дерзаний человеческого разума в XVII—XVIII вв.

В истории итальянского Возрождения и гуманизма различают (не считая предренессансных явлений XIII—XIV вв.) два этапа: XV столетие (Кваттроченто), когда преобладает интерес к общественным наукам и когда многие видные гуманисты активно участвовали в общественно-политической жизни, и XVI столетие (Высокий ренессанс), когда на первое место вышли естественные науки и искусство достигло наибольшего блеска, несмотря на то, что в Италии в этом столетии постепенно исчезают все те экономические и социально-политические условия, которые сделали возможным замечательный взлет ее культуры.¹¹

¹⁰ N. Machiavelli. Discorsi, lib. 1, cap. XI.

¹¹ Данная здесь общая характеристика итальянского Возрождения, как и концепция Возрождения и гуманизма всех историков, стоящих на позициях марксизма-ленинизма, является развитием известных мыслей Энгельса по этому вопросу (см. его «Диалектику природы»; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 345—347). В советской литературе, кроме монографии М. А. Гукковского «Итальянское Возрождение» (т. I, Л., 1947; т. II, Л., 1962), этой эпохе посвящены труды главным образом историков искусства: В. И. Лазарев. Происхождение итальянского Возрождения. Т. I, М., 1957; т. II, М., 1959; В. Кеменов. Статьи об искусстве. М., 1956, и др. Большое научное значение сохраняют исследования А. Н. Веселовского: 1) Вилла Альберти. М., 1870; то же: Собр. соч., т. III, 1908; 2) Боккаччо, его среда и сверстники, тт. 1, 2. 1893—1894; то же: Собр. соч., тт. V, VI, 1915—1919, и ряд статей этого ученого, а также исследование М. Корелина «Ранний итальянский гуманизм и его историография» (тт. I—IV, изд. 2, СПб., 1911), основанное на изучении обширного круга в значительной части не опубликованных первоисточников. Обзор советской литературы см. в ст.: М. А. Goukovski. La Renaissance italienne dans les travaux des historiens de l'URSS. 1956 (Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance, t. XVIII).

Вопрос о сущности Возрождения, его начале, причинах возникновения и историческом значении породил на Западе огромную и непрерывно растущую литературу. Наиболее полный (хотя тоже имеющий значительные пробелы) критический обзор этой литературы, но с полурелятивистских позиций, дал американский либеральный историк Фергюсон (Wallace K. Ferguson. The Renaissance in historical Thought. Five Centuries of Interpretation. 1948). См. также богатую библиографию в кн.: Carlo Angeli. Il Problema religioso del Rinascimento. Storia della critica e bibliografia. Firenze, 1952. О более поздней литературе дает представление аннотированная библиография в кн.: Frederico Chabod. Machiavelli and the Renaissance. London, 1958; см. также: New Cambridge Modern History. V. I. Renaissance, 1493—1520. Ed. by K. R. Potter. Cambridge, 1957. Критические замечания по поводу буржуазных концепций Возрождения см. в статьях В. Н. Лазарева: 1) Против фальсификации истории культуры Возрождения. В сб.: Против буржуазного искусства и искусствознания, М., 1951; 2) Проблема Возрождения в освещении ренессансных писателей. Из истории социально-политических идей. Сб. в честь акад. В. П. Волгина, М., 1955.

культуры, но трактовались эти вопросы в специальных трудах — биографического жанра (многочисленные жизнеописания поэтов, художников, ученых, пап, кондотьеров, банкиров), историко-географического содержания (вроде «Европы» и «Азии» Энеа Сильвио или «Иллюстрированной Италии» Биондо), в сочинениях по истории римского права, по археологии, эпиграфике и топографии. В связи с появлением материалов о жизни народов в новооткрытых землях Европы и Азии к этому присоединились с XVI в. первые опыты сравнительной этнографии.

Следует также отметить интерес гуманистов к вопросам теории истории. На протяжении XV в. теоретические соображения находили себе место (как это и до них практиковалась) в письмах и конкретно-исторических трудах, особенно в предисловиях к ним. Так, Бруни в Prooemium к своей «Флорентийской истории», получившей у новейших исследователей почетное название «Манифеста гуманистической историографии», говорит о пользе чтения исторических трудов: 1) для приобретения навыков хорошего стиля; 2) ввиду воспитательной ценности истории; 3) вследствие того, что «разумному человеку приличествует знать», как возникла его родина, какое прошла развитие и какие судьбы ее постигли; 4) наконец, потому, что знание истории «дает величайшее удовольствие».¹⁴ Интересные соображения мы находим в письме, которое Гварино Веронский послал в 1446 г. своему другу Тобию из Борго по случаю назначения последнего придворным историографом в Римини. Он указывает на различие между историей, которая для него есть только «рассказ о настоящем» (narrazione del presente) и анналами — «рассказом о прошлом» (narrazione del passato). Далее он призывает историка к беспристрастию: «Настоящий историк должен забыть себя самого, стать бесстрастным, жить по своим законам и не быть приверженным к какому-либо государству» (все это было, разумеется, только благим пожеланием). Наконец, он рекомендует придерживаться цецероновского порядка изложения: сначала намерение, затем его осуществление и в заключение — результаты. По мнению Гварино, красота формы (языка, стиля, композиции) необходима для того, чтобы у читателя не возникло сомнений в правдивости историка.¹⁵

В XVI в. выходят специальные трактаты, в которых вопросы теории исторического знания ставятся значительно шире. В них рассматриваются не только цели и значение истории, методика ее изучения, принципы изложения и т. п., но и критически оцениваются существующие произведения по разным разделам кон-

¹⁴ Franco Gaeta. Lorenzo Valla. Filologia e storia nell'umanesimo italiano. Napoli, 1955, p. 181.

¹⁵ Giuseppe Saitta. Nicolò Cusano e l'umanesimo italiano. Bologna, 1957, p. 70; R. Sabbadini. Il metodo degli umanisti. Firenze, 1920, p. 76; Denys Hay. Polydore Virgil, p. 150 sq.

кретной истории. Иоганн Вольф перепечатал 18 таких трактатов в сборнике, вышедшем в Базеле в 1579 г. Но их было значительно больше, и уже один этот факт говорит об ощущавшейся тогда потребности подвести итоги первым успехам народившейся исторической науки.¹⁶

Важнейшим достижением гуманистов является секуляризация исторической мысли. В их трудах история окончательно отрывается от богословия и становится глубоко светской отраслью знания. Бесследно исчезают августиновский провиденциализм, христианская эсхатология, вера в действие потусторонних сил — бога, дьявола и т. д. Для объяснения исторических событий историк стремится обнаружить их естественные причины. При обработке повествовательных источников, как средневековых, так и античных, заботливо устраняется все, не поддающееся рациональному истолкованию, — мифы, легенды, чудеса.¹⁷ Если сверхъестественные явления упоминаются, то лишь с целью насмешки: Макиавелли и Гвиччардини прямо издеваются на верой людей в божественное провидение. Гвиччардини советует читателям никогда не говорить, что бог помог такому-то, ибо он хороший человек, и заставил страдать такого-то, ибо он человек испорченный, так как «часто мы видим прямо противоположное».¹⁸

В тех случаях, когда естественные причины казались гуманистам недостаточными, они прибегали к заимствованному у древних понятию «фортуны» или случайности. Поджио Браччиолини своему описанию остатков античных построек в Риме, которое у него связано с историей падения империи, дает название «Об изменчивости фортуны города Рима» («De fortunae varietate urbis Romae et de ruina eiusdem descriptio»).¹⁹ Гвиччардини даже порицает историков, которые все приписывают расчету, не учитывая «силы случая». «Человеческие дела, — пишет он, — во все времена получали великие толчки от случайных событий, которые человек не в состоянии ни предусмотреть, ни предотвратить, и хотя человек может на многое воздействовать, если он понимает происходящее и принимает меры предосторожности, однако этого еще недостаточно, и удача в делах необходима».²⁰

¹⁶ Johannes Wolfius. Artis historicae penus, vv. 1, 2. Basel, 1579. Первое издание этой книги, насчитывавшее только 12 трактатов, вышло в 1576 г.

¹⁷ R. Sabbadini. Il metodo..., p. 85.

¹⁸ Fr. Guicciardini. Ricordi, 92: «Non dire: Dio ha aiutato il tale perchè era buono, il tale è capitato male, perchè era cattivo; perchè spessi si vede il contrario».

¹⁹ См.: Я. Буркгардт. Культура Италии..., т. I, СПб., 1904, стр. 216; Г. Фойгт. Возрождение классической древности или первый век гуманизма, т. II. М., 1884, стр. 10—14.

²⁰ Ricordi, 30: «Ho всему, что в состоянии сделать человек, необходима еще удача» («Ma gli bisogna ancora la buona fortuna»); ср.: В. Гроссе. Teoria e storia della storiografia (цит. по англ. перев. 1921 г.), p. 235.

Некоторые новейшие буржуазные историки видят в гуманистическом понятии «фортуна» нечто иррациональное и мистическое; в действительности же оно служит для обозначения комбинации не поддающихся строгому учету факторов, среди которых особое место занимает характер исторического деятеля, его *virtù*, т. е. доблесть, сила духа, природный талант — свойства, совершенно не связанные с «добродетелью» и вообще с моральными качествами. Соотношение фортуны и *virtù* наиболее подробно разработал Макиавелли. Фортуна всемогуща, если ей не поставить преграды в виде усилий человека, его *virtù*; раз она то благоприятна, то неблагоприятна, значит человек то понимает, то не понимает свое время и сами качества его, а не случайность, создают ему успех или приводят к гибели.²¹ Иначе говоря, чем больше *virtù*, тем меньшую роль в успехе или неудаче исторического деятеля играют случайности.²² В подобных рассуждениях нельзя усмотреть ни грама мистицизма.

Таким образом, гуманисты, по выражению одного современного историка, «спустили историю с неба на землю, видя в ней естественное и человеческое явление, ища ее объяснение в ней самой как человеческой деятельности, а не как отражении трансцендентной воли».²³

Наряду с секуляризацией истории важное значение для становления исторической науки имело начатое гуманистами систематическое применение исторической критики.²⁴ Вражда гуманистов к предшествующему периоду средневековья, который они считали периодом мрака, или «готического варварства», обусловила, несомненно, их скептическое отношение и ко всей средневековой письменной традиции. Отвергая средневековые авторитеты, они начинают подвергать сомнению и многие документы, дошедшие от этого времени. Первым образчиком гуманистической критики документов является письмо Петрарки к императору Карлу IV, где приведены доказательства подложности грамот,

которые якобы выдала Юлий Цезарь и Клавдий Нерон Восточной империи (Австрии).²⁵ Успехам филологической и исторической критики способствовала работа гуманистов по очищению текстов античных авторов от ошибок и искажений, внесенных монахами-переписчиками. Известно, например, что Лоренцо Валла сопоставил 20 кодексов Ливия для установления правильного текста. Такая практика помогала выработке некоторых приемов филологической критики источников, от чего выиграла не только филология, но и историческая наука. Леонардо Бруни при подготовке «Биографии Данте» («*Vita di Dante*», 1436 г.) обнаружил подложность одного архивного документа, хотя последний был снабжен подписями и печатями.²⁶ Для выяснения автентичности источника Валла впервые использовал палеографические данные. Рукопись вульгаты, которую демонстрировали верующим в одной из церквей Рима как автограф переводчика Библии св. Иеронима (т. е. конца IV в.), оказалась, как Валла установил по ее оформлению, работой малограмотного писца короля Роберта Неаполитанского (т. е. XIV в.). На основании древнейшего кодекса Лжеисидоровых декреталий Валла обнаружил интерполяции в сборнике декретов Грациана.²⁷ Ниже будет подробно показано, как этот ученый, пользуясь данными филологии, истории, истории права и других дисциплин, установил подложность так называемого «Константинова дара». Его трактат, посвященный этой фальшивке, является самым блестящим образчиком гуманистической критики текста. Выдающихся результатов в применении исторической критики достигли также Анджело Полициано во Флоренции, Понтано в Неаполе, Флавио Биондо и Помпонио Лэто в Риме, Энеа Сильвио Пикколомини и др. Последний из названных писателей подвергал сомнению любые авторитеты (кроме канонических!) и уже довольно точно формулировал предварительные вопросы, от которых зависит признание источника заслуживающим или не заслуживающим доверия.²⁸ Из сказанного, конечно, не следует, что гуманистическая критика уже ничем не отличалась от современной. Как по общим принципам, так и по технике она была еще весьма несовершенной. Даже Валла допускал немало ошибок. Тем не менее значительность

²¹ Il Principe, cap. XXV: «... fortuna... dimostra la sua potenza dove non è ordinata virtù a resistere... Credo... che sia felice quello, il modo del cui procedere si riscontra con la qualità de' tempi (цит. по изд. 3, Andrea Zambelli, Firenze, 1880, p. 74 sq.). Ср.: Maurice Merleau Ponty, Machiavellisme et humanisme. В кн.: Umanesimo e scienza politica. Atti del Congresso Internazionale di Studi Umanistici. Milano, 1951.

²² Бицилли (P. Bizilli. La place de la Renaissance dans l'histoire de la civilisation. Revue de littérature comparée, 1934, № 2) указывает на то, что эту мысль Макиавелли взял у Марсилиа Фичино.

²³ Franco Valsecchi. Caratteri ed aspetti della storiografia del Rinascimento. Roma, s. a., p. 8; ср.: A. Buck. 1) Italienischer Humanismus. AKG, Bd. 37, 1955; 2) Das Geschichtsdenken der Renaissance. 1956.

²⁴ Парадоксальное утверждение Ланглуа (Ch. V. Langlois. Manuel de bibliographie historique. Paris, 1901—1904, p. 242 sq.), что критические способности во все времена были одинаковы, а легковверных историков и теперь не меньше, чем в древности и средние века, к вопросу о развитии методов исторической критики не имеет никакого отношения.

²⁵ Francesco Petrarca. Epistolae seniles. Basileae, 1554; p. 1057. Петрарка опирается на чисто филологические соображения. См.: Fr. X. von Wegele. Geschichte der deutschen Historiographie. München—Leipzig, 1885, S. 32; Г. Фойгт. Возрождение классической древности... т. II, стр. 441 сл.; В. К. Яцунский. Историческая география. М., 1955, стр. 26 сл.

²⁶ См.: F. Beck. Studien zu Lionardo Bruni (Abhandl. zur Mittleren u. Neueren Geschichte, hrsg. von G. v. Below, H. Finke, Fr. Meinecke. Berlin—Leipzig, 1912), S. 54.

²⁷ L. Barozzi, R. Sabbadini. Studi sul Panormita e sul Valla. Firenze, 1891, p. 248 sqq. Ср. стр. 271.

²⁸ Fr. v. Wegele. Geschichte... S. 37.

достигнутого прогресса по сравнению с проблесками критического подхода даже у лучших церковно-феодалных хронистов не вызывает сомнений. Между первыми и вторыми и в этом отношении лежит пропасть.

Только благодаря достижениям итальянских филологов и историков Кваттроченто стал возможным блестящий успех группы юристов XVI в. (Гильома Бюде, Андреа Альчиато и Жака Кюжас), которые обнаружили в кодексе Юстиниана ряд позднейших интерполяций и доказали, что право поздней империи является отклонением от классического римского права, или успех Карла Сигония, мастераски доказавшего подложность хартий Феодосия II Болонскому университету.²⁹

С успехами историко-филологической критики связано коренное изменение отношения историка к источнику. Ученые школы XIII—XIV вв. утратили живую связь с первоисточниками: юристы довольствовались глоссированием глосс к глоссам; философы комментировали комментарии к Аристотелю; историки для своих трудов обращались преимущественно к старым компиляциям, брали материалы из вторых и третьих рук. Гуманисты же выдвинули принцип: работать по первоисточникам. «Ad fontes!» — стало их лозунгом. При этом (что самое важное и что решительно отличает их от прежних ученых) они требовали знакомства с источником на языке оригинала. Кроме того, среди источников они начинают делать выбор, различать источники по степени их достоверности. Относясь с осторожностью к устной традиции, они переносят центр тяжести на письменные свидетельства. Значительно шире, чем когда-либо раньше, хотя еще недостаточно, гуманисты привлекают архивные документы, надписи, археологические данные, вещественные памятники — монеты, медали, надгробия, и т. п. материалы, которые они собирали с необыкновенным усердием.

Подвергая систематической проверке и сопоставлению письменные источники, гуманисты стремятся сосредоточить в своих руках возможно большее число источников, особенно относящихся к античности. Что касается истории средних веков, то такие выдающиеся историки, как Бруни или Макиавелли, нередко ограничивались для целых периодов одним каким-либо повествовательным источником, который они считали заслуживающим доверия, обрабатывая его стилистически, очищая от легендарного материала и делая на основании его данных новые выводы.

Успехам исторической критики, как и вообще росту гуманистической образованности, значительно содействовало распростра-

²⁹ Правда, эти отклонения были отнесены за счет «преступлений Трибониана» (facinora Triboniani), но это дела не меняет. См.: Santo Mazzarino. La fine del mondo antico. Milano, 1959.

нение книгопечатания. Гуманисты XVI в. недаром восторженно отзывались об этом изобретении. Историк Варки пишет о «бесконечных чудесах нового времени, неведомых древним», называя на первом месте среди этих чудес появление печатного станка. Жан Боден в шестой книге своего «Метода для легкого изучения истории» замечает: «Одно искусство книгопечатания в состоянии уравновесить все изобретения древних вместе взятые».³⁰ Гуманисты XVI в., знавшие, как горько жаловался Петрарка на трудности, связанные с подысканием переписчика для своих произведений, не могли не оценить по достоинству великого значения изобретения Гутенберга.³¹ По крайней мере с конца XV в. они получили благодаря книгопечатанию возможность без больших затрат и усилий сосредоточивать в своих руках большое количество книг, сопоставлять тексты, относящиеся к одному и тому же вопросу, устанавливая наиболее достоверную или правдоподобную версию, т. е. систематически, а не от случая к случаю, производить наиболее элементарные операции исторической критики.³²

В этой связи можно отметить и перемену во внешнем оформлении исторического труда. Используя данные тех или иных произведений, приводя из них цитаты, некоторые гуманисты считают уже необходимым выделять в своем тексте чужие мысли и слова с точным указанием названия и страницы книги, откуда заимствован материал. Так возникает (впервые у гуманиста XV в. Флавио Биондо) «ученый аппарат» сносок и примечаний, принципиально отличный от тех глухих, случайных и неточных ссылок

³⁰ I. Bodini. Methodus ad facilem historiarum cognitionem (1607), p. 432 sq.: «...una typographia cum omnibus omnium veterum inventis certare facile potest». Ср.: Frederico Chiodi. Machiavelli and the Renaissance. London, 1958, p. 197.

³¹ Об этих затруднениях Петрарка писал Боккаччио. См.: G. Tira-boschi. Storia della letteratura italiana, t. V. Venezia, 1823, p. 128. Ланглуа (Ch. V. Langlois. Manuel..., p. 247 sq.) оспаривает положение о важной роли книгопечатания в успехах гуманистической образованности и, в частности, гуманистической историографии, ссылаясь на то, что почти все гуманисты XV в. умерли до широкого распространения типографий. «Не является парадоксальным утверждение, — добавляет он, — что книгопечатание на некоторое время скорее даже повредило интересам Возрождения, размножив литературную продукцию средневековья». Верно, что в XV в. было напечатано немало богословских трактатов и средневековых хроник, но ведь и все доступные гуманистам произведения древних авторов вышли в свет из итальянских типографий до 1500 г. См. список античных исторических произведений, изданных только между 1469 и 1480 гг., в кн.: В. К. Яценский. Историческая география, стр. 49 сл. С другой стороны, до появления печатных книг наиболее доступными по цене и распространенными были рукописи богословских и юридических произведений.

³² Особенно поучителен в этом отношении труд немецкого гуманиста XVI в. Левенклава (Löwenclav) «Апология в защиту Зосима», где он сопоставляет этого языческого автора с Евсевием Кесарийским и доказывает правдивость первого и лживость второго.

на источники, которые встречаются у Гелинанда, Винченца и Бовэ и некоторых других авторов компиляций XIII—XIV вв.

Все изложенное позволяет утверждать, что именно благодаря гуманистам история начинает становиться наукой, хотя в XV в. все они, следуя древним, еще относили ее к категории «искусства» (*arte*) и хотя даже в следующем столетии взгляд на историю как особую ветвь науки не получил всеобщего признания.

Проводя последовательно секуляризацию исторического знания, освобождая историю от груза церковно-феодалных представлений, гуманисты, естественно, не могли не отвергнуть и богословскую периодизацию истории, унаследованную средними веками от «отцов церкви». Уже Петрарка в 1341 г. пришел к выводу о существенном различии между древней греко-римской цивилизацией и теми «веками варварства», которые настали в результате падения Рима. Империю Карла Великого он называет «мнимой Римской империей», а самого Карла третирует как варвара, которого историки «посмели поставить рядом с Помпеем и Александром, присвоив ему звание „великого“». ³³ Итальянские гуманисты следующих поколений усвоили и развили эту концепцию, означавшую полный разрыв с идеей «переноса империи». Хотя, как мы видели (см. гл. вторую, стр. 81), уже в XII в. эту фикцию, опиравшуюся на евсевианско-иеронимовскую схему «четырех монархий» и убеждение в «вечности Рима», отвергли Ордерик Виталий, Иоанн Сольсберийский и некоторые другие авторы, но они исходили из интересов англо-французских феодалов, враждебно относившихся к притязаниям немецких королей как «римских императоров» на верховную светскую власть над всем миром. К тому же их критика не подрывала богословской концепции истории и не была связана с пониманием качественного различия между древней Римской империей и средневековой «священной римской империей». Гуманисты же XV в., можно сказать, открыли, что античное государство и его культура около V в. погибли и что с этого времени начинается новая эпоха истории — средние века. Хотя термины «*medium aevum*», «*media tempestas*» лишь спорадически встречаются в произведениях гуманистов XV—XVI вв., да и то преимущественно в приложении к развитию латинского языка, однако нет сомнения в том, что самое понятие средневековья выработано именно ими. ³⁴ Первая общая история средних веков от падения Римской империи («*Historiarum decades III ab inclinatione imperii Romani*», 410—1440) принадлежит крупнейшему римскому гуманисту-исто-

³³ F. Petrarca. *Epistolae de rebus familiaribus*. Firenze, 1863, I, I, 4: «*Carolus quem magni cognomine aequare Pompeio et Alexandro audent*». Цит. по: Theod. E. Mommsen. *Petrarch's conception of the «Dark Ages»*. *Speculum*, v. IV, 1942, p. 235.

³⁴ См.: L. Varga. *Das Schlagwort vom finsternen Mittelalter*. 1932; Giorgio Falco. *La polemica sul medio evo*. Torino, 1933; ср. стр. 262.

рику Флавио Биондо. Средним векам гуманисты противопоставляли, с одной стороны, древность (*antiquitas*), с другой — время, в которое они жили сами и которое они определяли как возрождение угасшей античной культуры или как *tempora recentiora* — новое время. Так зарождается в произведениях гуманистов деление истории на древнюю, среднюю и новую (так называемая «гуманистическая трихотомия»). Эта периодизация принципиально отличается от богословской схемы «шести возрастов» и «четырех монархий». Она предполагает понимание качественного различия между большими эпохами человеческой истории и вместе с тем показывает, что у гуманистов уже возникло чувство исторической перспективы, совершенно чуждое средневековым хронистам.

Следует, впрочем, заметить, что, создавая новую периодизацию, итальянские гуманисты XV—XVI вв. не считали возможным полемизировать с отвергаемой ими богословской схемой. Они предпочитали игнорировать ее, как игнорировали или обходили все вообще опасные или скользкие вопросы церковной догматики и феодально-христианского мировоззрения. Не будучи по темпераменту бойцами, нередко завися материально от церкви, они придерживались осторожного правила, формулированного Гвиччардини: «Никогда не спорьте с религией, ни с вещами, относящимися к богу, потому что этот предмет слишком сильно укоренился в умах дураков». ³⁵ Только в середине XVI в. французский гуманист Жан Боден открыто выступил против «укоренившегося заблуждения насчет четырех империй» (см. гл. восьмую, стр. 407).

Тем не менее в редком историческом произведении итальянских гуманистов мы не почувствуем пренебрежения или открытой враждебности к феодальной культуре средневековья. Здесь они особенно ясно выступают как прямые предшественники историков эпохи Просвещения. Относясь с восторженным почтением к античности как периоду блеска, процветания искусств и литературы, они называют время, наступающее после падения Рима, временем полной тьмы, «готического варварства». Филиппо Виллани в «Книге о знаменитых флорентийских гражданах» пишет: «Поэзия... и особенно искусства погибли, когда католическая вера стала относиться с ненавистью к поэтическим вымыслам как опаснейшей и пустейшей вещи». ³⁶ Лоренцо Гиберти в своих «Комментариях» обвиняет средние века в уничтожении живописи, скульптуры и книг, посвященных искусствам. ³⁷ Джорджио Ва-

³⁵ Francesco Guicciardini. *Opere a cura di Vittorio de Caprariis*. Appendice di Ricordi, XIX. Milano—Napoli, 1953, p. 146: «Non combattete mai con la religione, ni con le cose che pare dependono da Dio; perchè questo oggetto ha troppo forza nella mente degli sciocchi».

³⁶ Filippo Villani. *Liber de civitatis Florentiae famosis civibus*. Цит. по: W. K. Ferguson. *Italian Humanism*, p. 20; B. L. Ullman. *Renaissance. The word and the underlying concept*. *Studies in Italian Renaissance*. Roma, 1955, p. 16 sq.

³⁷ См.: F. Chabod. *Machiavelli*, p. 153 sq.

зари в «Биографиях знаменитейших художников, скульпторов и архитекторов» углубляет в XVI в. высказывания гуманистов XV в.: «После Константина, — пишет он, — все виды доблести были утрачены, прекрасные души и умы испортились, став безобразными и низкими, а горячее усердие приверженцев христианства причинило огромный вред искусствам».³⁸

Нетрудно показать, что вражда гуманистов к средним векам обусловлена далеко не одним лишь упадком искусства, но еще в гораздо большей степени их отрицательным отношением к феодализму, вполне понятным у идеологов формирующейся буржуазии. Характерны с этой точки зрения письма Поджио Браччиолини из Англии (за 1417—1442 гг.) к друзьям во Флоренции Николо Никколи и Леонардо Бруно. В одном из писем он дает уничтожающую характеристику английской знати, которая увлекается охотой и различными грубыми забавами и совершенно равнодушна к классическим авторам. В другом он пишет о «варварстве» всей этой страны, причиной чего является, по его мнению, «деспотическая феодальная система, которая господствует у этой нации и которая не позволяет горожанину или простому ремесленнику посылать сыновей в школу без разрешения сеньоров». Они хотят держать народ подальше от источников просвещения, с негодованием замечает Поджио.³⁹

Еще откровеннее ненависть к феодалам выступает в формулировках Макиавелли. В своих «Рассуждениях на „Декады“ Тита Ливия» («Discorsi») он дает следующее определение феодальному дворянству: «... дворянами (*gentiliumini*) называются те, кто живут праздно, в полном изобилии, доходами от своих имений, не заботясь ни о возделывании земли, ни о каком-нибудь другом занятии, необходимом для жизни. Дворяне опасны для городов-республик, но наиболее опасными из них являются владетели замков и вообще феодалы, имеющие своих подданных». Дворян Макиавелли считает «врагами всякой гражданственности» (*nemici d'ogni civiltà*). Для того, чтобы буржуазная республика могла существовать, нужно истребить всех дворян. Во избежание недоразумений Макиавелли далее объясняет, что он не имеет в виду таких дворян, как венецианские, это «дворяне более по названию, чем фактически», ибо доходы и богатства их имеют своим основанием не земельные владения, а «торговлю и движимое имущество».⁴⁰

³⁸ Цит. у: В. Сросе. *Teoria...*, p. 241.

³⁹ Цит. по: P. Domenico Bassi. *Terra nuova Bracciolini nella sua Storia*. Firenze, 1956, pp. 339, 347 (ср. письмо Л. Бруни из Констанцы, цит. выше, гл. пятая, стр. 225); ср.: R. Weiss. *Humanism in England during the XV century*. Oxford, 1957, pp. 7—17.

⁴⁰ N. Machiavelli. *Discorsi sopra la prima deca di T. Livio*, lib. I, cap. LV; цит. здесь и всюду по изд. Замбелли (A. Zambelli, Firenze, 1880, p. 201 sqq.). Макиавелли в данном случае продолжает и развивает гумани-

В исторических произведениях гуманистов основные политические силы старофеодального мира — папство и империя — получают самые неприязненные оценки и характеристики. Историк римских пап Платина, разоблачитель подложности «Константинова дара» Лоренцо Валла, теоретик суверенного светского государства Макиавелли причинили авторитету папства немалый вред (см. стр. 272, 283). Конечно, от всей массы итальянских гуманистов трудно было ожидать смелых выступлений против папства как учреждения, слишком тесно связанного в рассматриваемое время с интересами итальянских ростовщиков и банкиров. Зато средневековая империя, как мы видели, была подвергнута неумолимой критике. В противовес этой исторической фикции, служившей интересам германских и отчасти итальянских феодалов, Леонардо Бруни подчеркнул в своих жизнеописаниях Данте и Петрарки историческое значение городских коммун, которые «пробудили» Италию к новой государственной и культурной жизни, а во «Флорентийской истории» непочтительно назвал императора Фридриха Барбароссу, покушавшегося на свободу и независимость этих коммун, «не императором, а вторым Ганнибалом». Таким образом, в отношении к «Священной Римской империи» гуманисты решительно разошлись с Данте, стоящим здесь на чисто феодальной позиции.

Из той же вражды к феодализму, который повсюду стеснял буржуазию и даже в Италии угрожал ее социально-экономическим завоеваниям, вытекает и принижение в трудах гуманистов культурных достижений предшествующих периодов средневековья: народного языка (*volgare*), хотя они им и пользовались наряду с латынью; церковно-феодальной архитектуры, получившей у них презрительное наименование «готической», т. е. варварской; средневековой рыцарской литературы и поэзии, церковно-феодальной историографии. Гуманисты осудили схоластический метод в науке и всю схоластическую философию средневековья; они отвергли феодальное право, считая единственно достойным изучения римское право; они отвергли и феодальную сословно-представительную монархию, противопоставляя ей свой политический идеал — либо буржуазно-аристократическую республику, либо абсолютную монархию.⁴¹

стическую антифеодальную традицию, получившую яркое выражение уже в диалоге Поджио «О знатности» («*De nobilitate*»). Разбор этого диалога см.: М. Корелин. *Ранний итальянский гуманизм...*, т. IV, стр. 295 сл. Приведенное место из «Discorsi» привлекло к себе особое внимание Маркса (К. Маркс. Выписки из сочинений Макиавелли. С предисл. В. Максимова. Архив Маркса и Энгельса, т. IV, см. особенно выписки №№ 12, 14).

⁴¹ По вопросу об отношении гуманистов к народному языку: Филиппо Виллани счел нужным подчеркнуть, что его дядя и отец (Джованни и Маттео Виллани) писали по-итальянски, так как были недостаточно образованными людьми; Бруни прямо говорит, что культурный человек может достой-

Не следует, впрочем, преувеличивать ни размаха, ни глубины и последовательности идейной борьбы гуманистов с феодализмом. Если не все, то значительное большинство из них отличалось житейским и идейным оппортунизмом, примеры чего уже приводились выше. Нельзя также игнорировать церковно-феодалные пережитки в их собственном сознании, ведь они жили еще в условиях феодального строя, лишь кое-где подорванного сверххранним капиталистическим развитием. Далее будет показано, что гуманистическая концепция истории была и в XV, и в XVI в. далека еще от полной победы. Даже в гуманистическом лагере новые взгляды не разделялись безоговорочно всеми; Флавио Биондо жаловался на существование средневековых пережитков в исторических трудах. Подобно тому, как буржуазия итальянских городов-государств не была еще буржуазией в новейшем значении этого слова, так и гуманисты (так сказать, буржуазная интеллигенция), будучи во многих отношениях людьми нового времени, сохраняли в своем творчестве «родимые пятна» средневекового мировоззрения и схоластической мысли. Некоторые из них пытались примирить ортодоксальную веру с античным рационализмом; для иных мистика чисел не утратила своего очарования; наряду с Ливием, Тацитом, Полибием они читали и цитировали Орозия, переписывали и изучали письма св. Иеронима, произведения Лактанция и других ранних «отцов церкви», поскольку последние писали на классической латыни. От средневековых хронистов некоторые гуманисты унаследовали грубый прием — обосновывать свои тенденциозные положения с помощью фальсификации источников и измышления исторических фактов. Разительным примером является Анний Витербский (Джованни Нанни, 1432—1502), который в «17 томах различных древностей» («*Antiquitatum variarum volumina XVII*», Roma, 1498) подделал Бероза, Манефона, Фабия Пиктора, Катона и других древних писателей, а в приложенных к ним «Комментариях» выдумал двадцать четыре никогда не существовавших короля древней Испании с их подробными биографиями, датами жизни и проч. Его политическая задача при этом заключалась в «доказательстве» того, что испанская монархия гораздо древнее, следовательно, и

ным образом писать историю только на латинском языке. Ср.: М. Корел и Ранний итальянский гуманизм..., т. IV, стр. 311 сл. Правда, с конца XV в. некоторые гуманисты, особенно в Италии, все чаще начинают пользоваться народным языком, и их ученые труды уже затем переводятся на латинский, а не наоборот, как было раньше. Об отношении к схоластической философии достаточно сослаться на слова такого влиятельного гуманиста, как Эразм Роттердамский: «Пусть лучше погибнут все труды [Дунса] Скотта и ему подобных, чем книги одного только Цицерона или Плутарха». Цит. по: Hanna H. G r a u. Renaissance Humanism. Journ. of Hist. of Ideas, v. XXIV, № 4, 1963. Общую характеристику позиции гуманистов XV—XVI вв. по отношению к средневековой культуре см.: В. Гросе, Теория..., р. 240 s.; Н. Вагон. Das Erwachen des historischen Denkens im Humanismus der Quattrocento. HZ, Bd. 147, H. 1, 1932.

«благороднее», чем французская.⁴² Итальянские гуманисты резко выступили против фальсификатора, но это не помешало последнему стать авторитетом для гуманистов-историков в Германии, Англии, Испании.

Другими известными примерами гуманистических подлогов являются «Дневники» («*Diurnali*») Маттео Спивелли ди Джовенаццо и «Флорентийская история» Рикордано Малеспини. Эти произведения, приписываемые авторам XIII в., в действительности составлены в XVI в. путем компиляции из хроники Джованни Виллани, из «Декад» Флавио Биондо и других историков XIV—XV вв.⁴³

К числу серьезных недостатков гуманистической историографии задерживавших ее прогрессивное развитие, нужно отнести увлечение гуманистов внешними красотами стиля, риторическими приемами, заимствованными главным образом у античных писателей. Правда, и в этом отношении они превосходят средневековых хронистов, проявляя больше вкуса и большую умеренность в применении «цветов красноречия». Однако и они, подобно хронистам, заимствовали у античных историков манеру включать в свое повествование длиннейшие речи исторических личностей, причем эти речи, выдуманные от начала до конца, нередко выражают исторические взгляды и политические убеждения самих гуманистов и не всегда соответствуют обстановке. Особенно заметна искусственность подобного приема там, где на основе якобы произнесенных речей строится изложение последующего хода событий: речь того или иного политического деятеля или полководца подчас оказывает решающее влияние на дальнейшее историческое развитие. Так, например, когда Бруни излагает историю возникновения «Установлений правосудия» (1293), то он не анализирует борьбу партий или общественных групп во Флоренции, а выпускает на сцену руководителя антимагнатского движения Джано делла Белла, вкладывает в его уста длинную речь, в которой излагаются претензии «жирного народа» и ремесленников к правительству магнатов; зажженный этой речью народ поднимает восстание и меняет общественный строй коммуны. Все сводится в конечном счете к чудесному воздействию «вождя»

⁴² См.: G. Cirot. Etudes sur l'historiographie espagnole. Bordeaux, 1904. p. 67 s.; F u e t e r, p. 164 s. Нельзя согласиться с этим автором, будто целью Анния было «выяснить темные места в истории европейских народов до их соприкосновения с римлянами» и что поэтому «морально его подлог наиболее простительный» (!). На фальшивых Бероза и других сослался историк Испании и Германии даже в XVII в. Об Аннии Витербском см. также: G. Tiraboschi. Storia..., v. VI, l. III.

⁴³ Matteo di Giovenazzo. Ephemerides Neapolitanae sive Diarium rerum gestarum in regno Neapolitano ab a. 1247—1268; см.: Potthast, I, 776, f. (приведена литература). Ricordano Malaspini (ум. 1281). Historia Fiorentina dall'edificazione di Fiorenza per insino dall'anno 1281 etc.; см.: Potthast, I, 760. Авторы этих подлогов неизвестны.

на «народ», причем сила этого воздействия определяется исключительно личными достоинствами вождя. Макиавелли и Гвиччардини пишут по-итальянски, но от этого речи их героев не становятся более короткими.

Злоупотребление речами тесно связано с прагматической позицией гуманистов: объяснение событий они ищут, подобно древним, в сознательной деятельности ведущих личностей. Дальше попыток обнаружить рациональные мотивы, которыми руководились политические деятели, гуманисты (за исключением, пожалуй, Николо Макиавелли) не пошли.

Общепринятое ранее мнение о пагубном влиянии этого риторического приема на гуманистическую историографию в настоящее время оспаривается.⁴⁴ Нельзя отрицать, однако, того, что злоупотребление вымышленными речами сильно вредило историкам, которые не были такими мастерами исторического повествования как Бруни или Макиавелли.

Следует далее отметить, что историки-гуманисты, писавшие на латинском языке, стремились в своих работах применять только тот запас слов и оборотов, которые они находили у Цицерона, Ливия и других признанных стилистов древнего Рима. Новые явления в средние века создали новые слова и новые способы выражения мысли, но гуманисты с этим не считались и, таким образом, в угоду «классической чистоте» языка искажали в какой-то мере историческую действительность. Так, например, затрудняясь применять названия «гвельфы» и «гибеллины», возникшие в XIII в., они гвельфов называют «партия», а гибеллинов — «противоположная партия» (*factio — adversa factio*), или, избегая термина «святой» (*sanctus*), они пишут не «храм св. Петра», а «Ватиканская базилика», не «церковь св. Иоанна», а «храм Марса» (*templum Martis*), монахинь они неизменно называют весталками (*virgines vestales*), кардиналов — сенаторами и т. д. Благодаря этому в изложении гуманистов немало анахронизмов. Заставляя своих героев говорить на цicerоновской латыни, они и в других отношениях склонны подчас «причесывать» их на античный манер. Характерно, что когда самый блестящий

⁴⁴ См. резкое и несправедливое по отношению к гуманистической историографии замечание Я. Буркгардта (*Культура Италии...*, т. I, стр. 297): по сравнению с хроникой Виллани, пишет он, «какими деланными, бледными и условными представляются все такого рода сочинения гуманистов, в частности, произведения Леонардо Бруни и Поджио». Ср.: Г. Фойгт. *Возрождение классической древности или первый век гуманизма*, т. I, М., 1884, стр. 362 сл., а также работы П. Виллари и многих других историков конца XIX—начала XX в. Против этого выступил Сантини (*E. Santini. Leonardo Bruni aretino e i suoi Historiarum...*, libri VII. Pisa, 1910); см.: введение Сантини к указанному произведению Бруни (*RIS, XIX, pars III, p. IV sq.*); Ульман (*B. L. Ullman. Renaissance*, p. 332) поддерживает Сантини и резко критикует Фютера за несправедливое отношение к Бруни и многим другим историкам-гуманистам.

знаток классической латыни в XV в. Лоренцо Валла высказался против подобного «пуризма», требуя употребления «новых слов» для обозначения «новых вещей», то его литературный противник гуманист Бартоломео Фацио (*Bartholomaeus Facius*, ум. 1457 г.) тотчас же дал ему резкую отповедь.⁴⁵

Влияние античной историографии сказывается, наконец, и на композиции исторических работ гуманистов. Почти все они — Бруни, Поджио, Корио, Гвиччардини, Джовио и др. — придерживаются анналистической формы. Из крупных историков, пожалуй, один только Макиавелли несколько отклоняется от строго погодного изложения событий. Располагая материал в общем в хронологической последовательности, он его более свободно систематизирует и комбинирует.

Отмеченные недостатки в наибольшей мере присущи исторической школе Леонардо Бруни. Для этой школы, как и для древних, история — не наука, а одна из отраслей риторики, стоящая близко к ораторскому искусству (*opus maxime oratorium*) и даже к поэзии (*carmen solutum*, согласно Квинтилиану). История в произведениях гуманистов этой школы тесно смыкается с политической публицистикой и пропагандой. Видя в истории, подобно древним, «учительницу жизни» (*magistra vitae*), гуманисты ищут в ней уроков и рецептов политической деятельности, пригодных и для современной им обстановки. Они далеко не всегда опираются непосредственно на источники и охотно обращаются к результатам чужих исследований, только иначе используя их в соответствии со своими задачами и делая оригинальные выводы. Представителей этой школы мы находим в большом числе и в Италии, и вне ее.

Другая, менее влиятельная школа историков-гуманистов ставила перед собой непосредственно не чисто политические, а более узкие научно-исследовательские задачи, преимущественно установление исторического факта. Выработка критических приемов исследования источника, привлечение не только письменных свидетельств, но и вещественных остатков, первые опыты филологического анализа текста — вот в чем можно видеть достижение и существенную особенность этой школы. Ее родоначальником считают римского гуманиста Флавио Биондо.

Если первую школу можно назвать политико-реторической, то второй было бы правильно дать наименование эрудитской. Впрочем, произведения некоторых крупных историков заключают черты, присущие обеим школам, что не удивительно, так как эти школы не были изолированными, а влияли одна на другую.

В течение большей части XVI столетия, в период ожесточенной классовой борьбы, проходившей под знаменем Реформации, в период формирования национально-абсолютистских монархий и

⁴⁵ См. о нем: F. Gaeta. *Lorenzo Valla*, p. 187; Fueter, p. 46.

их первых столкновений друг с другом на международной арене перевес принадлежал политической школе. Она выдвинула ряд выдающихся историков, принимавших активное участие в общественной жизни в качестве писателей и политических деятелей. С конца XVI в. укрепление королевского и княжеского абсолютизма, консолидация социального господства феодалов в новой экономической обстановке, поражение революционных масс, выступавших в реформационных движениях со своей собственной социально-экономической программой, наконец, католическая реакция — все это приводит к упадку общественной жизни и политической активности, а тем самым к упадку политической историографии. На передний план выступают тогда историки-эрудиты, замыкающиеся в скорлупу своих узкоспециальных изысканий. Эрудиты, нередко пополнявшиеся из рядов монашества, делали в сущности полезное дело, подготавливая критическими исследованиями и публикациями источников позднейший подъем медиэвистики; но они лишали историческую науку ее жизненной функции — воздействия на выработку общественных идей — и тем самым резко снижали ее общественно-политическую роль. Если в XV в. и первой половине XVI в. эрудитская школа не возбудила ни в правящих верхах, ни среди широких кругов «образованного общества» большого интереса, то позднее, и особенно в XVII в., именно она пользуется всемерным покровительством папства и королевской власти, повернувшей после своей победы над сепаратизмом феодальной аристократии на путь реакции.⁴⁶

Мы рассмотрим произведения родоначальников обеих школ и их продолжателей в Италии, чтобы уточнить наши характеристики и представить более выпукло, на конкретных примерах особенности каждой школы.

3. ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В ИТАЛИИ (XV в.)

Петрарка и Боккаччио оставили несколько произведений исторического содержания — биографии «знаменитых мужей» и «знаменитых женщин», среди которых наряду с историческими личностями древнего мира немало литературных персонажей. Но и

⁴⁶ А. Грамши (Избранные произведения, т. III, стр. 282) видит в этих двух направлениях гуманистической литературы (включая и историографию) проявление «борьбы между двумя мировоззрениями — буржуазно-народным, излагавшимся на народном языке, и аристократически-феодалным, излагавшимся на латыни и обращавшимся к римской древности». Он вполне прав, указывая, что «Возрождение характеризуется этой борьбой, а не безмятежным созиданием торжествующей культуры», однако внешнее различие между «прогрессивным и регрессивным течениями» определялось не языком и даже не тематикой. Факт тот, что наиболее смелые и прогрессивные идеи излагались в XV в. и даже частично в XVI в. на латинском языке.

биографии исторических лиц имеют значение более для истории литературы, чем для историографии.⁴⁷

Первым подлинным историком среди гуманистов был Леонардо Бруни (1369—1444), родом из г. Ареццо (в 60 км от Флоренции). Свою служебную карьеру он начал при папской курии; в 1414 г. как секретарь Иоанна XXIII он присутствовал на Констанцком соборе, низложившем этого папу. После этого Бруни вернулся не в Рим, а во Флоренцию, где с 1427 г. до самой смерти занимал пост государственного секретаря, или канцлера, республики.

Бруни вначале приобрел известность своими переводами с греческого на латинский язык Плутарховой биографии Цицерона, первых двух книг Полибия («*Commentarius de bello Punico*») и «Готских войн» Прокопия («*De bello italico adversus Gothos gesto libri IV*»), причем этот последний труд, умолчав имя автора, он выдал за свой собственный. Биондо критиковал за это Бруни; тем не менее тот стел возможным позже опубликовать — также под своим именем — «Комментарий к истории Греции» («*Rerum Graecarum commentarius*»), представляющий вольный перевод «*Hellenica*» Ксенофонта.⁴⁸ Такое отношение к произведениям греческих авторов отчасти объясняется тогдашним взглядом, согласно которому главное в труде историка — это литературная форма, делающая историческое повествование приятным и, в данном случае, доступным для читателя, не знающего греческого языка, отчасти тем, что Бруни при переводе сокращал и изменял порядок изложения, отчасти, наконец, чисто средневековым представлением о литературной собственности.

Главными и оригинальными историческими произведениями Бруни являются «Комментарий о событиях своего времени» («*Rerum suo tempore commentarius*») и «12 книг Флорентийских историй» («*Historiarum Florentinarum libri XII*»). В предисловии к первому из них автор говорит, что «история времен Цицерона и Демосфена» более известна, «чем то, что было 60 лет назад». «Комментарий» содержит обзор политических событий в Италии

⁴⁷ Петрарка (1308—1374) дал в своей «Книге о знаменитых мужах» («*Liber de viris illustribus*») 21 биографию римских исторических и легендарных личностей от Ромула до Г. Юлия Цезаря. Ему приписываются также «Четыре книги достопамятностей» («*Rerum memorandarum libri IV*»), представляющие сборник исторических анекдотов, но его авторство в данном случае остается под вопросом. Боккаччио (1313—1372) написал: 1) «О знаменитых женщинах» («*De Claris mulieribus*»), в том числе не исторических личностях; 2) «De casibus virorum illustrium libri IX» — о непрочности человеческого счастья, о несчастиях, постигающих знаменитых людей, начиная от Адама; 3) биографии Данте и Петрарки (на итальянском языке).

⁴⁸ Об этих публикациях см.: Potthast, I, 172; Г. В. Васильевский. Обзор трудов по византийской истории. СПб., 1890, стр. 6; М. Корелли. Ранний итальянский гуманизм..., т. IV, стр. 101; В. L. Ullmann. Renaissance, p. 325.

с 1378 по 1440 гг., наиболее ценный в частях, содержащих историю папства, а также автобиографические данные.⁴⁹

Что касается «Истории Флоренции», то ее можно назвать программной работой гуманистической школы. Бруни писал ее в течение последних 28 лет своей жизни и последнюю, 12-ю книгу оставил незаконченной. Здесь реализованы те взгляды на историю, которые Бруни излагал в ряде писем, в трактатах о воспитании, а также в предисловии к данному труду. В первой книге рассматриваются общие проблемы истории древнего Рима и средневековой Италии до XIII в. Самым существенным при оценке того нового, что Бруни здесь вносит по сравнению с средневековыми хронистами, является установление факта упадка и гибели Римского государства и поворота к новой эпохе в результате этого крупнейшего события. Бруни пытается также выяснить его причины. Важнейшей он считает замену республиканского строя деспотической властью императоров. Величие Рима было создано свободным народом, упадок свободы означал утрату народом внутренней силы. «Падение Римской империи началось с тех пор, как Рим, потеряв политическую свободу, стал рабом императоров... После уничтожения свободы исчезла доблесть (*virtus*)». Прежде дорога к высшим должностям была открыта для тех, кто превосходил других величием духа, доблестью, талантом; с появлением же империи власть оказалась в руках порочных людей, доведших государство до гибели.⁵⁰

Заметим, что независимо от Бруни тот же тезис о преимуществе республики над монархией защищали в трудах по истории Рима Поджио, Биондо и Валла. Для всех этих историков империя означала «устранение лучших» (это не расистская формула Отто Зеека «Ausrottung der Besten»; под лучшими здесь понимаются самые достойные по личным качествам).

Бруни этим не ограничивается. Он раскрывает и роль «готских» вторжений, и значение перенесения столицы из Рима в Константинополь.⁵¹ Обосновывая последний факт как одну из причин падения империи, Бруни отмечает, что перенесение столицы оставило Италию и весь Запад на произвол судьбы: Западная империя сделалась жертвой тиранов — узурпаторов власти, а затем и легкой добычей варваров. Все силы империи были сосредоточены на Востоке, благодаря чему Восточная империя сохранилась, а Западная пала.

Не только в объяснении причин падения Рима, но и во всей исторической концепции Бруни ярко сказываются его республи-

канские симпатии, отвращение к монархической форме правления, стремление возвеличить историческое значение городских коммун. Он показывает, что Рим возвысился за счет всей остальной Италии, подавив и уничтожив свободное развитие других городов. Только с его падением открылась возможность подъема городских общин, и именно эти общины, а не средневековая империя «немецких варваров» спустя тысячелетие после гибели Рима пробудили Италию к новой государственной и культурной жизни.

Книги II—XII, посвященные исключительно истории Флоренции, также представляют собой настоящую апологию политической свободы. Главный интерес для автора состоит в выяснении того, как утрачивается и как восстанавливается свобода; примером ему служит история тирании герцога Афинского.⁵² Однако свободу Бруни понимает только как власть богатых людей: в древнем Риме это власть «нобилей», которых он противопоставляет в качестве «римского народа» наследственной аристократии — «патрициату»;⁵³ во Флоренции это власть «жирного народа», противопоставленного грандам. Что касается народной массы, то к ней Бруни относится враждебно. Убийство Гракха, вождя плебейских низов, он считает похвальным делом. В восстании Чомпи он видит бессмысленный бунт черни и извлекает из этого восстания лишь два исторических урока: во-первых, нельзя допускать, чтобы простой народ имел оружие, так как он неминуемо использует свое численное превосходство для захвата власти; во-вторых, правящим верхам нужно избегать партийных раздоров, так как последние создают благоприятные условия для народных восстаний.⁵⁴

Как и большинство историков-гуманистов, Бруни кладет в основу изложения какого-либо вопроса или периода один какой-нибудь определенный источник. Для многих книг его «Флорентийских историй» таким источником служит хроника Джованни Виллани. Все имеющиеся в ней легендарные материалы (особенно их много в рассказе о происхождении Флоренции) Бруни отбрасывает. У него мы не найдем и следов провиденциализма Виллани. Заимствуя из хроники последнее сведение о пожарах, наводнениях и прочих стихийных бедствиях, Бруни отказывается видеть в них проявление вмешательства бога в дела людей. Для него это просто случайные явления, заслуживающие упоминания только потому, что они, по его мнению, оказывали влияние на ход событий. Вместе с тем он, очевидно из политических соображений, опускает имеющиеся в хронике Виллани некоторые существенные факты из внутренней истории Флоренции. На этом основании Макиавелли, а вслед за ним Буркгардт, Фойгт, Гервинус и Фютер обвинили Бруни в одностороннем увлечении военно-диплома-

⁴⁹ М. Корелин. Ранний итальянский гуманизм..., т. IV, стр. 101 сл.
⁵⁰ RSI, v. XIX, pars III, p. 14; ср.: Santo Mazzarino. La fine del mondo antico, p. 85 sq.

⁵¹ Этому факту придавал значение и Энгельс, считая его концом древнего мира и началом средних веков. См.: Ф. Энгельс. Диалектика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 507.

⁵² RIS, XIX, pars III, p. 163.

⁵³ М. Корелин. Ранний итальянский гуманизм..., т. IV, стр. 64.

⁵⁴ RIS, XIX, pars III, p. 224; B. L. Ullman. Renaissance, p. 336 sq.

тическими событиями и в полнейшем невнимании к внутренней истории.⁵⁵ Однако уже М. Корелин показал необоснованность этого упрека.⁵⁶ В действительности Бруни — особенно в IV книге — проследивает все изменения в конституции Флоренции, отмечает причины и значение каждого изменения, рассказывает о партийной борьбе и политических переворотах. Все это дается в соответствии с его же теоретическим положением: «Знание внутреннего состояния (государства, — О. В.) не менее важно, чем внешних войн».⁵⁷ К этому нужно добавить, что Бруни дополняет Виллани новыми данными из других источников, в том числе из архивных документов. Не совсем справедливо и обвинение Бруни в полном игнорировании экономической жизни: верно, что он опускает важные статистические данные своего первоисточника, но зато он дает некоторые цифры, отсутствующие у Виллани.⁵⁸

«Флорентийские истории» Бруни пользовались большим успехом у современников. Они выдержали пять изданий до 1500 г. и были уже в 1476 г. изданы в Венеции в итальянском переводе Донато Аччайуоли. При всех их недостатках они являются значительным достижением нового исторического метода. Труд Бруни послужил образцом для ряда других гуманистов, которые, впрочем, больше восхищались его чисто внешними, литературными достоинствами, нежели сущностью нового метода.⁵⁹

Поджио Браччиолини (1380—1459), друг Бруни и один из его преемников на посту канцлера флорентийской Синьории, написал уже на закате своей жизни 8 книг «Истории Флоренции» («*Historia Florentina ab origine mundi usque ad annum 1455*»), блестящих по форме, но содержащих лишь скучные описания незначительных войн, сражений, осад крепостей, переговоров о мире.⁶⁰

Правительство Венеции, желая иметь историю своей республики, которая ни в чем не уступала бы произведению Бруни, заказало таковую профессору реторики Маркантонио Коччио

⁵⁵ Я. Буркгардт. Культура Италии..., т. I, стр. 297; Г. Фойгт. Возрождение классической древности..., т. I, стр. 363 сл.; Fueter, p. 22 ss.

⁵⁶ М. Корелин. Ранний итальянский гуманизм..., т. IV, стр. 117 сл.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ N. Rubinstein. The Beginnings of political thought in Florenz. Journ. of the Warburg Inst., V, 1942; B. L. Ullman. Renaissance, p. 343 sq.; H. Baron. Die politische Entwicklung der italienischen Renaissance. HZ, Bd. 174, 1952, SS. 31—56.

⁵⁹ Гуманист Марсупини сочинил следующую эпитафию на смерть Бруни:

После того как Леонардо умер,
История оделась в траур. Красноречие умолкло.
Говорят, что как греческие, так и латинские музы
Не могли удержаться от слез.

Лат. оригинал цит. в кн.: F. Beck. Studien..., S. 29.

⁶⁰ P. Domenico Bacci. Terra nuova...; G. Walsger. Poggius Florentinus. Leben und Werke. Leipzig, 1914; Fueter, p. 26 ss. Текст «*Historia florentina*» Поджио см.: RIS, v. VIII.

Сабеллико (Marcus Antonius Sabellicus, ум. 1506). Его «История Венеции от основания города» в 33 книгах («*Regum Venetorum ab urbe condita ad a. 1486 libri...*») отличается своими стилистическими достоинствами, но, если не считать кое-каких историко-культурных данных, незначительна по содержанию. Уже в 1487 г. она вышла из печати в латинском оригинале, а спустя год — в итальянском переводе. Еще большим успехом пользовались «Энеиды» того же автора — единственный в то время обзор всемирной истории в гуманистическом духе. Но Сабеллико ограничился при обработке Библии и старых хроник устранением легенд и богословской схемы четырех монархий. Это — первая попытка секуляризации самой Библии.

Последователем Бруни был и Бенедетто Аккольти из Ареццо (ум. 1466), изложивший по Вильгельму Тирскому историю первого крестового похода — «Война христиан против варваров за возвращение гроба Христова и Иудей» («*De bello a Christianis contra barbaros gesto pro Christi sepulcro et Judaea recuperandis*»). Главной заботой и этого автора была красота формы и устранение наиболее неправдоподобных легенд. Это произведение, переведенное в XVI в. на ряд европейских языков, Торквато Тассо использовал в качестве источника для своей поэмы «Освобожденный Иерусалим».

Политико-реторической школе Бруни во многом противостоит направление, представленное именами римских гуманистов Флавия Биондо, Помпония Лэта и Лоренцо Валлы. Именно ученые этого направления заложили основы систематической научной критики источников и подготовили своими трудами позднейший расцвет вспомогательных исторических дисциплин.

Флавио Биондо (1392—1463), политический изгнанник из своего родного города Форли, после недолгого пребывания в Имоле, Ферраре, Венеции, Виченце и Брешии (1423—1439), перешел по приглашению папы Евгения IV в Рим. Здесь в должности нотариуса папской камеры и «апостольского секретаря» Евгения IV он провел 30 лет. Этого скромного и трудолюбивого ученого преемники Евгения IV держали в «черном теле», ему платили мизерное жалованье, его труды не привлекали широкого внимания, о нем считали даже как-то неудобным говорить как об историке. Оснований для этого было немало: писания Биондо были лишены того литературного блеска и тщательной отделки, которые больше всего ценились в его время, он не знал греческого языка, что также считалось немалым недостатком, он не умел добиваться при помощи грубой лести расположения тогдашних меценатов.⁶¹

⁶¹ Г. Фойгт. Возрождение классической древности..., т. II, стр. 31 сл.; A. Masius. Flavio Biondo, sein Leben und seine Werke. Leipzig, 1879; J. Clemens Husslein. Flavio Biondo als Geograph des Frühhumanismus.

Ранний труд Биондо «Восстановленный Рим» («Roma instaurata») посвящен восстановлению античной топографии города на основе показаний древних авторов, надписей и памятников. В конце своей карьеры Биондо написал как бы продолжение первого исследования под названием «Торжествующий Рим» («Roma triumphans»), это первый опыт общего изложения римских древностей — государственных и частных, военных, гражданских и религиозных учреждений, обычаев, одежды и проч. К «антикварным» произведениям Биондо принадлежит также «Иллюстрированная Италия» («Italia illustrata»), в которой дано историко-географическое описание 14 районов из тех 18, которые были намечены автором. Опираясь на свидетельства античных писателей и на средневековые хроники, сопоставляя с ними материалы собственных наблюдений над вещественными остатками, Биондо восстанавливает местоположение исчезнувших городов, селений, дорог, прослеживает их судьбы на протяжении веков и т. п.

Для позднейшей историографии наибольшее значение имеют его «Три декады историй от падения Римской империи» («Historiarum ab inclinato imperio Romano decades tres»). Биондо начал этот труд со взятия Рима Аларихом в 410 г. (у него ошибочно 412 г.) и заканчивает 1440 г.; таким образом, нижняя и верхняя границы изучаемого им периода приблизительно совпадают с теми хронологическими рамками средневековья, которые начали входить в употребление только с конца XVII в., когда профессор университета в Галле Христофор Келлер (Cellarius 1637—1707) популяризировал гуманистическую периодизацию с помощью своего учебника всеобщей истории.⁶²

Иными словами, Флавио Биондо принадлежит та заслуга, что он первый выделил средние века как особый период истории. Хотя он еще не употребляет самого термина «средние века»,⁶³ но в «Декадах» он дает очерк истории средневековой Европы; его можно поэтому назвать первым медиевистом в настоящем значении этого слова. Для изучения этого периода он сде-

Diss. Würzburg, 1901; D. Naу. Flavio Biondo and the Middle Ages. London, 1959.

⁶² «Historia tripartita» Келлера состояла из трех книг: «Historia antiqua» — до Константина, «Historia mediæ aevi» — до падения Константинополя (1453) и «Historia nova». В XVIII в. работы Гаттерера в Германии и Гиббона в Англии окончательно утвердили эту периодизацию в исторической науке.

⁶³ Впервые мы находим этот термин в «Слове» епископа Алерии Джованни Андреа Бусси, произнесенном в 1469 г. в честь незадолго перед тем умершего гуманиста кардинала Николая Кузанского. Расхваливая широкие познания покойного, оратор отметил, что тот хранил в своей памяти «всю историю» — как древнюю и среднюю, так и современную («Historias idem omnes non priscas modo, sed mediæ tempestatis tum veteres, tum recentiores usque ad nostra tempora retinebat»; разрядка моя, — О. В.).

дал, по словам Фютера, «больше, чем все гуманисты вместе взятые».⁶⁴

У Биондо, правда, еще встречаются кое-какие пережитки средневековых представлений в объяснении исторических событий. Так, самой общей причиной падения Рима он считает «божью кару», ссылаясь на слова псалмопевца «Господь возмущает народы и сокрушает царства». Среди частных причин, помимо перенесения столицы в Константинополь, он называет, следуя Орозью, гонения, воздвигнутые против христиан императорами-язычниками. Вместе с тем он, в полном согласии с другими гуманистами, считает важнейшей причиной гибели Римского государства удушение республиканской свободы Цезарем и его преемниками.

Биондо еще не вполне разбирается в достоинствах используемых источников. Среди привлеченных им средневековых хроник имеются такие компиляции, как «Историческое зеркало» Винченца из Бове и «История пап и императоров» Мартина из Троппау. Но к фактическим сведениям, которые он у них берет, он все же подходит критически: сопоставляет их между собою, отмечает в них ошибки и противоречия, стремится отобрать наиболее надежную информацию.

Вообще говоря, критерии его оценок еще примитивны. Наиболее достоверным является для него самый ранний из доступных ему источников. Если в позднейшем источнике упоминаются факты, о которых молчит более древний источник, Биондо считает их недостоверными. Сам по себе этот принцип неверен, так как не учитывает того, что позднейший источник может восходить к более древней традиции, но его систематическое применение было в то время заметным прогрессом. У Биондо мы впервые находим и общую критику всей предшествующей средневековой историографии с гуманистических позиций. В течение целого тысячелетия, как он говорит, историография была как бы похоронена и увидела свет только в его время. Писатели, которые были бы в состоянии дать точное изложение прошлого, в средние века отсутствовали, как это установлено и для других областей знания. Развитию искусства историописания в эту эпоху препятствовал, по его мнению, крайний недостаток материалов и мутный, недостоверный характер устной и письменной традиции.⁶⁵

Биондо строит свое изложение строго хронологически. Как правило, он избегает обобщений, которые можно обосновать лишь соответствующей группировкой фактов. Он — историк-эрудит, для которого на первом плане стоит установление фактов, а не извле-

⁶⁴ Fueter, p. 131; ср.: P. Buchholz. Die Quellen der Historiarum Decades des Fl. Blondus. Leipzig, 1881.

⁶⁵ Blondus, Flavius. Ab inclinatione Romani imperii Decades III. Basel, 1531, p. 150; J. Spörl. Das mittelalterliche Geschichtsdnken. Hist. Jahrb., Bd. 53, H. 3, 1933, S. 282 f.

чение из них политических уроков. При установлении факта Биондо применяет не только метод восхождения к самому древнему источнику, но и общий всем гуманистам критерий рациональности: легенды и чудеса, хотя бы они были засвидетельствованы самым достоверным, с его точки зрения, источником, он беспощадно отбрасывает.

Новым в отношении к задачам историка является у Биондо стремление ознакомиться с теми местами, где разворачивались описываемые им события. Собирая во время своих поездок по Италии антикварные и историко-географические материалы, он вместе с тем интересовался и историческими событиями. «Декады» немало выиграли от того, что автор, не ограничиваясь повествовательными источниками, обращался и к документальным материалам — панским регестам, письмам и проч. Благодаря этому его работа сделалась незаменимым пособием для гуманистов — историков отдельных городов-государств средневековой Италии. Эти историки, замалчивая и третируя Биондо как плохого стилиста, самым бессовестным образом его обкрадывали. Не случайно «Декады» были первым гуманистическим произведением исторического содержания, напечатанным вскоре после появления в Италии печатного станка. Ф. Грегоровиус с известным основанием назвал «Декады» произведением эпохальным (epochenmachend), а их автора — предтечей Гиббона.⁶⁶

Дальнейшее развитие критического метода связано с деятельностью Помпонио Лэто (1428—1498), ученика Биондо, виднейшего римского гуманиста младшего поколения.

Помпонио Лэто, находясь на службе римской курии, сгруппировал вокруг себя кружок передовых гуманистов, получивший название Академии (сюда входили Платина, Каллимах и многие другие менее известные ученые). На собраниях Римской Академии подвергались критике и нередко осмеянию различные элементы средневековой традиции, выковывалось духовное оружие для борьбы с засильем духовенства и охраняемыми церковью суевериями. Возможно, что Лэто и его друзья мечтали о госу-

⁶⁶ Любопытен высокомерно-презрительный отзыв о «Декадах» папы Пия II (Энеа Сильвио Пикколomini), цитируемый Г. Фойгтом (Возрождение классической древности..., т. II, стр. 441, прим. 1) в латинском оригинале: «Конечно, этот труд усердный и полезный, однако требующий шлифовки стиля и исправления ошибок. Биондо далек от древнего красноречия и недостаточно внимательно проверял им написанное. Он заботился о том, чтобы писать как можно больше, а не как можно правильнее». Это не помешало папе сделать для себя конспект «Декад», опубликованный в XVI в. Старую литературу о Биондо см.: Potthast, I, 160; а также: Я. Буркгардт. Культура Италии..., т. I, стр. 299—301; Fueter, p. 128—132; ср.: Flavio Biondo. Scritti inediti e rari, a cura di B. Nogara. Roma, 1927 (с введением, представляющим обширную монографию о Биондо; ценно главным образом точными биографическими данными). См. ред.: R. St. It., VI, 1928, p. 53 sq.

дарственном перевороте в Риме и восстановлении величия древней республики. Римские власти всполошились. Народное возмущение 1433 г., республиканский заговор гуманиста Стефана Поркари в 1453 г. (не говоря уже о более давних движениях, направленных против папства) были еще слишком свежи в памяти.⁶⁷ 20 членов Академии были арестованы и подвергнуты пыткам. Лэто, находившийся в Венеции, по требованию папы Павла II был выдан, брошен в тюрьму и обвинен в политическом заговоре, что грозило ему и всем его друзьям смертью. Однако папы XV века предпочитали приручать строптивых гуманистов, в которых они нуждались. Благодаря вмешательству кардиналов-гуманистов всех их выпустили. Инквизиция удовлетворилась их объяснениями, а всю вину свалили на Каллимаха (Филиппо Буонакорзи), бежавшего в Польшу.⁶⁸

Лэто — типичный эрудит. Подобно Биондо, он был неутомим в труде, жил скромно, даже бедно; будучи незаконным отпрыском знатной фамилии (из князей Сан-Северино), он порвал со своей родней. Подобно Биондо, он много путешествовал: побывал в «Скифии», доходил до Днепра и устья Дона, посетил Тану; за это время он настолько овладел русским языком, что мог понимать местных жителей и сделать ряд географических замечек на основании их показаний. Из историков-гуманистов XV в. он единственный проявил интерес к истории скифов, готов и славян. Его замечания об этих народах любопытны с точки зрения постановки проблемы их этногенеза.⁶⁹

Из исторических произведений Лэто наиболее известны «Древности города Рима» и «Цезари». Первая работа вносит ряд дополнений к книге Биондо на ту же тему, вторая написана в виде как бы продолжения «Historia Augusta» (см. гл. первую, стр. 37), она пользовалась особенно большим успехом в XVI в. По содержанию «Цезари» — краткая история Римской империи с III по VII в. Несмотря на значительно более скромные масштабы по сравнению с «Декадами» Биондо, «Цезари» знаменуют в некоторых отношениях шаг вперед гуманистической эрудитской историографии. Не довольствуясь повествовательными источниками,

⁶⁷ О заговоре Поркари см.: F. Gregorovius. Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter, Bd. VII. Stuttgart, 1894, SS. 128—135, 99 ff.

⁶⁸ См.: М. А. Гук ов с к и й. Итальянский вольнодумец XV в. Филиппо Буонакорзи (Каллимах). Ежегодник Музея истории религии и атеизма, III, 1959, стр. 62—77.

⁶⁹ О П. Лэто см.: M. Zabu g h i n. Giulio Pomponio Leto, v. I—II. Roma, 1909—1910; M. Zabu g h i n. Помпонио Лэто. СПб., 1914 (сокращение предыдущего труда); Г. Ф о й г т. Возрождение классической древности..., т. II, стр. 210—214; Фуе т е р (E. Fueter. Histoire..., p. 134) уделяет Лэту 4 строки, несправедливо утверждая, что его работы «не означали никакого прогресса»; Я. Буркгардт (Культура Италии..., т. I, стр. 339—341) пишет о нем с симпатией, но не упоминает ни одного из его произведений; Бранди (Karl Brandi. Die Renaissance in Florenz und Rom. Leipzig, 1900, S. 145 f.) говорит только о процессе против членов Академии.

круг которых был довольно широк (ему были известны Евсевий, Зонара, Кассиодор, Иордан, Аммиан Марцеллин и др.), Лэто привлекает материал надписей и монет. Принципы критики источников формулированы им с большей точностью, чем у Биондо. «Обычно наши субъективные представления, — пишет он в предисловии к «Цезарям», — приводят часто к ошибочным суждениям; необходимо тщательное изучение источников, ибо далекое прошлое требует критической тонкости суждений».

Исходя из этой установки, Лэто не щадит даже Тита Ливия, который ранним гуманистам казался идеалом историка. В частности, он указывает, что у Ливия слишком много риторики, в противоположность чему провозглашается лозунг: назад, к «древней простоте». Его собственному изложению чужда всякая риторика, погоня за стилистическими украшениями, свойственная школе Бруни. Мы не находим в работе Лэта никаких вымышленных речей: историк всюду дает сухое, деловое изложение фактического материала.

О значении науки истории Лэто высказывается так же восторженно, как и его учитель: «История действует на дух столь же благотельно, как земледелие на тело. Она — лекарство, спасающее тело от смерти; она — образ жизни».

Его взгляды на причины падения Римской империи и представление о характере последующего исторического развития правильнее, чем у всех его предшественников и современников. Ни у одного историка XV в. мы не найдем такой четкой формулировки самого факта гибели империи, как у Лэта. Опираясь, по-видимому, на хронику комита Марцеллина либо на Павла Диакона, он правильно отмечает, что с низложением Ромула Августула в 476 г. «титул Августов исчез на Западе». Впоследствии ни Юстиниан, ни другие императоры восточной части империи никому не передавали власти над Западом «с пурпуром и диадемой». Таким образом, Помпонио Лэто вслед за Валлой отрицает «донацию» Константина. На основании таких предпосылок Лэто приходит к выводу, что подлинным продолжением Римской империи является только Византия. Юстиниан и следующие за ним византийские императоры для Лэта — единственные преемники Цезарей и Августов; что касается так называемой Священной Римской империи, то Лэто ни единым словом о ней не упоминает, тем самым как бы подчеркивая, что она не имеет никакого отношения к древней Римской империи. Он формулирует свою точку зрения настолько четко, что его можно назвать предшественником Гиббона даже с большим основанием, чем Ф. Биондо.

К школе Биондо можно отнести также Тристана Калько (ум. 1516), автора «Истории Милана от начала города до 1322 г.». Калько пользуется репутацией добросовестного и надежного автора, но он не умеет органически связать факты со всей исто-

рической концепцией. Установление достоверного факта является его единственной заботой.⁷⁰ Заметим, что почти все остальные миланские историки, в том числе крупнейший из них Бернардин Корио (ум. 1519), примыкали к политико-реторическому направлению. Корио, охвативший в своем большом труде по истории Милана период от 558 по 1499 г., в качестве официального историографа и приближенного герцога Лодовико Моро обнаруживает откровенно сфорцианскую тенденцию. Его «История», написанная на итальянском языке, должна была служить пропагандистским целям. Корио получил возможность пользоваться герцогским архивом, что сильно поднимает значение этой книги как источника. Она вообще принадлежит к выдающимся произведениям гуманистической историографии благодаря живым портретам политических деятелей и вниманию автора к явлениям экономической и социальной жизни.⁷¹

В Венеции мы имеем примерно такую же картину. Ее первый историк-гуманист Бернардо Джустициани (ум. 1489) пишет как эрудит, превыше всего ставящий установление достоверного факта. В своей «Истории происхождения Венеции» (до 809 г.) он стремится путем критики фактов, сообщаемых средневековыми источниками, очистить раннюю историю родного города от всевозможных легенд.⁷² Но его преемники — Маркантонио Сабеллико, Марино Санудо Младший (ум. 1535), Пьетро Бембо (ум. 1547), Доменико Малапьеро (ум. 1515) пишут в духе политико-реторической школы.⁷³ Вообще же в области историографии Венеция несколько отстала от Милана, не говоря уже о Флоренции.

Наивысшие достижения критического метода в XV в. мы обнаруживаем, однако, в трудах не эрудитов в узком смысле

⁷⁰ Calchus Tristanus. *Berum patriae seu Mediolanensium historiae libri XX ab origine urbis ad a. 1313*; позже добавлены книги XXI и XXII, доводящие изложение до 1422 г. Литературу см.: Enc. It., VIII, 352; В. К. Яцунский. Историческая география..., стр. 48—51; Storia di Milano, ed. Istituto Treccani, v. VII. 1956, p. 588.

⁷¹ Potthast, I, 354 f. (указана литература). См. также: Storia di Milano..., v. VIII, p. 428 sq.; F. Güterbock. Die Urkunden des Corio. NA, Bd. 23, 1897—1898; E. Fueter. Histoire..., pp. 53—55. Последний дает отрицательную в общем характеристику Корио, которого он лишь условно причисляет к историкам-гуманистам, так как он некритичен, воспринимает басни о происхождении города, смешивает важные события с незначительными и т. д. При этом не отмечаются принципиально новые черты в книге Корио. «Historia di Milano» Б. Корио издана в Милане в 1503 г., новое издание — 1855—1857 гг.

⁷² Thompson, I, 482; Franco Valsecchi. Caratteri ed aspetti della storiografia del Rinascimento. Roma [1960], p. 30 sq; Potthast, I, 531.

⁷³ О Сабеллико см. стр. 260 сл.; о Марино Санудо и Малапьеро: Thompson, I, 483 sq. Марино Санудо Младший известен не столько своими «Биографиями венецианских дождей» и «Историей итальянской экспедиции Карла VIII», сколько «Дневниками» («Diarii»), представляющими огромное собрание первоклассных источников для истории Венеции и всей западно-европейской дипломатии за 1496—1533 гг.

слова, а тех гуманистов, которые, соединяя в своем творчестве эрудицию с живым интересом к социально-политическим проблемам своего времени, составляют как бы посредствующее звено между школами Бруни и Биондо. Крупнейшей фигурой среди гуманистов этой третьей группы был Лоренцо Валла (1407—1457).

Лоренцо Валла родился в семье одного из чиновников римской курии; родственные и общественные связи обеспечивали ему после смерти отца доходное место «апостольского секретаря», или «аббревиатора». Но его назначению воспротивились влиятельные при папском дворе гуманисты Поджио и Лоски, и Валла должен был искать применения своим талантам вне Рима. Сначала он преподавал реторику в Павийском университете (1430—1433), затем в Миланском (1434), с 1435 г. он перешел на службу к Альфонсу Арагонскому, королю Неаполя, в качестве его секретаря и придворного историографа. С 1448 г. Валла снова в Риме, где ему покровительствовали кардиналы-гуманисты Виссарион и Николой Кузанский.

Валлу считают блестящим филологом-латинистом, основателем филологической критики. Ему отказывают в звании историка, так как единственный его исторический труд «История Фердинанда Арагонского» («*Historiarum Ferdinandi regis Aragoniae Libri*»), написанный по заказу короля Альфонса поспешно и с большой неохотой, ниже всех прочих его произведений.⁷⁴

Новейший исследователь творчества Валлы Франко Гаэта подверг это мнение вполне обоснованному пересмотру. Он показал, что все филологические труды Валлы являются историческими по задачам и характеру исследования. Валла «высоко поднял значение истории. В то время, как все другие гуманисты ставили на первое место поэзию либо реторику и философию, Валла выдвинул тезис: „Все знания, вся культура вытекают из исторического размышления“». ⁷⁵ В предисловии к «Истории Фердинанда Арагонского» Валла, развивая эту мысль, пишет: «Из истории истекает в наибольшей степени и познание природы, и познание человеческого поведения, [словом], наибольшая часть всего содержания науки» («*Ex historia fluxit plurima rerum naturalium cognitio... plurima morum, plurimum omnis sapientiae doctrina*»).⁷⁶

⁷⁴ См.: Г. Фойгт. Возрождение классической древности..., т. I, стр. 447; Walther Schwan. Lorenzo Valla. Ein Beitrag zur Geschichte des Humanismus. Diss. Berlin, 1896; L. Pastor. Geschichte der Papste seit dem Ausgang des Mittelalter, Bd. I. A. 7. Freiburg in Br., 1925, SS. 13—22; Fueter, p. 45; В. К. Яценский. Историческая география, стр. 51 сл. Вальсекки (F. Valseschi. Caratteri ed aspetti..., p. 29) признает значение Валлы и особенно роль его важнейшего труда о «донации Константина» в развитии критического метода; Harold Grimm. Lorenzo Valla's Christianity. Church History, v. 18. Chicago, 1949, p. 75 sqq.

⁷⁵ F. Gaeta. Lorenzo Valla (см. особенно гл. V).

⁷⁶ Там же, стр. 183 sq. Слово «sapientia» употреблено в ципероновском смысле совокупности всех наук, как «могез» — в смысле обычаев и нравов, т. е. поведения людей.

Приведенная формулировка как бы предвосхищает положение Маркса и Энгельса в «Немецкой идеологии»: «Мы знаем только одну единственную науку — науку истории», охватывающую историю природы и историю человеческого общества в их взаимодействии.⁷⁷

История для Валлы — труднейшая из наук. Историк должен обладать трудолюбием, острым взглядом, умением замечать различия в сходных и сходство в различных вещах, смиренным сознанием границ своей способности к оценкам, стремлением к правде и к объективности по отношению к лицам и их действиям, стремлением, доведенным у историка до подавления своих собственных чувств и интересов.⁷⁸

То обстоятельство, что Валла, будучи одним из первых критиков Библии,⁷⁹ тем не менее счел нужным провозгласить ее «авторов» историками («... et Moses historicus, et evangelistae nihil aliud quam historici sunt appellandi»), только подчеркивает его страстное желание поднять в глазах своих современников выше всего авторитет истории.

В своем крупнейшем филологическом произведении «Красоты латинского языка» («*Elegantiarum latinae linguae libri VI*», предисловие к редакции 1448 г.⁸⁰) Валла рассматривает свои занятия латинской филологией как историко-культурную и притом патристическую задачу. Погибло римское государство, пишет он, но осталась римская культура. Во всех странах, где господствуют романские языки, живет и Римская империя. Варваров следует винить лишь в том, что они испортили латинский язык; восстановить его в прежней чистоте значит возродить «подлинную империю», ибо в языке содержатся все культурные достижения римского народа.

Таким образом, для Валлы история культуры важнее политической истории. Великими и знаменитыми являются лишь люди

⁷⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 16, прим.

⁷⁸ F. Gaeta. Lorenzo Valla, p. 180; ту же мысль до него, как мы видели выше (см. стр. 242), высказал Гварино Веронский, а затем в очень похожей формулировке она была повторена через 400 лет Л. фон Ранке.

⁷⁹ В трактате о «Константиновом даре» Валла напоминает следующий диалог из времен своей юности: «Я спросил, кто автор книги Иова? Мне ответили: сам Иов. На это я возразил: как же Иов мог сам упомянуть о своей собственной смерти?». И он заключает свое воспоминание словами: «То же самое можно сказать о многих других книгах (Библии, — О. В.), но для этого здесь неподходящее место» («*Quod de multis libris dici potest, quorum ratio huic loco non convenit*»). Бросив мимоходом эту генеральную мысль, Валла предоставил ее разработку ученым XVII—XIX вв. Но он и в XV в. не был одиночкой: уже Никколи в одном из диалогов Поджио называет «библейский рассказ о происхождении Моисеева закона» *figmenta* — вымыслом. См.: М. Корелин. Ранний итальянский гуманизм..., т. IV, стр. 297, прим. 9.

⁸⁰ Первое печатное издание вышло в Риме в 1471 г. и до 1536 г. выдержало около 60 других изданий.

умственного труда, те, кто поднимают культуру и величие римского народа.⁸¹

Валла обладал ярко выраженным критическим дарованием. В диалоге «О наслаждении» («De voluptate») он дал «уничтожающую критику средневековой схоластической морали», в инвективах против Бартоло и прочих профессоров права заклеймил невежество и тупость эпигонов схоластической юриспруденции,⁸² в «Поправках к шести книгам Т. Ливия» («Emendationes sex librorum T. Livi de secundo bello punico») предложил конъектуры, с которыми считаются новейшие филологи, в «Примечаниях к Новому завету» («Adnotationes in Novum Testamentum») предвосхитил критику Вульгаты Эразмом Роттердамским.⁸³

Критика Валлы была бесстрашной; она не отступала перед самыми высокими авторитетами. Ливия он уличил в фактических ошибках,⁸⁴ Присциана — в грамматических ошибках, Аристотеля — в непонимании диалектики, Евсевия — в подлоге,⁸⁵ св. Иеронима и Боэция — в плохой латыни и неточных переводах с греческого.

В 1440 г., в разгар войны между Неаполем и Римом, которую папские войска вели на территории Неаполитанского королевства со зверской жестокостью, Валла получил возможность под защитой Альфонса Арагонского безнаказанно выступить против папства. Его трактат о «Константиновом даре» («De falso credita et ementito Constantini donatione declamatio») является блестящим образцом исторической критики и одновременно страстным политическим памфлетом. История, филология, римское право, археология, историческая география, палеография — самые различные области знания были им мобилизованы для того, чтобы разоблачить фальшивую «донацию».⁸⁶ Этот документ, предназначен-

⁸¹ F. Gaeta. Lorenzo Valla, p. 174 sq. Cp.: G. Saitta. Il pensiero italiano nell'umanesimo e nel Rinascimento. Bologna, 1951.

⁸² Профессора права грозилась разорвать Валлу на куски за эти инвективы и выжили его из Павии. Следует заметить, что Валла за свои лекции получал в год в 50 раз меньше, чем любой из знаменитых юристов. Другие профессора-гуманисты находились в таком же положении.

⁸³ «Adnotationes» впервые были изданы в 1505 г. в Париже Эразмом; позже Тридентский собор внес их в Индекс запрещенных книг.

⁸⁴ В «Adversum Livium... disputatio» (1440) он опроверг миф о «Ливии, который не ошибается» («Livio che non erra»; Dante, Inferno, cap. 28, 12).

⁸⁵ Имеется в виду «письмо Христа» к Абгару Эдесскому, см. гл. первую, стр. 41.

⁸⁶ Сомнения в подлинности «донации» высказывали до Валлы кардинал Николай Кузанский и последователь Виклифа, лишенный сана английский епископ Пикок, причем, как показал П. Шаскольский в статье «Критика Донации Константина в эпоху гуманизма» (в сб.: Ник. Ив. Карееву ученики и товарищи по научной работе, СПб., 1914, стр. 252—272), оба они независимо от Валлы, применяют, хотя и менее углубленно, приемы исторической критики. О Р. Пикок см. специальную работу: Vivian Huber Gee p. Bishop Reginald Pecock. N. Y., 1945. В современной буржуазной науке наблюдается тенденция принизить значение исторической критики

ный служить материальным интересам пап, обнаруживает в последних «больше лживости и коварства, чем невежества» («... magis fraus dolusque quam ignorantia Romanorum pontificum appareat»).

В трактате сначала разбираются мотивы мнимой передачи папе Сильвестру власти над Западом: исцеление папой императора Константина от проказы, переход вследствие этого Константина в христианство, его нежелание сохранять свою власть там, где всем должны владеть Христос и его преемники. Но историк Евтропий, близко знавший всю императорскую семью, не упоминает ни о проказе, ни о «дарении» Константина. К тому же этот мотив является простым повторением библейской легенды об исцелении от проказы пророком Елисеем сирийца Наамана. Точно так же другой вымысел, будто Константин при свидании с папой-исцелителем служил ему как конюх, повторяет апокрифическое сказание о Моисее как конюхе Аарона.

Подвергнув затем критическому анализу единственных два памятника, в которых упоминается «донация», — «Деяния св. Сильвестра» и «Лжеисидоровы декреталии», вошедшие в сборник Грациана, Валла показывает, что первый — не что иное, как «лживое чтиво и сказки старых баб», в которых масса противоречий и смешных нелепостей (contraria, impossibilia, stulta, barbara, ridicula), а второй содержит текст «Донации», являющийся «бесчестной» интерполяцией позднейшего времени. Ни в одном достоверном источнике до середины VIII в., подчеркивает Валла, нет упоминания о Константиновом даре.

Фальшивка эта содержит, сверх того, ряд чудовищных анахронизмов (город Византий назван провинцией; к моменту создания «эдикта» в Риме не было церкви Петра и Павла; Константинополь еще не существовал, и т. д.). Ее позднее происхождение выдает и язык, изобилующий варварскими оборотами речи и терминами, неизвестными в IV в. Автора фальшивки выдает с головою и заключительная часть «эдикта», грозящая страшными карами за его нарушение. Это — речь не Константина, говорит Валла, а «глупого, откормленного, жирного монашка, изрыгающего слова в пьяном угаре (alicujus clericuli stolidi... signati et crassi, ac inter crapulam interque vaporem vini... haec verba ructantis)». «Разве не ясно, — заключает Валла, — что со-

гуманистов, в частности Л. Валлы, указанием на ее «реторический характер». «„Декламация“ Валлы, — пишет Х. Грей (H. Gray. Renaissance Humanism), — пример реторического произведения... Вообще историческая критика ренессансного гуманизма основана на реторической аргументации... Реторический подход к историческому материалу может в руках Валлы разрушить историческую легенду, но рисует фиктивную картину учреждений и лиц целой исторической эпохи». Все эти бездоказательные утверждения имеют, очевидно, целью разрушить представление о гуманистической историографии как начальном этапе исторической науки, качественно отличной от исторического знания античности и средневековья.

ставитель этого подложного документа жил гораздо позже времени Константина (*diu post tempora Constantini vixisse*)?»).

Но если даже допустить, что Константин отдал папам Запад вместе с Римом, то он не имел права распоряжаться достоянием римского народа, а папа не имел права принять этот дар. Ибо Цезарь, Август и их преемники сами овладели властью насильем, лишив римский народ его республиканской свободы, а Константин, сверх того, запятнал себя чудовищными злодеяниями. Что касается пап, то их притязания на светскую власть противоречат евангелиям. Из-за этого папы воюют против мирных народов и вносят раздоры между государствами. Они жаждут захватить чужие богатства и пожирают свои собственные. Папа продает все, даже церковное имущество и надежду на спасение («... *rem ecclesiasticam et spem sanctam quaestui habet*»). Папа — пожиратель народов («*Papa... populi vorator*»). Если римляне были вправе выбросить Константина, как они выбросили Тарквиния, или убить, как они поступили с Цезарем, то тем более они вправе убить папу как тирана и врага народа. Во всяком случае Рим и прочие владения должны быть у папы отняты.

В своем трактате Валла далеко вышел за рамки поставленной Альфонсом Арагонским задачи. Он не ограничился разоблачением «Донации» как «грубого и глупого подлога», но попутно высказал ряд весьма радикальных политических мыслей, опирающихся на опыт истории. Это выступление против духовенства в целом (владычество попов — *sacerdotum* — всегда отличалось жестоким, насильственным, варварским характером); это нападки на всех вообще царей, которые «готовы даже на небо залезть, только бы подчинить себе царства и народы...» («... *talis fere est omnium regum voluntas... quanta scelera, quot abominanda propter imperium assequendum ampliandumve admissa*»); это осуждение захватнических войн, которые приводят к порабощению народов, что противно закону природы («... *neque vero lege natura comparatum est, ut populus sibi populum subigat*»); это, наконец, провозглашение права любого угнетенного народа вернуть себе свободу силой, ибо то, что добыто оружием, оружием же утрачивается («... *quia quod armis acquiritur, id rursus armis amittitur*»).

Выступление Валлы вызвало сенсацию.⁸⁷ Как только был заключен мир между королем Неаполя и папой, инквизиция приговорила Валлу к смерти на костре (1444). Заметим, что при допросе обвиняемого и в судебном постановлении трактат о «донации» ни разу не упомянут: очевидно, церковь не пожелала

⁸⁷ Некоторые гуманисты, например, историк Милана Giorgio Merula в своих «*Antiquitates Vicescomitum Mediolanensium*» (изд. 1, Милан, 1500), а также Макиавелли, Гвиччардини отвергли под влиянием Валлы басню о «донации». Платина (ум. 1481), составивший по заданию папы Сборник привилегий римской церкви, не включил в него «донацию» Константина. См.: L. Pastor. *Histoire des papes*, t. I—X. Paris, 1888—1913, t. IV, p. 19.

поднимать шум вокруг весьма опасного для нее произведения. Решение инквизиции было королем отменено, и дело передано на новое рассмотрение. Но и папа, и король имели достаточно оснований претять его забвению, и оно было прекращено. Мало того, когда спустя четыре года Валла, уступая настоянию своих родных, вернулся в Рим, он был назначен, по ходатайству кардинала Николая Кузанского, апостольским секретарем и стал одновременно читать курс «элоквенции» в римском Studio (университете).⁸⁸ На службе у папы Николая V и его преемника Калликста III Валла присмирел. Для него, не столь уж блестящего эллиниста, нашли подходящее занятие — переводить Фукидида и Геродота. Своеобразной мстью Валле за его прошлое было и то, что этого заклятого врага схоластики заставили выступить перед кардиналами и прочими прелатами церкви с похвальным словом главному столпу схоластики Фоме Аквинскому (впрочем, оратор, восхваляя Аквината, не отказал себе в удовольствии обругать Аристотеля и его схоластических комментаторов, что вызвало возмущение слушателей).

Лоренцо Валла вскоре умер, но его трактат, несмотря на старания римской курии, не был забыт. В эпоху Реформации он получил новую жизнь благодаря тому, что Ульрих фон Гуттен впервые издал его в 1517 г., а затем перевел на немецкий язык; в частности, он оказал сильное влияние на метод Магдебургских центуриатов (см. стр. 348). Филологические труды Валлы сделал достоянием ученых Западной Европы знаменитый ученик Валлы Эразм Роттердамский.

Роль Валлы в создании нового критического метода (недостаточно оцененная в общих трудах по истории буржуазной историографии) была исключительно велика. Его смелая борьба против папства, схоластики, суеверий, как средневековых, так и античных, резкость и критическая острота его суждений, наконец, высокая оценка истории культуры по сравнению с политической историей — все это делает Валлу пролагателем новых путей и прямым предшественником историков-рационалистов эпохи Просвещения.⁸⁹

⁸⁸ Сайтта (G. Saitta. Nicolò Gusano, p. 59 sqq.) цитирует интересное письмо Николая Кузанского к Валле с извещением об успешности своих хлопот перед папой о приглашении Валлы в Рим на должность апостольского секретаря.

⁸⁹ Поттхаст (Pottstast, II, 1082 f.), упоминающий первый французский перевод трактата о «донации» (*La Donation de Constantin par Laurent Valla. Traduit en français pour la première fois... par Alcide Bonneau. Paris, 1879*), обошел молчанием издание Гуттена. Первое научное издание трактата Валлы вышло только в 1928 г. в ред. и с прим. Швана (Walter Schwahn), см. также: C. Coleman. 1) *Treatise on the Donation of Constantine*. New Haven, 1922; 2) *Constantine the Great and Christianity*. N. Y., 1914.

Новейшее издание оригинала см. в сборнике философских и богословских работ под ред. Уго Спирито: *Lorenzo Valla. Scritti filosofici e reli-*

Интересом к истории культуры выделяется среди гуманистов XV в. также Энеа Сильвио Пикколомини (1405—1464). Его обширное литературное наследие показывает, что это был ум довольно поверхностный, неспособный к глубоким историческим суждениям, но живой и разносторонний. Будучи секретарем одного итальянского епископа, а затем «антипапы» Феликса V на Базельском соборе (1431—1443), Энеа Сильвио оставил не только интересный рассказ о самом соборе, но и культурно-историческое описание Базеля.⁹⁰ Перейдя затем на службу к императору Фридриху III в качестве его канцлера, он написал мемуары, в которых видное место занимают картины нравов и быта населения Австрии и в особенности ее столицы Вены. Эти мемуары издавались неоднократно под заглавием «История Фридриха III», либо «История Австрии».⁹¹ К ним примыкает «Чешская история» («*Historia Bohemica*»), написанная в 1454 г. Здесь наряду с интересными этнографическими материалами и географическими данными имеется немало фальсифицированных сведений о гуситском движении, история которого занимает большую часть этой работы. Автор не скрывает своей враждебности к гуситам, особенно к их радикальному крылу.⁹²

Историко-географические описания, которые Энеа Сильвио дал в ряде других своих произведений,⁹³ в XVI в. явились образцами для немецких гуманистов, работавших в этом жанре. Вместе

giosi. Firenze, 1955. Здесь же даны диалоги о наслаждении, о свободе воли и похвальное слово Фоме Аквинату, произнесенное Валлой за год до смерти (1457) в Риме. Филологи XVI в., вынужденные в период реакции выступить против трактата Валлы, в том числе такой крупный ученый, как Карл Сигоний, своих работ на эту тему не публиковали. Папы считали, что они могут просто игнорировать разоблачение Валлы. Папа Александр VI опирается на «Константинов дар» в документе, которым он передал португальцам и испанцам власть над всеми землями к западу от Европы, которые ими открыты или будут открыты (1493). Только с XVII в., после того как кардинал Цезарь Бароний в своих «Церковных Анналах» (1588—1607) признал «Константинов дар» подлогом, папы перестают на него ссылаться. Ср.: Gaeta. Lorenzo Valla, p. 176. В статье Н. В. Ревякиной о политическом значении трактата Валлы (Вестн. МГУ, серия IX, 1961, № 4) сделан поспешный и ничем не обоснованный вывод, что «Валла сознательно встал на защиту интересов централизуемых европейских государств»; притязания пап на светскую власть представляли в XV в. интерес уже только для одной Италии и особенно для Неаполитанского королевства.

⁹⁰ Aeneas Sylvius Piccolomini. 1) Basilea sive Epistola urbis Basiliensis descriptionem continens; 2) Commentarii de concilio Basiliensi. Анализ см. в трудах о Базельском соборе, перечисленных у Пэтоу (Paetow, p. 302).

⁹¹ См.: Lorenz, II, 310 ff.

⁹² Критику «Чешской истории» см. в кн.: F. Palacký. Würdigung der alten Böhmischen Geschichtsschreiber. Prag, 1830, SS. 230—250; см. также литературу о гуситских войнах: Paetow, I, с.

⁹³ Главное из них, написанное в подражание «Германии» Тацита, носит название «De ritu, situ, moribus et condicione Theutonica descriptio»; новейшее изд.: Aeneas Silvius. Germania. Köln—Graz, 1962.

с извлечениями, сделанными итальянским гуманистом из Иордана и Оттона Фрейзингенского, эта группа его работ оказала влияние на всю немецкую гуманистическую историографию, что в XIX в. послужило основанием для немецких историографов назвать Энеа Сильвио «апостолом гуманизма в Германии».

Должность императорского канцлера стала для него ступенью для быстрой церковной карьеры. Он был назначен епископом своего родного города Сьены, затем кардиналом, а с 1458 г. стал папой под именем Пия II.

В качестве кардинала, выполнявшего дипломатические поручения римской курии, Энеа Сильвио много путешествовал по Западной Европе, запечатлевая в многочисленных письмах и заметках наблюдения над бытом ее народов. Эти материалы, дополненные сведениями из античных писателей, легли в основу «Истории Европы», за которой последовала «История Азии» (собственно, Малой Азии), опирающаяся уже почти исключительно на древних авторов. Обе книги должны были, по замыслу автора, составить часть обширного историко-географического труда «Космография, или всемирная история», оставшегося незаконченным за смертью автора; тем не менее в XVI в. они дали толчок развитию историко-географической и этнографической литературы.

Наиболее ценятся «Комментарии» Пия II, доведенные до последних месяцев его жизни. Это нечто вроде автобиографии, но вместе с тем превосходный образчик «современной истории», заключающей много сведений о лицах и событиях, к которым Энеа Сильвио имел какое-либо отношение. Написанные в свободной, непритязательной манере воспоминания этого наблюдательного и хорошо осведомленного лица представляют большой интерес.⁹⁴

4. ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В ИТАЛИИ (XVI — НАЧАЛО XVII в.)

Последние десятилетия XV в. были свидетелями все возрастающих осложнений во внутренней жизни и международном положении Италии. Насильственное подчинение небольших городов-государств крупными и соперничество между последними за пре-

⁹⁴ «Комментарии» Пия II имеются в английском переводе в издании: Smithsonian College Studies in History, vv. 22, 25, 30, 35, 45, 1936—1957; в немецком переводе: Die Geschichtsschreiber der deutsch. Vorzeit. Bd. 104. Piccolomini Enea Silvio. Köln—Graz, 1963. Помимо работ, ранее указанных в сносках, см.: G. Voigt. Enea Silvio de'Piccolomini als Papst Pius der Zweite und seine Zeitalter. 3 Bde. Berlin, 1856—1863; A. Weiss. Aeneas Sylvius Piccolomini, sein Leben und Einfluss auf die literarische Kultur Deutschlands. Graz, 1897; F. Graegorovius. Geschichte..., Bd. VII, SS. 160—217; L. Pastor. Geschichte..., Bd. I; издания трудов Э. Сильвио и старую литературу см.: Potthast, I, 19—25.

обладание вызывали бесконечные заговоры, восстания, перевороты и войны, которые велись силами наемников (кондотьеров) и поглощали огромные средства. Неустойчивость политическо-обстановки внутри страны, отсутствие защиты экономических интересов ее купцов и банкиров во вне снижало деловую активность итальянских предпринимателей, предпочитавших вкладывать все более значительную часть денежных капиталов в земельные имущества. В приморских городах чувство неуверенности в завтрашнем дне усиливалось, сверх того, турецкой агрессией, от которой уже в 60—70-х годах XV в. страдали Венеция и Южная Италия. Первая потеряла свои опорные пункты и часть колоний на Балканском полуострове и в Эгейском море, а в 1479 г. была вынуждена купить мир у турок ценою ежегодной дани; вторая была терроризирована разгромом турками (в 1480 г.) г. Отранто. Не особенно катастрофические последствия имело для Италии вмешательство в ее внутренние раздоры сильнейших централизованных государств — Франции и Испании. Походом французского короля Карла VIII в Италию открывается в 1494 г. 65-летний период итальянских войн, когда французские и испанские войска, швейцарские и немецкие наемники грабили и опустошали из конца в конец всю страну. Политический гнет Испанской монархии, овладевшей в конце концов государствами Северной и Южной Италии и зажавшей в тиски прочие ее области, феодальная реакция в экономике и общественных отношениях, католическая реакция и резкое усиление контроля над мыслями со стороны церкви — все это не только приостановило прогрессивное развитие Италии, но и во многих отношениях отбросило ее назад.

Предвестниками, а в какой то мере и предпосылками упадка Италии было полное моральное разложение правящих верхов, особенно церковной иерархии во главе с папой. Неудивительно, что лучшие представители гуманистической интеллигенции, чутко реагируя на первые признаки ухудшения, проникаются мрачными настроениями. Исчезает их безоблачный оптимизм, их надежды на приближение «золотого века», когда единство страны и восстановление былого величия Рима обеспечат победу разума и просвещения. В философских и исторических сочинениях конца XV—начала XVI в. все чаще звучат пессимистические нотки в оценке человеческой природы и творимой человеческой истории.

Ярче всего эти новые настроения проявляются в творчестве выдающихся политических мыслителей и историков, флорентинцев Макиавелли и Гвиччардини.

Николо Макиавелли (1469—1527) был на протяжении 15 лет (1497—1512) видным дипломатом Флорентинской республики, секретарем и канцлером ее правительства. Возвращение к власти семьи Медичи положило конец его политической карьере. Последние 15 лет жизни он провел в вынужденном деревенском уедине-

нии, что благоприятствовало его литературным занятиям. Плодами этих занятий, помимо писем, стихотворений и комедий, были три произведения: «Государь» (написан в 1513 г.), «Рассуждения по поводу первой декады Т. Ливия» (написано между 1513 и 1519 гг.), «Флорентийская история» (написана между 1520 и 1525 гг.). В первом обобщены наблюдения Макиавелли над современной ему политической действительностью Италии, последние два являются чисто историческими по характеру. В них он обнаружил замечательное умение связывать опыт прошлого с современностью и делать на этой основе выводы, которые формулированы как исторические закономерности, позволяющие, согласно убеждению автора, понять настоящее и предвидеть будущее.

Хотя Макиавелли однажды обронил словечко насчет «аромата» истории,⁹⁵ но больше всего он напирает на ее утилитарное значение. «Тот, кто внимательно рассматривает прошедшие события, — читаем мы в „Рассуждениях“ (I, 39, 171 sq.), — в состоянии... предвидеть будущее и применять те средства, которыми уже пользовались в древности». Организация республик и их сохранение, управление королевствами, военное искусство, суд и т. п. требуют использования исторического опыта: слабость многих итальянских государств проистекает от незнания истории (там же, I, 86). Анализ Т. Ливия позволяет Макиавелли наглядно показать огромную роль истории в воспитании будущих государственных деятелей и молодого поколения в целом.

Этот взгляд основан на убеждении Макиавелли (которое он разделяет с Фукидидом) в неизменности человеческой природы (там же, III, гл. 9, 43, 48). Действия людей во все времена определяются двумя аффектами: желанием и страхом. В своих желаниях человек ненасытен; достигнув чего-либо, он стремится к еще большему (там же, I, 37, 166). По этой причине, а также из страха потерять уже приобретенное, возникает вражда между людьми и войны между государствами. Человек постоянно находится в борьбе: если не по необходимости, то из честолюбия (*per ambizione*). Таким его создала природа (там же, I, 37, 165). Человек является силой природы — живущей энергией.⁹⁶

В каждом государстве существует противоположность интересов народа и аристократии («... sono in ogni repubblica duoi umori diversi, quello del popolo, e quello de'grandi»; там же, I, 4, 97). Борьба между ними — закон истории, имеющий положи-

⁹⁵ У него, собственно, упоминается о «вкусе» истории, об извлечении из нее путем чтения «quel senso, nè gustare di loro quel sa p o r e che le [istorie] hanno in sè». Discorsi, I, 86. Здесь и далее страницы указаны по изданию проф. Замбелли (II principe e Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio. Firenze, 1880).

⁹⁶ См.: W. Dilthey. Gesammelte Schriften, Bd. II. Leipzig—Berlin, 1921, S. 24.

тельное значение, в древней Римской республике ее следствием были хорошие законы («...le buone leggi da quelli tumulti che molti inconsideramente danno»; там же, I, 4, 98). Однако характер и цели борющихся групп определяются не массой, а отдельными выдающимися активными личностями (*virtuosi*; там же, I, 57, 204 сл.). Аграрный закон Гракхов резко обострил борьбу «грандов» и «народа», что в конечном итоге привело к диктатуре Цезаря, затем Августа и их преемников, т. е. к гибели римской свободы и в конечном итоге к падению Римского государства (там же, I, 37, 166—168). Но, вообще говоря, Макиавелли считает виновниками падения республиканской свободы знать, а не народ «у первой велико желание господствовать», а у второго — только «желание не быть в подчинении», т. е. «жить свободно» (там же, I, 5, 99). Разумеется, под народом Макиавелли понимает богатых граждан незнатного происхождения, а не простых крестьян и ремесленников. Республика, которую он превозносит, это республика богатых (там же, I, 58).

Именно такие свободные республики «делают огромнейшие успехи». Здесь чаще заключаются браки и быстрее растет население, ибо каждый в состоянии прокормить своих детей, не опасаясь захвата властями его имущества. Поэтому здесь процветают сельское хозяйство и ремесло. А поскольку каждый стремится приобрести побольше имущества, богатства страны умножаются. Государства же, в которых живут одни рабы (*servi*), представляют совершенно противоположную картину (там же, II, 2).

Как в «Рассуждениях», так и в других произведениях Макиавелли подчеркивает, что главным, если не единственным, критерием оценок в политике является успех. В то время как в отношениях между частными людьми должны быть учитываемы этические соображения, в отношениях между государствами моральные принципы не играют никакой роли. Здесь господствует принцип успеха, хотя сам по себе он является нередко злом. Высший же закон, которому подчинена жизнь всех государств, это неизбежная смена подъемов и падений. История движется по замкнутому кругу; ситуации, которые уже имели место в прошлом, повторяются: монархия переходит в аристократическую республику, та в олигархию, которую сменяет демократия, вырождающаяся в тиранию или анархию, после чего появляется монархия и цикл начинается сызнова (Рассуждения, V, 1, 222 Флорент. истории, V, 1).

Эту идею цикла Макиавелли взял непосредственно у Полибия. Но она вполне отвечала тому настроению пессимизма, которое начинает охватывать уже в первой четверти XVI в. наиболее дальновидных представителей итальянской политической мысли.

⁹⁷ O. Tommasini. La vita e gli scritti di Niccolò Machiavelli, v. II parte I, p. 111. Roma, 1911. Шмид (Karl Schmid. Machiavelli. В кн.

Такова историческая концепция, которую Макиавелли проводит, обогащая ее новыми соображениями, в своей последней крупной работе — «Флорентийские истории» в восьми книгах, написанной по поручению архиепископа Флоренции кардинала деи Медичи (с 1523 г. папы Климента VII). Маркс оценил ее как «высокомастерское произведение».⁹⁸ Действительно, по глубине проникновения в сущность политических событий, по драматизму изложения и точности языка это одно из самых замечательных достижений новой историографии.

Первая книга построена главным образом на материале «Декада» Флавио Бондо, которого Макиавелли даже не называет; следующие три книги — на хрониках Виллани и, отчасти, Маркионе ди Коппо Стефани; остальные четыре основаны уже на более разнообразных источниках: «Истории» Леонардо Бруни, «Истории Флоренции» Джованни Кавальканти, «домашних хрониках», переписке, устной традиции, собственных впечатлениях. Значение Макиавелли как историка вовсе не в том, что он пустил в оборот новые материалы или что он дал фактически безупречное изложение событий. Он не подвергает критике свои источники, не сопоставляет их данные, как это делали Бондо или Лэто, и нередко воспроизводит содержащиеся в них ошибки. Так, он допускает много неточностей в истории передвижений готов, гуннов, аваров и т. д. (Флорент. истории, I, 16 сл.) или путает факты, относящиеся к истории борьбы императора Генриха IV с папством (там же, I, 35). Немало ошибок допущено им и при изложении истории самой Флоренции. По всему видно, что факты сами по себе не имели в его глазах значения: они приобретали для него ценность лишь в той мере, в какой из них можно было сделать выводы. Он тщательно отбирает их в соответствии с поставленными перед собой политическими задачами. У него нет ничего лишнего, каждое слово, каждый факт и каждый вывод продуманы и взвешены.

Место, занимаемое Макиавелли в историографии, определяется не фактическим содержанием его работ, а оценками отдельных явлений и общей исторической концепцией, восприятием прошлого и приемами, при помощи которых прошлое ставится на службу интересам настоящего.

Grosse Geschichtsdnker. Ein Zyklus Tübinger Vorlesungen. Tübingen u. Stuttgart, 1949, SS. 113—129) сильно модернизирует концепцию Макиавелли, пытаясь приспособить ее к настроениям современной западной буржуазии.

⁹⁸ См.: К. Маркс. Выписки из сочинений Макиавелли. С предисл. В. Максимовского. Архив Маркса и Энгельса, т. IV, стр. 332—351. Ср.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, ОГИЗ, 1948, стр. 93: «История Флоренции — это шедевр». Известно, что Энгельс назвал Макиавелли среди тех «титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености», которых породила эпоха Возрождения (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 346).

Рассматриваемая с этой стороны, «История Флоренции» Макиавелли даже в настоящее время не производит впечатления устаревшего произведения. Здесь, можно сказать, в первые в истории нашей науки провозглашается и получает осуществление мысль, которая теперь является тривиальной, а в XVI в. была абсолютно новой, что между явлениями внутренней и внешней политики, между состоянием страны и ее дипломатией и войнами существует самая тесная связь.

В предисловии к «Истории Флоренции» Макиавелли рассказывает, что, принимаясь за этот труд, он собирался вначале опереться на своих предшественников — Бруни и Поджио. «Но, прочитавши внимательно их произведения, — пишет он, — я убедился, что в описании войн Флоренции с другими государствами и народами они превосходны, что же касается гражданских раздоров, внутренней вражды и их последствий, то они либо умолчали об этом полностью, либо настолько кратко описали, что читатель не получит ни пользы, ни удовольствия». «А между тем, — продолжает далее историк, — никакое чтение не является столь полезным для граждан, правящих республикой, как то, которое знакомит их с причинами вражды и раздоров в государстве, благодаря чему, обогащаясь чужим опытом, они будут стремиться сохранять единство» (Флорент. истории, I, 11 сл.).

Таким образом, причины социальной борьбы и ее последствия интересуют историка в первую очередь. Но сила Макиавелли не просто в описании соответствующих явлений, а в умении устанавливать их логическое сцепление и глубокую внутреннюю связь. Рассматривая эти явления как непосредственный результат деятельности людей, Макиавелли в то же время показывает, что люди не в состоянии предвидеть последствий своей собственной деятельности; таким образом, история выступает у него как естественная история людей.

Одним из ярких примеров способности Макиавелли находить причинную связь событий и указывать их последствия, независимые от воли участников этих событий, является построение истории социальной и политической борьбы во Флоренции XII—XIV вв.

Проводя в упомянутом выше предисловии параллель между Флоренцией, Римом и Афинами, Макиавелли следующим образом определяет ход борьбы в своем родном городе: «Во Флоренции сначала происходила борьба внутри аристократии, затем между аристократией и пополанами, наконец, между пополанами и простонародьем (plebe)». В дальнейшем изложение и строится по этому плану, причем оказывается, что под мздоусобиями знати разумеется борьба партий гвельфов и гибеллинов. Такое представление, заметим попутно, является в общем единственно правильным, но понадобилось специальное исследование Г. Сальвемини, чтобы внести ясность в этот вопрос, который после Макиавелли был основательно запутан историками XVI—XIX вв.

Изложив историю взаимоотношений обеих партий, Макиавелли делает следующий вывод: борясь за власть, обе фракции нобилитета ослабили аристократию в целом и тем облегчили возвышение «пополанов». Далее, остановившись на том, как пополаны, победив аристократию, полностью отстранили ее от власти, он приходит к новому выводу: поскольку отстранен от участия в управлении государством тот класс, который монопольно владел военным искусством, и поскольку он, в результате политической дискриминации, утратил интерес к военному делу и воинскую доблесть, Флоренция (как и другие города-государства Италии) была вынуждена обращаться отныне к наемной армии, к кондотьерам. И наконец, рисуя картину итальянской политической жизни в XV в., Макиавелли показывает, что кондотьерство привело Италию в состояние полного бессилия и сделало ее легкой добычей соседей.

Итак, внутреннее сцепление событий показано необычайно отчетливо и формулировано таким образом, что читателю становятся ясными главные этапы развития Флоренции. Вместе с тем историк подчеркивает, что каждое звено в построенной им цепи явлений вытекает из предыдущего с железной необходимостью, независимо от воли политических деятелей.

Макиавелли, однако, этим не ограничивается. При характеристике каждого этапа борьбы он дает ему политическую оценку с точки зрения интересов своего класса в современную ему эпоху. Так, например, сопоставляя итоги борьбы патрициев и плебеев в Риме с борьбой магнатов и пополанов во Флоренции, он устанавливает такое различие: римский народ стремился только добиться одинакового участия в управлении наряду со знатью; флорентийский же народ боролся за то, чтобы целиком завладеть властью, исключив из нее знать. «И так как стремление римского народа было более разумным, то знать с этим примирилась и пошла на уступки без вооруженной борьбы... Стремление же флорентийского народа было оскорбительным и несправедливым, вследствие чего знать приготовилась защищаться всеми силами, и дело дошло до кровавых сражений и изгнаний граждан, а законы, изданные вслед за этим, служили не общей пользе, но только интересам победителей» (Флорент. истории, III, I, 126 сл.). Дальнейшим последствием такого исхода борьбы явилось, по Макиавелли, ослабление Флоренции, выступление плебейских низов против пополанов и создание обстановки, благоприятной для установления тирании.

Исходя из этой обстановки, Макиавелли делает движение плебейства и восстание Чомпи в 1378 г. центральным пунктом всего изложения в третьей книге. Кратко, но необычайно отчетливо он объясняет причины недовольства младших цехов, внецеховых ремесленников и особенно низших слоев плебейства — чомпи, sottoposti — существующим порядком. «Подчиненные другим це-

хам соответственно характеру их занятий, они никогда не получали удовлетворения своих жалоб на хозяев, которые их угнетали; ведь им приходилось обращаться к начальству того самого цеха, который ими управлял... А больше всего таких sottoposti было у цеха Лана, который своею промышленностью... давал и дает заработок (дословно: «кормит») большей части плебейства и младших цехов» (там же, III, 12, 145 сл.). Маккиавелли враждебен этим бесправным массам наемных рабочих, он радуется, вместе с Бруни и всеми другими историками Флоренции, их разгрому; он, вслед за Бруни, превращает предателя восставших чомпи Микеле ди Ландо в великого героя, спасителя республики банкиров и предпринимателей. Но, как гениальный историк, Маккиавелли ищет причины восстания там, где их только и можно было найти: в противоположности классовых интересов чомпи и их угнетателей.⁹⁹

Из приведенных примеров видно, что по своим политическим симпатиям Маккиавелли примыкал к «средней», зажиточной буржуазии, противостоявшей, с одной стороны, мелким ремесленникам, с другой, — небольшой группе самых богатых и знатных семейств. Он выступает против лишения магнатов их политических прав, введенного «Установлениями правосудия», и полагает, что расцвет Флоренции в первой половине XIV в. стал возможным лишь благодаря смягчению этого излишне сурового закона. В таком же умеренно-консервативном духе он оценивает и события истории Италии в целом. Так, касаясь Остготского королевства, он подчеркивает, что благосостояние Италии всегда зависело от существования сильной власти. Теодориху Остготскому как сильному государю он поет настоящий панегирик. Смена остготов византийцами, затем лангобардами ослабила страну. Отсюда немедленно делается общий вывод: опасно менять власть, допускать внутренние перевороты, ибо история учит, что даже ничтожные перемены в государственном строе губят самые могучие государства (там же, I, 5, 22). Таков же характер его замечаний по поводу гибели лангобардской власти в Италии (там же, I, 5, 27 сл.). Это превознесение сильной власти, хотя бы в форме монархии, этот страх перед переменами в государственном строе, хотя бы ничтожными, весьма симптоматичен в устах Маккиавелли, убежденного республиканца и гражданина города, перенесшего за свою историю больше переворотов, чем любая страна в Европе. Тоска по сильной власти и прочному порядку, выраженная с еще

⁹⁹ В своем исследовании восстания чомпи (Народные движения в городах Италии XIV—начала XV в., М.—Л., 1958, стр. 344 сл.) В. И. Рутенбург говорит о «фантастичности» речи одного из вождей чомпи, хотя и признает, что она «вскрывает одну из коренных причин восстания, растущее неравенство между бедной и богачами». Цитируемое место из Маккиавелли показывает все же правильное понимание обстановки этим чуждым всяких фантазий историком.

большой силой в книге «Государь» («Il principe»), объясняется тем, что для раздробленной и полной междоусобиц Италии как раз в период наибольшей творческой активности Маккиавелли наступали тяжелые времена.

«История Флоренции» является памятником не только политической проницательности и исторического таланта, но и великого патриотизма Маккиавелли. Приписывая все несчастья Италии отсутствию политического единства, он ставит своей задачей выяснить причины ее отсталости в этом отношении от Франции, Испании, Англии и приходит к выводу, что эти причины следует искать прежде всего в существовании в центре Италии папства. Флорентийский историк показывает, как папы для усиления своей власти обращались в прошлом к лангобардам против Византии, к франкам против лангобардов и т. д. «Таким образом, — заключает он, — все войны, которые вели между собою варвары в Италии, были вызваны большею частью папами, и все варвары, ее наводнявшие, обыкновенно приглашались папами же. И такой способ действий длится еще в наши дни; вот что держало и держит Италию в состоянии разъединения и слабости» (там же, I, 9, 29; разрядка моя, — О. В.).¹⁰⁰

Л. Пастор думает, что эту мысль Маккиавелли взял у Валлы.¹⁰¹ Это мнение неубедительно, хотя влияния Валлы на Маккиавелли, как и на многих других гуманистов, отрицать нельзя. Маккиавелли в отличие от Валлы выступает не против некоторых пап, а против папства в целом, опираясь при этом на всю историю Италии со времени возникновения этого учреждения. Он распространяет свою критику папства на всю католическую церковь, по вине которой «народ Италии утратил всякое благочестие и всякую религию» («Рассуждения», I, 12). Мало того, он осуждает самую христианскую религию, которая «учит людей терпеть», что «обессилило мир и отдало его в жертву мерзавцам» (там же, II, 2). А ведь Маккиавелли не мог рассчитывать на такого могучего покровителя, каким был для Валлы неаполитанский король,

¹⁰⁰ Эта мысль еще более обстоятельно и резко формулирована в «Рассуждениях» (I, 12). Он здесь возражает тем, кто думает, что «благосостояние Италии зависит от римской церкви». Во-первых, говорит он, папский двор показывает столь дурные примеры, что Италия потеряла всякую веру и благочестие («... ogni devozione ed ogni religione»); итальянцы стали неверующими и испорченными. Во-вторых, по вине церкви Италия осталась в отличие от Франции и Испании политически раздробленной. Причиной того, что Италия не образует единой республики или монархии, является только церковь («E la ragione... è solamente la Chiesa»). Не будучи в состоянии подчинить себе всю страну и не позволяя это сделать никому другому, церковь стала причиной итальянской раздробленности, сделавшей Италию легкой добычей любого агрессора («... è condotta, ad essere stata preda non solamente di Barbari potenti, ma di qualunque l'assalta»).

¹⁰¹ L. Pastor. Geschichte... Bd. I, Einleitung; cp.: O. Tommasini. La vita e gli scritti di Niccolò Machiavelli, v. II, p. 288.

он находился всецело в руках семьи Медичи, к которой принадлежал и его заказчик папа Клемент VII (ему же посвящена «История Флоренции»). Вряд ли Макиавелли забыл, что в 1513 г. Медичи, по возвращении к власти, бросили его в тюрьму, где он подвергался пыткам. Нужно было обладать немалым мужеством, чтобы после таких испытаний прославлять республиканский строй и приписывать бедствия родной страны политике пап с самых отдаленных времен и «до наших дней», когда «дороги, ведущие в Италию, вновь открыты варварам, у которых она вновь оказалась в рабстве» (Флорент. истории, V, 1, 223).

Еще одну причину бессилия Италии Макиавелли видел в системе кондотьерства, о чем он уже писал в «Рассуждениях» и в «Диалогах о военном искусстве». В «Истории Флоренции» он снова возвращается к этой теме. Междоусобные войны, которые и поныне ведутся с помощью наемных войск, говорит он, истощают казну и разоряют народ как у побежденных, так и у победителей (там же, VI, I, 276 сл.). Не без иронии изображает он военные операции кондотьеров, сводившиеся главным образом к хитроумным маневрам. Кровавые битвы кондотьеров не устраивали, они не хотели терять своих солдат. Вот почему, например, в битве при Ангиари (1425) флорентийцы, потерпевшие полное поражение, потеряли всего трех воинов, «сброшенных с коней и утнувших в грязи». Флоренция же эти военные действия (против кондотьеров Милана) обошлись в огромную сумму — три с половиной миллиона дукатов (там же, IV, 6, 15).

«История Флоренции» значительно шире своего названия. Она фактически охватывает политическую историю всей Италии и даже затрагивает историю международных отношений в Западной Европе. С 1532 г., когда она была напечатана впервые, и до 1554 г. она выдержала множество изданий в Италии, а затем в Женеве и Англии, в переводах на латинский и на многие европейские языки. Макиавелли проложил дорогу трудам Франческо Гвиччардини и оказал сильное влияние на последующих историков Флоренции — Нерли, Сеньи, Нарди, и наиболее известного из них — Бенедетто Варки.¹⁰²

Выше отмечалось, что Макиавелли подчинял факты своей политической схеме, умело их подбирая и комбинируя. Но ему принадлежит и произведение, где он, не ограничиваясь этим, выдумывает или искажает факты. Это — написанное в 1520 г. «Жизнеописание Каструччио Кастракани», тирана Лукки и вождя

¹⁰² Об этих флорентийских историках, кроме Фютера и указанной у него литературы (Fueter, 100—109), см.: Rudolf von Albertini. Das florentinische Staatsbewusstsein im Übergang von der Republik zum Principat. Bern, 1955 (особенно гл. V, стр. 299—344). О Б. Варки см. также: Hermann Gmelin. Personendarstellung bei den florentin. Geschichtsschreibern der Renaissance. Beiträge zur Kulturgeschichte des Mittelalters u. der Reformation, Bd. 31, Berlin, 1927.

тосканских гибеллинов в начале XIV в. В этом произведении Макиавелли ставил своей задачей создать образ идеального государя, как это сделал Диодор Сицилийский в биографии сиракузского царя Агафокла. В результате произвольного обращения с фактами у Макиавелли получилась не научная работа, а нечто вроде исторического романа, герою которого приписывается патристическое стремление подготовить своими захватами в Тоскане объединение Италии. Впрочем, политическая обстановка, в которой действует Каструччио, изображена реалистически и в общем верна исторической действительности.¹⁰³

В период чужеземного порабощения и феодально-клерикальной реакции, когда вся духовная жизнь Италии была поставлена под контроль иезуитов и инквизиции, самое имя Макиавелли, «безбожника», «врага христианского вероучения», стало одиозным. Рим, где еще в 30-х годах XVI в. печатались его труды и в присутствии пап давались представления его фривольных комедий, торжественно осудил их. В 1559 г. Макиавелли был сожжен

¹⁰³ Произведения Макиавелли неоднократно издавались в оригинале и переводах на латинский и новые языки. Для XVI—XVII вв. исчерпывающие данные см. в «Критико-библиографическом исследовании»: A. G e r b e r. Niccolò Machiavelli. Die Handschriften, Ausgaben und Übersetzungen seiner Werke im 16. und 17. Jahrh. Gotha, 1912—1913. Более поздние издания и литература до конца XIX в.: Potthast, I, 754—759. Новейшие итальянские изд.: Tutte le opere a cura di M. Casella. 1929; Tutte le opere a cura di M. Antonio Panella. Milano, 1938—1941. «Istorie fiorentine» изданы отдельно с комментариями Карли (P. Carli) в 1927 г. На русский язык переведены: «Князь» («Il principe»), вышедший в разных изданиях, «Рассуждение на первую декаду Тита Ливия», под ред. Н. Курочкина (СПб., 1869), «О военном искусстве» (М., 1936, [ред. и введ. А. Дживелегова]). Из задуманного в издании «Academia» перевода всех трудов Макиавелли на русском языке появилось только: Макиавелли, Собр. соч., т. I, под ред. А. Дживелегова, М., 1934. Из зарубежных трудов о Макиавелли назовем лишь: P. Villari. Niccolò Machiavelli e i suoi tempi, vv. I—III, Ed. 3. Milano, 1912—1913 (на русском языке имеется только т. I с вступительной статьей М. М. Ковалевского, СПб., 1914); O. Tommasini. La vita e gli scritti di Niccolò Machiavelli. Storia ed esame critico, v. I—II, 1, 2. Torino, 1883—Roma, 1911 (в т. II — подробный разбор «Discorsi» и «Istorie fiorentine»); E. W. Mayer. Machiavellis Geschichtsauffassung und sein Begriff virtù. Hist. Biblioth. d. HZ, Bd. 31, München, 1912; A. Norsa. La filosofia della storia nel Machiavelli. Nuova Rivista Storica, v. 11, 1927, pp. 437—449; F. Schilling. Grundzüge von Niccolò Machiavelli Geschichts- und Gesellschaftsphilosophische Auffassung. Festschrift f. K. Breysig. 1928; Pierre Mesnard. L'Essor de la philosophie politique au XVIe siècle. Paris, 1936 (вся гл. I, стр. 17—85, посвящена разбору политических идей Макиавелли); A. Panella. Machiavelli storico. Rivista d'Italia, v. 30, 1927, pp. 324—340; F. Chabod. Machiavelli and the Renaissance. Transl. by D. Moore. London, 1958 (подробно разбирается только «Il Principe»); сб.: Umanesimo e scienza politica, Atti del Congresso Internat. di studi Umanistici, Milano, 1951 (посвящен главным образом Макиавелли); G. Sasso. Machiavelli, Storia del suo pensiero politico. Napoli, 1958 (разбор «Discorsi» и «Istorie fiorentine»); L. Russo. Machiavelli. Ed. 3. Bari, 1939; A. Kłosowska. Machiavelli jako humanista na tle włoskiego odrodzenia, Łódź, 1954; прочая новая литература — в библиографическом приложении к кн.: F. Chabod. Machiavelli.

in effigie, а все его труды были помещены в «Индекс». Особенным нападкам подвергся «Государь», учебник абсолютизма, в котором вероломство, двоедушие, насилие провозглашаются наиболее действенными способами приобретения и сохранения власти. При этом не учитывалось, что автор только обнажил и обобщил практику правителей своего — и не только своего — времени. Кардинал Ришелье едва ли не первый из представителей абсолютизма имел мужество признать, что он многим обязан Макиавелли, и поручил некоему Луи Машону написать его аполигию;¹⁰⁴ это не помешало впоследствии Фридриху Прусскому в своем «Антимакиавелли» лицемерно осудить «аморальность» итальянского писателя, «cet avocat du crime, cet oracle de Satan». Проблема «макиавеллизма», которая, впрочем, не имеет отношения к Макиавелли как историку, стала предметом дискуссии ряда поколений социологов вплоть до настоящего времени. Центральным здесь является вопрос о «гетерономии целей» государства: стоят ли эти цели по ту сторону добра и зла, могут ли быть действия государственных руководителей, определяемые высшим интересом государства (raison d'Etat), свободными от всяких моральных принципов?¹⁰⁵

Первым критиком Макиавелли был его младший современник Франческо Гвиччардини (1483—1540). В своих «Размышлениях по поводу рассуждений Макиавелли о первой декаде Тита Ливия» и в «Воспоминаниях» («Ricordi») Гвиччардини осмеивает манеру Макиавелли устанавливать исторические законы на основании опыта древних римлян. Он оспаривает мнение своего предшественника, что причиной всех несчастий Италии была ее политическая раздробленность. Благодаря именно этой раздробленности, пишет он, Италия «имела так много цветущих городов, чего не было бы в едином государстве». По мнению Гвиччардини, «единая монархия была бы для Италии скорее бедствием, чем счастьем».¹⁰⁶ Таковую же реакционно-аристократическую окраску имеют и прочие критические замечания по адресу Макиавелли. Гвиччардини, принадлежавшему по рождению и имущественному положению к группе флорентийского магнатства, многие идеи Макиавелли казались крайне опасными, в частности, мысль о создании народной милиции, которая должна заменить наемные войска кондотьеров. Аристократ и консерватор до мозга костей,

¹⁰⁴ D. Ogg. L'Europe du XVII siècle. Paris, 1932, p. 204 et note 2.

¹⁰⁵ См., например, цитируемый выше сборник трудов международного конгресса «Umanesimo e scienza politica» (1951); F. Meinecke. Die Idee der Staatsraison in der neueren Geschichte (von Machiavelli bis Hegel). München, 1924; A. 3 1929; Machiavelli Cynic, Patriot, or political Scientist. Ed. by De Lamar Jensen. Boston, 1960 (сборник отрывков из трудов о Макиавелли начиная с XVI по XX ст.).

¹⁰⁶ «Considerazioni intorno ai Discorsi del Machiavelli sopra la prima Deca di Tito Livio». Цит. по: Vittorio de Caprariis. Francesco Guicciardini. Dalla politica alla storia. Bari, 1950.

Гвиччардини относится с презрением к демократическому образу правления и ненавидит народ. «Нельзя отрицать, что народ сам по себе — ковчег невежества и путаницы»; «сказать народ истине значит сказать безумное животное, полное путаницы и заблуждений, не имеющее ни вкуса, ни привязанности, ни постоянства». «Мнения народа так же далеки от истины, как Испания от Индии»; от народа, если он возьмет верх в государстве, «только и можно ожидать, что он приведет все к потрясению и гибели»; управляя народом, нужно проявлять доброту, но если это не помогает, то «необходимо прибегать к мерам жестоким и бессовестным». Все это — сентенции из «Воспоминаний», сборника афоризмов Гвиччардини.¹⁰⁷

Естественно ожидать, что и в своих исторических произведениях он обнаружит те же черты классовой ограниченности. Действительно, и в «Истории Флоренции» (начатой еще в юности, в 1508 г.), и в главном труде — «Истории Италии», написанном на склоне лет, Гвиччардини, так восхваляемый за «объективность» и «независимость суждений», на все явления глядит с известных уже нам политических и классовых позиций. Последнему гонфалоньеру республики Флоренции, ее пожизненному гонфалоньеру Пьетро Содерини (1502—1512), который, кстати сказать, находился под влиянием Макиавелли, он дает самую неслетную характеристику: это, мол, «человек слабый, нерешительный, не очень умный, без всякого политического разума».¹⁰⁸ Касаясь гибели республики в 1530 г. в результате вооруженного вмешательства Карла V, Гвиччардини даже не упоминает Франческо Феруччи, Бальдассаре Кардуччи, Джиролами и других героев борьбы Флоренции за независимость. Зато главнокомандующего республики Малатесто Бальоне, который предательски открыл врагу ворота Флоренции, он называет «человеком серьезным и рассудительным».¹⁰⁹

¹⁰⁷ Ricordi, 140, p. 126: «Chi disse uno popolo disse veramente uno animale pazzo, pieno di mille errori, di mille confusioni, senza gusto, senza diletto, senza stabilità» etc. Цит. здесь, как и всюду, по изданию де Капрариис (Milano—Napoli, 1953, pp. 95—157). Ср. введение Дживелегова к сочинениям Гвиччардини (М.—Л., 1930, стр. 46 сл.). Подробный анализ критики Макиавелли в трудах Гвиччардини см.: J. W. Allen. A history of political thought in the sixteenth century. London, 1941, p. 495 ss.

¹⁰⁸ Отзыв о Содерини см.: V. de Caprariis. Francesco Guicciardini, p. 50. В «Ricordi» и других сочинениях он критикует демократическое правление вообще, так как оно, по его наблюдениям, не обеспечивает преемственности в высших органах власти (сменяемость выборных магистратов), а многочисленность членов правительства имеет своим следствием длительные обсуждения, затягивание решений, невозможность сохранить тайну и т. д.

¹⁰⁹ Впрочем, трудно было бы ждать от Гвиччардини другого. Ведь он в качестве уполномоченного папы по расправе с врагами дома Медичи после капитуляции Флоренции подписал смертный приговор Кардуччи, отправил в тюрьму Джиролами, где тот вскоре скончался, и т. д. За все

Касаясь поражений англичан во Франции в последний период Столетней войны, Гвиччардини обходит молчанием Жанну д'Арк и все успехи французов приписывает королю Карлу VII. Заговоры и восстания против угнетателей народа он, как правило, просто игнорирует.¹¹⁰ Но и в более узкой сфере чисто политических конфликтов внутри правящих верхов его беспристрастность остается под большим сомнением. Как и почти все гуманисты Гвиччардини сочиняет длинные речи военных и политических руководителей. У Макиавелли тоже немало таких речей, но они содержат его, так сказать, «философию истории» и не навязывают читателю его понимания и оценки каждого отдельного события, вызвавшего ту или иную речь. Гвиччардини же пользуется этим литературным приемом для того, чтобы таким образом придать больше убедительности своему собственному объяснению причин, следствий и смысла определенного исторического явления.

Среди афоризмов Гвиччардини имеется следующий: «Делайте все, чтобы оказаться на стороне победителя» («Fate ogni cosa di trovarvi da chi vince»). Как политик он и действовал согласно этому беспринципному положению: он ненавидел папство и презирал церковную иерархию,¹¹¹ но верой и правдой служил двум папам, так можно было быстрее сделать политическую карьеру. Как губернатор Романьи при Кlemente VII он вел борьбу с войсками Карла V, но в 1529 г. находился по левую руку от императора при его триумфальном въезде в побежденную Флоренцию. Как историк он действительно проявляет большую независимость суждений. Но ведь он при жизни не опубликовал ни одного из своих исторических трудов, а главный из них — «Историю Италии» — перед смертью приказал сжечь. Что же касается его общей исторической концепции, то она представляет собой шаг назад по сравнению с концепцией Макиавелли. Важнейшие исторические события нередко объясняются весьма примитивно, интригами отдельных лиц или политических групп, в действиях которых историк видит только своекорыстные

мотивы — жажду денег, власти, могущества и т. п. Савонаролу он рассматривает не как убежденного борца против развращенности высшей церковной иерархии, не как вождя флорентийских средних слоев и отчасти «мелкого народа», а как весьма искусного притворщика, причем, не скрывая своей вражды к реформам Савонаролы, Гвиччардини даже готов восхищаться тем, что тот умел так долго и ловко притворяться. Восстание чомпи он приписывает интригам «Восьми святых» — организации, созданной во время войны Флоренции с папой Григорием XI для руководства военными действиями. Вообще его взгляду на человека присущ самый мрачный пессимизм; его философия истории, если можно так выразиться, резюмирована им в введении к «Истории Италии»: «Из знакомства с этими разнообразными и важными событиями каждый сможет... получить множество полезных сведений; бесчисленные примеры ясно покажут, насколько непостоянны... человеческие дела, как опасны — чаще всего для них самих и всегда для народов — плохо обдуманное решения правителей, когда они, руководствуясь исключительно своими предрассудками или мимолетными желаниями, забывая о частых переменках фортуны и обращая на пагубу другим власть, полученную ими для блага всех, либо по неблагоразумию, либо от избытка честолюбия становятся зачинщиками переворотов».¹¹²

Таким образом, движущими силами истории для Гвиччардини являются только «правители», мотивы их действий — это честолюбие, мимолетные желания, исход политической деятельности определяется игрою случая, «фортуной». Насколько это убого по сравнению с глубокомысленными соображениями Макиавелли о причинной связи явлений, начало которой лежит в далеком прошлом, и о независимости результатов политической деятельности от воли и намерений самих действующих лиц!

Аристократический подход к оценке и объяснению всего движения истории сказывается у Гвиччардини даже в таких работах, где ему не приходится иметь дело с королями, папами и их министрами. Например, в «Диалоге о правительстве Флоренции», касаясь занимавшей многих гуманистов проблемы — в какую эпоху прогресс был больше, в древности или в «новое время», Гвиччардини замечает: во всяком случае «прогресс определяется доблестью немногих, ибо лишь немногие способны на столь великие дела (*impresa si alta*)». То же он подчеркивает и в отношении управления государством: «... всегда тяготы государства несут на своих плечах люди, которых в любую эпоху бывает очень мало».¹¹³

К этой характеристике социально-политических взглядов и исторической концепции Гвиччардини нужно присоединить еще

эти подвиги папа назначил Гвиччардини своим вице-легатом и губернатором Болоньи. См.: R. Ridolfi. Vita di F. Guicciardini. Roma, 1960, p. 331 ss.

¹¹⁰ Другие примеры см.: E. Benoist. Guichardin historien et homme d'état italien. Paris, 1862, pp. 258—264.

¹¹¹ Он пишет, что если бы не уважение, которое он вынужден питать к папам, он был бы готов любить Мартина Лютера как самого себя «только ради того, чтобы увидеть сокращение численности этой кучки преступников», какими являются церковные иерархи («...arei amato Martino Lutero quanto me medesimo... per vedere ridurre questa caterva di scelerati a termini debiti»; Ricordi, 28, p. 103). О своем презрении к духовенству он пишет также в «Ricordi» (48, p. 108), в «Appendice ai Ricordi» (IX, p. 145) и др., неизменно называя церковных иерархов «questi scelerati preti». Ср.: R. Ridolfi. Vita di F. Guicciardini, p. 303.

¹¹² F. Guicciardini. Istoria d'Italia, v. I. Milano, 1803, p. 2 sq.

¹¹³ V. de Caprariis. Francesco Guicciardini, p. 120 sqq.

замечание о внешней форме его трудов, особенно «Истории Италии». Автор, видимо, мало заботился о том, чтобы сделать свое произведение приятным чтением. Он пишет огромными периодами, подчас не уместающимися на одной странице убористой печати; чтобы понять его мысль или схватить в целом рисуемую картину, читателю приходится продирааться сквозь дремучий лес придаточных и соподчиненных предложений, через нагромождение эпитетов и т. п. После выхода в свет «Истории Италии» возник следующий анекдот. Одному итальянцу, уголовному преступнику, предложили на выбор: прочитать Гвиччардини или отправиться на галеры. Он выбрал Гвиччардини, но, дойдя до описания войн Флоренции с Пизой, предпочел галеры дальнейшему чтению.¹¹⁴

Из всего сказанного было бы неверно сделать вывод, что слава Гвиччардини как великого историка не имеет оснований. «История Италии» — произведение все же замечательное, оказавшее сильное влияние на всю историческую литературу, посвященную истории Западной Европы в XVI в. Здесь изображен наиболее бурный и трагический период в жизни итальянского народа, когда он был объектом хищнической политики не только своих тиранов, но и соседних сильных государств. Бесконечные политические комбинации и непрочные союзы, хитрые извороты итальянской и иностранной дипломатии, игра личных интересов и честолюбий, в жертву которым с полным равнодушием приносилась будущность страны и благосостояние ее жителей; кровавые сражения, осады и грабежи городов и крепостей, уничтожение свободы и независимости Флоренции, Генуи и других республик, невероятное падение нравственности в верхах общества, яд и кинжал наемного убийцы как привычные средства политической борьбы; быстрые успехи феодальной реакции на фоне всеобщего политического и экономического развала — такова картина, которая развертывается перед читателем «Истории Италии». Изложение ведется погодно, но автор делает частые отступления в прошлое, необходимые для понимания изображенных событий. Давая историю Италии в период, когда она стояла в центре международной политики, Гвиччардини немало внимания уделяет и другим странам Европы и всем важнейшим событиям этого времени — великим географическим открытиям, немецкой реформации, завоеваниям турок в Европе и т. д. Во всех этих сложных явлениях (не только в их политическом, но и, что особенно ново, экономическом их аспекте) Гвиччардини хорошо разбирается и во всех случаях обнаруживает широкую осведомленность. В качестве посла Флорентийской республики при испанском дворе, а затем ближайшего советника папы и агента римской курии, выполнявшего ряд важных военно-политических поручений в самой Италии,

¹¹⁴ Thompson, 501.

этот флорентийский магнат и крупный землевладелец имел доступ к людям, решавшим судьбы тогдашней Европы. Таким образом, информацию он получал из первых рук и, помимо того, имел в своем распоряжении ценные архивные материалы.

Роберто Ридольфи, издатель ранее неизвестного труда Гвиччардини («Флорентийские дела»),¹¹⁵ изучивший все бумаги гвиччардиниевского архива, имел возможность убедиться в том, насколько тщательно этот историк анализировал, сопоставлял, критически оценивал и обрабатывал свои источники. «Для „Истории Италии“, — пишет Ридольфи, — Гвиччардини применил к исследованию документов столь строгий метод, как никто до него и немногие после него». В архиве сохранилось много тетрадей с пометками и исправлениями при каждой новой редакции «Истории Италии», а редактировал Гвиччардини этот свой труд семь раз! Сохранилось также немало тетрадей с конспектами и выписками из Биондо, Коммина, Джовио, Платины и мн. др.¹¹⁶

Итак, достоинства «Истории Италии» бесспорны. Широта исторического полотна, обилие конкретных данных, любопытных деталей, мастерски выполненных портретов исторических деятелей, внимание к явлениям экономической жизни (торговля Испании с ее колониями, влияние географических открытий на экономику Венеции и проч.), добросовестное использование первоклассных источников — все позволяет видеть в этом произведении важную веху в развитии буржуазной историографии. Однако впечатление, производимое им, довольно противоречиво, чем и объясняются весьма противоречивые оценки Гвиччардини на протяжении столетий. В XVI в. Ж. Боден назвал его «самым лучшим историком», а Монтень, отметив его «добросовестность», «независимость суждений», понимание «истинной сущности событий», упрекает его в «многословии и болтливости», а также в стремлении объяснять все поступки людей только «какой-нибудь выгодой либо порочным стимулом».¹¹⁷ В XVII—XVIII вв. Гвиччардини ставили наравне с Макиавелли как лучшего из новых историков. Вольтер считал обоих флорентийцев основателями новой историографии.¹¹⁸ Но в начале XIX в. Стендаль, большой знаток истории Италии XVI в., назвал Гвиччардини «низким мошенником», а Ранке, подвергнув детальному разбору его сочинения, поставил под сомнение его добросовестность и оригинальность как писателя.¹¹⁹ Затем, в 40-х годах XIX в., Эдгар Кине в своих «Ита-

¹¹⁵ Le Cose fiorentine, per prima volta pubbl. da R. Ridolfi. Firenze, 1945.

¹¹⁶ R. Ridolfi. Vita di F. Guicciardini, pp. 403—407.

¹¹⁷ Мишель Монтень. Опыты. Кн. II. М.—Л., 1958, стр. 107 сл.

¹¹⁸ Essai sur les Moeurs et l'Esprit des nations, t. 3, ed. Firmin-Didot. Paris, 1877, ch. X, p. 107.

¹¹⁹ Стендаль. Прогулки по Риму. Собр. соч., т. XII, М., 1949, стр. 348; L. Ranke. Zur Kritik neuerer Geschichtsschreiber. 1824; ср.:

янских революциях», стоя на совершенно иных, демократических позициях, составил против Гвиччардини настоящий обвинительный акт.¹²⁰

После всего этого репутация флорентийского историка казалась навсегда похороненной. Но между 1857 и 1867 гг., когда увидели свет его многочисленные произведения и письма,¹²¹ хранившиеся до того в частном архиве графов Гвиччардини (боковой ветви этой семьи), отношение к нему в буржуазной историографии резко изменилось. Его реабилитацию в 1862 г. начал француз Э. Бенуа;¹²² затем главные обвинения, выдвинутые против него Ранке (в использовании чужих литературных материалов, недобросовестности, преувеличении роли своей собственной особи в событиях), были подорваны Пасквале Виллари.¹²³ В литературе XX в. Гвиччардини начали превозносить и ставить даже выше Макиавелли. В этом отношении, пожалуй, всех превзошел Эдуард Фуер. Он утверждает, что Гвиччардини «не имеет равных себе в отношении критики используемых источников»; что он рисует «реальную политическую ситуацию с точностью и знанием дела на которые утопист (!) Макиавелли не был способен»; что у него мы «впервые» находим «точную картину международной политики», что военные действия в Италии он изображает правильно, тогда как Макиавелли дает «фантастическую карикатуру», что его юношеским сочинением по истории Флоренции «положено начало новой аналитической историографии».¹²⁴ Впрочем, эти дифирамбы по адресу Гвиччардини и попытки возвеличить его за счет Макиавелли не встретили всеобщей и безоговорочной поддержки.¹²⁵ Не умаляя заслуг Франческо Гвиччардини в создании

буржуазной историографии, мы не можем признать его ни по силе духа, ни по глубине исторической мысли равным «титану» эпохи Возрождения Николо Макиавелли.

«История Италии» увидела свет спустя четверть века после смерти Гвиччардини, другие его произведения — спустя три века. Таким образом, Гвиччардини не был даже известен как историк в то время, когда его младший современник Паоло Джовио (Jovius, 1483—1552) уже пользовался славой величайшего историка Италии и даже заявлял претензию на бессмертие.¹²⁶

Джовио происходил из зажиточной буржуазной семьи г. Комо (севернее Милана). Он получил медицинское образование, но решил посвятить себя истории. Главный его труд, доставивший ему широкую известность, — «История своего времени» («*Historiarum sui temporis libri XLV*»), выходил по мере написания, небольшими частями. Кроме того, ему принадлежит ряд биографий, больших («*Vitae*») и малых («*Elogia*»), «Комментарии о турецких делах» («*Commentarii delle cose de' Turchi*, 1531) и несколько более мелких произведений.

Джовио пользовался расположением императора Карла V, короля Франциска I, папы Клементя VII, предоставившего этому глубоко светскому писателю сан и доходы епископа Ночеры, был близок к семье Медичи. Среди вельмож, военных и политических деятелей ряда стран у него были связи, знакомства, добровольные корреспонденты, регулярно снабжавшие его сведениями. Высокоставленные особы охотно, как мы теперь сказали бы, давали ему интервью; иногда он прибегал к помощи письменных анкет (например, через герцога Альбу собрал анкетные данные у попавших в плен к Карлу V герцога Саксонского и ландграфа Гессенского).

Не ограничиваясь этим, Джовио как заправский репортер современной буржуазной газеты часто оказывался на том месте, где должно было произойти какое-нибудь важное событие — сражение, переговоры, торжественный въезд победителя в город и т. п. Его не без основания называют «создателем журнализма нового времени», а его главный труд — «историей-газетой». Его исключительная осведомленность не вызывает сомнений. Несколько иначе обстоит дело с его добросовестностью. Указывают, что у него было два пера: золотое — для тех, кто хорошо платил, железное — для тех, кто платить отказывался, иначе говоря, что

«Заметки о делах политических и гражданских», «Семейная хроника» и «Воспоминания» (под редакцией и с интересным введением А. К. Дживелева, М., 1934). С Франческо Гвиччардини иногда смешивают его племянника, автора знаменитого «Описания Нидерландов» и ряда исторических сочинений, Лодовико Гвиччардини (см., например: *Thompson*, 498); О Лодовико Гвиччардини имеется специальный труд О. М. Масловой «Жизнь и литературная спадщина Лодовико Гвиччардини» (Київ, 1929) с полной библиографией.

¹²⁶ См.: Я. Буркгардт. Культура Италии, т. I, стр. 183, прим. 2.

то же, SW, Bd. 34, Leipzig, 1874; в этом новом издании Ранке несколько смягчил свой первоначальный отзыв.

¹²⁰ E. Quinet. Les Révolutions d'Italie, v. II. Paris, 1851, pp. 146—151.

¹²¹ F. Guicciardini. Opere inedite. Firenze, 1857—1867.

¹²² E. Benoist. Guichardin historien...

¹²³ P. Villari. Niccolo Machiavelli, v. III; ср.: O. Waltz. Zur Rettung des Geschichtsschreibers Francesco Guicciardini. HZ, Bd. 42, 1896, SS. 207—211. Тенденция реабилитировать Гвиччардини как добросовестного историка и улучшить отражение и в советской литературе; см.: Н. Пакуль. К вопросу о достоверности «Истории Италии» Гвиччардини. Уч. зап. Харьковской ун-в., т. 15, 1939.

¹²⁴ Fueter, 85—92; E. Fueter. Guicciardini als Historiker. HZ, Bd. 400, 1908, S. 486 ff.

¹²⁵ Кроме уже цитированной выше работы Капрарияса (V. de Caprariis. Francesco Guicciardini), см.: U. Spirito. Machiavelli e Guicciardini. Roma, 1944; V. Luciano. F. Guicciardini and his European Reputation. N. Y., 1936; A. Ototea. F. Guichardin, sa vie publique et sa pensée politique. Paris, 1926 (главным образом биография); L. Pastor. Geschichte der Päpste..., Bd. IV, 1 (приведена обширная литература о Гвиччардини); N. Rubinstein. Problema di «Storie fiorentine» di Guicciardini. Rinascimento, 1954. Лучшие издания, кроме упомянутых «Opere a cura di Caprariis» (1953): Storia d'Italia, a cura di Guerardi, vv. 1—4. 1919, 1929; Storia fiorentina, a cura de Palmareocchi. 1931; На русский язык переведены

он соразмерял свои оценки событий и отзывы о людях с их готовностью оплачивать его труды. Ранке подчеркивает, что в XVI в. труд историка оплачивали не книгоиздатели, а владельцы особые, и приводит слова Джовио: «Я не хочу работать, если мне не заплатят». По мнению Ранке, это не отражалось ни в оценках: Джовио критиковал даже папу Клементя VII, своего «благодетеля».¹²⁷ Но многие обвиняют его в продажности. Стендаль писал: «Павел Иовий говорит правду только в том случае, если ему не заплатили за ложь, и он сам хвалится этим».¹²⁸ Кто же из них прав?

Карл V, если верить испанскому историку Сепульведе, не платил Джовио за ложь. Значит ли это, что все, им написанное о Карле V, истина? Франциск I выплачивал ему пенсию. Следует ли из этого, что все, сказанное им об этом короле, ложь. Дело обстоит сложнее, так как Джовио, будучи талантливым историком, не мог не считаться с реальной исторической картиной. Превознося Карла V, он пишет, что в правление этого государя налоги растут, народ нищает, непрерывные войны и набор солдат почти обезлюдили Испанию, обогащаются одни чиновники, отсюда глубокое недовольство испанцев «блестящим» царствованием Карла.¹²⁹

Хотя Джовио больше всего внимания уделял политическим событиям, излагая их к тому же довольно поверхностно, без попыток выяснить их отдаленные причины и следствия, хотя он как настоящий журналист слишком гонится за сенсационными

данными, его произведения все же ценны тем, что в них отражена умственная и политическая атмосфера первой половины XVI в.

Необходимо вместе с тем подчеркнуть и широту его интересов. В этом отношении показателен его небольшой трактат «О посольстве Московитов» (1525 г.), не отмеченный ни одним из западноевропейских историков гуманистической историографии. С присущей ему самоуверенностью Джовио сравнивает это сочинение с «Германией» Тацита. В сущности же это своеобразный «репортаж», основанный почти целиком на рассказах Дмитрия Герасимова, посланного в 1523 г. Василием III к папе Клементю VII с дипломатической миссией. Московского гостя поместили в одной из самых роскошных комнат Ватиканского дворца, его гидом при ознакомлении с достопримечательностями Рима был сам Джовио. Историк-журналист не преминул использовать новое знакомство для получения информации о Московском государстве и его восточных соседях.

Что эта информация представляет интерес для историка Московской Руси начала XVI в., говорить не приходится.¹³⁰ Вместе с тем этот трактат показывает нам Джовио как писателя, откликающегося на злободневные запросы буржуазных читательских кругов в Италии. Он упоминает о московских переговорах генуэзского купца Паоло Чентурионе, послуживших основанием для появления Герасимова в Риме. Папство, отмечает Джовио, пыталось восстановить связи с Москвой, надеясь компенсировать себя за ущерб, нанесенный католицизму в Германии. С другой стороны, налаживание этих связей имело целью открыть итальянским купцам дорогу в Индию и Китай через русские и среднеазиатские земли. Джовио в связи с этим подчеркивает, что португальцы непомерно подняли цены на пряности и притом так долго выдерживают на своих лиссабонских складах этот нежный продукт, что он утрачивает вкус и аромат. Таким образом, историко-географическое описание Московского государства и сопредельных стран, для которого, помимо сведений Герасимова, Джовио привлек и некоторые литературные материалы, имело вполне практическое и главным образом экономическое назначение.¹³¹

Несправедливо сравнивать Джовио (как это иногда делают) с Пьетро Аретино (1482—1557), сатириком и памфлетистом, прозванным «бичом государей», и уж совсем неверно называть Аретино «первым великим журналистом нового времени».¹³² Место Джовио в буржуазной историографии определяется именно тем, что он впервые соединил историю с журналистикой, применив

¹³⁰ См., например: В. О. Ключевский. Сказания иностранцев о Московском государстве. Пгр., 1918 (неоднократно цитируется это сочинение Джовио по русскому переводу в «Библиотеке» В. Семенова).

¹³¹ Цит. по: Operetta dell'ambasciatoria de Moscoviti... nuovamente tradotta di latino in lingua volgare. Vinegia, 1545.

¹³² E. Hutton. Pietro Arentino, the scourge of Princes. London, 1922.

¹²⁷ L. Ranke. Zur Kritik neuerer Geschichtsschreiber, SW, Bd. 33, SS. 70—78.

¹²⁸ Стендаль (Прогулки по Риму, стр. 348), вероятно, нашел эту суровую оценку у Бодена (Methodus ad facilem historiarum cognitionem, IV, p. 71 sq.). Обвинения Джовио в подкупности были столь распространенными, что даже Кампанелла пишет о нем: «Иовий преступно посмеялся заявить, что историк не должен бояться лгать, так как через сто лет ложь уже нельзя будет обнаружить (quoniam hinc ad centum annos mendacia non agnoscentur)». T. Campanella. Tutte le opere a cura di Luigi Firpo. V. I. 1954, p. 1232. Фирпо в примечании (стр. 1423) ошибочно утверждает, что Джовио не писал ничего подобного. Кроче (B. Croce. Intorno a Paolo Giovio. La Critica, anno XXVII, fasc. III, 1929) обращает внимание на то, что Джовио в некоторых своих письмах сам называет себя «продажным вымогателем, угрожавшим злословить тех, кто ему не заплатит...», подлинном, который скрывает правду, дабы не иметь неприятностей» и т. д. И кто же издал эти письма, в которых историк с таким невероятным цинизмом чернит самого себя? Его враг? Нет, его преданнейший ученик — Лодовико Доменики. Джовио, думает Б. Кроче, просто любил острые словечки, любил смеяться и смеяться других. В действительности же он был более добросовестен и правдив, чем множество других историков-гуманистов, которые пользуются хорошей репутацией. Ср.: A. Morel-Fatio. Historiographie de Charles Quint. Paris, 1913, p. 119 ss.; Морель-Фасио признает Джовио заслуживающим доверия историком и ставит его значительнее выше испанских историков того же времени.

¹²⁹ J. de Sepulveda. De rebus gestis Caroli V, XXX, § 33; A. Morel-Fatio. Historiographie..., p. 104.

новые приемы и методы собирания материалов для написания увлекательной хроники текущих событий.¹³³

Во второй половине XVI в. клерикальная и политическая реакция сделала невозможным дальнейшее развитие буржуазной историографии. Ее представители не смеют уже заниматься актуальными вопросами современности, а обращаются либо к исследованиям эрудитского или антикварного характера, либо ограничиваются чисто фактологическим изложением истории отдельных периодов. Примером сужения горизонта историка и обеднения истории могут служить произведения крупного ученого Карла Сигония (Sigonius, 1523—1584).

В университетах Модены, Венеции, Падуи и Болоньи он мог спокойно изучать римские и греческие древности («De republica Atheniensium libri IV», Bononiae, 1564; «De Atheniensium Lacedaemoniorumque temporibus libri», Venetiis, 1564, и мн. др.), но стоило ему обратиться к теме, связанной с современностью, например, к истории города Болоньи, как ему пришлось столкнуться с подозрительной и придирчивой цензурой, заставлявшей его менять формулировки, оценки документов и т. д. Он даже был вынужден написать для доказательства своей благонамеренности опровержение труда Валлы о «Константиновом даре» (правда, Сигоний воздержался от опубликования своего опровержения).

Сигоний является автором огромного труда по истории Италии с 284 по 1268 г. (I т. — «Historiarum de occidentali imperio libri XX», 1578; II т. — «Historiarum de regno Italie libri XX», 1574), ради которого он совершал поездки по всей стране и пользовался, сверх того, услугами преданных учеников, чтобы извлечь из пыли забвения «варварски написанные» средневековые хроники, служившие ему первоисточниками.¹³⁴ Однако ни по методу исследования, ни по материалу эта работа не вносит ничего нового по сравнению с Биондо или Лято. Гораздо важнее в обоих отношениях «эрудитские» работы Сигония, посвященные сравнительному изучению учреждений на исторической основе («Fasti», 1550; «De antiquo iure civium romanorum» и «De antiquo iure provinciarum», 1560).

Еще труднее было положение придворного историографа герцога Козимо Медичи — Сципиона Аммирато (1532—1601). Этот страстный собиратель средневековых документов и хроник должен был оглядываться и на своего покровителя, и на церковную цензуру. Поэтому он не только фальсифицировал историю Фло-

¹³³ К указанной в примечаниях литературе нужно присоединить: V. Cian. Gioviana. Giorn. Storico della letter. ital., XVII, 1891, pp. 277—357; Fueter, pp. 60—66; Luigi Rovelli. L'opera storica e artistica di P. Giovio. Como, 1928.

¹³⁴ Fueter, 158—160; J. Ph. Krebs. Carl Sigonius. Frankfurth a/M., 1840; Gabriel Maugain. Etude sur l'Evolution intellectuelle de l'Italie (1657—1750). Paris, 1909, pp. 85—87.

ренции, но и заполнил ее чудесами и правоучительными религиозными рассказами («Istorie fiorentine», 1600).¹³⁵

Только в Венеции, правительство которой находилось в борьбе с римской курией, отстаивая свое право контролировать церковную организацию на территории республики и облагать ее доходы налогами, была еще возможна в эту эпоху светская историография, свободная от церковной цензуры. В Венеции могли работать такие выдающиеся историки, как Сарпи и Давила. Впрочем, первый едва спас свою жизнь, на которую дважды покушались агенты Ватикана (в 1607 и 1609 г.), а второй при весьма загадочных обстоятельствах был застрелен через год после выхода в свет его «Истории гражданских войн во Франции».¹³⁶

Фра Паоло Сарпи (1552—1623), родом из Венеции, монах ордена сервитов, был одним из ученейших людей своего времени. Он занимался ботаникой, медициной и математикой с неменьшим рвением, чем богословием и историей. Галилей, в физических опытах которого Сарпи принимал какое-то участие, был высокого мнения о его глубоких и разносторонних познаниях в естественных науках.

Конфликт Венеции с папством особенно обострился, правительство назначило Сарпи своим советником по богословским вопросам. Трактаты Сарпи, направленные против папства, иезуитов и их реакционной политики, доставили ему известность и влияние в протестантских кругах Европы. Отлучение от церкви и неудачные покушения на его жизнь только увеличили его авторитет и популярность в Венеции и за ее пределами. Правительство республики приняло особые меры по охране его жизни, а после его смерти решило воздвигнуть ему памятник (что было осуществлено только в конце XIX в.).

Главную славу Сарпи как борца против папизма и «величайшего историка своей эпохи» (Сальваторелли) составляет его

¹³⁵ Fueter, 160—163; G. Maugain. Etude..., p. 87 sq.

¹³⁶ Сарпи, когда ему показали кинжал, которым ему были нанесены раны, сказал: «Узнаю стиль (игра слов: stile по-итальянски «стиль» и «кинжал», — O. B.) римской курии». О гибели Давилы его биограф и переводчик Бодуэн сообщает, что убийца и его соучастник были немедленно убиты слугами Давилы. Таким образом, подлинные авторы трагедии, разыгравшейся на постоялом дворе между Падуей и Вероной, куда венецианское правительство послало Давилу, остались нераскрытыми. Цит. по второму франц. изд.: J. Vaudois. La vie de l'auteur, v. I. 1647. Труд Давилы был помещен в Индекс. К этому же времени относится гибель другого венецианца, теоретика истории Боккалина, отравленного агентами папской курии, и бегство из Италии Бруто, Биондо, Акконцио Тридентино, принадлежавших к группе историков антипапского направления. Все эти факты позволяют представить себе ту удушающую атмосферу реакции, которая надолго остановила развитие в Италии свободной общественной и научной мысли. Характерно, что именно в венецианских владениях, где иезуиты и прочие папские агенты не могли рассчитывать на содействие со стороны властей, они чаще всего прибегали к террористическим актам.

«История Тридентского собора». Этот обширный труд, являющийся плодом многолетних исследований, впервые был напечатан в Лондоне в 1619 г. на итальянском языке оригинала. Издатель де Доминис, опальный архиепископ Спалато (Далмация) и друг Сарпи, впоследствии попал в руки римской инквизиции и погиб в папской тюрьме.¹³⁷

То обстоятельство, что Сарпи для своего главного исторического труда выбрал именно эту тему, имело глубокое основание. Постановления Тридентского собора дали толчок к объединению всех сил феодально-католической реакции и к решительному наступлению на свободную мысль и прогрессивные общественные движения. Иезуит Паллавичини, получив от римской курии задание подорвать доверие к книге Сарпи, в своей полемической истории Тридентского собора четко формулирует программу реакционного лагеря: «Пламя мятежей может быть потушено только ледяным (!) террором и потоками крови».¹³⁸ Эти слова являются прямым ответом на рассказ Сарпи о зверской расправе с 4000 мирных крестьян-вальденсов в Южной Франции, которые были перебиты вместе с их женами и детьми (Sarpi, II, XVI), что явилось прологом к открытию Тридентского собора.

Сарпи дает внешне спокойное, почти бесстрастное изложение истории церковных соборов, кончая Тридентским собором 1545—1563 гг., являющимся для него символом и апогеем вырождения римской церкви. Особенно подробно рассматривается развитие реформационного движения в Германии и других странах и попытки папства приостановить его, не прибегая к созыву собора. С большой силой он изображает позицию римской курии перед лицом Реформации, безжалостно срывая благочестивые религиозные одежды, которые прикрывали весьма материальные интересы церковников. Когда папа Андриан VI задумал сделать частичные уступки лютеранам в вопросе об индульгенциях, то папский «министр финансов» кардинал Лоренцо Пуччио, «изобретатель способов добывать деньги», как иронически называет его Сарпи, решительно выступил против. «Нынешний век, — сказал он, не похож на минувшие времена, когда любые решения церкви беспрекословно принимались к исполнению; теперь каждый желает обсуждать их и выяснять их мотивы... Лекарство [предложенное папой] хуже самой болезни. Вместо исцеления оно приведет

¹³⁷ Книга вышла под именем Pietro Soave Polano, которое представляет анаграмму Paolo Sarpi Veneto. К началу XIX в. имелось уже 6 изданий на итальянском языке, 6 — на латинском, 13 — на французском, по 2 — на английском и немецком. Я пользовался итальянским изданием: *Istoria del Concilio Tridentino di Fra Paolo Sarpi*, vv. 1—4. Firenze, 1858. Новейшее издание (a cura di G. Gambarin, vv. 1—3, Bari, 1935) было мне недоступно.

¹³⁸ «Il fuoco delle ribellione non si smorza se non o col ghielo del terrore o con la pioggia del sangue». Цит. по: F. de Sanctis. *Storia della Letteratura italiana*, v. II, Milano, 1912, p. 225.

к смерти больного. Думая вернуть себе Германию, папство теряет Италию». Поэтому, по мнению Пуччио, не следует касаться жгучего вопроса об индульгенциях и хранить молчание. Другой кардинал (Франческо Содерино) указал на опасности, которыми грозит папству даже малейшая уступка с его стороны. «Ибо простонародье (plebe), которое судит только на основании фактов (eventi), будет считать, что папство подвергается нападкам по заслугам и что раз оно уступает в малом, то и другие требования реформаторов вполне основательны; в результате ересиархи, видя, что они одержали частичную победу, не перестанут добиваться новых [уступок]... Никто и никогда еще не задушил ересь с помощью реформ, но только с помощью крестовых походов... Наконец, никакая реформа не обойдется без умаления папской казны и церковных доходов». Реформа лишит папу «того нерва, каким являются деньги» (там же, I, XXIV).

Сарпи, разумеется, не имел точной записи тех советов, которые давались папе в секретных беседах. Мы имеем здесь дело с конструкцией историка. Она выполнена реалистически и с большим мастерством. Вот почему разоблачение подлинных мотивов папской политики вызывало и вызывает и поныне ярость защитников папства. Иезуит Паллавичини прямо обвиняет Сарпи в том, что он «наполнил свою историю семенами ереси, еще более нечестивыми, чем еретические взгляды Макиавелли».¹³⁹ Людвиг Пастор в наше время не может простить Сарпи того, что тот «все самое святое» сводит «к низким корыстным мотивам».¹⁴⁰

В книге Сарпи почти нет обобщений или рассуждений, выражающих его позицию. Очень редко в ней встречаются прямые авторские оценки вроде высказываний по адресу иезуитов, которых он ненавидит. «Лучше самый плохой испанец, — пишет он, — чем наименее подлый иезуит». «Люди так привержены с своим взглядам, что уверены, будто бог так же любит и защищает их (т. е. взгляды, — *О. В.*), как и они сами». В основном же все восемь книг «Истории» представляют на редкость стройное изложение фактов в их причинной связи. В их строгом логическом сцеплении сила воздействия книги на читателя. Она партийна, но в лучшем значении этого слова. Ибо пигде факты не искажаются и не подгоняются под определенную схему. Фактические ошибки в труде Сарпи, обнаруженные Паллавичини, который имел в своем распоряжении весь Ватиканский архив, сво-

¹³⁹ P. Sarpi. *Istoria del concilio Trid.* Firenze, 1858, p. 123, n. 1.

¹⁴⁰ L. Pastor. *Geschichte der Päpste...*; Bd. XII, 1927, S. 152 f. «Как исторический труд эта работа Сарпи стоит не высоко», — пишет он там же, «опровергая» Фютера, считающего Сарпи «наряду с Гвиччардини величайшим мастером историографии XVI в.». Пастор в данном случае просто следует за Ранке, который в статье «Zur Kritik Sarpi's und Pallavicinis», приложенной к книге «Die Römische Päpste» (Bd. 3, A. 7, Leipzig, 1878), считает партийность Сарпи большим пороком, снижающим ценность его труда.

дятся к мелочам, не имеющим принципиального значения. Что касается оценки фактов, то нигде Сарпи не обнаруживает прелюбления перед авторитетами. Для него высший авторитет и единственный критерий оценок — разум. Большим достоинством труда Сарпи является также ясный, четкий, простой язык, «математическая» точность определений, отсутствие всякой ретирики, украшательских элементов. Итальянский историк литературы де Санктис хорошо показал «великую гармонию формы и содержания в этой книге» (там же, стр. 225 сл.).

После всего сказанного можно согласиться с этим ученым, что имя Сарпи следует поставить в один ряд с именами Макиавелли, Джордано Бруно, Галилея и Кампанеллы, глашатаев новой эпохи в развитии свободной человеческой мысли.¹⁴¹

В духе лучших традиций светской, рационалистической, критической историографии итальянского гуманизма написана и книга Давила «История гражданских войн во Франции». Хотя этот автор по глубине понимания исторических событий и умение отбирать из массы фактов наиболее существенное сильно уступает Сарпи, но у читателей он пользовался феноменальным успехом: 200 изданий на разных языках выдержал этот труд (насчитывающий более 1200 страниц в лист) в течение одного лишь столетия (1630—1730)!

Арриго-Катарина Давила (1576—1634) был пажом Катарини Медичи, в честь которой ему было дано второе имя, и до 1599 г. жил во Франции. В своей книге он ссылается на близкое знакомство с лицами, которые «заправляли тогда государственными делами», что позволило ему «достигнуть тайные пружины самых важных событий». Очевидцем многих событий он был и сам. После Ранке, показавшего, как много позаимствовал Давила у французских современных историков и мемуаристов, значение книги Давилы как первоисточника было сведено почти на нет. Однако это не затрагивает ее историографического значения.

¹⁴¹ Помимо литературы, указанной в примечаниях, см.: Fueter, 337—340 (о Сарпи), 340—342 (о Паллавичино, авторе «Istoria del Concilio di Trento», Roma, 1656—1657, см. и указанную здесь литературу); Thompson, 541—549; Луцио (A. Luzio. Fra Paolo Sarpi. R. St. it., VI, 1928, pp. 1—23) пытается выдать Сарпи за типичного реформиста, боящегося революционных потрясений и готового примириться с постепенными исправлениями церкви; Luigi Salvatorelli. 1) Le idee religiose di fra Paolo Sarpi. Atti Acc. Lincei, ser. VIII, v. V, fasc. 6, Roma, 1953 (указаны новейшие труды); 2) Paolo Sarpi. Quaderni di «Belfagor», I. Firenze, 1948, pp. 136—144; в сущности той же проблеме об отношении Сарпи к протестантству посвящена и статья G. Cozzi. Fra Paolo Sarpi, l'Anglicanesimo e la «Historia del Concilio Tridentino». R. St. it., anno LXVIII, Fasc. IV, 1956; H. Jedin. Das Konzil von Trient, ein Ueberblick über die Erforschung seiner Geschichte. Roma, 1948 (с обильной библиографией в примечаниях); анализ некоторых новейших работ о Сарпи см.: G. Gambargini. Il Sarpi alla luce di studi recenti. Archivio Veneto, ser. V, vv. L—LI, 1952, pp. 78—105.

«Гражданские войны могут служить превосходным уроком для тех, кто их здраво рассматривает», — эти слова Давилы подчеркивают главную задачу, которую он перед собою поставил: выяснить подлинные причины «множества фактов, затемненных партийными и частными интересами». Религиозные разногласия были, по его убеждению, только внешним поводом для борьбы, и в этом он прав, что бы ни думал по этому поводу Ранке и вслед за ним другие буржуазные историки. Но Давила ищет эти причины, по примеру Гвиччардини, в честолюбии и интригах отдельных лиц, главным образом вождей французского дворянства Гизов и Бурбонов. Катарина Медичи как иностранка для обеспечения своих прав королевы-регентши вынуждена была опереться на Гизов, ибо Бурбоны — принцы крови — не желали с нею считаться. Будучи женщиной «мужественной и пронизательной», она предпочла «разделить власть с Гизами» перспективе совсем расстаться с властью.

Вообще причинные связи между фактами Давила ищет в психологии, разоблачая своекорыстные мотивы действия различных лиц и групп, обманчиво скрытые под покровом религиозных убеждений. Особенное впечатление на читателей должны были произвести разоблачения Давилы, относящиеся к позиции папства. Так, в последней (15-й) книге своей «Истории» он подробно рассказывает об интригах папского легата и части архиепископов, настаивавших на необходимости игнорировать переход Генриха IV в католичество и отказать ему в признании как «еретнику». Эта оппозиция папской агентуры была сломлена католической буржуазией и народом. Давила превосходно показывает, как, например, в Бургундии небольшие военные силы Генриха IV могли быстро овладевать городами благодаря восстаниям буржуазии, плебейских масс и крестьян против главнокомандующего Католической лиги герцога Майенского (Histoire des guerres civiles, pp. 1157—1160). Не меньшие затруднения должен был преодолеть король, чтобы сломить оппозицию гугенотов Нантским эдиктом, а также подкупом «вождей и поджигателей (bou-tefeux) их партии». Что касается мелкого гугенотского дворянства, которое было «чрезвычайно бедно и доведено до жалкого состояния», то здесь оказались достаточными обещания и то обстоятельство, что оно осталось без вождей.

В борьбе католиков и гугенотов симпатии историка всецело на стороне «третьей партии» — «политиков», к которым он причисляет и Катарину Медичи, и Генриха IV. В могуществе центральной власти он видит залог благосостояния страны. Но королевская власть должна быть строго ограничена «вечными и неизменными законами», так как в противном случае она быстро вырождается в силу «разрушительную, распушенную» (Histoire p. 6).

Чтение книги Давилы в настоящее время — занятие довольно скучное. Иначе думали в Риме, где ее осудили как опасную для

папства; иначе думали в Англии в период революции и во Франции в период Фронды: в обеих этих странах труд Давилы вышел в английском и французском переводах первым изданием в 1642 г. и вторым в 1647. Интерес к нему не ослабевал до тех пор, пока дальнейшие успехи исторического метода и более широкий, более поучительный исторический опыт великой Французской революции не антиквировал «уроки гражданской войны во Франции» XVI века.¹⁴²

Особенностью исторической концепции гуманистов, коренившейся в материальных условиях общественной жизни в эпоху Возрождения, было представление о решающей роли в исторических событиях отдельных выдающихся личностей. При объяснении событий на первое место выдвигалась психологическая мотивация, личные свойства политических деятелей, их доблесть (*virtù*), противоборствующая силе случайности, изменчивости, фортуны. Вообще сама эта эпоха, богатая яркими характерами, благоприятствовала развитию искусства исторического портрета. В античной литературе, кроме давно известных Светония и Корнелия Непота, итальянские гуманисты нашли и такие замечательные образцы для подражания, как «Параллельные жизнеописания» Плутарха. Но многие гуманисты-историки, создавая отдельные биографии и целые серии биографий выдающихся личностей, шли непроторенными путями. Их героями являются не только светские и церковные руководящие деятели, но в еще большей мере литераторы, художники, ученые. Таким образом закладывались основы для создания в последующих веках истории культуры. Правда, итальянские гуманисты еще не достигли ясного понимания преемственной связи между достижениями отдельных творцов ренессансной культуры, еще не вышли за рамки индивидуальных портретных характеристик, но свойственное им в отличие от церковно-феодалных историков чувство исторической перспективы, элементы, как мы бы сказали, стихийного историзма сказываются у лучших авторов, особенно у Вазари, в стремлении установить какие-то периоды или этапы прогрессивного развития в определенных областях культуры.

Первым гуманистическим произведением биографического жанра была «Жизнь Данте», написанная Боккачио (1313—1375). Это — панегирик великому поэту, блестящий по форме, но избыточный лирическими излияниями и риторическими красо-

¹⁴² Arrigo Catarino Davila. Storia delle guerre civili di Francia. Venezia, 1630. Цитаты приведены по французскому переводу «Histoire des guerres civiles de France» (vv. 1, 2, Paris, 1647, in f°). Литература: Fueter, 153—156; L. Ranke. Französische Geschichte. SW, Bd. 5, S. 3 sqq; Вальсекки (F. Valsecchi. Caratteri ed aspetti..., p. 67 ss.) особенно резко, вслед за Ранке, подчеркивает «односторонность» Давилы, для которого «религия является только политическим орудием» в борьбе гугенотов и католиков.

тами в ущерб фактическому содержанию. Леонардо Бруни подверг это произведение резкой критике, правильно отметив, что личность Данте как политического деятеля и мыслителя осталась неосвященной. В новейшей литературе существуют самые противоречивые высказывания об этой работе Боккачио.¹⁴³ Ее главный интерес состоит в том, что она показывает, в какой степени уже первые гуманисты были чужды типично средневековым элементам в мировоззрении Данте.

В конце XIV в. появилась «Книга о знаменитых гражданах Флоренции» Филиппо Виллани (1325—1405). Это собрание 35 биографий людей, способствовавших славе родного города. Характерно, что на первом месте здесь не политические деятели, а поэты, литераторы. Виллани меньше заботился о точности своих исторических портретов, чем о воспроизведении манеры и стиля античных биографов. К тому же, как правильно подметил Фютер, «его политические суждения узки и ограничены, а манера говорить о рабочих и народе продиктована слепой ненавистью богатого попола к силе, угрожающей его положению». Тем не менее как первый биографический сборник в гуманистической литературе, отразивший пробуждающийся интерес к истории культуры, он имеет большое историографическое значение.¹⁴⁴

В литературе о Кватроченто часто цитируется произведение Веспасиано да Бистиччи (1421—1498) «Жизнь знаменитых людей».¹⁴⁵ Здесь 103 биографии лиц, пользовавшихся известностью в Италии, хотя и не обязательно итальянцев по происхождению. Одни биографии весьма обстоятельны, другие уместаются на двух-трех страницах, а подчас даже представляют отписку в несколько строк, дающих сухие фактические сведения.¹⁴⁶ Наиболее подробны биографии флорентийцев. Весь сборник состоит из пяти частей. В первую вошли жизнеописания пап, королей, суверен-

¹⁴³ Общая характеристика «Жизни Данте» и обзор высказываний об этом произведении Боккачио см.: М. Корелин. Ранний итальянский гуманизм..., т. III, стр. 61—65; ср.: Я. Буркгардт. Культура Италии..., т. II, стр. 50.

¹⁴⁴ М. Корелин. Ранний итальянский гуманизм..., т. III, стр. 278 сл.; Fueter, 113 sqq. Полное название: Villani Filippo. Liber de origine civitatis Florentinae et eiusdem famosis civibus. Первая часть («Liber de origine civitatis») не опубликована совсем. Вторая часть («De famosis civibus») издана впервые на латинском языке во Флоренции в 1844—1847 гг., в итальянском переводе — в Венеции в 1747 г.

¹⁴⁵ Впервые издана кардиналом Май в первом томе «Spicilegium Romanum» под латинским заглавием «Virorum illustrium CIII qui saeculo XV extiterunt vitae auctore coaevo Vespasiano Florentino» (Romae, 1839). Далее цитируется по этому изданию. Лучшие издания (vv. 1—3, Bologna, 1892, a cura di Frati; Milano, 1949, a cura di P. D'Ancona) были мне недоступны.

¹⁴⁶ Например, испанскому государственному деятелю Альваро де Луна уделены 2 страницы, немецкому ученому кардиналу Николаю Кузанскому — полстраницы, Поджио Браччиолини — 20 страниц и столько же — флорентинскому архиепископу Антонию.

ных правителей. Далее следуют кардиналы. Третья часть посвящена биографиям архиепископов и прочих прелатов церкви, а также монахов; четвертая — «государственным мужам», пятая — «литераторам».

Это старая средневековая схема, целиком соответствующая феодальной общественной структуре. Но в содержании каждой биографии уже чувствуется победа нового гуманистического мировоззрения. Это представляет тем больший интерес, что автор сам не гуманист, по своим занятиям торговлей он принадлежал к среднему слою флорентийских пополанов. Но как торговец бумагой и рукописными книгами, которые нередко и размножал, его же штатом наемных переписчиков, Бистиччи был очень близко знаком с современными ему гуманистами.¹⁴⁷ Он сам сообщает читателям, что его труд не относится к категории гуманистических произведений в отличие от аналогичного труда неаполитанского гуманиста Бартоломео Фацио («О знаменитых людях»). Фацио писал «историю», его занимали только «великие события»; он же, Бистиччи, является лишь автором скромных «заметок», «комментариев», где главное внимание уделяется «подробностям, услышанным от людей, достойных доверия» (Жизнь знаменитых людей, стр. 63). Притом свои заметки он писал не на классической латыни (что, видимо, было ему не по силе), а по-итальянски, на «volgare»; он надеется, что впоследствии настоящий литератор использует его материалы для книги на латинском языке (там же, стр. 4).

Таким образом, нельзя признать вполне точным определение М. Корелина, который называет Веспасиано да Бистиччи «самым крупным представителем второго фазиса в развитии ранней историографии гуманизма».¹⁴⁸ Но именно то обстоятельство, что Бистиччи, строго говоря, нельзя считать представителем гуманистической историографии, его взгляд на историю и ее задачи представляет особый интерес как показатель влияния гуманистической мысли и вместе с тем того значения, которое буржуазия Флоренции придавала достижениям своих историков.

Историческая литература для Бистиччи существует только в двух видах: биографии великих людей и историй отдельных городов. «Если бы не было биографий, то память о великих людях исчезла бы», — пишет он в введении к своей книге. Что касается городов-государств, то одна лишь Флоренция полностью обеспечила себе славу в потомстве: «В Италии нет ни одной республики или народного государства (istato popolare), которое было бы

¹⁴⁷ Его профессиональные интересы «книгоиздателя» и «книгогольца» получили отражение в биографии Козимо Медичи, где много внимания уделено описанию библиотеки Медичи (стр. 336 сл.), которая была составлена главным образом из рукописных книг, заказанных или приобретенных у самого Бистиччи.

¹⁴⁸ М. Корелин. Ранний итальянский гуманизм..., т. I, стр. 183.

столь прославленным, как этот город». Это — заслуга Леонардо Бруни и Поджио, авторов истории Флоренции на латинском языке. Не будь их произведений, о достижениях флорентинцев ничего не было бы известно. Правда, Джованни Виллани написал по-итальянски всемирную историю, но «он оставил память о событиях, происходивших где угодно во всем мире, так что флорентийские дела среди них совершенно теряются». Таким образом, его «История» в счет не идет. Отметив в связи с этим, что Венеция и Милан из-за отсутствия историков подвигов их граждан и правителей не пользуются той репутацией и славой, которую они заслужили, Бистиччи делает вывод: «Никаких наград не следует жалеть за хорошо написанную учеными людьми историю государства» (там же, стр. 553 сл.).

Таков взгляд «просвещенного» флорентийского пополана на историю. Для него подлинная историография начинается с трудов Бруни и Поджио. До этих писателей были только всемирные хроники, к которым нельзя относиться серьезно. «Настоящая» историческая книга — это та, которая написана литературно, на хорошей гуманистической латыни. Характерен ярко выраженный местный патриотизм Веспасиано да Бистиччи. Он не забывает отметить при имени какой-нибудь знаменитости из своего родного города, что тот «di nazione fiorentino». Общациональное чувство выражено у него еще очень слабо. Другая характерная черта, общая у него с гуманистами его поколения, это еще ничем не омраченный оптимистический взгляд на мир. Свой век он называет «золотым» (in questo secolo aureo; там же, стр. 553).

Из гуманистических сборников биографий, появившихся в XV в., помимо уже упомянутой книги Бартоломео Фацио, наибольшей известностью пользовались «Жизнеописания пап» («Vitae pontificum») римского гуманиста Платины (собственно, Бартоломео Сакки, 1421—1480). Друг и единомышленник Помпония Лэта, Платина подвергся суровым репрессиям при Павле II. Платина отомстил, дав этому папе весьма нелестную характеристику и представив его в отвратительном виде. Позднейшие буржуазные историки считают эту биографию «карикатурой», однако портрет, очевидно, все же был очень похож на оригинал, так что ближайший преемник и недруг Павла II папа Сикст IV назначил Платину хранителем Ватиканской библиотеки. Биографии других пап малоинтересны, так как Платина, будучи человеком неверующим, должен был писать как благочестивый католик и применять к источникам методы гуманистической критики с большой осторожностью.¹⁴⁹

¹⁴⁹ Potthast, II, 930—931; М. Корелин. Ранний итальянский гуманизм..., т. I, стр. 128 сл.; F. Gregorovius. Geschichte..., Bd. VII, SS. 631—633; L. Pastor, Geschichte..., Bd. IV, SS. 446—449; Fueter, 56—58; G. Tiraboschi. Storia..., t. VI, parte I, pp. 429—437; RIS, III, parte I.

Наряду с биографическими сборниками выходили в этот период и отдельные биографии. Писались они гуманистами часто по заказу, как например «Жизнь Франческо Сфорцы» и «Жизнь Николо Пиччинино» (кондотьера), написанные по предложению Франческо Сфорцы миланским гуманистом Пьеро Кандидо Дечембрио (1399—1477); но лучшее его произведение — биография Филиппа Марии Висконти — обязано своим появлением инициативе самого автора.¹⁵⁰ Точно так же по собственной инициативе желая почтить память своего умершего учителя, написал биографию Помпония Лэта венецианский гуманист Маркантонио Сабеллико. Любопытно, в чем видит гуманист наивысшее достоинство трудов покойного собрата. «Больше всего меня очаровала форма, — пишет он, — мне казалось, что я читаю не Помпония а одного из древних».¹⁵¹

В XVI в. в произведениях таких мастеров историко-литературного портрета, как Корио, Джовио, Вазари, биографический жанр достигает почти художественной выразительности и изящества, хотя подчас и в ущерб исторической правде. Я. Буркгардт следующим образом характеризует первых двух авторов: «... Милан обладает замечательнейшим художником и портретистом в лице историка Корио; за ним следует Паоло Джовио, большие биографии и малые элогии которого приобрели всемирную известность и стали образцами для всех биографов... Нетрудно указать во множестве случаев поверхностность Джовио... Но дух столетия веет со страниц его книги, и его Лев X, король Альфонс, Помпео Колонна живут и движутся перед нами, верные действительности и фактической необходимости, хотя глубина внутренней жизни этих людей остается для нас закрытой».¹⁵²

К этому нужно добавить, что Джовио первым ввел в практику иллюстрирование каждой биографии гравированным портретом, воспроизводящим более или менее точно внешние черты характеризуемого лица. Подлинные портреты или копии с них он собирал в течение десятков лет, создав в своем дворце в г. Комо настоящую художественную портретную галерею.¹⁵³

Его примеру последовал Вазари, автор знаменитого сборника «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих».

Джорджио Вазари (1511—1574), придворный художник и архитектор герцога Флоренции Козимо Медичи, прекрасно пони-

¹⁵⁰ См.: Potthast, I, 369 (где указаны и другие произведения миланского историка); Fueter, 121—122; RIS, XX, parte I.

¹⁵¹ Цит. по тексту, опубликованному в сборнике «Vitae clarissimorum historicorum ex bibliotheca et recensione Christ. Gottlieb Buderii» (Jenae, 1840, pp. 1—10).

¹⁵² Я. Буркгардт. Культура Италии... т. II, стр. 52.

¹⁵³ См., например: P. Giovio. Vita XII Vicecomitum. Parigi, 1544 (итальянские переводы — в изд. 1835 и 1945 гг.).

мал искусство и был знаком со всеми его выдающимися представителями в Италии. Долговременные странствования по итальянским городам дали ему возможность изучить лучшие образцы живописи, скульптуры и зодчества; недостающие сведения восполняли его корреспонденты и помощники, рассеянные по всей стране. Самую мысль о книге подал ему Джовио, оказавший ему на первых порах и помощь своими материалами. «Жизнеописание» вышло первым изданием в 1550 г.; второе издание (1568) значительно отличается от первого большею полнотою и точностью данных, большею глубиной стилистического анализа, большим числом биографий, использованием исторических повествовательных и документальных источников. Несмотря на некритическое включение анекдотов, слухов и легенд об отдельных художниках, произведение Вазари является первоклассным источником для истории искусства итальянского Возрождения. Но как историк Вазари не отличается оригинальностью. К истории искусства он применил заимствованную, вероятно, у Макиавелли теорию цикличности. Подъем искусства в древнем мире сменился в средние века его упадком; гармония и красота, свойственные творениям античных мастеров, уступили место «готическому», т. е., в понимании Вазари, низкому, «варварскому» стилю (применение термина «готический» для обозначения средневекового стиля встречается в литературе, по-видимому, впервые у Вазари¹⁵⁴). С середины XIII в. начинается новый подъем, достигший высшей точки в творчестве Леонардо да Винчи, Рафаэля и «божественного» Микельанджело. Смутное предчувствие нового упадка, признаков которого Вазари не мог не видеть, отбрасывает мрачную тень на казенно-оптимистическую, обусловленную официальным положением автора, оценку новейших современных ему явлений в искусстве. Таким образом, свою схему Вазари не провел последовательно до самого конца. К тому же его книга все-таки не история искусства, а сборник биографий деятелей искусства; хронологическая же последовательность художников отражается как картина развития только в уме читателей XIX—XX вв., для которых принцип развития стал органической частью их научного исторического мировоззрения.¹⁵⁵

¹⁵⁴ Известно, что К. Маркс, говоря о «готическом», насмех сколоченном, варварском государстве, применяет этот термин в его гуманистическом смысле. См.: K. Marx. Secret diplomacy of XVIII century. London, 1899.

¹⁵⁵ Giorgio Vasari. Le vite de' più eccellenti Pittori, Scultori ed Architetti. Firenze, 1550; nuova ed. 1564—1568. Джорджио Вазари. Жизнеописание... т. I. Пер. и коммент. А. К. Венедиктова, вступ. ст. А. Г. Габричевского. М., 1956. Критическое изд. — в 7 тт. (G. Milanese, Firenze, 1878—1883). О Вазари см.: Fueter, 116—118, а также специальное исследование Каллаба (W. Kallab. Vasari Studien. Aus d. Nachlass hrsg. von J. v. Schloszer. Leipzig, 1908), антикваровавшее всю предшествующую литературу; М. Гук ов с к и й. Джорджио Вазари. «Художник», 1961, № 8.

5. ТЕОРИИ ИСТОРИИ ИТАЛЬЯНСКИХ ГУМАНИСТОВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVI — НАЧАЛО XVII в.)

Во второй половине XVI—начале XVII в., когда «контрреформация» в Италии положила конец развитию относительно свободной исторической мысли, внимание гуманистов все чаще направляется на теоретическое осмысление «искусства истории» (*ars historiarum*).

Хотя и до этого периода крупные историки нередко знакомили читателя со своими взглядами на цели и задачи истории, с принципами построения своих работ, способом обработки источников и проч., но делалось это не систематически, а от случая к случаю, во введении к работе или к отдельным ее разделам. Теперь же появляются специальные трактаты по теоретическим вопросам истории. Вот что по этому вопросу сообщает базельский профессор Иоганн Вольф, первый издатели сборника таких трактатов — «Сокровищница исторического искусства» (*«Artis historicae penus»*, 1579): «... ученые мужи, больше всех участвовавшие в разработке истории, затратившие на это много труда, стали показывать остальным свои приемы и подносить светоч своего разума к тому, что они приобрели длительным и упорным прилежанием; и это они изложили в своих книгах, справедливо именуемых „Метод истории“».¹⁵⁶

В действительности эти «ученые мужи» — Сперони, Роботелло, Виперано и др., — обратившиеся к теории истории, за редкими исключениями были вовсе не историками, а философами, риториками или филологами, которые не столько обобщали опыт историков, сколько повторяли и развивали теоретические соображения Цицерона, Квинтилиана, Лукиана, ведя вместе с тем борьбу со схоластикой и схоластически обработанным Аристотелем. Большинство трудов о «методе истории» представляет собрание тривиальных положений, правил, определений, среди которых почти невозможно обнаружить какую-либо оригинальную мысль.

¹⁵⁶ «... Coeperint viri eruditi, et qui plurimum studiis utque temporibus historiis impertivissent, reliquis infinito labore modum ostendere: et ad ea, quae longissimo tempore summaque diligentia percepissent, quasi suorum ingeniorum lumina, cum magno laude, contra historiarum tenebras praefere, in illis libros quo Methodos historiarum non iniuria inscripserunt». См.: J. Wolfius. *Artis historicae penus*. V. 1. Prooemium. Ср.: Neal W. Gilbert. *Renaissance concepts of Method*. Columbia Univ. Press, 1960, p. 79 sq. (методу истории в этой книге посвящены всего две и притом бессодержательные страницы). Некоторые из трактатов, помещенных в сборнике Вольфа, рассмотрены в ст.: B. Reynolds. *Shifting Currents in Historical Criticism*. *Journal of History of Ideas*, v. XIV, № 4, 1953. Его же статью «Latin Historiography: A Survey 1400—1600» (*Studies in the Renaissance*, II, 1955, pp. 7—66), равно как и книгу Маффеи (B. Maffei. *I Trattati dell'arte storica del Rinascimento al secolo XVII*. Napoli, 1897), мне, к сожалению, не удалось использовать.

Антонио Виперано, автор «Книги о писании истории» (1569) определяет историю как «разумный и украшенный рассказ о прошлом» (*«Res gestas prudenter et ornate explicare quod est historiam scribere»*). Анналы, согласно его характеристике, являются «грубым видом истории» и дают лишь материал для настоящих исторических трудов; последние отличаются хорошим стилем, украшены моральными изречениями, публичными речами, географическими описаниями и, не ограничиваясь рассказом о событиях и о намерениях действующих лиц, показывают, что заслуживает одобрения и что — осуждения. Именно ввиду этой воспитательной задачи истории, по мнению Виперано, не следует обо всем писать одинаково подробно: все плохое, устрашающее нужно лишь слегка затронуть или, еще лучше, обойти полным молчанием. Ибо единственная цель истории — польза. Вместе с тем изучение истории дает и великое наслаждение (*magnam voluptatem*). Главное содержание истории — это войны, «так как ничто так часто не происходит между людьми, как войны».

Последнюю главу своей книги Виперано посвятил вопросу о возникновении истории. Перечислив различные взгляды на этот предмет, автор приходит к весьма разумному выводу, что история существовала задолго до появления письменности как память о событиях, но кто «первый соединил устную историю с письменностью, достоверно сказать нельзя: это дело темное».¹⁵⁷

На таком же, примерно, теоретическом уровне находятся и другие трактаты об историческом «методе». Такой крупный историк, как уже известный нам (см. стр. 296) Карл Сигоний, видит в истории «не что иное, как тщательный и ясный рассказ о добродетельных и порочных поступках», дающий материал для «науки о нравственности», т. е. для одного из разделов философии. Ибо философия учит тому, как человек должен поступать, история же — лишь тому, как он поступает в действительности.¹⁵⁸

Среди подобных произведений, лишенных теоретической глубины и оригинальности, встречаются, однако, и трактаты, представляющие большой интерес для истории развития исторической мысли. Таково прежде всего произведение Патриции «Десять диалогов об истории» (1560 г.).

¹⁵⁷ J. Antonii Viperani. *De scribenda historia liber*. Chr. Plantini Antverpiae, 1569. Все цитаты приведены по этому изданию. «Книга» Виперани вошла и в сборник Вольфа (I. Wolfius. *Artis historicae penus*, vv. 1, 2).

¹⁵⁸ «Nihil est aliud historia nisi virtutum vitiorumque, quod argumentum moralis sententias complectitur, diligens et perspicua demonstratio». Caroli Sigonii. *De laudibus historiae oratio*, цит. по сборнику Вольфа.

Франческо Патрици (Patricius, 1529—1597), философ платоновской школы во Флоренции, написал этот труд в начале своей научной карьеры. Будучи по своим философским воззрениям антиаристотельянцем и врагом средневекового схоластического метода, он и в области истории выступает против традиционных взглядов, восходящих к Цицерону и Квинтилиану. История для него является самостоятельной наукой, отличной и от поэзии, с которой ее смешивают Аристотель и римские риторы, и от философии. От поэта, согласно Патрици, историк отличается тем, что он стремится не к правдоподобию, а к точному воспроизведению прошлого, т. е. к правде. С другой стороны, история не имеет ничего общего с обоснованием морали при помощи примеров.

Поскольку история должна давать по возможности объективную картину исторической действительности, из исторических произведений должны быть изгнаны речи, служащие для украшения, и всякая прочая реторика. «Две задачи, — пишет Патрици, — являются важнейшими для историка: познание истины и использование ее для счастья» («...la cognition del vero e l'usa per la felicità»). Поучения же, которые могут быть выведены из истории, не относятся к ее сущности.

У Патрици мы находим первую серьезную попытку обобщить и систематизировать правила критики источников. Историк при изложении прошедших событий опирается на своих предшественников, а те — на более ранних историков, которые уже могут ссылаться на очевидцев. При этом многое искажается, так что история прошлого только приблизительно верна (*grossamente vera*). Несмотря на это, история близка не к поэзии, а к философии. Философию Патрици определяет как «науку об основаниях и причинах», историю же — как «науку о действиях и их следствиях».

Ввиду неизменности человеческой природы (это мнение Патрици разделял со всеми античными авторами и историками-гуманистами) действия человека, вызванные одинаковыми причинами, будут иметь и одинаковые следствия. Будучи, вместе с Полибием и Макиавелли, убежден в циклической повторяемости условий общественной жизни, Патрици из этого делает вывод о возможности писать историю не только прошедшего и настоящего, но и будущего времени. Для Патрици, современника Кардана, история природы в принципе не отличается от истории людей: и та и другая рассказывают о чувственно постигаемом мире. Человек является предметом истории как личность, как народ и, наконец, как человечество в целом. Но при любом выборе темы содержание истории нельзя ограничивать войнами, необходимо изучать право, обычаи и нравы, экономику и финансы. Любопытно, что Патрици упрекает всех историков в пренебрежении к экономике, в которой «лежат основы жизни всякого общества».

Тем не менее Патрици конкретно рассматривает только задачи политической истории, обращая главное внимание на ее источники. Он перечисляет различные категории документальных источников и особенно подробно останавливается на источниках нарративных, требуя их сопоставления друг с другом и проверки под углом зрения их соответствия месту, времени, здравому смыслу и т. п., не останавливаясь перед критикой общепризнанных авторитетов.

Таково в кратком изложении богатое мыслями и новой постановкой многих вопросов теоретическое произведение Франческо Патрици. Особенно ценно в нем стремление обосновать научный характер задач, стоящих перед историком прошедших событий, в частности, истории античного мира.¹⁵⁹

Несколько дальше Патрици в анализе сущности и задач истории пошел Томмазо Кампанелла (1568—1639), но его соображения носят более абстрактный характер. Кампанелла в отличие от Патрици не противопоставляет философию и историю, но провозглашает последнюю составной частью первой. История как часть философии является основой любой другой науки. За исходный пункт своего анализа он берет материалистический принцип познания действительности — ощущение: «Всякая наука имеет своей основой то, что мы получаем от ощущений». История как наука о действительной жизни человеческого общества отличается от наук о природе лишь тем, что историку приходится судить о поведении (*mores*) человека в прошлом, а нередко и в настоящем, опираясь непосредственно не на собственные ощущения, а на свидетельства других людей, подлежащие критической проверке. «Всякий, кто внимательно читал исторические работы, — пишет Кампанелла, — знает, сколько вопросов и сомнений вызывают загадочные данные античных, особенно греческих историков». Свидетельства других можно принимать лишь в том случае, если они заслуживают доверия, если свидетель находился в условиях, позволяющих ему хорошо знать то, о чем он сообщает, и если они не противоречат сообщениям других современников.

Поскольку история — наука, историк должен отбрасывать все то, что не имеет научного значения — разные мелочи, слухи и т. п. (*parva, subauditae*), и включать в изложение только «достоинные памяти важные события и перемены (*mutationes*)». К «хорошему историку» автор предъявляет следующих три требования: 1) чтобы он знал то, о чем пишет, 2) чтобы он обладал мужест-

¹⁵⁹ Анализ работы Патрици «*Dell' historia dialoghi dieci*» (Venezia, 1560) дают: F. Lamprecht. *Zur Theorie der humanistischen Geschichtsschreibung*. Zürich, 1950; Giorgio Spini. *I Trattatisti dell'Arte Storica nella Contrariforma Italiana. Quaderni di «Belfagor»*, Firenze, 1948; P. M. Arca. *Il pensiero politico di Fr. Patrizi da Cherso*. Roma, 1935.

вом и не становился жертвой страха, подкупа или лести, 3) чтобы он был честен и говорил правду, отмечая, что ему известно от других и что является лишь его предположением. Критиковать древних историков необходимо, но лишь с помощью других древних авторов, опираясь на того из них, «у кого наилучшим образом согласованы данные о событии, месте и времени».

С этих позиций Кампанелла подвергает уничтожающей (часто несправедливой) критике Поджио, Джовио, авторов Магдебургских центурий (см. стр. 346) и даже «честного мужа Джованни Виллани», пустившего в ход множество басен об основании Флоренции. Он указывает далее, что историк не вправе делать выводы на основании названий (*ex vocabulis*), если эти выводы не подтверждаются другими данными. Однако тут же он делает важную оговорку, которая должна была спасти его от придиорок со стороны инквизиции: «Древняя традиция выше всяких подозрений» («*Traditio antiqua suspiciones superat*»).

Установив, по примеру Бодена (см. гл. восьмую, стр. 402 сл.), три рода истории — «божественную» (*historia divina*), естественную (*historia naturalis*) и человеческую (*historia humana*), Кампанелла утверждает, что последняя служит основанием для политика, моралиста, дипломата, поэта. Из видов человеческой истории наиболее важна история всемирная (*universalis*), «тот, кто хорошо знает историю всех народов от начала света до наших дней, может сказать, что он жил от начала света до наших дней по всей земле».¹⁶⁰ Далее рассматриваются другие виды — история отдельных народов, эпох, отдельных городов и личностей. В любом виде истории недопустимы отступления, ссылки на поэтические произведения (вспомним, что для средневековых хронистов Вергилий и Овидий были такими же историками, как Ливий или Саллюстий), вымышленные речи, вымышленные небесные и земные знамения (*prodigia*). Содержанием истории должны быть не только войны, но и нравы, обычаи, перевороты и их причины, «дабы читатели знали, как жили люди в прошлом и почему их жизнь изменялась». Нельзя забывать и сведений о пище, лечении, вооружении, монете, организации производства, технических изобретениях (*de cibis, medicinis, et armis, et monetis, structuris fabricis et artium inventionibus*). Для этого историк должен быть сведущим во многих науках (астрономии, географии и проч.). Историк никого не должен ни порицать, ни восхвалять, ибо он

¹⁶⁰ Под всемирной историей Кампанелла понимает не то, что вкладывали в это понятие его современники, не библейскую и греко-римскую историю, за которую следует история западноевропейских народов. Он требует включения во всемирную историю китайцев, японцев, татар и других народов Азии, а также вновь открытых стран, «принадлежащих испанцам». До сего времени, говорит он, у нас «нет еще всемирной истории, как бы ни хвастались полужайки, что они ее создали». Эти идеи он прямо заимствовал у Бодена.

не судья, а свидетель, имеющий право приводить лишь оценки современников, но не свои собственные.¹⁶¹

В этой программе мы обнаруживаем отчасти прямую, отчасти косвенную критику тех историков гуманистов, которые руководствовались теорией Аристотеля—Цицерона—Квинтилиана об истории как родной сестре поэзии или ветви ораторского искусства. Для Кампанеллы, как ранее для Патрици (и, особенно, для французского мыслителя Жана Бодена, о котором см. гл. восьмую, прим. 4), история — это наука, имеющая целью познание истины и служащая основанием практической политики.¹⁶²

Идеологи феодально-клерикальной реакции, господствовавшей почти безраздельно в умственной жизни Италии конца XVI—начала XVII в., усмотрели в подобных взглядах на задачи истории замаскированную апологию «безбожников» Макиавелли и Гвиччардини. В 1613 г. граф Себастиан Маччи (Масси) издал в Венеции книгу «Об истории», в которой он защищает теорию Аристотеля, провозглашает образцом для историков Ливия, резко критикует Гвиччардини. Главный свой вывод он формулирует следующим образом: «Только хороший католик может быть хорошим историком, да и то лишь в том случае, если он не принадлежит к презренному классу плебеев. Ибо одни лишь дворяне обладают возвышенными духовными качествами, необходимыми историком».¹⁶³

В ненависти ко всем достижениям передовой гуманистической мысли графа Маччи пытались превзойти профессор реторики в римском иезуитском колледже Фамаиано Страда и Агостино Маскарди, против которых в Италии уже никто не посмел выступить. Впрочем, к этому времени и в других странах Европы, как католических, так и протестантских, возобладали в историографии реакционные тенденции. Таким образом, намеченная передовыми теоретиками программа дальнейшего развития исторической науки могла быть реализована только в XVIII в., в первую очередь Вольтером и историками его школы.

¹⁶¹ Thomae Campanellae. Rationalis philosophiae pars quinta, videlicet Historiographiae liber unus juxta propria principia. Parisiis, 1613. Цит. по изд.: Luigi Firpo. Tutte le opere di Tommaso Campanella, v. I. 1954.

¹⁶² В обширной литературе о Кампанелле его взгляды на задачи истории как науки и ее метод не нашли себе места. Франц Лампрехт в цитируемом выше исследовании (*F. Lamprecht. Zur Theorie...*) несправедливо к великому утописту, когда он утверждает: «То, что дал Кампанелла, это не более чем скудная вырезка из Патрици (*ein kärglicher Ausschnitt aus Patrizi*)». Джентиле (*Giovanni Gentile. Contribution à l'histoire de la Méthode historique. RSH, v. V, 1902, pp. 129—152*) даже не называет имени этого философа. Впрочем, он вообще полагает, что до XIX в., когда история начинает становиться «целью в себе» и якобы независимой от каких-либо чуждых «чистой науке» задач, до тех пор не было и не могло быть методологии истории. Ср. главу седьмую, прим. 354.

¹⁶³ См. G. Spini. I. Trattatisti..., p. 130 ss.

Подводя итог обзора итальянской гуманистической историографии, необходимо еще раз подчеркнуть, что она при всех своих недостатках и слабостях представляла огромный шаг вперед по сравнению с феодально-церковной хронистикой. Если сделанное гуманистами в области истории и уступает по значению достижениям эпохи Возрождения в изобразительных искусствах и точных науках, то во всяком случае именно с этой эпохи история становится наукой. Секуляризация исторической мысли; зарождение исторической критики устной и письменной традиции, не отступающей и перед античными авторитетами; расширение круга привлекаемых источников; выработка представления об истории как естественном процессе деятельности людей, независимом от вмешательства потусторонних сил; создание жанра литературного исторического портрета и биографических серий, популяризирующих достижения культуры; установление более тесных, чем когда-либо раньше, связей историографии с общественной жизнью и текущей политикой; наконец, первые попытки теоретически осмыслить сущность и задачи истории, методiku исторической работы — все это может быть записано в актив итальянского гуманизма. Из этих достижений наиболее важным для дальнейшего развития историографии является то, что она становится силой, формирующей общественное мнение и создающей репутацию общественно-политических деятелей.

Толчок, испытанный в XVI в. историографией в Италии, распространил свое действие далеко за ее пределами.

С конца XV в. во всех странах Западной Европы обнаруживается сильное влияние итальянского гуманизма. Оно проявляется в самых различных областях умственной работы — в литературе, искусстве, науке, философии и истории. Это влияние шло в основном по двум каналам. С одной стороны, сами итальянские гуманисты в силу разных обстоятельств имели возможность непосредственно содействовать победе новой культуры в странах, где для этого существовали благоприятные предпосылки. Напомним в этой связи о роли «первого апостола гуманизма в Германии» Энеа Сильвио Пиколломини, бывшего папского секретаря. В этой связи следует вообще отметить, что папская канцелярия, целиком находившаяся долгое время в руках гуманистов, стала одним из рассадников гуманистического образования вне Италии. Специально для развития гуманистической историографии имела значение деятельность Павла Эмилия из Вероны, который обработал в гуманистическом духе историю Франции («*Gallis condidit historiam*»); Полидора Виргилия, выполнившего ту же задачу для Англии, Луция Маринео — для Испании, Галеотто Марцио — для Венгрии, Филиппо Буонаккорзи — для Польши. Некоторые из названных историков будут рассмотрены в связи с развитием гуманистической историографии в соответствующих странах.

С другой стороны, распространению гуманистических знаний и методов способствовали частые поездки в Италию молодых людей с целью получения образования и установления личных связей с выдающимися представителями итальянской культуры. Известно, например, что большая часть немецких гуманистов, начиная от Рудольфа Агриколы, продолжая Гуттенмом, Пейтингером, тремя поколениями семьи Пиркгеймер и многими другими, получили или завершили свое образование на родине гуманизма и что то же самое справедливо в отношении ранних деятелей гуманизма во Франции и Англии.

Все эти контакты имеют, разумеется, в своей основе весьма давние экономические, политические и церковные связи Италии с заальпийскими странами. Таким образом, ни деятельность итальянцев за пределами своей страны, ни культурное паломничество в Италию не представляют собою какого-то нового явления. Новым было лишь повсеместное пробуждение духа критического исследования и расширение фронта борьбы против схоластицизма и всего церковно-феодального мировоззрения.

Историография была одним из главных участков этого фронта. Именно в этой области влияние итальянских образцов было особенно сильным и длительным. Оно не было полностью исчерпано до середины XVII в., несмотря на то, что гуманизм и породившее его культурное движение Ренессанса задолго до этого сошли с исторической сцены.

НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРИОДА ВОЗРОЖДЕНИЯ, РЕФОРМАЦИИ И КОНТРЕФОРМАЦИИ

1. РАННЯЯ ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ (КОНЕЦ XV—ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XVI в.)

Гуманизм вырос в Германии под сильным итальянским влиянием; однако он не был каким-то чужеродным растением, искусственно пересаженным на немецкую почву, а естественным продуктом процессов социально-экономического развития, аналогичных итальянским. Здесь, как и в Италии, но только запаздывая на два столетия, возникают в крупных торгово-ремесленных центрах первые ростки капиталистических отношений; здесь, как и в городах Италии, из сращивания предпринимательской части патрициата с богатым купечеством складывается влиятельная общественная группа, которая по характеру деловой активности, образу жизни, интересам и устремлениям отличалась и от старого патрициата, и от типичного средневекового бюргерства.

Немецкие гуманисты в основном были идеологами этой общественной группы раннекапиталистических предпринимателей, банкиров, «монополистов», как их иногда называли. «Тесные связи гуманизма с капитализмом, — пишет Ф. Шнабель, — нигде не выступают так ясно, как в переписке гуманистов, хранящейся в Аугсбургском архиве».¹ Эта не совсем точная формулировка правильно подчеркивает буржуазный характер гуманистической интеллигенции начала XVI в.

Немецкий гуманизм имел немало общего с итальянским: та же борьба со средневековым догматизмом, схоластицизмом, преклонением перед авторитетами — со всем, что сковывало дух свобод-

¹ Franz Schnabel. Deutschlands geschichtliche Quellen und Darstellungen in der Neuzeit. Erster Teil. Das Zeitalter der Reformation. Leipzig—Berlin, 1931, S. 84, Ср.: W. Andreas. Deutschland vor der Reformation. Berlin, 1934, S. 297 ff.

ного исследования; то же превознесение разума как творческой силы и единственного критерия оценок; то же критическое отношение к сверхъестественному и чудесному, к предрассудкам и суевериям, созданным веками господства церкви; то же стремление к полной секуляризации мысли и знания.

Но все эти черты не были столь ярко выраженными, как в итальянском гуманизме. В Германии не мог возникнуть гуманистический идеал uomo universale — всесторонне, гармонически развитой личности. В области историографии, например, в Германии не были возможны ни Макиавелли, ни Гвиччардини. Даже Риттер фон Србик, склонный преувеличивать достижения немецких гуманистов, должен был признать, что «немецкий гуманизм не создал ничего крупного для познания античной философии, государственной науки и истории».² Отнюдь не случайно, что Ульриха фон Гуттена, единственного немецкого гуманиста, напавшего силой характера и общественной активностью великих итальянцев, постиг трагический конец; прочие же немецкие гуманисты во главе с Эразмом Роттердамским в бурные годы Реформации и революционной борьбы в результате своей трусливо-нейтральной позиции утратили общественное значение и к середине XVI в., можно сказать, исчезли как сила, игравшая роль в политических и культурных судьбах страны. Только в этом смысле может быть понята и признана справедливой формулировка того же Србика: «Реформация вырыла могилу немецкому гуманизму».³

Немецкая гуманистическая историография в пору своего расцвета отличалась от итальянской рядом особенностей. Прежде всего она была проникнута сильным и агрессивным национализмом, чего мы не находим даже у такого итальянского патриота, как Макиавелли. Прославление немецкой нации и ее прошлого, защита ее политического единства, обоснование территориальных притязаний Германии — таковы излюбленные мотивы исторических трудов большинства немецких гуманистов. Будучи учениками — нередко непосредственными учениками — итальянских гуманистов, они усвоили у последних их метод, но не тематику исторических работ. Националистические интересы больше влекли их к изучению средневекового прошлого Германии, чем к истории древнего мира, причем средние века они вообще ставили выше

² Heinrich Ritter von Srbik. Geist und Geschichte, Bd. I. München—Salzburg, 1950, S. 53. В сущности это повторение мысли, которую уже в 1882 г. высказал Гейгер (L. Geiger. Renaissance und Humanismus in Italien und Deutschland, S. 562), а в 1885 г. — Паульсен (F. Paulsen. Geschichte des Gelehrten Unterrichts, S. 133).

³ H. R. von Srbik. Geist und Geschichte, Bd. I, S. 66. Сам Србик, правильно констатируя факт, дает ему выдержанное в строго идеалистическом духе объяснение: немецкому гуманизму, дескать, «не хватало метафизической основы», без которой «немецкая душа» не может существовать!

античности, что для итальянских гуманистов было сущей ересью.⁴ Характерным примером является высказывание гуманиста Генриха Бебеля в речи к императору Максимилиану (1501 г.): «Чего стоят греки и римляне по сравнению с нашим Карлом, Оттонами, Генрихами и Фридрихами? Насколько выше этих язычников, с их неудержимой жаждой господства, стоят наши [герои], знаменитые подвигами во славу божию и христианства! Но поэты, историки и философы чрезмерно почитают этих язычников, а наших императоров никто не знает».⁵ Античность привлекала немецких гуманистов главным образом лишь в той мере, в какой она давала материал для древнейшей истории немецкого народа.

В связи с усиленными занятиями немецким средневековьем в Германии рано проявляется забота о собирании и публикации средневековых нарративных и отчасти законодательных памятников. Благодаря Пейтингеру, Куспиниану, Авентину и другим гуманистам, благодаря Антону Кобергеру и другим книгоиздателям в Германии XVI столетия увидели свет такие важные памятники, как законы вестготов, капитулярии Карла Великого, произведения монахини X в. Гросвиты, «История готов» Иордана, «История лангобардов» Павла Диакона, «Всемирная хроника» и «История Фридриха I» Оттона Фрейзингенского, источники по истории крестовых походов и мн. др. Из древних авторов особым вниманием пользовался Тацит, труды которого неоднократно издавались и комментировались.

Что касается расхождения с итальянскими гуманистами в оценке средневековья, то это вытекало не только из националистических устремлений немецких историков, но и из той социально-экономической и политической обстановки, в которой они работали.

Несмотря на рост капиталистических элементов в хозяйстве Германии, эта страна к началу XVI в. все же сильно отставала от Италии. Ее политическая организация, социальные отношения, экономика были еще насковзь феодальными. Нарождающаяся капиталистическая буржуазия даже в наиболее передовых городах составляла лишь тончайший верхушечный слой, немецкое же бюргерство в своей массе далеко уступало средним слоям итальянской буржуазии по уровню культуры, деловой и общественной активности. В ходе Реформации оно обнаружило свою реакцион-

ность, оказав поддержку князьям в их борьбе с революционным крестьянством. Бюргерство не возглавило буржуазной революции в Германии; из страха перед крестьянами и плебейскими городскими массами оно предало свои собственные классовые интересы. Идеолог и вождь «бюргерской оппозиции» Мартин Лютер сделался преданнейшим слугою германских князей.

В самом начале Реформации все гуманисты младшего поколения во главе с Гуттенем перешли на сторону Лютера; ему симпатизировали и старые гуманисты — Пиркгеймер и др. Но с подъемом революционного движения почти все гуманисты отошли от Реформации. Гуманизм и Реформация оказались несовместимыми. Причины этого будут рассмотрены ниже; здесь же ограничимся указанием на то обстоятельство, что гуманисты не могли простить Лютеру его ориентацию на князей, угрожавших независимости имперских городов, и оставались верны идее политической единой Германии во главе с сильной императорской властью.

Позиция гуманистов по отношению к императорской власти нашла в их исторических трудах выражение в том, что они сохранили старую богословско-феодальную схему «четырех монархий», «переноса империи» и ее «вечности» — схему, решительно осужденную и отброшенную итальянскими и французскими гуманистами. Немецкие гуманисты презирали схоластическую ученость и «варварскую латынь» X—XIII вв., но в феодальной империи Оттонов и Штауфенов (которую они предлагали называть не «священно-римской», а «германской») они видели образцовую государственно-организационную организацию. В их представлении этот период был временем наибольшего могущества и славы Германии, когда она якобы господствовала в Европе. При всем том гуманисты далеко ушли от церковно-феодальных хронистов, для которых содержание истории исчерпывалось действиями государственной власти. В центр своих исследований гуманисты ставили проблему происхождения не государства, а немецкого народа. Именно поэтому они искали всюду следы народных песен и сказаний, изучали и комментировали Тацита, интересовались топонимикой и т. д.

Таким образом, немецкому гуманизму начала XVI в. в еще большей степени, чем итальянскому XV в., присущи самые противоречивые черты: наряду с прогрессивными идеями он сохраняет многочисленные остатки феодально-схоластического мировоззрения, разрушение которого являлось его исторической задачей. Только век Просвещения довел эту задачу до конца, преодолев непоследовательность и относительную робость гуманистического рационализма, реализма и антитеологизма.

Деятельность немецких гуманистов, как и их итальянских собратьев, была связана с определенными культурными и экономическими центрами, где наличие университетов, библиотек, типографий и, конечно, богатых покровителей научных и литературных занятий создавало благоприятные условия для работы.

⁴ Иоахимсен (P. Joachimsen. Der Humanismus und die Entwicklung des deutschen Geistes. DV f. Lit. Wiss. u. Geist., 1930, N. 3, S. 433 f.) называет идеализацию средневековой империи «романтическим направлением» немецкого гуманизма, от которого он отличает «просветительное направление» Эразма Роттердамского и его школы.

⁵ H. Bebelius. Oratio ad Maximilianum imp. de eius ac Germaniae laudibus. Цит. по: H. Günther. Das Mittelalter in der späten Geschichtsbetrachtung. Hist. Jahrb., Bd. 24, 1903. В словах Бебеля заключена целая программа немецкой гуманистической историографии.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что в отличие от Франции и особенно Англии, где схоластические традиции в университетах были очень сильны, немецкие университеты являлись оплотами новой гуманистической образованности.⁶ Но и в Германии на первое место по значению выдвинулись в качестве центров гуманизма неуниверситетские города — Нюрнберг, «столица немецкого гуманизма», Аугсбург, Страсбург, тогда как Эрфурт, Гейдельберг, Виттенберг с их университетами играли менее видную роль. Значение Вены в развитии гуманизма определялось не столько наличием в ней университета, сколько тем, что этот город был резиденцией покровителя гуманизма императора Максимилиана I.⁷

Самым ранним немецким историком-гуманистом был Рудольф Агрикола (1442—1485). Он провел более семи лет в Италии, прежде чем стал пропагандистом гуманистических идей у себя на родине. Наибольшей известностью пользуется его философский труд «Об изобретении диалектики», в котором он, следуя Лоренцо Валле, подвергает критическому пересмотру принципы схоластики с целью их замены системой понятий, полученных из опыта. Что касается его главного исторического произведения — «Всемирной истории», написанной по поручению курфюрста Пфальцского, то она до нас не дошла. Из сообщения Меланхтона известно только, что Агрикола первый в Германии использовал для древнейших

⁶ В значительной степени это объясняется тем, что большая часть средневековых немецких университетов возникла сравнительно поздно. Только 4 университета были основаны в конце XIV в. (Венский, Гейдельбергский, Кельнский, Эрфуртский), прочие же (в Вюрцбурге, Лейпциге, Ростке, Фрейбурге, Базеле, Ингольштадте, Тюбингене, Майнце) появились в XV в., главным образом во второй его половине, или же в начале XVI в. (как например, в Виттенберге и Франкфурте н/О.). Из всех перечисленных университетов только Кельнский был оплотом церковного мракобесия и центром схоластической мысли.

⁷ По истории немецкого гуманизма и немецкой гуманистической историографии существует обширная литература. Помимо цитируемых выше общих трудов Гейгера, Србика, Шнабеля и соответствующих разделов педантического, но добросовестного труда Вегеле (Franz von Wegele. Geschichte der deutschen Historiographie seit dem Auftreten des Humanismus. München u. Leipzig, 1885), следует назвать еще: Adolf Spörl. Melanchton zwischen Humanismus und Reformation. München, 1959; R. P.ascal. The social Basis of the German Reformation. London, 1933; K. Brandi. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation und Gegenreformation, Bd. I. 1927; W. Andreas. Deutschland vor der Reformation. A. 5. 1948; O. Herding. Probleme des frühen Humanismus in Deutschland. AKG, Bd. 38, 1956, SS. 44—89. Лучшей из работ, специально по немецкой гуманистической историографии остается: Paul Joachimsen. Geschichtsauffassung und Geschichtsschreibung in Deutschland unter dem Einfluss des Humanismus. I Teil. Leipzig—Berlin, 1910. В советской литературе эта тема затронута в статьях: М. Смирин. Немецкий гуманизм. Историк-марксист, 1941, № 3; А. Н. Немилев. 1) Первые гуманистические кружки в Нюрнберге. Уч. зап. ЛГУ, серия ист. наук, вып. 28, 1958; 2) Развитие гуманистической культуры в Нюрнберге. Автореф. дисс. Л., 1959.

периодов наряду с Библией Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Полибия, Диодора и, разумеется, всех римских авторов.⁸ Но это не дает нам еще права считать его историю подлинно гуманистическим произведением. Во всяком случае труды историков, причисляемых наравне с Агриколой к ранним гуманистам, — известного уже нам Гартманна Шеделя (см. стр. 224), аббата Тритемия, Иоганна Науклера — являются гуманистическими только по форме. Они излагают историю «от Адама», придерживаются августиновской схемы «шести возрастов», некритически повторяют басни старых хронистов (например, о Троянском происхождении франков). Их представления о задачах и методе исторической работы являются еще чисто средневековыми. Аббат Тритемий (1432—1516), ученик Агриколы и, по словам Ф. Вегеле, «один из учений гуманистов своего времени», известен прежде всего как злобный фальсификатор. Из патристического рвения с целью обосновать глубокую древность германцев он ссылается на сочиненную им самим «Франкскую хронику Хунивальда», столь же мифическую, как и та «Древнейшая история бриттов», на которую ссылается в XII в. Джозеф Монмаутский. Его труды содержат немало других фантазий, искажений и ошибок, что не мешает ему много разглагольствовать о «святом долге историка» писать только правду, без чего история не в состоянии достигнуть своих морально-воспитательных целей. Тритемий, кроме исторических трудов («Хроника монастыря Хиршау», «Хроника баварских герцогов» и др.), писал еще трактаты, доказывающие существование нечистой силы, ведьм и проч. Все это далеко от Ренессанса и гуманизма.⁹

Несколько выше Тритемия швабский гуманист Науклер (1430—1510), «первый критический историк Германии» (Иоахимсен), но и его «Всемирной хронике» от сотворения мира до 1500 г. свойственны более черты феодально-церковного, чем гуманистического произведения. Хотя для истории XIV—XV вв. он привлекает документальные материалы, повышающие ценность соответствующих разделов хроники, но в прочих частях его главными источниками служат «Историческая сумма» флорентийского архиепископа Антония и другие аналогичные труды, используемые некритически. В споре о происхождении франков он занимает правильную позицию, отбрасывая троянскую сагу и отмечая, что Цезарь, Страбон и Тацит не упоминают этого племени среди других германских племен. Но наряду с этим он ссылается на подложного Бероза и Библию для доказательства того, что германцы

⁸ F. von Wegele. Geschichte. . . , S. 47, f. und Anm. 1.

⁹ Там же, стр. 81. Ср. стр. 75, где цитируются слова Тритемия: «Рот, который лжет, убивает и душу», «историк, смешивающий правду с ложью, запутывает всю историю» и т. д. Поразительно, что Вегеле, дающий довольно объективную оценку Тритемию, помещает анализ его произведений в раздел «Начало научной историографии»!

происходят от сына Ноя Туиско и, таким образом, являются древнейшим народом на земле. Германцам бог дал власть над миром (*monarchiam mundi*), они счастливее всех других народов, их империя — это божественное, а не папское учреждение. Германцы являются первыми насельниками своей страны (*sunt indigenae*), которая лучше других стран мира, а Швабия, родина Науклера, лучшая и большая часть Германии. Все это очень далеко от «критической истории» и делает не совсем понятной ту рекомендацию, которую дали хронике Науклера гуманисты Рейхлин и Эразм Роттердамский, чуждые националистических увлечений этого автора.

Другой швабский гуманист — Генрих Бебель в националистических измышлениях пошел еще дальше. Предвосхищая позднейшие бредни расистов, он утверждает, что немцы — единственный народ на земле, не имеющий чужой примеси. Они никогда не испытывали ига чужеземцев. Со своей родины они распространились на соседние страны Европы — Трансильванию, Австрию, Штирию, Каринтию, Крайну, Ломбардию, Тоскану, Сицилию и на всю вообще Италию, заняли Швейцарию, изгнав оттуда галлов, Британию и Пруссию. «Всеми этими землями мы так обладаем, что исчезла даже память о том, что они некогда были негерманскими».¹⁰

Начало немецкой гуманистической историографии в собственном значении этого понятия было положено не названными выше авторами, а группой гуманистов, связанных с императором Максимилианом I в качестве его советников, дипломатов, придворных историографов. Как немецкие патриоты, они в своих исторических трудах стремились прославить Германию, содействовать ее укреплению как единого национального государства, причем связывали осуществление своей политической программы с деятельностью императоров Габсбургской династии — Фридриха III и Максимилиана I. Наиболее видными представителями этой группы были Цельтис и Куспиниан в Вене, Пейтингер в Аугсбурге и Пиркгеймер в Нюрнберге.

Конрад Цельтис (1459—1508), как и Генрих Бебель, сын крестьянина, более поэт, чем ученый, к историографии имеет отношение прежде всего как собиратель и отчасти издатель ценных памятников старины. В частности, он нашел такой уникальный историко-географический памятник, как дорожная карта Римской империи III в. (*Itinerarium pictum*) в копии XIII в., которую он передал своему другу Пейтингеру.¹¹ По воле Максимилиана I

¹⁰ Heinrich Bebel. Opera. 1504; Hedwig Riess. Motive des patriotischen Stolzes bei den deutschen Humanisten. Diss. Berlin, 1934, S. 15 f.; R. Buschmann. Das Bewusstwerden der deutschen Geschichte bei den deutschen Humanisten. Diss. Cöttingen, 1930, SS. 13 f., 28; F. von Bezold. Aus Mittelalter und Renaissance. 1918, S. 82 ff.

¹¹ Отсюда ее название «Пейтингеровские таблицы», хотя она только хранилась в библиотеке этого аугсбургского гуманиста, а издана была одним из его наследников спустя почти полвека после его смерти

Цельтис вынужден был заниматься генеалогией и вместе с Куспинианом сочинил фантастическую родословную Габсбургов, согласно которой они, происходя от библейского праотца Ноя и «первого короля германцев» мифического Туисто, являются древнейшей царствующей династией в мире. Среди его патриотических измышлений особый интерес вызывает попытка вывести германскую культуру не из римской, позже итальянской, а непосредственно из культуры древних греков, якобы переданной германцам «жрецами бога Туисто» друидами. Доказательством служит наличие в немецком языке остатков греческого языка, близость немецкого алфавита к греческому и проч. Несколько позже аналогичную попытку предпринял французский гуманист Анри Этьен (см. гл. восьмую, стр. 374). Подобные антинаучные фантазии свидетельствуют о враждебном отношении части гуманистов как в Германии, так и во Франции к папскому Риму с его претензиями на культурное руководство всем католическим миром.

Славу Цельтису доставили, конечно, не эти псевдоученные занятия, а его усилия объединить немецких гуманистов для обширного коллективного труда по историко-географическому описанию Германии («*Germania illustrata*»). Этот замысел не получил осуществления, но, разъезжая по стране, воодушевляя гуманистов и связывая их изолированные группы между собою, Цельтис способствовал созданию как бы единого гуманистического лагеря, который спустя несколько лет в связи с делом Рейхлина—Пфедферкорна показал свое моральное, научное и литературное превосходство над лагерем «темных людей». Благодаря Цельтису в ряде городов возникли «содружества» (*sodalitates*) гуманистов, напминавшие итальянские «академии».¹²

Друг Цельтиса Иоганн Куспиниан (1473—1529) был уже настоящим историком-исследователем, автором серьезных трудов и ценных публикаций. Кроме таких находок, как хроника Кассиодора, Равеннские консульские списки (известные как *Anonymus Cuspiniani*) и др., кроме издания многих источников истории средневековой Германии, его научным достижением является книга «О римских цезарях и императорах», доведенная до смерти Максимилиана (1519 г.). Задачей автора является обоснование тезиса, что империя есть основная историческая категория и

(в 1591 г.), да и то лишь частично. Подробные данные см.: В. Я ц у н с к и й. Историческая география. М., 1955, стр. 123 сл.

¹² F. von Bezold. Konrad Celtes, der deutsche Erzhumanist. HZ, Bd. 49, 1883; A. Werminghoff. Konrad Celtes und sein Buch über Nürnberg. Freiburg, 1924; P. Joachimsen. 1) Geschichtsauffassung..., SS. 110—113; 2) Der Humanismus..., S. 442 f.; F. von Wegele. Geschichte..., SS. 100—106. Единственная дошедшая до нас полусторическая работа Цельтиса о Нюрнберге, в которой восхваляется буржуазно-аристократический строй этого города, свидетельствует, между прочим, о том, что наблюдательный автор понимал, какую важную роль играет экономика в политической жизни города. См. об этом: W. Andreas. Deutschland..., S. 381 f.

вместе с тем идеальная государственная организация, «ибо нет ничего лучше, чем власть одного наилучшего мужа». Книга представляет серию биографий «римских императоров» начиная от Юлия Цезаря, причем византийские и германские обладатели этого титула даны вперемежку. Главный ее интерес состоит в критическом методе. Куспиниан подвергает источники сравнительному анализу, выясняет их политические, партийные тенденции. Изложение ведется в сильно полемическом тоне, причем автор не пощадил даже Биондо, Лэта (хотя он называет его «отцом всех историков») и Платину. Одного он обвиняет в списывании с Иордана, другого в подражании Аммиану Марцеллину, и т. д. Для него вообще не существует никаких авторитетов, но с этой подлинно гуманистической чертой еще уживается совершенно некритическое отношение к некоторым средневековым басням, особенно если они льстили национальному тщеславию автора или служили его прогабсбургским тенденциям. В целом ученый труд Куспиниана является «историческим выражением политических идей Максимилиана».¹³

Династические интересы Габсбургов получили отражение и в его небольшой книге «Австрия», написанной на основе разнообразных источников, «без словесных прикрас» (*abiecto verborum lepocinio*), а также в ряде работ, связанных с его дипломатической деятельностью на службе у Максимилиана I, в частности, с попытками последнего создать европейскую коалицию для отражения турецкой агрессии.

В предполагаемой коалиции видное место отводилось и Московскому государству. В то время как Куспиниан действовал в Венгрии и Польше, в Москву было направлено посольство во главе с другим историком-гуманистом Венской группы — бароном Сигизмундом фон Герберштейном (1517). Заключить союз с Россией против турок не удалось ни этому, ни второму посольству Герберштейна (1526 г.), и единственным результатом поездок венского дипломата явились его знаменитые «Записки о московитских делах» (*Regum Moscovitarum Commentarii*, Вена, 1549) — «важнейший источник по истории Московского государства в этот период».¹⁴

¹³ H. Ankwicz-Kleehoven. *Der Wiener Humanist Johannes Cuspinian*. Graz-Köln, 1959; P. Joachimsen. *Geschichtsauffassung...* S. 217. Анализ Куспиниана принадлежит к лучшим страницам этой книги (стр. 209—219). Ср.: F. von Wegele. *Geschichte...* SS. 105—110; F. Schnabel. *Deutschlands geschichtliche Quellen...* S. 77. Отметим, что Поттхаст (*Potthast*, I, 359 f.) в перечне трудов Куспиниана пропустил его «*De caesaribus et imperatoribus Romanis*», или, в немецком переводе, «*Kaiserbuch*».

¹⁴ A. Nehring. *Ueber Herberstein und Hirsfogel*. Berlin. 1897. Е. Замысловский. 1) Барон Герберштейн. Древняя и Новая Россия, 1880, № 9; 2) Герберштейн и его историко-географические сведения о России. СПб., 1884; М. Н. Тихомиров. *Источниковедение истории СССР*, т. I.

«Записки» Герберштейна относятся к тому историко-географическому жанру, который гуманисты, в частности из окружения императора Максимилиана, культивировали с особенным увлечением. Естественно, на первом месте стояли описания Германии или отдельных ее земель и городов (таково описание Нюрнберга, составленное Цельтисом, «Австрия» Куспиниана, «Краткое описание Германии» Пиркгеймера и др.). Но, например, австрийский гуманист Альберт Кранц дал интересный историко-географический труд о скандинавских странах (1500—1504), а один из виднейших полигисторов эпохи Возрождения Себастиан Мюнстер (1489—1562) в своей необычайно популярной «Космографии» наряду с Германией уделил много внимания и прочим странам Европы.¹⁵ Разумеется, в подобных работах соотношение между элементами истории, географии и этнографии зависело от специальных интересов автора. У Герберштейна преобладает материал географический, хотя и история, основанная на русских летописных данных, нашла себе место, равно как и сведения об учреждениях, организации управления и церемониале Московского двора, имевшие непосредственно практическое значение для австрийской дипломатии.

Конрад Пейтингер (1465—1547), зять крупного банкира Вельзера и советник Якова Фуггера по финансовым операциям,

М., 1940, стр. 191 сл.; В. О. Ключевский. *Сказания иностранцев о Московском государстве*. Пгр., 1918 (под словом «Герберштейн»); у В. К. Ялунского (*Историческая география*) собран большой материал о наиболее значительных гуманистических трудах историко-географического характера. Произведение Герберштейна не раз издавалось в русском переводе; наилучший — А. И. Малеина (1908), изданный вместе с «Книгой о московитском посольстве» Павла Иовия, о которой см. гл. шестую, стр. 295. М. П. Алексеев. *Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей*, т. I, ч. 1. Иркутск, 1932, стр. 98—122. Здесь же почти полная библиография.

¹⁵ «Космография» Мюнстера иначе называется «*Beschreibung aller Lender... in welcher begriffen Aller vöcker Herrschaften Stetten... Sitten Gebrüch Ordnung Glauben Secten...*» (Basel, 1544). Его образцом является Страбон. Космография, по его убеждению, «основа истории» и необходима также при изучении Библии. Наряду со списками ученых, описаниями городов, областей и т. п. даются сведения о предметах ввоза и вывоза, доходах и проч. Образчиком его изложения может служить описание Тевтонского (Ливонского) ордена: «Двор главы ордена в Вендене, в 12 милях от Риги... Он никого не принуждает из-за религии, но каждому оставляет его веру... Он давно живет в добром согласии с царем Московским, ибо Московит имеет столько забот из-за татарских королей, что вынужден поддерживать мир с Ливонией... Вся работа [ливонских рыцарей] состоит в чрезмерном и непрерывном пьянстве и чревоугодничестве в замках и господских дворах. А кто в этих делах знаток и любитель, может прибыть в их землю и будет с честью... принят в Орден. А уплатит ему сразу, еще до истечения года, за работу, а именно, водяной, резами в животе и тому подобной монетой...» (разрядка моя, — О. В.). См.: F. Gundolf. *Anfänge deutscher Geschichtsschreibung*. Amsterdam, 1938, S. 54 ff.

принадлежал к узкому кругу заправил Аугсбурга. Вместе с тем он был официальным представителем интересов Максимилиана I в этом императорском городе. В Италии, где Пейтингер получил высшее юридическое образование, он пристрастился к собиранию памятников старины; большие средства и связи позволили ему превратить свой дом в настоящую библиотеку-музей. Его коллекция рукописей, надписей, монет, медалей, античных vaz, статуй и прочих памятников притягивала в Аугсбург антикваров и историков. Изданная им небольшая часть надписей его коллекции является первой в Германии публикацией этого рода. Большой знаток нумизматики и римских юридических памятников, Пейтингер использовал, однако, эти материалы только для исправления некоторых дат и написания имен. Его главный труд — «Книга императоров» («Kaiserbuch»), доведенный только до Карла Великого, представляет скорее сборник комментированных отрывков из нарративных источников, надписей и законодательных памятников, чем связное изложение римской и древнегерманской истории. Хотя он, подобно Куспиниану, считает Помпония Лэта своим учителем и близко ему следует, но методом итальянского гуманиста он полностью не овладел. Значение Пейтингера состоит главным образом в том, что он наиболее четко формулировал задачу немецкой гуманистической историографии: заниматься историей только своего народа и притом в связи с потребностями своего времени. Свои взгляды на общее направление, в котором должно идти изучение отечественной истории, Пейтингер изложил в «Застольных беседах о дивных древностях Германии» («Sermones convivales de mirandis Germaniae antiquitatibus»). На первом плане здесь проблема левого берега Рейна, историческое обоснование принадлежности Германии Эльзаса и других зарейнских (а также задунайских) земель. население которых говорит на немецком языке. Эта тема, как мы убедимся, стала центральной для эльзасской группы гуманистов, предметом их ожесточенной полемики с французами.¹⁶

Подобно Пейтингеру, нюрнбергский патриций Вилибалд Пиркгеймер (1470—1530 гг.) учился в Италии, где он провел семь лет. По возвращении в Нюрнберг он был избран в Малый совет этого города, выполнял ответственные дипломатические поручения, а в 1499 г. во главе нюрнбергского военного отряда участвовал в походе Максимилиана I против Швейцарии. Этому походу, как и всей истории отношений между Габсбургами и швейцарскими кантонами, он посвятил работу «История швейцарской войны» («Historia belli Suitensis») — первую немецкую гуманистическую монографию о современных автору событиях. «Что

¹⁶ О Пейтингере, см.: P. Joachimsen, *Geschichtsauffassung...*, S. 116—124; F. von Wegele, *Geschichte...*, SS. 110—116; F. Schnabel, *Deutschlands geschichtliche Quellen...*, SS. 83—88; W. Andreas, *Deutschland...*, S. 397 ff.

может быть абсурднее, — восклицает он в предисловии к этой книге, — чем то, что немцы описывают весь свет, свое же собственное отечество не спасают из пропасти забвения!»¹⁷ Другая его работа — «Краткое описание Германии» («Germaniae brevis explicatio»), представляет краткий обзор исторической географии и древностей Германии, основанный на данных Птолемея, Страбона, Плиния, Цезаря, Тацита и Помпея Мелы.

Как меценат и глава нюрнбергского кружка гуманистов Пиркгеймер находился в оживленных сношениях с гуманистами других городов Германии и даже других стран и поддерживал все начинания, которые содействовали развитию образованности и культуры немецкого Возрождения. Особенным его вниманием пользовались труды, освещавшие прошлое Германии в патриотическом духе, но научно обоснованные. Поэтому он в 1519 г. восторженно приветствовал Беата Ренана, автора «Комментариев» к Тациту, как восходящее светило немецкой науки и быстро охладел к тюрингенскому гуманисту Францу Иренникусу (Фридлибу), пытавшемуся доказать путем искажения фактов или с помощью различных вымыслов, что переселение народов означало германизацию всей Европы.¹⁸

Старейшим представителем и главою группы эльзасских гуманистов был Яков Вимпфелинг (1450—1528), один из самых агрессивных националистов в немецком гуманистическом движении. В 1501 г. он издал заостренную против Франции работу «Германия», в которой, ссылаясь на Цезаря и Тацита, толкуемых самым произвольным образом, он отвергает французские притязания на левый берег Рейна. Францисканский монах и гуманист Мурнер в полемическом труде «Новая Германия» бросил Вимпфелингу упрек в тенденциозности, невежестве, а также в неблагодарности по отношению к Франции, которой немцы обязаны введением христианства и многими другими благодетельными учреждениями. Мурнер указывал, что Вимпфелинг в своем патриотическом увлечении перешел пределы дозволенного и что «Новая Германия» написана специально для того, чтобы за границей не создалось ложного представления о немецких гуманистах, которые в действительности относятся с уважением к другим народам. Приведем затем данные, свидетельствующие о том,

¹⁷ «Quid enim absurdius, quam Germanos orbem describere universam, patriam tamen interim propriam nequaquam ex oblivionis vindicare barathrol»; цит. по: R. Buschmann, *Das Bewusstsein...*, S. 8.

¹⁸ Potthast I, 928 f. О трудах Пиркгеймера см.: P. Joachimsen, *Geschichtsauffassung...*, S. 167 f.; F. von Wegele, *Geschichte...*, S. 116—122; A. Н. Немилев, 1) Первые гуманистические кружки...; 2) Развитие гуманистической культуры в Нюрнберге (приведена новейшая литература); F. Roth, *Wilibald Pirkheimer, ein Lebensbild*. Halle, 1887 (*Schriften des Vereins für Reformationsgeschichte*, № 21). Труды Пиркгеймера были напечатаны Гольдастом: *Illustris Bilibaldi Pirkheimeri... opera collecta...* a Melchiore Goldasto. Frankfurti, 1610.

что Эльзас входил в состав Галлии, Мурнер заботливо оговаривается, что он утверждает это лишь в интересах науки, и подчеркивает свои немецкие патриотические чувства в посвящении Страсбургскому сенату.¹⁹

Возникшая полемика вызвала в Германии много шума. Оба противника, по обычаю того времени, были щедры на взаимные оскорбления. Доводы, приводимые каждой стороной в защиту своих взглядов, были одинаково научно несостоятельны. Но Вимпфелинг не постеснялся объявить Мурнера «дезертиром немецкого дела», и весь тираж «Новой Германии», за исключением шести экземпляров, по распоряжению Страсбургского совета был сожжен рукой палача. В 1515 г. Вимпфелинг отпраздновал свою победу изданием нового труда — «Краткой истории Германии до нашего времени» (*Epitome rerum Germanicarum usque ad nostra tempora*). Это — компиляция, изобилующая ошибками и фантастическими данными, но имеющая значение как первый опыт общей истории Германии в гуманистической форме. Автор отвергает германское происхождение «галльских франков», от которых, по его мнению, произошли французы и которых не следует смешивать с «германскими франками» — предками немцев. Карл Великий (как и его отец) был германским франком, т. е. немцем, следовательно, и Римская империя после своего падения была восстановлена немцами и с того времени находится непрерывно в их руках вплоть до нынешнего Максимилиана, «главы всего христианского мира». Немецкое происхождение Карла Великого, по Вимпфелингу, подтверждается тем, что Карл говорил на немецком языке, дал месяцам и ветрам немецкие названия, а своим детям немецкие имена, жил дольше всего в Германии и много там строил.

В одной из глав «Краткой истории» доказывается, что Эльзас никогда не входил в состав Галлии, что это немецкая земля. Указание Цезаря, что границей Галлии является Рейн, Вимпфелинг отводит, утверждая, что граница издревле проходила через Вогезы. При этом он ссылается без разбора на источники самого различного и разновременного происхождения — на Тацита, письма Петрарки, папские буллы и т. д., нимало не заботясь об их критическом сопоставлении.

Вимпфелинг как писатель производит неприятное впечатление безудержным националистическим хвастовством. Немцы, по его словам, это народ, превосходящий всех своею военной доблестью. Александр Македонский овладел всем Востоком, но перед Германией вынужден был остановиться. Римские легионы завоевали весь мир, но не были в состоянии преодолеть германское сопро-

¹⁹ Обе работы — «Jacobi Wimphelingii Germania ad Rempublicam Argentinensem» и «Thomae Murneri ad Rempublicam Argentiam Germania nova» переиздал Фик (J. G. Fick, Genève, 1874).

тивление. Наряду с героем этого сопротивления Арминием восхваляются все германские средневековые императоры.²⁰ Произведение Вимпфелинга заканчивается панегириком Германии — «родине самых выдающихся изобретений» — и немецкому народу, обладающему самыми замечательными чертами характера. Попутно все другие народы, особенно французов, он всячески поносит.

Вимпфелинг за свое усердие получил от патрициата Страсбурга золотую цепь, но серьезные исследователи и прежде всего Беат Ренап, были весьма невысокого мнения о научных достоинствах его книги.²¹

Беат Ренап (1485—1547) вышел из той же знаменитой латинской школы в Шлеттштадте (близ Страсбурга), которая воспитала Вимпфелинга и многих других эльзасских гуманистов, но это был в отличие от них осторожный в своих суждениях исследователь, кабинетный ученый, стремившийся, подобно Эразму, своему учителю, держаться подальше от бурных политических событий своего времени. Однако тематика его исследовательской работы была подсказана ему все же общими интересами эпохи, всей националистической направленностью немецкого гуманизма: в центре его внимания стояли древние германцы и история Германии в раннее средневековье. О характере его научных интересов говорит уже первый его труд — критический комментарий к Тациту (1519).

Первое издание произведений Тацита, обнаруженных итальянским гуманистом Поджио в одном из немецких монастырей, вышло в Риме в 1515 г. Тацит сразу привлек к себе внимание немецких гуманистов: его «Германия» явилась для них открытием, так как здесь они нашли данные о быте, нравах, общественном строе и общем культурном состоянии древних германцев, что давало обильный материал для националистических выводов

²⁰ Арминия как «основателя германской свободы» превозносит и Гуттен в одном из своих «Диалогов», ставя его выше Александра, Сципиона, Ганнибала, а вслед за Гуттеном — и все другие немецкие гуманисты; по патристическое рвение Вимпфелинга так велико, что одного Арминия ему мало: рядом с ним он называет «Генрихов, Оттонов, Карлов, Конрадов, Фридрихов», т. е. всех королей и императоров средневековой Германии. См.: P. Joachimsen. *Geschichtsauffassung...*, S. 109 f.

²¹ Издание трудов Вимпфелинга и старую литературу о нем см.: Potthast, I, 1117; полемику против Мурнера и ее отзвуки во Франции и Германии: Ch. Schmidt. *Histoire littéraire de l'Alsace*, vv. 1—II. Paris, 1879; Wegeler (F. von Wegeler. *Geschichte...*, SS. 124—128) не упоминает о полемике; F. Schnabel. *Deutschlands geschichtliche Quellen...*, S. 78 f.; W. Andreas. *Deutschland...*, S. 410 ff. Книга Борриеса (E. Borries. *Wimpheling und Murner im Kampf um die ältere Geschichte des Elsasses*. Heidelberg, 1926) была мне недоступна, равно как и книга Биккеля (E. Bickel. *Wimpheling als Historiker*. Diss. Marburg, 1904); J. Knepper. *Nationale Gedanke und Kaiseridee bei den elsässischen Humanisten*. Beiträge zur Gesch. des Deutschtums u. der politischen Ideen im Reichslande. Freiburg, 1897.

и построений.²² Беат Ренан в своем комментарии 1519 г. занялся прежде всего вопросами топонимики, исторической географии, соотношением между различными германскими племенами и народностями, этимологией германских имен.

В 1533 г. Ренан вернулся к Тациту и подготовил первое научное издание его трудов. Для его метода характерно широкое применение конъектурной критики текста. Опираясь на прекрасное знание латинского и греческого языков, Ренан в явно испорченных или сомнительных местах предлагает свое чтение текста, причем строго отделяет текст от конъектур. Хотя многие его поправки были впоследствии наукой отвергнуты, но в большинстве случаев они являются остроумными и правдоподобными.

В 1520 г. он нашел и издал Веллея Патеркула, а вслед затем Плиния. Но главным делом его жизни были «Три книги германской истории» («Regum Germanicarum libri tres», 1531), доведенной до императоров Саксонской династии. В этом произведении его эрудиция и критическое дарование развернулись с наибольшим блеском. Первая книга посвящена древним германцам и эпохе «переселения народов»; во второй книге автор следит за судьбами главным образом племени франков, причем период их господства Ренан рассматривает как время усиления и распространения «рабства» (точнее, крепостничества), а распадение франкской монархии — как восстановление древней германской свободы; третья книга представляет собрание этюдов и исследований культурно-исторического и источниковедческого характера.

Ренан ставит в ходе изложения ряд принципиальных вопросов: являлись ли римляне угнетателями германцев или же они принесли германцам культуру; были ли германские завоеватели империи представителями «готического варварства», как считали итальянские гуманисты? Не последнее место занимает живо интересовавший всех немецких гуманистов вопрос: можно ли считать германские племена аборигенами Германии или пришельцами из других стран? В связи с ответом на последний вопрос Ренан разоблачил так называемую хронику древневавилонского жреца Бэроза как подлог, совершенный итальянским гуманистом-доминиканцем Аннием Витербским (Джованни Нанни). Многие немецкие гуманисты, выводявшие германцев из Вавилона или из Трои на основании Псевдобэроза, в том числе даже такой выдающийся историк, как Авентин, были недовольны этим разоблачением, но не могли поколебать позиции Ренана.

Хотя Ренан в согласии с Цезарем, Тацитом и прочими античными авторами рисует древних германцев чистейшими варварами,

²² См.: P. Joachimsen. Tacitus im deutschen Humanismus. Neue Jahrbücher f. d. klassische Altert., 1, Abt., XIV, 1911, S. 697 ff.; H. Tiedemann. Tacitus und das Nationalbewusstsein der deutsch. Humanisten. Diss. Berlin, 1913; L. Pralle. Die Wiederentdeckung des Tacitus. Fulda, 1952.

занимавшимися грабежами и разрушавшими римскую цивилизацию, националистическое направление немецкого гуманизма получило и в его труде яркое выражение. В частности, он уделил много места обоснованию того, что галлы, т. е. позднейшие французы, до их завоевания Цезарем говорили на языке, отличном от германского, а позже усвоили у завоевателей их латинский язык; что земли к западу от Рейна, где население говорит по-немецки, были заняты германцами, отгнавшими их у римлян; что Карл Великий был франком, т. е. немцем, и т. д. Но все эти жгучие вопросы решаются у Ренана с большой осторожностью, в спокойном тоне, резко контрастирующем с агрессивной манерой Вимпфелинга, Генриха Бебеля, Иреникуса и других немецких националистов.

Вот как Ренан высказывается о победах германских племен над Римом в IV—VI вв. «Мы, — пишет он, — чересчур интересуемся историей других народов, хотя и деяния нашего народа достойны восхищения... Победы готов, вандалов, франков — это наши победы. Государства, созданные этими народами в римских провинциях и даже в Италии и самом Риме, являются основой нашей славы, хотя до настоящего времени сохранилось только государство, основанное франками, которые всегда были удачливы в войне и мире. Не то чтобы я восхищался пожарами городов, разрушением и обезлюдением деревень, без чего победы этого рода не добываются. Какой человек, имеющий сердце, не относится к этим безумствам с ненавистью? Но вообще-то мы знаем, что подобные победы восхваляются, поскольку ими определяется благородство».²³

«Германская история» Ренана давно уже утратила значение для науки, но она является важной вехой на пути развития историко-филологической критики источников. Автор различает их и по времени возникновения, и по содержанию, получая, таким образом, опору для оценки их достоверности. Этот исследовательский метод, применяемый Ренаном не от случая к случаю, а систематически, позволяет видеть в нем «сильнейший критический ум всего немецкого гуманизма».²⁴

Однако достижения Ренана оценили по достоинству только отдаленные потомки. У современников (не считая немногих знатоков вроде Пиркгеймера) они уже потому не могли рассчитывать на признание, что труды этого историка увидели свет в годы наибольшего обострения в Германии социальной и политической

²³ Цит. по: Santo Mazzarino. La fine del mondo antico. Milano, 1959, p. 89 sq.

²⁴ P. Joachimsen. Geschichtsauffassung, S. 125; анализ научной деятельности Б. Ренана см.: там же, стр. 126—146; ср.: F. von Wegele. Geschichte..., SS. 132—138; F. Schnabel. Deutschlands geschichtliche Quellen..., S. 79 ff.; H. R. von Srbik. Geist und Geschichte, Bd. I, S. 62 f.; A. Horawitz. 1) Beatus Rhenanus. Eine Biographie. Wien, 1872; 2) B. Rhenani literarische Tätigkeit, Bde 1—2, Wien, 1872—1873.

борьбы, выдвинувшей в историографии на первый план совсем другие интересы и проблемы.

Этим новым интересам гораздо больше отвечали сочинения баварского гуманиста Авентина, хотя и сильно уступавшего Ренану в критических способностях и вообще в научном отношении. «Баварская хроника» Авентина пользовалась большим успехом у любителей исторического чтения не только в XVI, но и на протяжении XVII—XVIII вв., когда «Германская история» Ренана была уже давно и основательно забыта.

Иоганн Авентин (собственно, Турмайр, 1477—1534) учился у Цельтиса и Куспиниана, завершил свое образование в университетах Кракова и Парижа, стал затем воспитателем одного из баварских принцев, которого сопровождал в путешествии по Италии. В 1517 г. он получил звание баварского придворного историографа и поручение написать в модной тогда итальянской гуманистической манере «Анналы баварских герцогов» («*Annales ducum Boioariae*»), дабы прославить в веках династию Виттельсбахов.

Авентин начал со сбора материалов, получив для этого возможность систематически обследовать монастырские архивы. Его долгие поиски, во время которых он «обшарил все углы Баварии», дали блестящие результаты. Впервые были извлечены на свет «*Vagiae*» Кассиодора, некоторые ранее не известные монастырские анналы, биография императора Генриха IV, антипапские произведения периода борьбы за инвеституру, известия о крестовом походе Фридриха Барбароссы и другие материалы, частично опубликованные самим Авентином, частично Гуттенмом и Куспинианом.

«Анналы» были закончены в разгар революционного кризиса в Германии, а затем выпущены в немецкой переработке под названием «Баварская хроника».²⁵ К этому времени Авентин, бежавший от баварских герцогов под защиту имперского города Регенсбурга, не только лишился звания придворного историографа, но и успел отсидеть в тюрьме по подозрению в симпатиях к «евангелическому учению». Герцоги отказались не только напечатать «Анналы», но даже вернуть автору рукопись. Она была издана лишь по смерти Авентина, после того как из нее были удалены все места, враждебные князьям и католической церкви. Полные тексты «Анналов» и «Хроники» были впервые изданы в протестантских землях в 1554—1555 гг.

Своеобразная судьба обоих произведений в католических и протестантских землях объясняется тем, что они, с одной стороны, проникнуты сильным националистическим духом и, следовательно,

²⁵ Johannes Turmair's genannt Aventinus Sämtliche Werke, Bd. II, 1, 2, — *Annales ducum Boioariae*, München, 1881—1882; Bd. IV — *Bayerische Chronik*, München, 1882—1883.

могли служить интересам даже верных католицизму баварских герцогов, с другой, — содержат острую критику католической церкви и отчасти социально-политической структуры предреформационной Германии, что делало их орудием пропаганды протестантизма.

Националистическая окраска «Баварской хроники» видна уже из предисловия к ее первым двум книгам, в котором автор формулирует свою задачу. «Я хочу кратко рассказать о том, — пишет он, — как римляне и их императоры, хотя и стали господами всего мира, под натиском наших предков, немцев, были обращены в бегство, разгромлены и уничтожены» (*Chronik*, IV, 583). Для прославления этих доблестных немецких предков Авентин приводит в качестве достоверных данных все легенды об их происхождении от троянских героев и даже от воинственных народов древнего Вавилона. Короли у германцев появляются, согласно Авентину, за тысячу лет до разрушения Трои. Выводы Ренана о подложности фрагментов Бероза Авентин игнорирует и пользуется этой фальшивкой для того, чтобы доказать, что предки французов никогда не жили на территории Германии. Бойев он считает германским племенем баваров, вопреки Ренану, правильно относившему бойев к кельтам и вывожившему баваров от маркоманов. Впрочем, для него галлы, галаты, кельты — все это немцы (*die Teutschen*), Галлия и Германия до рождения Христа составляли одну страну, население которой говорило на одном, немецком, языке (там же, IV, 205, 217, 208). В германцы Авентин записал даже скифов (там же, 153, 206).

С особой любовью Авентин рассказывает о воинских подвигах «природного немца» Карла Великого. По сравнению с ним Александр Македонский — ничтожество, ибо он победил невоинственных, изнеженных азиатов, тогда как Карл одолел могучие дикие племена. В угоду своим заказчикам, баварским герцогам, Авентин утверждает, что род Карла происходит от древних баварских князей. Все эти и тому подобные фантазии должны были, очевидно, продемонстрировать баварский патриотизм историка и обеспечить хороший прием его книге. В остальном Авентин действует как добросовестный ученый, применяя принципы гуманистической критики к средневековым памятникам и широко используя ценные документальные источники. Большое преимущество перед другими историками-гуманистами дает Авентину его талант рассказчика и общедоступный живой народный язык, на котором написана хроника.

Как все историки, примыкавшие к политико-реторической школе Леонардо Бруни, Авентин вводит в историческое повествование вымышленные речи, в которые он вкладывает свои собственные чувства, суждения, политические оценки. В этих речах, особенно в последних книгах «Баварской хроники», доводящих изложение до 1519 г., он дает волю своему негодующему, критиче-

скому отношению к немецкой действительности. Его страшит упадок империи, за которым, если не приостановить процесс всеобщего разложения, может последовать ее гибель, следовательно, по его убеждению, и конец света. Поэтому он резко осуждает поведение князей, их раздоры, эгоизм всего правящего класса Германии. Особенно достается католическому духовенству за его распущенность. Священников и монахов он советует читателям избегать как диких зверей. В плачевном состоянии немецких дел виновны и другие высшие сословия. Авентин клеймит презрением «этих господ», которые «потом и кровью благочестивых и невинных людей добывают себе богатство, власть и почет». «За все грехи и чванство больших господ, — добавляет он, — приходится платиться и жертвовать всем своим достоянием тому же бедному человеку. Сколько копий господа золотых цепей и колец, бархата и шелка, столько же они ради этого грабят своих подданных».

Выступление в защиту «подданных», т. е. крестьян, и обвинения их духовных и светских господ в алчности, чванстве и прочих пороках звучали по тому времени довольно смело, но предлагаемый Авентином рецепт для излечения от всех этих зол не выходит за рамки бюргерской программы реформ. Он требует, во-первых, национально-политического единства страны под сильной императорской властью, что означало бы ликвидацию суверенитета князей; во-вторых, — свободы проповеди и печатного слова, ибо «каждый должен обладать правом высказывать то, что у него лежит на душе». Этих двух условий, по его мнению, достаточно, чтобы остановить процесс разложения немецкого общества и достигнуть его «нравственного возрождения», содействовать которому Авентин считал своей главной задачей как историка.²⁶

Единственным историком-гуманистом в Германии первой половины XVI в., выступавшим в качестве идеолога не буржуазных капиталистических верхов или среднего бюргерства, а широких масс немецкого народа, был Себастьян Франк (1500—1542). Хотя в отличие от Томаса Мюнцера он не соединял своих революционных идей с революционной практикой и подчас даже высказывался против последней, однако его научно-литературная деятельность имела объективно революционное значение.

Себастьян Франк, родом из Донауверта (Швабия), получил гуманистическое образование в Ингольштадте и Гейдельберге. Сначала он примыкал к Лютеру, но, убедившись в тесной связи

²⁶ Цитаты из «Хроники» приведены там, где это не оговорено, по кн. Л. Гейгер. История немецкого гуманизма. СПб., 1899, стр. 238 сл. F. Schnabel. Deutschlands geschichtliche Quellen..., SS. 100—108. R. Buschmann. Das Bewusstwerden..., SS. 19, 48, 57 f.; H. Riese. Motive..., S. 5 ff.; см. также: F. Gundolf. Anfänge..., S. 48 ff.; G. Leidingger. Zur Geschichte der Entstehung von Aventins «Germania illustrata». Bayerische Ak. d. Wiss., SB, Phil.-hist. Abt., 1935, H. 3; J. Döllinger. Aventinus und seine Zeit. 1888; M. Ubelein. Aventins geschichtliche Bewusstsein. Diss. Erlangen, 1946.

реформатора с князьями и в его постоянной готовности прибегать к насилиям, отошел от него. В 1528 г. Франк поселился в Нюрнберге, сблизился с кружком радикальной молодежи, где тон задавали ученики великого художника Ренессанса Альбрехта Дюрера — «безбожники» и друзья теоретика анабаптизма Ганса Денка — братья Бехам. Члены кружка были противниками любого вероучения, в первую очередь христианского, не признавали авторитета ни Ветхого, ни Нового заветов, видя в Библии лишь сборник легенд и басен.

Стремясь сделать доступными народу некоторые гуманистические произведения, содержащие критику схоластической лженауки, католической церкви, общественно-политического строя Германии, Франк перевел тогда на немецкий язык «Похвалу глупости» Эразма, трактат «О ненадежности и тщетности всех наук» Агриппы Неттесгеймского, анонимный памфлет «Мольбы бедняков Англии».²⁷

Женившись на сестре Бехамов, Франк в 1529 г. переехал в Страсбург, в то время важнейший центр анабаптизма. Здесь он опубликовал в 1531 г. свой главный исторический труд — «Хроника, летопись и историческая библия» («Chronik, Zeitbuch und Geschichtsbibel»). Эта книга, написанная на превосходном народном языке, ярком, красочном и образном, быстро получила широкое распространение, но она вызвала и в церковно-феодалных, и в буржуазно-гуманистических кругах бурю негодования. Лютер и Меланхтон провозгласили «Историческую библию» произведением, внушенным самим дьяволом; осторожный и умеренный вождь немецкого гуманизма Эразм Роттердамский написал Страсбургскому совету формальный донос на крамольную книгу, следствием чего была конфискация всего ее тиража и изгнание Франка из города; саксонский герцог Георг запретил в своих владениях издавать и читать «Историческую библию» и советовал другим князьям уничтожать эту «зачумленную книгу» (Pestbuch).

Для Франка, обремененного семьей, настала тяжелая пора скитаний и материальных лишений. Травимый и отовсюду изгоняемый, он не переставал, однако, работать, а немногие верные друзья помогали ему публиковать свои труды: в 1534 г. «Космографию» («Weltbuch», «Cosmographie»); в 1538 г. «Немецкую хронику» («Chronicon Germaniae»), доведенную по цензурным соображениям только до ранних крестьянских восстаний; в 1541 г. сборник поговорок и изречений всех народов («Sprichwörter...»), и мн. др. Их необычайный успех в Германии, Швейцарии и Голландии вызывал каждый раз новый припадок ярости у виттенбергских реформаторов и у гуманистов всех направлений. Франк ока-

²⁷ Для истории развития общественно-политической мысли Франка было бы интересно выяснить, как он менял текст оригиналов при своих весьма вольных переводах; эта задача никем еще из его многочисленных исследователей не ставилась.

зался полностью изолированным в научной среде, подвергся изгнанию из Базеля, своего последнего пристанища, и умер где-то в Швабии в полной безвестности, всего только сорока двух лет от роду.²⁸

Философско-историческая система Франка представляет оригинальное сочетание революционно-еретического учения в богословской оболочке и гуманистического рационализма.

Как гуманист, Франк выступает против схоластической философии, отвергает все традиционные авторитеты, включая Библию, видит критерий истины в человеческом разуме, а источник ее познания — в опыте и наблюдении над действительностью. С позиций разума он подвергает разрушительной критике все исторически сложившиеся учреждения: государство с его органами насилия, войны и наемные армии, феодальный общественный строй, католическую и евангелические церковные организации, любые религиозные учения, связывающие человека. Античности он дает явное предпочтение перед средневековьем (самого термина у него нет), рассматривая последнее как процесс упадка. С гуманистической гордостью он смотрит сверху вниз на монашеские средневековые хроники, которые он считает лживыми и ханжескими (*voller Neuchelei*). История для Франка, как и для многих гуманистов, самая важная из наук — «опыт учит, что для человеческой мудрости, как и для хорошего управления, ничто не имеет такой ценности, как история».²⁹

Вместе с тем он сознает свое обособленное положение среди других гуманистов, подчеркивая, что он — свободный писатель, «никем не нанятый и не оплачиваемый» (*nicht gedingt, nicht besoldet*), не примыкающий ни к каким партиям (*unparteiisch*). Что касается последнего утверждения, которому буржуазные историки придают столь большое значение, то оно служит лишь для отвода глаз. У современных ему читателей не могло быть никаких сомнений насчет «бунтовщического», по выражению Лютера, характера его книг. Связь его исторической концепции с революционной программой Мюнцера, имя которого приводило в дрожь гуманистов вроде Пиркгеймера или Эразма в 30-х годах, или его симпатии к коммунистическим идеям анабаптистов отчетливо видны во всех его лучших трудах и особенно в «Исторической библии».

«Хроника, летопись и историческая библия» разделена на три части, в первой излагается древняя история до возникновения

²⁸ Неясно, имеет ли какое-либо основание утверждение советского историка В. Г. Левена (Исторические взгляды Себастьяна Франка. В сб. Средние века, вып. 6, 1955, стр. 269), что враги Франка (Лютер, князя и т. п.) «организовали в 1543 г. (?) его убийство». По существу это верно, так как организованная ими травля и явилась причиной преждевременной смерти писателя, но о последнем годе жизни и обстоятельствах смерти Франка мы ничего не знаем.

²⁹ Цит. по: F. Schnabel. Deutschlands geschichtliche Quellen... S. 116.

христианской церкви, во второй — гражданская история кончая правлением императора Карла V, в третьей — история церкви, т. е. папства, монашества, церковных соборов, канонического права, финансовой организации церкви, ересей и еретических движений.

Франк, как до него Макиавелли и многие другие историки-гуманисты, не проводит специального исследования первоисточников, а берет готовый материал из других хроник, например Гартманна Шеделя, Науклера, Кариона. Даже важнейшая книга третьей части «Исторической библии» — «Хроника римских еретиков» — основана, как доказал Герман Онкен,³⁰ на работе инквизитора, доминиканского приора Бернгарда Люксембургского «Каталог еретиков» (*Catalogus haereticorum*, Köln, 1522). Но Франк не компилятор; он коренным образом перерабатывает свои литературные источники, вносит новые материалы, по-новому группирует и освещает их, делает выводы и исторические обобщения, связанные с опытом современности, словом, придает жизнь, движение, смысл сухому и безжизненному материалу средневековых хроник.

Свою книгу Франк начинает словами: «Кто хочет узнать, как, когда и где, через кого получили начало все вещи — мессы, культ святых, иконы, папа, империя, ордена, сеньории, дворянство, пошлины, десятины, мятежи, книгопечатание, монета, оружие, все искусства, ереси, суеверия и все, чем держится свет, — читайте в этой хронике...». Хотя средства, используемые им для выяснения происхождения и развития учреждений и исторических явлений с научной точки зрения еще весьма примитивны, однако замечательны для того времени поставленные автором задачи. В них имеются элементы стихийного историзма, попытка понять генетически исторический процесс общественного развития. Франк стремится выяснить происхождение монархической власти, дворянства, городов, крепостного права; особенно много внимания он уделяет вопросу о возникновении различных феодальных повинностей и поборов, тяготевших над крестьянством. Эта сторона дела его интересует прежде всего в связи с вопросом о причинах крестьянских восстаний, вопросом, весьма актуальным во времена Франка. Он подробно останавливается на событиях 1524—1525 гг., отмечая восстания «простого народа повсюду — в Альгау, Швабии, Баварии, Австрии, Зальцбурге, Штейермарке, Вюртемберге, Саксонии, Тюрингии, Эльзасе... и во многих иных местах, против господ, их несправедливостей, алчности, отягощений и против насилий властей» (*Chronik, Zeitbuch...; Chronica der Keyser und Weltlichen historien*, 1536, I. 272).

С глубоким сочувствием к восставшим крестьянам Франк рисует картину их борьбы и жестокой расправы, учиненной над

³⁰ Hermann Oncken. Historisch-politische Aufsätze und Reden, Bd. I. München—Berlin, 1914, SS. 273—320: «Sebastian Franck als Historiker».

ними феодалами. Он отмечает, что княжеские войска нападали на крестьян предательски во время переговоров, а когда крестьяне обращались в бегство, то «рыцари резали их как овец» (там же, л. 273). Характерно отношение Франка к позиции Лютера во время крестьянской войны. Не осмеливаясь открыто обвинить его в предательстве, Франк дает фактически оценку его поведения от имени врагов Реформации. «Паписты, — пишет он, — обвиняют Лютера в том, что он зажег этот пожар, а затем натравил на них [крестьян] князей, чтобы они кололи, рубили, умерщвляли и т. д., убеждая их, что этим они заслужат царство небесное». Очень острожно сформулирован и общий вывод из истории крестьянской войны. Народу, по мнению автора, не следует восставать против властей, так как результатом восстания является только увеличение страданий народа. «Нужно ждать, пока бог сам покарает тиранов; он их не простит и будет беспощаден, но время для этого выберет сам». В то же время Франк указывает, что «до тех пор, пока будет длиться тирания господ, восстания неизбежны и даже необходимы» (там же, л. 273).

Какие чувства питал Франк к высшим феодальным властям, начиная от князей и кончая императором, свидетельствует его предисловие ко второй части «Исторической библии». Символом власти, говорит он, всюду является орел — самый разбойничий и кровожадный из хищников. И так как его обвинили на этом основании в «оскорблении величества», то Франк в новых изданиях сделал примечание: он, мол, не имел в виду императора, которого считает законным главою Германии. В связи с этим он повторяет традиционную мысль немецких гуманистов: политическое единство Германии может быть достигнуто только укреплением императорской власти. Другое дело князья, все они «тираны», «хищники», враги народа. К числу врагов народа принадлежат также купцы, банкиры, которые своими бесчестными спекуляциями вызывают дороговизну и голод, как это было, например, в 1529—1531 гг. Но Франк знает, что зло не в тех или иных личностях, а в социальном строе. Источник всех несчастий человечества — частная собственность. «Мы должны были бы иметь все вещи общими, как общи всем людям солнечный свет, воздух, дождь, снег и вода» («Paradoxa»). Именно такая общность имущества была в первых христианских общинах, «это называлось у них *сомунио*». В коммунизме Франк видит один из существенных признаков подлинного, неискаженного христианства.

Буржуазные историки стараются доказать, что коммунизм у Франка, как и у Томаса Мора, носил чисто теоретический, абстрактный характер и вовсе не похож на «грубый коммунизм анабаптистских сект». Однако Франк не только не осуждает коммунистических ересей, но, наоборот, всегда отмечает ядро истины заключенное в их учениях. На чьей стороне все симпатии Франка видно из его «Хроники римских еретиков», входящей в «Исто-

рическую библию». Здесь он доказывает следующее: церковь и светские власти всегда объявляли еретиками людей мудрых, обладавших истиной. Среди них он называет крамольные имена Мюнцера, Денка, Губмайера и других анабаптистских вождей, а также Виклифа, Эколампация, Цвингли и прочих реформаторов, стоявших левее Лютера. В этой же компании оказались Эразм и Лютер, что привело их в полное бешенство, тем более, что Франк здесь же показывает противоречия между их словами и делами. Появление в списке людей, «обладающих истиной», Лютера и других — это обычный прием маскировки, который, впрочем, не обманул его врагов. Так, например, автор современного ему злобного памфлета против анабаптистов Арнольд Месховий («*Historia Anabaptistarum*», цит. у: K. Hagen. *Der Geist der Reformation*, Bd. II, 395, п. 1) обвинял Франка в тайной пропаганде всяческих заблуждений (*errores*), а лютеранские синоды неоднократно повторяли запрет читать «Историческую библию». Нужно признать, что у сподвижников Лютера было неплохое чутье. При всей осторожности Франка в выражениях (ведь он писал после разгрома анабаптистов в Германии, Швейцарии и Голландии) его книга пропагандировала уравнительный коммунизм и будила революционные настроения.

Отсюда и своеобразная судьба репутации Себастьяна Франка. В новейших работах по историографии и истории общественных идей существует поразительный разбой в оценках его творчества. Одни буржуазные историки его игнорируют как «негуманиста» (Гейгер, Иоахимсен), другие — как «вульгарного компилятора» (Фютер), иные упоминают его труды, но подчеркивают только его удивительную для того времени «терпимость к любым верованиям» (Томпсон), либо ценят его только как «религиозного философа» и оригинального богослова (Хеглер, Дильтей, отчасти Онкен), либо видят в нем лишь одного из создателей наряду с Лютером немецкого литературного языка (Гундольф). После В. Дильтея, охарактеризовавшего Франка как «поистине гениального мыслителя и писателя», интерес к этому гуманисту сильно вырос, но его правильной оценке в буржуазной историографии препятствует стремление снизить значение его революционных идей, преувеличить и раздуть роль религиозно-мистических элементов в его творчестве, изобразить Франка в сущности безобидным мечтателем и врагом революционных движений народа.³¹

³¹ К. Маркс не занимался специально Франком, но в «Хронологических выписках» (Архив Маркса и Энгельса, т. VII, стр. 179) отметил его значение для развития радикальных идей в эпоху Реформации. Литература о С. Франке довольно велика. Из старых работ не утратили научного значения: K. Hagen. 1) *Deutschlands literarische und religiöse Verhältnisse im Reformationszeitalter*, Bd. III. A. 2. 1868, SS. 314—396; 2) *Der Geist der Reformation*, Bd. II. 1844; C. A. Hase. *Seb. Franck der Schwarmgeist*. 1869; S. H. Bischof. *S. Frank und die deutsche Geschichtsschreibung*. 1857.

2. НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ НА СЛУЖБЕ РЕФОРМАЦИИ

Немецкие гуманисты своей критикой католической церкви всей клерикально-феодалной культуры идейно подготовили Реформацию в Германии начала XVI в., подобно тому как французские просветители — в более широких масштабах — идейно вооружили буржуазную революцию во Франции конца XVIII в. В подготовке Реформации большое значение имели филологически изыскания Рейхлина и Эразма Роттердамского, сделавшие возможным перевод Лютером Библии на народный язык, публицистические и художественно-литературные произведения Ульриха фон Гуттена и Себастиана Бранта, направленные против Рима и католического духовенства, наконец, исторические и историко-географические труды гуманистов, которые содействовали пробуждению национального сознания.³²

Вот почему Лютер, человек чисто средневекового склада идейно чуждый гуманизму и всегда остававшийся на позициях схоластического богословия, искал союза с гуманистическим лагерем. Гуманисты на первых порах симпатизировали Лютеру и приветствовали его выступление, одни восторженно, как Гуттен и его молодые соратники из Эрфуртского, Виттенбергского и многих других университетов, другие осторожно, как Рейхлин, Эразм Пиркгеймер.³³

Однако по мере развития реформационного движения все сильнее обнаруживались расхождения, сделавшие разрыв между

Более ценны по материалу или интересны по трактовке: W. Dilthey, *Weltanschauung und Analyse des Menschen seit Renaissance und Reformation*. Gesam. Schriften, Bd. II, 1921, SS. 80—89 (впервые изд. в 1891 г.); A. Hegler, 1) *Geist und Schrift bei S. Franck*. 1892; 2) *Beiträge zur Geschichte der Mystik im Reformationszeitalter*. 1905; Hermann Oncken, 1) *S. Franck als Historiker. Historisch-polit. Aufsätze u. Reden*, Bd. I, [München], 1914; 2) *Aus den letzten Jahren S. Francks*, там же; E. Reimann, *S. Franck als Geschichtsphilosoph*. Berlin, 1921; P. Joachimsen, *Zur inneren Entwicklung Seb. Francks. Blätter f. Dt. Philologie*, Bd. 2, 1928; H. Köpcke, *Studien zur Geistesgeschichtliche Stellung S. Francks*. 1935. В советской литературе имеется содержательная статья В. Г. Левена (Исторические взгляды...), представляющая часть его неопубликованной диссертации о С. Франке (см.: *Вопросы истории*, 1947, № 3).

³² См.: Leo Stern, *Martin Luther und Philipp Melanchthon — ihre ideologische Herkunft und geschichtliche Leistung*. Sonderdruck aus der *Wissenschafts-Zeitschr. der M. Luther-Universität*, Jg. II, 1952—1953, H. 6, S. 70: «Классическая филология гуманистов явилась идеологической предпосылкой победы Реформации»; K. A. Missinger, *Erasmus von Rotterdam*. Wien, 1942; W. Gilbert, *Sebastian Brant: Conservativer Humanist*. Arch. f. Reformationsgeschichte, Bd. 46, 1955, SS. 145—167; R. Stupperich, *Vom Humanismus zur Reformation*. AKG, Bd. 36, 1954.

³³ M. Bugdorf, *Der Einfluss der Erfurter Humanisten auf Luther*. Entwicklung. Leipzig, 1928; P. Kalkoff, *Die Stellung der deutschen Humanisten zur Reformation*. Zs. f. Kirchengeschichte, Bd. 46, 1928; R. H. Fifield, *The Revolt of Martin Luther*. N. Y., 1957, (chap. 22 «Humanistic Friends and Allies»).

гуманизмом и лютеровской реформацией неизбежным. Решающую роль здесь играли социально-политические мотивы. Эразм писал еще в 1521 г. Пиркгеймеру, что «дело идет к мятежу», ему же «даже истина немилы, если она связана с восстанием (ut veritas etiam displiceat seditiosa)». Другие видные гуманисты разочаровались в реформационном движении несколько позже, когда уже поднялось крестьянство, когда, сверх того, стало ясным, что Лютер играет на руку только князьям и что он настроен в высшей степени враждебно по отношению к капиталистической прослойке бюргерства.³⁴

Тогда и обнаружилось, что в идеологической области между гуманизмом и Лютером целая пропасть. Гуманисты опирались на человеческий разум, Лютер апеллировал только к вере. Гуманисты стремились к развитию светских наук и художественной литературы; Лютер в послании «К христианскому дворянству немецкой нации» призывал к уничтожению книг «слепого языческого магистра Аристотеля», посвященных физике, метафизике, психологии, этике, словом, к уничтожению всей философии — «этой старухи, воняющей Грецией (Graeciae hircissantem anum)»,³⁵ а впоследствии высмеял «дурака Коперника», который, вопреки Библии, утверждает, будто солнце неподвижно, а земля движется! Эразм в письме к Пиркгеймеру (1528) с грустью констатировал: «Всюду, где господствует лютеранство, науки погибли».³⁶

Действительно, в 20-х годах латинские гуманистические школы и университеты городов, принявших лютеровскую реформацию, пришли в полный упадок: резко сократилось число студентов и профессоров, распались гуманистические кружки, гуманисты-полигисторы, примкнувшие к Лютеру, занялись богословием.

Не удивительно, что из крупнейших гуманистов Лютеру удалось сохранить за собою и даже обратить в своего главного помощника одного лишь Филиппа Меланхтона (1497—1560), благодаря заботам которого (снискавшим ему почетное прозвище «учителя Германии» — «praeseptor Germaniae») восемь университетов и ряд школ были реорганизованы в «гуманистическо-евангелическом духе».³⁷ Однако лютеранство успело уже нанести анти-

³⁴ Лютер, как известно, очень резко выступал против ростовщичества, против скупщиков, «монополистов» типа Фуггеров, Вельзеров, Гохштеттеров и т. п., опираясь на Евангелие и аргументы средневековых теологов. См. замечательные по яркости выдержки из произведений Лютера на эту тему, приведенные К. Марксом в гл. XXXVI т. III «Капитала» и «Дополнения» Энгельса к этому тому (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. 2, стр. 160 сл., 477).

³⁵ Цит. по: F. Paulsen, *Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten*. Leipzig, 1885, S. 135.

³⁶ Там же, стр. 144.

³⁷ См.: Leo Stern, 1) *Martin Luther...*, S. 114 ff.; 2) *Philipp Melanchthon — Humanist, Reformator, Praeseptor Germaniae*. Halle, 1960.

клерикальному и антифеодальному гуманизму смертельный удар, выдвинув на первое место изучение Библии и схоластического богословия. Таким образом, и университетская реформа Меланхтона, сохранившая в учебных программах филологию, реторику, математику и сделавшая обязательным преподавание наряду с церковной и гражданской историей, не могли приостановить общего регресса в различных областях духовной культуры.³⁸

В результате Реформации и победы князей над прогрессивными силами пострадали в культурном отношении не только протестантская Германия, но и те ее южные и западные земли, где перевес оказался на стороне католической реакции: иезуиты, захватившие здесь в свои руки университеты и школы, были такими же гасителями культуры, как и лютеранские богословы. Таковы были культурные следствия поражения ранней буржуазной революции в Германии. Именно поэтому Энгельс назвал Реформацию «национальным несчастьем», «приключившимся с немцами».³⁹

Среди тех светских знаний, которые Лютер и Меланхтон считали полезными и нужными для проповедников «евангельского христианства», они на самое почетное место ставили историю. «Презрение к историческим произведениям и памятникам, — пишет Лютер, — является не только признаком грубого татарского и циклопического варварства, но и дьявольской глупости, с помощью которой дьявол хотел бы повсеместно уничтожить правильное познание бога». Он требует, чтобы все правители и ученые, по мере сил и возможностей, заботились о составлении «правдивых хроник и историй». «Исторические писатели, — заявляет он далее, — это необычайно полезные люди и наилучшие учителя,

³⁸ Левит (K. Löwith. Weltgeschichte und Heilsgeschichte. Stuttgart, 1953), Клемпт (A. Klempt. Die Säkularisierung der universalhistorischen Auffassung... im 16. und 17. Jahrhunderte. Göttingen, 1960) и другие западнонемецкие историки сильно преувеличивают значение этой реформы для позднейшего подъема немецкой исторической науки. Если поверить им, протестантские области Германии заняли благодаря Меланхтону ведущее положение в европейской историографии конца XVI и XVII в. Они забывают, что как раз этот период является временем сильного упадка светской историографии, рецидива «исторической теологии» в университетах и торжества пирронизма в философско-исторической мысли (о пирронизме см. заключение настоящей книги).

³⁹ Введение к «Диалектике природы» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 345): «...современное исследование природы, как и вся новая история, ведет свое летоисчисление с этой великой эпохи, которую мы, немцы, называем, по приключившемуся с нами тогда национальному несчастью, Реформацией, французы — Ренессансом...». Как правильно заметил проф. Лео Штери (Martin Luther..., S. 152), противоположный взгляд Ф. Меринга (История Германии с конца средних веков, пер. И. Степанова, изд. 3, М., 1924, стр. 43 сл.), согласно которому исторический прогресс связан не с гуманизмом, а с Реформацией, не выдерживает критики.

для которых не следует жалеть ни почета, ни похвал, ни благодарности».⁴⁰ О том, каких услуг ждал вожьд бюргерско-княжеской реформации от истории, видно из его предисловия к переводу на немецкий язык работы англичанина Роберта Барнса «Биографии римских епископов». Лютер здесь заявляет, что для борьбы с папством наряду со Священным писанием очень хорошо могут служить также «истории об императорах». В другом месте он говорит: «Я сам, не будучи вначале достаточно сведущим в историях, нападал на пап, так сказать, а priori, спереди, т. е. на основании Писания; теперь же меня радует, что иные нападают и с тыла, т. е. на основании историй и былого, и кажется мне правильным, и радуюсь я..., что история совпадает с Писанием».⁴¹

Лютеру вторит Меланхтон: «Особенно нужна история в церкви» («Praecipue historia opus est in Ecclesia»). «Большой свиньей является тот, кто не получает удовольствия от знания историй (Ist einer eine grosse Sau, qui non delectatur cognitione historiarum)».⁴² Таким образом, Меланхтон вслед за Лютером пришел к мысли, что Библии недостаточно для практических уроков в области политики и этики. Но Лютер в своей пропаганде исторических знаний не шел дальше предисловий к чужим историческим трудам, тогда как Меланхтон в качестве гуманиста-полигистора включил историю в круг университетских наук и сам читал в Виттенбергском университете наряду с богословием и астрономией курс всемирной истории. В основу этого курса он положил всемирную хронику Иоганна Кариона (1499—1537), своего ученика по Виттенбергскому университету.

Карион принадлежал к весьма распространенной в XVI в. категории полигисторов, т. е. «многознаек», математик, юрист, богослов, придворный астроном курфюрста Бранденбургского, он занимался также историей и выполнял дипломатические поручения курфюрста. Его хроника «от Адама» до 1532 г., отредактированная по его просьбе Меланхтоном, была переведена на немецкий, английский, испанский и французский языки и пользовалась в протестантских странах большим успехом. Она представляет интерес как показатель регресса в гуманистической историографии под влиянием Реформации. Хроника построена по евсевианско—августинской схеме, подобно любой средневековой хронике; автор некритически принимает все легенды Библии и античных авторов, уделяет особенно много внимания истории церкви, видит

⁴⁰ Цит. по: F. von Wegele. Geschichte..., S. 196 ff.

⁴¹ R. Barnes. Vitae Romanorum pontificum quos papas vocamus, diligenter et fideliter collectae etc. ... Cum praefatione Lutheri. Wittenberg, 1536. См.: Fueter, 307; Д. Н. Егоров. История средних веков. Вып. 1. Историография и источниковедение. М., [1913], стр. 59. [Литогр.]

⁴² Цит. по: E. Menckel-Glückert. Die Geschichtsschreibung der Reformation und Gegenreformation. Leipzig, 1912, S. 37.

во всех важнейших событиях результат прямого вмешательства бога в жизнь людей, обращает историю в собрание назидательных примеров, служащих для воспитания читателя в христианско-евангелическом духе.⁴³

Меланхтон в процессе подготовки лекций радикально переработал и расширил хронику Кариона, придав ей еще более резко выраженную богословскую окраску. Но он успел довести эту работу только до Карла Великого.⁴⁴ В предисловии Меланхтон, ссылаясь на Полибия, восхваляет историю как важнейшее средство подготовки к политической деятельности и к частной жизни. При этом к библейской истории он подключает как ее прямое продолжение произведения античных историков. «Пусть юноши учтут, — пишет он в своей переработке хроники Кариона, — что Геродот начинает как раз там, где [пророк] Иеремия прекращает. Ибо всемирная история шла непрерывно (erat continua): пророческие книги, Геродот, Фукидид, Ксенофонт, Диодор, Полибий, Ливий и др.». «Не думайте, что бог дает нам уроки (exempla) только в Священном писании — весь этот мир является как бы сценой, на которой бог дает ежедневно указания по всем обязанностям (omnium officiorum exempla)».⁴⁵ Вместе с тем он подчеркивает, что наибольшую ценность история представляет для церкви, так как она раскрывает планы бога в отношении человеческого рода и показывает, как они реализуются. Мы видим, таким образом, что хотя гуманистическая выучка еще дает себя знать, однако в основном Меланхтон подчиняет историю протестантскому богословию.

Гуманистические навыки заметны и там, где Меланхтон подвергает критике августиновскую периодизацию по шести возрастам. «Те, кто разделили [историю] мира на шесть или семь возрастов, — говорит он, намекая на Гартманна Шеделя и Науклера, — вносят больше беспорядка, чем порядка». Но что Меланхтон предлагает взамен? Для истории церкви, опираясь на «пророчество Ильи» и на хронологические расчеты еврейских талмудистов, он вводит деление на «три эпохи божественного откровения» по 2000 лет в каждой. Третья эпоха, начавшись около 4000-го г. «от сотворения мира» с появлением Христа, длится по настоящее

⁴³ F. von Wegele. Geschichte..., S. 190 ff.; H. Ziegler. Das Chronicon Carionis. 1898; Fueter, 228 ss.

⁴⁴ Chronicon Carionis latine expositum et auctum. Wittenberg, 1558—1560; F. von Wegele. Geschichte..., SS. 200—208; A. Spörl. Melanchthon...; H. Bretschneider. Melanchthon als Historiker. 1880; R. Seeburg. Die Stellung Melanchthons in der Geschichte der Kirche und der Wissenschaft. Erlangen, 1897; ср.: Leo Stern. Philipp Melanchthon... (впрочем, Меланхтона как историка автор не рассматривает); E. Rambaut. Über die Geschichtswissenschaft an der Universität Wittenberg. В кн.: 450 Jahre Martin Luther-Universität, Bd. I. 1952, SS. 255—270.

⁴⁵ Melanchton. Opera omnia, Bd. XII, Halle/S., 1844, S. 714, цит. по: A. Klempt. Die Säkularisierung..., S. 21 f.

время и завершится «страшным судом» в 6000-м году «от сотворения мира», а возможно и раньше. Появление турок и прочих мусульман, напавших на Запад, «дабы покарать лживую (т. е. католическую, — O. B.) церковь за поклонение идолам (т. е. иконам, статуям — O. B.)», свидетельствует о гневе господнем и приближении конца света.⁴⁶ Обо всем этом гуманист — соратник Лютера — говорит языком хрониста X в., подчеркивая «старость мира» («In hac postrema mundi senectute... deus horribiliter irascitur...»).

Что касается «гражданской истории», то для нее Меланхтон сохраняет периодизацию по четырем монархиям, из коих последняя — «римско-германская» («Бог оказал немцам честь перед другими нациями, привлекая их под конец к верховенству над миром. Ибо хотя они не владеют всей Римской империей, но верховенство — Hoheit — все же пребывает в их империи»). Здесь он в какой-то мере продолжает националистическую линию гуманистов, но характерно, что всюду у него речь идет о «немцах», «князьях» и «империи», но не об императоре, воплощавшем для гуманистов начала XVI в. идею национального единства.

Его ученик и зять Каспар Пейцер (1525—1602), профессор медицины, математики, классической филологии, продолжил хронику Кариона — Меланхтона до императора Карла V, не уклоняясь ни на шаг от установок учителя. Изданный им в 1564—1565 гг. учебник служил до середины XVII в. главным источником знаний по всемирной истории в протестантских странах.⁴⁷

С ним весьма успешно конкурировал учебник «О четырех монархиях» («De quatuor monarchiis», или «De quatuor summis imperiis...», Strassburg, 1556), написанный Иоганном Слейданом «для юношества». 70 изданий этой книги до начала XVIII в. свидетельствуют об ее исключительном успехе, который объясняется отчасти ее достоинствами, отчасти репутацией Слейдана как первого ученого автора монументальной истории Реформации (см. стр. 350 сл.). Что касается достоинств учебника, то главными из них являются строго фактическое сжатое изложение, отсутствие реторики, привлечение сравнительно широкого круга античных и средневековых нарративных источников. Хотя учебник Слейдана выдержан в протестантском духе, но он проникнут вместе с тем «сильным чувством германского императорского патриотизма» в отличие

⁴⁶ Melanchton. Opera omnia, Bd. XII.

⁴⁷ F. von Wegele. Geschichte..., S. 209 f.; A. Klempt. Die Säkularisierung..., S. 32 ff. В конце XVI в. само название учебника звучало анахронизмом, свидетельствуя о разрыве с гуманистической историографией: «Chronicon Carionis expositum et auctum multis et veteribus et recentioribus historiis in descriptionibus regnorum et narrationibus rerum ecclesiasticarum et politicarum Graecarum, Romanarum, Germanicarum et aliarum ab exordio mundi usque ad Carolum V Imp. a Philippo Melanchtone et Casparo Peucero» (Wittenberg, 1580).

от местного княжеского патриотизма историков лютеровско-меланхтоновской школы.⁴⁸

«Классическим» трудом протестантской богословской историографии является «Церковная история, изложенная по столетиям» («*Ecclesiastica historia secundum singulas centurias*»), известная под сокращенным названием «Магдебургские центурии». Между 1559 и 1574 гг. вышло 13 больших томов, каждый из которых посвящен одному столетию истории христианской церкви начиная с появления христианства до XIII в. включительно.

«Магдебургские центурии» обязаны своим возникновением инициативе одного человека — иллирийского славянина Матвея Власича (латиниз. *Mathias Flacius Iliricus*, 1520—1575).

Власич получил гуманистическое образование в Венеции, а затем занял должность профессора древнееврейского языка в духовном центре лютеранства — Виттенбергском университете. Посорившись с Меланхтоном, он перешел в только что открытый Иенский университет, а оттуда в Магдебург, где частным образом взялся за осуществление задачи, поставленной Лютером перед протестантской историографией: подбором материалов, которые подкрепили бы богословскую атаку папства и католической церкви историческими данными. С этой целью Власич организовал историческое общество, между членами которого были разделены обязанности: «студюзы» собирали материалы и копировали источники, хранившиеся в городах и монастырях Германии и многих других стран; «архитекторы» сопоставляли и анализировали источники, распределяя их по соответствующим разделам каждого тома; «губернаторы», или «рулевые», во главе с самим Власичем устанавливали окончательный текст в качестве главных редакторов всего издания.

В истории нашей науки это первый опыт создания обширного коллективного труда по заранее разработанному (М. Власичем) плану. Этим планом предусмотрены в каждой «центурии» 16 разделов: в первом дается общая характеристика столетия, в следующих двух говорится о распространении христианства и о положении церкви, четвертый раздел посвящен анализу учений католической церкви, пятый — ересям и различным искажениям первоначальной веры, шестой — церковным обрядам и церемониям, седьмой — церковному управлению и взаимоотношениям между церковью и государством, восьмой — внутрицерковным раздорам и «схизмам», девятый — соборам, и т. д. Один из разделов отведен для «чудес и знамений» (*miracula et prodigia*). В последних трех разделах идет речь о нехристианских религиях.

⁴⁸ F. von Wegele. *Geschichte...*, S. 211 f.; L. Ranke. *Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation*, Bd. V. A. 7. Leipzig, 1894, S. 355; G. Falco. *Polemica sul medio evo*, v. I. p. 54 sq. О Слейданах как историках Реформации см. стр. 350—353.

Таким образом, в «Магдебургских центуриях» церковь впервые стала объектом подробного и всестороннего исторического рассмотрения. Гуманисты, как уже отмечалось, неизменно уклонялись от освещения вопросов, относящихся к религии и церкви, чем они обедняли в особенности историю средних веков, когда церковная организация и христианская идеология оказывали могущественное влияние на общественно-политическую жизнь. Однако центуриаты, восполняя этот пробел, внесли в историографию богословскую полемику, дух крайнего конфессионализма, пристрастные оценки. С одной стороны, ведя борьбу с католицизмом с помощью исторической аргументации, они достигли немалых успехов в обнаружении документальных источников и критическом их анализе. Так, например, идя по стопам Лоренцо Валлы, они обосновали подложность «Константинова дара» и «Лжеисидоровых декреталей», доказали легендарный характер рассказов об основании римской церкви апостолом Петром и связанного с этим учения о «примате» римского епископа над всеми другими епископами и т. д.

С другой стороны, центуриаты некритически повторяли те легенды, которые возникали в средние века в кругах, враждебных папству, например легенду о папессе Иоанне, о папе Сильвестре II как чародее и пособнике дьявола. Излагая историю борьбы между империей и папством в XI—XIII вв., Власич и его сотрудники рисуют всех пап исчадиями ада, людьми порочными и способными на любые злодейства, и наоборот, в их противниках — императорах — видят благочестивых христиан и людей, отличающихся «всеми достоинствами, свойственными немецкой нации». Таким злодеем, отцеубийцей и клятвopреступником, заключившим пакт с самим сатаной, «самым чудовищным из всех чудовищ, которых породила земля (*monstrum omnium, quae haec terra partavit, monstruosissimum*)», изображается папа Григорий VII, тогда как император Генрих IV или другой враг пап — Фридрих Барбаросса — выступают как образцы добродетельных и достойных преклонения государей.

Так обосновывается одна из основных идей центуриатов: папа есть воплощенный Антихрист, а католическая церковь — царство Антихриста.

Другой основной идеей, проходящей через все тома «Магдебургских центурий», является положение, что христианская церковь только при жизни основателя религии и его апостолов была чистой и безгрешной, затем начинается «порча», разложение церкви, и этот процесс угасания света христианства и смены его все более густой тьмою «царства Антихриста» продолжался до выступления Лютера, который восстановил или возродил первоначальную, «евангелическую» христианскую церковь.

Протестантские ученые XIX в. весьма преувеличили значение «Магдебургских центурий» для развития исторической критики.

Так, Л. Ранке утверждает, что центуриаты своим критическим методом «оказали... большую услугу всей исторической науке», что они «расчистили ей путь» и т. д.⁴⁹ Однако в самом методе центуриатов нельзя обнаружить никакого прогресса по сравнению с критическим методом Баллы или Биондо. Нельзя согласиться также с утверждением, будто центуриаты внесли в историографию принцип развития: развитие церкви выражается у них только в ее падении, а прогрессом является провозглашенное Лютером возвращение к старому. Как показал уже в середине XIX в. глава Тюбингенской школы теологов Ф. Х. Баур, «вся позиция центуриатов дуалистическая, т. е. восходящая к догматическому воззрению», а такая позиция исключает представление о подлинном историческом развитии.⁵⁰ Если к этому присоединить веру центуриатов во все сверхъестественное, в «чудеса и небесные знамения», то станет ясным, что «Магдебургские центурии», невзирая на значительные элементы критики, вызванной полемическим задором, представляют шаг назад по отношению к светской гуманистической исторической мысли и, в сущности, не выходят за рамки старой средневековой историографии.⁵¹

Фолианты «Магдебургских центурий», выходявшие в самый разгар католической реакции, наносили папству значительный моральный удар. Поэтому в руководящих кругах католической церкви было решено создать аналогичную работу, которую можно было бы противопоставить центуриатам. Такая работа была в сравнительно короткое время выполнена кардиналом Цезарем Баронием, директором Ватиканской библиотеки. Между 1588 и 1593 гг. появилось 12 томов его «Церковных анналов» («Annales ecclesiastici a Christo nato ad annum 1498»), в которых история церкви была доведена до конца XII в. Перед Баронием (и его более слабыми преемниками Райнальдом, продолжившим историю церкви до 1565 г., иезуитом Бзовским и др.) была поставлена за-

⁴⁹ L. Ranke. Deutsche Geschichte... S. 356 f.

⁵⁰ F. Ch. Baur. Die Epochen der kirchlichen Geschichtsschreibung. Tübingen, 1852, SS. 54—61. Магдебургским центуриатам посвящен весь второй раздел этой книги (стр. 39—71).

⁵¹ Кроме указанной книги Баура, см.: F. von Wegele. Geschichte... SS. 328—336; J. Janssen. Geschichte des deutschen Volkes, Bd. V. 1902, S. 343 ff.; E. Schaukel. Beitrag zur Entstehungsgeschichte der Magdeburger Centurien. 1898; W. Schulte. Beiträge zur Entstehungsgeschichte der Magdeburger Centurien. 1877; A. Jundt. Les centuries de Magdebourg ou la renaissance de l'histoire ecclésiastique au 16e me siècle. 1883; P. Polman. Flaccius Iliricus, historien de l'Eglise. Revue d'histoire Ecclésiastique, v. 27, 1931. М. Власич опубликовал, сверх того, несколько работ на немецком языке, главным образом биографии тех духовных деятелей, которых он противопоставлял официальной католической церкви в качестве предшественников Реформации. Эту мысль о зарождении реформационного движения в недрах церкви развил в конце XIX в. Гаусрат (A. Hausrath. Weltverbesserer im Mittelalter, Bd. 1—3. Leipzig, 1895; в русском переводе: «Средневековые реформаторы», тт. 1—2, 1900).

дача не только опровергнуть протестантских историков, но и документально «доказать» примат папы над другими епископами и верность римской церкви древнейшим традициям христианства. Барония нельзя считать, как это делают многие буржуазные исследователи, стоящим в научном отношении значительно выше центуриатов. Имея в своем распоряжении богатства Ватиканского архива, он был в состоянии в ряде случаев уличить протестантов в фактических ошибках. Но, во-первых, он часто цитирует документы не полностью или делает между своими источниками определенный выбор, подсказывая тем самым и определенные выводы. Во-вторых, его методы исторической критики подчас не менее наивны, чем у центуриатов. Так, он вынужден признать «Константинов дар» фальшивкой, но авторами этой фальшивки он объявляет... греков (византийцев) или еретиков, стремившихся навредить папству, «ибо папы не нуждались в дарении того, что им и без того принадлежало по воле божьей». Разумеется, для «божьей воли» нельзя привести никаких документальных доказательств. Примат римского папства удостоверяется его глубокой древностью, что касается папских документов первых веков христианской эры, то они, как утверждает Бароний, погибли при пожаре Рима во времена императора Диоклетиана. Так можно доказать все что угодно. Существование папессы Иоанны опровергается тем, что, «согласно законам церкви, женщина не может быть папой (pontifex maximus)». Конечно, утверждение центуриатов насчет папессы недоказуемо, но и способ опровержения их неубедителен. Центуриаты называют папу Антихристом. Бароний платит им той же монетой, называя их труд «центуриями Сатаны». Единственное достоинство «Анналов» по сравнению с «Магдебургскими центуриями» сводится к тому, что многие использованные автором документы до нас не дошли, так что «Анналы» в некоторых своих частях поныне еще играют роль первоисточника.⁵² Однако это недостаточное основание, чтобы

⁵² Лучшее издание «Анналов» Барония в 12 тт. вышло в Майнце в 1601—1605 гг. Новое издание с продолжениями Райнальда и других — в 1738—1759 гг. в Лукке; Тейнер довел «Анналы» до 1582 г. (издано в Риме в 1856—1857 гг.). Литература: F. Ch. Baur. Die Epochen... S. 72 ff.; Ch. V. Langlois. Manuel de Bibliographie historique, vv. 1—2. Paris, 1901—1904, p. 258 s.; Fueter, 327—329 (здесь же остальная литература). Любопытна судьба этого произведения в России. В 1687 г. оно было переведено на русский язык с сокращенного польского издания, одобренного Баронием. Этот перевод распространялся в многочисленных рукописных копиях и был широко использован раскольниками против официальной церкви. При этом данные Барония, особенно относящиеся к истории церкви до 1054 г., искажались в полемических целях, что побудило св. Синод напечатать перевод «Анналов» под заглавием «Деяния церковные и гражданские от рождения Христова до XIII ст.» (Москва, 1719), но раскольники не признали печатную книгу. О полемике протестантских эрудитов с Баронием см. гл. восьмую, стр. 377 сл.

согласиться с Габриелем Моно, который без всякого намека на проицию называет «Анналы» Барония «прекраснейшим монументом католической эрудиции XVI в.»⁵³

Крупнейшим достижением немецкой протестантской историографии XVI в. было произведение известного уже нам Слейдана «Комментарии о состоянии религии и государства при императоре Карле V» («*Commentarii de statu religionis et reipublice Carolo quinto Caesare*» Argentoratum, 1556).

Иоганн Слейдан (собственно, Филиппсон, 1506—1556), т. е. родом из г. Шлейдена в Западной Германии, получил степень лиценциата права в Орлеанском университете, после чего занял место секретаря и дипломатического агента по связи с германскими протестантами у братьев Гильома, затем Жана Дю Белла, фактических руководителей внешней политики Франциска I. Когда Слейдан по смерти этого короля переселился из Парижа в Страсбург (1542), то его имя было уже хорошо известно не только как дипломата, но и как переводчика на латинский язык Фруассара, как автора остро политического памфлета «Две речи к сословиям империи» (1540), наконец, как переводчика и комментатора «Мемуаров» Филиппа де Коммина, которые, по мысли Слейдана, должны были способствовать политическому воспитанию протестантских князей и их советников.

Еще в 1539 г. Слейдан приступил к собиранию материалов для названной выше книги по истории реформации в Германии. По рекомендации видного деятеля лютеранской реформации Буцера, Слейдан был назначен историографом Шмалькальденского союза, что открыло ему двери Страсбургского архива и архива ландграфа Филиппа Гессенского. Хотя немало ценных сведений он получил от своих многочисленных корреспондентов, в числе которых были Лютер, Меланхтон и Кальвин, а дипломатическая деятельность на службе Франции, затем Шмалькальденского союза дала ему богатый запас собственных наблюдений, тем не менее он стремился опереться прежде всего на официальные документы — инструкции послам, протоколы и решения сеймов, дипломатические донесения и т. п. Слейдан считал обращение к материалам этого рода своим важнейшим достижением. В «Посвящении» Августу, курфюрсту Саксонскому, он с гордостью пишет: «Это мое произведение целиком написано по актам... собранным с большим тщанием».⁵⁴ В другом месте он формулирует принцип: «Чего нет в актах, того нет в действительности» («*Quod non est in actis, non est in mundo*»).

⁵³ G. Monod. Du progrès des études historiques en France depuis le XVIe siècle. RH, t. 1, 1876, p. 9.

⁵⁴ «Opus est meum confectum totum ex actis... magna diligentia collectis, quorum etiam bona pars typis iam ante procusa fuit, partim latino, partim sermone populari, quaedam Hetrusce (т. е. по-немецки, — O. B.), quaedam etiam Gallice».

Строгое проведение этого принципа в жизнь было, конечно, невозможно. Тайные архивы немецких князей, не говоря уже об иностранных архивах, были ему недоступны. С другой стороны, многие общеполитические события и социальные движения эпохи, не получившие совсем или получившие скудное отражение в официальных актах, Слейдан вынужден был излагать на основании повествовательных источников и литературных памятников — по сочинениям Лютера, Меланхтона, по мемуарам или сообщениям очевидцев и участников событий, по работам Павла Иовия и других историков. Хотя автор считал источники этого рода второстепенными и не столь достоверными, как акты, он пользуется ими достаточно широко, особенно при изложении богословских споров и выступлений Лютера, крестьянской войны и деятельности Мюнцера, истории Мюнстерской коммуны и проч. Следует заметить, что и Л. Ранке, который знал тайные архивы, позволившие ему своей «Историей Реформации в Германии» подорвать авторитет Слейдана, так же как последний, не мог обойтись без нарративных источников.

Слейдан в цитированном выше «Посвящении» заявляет также, что он «просто и добросовестно излагает то, что имеется в актах (*nude, simpliciter et bone fide*)», не прибавляя ничего от себя и предоставляя делать выводы самому читателю.⁵⁵

Налегая преимущественно на акты, Слейдан полагал, что он обеспечил читателю получение достоверной, точной и объективной информации. Однако метод хронологического нанизывания фактов, которого он придерживается, имел своим результатом выпадение причинных связей между фактами и отказ от объяснения всего исторического процесса в целом. Далее, хотя в качестве единственных факторов истории у него выступают исключительно князь, император, папа, Лютер и прочие государственные и церковные деятели, он не дает их исторических портретов. Заметим, что даже приводимые в его труде речи, с помощью которых античные и гуманистические историки давали мотивировку событий или раскрывали психологию оратора, представляют простое воспроизведение тех речей, которые он находил в своих источниках. Но достоверность и объективность труда не выросла от того, что речи сочинены не самим Слейданом, а автором того памятника, который послужил ему источником. Такова, например, речь Мюнцера перед сражением у Мюльгаузена, которая почти текстуально заимствована из приписываемой Меланхтону клеветнической работы «История Томаса Мюнцера».⁵⁶ Отсюда же заимствована,

⁵⁵ «...nec enim de meo quicquam addo, nec ullum interpono iudicium, sed in lectori liberum relinquo...».

⁵⁶ Отзыв Маркса об «Истории Томаса Мюнцера» см. в «Хронологических выписках» (Архив Маркса и Энгельса, т. VII, стр. 184). Об этом источнике в целом см.: М. М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера и великая крестьянская война. М.—Л., 1947, стр. 445 сл.

разумеется, совершенно некритически, большая часть материала 5-й книги «Комментариев», где идет речь о революционной деятельности Мюнцера и его сподвижника Пфейфера (у Слейдана — Phiferus). В изложении связанных с Мюнцером событий Слейдан ставит перед собою две задачи: во-первых, очернить и унижить Мюнцера, изобразить этого великого крестьянского вождя ничтожной, себялюбивой, трусливой личностью, сумевшей одурачить народ обещаниями установить строй, при котором можно будет всем жить богато и не трудиться; во-вторых, оправдать зверства князей после победы над крестьянским войском под Франкенгаузенем, изобразить князей «добрыми христианами», которые сделали все возможное, чтобы спасти заблудшие крестьянские души от гибели, но потерпели в этом неудачу.

Вообще на историю Германии 1517—1555 гг. Слейдан смотрит глазами ревностного лютеранина, приверженца княжеской реформации. Он превозносит заслуги Лютера, но умалчивает о его демагогических выступлениях в 1514—1522 гг., когда, по выражению Франца Меринга, тот «кокетничал со всеми революционными направлениями в германской реформации».⁵⁷ О Кальвине, с которым Слейдан переписывался, он пишет очень мало, главным образом в связи с делом Сервета — самым позорным деянием женева реформатора, одобренным всеми реакционными силами того времени. Папу он, подобно центуриатам, называет «антихристом» и ставит его в один ряд с «врагами христианского мира» турками. К монахам, и в особенности к иезуитам, он относится с презрением и ненавистью. Нетрудно заметить, что Слейдан очень осторожно пишет о немецких князьях-протестантах, обходя молчанием их предосудительные действия. В связи с этим католический историк И. Янссен назвал его «великим мастером умолчаний».

Католические круги в XVI и XVII вв. не оставили «Комментариев» без ответа. Так, например, в Кельне — центре католической реакции в Германии — вышло уже в 1566 г. полемическое произведение картезианского монаха Лаврентия Сурия «Краткий комментарий о событиях 1500—1566 гг.» (Surius, «Commentarius brevis rerum in orbe gestarum 1500—1566»), направленное против Слейдана. Но, вызвав ярость врагов протестантизма, Слейдан не удовлетворил и своих друзей. Меланхтон частным образом резко критиковал его за то, что он уделил слишком много внимания фактам, которые лучше всего было бы навсегда вычеркнуть из памяти. Робкими поползновениями Слейдана проявить объек-

⁵⁷ Щедро цитируя Лютера, Слейдан не называет и не ссылается на такие произведения реформатора, как «К христианскому дворянству немецкой нации», «О вавилонском пленении» и «О свободе христианина», в которых сказывается сильное влияние Гуттена, Карлштадта и других представителей радикальных течений в реформации.

тивность в отборе фактов особенно недовольны были князья. По выходе «Комментариев» в свет они аннулировали соглашение со своим историографом и прекратили выплату ему пенсии. Вскоре Слейдан умер, обманутый в своих надеждах на обеспеченное положение и на всеобщее признание его заслуг как «объективного» и «правдивого» историка.⁵⁸

Судьба книги Слейдана зависела, разумеется, не от князей или их идеологов, а от массы читателей, которые оценили ее очень высоко. Действительно, по богатству использованных материалов, деловому и беспристрастному тону изложения, по литературным достоинствам «Комментарии» представляли в то время явление выдающееся. Они за полтора столетия выдержали не менее 80 изданий и примерно до середины XIX в. считались самым авторитетным трудом по истории Реформации. Обращение автора преимущественно к актовым материалам, предпочтение, которое он отдавал архивным неизданным документам — все это было новаторством, казалось бы гарантировавшим читателю полноту и точность информации. Но «архивно-дипломатический» метод Слейдана был все же шагом назад по сравнению с Гвиччардини и особенно с Макиавелли. Этот метод, вызвавший многочисленные подражания в XVII в., не выводил историка за пределы чистой фактологии и закрывал путь к осмыслению крупных событий и общего характера эпохи.

Напрасно стали бы мы искать такого философско-исторического осмысления эпохи Возрождения и Реформации и в теоретических трудах, которых немало появляется в Германии с конца XVI в. Иоганн Вольф (ум. 1600) способствовал развитию интереса к теоретическим проблемам истории изданием «Сборника об историческом искусстве» («*Artis historicae repus*», изд. 1 — в 1576 г., изд. 2 — в 1579), где мы находим, после малосодержательного введения издателя, исключительно итальянские и французские работы. Реакция в Германии на этот сборник была вначале отрицательной: немецкие авторы занялись критикой чужеземных теоретиков, особенно Жана Бодена (см. о нем гл. восьмую, стр. 402), с националистических и богословских позиций. Их вывод сводился к тому, что история должна служить интересам церкви. В этом сходятся и лютеранин Рейнер Рейнек (Reinseccius), про-

⁵⁸ Fueter, 247—249 (указана старая литература). К этому нужно присоединить: M. Ritter. Die Entwicklung der Geschichtswissenschaft. München—Berlin, 1919, SS. 150—166; Walter Friedensburg. 1) Johannes Sleidanus der Geschichtsschreiber und die Schicksalmächte der Reformationzeit. Berlin—Leipzig, 1935; 2) Vom französischen Agenten zu Geschichtsschreiber des deutschen Protestantismus. Ein Beitrag zur Lebens- und Entwicklungsgeschichte Johann Sleidans. (Elsasz-Lothringisches Jahrbuch, Bd. 11, SS. 109—147). На русском языке имеется только одна устаревшая и весьма мало дающая работа проф. В. Бауера «Слейдан» (ЖМНП, 1873, № 12, стр. 139—167).

фессор в Хельмштедте, и его современник католик Бойер (Weiger), профессор в Фрейбурге.

Первый в своем «Методе изучения истории как священной, так и светской» (1583) движется в русле меланхтоновской исторической мысли, сохраняет и «обосновывает» периодизацию по «четырем монархиям» и позволяет себе только одно единственное «новшество» — противопоставление, вопреки Меланхтону, «священной истории» (*historia sacra*) «политической истории» (*historia politica*) и выделение в особую отрасль истории духовной культуры (*historia scholastica*), в которую он включает историю языков, наук и искусств. Однако и этой на первый взгляд прогрессивной мысли Рейнек придает богословскую окраску. «Изобретение» всех наук и искусств он, по средневековой церковной традиции, приписывает библейским патриархам; без всякой критики принимает он и прочие библейские легенды, в частности о том, что «до потопа» существовал только «еврейский язык», из которого постепенно развились все другие языки.

Подобно Рейнеку, и Бойер противопоставляет «человеческую историю» (присоединяя к ней и все естествознание) «истории божественной». Прочие его теоретические положения либо навеяны Боденом, либо прямо у него списаны, что не мешает ему подвергнуть французского писателя «разгрому» за его антинемецкую концепцию периодизации всемирной истории.

В конце XVI—начале XVII в. едва ли не единственным немецким оригинальным теоретиком был Варфоломей Кекерманн из Гданска (Данцига). Кекерманн (1571—1609) подвергает критике всех своих предшественников и прежде всего Бодена за попытку отделить светскую историю от церковной и, таким образом, возвращающаяся к меланхтоновской позиции в этом вопросе. Немецкого критика мало интересовало то, что у Бодена, как мы увидим далее, такое обособление «гражданской» истории от церковной было обусловлено стремлением приобрести некоторую свободу мысли от богословской традиции и церковного контроля. С этой точки зрения Кекерманна нужно считать консерватором, хотя его аргументация («нельзя отрывать историю церкви от политической истории») сама по себе принципиально правильна.

Главная и оригинальная черта его книги «О природе и свойствах истории» состоит в попытке выяснить характер исторического знания и его отличие от наук о природе. «История, — пишет он, — есть объяснение и познание вещей единичных, или индивидуальных, и служит она для того, чтобы из них (т. е. из единичного, — О. В.) мы могли познать и уразуметь общее».⁵⁹ Далее он рас-

⁵⁹ Bartholomäus Keckermann. De natura et proprietatibus historiae. Hanover, 1610, p. 8: «Historia... est explicatio et notitia rerum singularium sive individuorum et eo fine suscepta ut universalialia ex iis evidentius a nobis intelligi et confirmari possint».

сматривает вопрос, можно ли применить к истории метод естественно-математических наук, устанавливающих общие правила, или законы, и отвечает на этот вопрос отрицательно. Поскольку история занимается только единичными явлениями или событиями, она, по мнению Кекерманна, не в состоянии применять точные методы познания: рассмотрение единичного по самой своей природе несовершенно («... omnis enim tractatio singularium sive individuorum est imperfecta»). В этом он вполне согласен с одним из ранних представителей скептицизма в отношении ценности истории Корнелием Агриппой Неттестеймским (1486—1535).

Еще в 1527 г. Агриппа в книге «О недостоверности и тщетности наук», отмечая расхождения историков в описании любых исторических фактов, пришел к мысли, что невозможно, чтобы большинство этих историков не были величайшими лгунами (*mendacissimi*).

К тому же, утверждает он, историки пишут для того, чтобы доставить читателю развлечение (*dilectionis causa*), сочиняя с этой целью разные басни, а главное, часто выдают желаемое за действительное («... scribuntque non quod est, sed quod cupiunt»). Вот почему к истории никогда нельзя питать полного доверия.⁶⁰

Этот скепсис в отношении истории, вызванный националистическими извращениями и выдумками Цельтиса (на что Агриппа прямо указывает), а также грубыми ошибками других историков, возродил, но с более глубоким проникновением в проблему исторического метода Кекерманн. Но только он в отличие от Агриппы не распространяет своих скептических выводов на все науки, а на одну лишь историю. Таким образом, отвергается важнейшее завоевание гуманистической мысли, выдвинувшей и отчасти осуществлявшей задачу: поднять историю до ранга науки. Конечно, гуманистическая историография, делавшая в этом направлении лишь первые неуверенные шаги, могла показаться Кекерманну недостойной звания науки.⁶¹ Его, разумеется, нельзя винить в том, что он не предвидел ее дальнейшего развития. Более того, он представляет большой интерес как первый мыслитель, приблизившийся к пониманию одной из центральных задач исторической методологии — выяснению природы исторического знания и предвосхитивший кое в чем немецких философов-идеалистов конца XIX—XX вв. Однако взгляды Кекерманна уже в его время были объективно реакционными. К тому же он упорно отстаивал против Бодена богословскую схему истории, которая была впервые

⁶⁰ Cornelius Agrippa von Nettesheim. De incertitudine et vanitate scientiarum. Antverpiae, 1530 (есть французские переводы 1586 и 1726 г.).

⁶¹ B. Keckermann. De natura..., p. 16: «Historiam non esse disciplinam, atque adeo nec esse scientiam, nec prudentiam, nec artem».

отброшена в Германии только историком Конрингом в 1641 г. Более того, ту достоверность, в которой Кекерманн отказывает гражданской, или светской, истории, он безоговорочно признает в отношении «священной истории», поскольку последняя является выражением «божественного откровения».

Таким образом, и система взглядов мыслителя, которого новейшие буржуазные исследователи пытаются представить «основателем методологии истории», предвещала не дальнейший подъем светской исторической мысли, а скорее ее упадок. Для такого подъема не было благоприятных условий в Германии первой половины XVII в., подавленной в период Тридцатилетней войны 1618—1648 гг. и феодально-католической, и феодально-протестантской реакцией.

Реформация в Германии, расколов прежде единую церковь, должна была бы ослабить феодально-клерикальную культуру, еще более подорвать контроль церкви над наукой, литературой и искусством, завершив тем самым дело Ренессанса и гуманистической мысли. В действительности получилось нечто противоположное. Победа княжеской реформации в одной части Германии и католической реакции в другой имела своим результатом не только усиление феодально-политической раздробленности страны, не только замедление темпов экономического развития, но и возросшее давление церкви — как католической, так и протестантской — на общественно-политическую и научную мысль образованных кругов светского общества. В естественных науках подняли голову приверженцы схоластически извращенного Аристотеля, богословие снова наложило свою печать на философию, право, историю. Преклонение перед авторитетами снова надело узду на свободное научное исследование.

Единодушное осуждение Коперника идеологами и протестантизма, и католицизма, «образ одинокого и всем чуждого Джордано Бруно, блуждающего по улицам Виттенберга, Марбурга и Женевы», перед тем как он взошел на костер в Риме, сожжение книг Себастиана Франка и беспощадное преследование других родственников ему мыслителей, возрождение самых диких суеверий даже в верхах общества — все это характеризует ту общественную атмосферу, в которой развивалась немецкая историография начиная, примерно, с середины XVI в.⁶²

Некоторые буржуазные ученые склонны рассматривать эпоху Реформации как «великую и блестящую эпоху в немецкой исто-

⁶² Интересны соображения по данному вопросу известного историка и богослова Е. Трельча. См., например: E. Troeltsch. 1) Die Bedeutung des Protestantismus für die Entstehung der modernen Welt. A. 3. München 1924; 2) Renaissance und Reformation. NZ, Bd. 110 (14), 1913, S. 519 ff.

риографии».⁶³ Дело доходит до того, что западногерманские историки путем всевозможных натяжек и нагромождения цитат стремятся теперь обосновать совершенно несостоятельный тезис, будто полная секуляризация исторической мысли была достижением не итальянской гуманистической историографии, а... профессоров богословских университетов в протестантских странах и прежде всего в Германии! Именно здесь, если верить им, было положено начало «разложению богословско-эсхатологической концепции всемирной истории». За исходный пункт берется меланхтонская университетская реформа, сделавшая «гражданскую историю наряду с церковной обязательным предметом высшего богословско-философского образования. В католических же странах иезуиты сделали невозможным всякое свободное исследование в области исторической науки. Таким образом, родиной новой историографии оказывается Германия, хотя авторам подобных измышлений не могло остаться неизвестным, что самые выдающиеся создатели этой историографии (Валла, Макиавелли, Гвиччардини в Италии, Боден и Де Ту во Франции, Полидор и Кемден в Англии, Ренан и Авентин в самой Германии) не были университетскими профессорами.

Да и вообще подобные взгляды насчет роли германской историографии XVI—XVII вв., как мы могли убедиться из рассмотрения наиболее выдающихся исторических трудов этой эпохи, не имеют ничего общего с действительным положением вещей. Авторы этих трудов усвоили и сохранили созданную гуманизмом форму — язык, стиль, построение, а также определенные приемы и принципы историко-филологической критики. Но господствующим содержанием этих работ стала история церкви, а оружие критики было использовано в основном в конфессиональных полемических целях: протестантами для опровержения католической церковной традиции, католиками — для отражения протестантских атак. Таким образом, и историческая критика была поставлена на службу теологии.

Само по себе вовлечение церкви в круг исследуемых проблем было полезно, расширяя содержание исторической науки; однако в условиях Германии XVI в. новая тематика, ориентированная в значительной мере на вопросы религиозной догмы и обрядов, только еще более подчеркивала зависимость историографии от богословия.

Наряду с церковной историей видное место в исторической литературе заняли всемирные хроники и истории, построенные по схеме средневековых произведений этого жанра. Они в та-

⁶³ F. von Wegele. Geschichte... S. 178; K. Löwith. Weltgeschichte und Heilsgeschichte. Stuttgart, 1953; A. Klempt. Die Säkularisierung der universalhistorischen Auffassung. Zum Wandel des Geschichtsdenkens im 16. und 17. Jahrhundert. Göttingen, 1960 (Bausteine zur Geschichtswissenschaft, Bd. 31).

кой же степени, как и истории церкви, пронизаны богословской, евсевиянско—августиновской концепцией развития и являются одним из ярких признаков регресса историографии.

Как известное достижение литературы рассматриваемого периода следует отметить лишь появление трудов, посвященных современной истории. Однако даже в лучшем произведении этого рода — «Комментариях» Слейдана — догматические богословские споры занимают непомерно много места.

Что касается теоретических проблем истории, то здесь немецкие мыслители конца XVI—первой трети XVII в. обнаружили наименьшую самостоятельность, продолжая в основном богословско-историческую линию Меланхтона и осмеливаясь излагать передовые идеи итальянских и французских теоретиков главным образом лишь в целях их критики с реакционных позиций.

Глава восьмая

ФРАНЦУЗСКАЯ ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

1. РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ ДО НАЧАЛА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1494—1559)

Итало-французские культурные связи были очень давними и гораздо более тесными, чем итало-германские. Долгое время ведущая роль в них принадлежала Франции. В XII—XIII вв. в итальянском искусстве господствовал пришедший из Франции готический стиль, провансальская поэзия и северо-французский рыцарский роман являлись в Италии предметом подражания, такие итальянские авторы, как Марко Поло, Брунетто Латини, Марино де Канале и мн. др., желая обеспечить успех своим произведениям, писали их на французском языке.¹

Но уже к концу XIV в. в культурном взаимодействии обоих народов роль Франции падает, а Италия поднимается (чему содействовала, между прочим, итальянская иммиграция во Францию, вызывавшаяся как деловыми интересами итальянских купцов и банкиров, так и частыми политическими переворотами в городах Тосканы и Ломбардии).²

Воздействие на Францию итальянского Возрождения и гуманистической образованности особенно усилилось в период грабительских походов Карла VIII и его преемников в Италию (1494—1559), когда массы французских дворян впервые пришли в непосредственное соприкосновение с блестящими достижениями

¹ Ср.: D. H a y. Italy and Barbarian Europe. В кн.: Italian Renaissance Studies. A tribute to the late Cecilia M. Ady. London, 1960, pp. 48—68.

² Жан Боден в 1568 г. отметил тот факт, что банкиры из Флоренции, Лукки, Генуи «вкладывают деньги в наши займы и переселяются навсегда во Францию. Особенно это обогатило Париж» (Réponse aux Paradoxes de M. de Malestroit; цит. по: Henri B a u d r i l l a r t. Jean Bodin et son temps. Paris, 1853, p. 173, note 18). Характерно, что именно с конца XIV в. итальянские гуманисты начинают причислять Францию к «варварским странам», подчеркивая при этом, что «Италия по репутации и фактически стоит выше всех других наций» («... nomine et re ceteris nationibus clarior extat Italia», — слова Пьерпаоло Верджеро (1391), цит. по: D. H a y. Italy..., p. 61 s.

итальянцев в различных областях материальной и духовной культуры. В 1497 г. Карл VIII привлек к себе на службу туринского профессора-гуманиста Клода де Сейсселя, который в качестве дипломата и ближайшего советника Людовика XII сыграл видную роль в развитии итало-французских литературных связей. Как переводчик на французский язык Ксенофонта, Диодора и Фукидида, как автор важных историко-публицистических произведений, де Сейссель оказал значительное влияние на зарождающуюся французскую гуманистическую историографию.³ То же, хотя и в меньшей степени, можно сказать о другом итальянском гуманисте — Павле Эмилии из Вероны, который около 1489 г. был назначен Карлом VIII «королевским оратором и хронистом» и по поручению следующего короля — Людовика XII, написал 10 книг истории французской монархии от ее зарождения до Карла VIII.⁴ Труды обоих итальянцев будут рассмотрены ниже.

Франциск I, кроме нескольких итальянских гуманистов («второго сорта», по определению Терраса⁵), перетянул к себе из Италии ряд выдающихся художников.⁶ При этом короле у богатых дворян входит в обычное дело посылать в Италию своих сыновей для завершения образования; туда же направлялись с образовательной целью и многие представители недворянской интеллигенции. Среди последних был великий французский писатель-гуманист Франсуа Рабле, в произведениях которого нашел себе выражение чисто светская итальянская концепция Возрождения. Предшествующий период средневековья Рабле называет «густой готической ночью», а Ренессанс сравнивает с сияющим светом солнца.⁷ Знаменитое место его «Пантагрюеля», где автор устами Гаргантюа осуждает вслед за итальянскими гуманистами «мрачную эпоху схоластического невежества» и восхваляет расцвет светской науки, искусства и изящной литературы своего времени, является настоящим гимном Возрождения человеческого разуму и его достижениям.⁸

³ См. о нем: E. Picot. Les français italianisants au XVI siècle, t. I. Paris, 1906, p. 9 ss.; M. A. J acquet. Le sentiment national au XVI siècle. Claude de Seyssel. RQH, nouv. sér., t. XIII, 1895, pp. 400—440.

⁴ П. Эмилий оставил свой труд незаконченным. Книга 10, вышедшая только в 1539 г., написана другими. См.: M. A. J acquet. Le sentiment national..., p. 410; A. Darsmsteter et A. Hatzfeld. Le seizième siècle en France. Paris, 1887, p. 51 s.; Fueter, 170 ss.; Molinier, V, № 5396.

⁵ Ch. Terrasse. François premier. Le roi et le règne, t. II. Paris, 1948, p. 331.

⁶ Никола Беллини, Леонардо да Винчи, Андреа дель Сарто, Джеронимо делла Роббиа, Джованни Рустиччи, Бенвенуто Челлини. См.: Ch. Terrasse. François premier, p. 320 ss.

⁷ Цит. у: Petit de Julleville, III, 1. Это образное определение Ренессанса впоследствии повторил Гегель в своей «Философии истории».

⁸ Франсуа Рабле. Гаргантюа и Пантагрюель. Перев. Н. Любимова. М., 1961, стр. 183: «То было темное время... — пишет Гаргантюа сыну

К середине XVI в. наиболее значительные произведения итальянской литературы XIV—XV вв. были переведены на французский язык, знание итальянского языка в придворных и светских кругах считалось необходимым элементом образования. В связи с этой модой на все итальянское находится засорение французского языка итальянизмами, что ревнители чистоты родного языка вроде Анри Этьена считали бедствием, с которым нужно вести решительную борьбу.⁹ Но это было уже время контрреформации и феодальной реакции в Италии, когда итальянская культура утрачивает ведущее значение, а французская достигает расцвета.

На первом этапе развития французского гуманизма известную роль играли и связи с Германией. Один из ранних французских гуманистов — Роберт Гаген (1433—1501), министр ордена тринитариев в Париже и профессор канонического права в Сорбонне, неоднократно ездил в Германию с дипломатическими поручениями от Людовика XI и Карла VIII. Известна его полемика с немецким гуманистом Яковом Вимпфелингом по поводу франко-немецких политических разногласий.¹⁰ Гаген находился в переписке с Деидерием Эразмом, который превозносил эрудицию своего французского корреспондента, особенно в области латинской филологии. Что касается главного труда Гагена «Происхождение и деяния франков», то, хотя он написан на гуманистической латыни, он обнаруживает у автора весьма отдаленное представление о принципах гуманистической критики.¹¹

С Эразмом Роттердамским вели оживленную переписку французские филологи-эллинисты Лефевр д'Этапль, Гильом Бюде,

о периоде средних веков до Возрождения. — Ныне науки восстановлены, возрождены языки... Ныне разбойники, далачи, проходимцы, конюхи более образованны, нежели в мое время доктора наук и проповедники...». Это одно из тех мест в бессмертном произведении Рабле, которые впоследствии вызвали ярость и грубую брань Кальвина по адресу автора: «Этот дьявольски грубый Пантагрюель, — писал „женевский папа“, — как бешеная собака, смеет лаять на Священное писание и оплевывать величие божье, извращая и тем самым уничтожая истинную религию». Цит. по: I. Bohatéc. Budé und Calvin. 1960, S. 214 f.

⁹ Henri Estienne. Dialogues du langage français italianisé. 1578. Ср.: A. S ayous. Etudes littéraires sur les écrivains français de la Réformation, t. I. Paris, 1854, p. 113. С этим же вопросом связан и манифест «Шлеяды» — группы поэтов, возглавленной Жоакеном Дю Белле: «Defence et illustration de la Langue Française, éd. par H. Chamard. Paris, 1948. См.: История французской литературы, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 272 сл. (анализ этого памятника).

¹⁰ См.: Ch. Schmidt. Histoire littéraire de l'Alsace, v. I. Paris, 1879, p. 17 ss.

¹¹ Roberti Gaguini. Compendium de origine et gestis Francorum (Annales rerum Gallicarum). Издания 1495, 1497 гг. и ряд других до конца XVI в. Это в основном конспект «Больших французских хроник», откуда в «Compendium» перешли и басни о троянском происхождении франков. См.: Molinier, V, № 4668.

Луи де Беркен. Франциск I не раз пытался привлечь главу немецко-нидерландских гуманистов во Францию. Произведения Эразма переиздавались и переводились на французский язык особым успехом пользовалась «Похвала глупости». По заказу Людовика XII эта сатира была переработана в комедию «Князь дураков» («Le Prince des sots»), поставленную на парижской сцене в 1511 г. Быть может, поводом для этого явилось пребывание Эразма в Париже в 1510 г.

Неоднократно переиздавались французские переделки сатирического произведения эльзасского гуманиста Себастьяна Бранта «Корабль дураков» («Narrenschiff», франц. «Nef des folles»), филологические труды Рейхлина, Меланхтона, некоторые памфлеты Лютера и проч. Лефевр д'Этабль (1455—1537) горячо поддерживал Рейхлина в его известном споре с врагами гуманизма. Он издал французский перевод Нового завета с греческого оригинала и защищал в своих теологических трактатах идеи, которые позже развил Лютер (за что он поплатился временным изгнанием из Франции).

Гильом Бюде (1467—1540) — «отец филологии во Франции» — один из крупнейших эллинистов Европы, прославился особенно своими «Комментариями к греческому языку» («Commentariorum linguae graecae»), а также трактатом «Воспитание государя» (на французском языке), замечательным развитыми здесь взглядами, предвосхитившими идеи просветителей XVIII в. о «короле-философе».¹³ Для историографии наибольший интерес представляет его историко-филологическое исследование о монетных мерах у древних («De Asse et partibus ejus» 1514). Данные об античных мерах и деньгах здесь сопоставлены с французскими в связи с чем приведены ценные сведения о финансах Франции при Людовике XII, о курсах монет до XVI в., о стоимости драгоценных металлов, о крупнейших частных состояниях и т. п. В этом труде Бюде делает многочисленные отступления; одни из них посвящены доказательству того, что французы не хуже и не глупее итальянцев, другие — критике поведения французского дворянства и знати, их пороков и их невежества.

Эрудиты Германии, Англии и Италии оказали этому произведению восторженный прием.¹⁴

¹² См.: M. Philarète Charles. Etudes sur le XVI siècle en France. [Paris, 1848].

¹³ Institution du Prince. Paris, 1546 (написано в 1516 г.). Бюде настаивает здесь на том, что король должен быть философом и ученым, причем на первое место он ставит изучение истории и филологии. Интересно также обоснование им превосходства греческого языка как языка культуры над латинским.

¹⁴ D. Rebillé. Guillaume Budé, restaurateur des études grecques en France. Paris, 1846, pp. 149—254; Sidney Lee. The French Renaissance in England. Oxford, 1910, p. 68 ss.; о Бюде как «первом представителе фран-

цузского гуманизма» см.: L. Delaguella. Guillaume Budé. Les origines, les débuts, les idées maitresse. VENET., v. 162, 1907. Ударение в этой книге сделано на борьбе Бюде против глоссаторов («Adnotationes in Pandectas»), а прочие труды недостаточно учтены; Эмбар де ла Тур (P. Imbart de la Tour. Les origines de la Réforme, v. 3. Paris, 1935, p. 279 ss.) приписывает Бюде мечту «примирить гуманизм с христианством», «очистить Ренессанс христианской мыслью»; Божатек (Joseph Bohatec. Budé und Calvin. Studien zur Gedankenwelt des französischen Frühhumanismus. Graz, 1950) пытается изобразить Бюде чуть ли не мистиком, в мышлении которого сильны «иррациональные элементы».

Еще более активным борцом за гуманистические идеи нового просвещения был глава прославленной книгоиздательской фирмы Роберт Этьен (ум. 1559). В его парижский типографии печатались грамматики древних языков, произведения античных авторов, обширный латинский толковый словарь («Thesaurus linguae latinae») — памятник эрудиции самого Роберта Этьена, наконец, трактаты немецких гуманистов Эразма, Меланхтона и др., направленные против схоластики и церковных злоупотреблений. Угрозы со стороны врагов гуманизма и церковной реформы заставили Роберта Этьена перевести свое издательство в Женеву (1551), где он продолжал свою деятельность в тесной связи с задачами кальвинистской пропаганды.¹⁷

Еще один знаменитый трактат Бюде «О переходе от эллинизма к христианству» («De Transitu Hellenismi ad Christianismum», 1534), написанный в годы жестоких преследований приверженцев Реформации, направленный против схоластов и обскурантов Сорбонны, осуждавших занятия греческой филологией. Терроризированный этими преследованиями, особенно сожжением в 1529 г. своего друга, замечательного эллиниста Луи де Беркена,¹⁵ Бюде вынужденно осуждает движение Реформации, но выдает свои подлинные чувства осторожной критикой правительственной политики массовых репрессий как, по его мнению, не достигающей цели.¹⁶

¹⁵ Луи де Беркен (Loys de Berquin, praefectus et consiliarius regis) перешел в протестантство. См. о нем: La France protestante, v. II, part 1. Ed. 2. Paris, 1879, s. v. Berquin.

¹⁶ Полное собрание сочинений Бюде: Omnia opera Gulielmi Budaei Parisiensis, consiliarii regis etc. Basileae, 1557, vol. in f. Анализ трактата об эллинизме и христианстве см.: D. Rebillé. Guillaume Budé...

¹⁷ A. Saunier. Etudes..., t. I, 70 ss. Лучший французский историк XVI в. Де Ту дает следующую оценку научного значения Р. Этьена: «Не только Франция, но и весь христианский мир обязан ему больше, чем великим полководцам..., ибо талант одного этого человека принес Франции больше бессмертной славы, чем самые прекрасные подвиги наших отцов в военное и мирное время» (De Thou. Histoire Universelle, livre XXIII, 1740, p. 716). О деятельности Р. Этьена и его сына Анри в Женеве в качестве книгоиздателей см.: Paul Châix. Recherches sur l'imprimerie à Genève de 1550 à 1564. Genève, 1954; Elizabeth Armstrong. Robert Estienne, Royal Printer, an historical study of the elder Stephanus. Cambridge, 1954. Среди 187 типографий, действовавших в Женеве в 1550—1564 гг., предприятие Р. Этьена было одним из крупнейших.

Во Франции королевская власть увидела в гуманистическом движении помощника в борьбе против реакционных феодально-церковных сил, идеологическим оплотом которых была в то время Сорбонна. Франциск I не только покровительствовал отдельным гуманистам, но и основал в 1530 г. в Париже, как бы в противовес Сорбонне, высшую школу древних и восточных языков, расадник гуманистического образования, позже ставшую известной под именем Французского колледжа (Collège de France). Однако королевское покровительство было довольно непрочным, зависимым от политической ситуации внутри и вне страны. Болонский конкордат 1516 г. и избрание на папский престол врага Габсбургов Клементя VII сделали для Франциска I ненужной гуманистическую пропаганду против папства. С другой стороны, восстание немецких крестьян под знаменем Реформации, перекинувшееся в 1525 г. в Лотарингию,¹⁸ сильно напугало французское правительство. К 1525—1529 гг. относится первый период массовых репрессий, жертвами которых наряду с «реформатами» из простого народа стали и некоторые гуманисты. В 1534 г. началась вторая период еще более жестоких гонений, причем о растерянности правительства перед упорством «еретиков» и дальнейшим распространением реформационных учений свидетельствует нелепый ордоннанс 1535 г., запретивший печатание во Франции всех вообще книг и плакатов.¹⁹

В итоге гуманисты, первоначально разделявшие лишь некоторые умеренные идеи Реформации и в основном стоявшие на антиклерикальных позициях, были отброшены в лагерь противников королевского абсолютизма и официальной церкви, т. е. в лагерь гугенотов; таким образом, во Франции в отличие от Германии гуманизм не разошелся с Реформацией, а долгое время был ее верным союзником, что имело важные последствия для развития французской историографии во второй половине XVI в.

¹⁸ Восстание лотарингских крестьян 1525 г., поныне не освещенное в литературе, было жестоко подавлено герцогом Антуаном «Добрый». Придворные поэты в своих поэмах и песнях воспели «подвиг» герцога, уничтожившего сотни безоружных крестьян, или, как их именуют поэты, «мужичья» (rustaids), а придворный историк «увекочечил» «славную победу» в произведении, изданном в 1526 г. в Париже («L'Histoire et recueil de documents de la triumpante et glorieuse victoire obtenue contre les séduyetz et abuséz Luthériens mescréants du pays d'Aulsays et autres par très hault et très puissant prince et seigneur Antoine»). См.: Kurt Glas er. Beiträge zur Geschichte der politischen Literatur Frankreichs in der zweiten Hälfte des 16. Jahrh. Zs. f. franz. Sprache u. Lit., Bd. 32, 1908, S. 239 ff.

¹⁹ См.: J. Viénot. Histoire de la Réforme française, v. I. Paris, 1926, pp. 51 ss., 81—96, 102—126; в 1524—1529 гг. происходили массовые судебные процессы по обвинению в лютеровской и других ересьях, причем упорствующих или уличенных в пропаганде идей Реформации казнили «без пролития крови». В 1534—1535 гг. по всей Франции горели костры, на которые посылали «и сеньоров, и представителей интеллигенции, и ремесленников всех специальностей — типографских рабочих, бочаров, сапожников и т. д. ...».

Не случайно наиболее выдающиеся историки, филологи, юристы, прославившие французскую науку, вышли из рядов гугенотов или близких к ним «политиков», тогда как партия «католиков» могла противопоставить им лишь несколько третьестепенных или вовсе бездарных писателей.

Французский гуманизм, подобно итальянскому или немецкому, являлся в общем и целом идеологией поднимающейся капиталистической городской буржуазии. Но в условиях Франции — страны, достигшей значительных успехов в создании национально-политического единства и ставшей к тому же ареной 35-летней острой партийной борьбы, гуманизм обнаружил большую политическую зрелость, чем в других странах, и более яркие демократические тенденции. Следует при этом учесть и ту особенность социального развития Франции в XVI в., что здесь сословные перегородки между старым дворянством и верхушечным слоем преуспевающей буржуазии быстро размывались благодаря предоставленной буржуазии возможности путем покупки должностей в административно-судейском и финансовом аппарате, приобретения дворянских земель и анноблирования конституироваться как влиятельной группе «людей мантии» или «нового дворянства», которое до конца XVII в. еще не обособилось окончательно от третьего сословия. На Генеральных штатах 1560 и 1576 гг. «люди мантии» от имени третьего сословия, т. е. всего народа за вычетом дворян и духовенства, требовали регулярного созыва штатов, свободы внутренней торговли, единообразия мер и весов, введения дарового обязательного обучения, запрещения незаконных сеньориальных поборов и произвольной барщины, предлагая виновных в насилиях над крестьянами лишать сеньориальных прав.²⁰ Эта буржуазно-демократическая программа получила выражение не только в наказах третьего сословия, но и в политических и исторических произведениях ряда гуманистов (Лану, Ланге, Бодена, Ла Боэси, Дюплесси-Морне и др.).

До начала гражданских войн 60—90-х годов во Франции уже были изданы некоторые из важнейших повествовательных источников отечественной истории: «Большие французские хроники», хроники Фруассара, Монстреле, Григория Турского. Однако французские гуманисты в первой половине XVI в. очень мало интересовались историей своей страны и, подобно Бюде, все внимание уделяли древней истории и филологии.²¹ В конце столетия Ла По-

²⁰ См.: H. Baudrillart. Jean Bodin..., p. 54 s. (приведены выдержки из наказов третьего сословия); Abel Lefranc. La vie quotidienne au temps de la Renaissance. Paris, 1938, p. 136.

²¹ Впрочем, сам Бюде с сожалением отмечал то обстоятельство, что у французских «до сих пор нет национальной истории», что объясняется, по его мнению, «пренебрежением французских королей даже к своей истории». См.: D. Rebillé. Guillaume Budé..., p. 199.

пленьер в своей «Истории историй» подчеркнул этот удивительный факт. «Есть ли еще один народ в Европе, так плохо обеспеченный историей?» — с горечью спрашивает он, имея в виду бедность научной, гуманистической литературы по французской истории. «У нас имеются архивы, хранилища хартий... но никто не видел и не знает».²² В другом месте он пишет: «Кретен Сейссель, Доле, Дюмулен составили образцовые планы французской истории, которую они обещали написать, но не осуществили своих планов».²³ Причину такого положения Ла Попленьер видит, во-первых, в том, что «историей долгое время занимались только священники и монахи» либо светские лица, пользовавшиеся покровительством церковников, во-вторых, в чрезмерном увлечении новейших авторов древней историей, в-третьих, в равнодушном отношении королей и их советников к отечественной истории, что выразилось, между прочим, в приглашении Людовиком XII чужестранца — Павла Эмилия — для написания французской истории, «как будто Франция лишена своих собственных талантов!».²⁴

Действительно, французские гуманисты в первой половине XVI в. не выдвинули ни одного видного профессионального историка, если не считать военного и политического деятеля времен Франциска I Гильома Дю Белле (Du Bellay, 1491—1543). Хотя Слейдан сравнивал этого автора с Полибием, Фукидидом и Тацитом, и даже Боден восхвалял его описание похода Карла V в Прованс, однако его не полностью сохранившийся труд «Огдоады» (ogdoades — «восьмерки», по образцу «Декад» Тита Ливия) не является, строго говоря, ученым историческим сочинением. Это скорее мемуары, обладающие главным образом ценностью первоисточника.²⁵

Таким образом, гуманистическая литература по истории Франции сводится в рассматриваемое время лишь к произведениям двух названных выше итальянцев — де Сейсселя и Павла Эмилия.

Клод де Сейссель (de Seyssel, 1450—1520), сын пьемонтского губернатора, получил высшее образование в Павии и ко времени

²² La Popelinière. L'Histoire des histoires avec l'idée de l'histoire accomplie... Oeuvre ny vue ni traité par aucun. Paris, 1599, p. 256. conf. p. 337.

²³ Там же, стр. 333.

²⁴ Там же, стр. 341 сл., 371 сл.

²⁵ В историографическом отношении интересен главным образом пролог к «Огдоадам», где автор рассуждает о важности истории для политического деятеля и доказывает, что в его время важных и героических деяний не меньше, чем в римской истории, и, следовательно, оно заслуживает увековечения. См.: W. Friedensburg. Johannes Sleidanus, S. 20 (подчеркнуто совпадение с этими мыслями позднее написанного пролога к «Комментариям» Слейдана); B. L. Bourrilly. Guillaume du Bellay, seigneur de Langey. Paris, 1904, pp. 376—404; Hauser, II, 22 ss., № 761; Жан Боден посвятил Дю Белле несколько хвалебных строк в своем «Methodus ad facilem historiarum cognitionem» (Argentorati, 1607, in 16° p. 89; далее «Methodus» цитируется по этому, 4-му изданию).

похода Карла VIII был доктором прав, профессором Туринского университета. Карл VIII нашел в нем полезного советника по итальянским делам и взял его с собою во Францию. При Людовике XII Сейссель стал епископом Марсельским и одним из влиятельных политических деятелей. Блестящая карьера на новой родине не помешала Сейсселю в 1516 г. предать ее интересы герцогу Савойскому, за что он был возведен в сан Туринского архиепископа.

Почти 20-летняя служба королям Франции обогатила Сейсселя политическим опытом и доскональным знанием французского правительственного механизма. Подобно Макиавелли и Гвичардини, он пришел к истории от политики. Высокое положение в церковной иерархии обязывало его к признанию в любых событиях решающей роли «божественного провидения», но это признание является чисто словесным. Как типичный человек Ренессанса, Сейссель о всех делах судит с рационалистической точки зрения, религиозные мотивы для него неотделимы от материальных интересов. Так, например, он считает, что еретические народные движения и секты нужно подавлять в зародыше (заметим, что в качестве Туринского архиепископа он был организатором крестового похода против вальденсов Пьемонта), главным образом потому, что они «весьма опасны» для существующего строя. Судьбы монархии, указывает он далее, тесно связаны с католицизмом, поэтому король должен хотя бы выдавать себя за ревностного католика и жить «хотя бы по видимости» согласно христианскому закону.²⁶

Главные произведения Сейсселя — «Необыкновенная история короля Людовика XII» («Histoire singulière du roi Louis XII», или «Les louanges du bon roi de France, Louis douzième de ce nom») и «Великая Французская монархия» («La Grant monarchie de France», позже переведенная Слейданом на латинский язык). В первом провозглашается тезис, что Франция никогда не была так счастлива, как при Людовике XII. Для его обоснования автор дает критический обзор предшествующих царствований. Слава Карла Великого, по его мнению, омрачена тем, что он погубил больше людей, чем обратил в христианство. При этом короле человеческая кровь лилась рекой, насилие применялось чаще, чем правосудие, а его легкомысленное доверие к предателю Ганелону послужило причиной гибели франкского войска в Ронсевальском ущелье. Людовик IX был святым королем, но его крестовые походы разорили Францию, которая истощила все свои ресурсы для выкупа короля и его баронов из мусульманского плена. Особенно неприязненно Сейссель оценивает «тираническое» правление Людовика XI, которого по жестокости он сравнивает с Домицианом. Иное дело — «добрый и справедливый» Людовик XII. Франция при нем достигла, якобы наивысшего благосостояния. На одного

²⁶ Цит. у: M. A. J a c q u e t. Le sentiment national... p. 427.

купца времен Людовика XI, как утверждает автор, теперь приходится пятьдесят, число лавок и мастерских так выросло, что продавцов больше, чем покупателей.²⁷

Сейссель резко порицает воинственных королей, приносящих интересы страны в жертву своему честолюбию. Он одобряет только оборонительные войны, указывая, что единственным результатом войн завоевательных является рост королевской тальи, которая обездоливает народ, порождает насилия, уменьшает численность населения. В замаскированной форме здесь выражено естественное для итальянца недовольство французскими походами в Италию. Вообще же его оценки французских государей отличаются необычной по тем временам смелостью.

Большой политический опыт и, по-видимому, основательное знакомство с Ливием и Полибием позволили Сейсселю во втором произведении — «Великая Французская монархия» — провести ряд исторических параллелей и формулировать обобщения и выводы местами напоминающие Макиавелли. В этом своего рода «политическом завещании», написанном по просьбе Франциска I, Сейссель выступает как защитник наследственной монархии, которая при всех своих несовершенствах показала себя, по его мнению, наилучшей для Франции формой правления. Абсолютный монарх рассуждает он далее, может стать тираном, как это доказано историей, но во Франции вырождению монархии в тиранию препятствуют исторически сложившиеся учреждения: церковь, судебные органы во главе с Парижским парламентом и совокупность священных временем законов, связывающих не только подданных но и короля. К Генеральным штатам Сейссель относится неодобрительно, считая их источником смут и излишних расходов (?).

Сейссель предвидит, что и монархия, несмотря на свое превосходство над аристократической республикой и народоправством когда-нибудь погибнет. «Возможно, что это наступит в момент ее наибольшего процветания, дабы люди, — благочестиво замечает он, — познали на этом примере непрочность всех человеческих вещей и всемогущество божественного провидения».²⁸ Автор в другом месте даже намекает, что к гибели приведет монархию недовольство «среднего сословия» (*du moyen état*, буржуазии) своим подчиненным положением и мятежный дух «простого народа» (*le menu peuple*).

Симпатии к абсолютной монархии сочетаются у Сейсселя с защитой интересов не буржуазии, а дворянства. Абсолютная монархия для него есть прежде всего дворянское государство. Дворяне должны оставаться свободными от любых налогов, пошлин, табелей, ношение оружия должно быть их исключительной привиле-

гией, при назначении на высшие должности им следует давать предпочтение. Сейсселя наполняет тревогой сделанное им наблюдение, что французское дворянство непрерывно беднеет и разоряется вследствие своей расточительности, склонности к пышности и подражанию роскоши придворных. Королю приходится покрывать их долги, что влечет за собою рост налогов.

С присущей ему способностью схватывать самое существенное, Сейссель видит главную особенность Франции в том, что для буржуазии благодаря продажности должностей открыт доступ в дворянское сословие. Выходцы из «среднего сословия» захватили в свои руки все почетные и выгодные должности в финансовом управлении, они поднимаются до высших ступеней чиновничьей иерархии, и это «происходит каждодневно». Сейсселя потрясает непрерывно растущая экономическая мощь буржуазии, которая обогащается торговлей, запрещенной дворянам. Это является угрозой дворянским привилегиям, но, с другой стороны, возможность делать карьеру является отдушиной для честолюбцев незнатного происхождения: не будь надежды на карьеру, такие люди становились бы заговорщиками, врагами существующего порядка. Этой отдушины не было в древнем Риме, где аристократия не допускала плебеев к власти и этим вооружила их против себя. Победа же плебеев в возникшей борьбе с аристократией только расчистила путь деспотии императоров. История Франции пошла другим путем.

Что касается простого народа, то он должен быть «сдерживаем суровыми законами». Его назначение — «физический труд, обработка земли, ремесло, мелочная торговля», в лучшем случае низшие должности в судебных и финансовых органах, ибо «во всяком государстве... важно, чтобы низшие служили высшим как более достойным». Сейссель не скрывает своего страха перед простым народом. Нужно заботиться о том, чтобы он имел хлеб в достатке, но нельзя предоставлять ему ни слишком много свободы, ни возможности обогащаться свыше меры, ни возможности научиться владеть оружием, которое он неизбежно обратит против дворянства и буржуазии, чтобы раздавить их.²⁹

Казалось бы, с последним положением несовместимо предпочтение, которое Сейссель вслед за Макиавелли отдает национальной армии перед иностранными наемниками. Между тем наш автор обнаруживает в этом вопросе сознательную непоследовательность. Наемники, указывает он, обходятся государству дорого и легко могут предать его интересы. Королю надлежит поэтому иметь армию, набранную из его собственных подданных, а их верность долгу должна быть обеспечена, во-первых, регулярно выплачиваемым жалованьем, во-вторых, и это самое главное, комплектованием всего командного состава исключительно из дворян.

²⁹ Там же, стр. 430.

²⁷ Там же, стр. 408—413; L. Ranke. *Französische Geschichte*. SW Bd. 1, Leipzig, 1874, S. 131.

²⁸ Цит. по М. А. J а с q u e t. *Le sentiment national...*, p. 426 s.

Таковы важнейшие наблюдения и выводы этого талантливого теоретика французского абсолютизма. Многие из них оставили заметный след во французской исторической литературе, их повторяли и развивали Боден, Ла Поппеньер, Де Ту и многие другие писатели XVI—XVII вв.

Сейсель нигде не дает систематического изложения истории Франции. Эта задача, как выше отмечалось, была возложена на Павла Эмилия из Вероны (1460—1529), историка «политико-реторической школы» Леонардо Бруни. По сведениям Ла Поппеньера, его «вытащил из Италии» епископ Турени Понше, раздобывший для него доходную пребенду при соборе Парижской богородицы.³⁰

В течение 30 лет Павел Эмилий писал свой труд — «История франков» («De rebus gestis Francorum»), но не довел его до конца. Обычное представление, что Эмилий ограничился изложением в цитированной латыни «Больших французских хроник», очистив последние от легенд и незначительных подробностей,³¹ весьма неточно: он использовал и Гагена, и некоторые документальные источники, оставшиеся недоступными его французским подражателям (этим вызвано бессмысленное обвинение его в сознательном уничтожении документов, предоставленных ему правительством³²). Вот почему, как указывает Ла Поппеньер (стр. 39 сл.), труд Эмилия сам стал «источником» для историков-французов.

П. Эмилий дает одну лишь политическую историю, причем подобно другим историкам итальянской политико-реторической школы, больше заботится об установлении причинных связей, чем о хронологической последовательности событий. Одним из внешних признаков его принадлежности к этой школе является также включение вымышленных речей, служащих автору главным образом для изложения его взглядов на историю и ее задачи.

Наиболее выдает его принадлежность к школе Бруни пуризм в отношении латинского языка, побуждающий его переводить на латынь французские личные имена, названия должностей и географические названия (Chartier — Quadrigarius, Gaillard — Jucundus, chancellor — praefectus iuris, и т. п.).³⁴

³⁰ La Popelinière. L'Histoire des histoires..., p. 35.

³¹ См., например: Fueter, 170 s.

³² La Popelinière. L'Histoire des histoires..., p. 49. Такое же обвинение было выдвинуто против Полидора Виргилия его английскими завистниками. См. стр. 431.

³³ Дармстедер и Ацфельд (A. Darmsteter et A. Hatzfeld. Le seizième siècle..., p. 51 s.) считают его в связи с этим подражателем Фукидида и Полибия, хотя этот метод уже задолго до Эмилия стал достоинством всей «политико-реторической» школы.

³⁴ Ла Поппеньер (La Popelinière. L'Histoire des histoires..., p. 440) справедливо отмечает, что эта манера затрудняет понимание труда П. Эмилия. Однако лучший французский историк XVI в. Де Ту следует этому примеру.

Французские читатели эпохи Возрождения особенно ценили в произведении П. Эмилия элегантность и ясность языка, сжатость и энергичность выражений, напоминающие лучшие страницы Саллюстия и даже Тацита. Ла Поппеньер, в общем неприязненно относящийся к итальянскому гуманисту, признает, что труд его написан «тщательно, правдиво и красноречиво», почему и был справедливо признан «первой историей Франции» «к великому бесчестью для французов».³⁵ Он не увидел, однако, самого существенного в наших глазах порока П. Эмилия — тенденции к лакировке исторической действительности. Стремясь понравиться своим заказчикам, он обходит молчанием неприятные факты и во всех действиях французских королей находит только хорошее. Так, упоминая об обыкновении Хлодвига устранять своих противников с помощью наемных убийц, он оправдывает франкского короля, ведь тот платил убийцам фальшивой монетой, «что служит великим уроком для предателей всех стран и эпох».³⁶ Сверх того, П. Эмилий обнаруживает полное непонимание различия между политическими деятелями древнего Рима и средневековой Франции. Варваров меровингской эпохи он изображает как античных героев, выражающихся изящным языком и являющихся образцом римских доблестей.

Как бы там ни было, труд П. Эмилия служил двум поколениям французских историков образцом для подражания. Только историки-гугеноты 60—90-х годов, выступая против королевского абсолютизма, положили конец влиянию этого труда на французскую историографию.

2. ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI—НАЧАЛА XVII в. (ЭРУДИТЫ)

«Религиозные войны» 60—90-х годов XVI в., которые рассматривались уже современниками как одна гражданская война, изредка прерываемая перемириями, явились для Франции огромным потрясением. Вызванные переплетением социальных и политических противоречий, расколовших Францию на два лагеря, в каждом из которых под одним религиозным знаменем объединялись самые различные классовые интересы, осложненной иностранной интервенцией, обострившей национальные, патриотические чувства французов и усилившей позиции защитников примирения, так называемой «партии политиков», — «религиозные войны» велись с большим ожесточением и сопровождались на-

³⁵ La Popelinière. L'Histoire des histoires..., pp. 39, 50. «Бесчестьем», разумеется, является то, что автором первой гуманистической истории Франции является итальянец.

³⁶ Ср.: A. Darmsteter et A. Hatzfeld. Le seizième siècle..., p. 77.

силиями, убийствами, преследованиями инакомыслящих, ограблением широких масс народа, не принимавших прямого участия в вооруженной борьбе.

Видный чиновник финансового ведомства Фруманто в своей книге «Тайна финансов»,³⁷ первой французской статистической работе, дает следующий итог гражданской войны: погибло более 765 тыс. человек, сожжено 7000—8000 домов, разорено контрибуциями и прочими поборами 3 млн хозяйств, обогатилось на нищете и страданиях народа 260 семейств. Новейший историк Вьено, не называя своих источников, приводит еще более внушительные цифры: 800 тыс. убитых в сражениях и погибших от религиозных преследований, 9 городов, сравненных с землей, 250 испепеленных сел, 128 тыс. разрушенных домов. В результате массовых насилий и эмиграции из Франции «численность ее населения страшно понизилась, земли запустели, мануфактуры остановились, вся внешняя торговля исчезла, государственный долг вырос до неслыханных размеров».³⁸

Как бы ни относиться к этим цифрам и выводам (они делают не совсем понятным быстрое восстановление и экономические успехи страны уже в первые годы после Нантского эдикта), не вызывает сомнений психологический эффект от быстрой смены политических событий, накала партийных и религиозных страстей, трагических эпизодов вроде Варфоломеевской ночи, парижских баррикад, целой серии предательских убийств и массовых репрессий. Все это, вместе с чувством крайней неустойчивости и необеспеченности жизни, порождало поиски выхода из кризиса и связанный с этим интерес сравнительно широких общественных кругов к его отдаленным и непосредственным причинам, т. е. интерес к истории. Историческая наука наряду с политической публицистикой становится в период гражданской войны и ближайших к ней десятилетий важнейшим оружием партийной пропаганды, общепризнанной общественной силой.

Таковы причины почти внезапного подъема французской гуманистической историографии в 60—90-х годах XVI в. и притом в самых ее разнообразных формах и жанрах: публикаций источников, историко-филологических исследований по древней и средневековой истории, общих исторических трудов и монографий по политической истории Франции, мемуаров и биографий, трудов по теории и философии истории. На прежде полупустынном поле где труженики исчислялись редкими единицами, теперь появляются многие десятки, если не сотни, авторов, в том числе такие выдающиеся ученые и мыслители, как Скалигер и Фоше, Боден Монтень, Отман и Де Ту.

³⁷ N. Froumanteau. Secret des finances. Paris, 1580. См.: Hausе III, p. 286, № 2340; H. Baudrillart. Jean Bodin..., p. 89 s.

³⁸ J. Viénot. Histoire..., v. I, p. 454.

Характернейшей чертой всех жанров исторической литературы является их политическая направленность, их яркая партийность. Исключения не составляют даже самые специальные исследования и публикации эрудитов. Таковы труды Пьера Питу (Pithou, 1539—1596), видного эллиниста и гебраиста, издателя римских поэтов-сатириков, а также Сальвиана, Павла Диакона, Каролинских капитуляриев, хроник VIII—XII вв. (тт. 1—2, 1588—1596), исследователя феодальных кутюмов Шампани и Бри («Li droict et lis costumes de Champagne et Bri») и «вольностей» французской церкви («Libertés de l'Eglise Gallicane»). Сначала гугенот, едва не погибший в Варфоломеевскую ночь, затем католик, примкнувший к партии «политиков», Питу участвовал в составлении «Менишповой сатиры», заклеившей эксцессы Католической лиги, и защищал права Генриха Наваррского на престол Франции. Его политическая активность неотделима от его научной работы. Всюду он выступает как буржуазный патриот, приверженец королевского абсолютизма, строгой законности, умеренных реформ.³⁹

Ярким примером сочетания эрудиции и политики является также деятельность гугенота Анри Этьена (1528—1598), сына книгоиздателя-ученого Роберта Этьена. Замечательный эллинист, А. Этьен оставил ряд трудов по античной филологии. Особой известностью пользовался его обширный словарь древнегреческого языка («Thesaurus linguae graecae»), на подготовку и печатание которого он истратил все свое состояние. Из путешествий по Италии, Германии, Нидерландам А. Этьен привез рукописи десяти книг Диодора Сицилийского, фрагментов из Дионисия Галикарнасского и мн. др., изданные им либо впервые, либо более правильно. Наряду с этим он пишет «Апологию Геродота («Apologie pour Hérodote»), где под предлогом защиты «отца истории» от обвинений в лживости и склонности к чудесам и небылицам дается острая критика современного автору общества. Сопоставление людей и нравов, изображенных Геродотом, с современными служит Этьену поводом для осуждения пороков своего века. Его общий вывод: люди времен Геродота не хуже, не глупее, не легковвернее и не невежественнее, чем люди XVI века, — затрагивает людей всех вероисповеданий, включая и кальвинистов.⁴⁰ Женевским пасторам деятельность А. Этьена казалась выражением вольнодумства, они его заклеили именем «нечестивца». Католики же с ненавистью писали о нем как «женевском Пантагрюеле» и «князе атеистов».

³⁹ Собрание его сочинений издано в 1609 г. с посвящением Де Ту: Petri Pithaei opera sacra, juridica, historica, miscellanea. Parisii, 1609. См.: Gr. Enc. XXVI, 991 s.; Levesque de la Ravalière. Recherches sur M. Pithou. Recueil des Inscriptions et Belles Lettres, t. XXI, 1859.

⁴⁰ Pietro Taldo. L'Apologie pour Hérodote von Henri Estienne. Zs. f. franz. Sprache u. Lit., Bd. 31, 1907.

Печатью раблезианской издевки отмечено также приписываемое А. Этьену (без достаточных оснований) анонимное «Рассуждение о жизни, действиях и выходках Катарини Медичи». В это чисто партийном гугенотском произведении проводится историческая параллель между Катариной, «убийцей французского дворянства», и свирепой меровингской королевой Брунгильдой.

Как горячий патриот, А. Этьен превозносит достоинства родного языка, который он ошибочно сближает с греческим языком — «первым в мире», таким образом, французский является наилучшим из новых языков («Диалог о превосходстве французского языка»). Выше упоминался и другой его «Диалог», направленный против засорения французского языка итальянскими словами. Здесь особое внимание привлекает сатирическое изображение двора Генриха III.⁴¹

Патриотическое измышление А. Этьена о близком родстве греческого и французского языков было опровергнуто одним из создателей французской филологической критики Клодом Фоме. В своем трактате «Происхождение французского языка и поэзии» (1584) Фоме приходит к несколько более правильному выводу, что французский язык — это романский язык, возникший из «смешения» языка галлов с латинским в период римского владычества в Галлии.

Клод Фоме (Fauchet, 1536—1601), президент одной из палат Парижского парламента, примкнувший к «политикам» и защищавший права Генриха Наваррского на престол, занимает видное место в истории французской историографии главным образом замечательным по тому времени трудом «Галльские и французские древности» («Antiquitez Gauloises et Françaises», Paris 1579—1601). Систематически исследуя источники, согласно методу Валлы и Биондо, Фоме излагает критическую историю галлов и франков, расселения последних в Галлии, основания и развития Франкской монархии до 840 г. Он окончательно разгромил басню о троянском происхождении франков, официально при-

⁴¹ A. S a y o u s. Etudes... t. II, Paris, 1857, pp. 74—108; Gr. Enc., XIV 412 s. Прочую литературу об Анри Этьене см. в прим. 17, а также в кн. R. M. K i n g d o m. Geneva and the coming of the wars of religion in France Genève, 1956, ch. IX. Историческое обоснование влияния греческой культуры и языка на древних галлов дал знаменитый философ Петр Раму (Pierre La Ramée), гугенот, погибший в Варфоломеевскую ночь. В своем труде о нравах древних галлов (Liber de moribus veterum Gallorum, Basilae, 1574) он указывает, что предки французов до завоевания Галлии Цезарем были «филэллинами», пользовались в официальных грамотах греческим языком, увлекались учением Пифагора, привлекали к себе на службу греческих учителей и врачей и проч. Свое намерение показать, какое значение имело все это для позднейшей Франции, Раму не успел осуществить. Ему же принадлежат «Записки о гражданской войне во Франции». (The Three Parties of Commentaries, containing the whole and perfect Discourse of the civill warres of France. London, 1574—1576).

нанную хартиями Дагоберта I и Карла Лысого, и доказал, что франки — германцы, никакого отношения не имевшие к Трое. Это первая во французской литературе строго научная критика средневековой традиции, так как Павел Эмили в сущности не опровергает троянской легенды, а только игнорирует ее.

Таким же крупным достижением французской эрудиции является сборник специальных исторических исследований Этьена Пакье (Pasquier, 1529—1615), одного из идеологов партии «политиков». Этот сборник, вышедший под названием «Изыскания о Франции» («Recherches de la France», 1561 ss.), посвящен проблемам происхождения французского народа и государства, языка и литературы, парламентов и университетов. Пакье выступает здесь как сторонник ограниченной монархии, отводя Генеральным штатам роль представительного органа «нации», уравновешивающего королевскую власть. Идея народного суверенитета формулирована им в следующем положении: «Короли существуют для народов, а не народы для королей».⁴²

Солидность критического метода, богатство используемых источников, научная и сравнительно полная картина ранних периодов истории Франции — все эти черты исследований Фоме и Пакье уже предвещают новаторские труды самого блестящего представителя французской эрудиции XVI в. — Скалигера.

Иосиф Юст Скалигер (Lescafe, 1540—1609) родился в г. Ажан (Гиень) в семье итальянского гуманиста, выдающегося филолога Юлия Цезаря Скалигера, натурализовавшегося с 1528 г. во Франции. По окончании высшей школы в Бордо Иосиф Юст с большим успехом занимался исследованием и комментированием римских авторов, особенно поэтов. Благодаря глубокому знанию древних языков и удивительному дару дивинации Скалигер добился в филологической критике результатов, затмивших достижения всех его итальянских предшественников. Его труды по исправлению текстов, его комментарии к ряду римских прозаиков (Варрон, Фест и др.) считались образцовыми и, по авторитетному свидетельству Я. Бернайса, сохранили и в XIX в. научное значение. Его справедливо считают одним из основоположников новейшей классической филологии.

Что касается исторической науки, то здесь он открыл новые пути как создатель двух вспомогательных исторических дисциплин — хронологии и метрологии. Он же одним из первых оценил важность нумизматики для исторической науки («De re nummaria», Leyden, 1606).

⁴² О трудах Фоме и Пакье см.: Gr. Enc., XVII, 40; XXVI, 49; A. D a r m e s t e t e r et A. H a t z f e l d. Le seizième siècle... pp. 73—77; H. B a u d r i l l a r t. Jean Bodin... pp. 77—80; «Recherches de la France» переиздано: Oeuvres choisies, publ. avec Etude sur la vie et les ouvrages de Pasquier par L. Feugère Paris, 1849; «Antiquitez» Клода Фоме переизданы в собрании его сочинений (vv. 1, 2, Amsterdam 1610, in 4°).

Возникновение научной хронологии является одним из самых ярких и убедительных примеров тесной связи с актуальными общественно-политическими интересами даже таких отраслей знания, которые на первый взгляд кажутся совершенно оторванными от современности.

К тому времени, когда вышел первый труд Скалигера, заложивший основы упомянутых вспомогательных наук истории, — «Исправление хронологии» («De emendatione temporum», 1583), проблемы хронологии приобрели важное значение в идеологической и политической борьбе между силами Реформации и силами католической реакции. По представлению математика и астронома Алоиза Лилия, указавшего на грубые погрешности в юлианском календаре, папа Григорий XIII предписал с 4 октября 1582 г. ввести новый (григорианский) календарь, передвинувший для XVI в. все даты на 11 дней вперед. Протестанты увидели в этом новшестве выражение папской претензии на руководство «всем христианским миром» и сохранили верность старому стилю. Страсти особенно разгорелись, когда Генрих III особым эдиктом обязал всех своих подданных придерживаться нового стиля. В таких условиях появление труда Скалигера, в котором автор пытался научным путем опровергнуть расчеты Лилия, было с восторгом встречено протестантами. Возражения протестантского ученого против нового календаря были ошибочны, но «Исправление хронологии» все же имело большое научное значение. Оно включало ряд специальных исследований о различных хронологических системах начиная с глубокой древности, исследований, поражающих тонкостью анализа и огромной эрудицией автора. Отныне, по выражению Бернайса, «хронология стала светочем истории (lumina historiae)».

В 1598 г. «Исправление хронологии» вышло в радикально переработанном издании, включающем новые критические исследования библейской, раннехристианской (патристической) и прочей церковной документации. В сущности вся римская церковная традиция была подвергнута самой тщательной проверке. Римскую курию мало волновало то, что здесь более научным методом, чем у Валлы или центуриатов, и, можно сказать, окончательно доказана подложность «Константинова дара» или древнейшего сборника папских декретов («Лжеисидоровы декреты»). Но большим ударом для Рима явилось доказательство подложности Дионисия Ареопажита, служившего для исторического обоснования глубокой древности церковной иерархии, института монашества, многих церковных обрядов и т. п., якобы восходящих ко времени возникновения христианства. Иезуиты начали против Скалигера отчаянную борьбу. Проблемы филологической критики и хронологии приобрели для католической церкви столь важное значение, что в одной только Франции два наиболее способных воспитанника иезуитов — Жак Сирмонд и Дежи Пето —

получили задание специализироваться именно в этих областях знания. Однако их атаки против Скалигера, порой удачные, не могли поколебать репутации великого французского эрудита. Чувствуя себя в полной безопасности в Голландии, где он занимал должность профессора Лейденского университета, пользуясь моральной и материальной поддержкой буржуазного правительства республики, Скалигер на склоне жизни предпринял новый огромный труд — «Сокровищница времен» («Thesaurus temporum», 1606), который, по мысли автора, должен был дать строго проверенный материал дат и фактов для построения «подлинно научной» всемирной истории. Здесь установлены системы исчисления времени, применявшиеся у всех известных в XVI в. народов (например, у мексиканских индейцев, у народов Восточной Азии и проч.), причем хронологические данные служат автору «не просто средством для упорядочения исторических фактов», а материалом для истории древних культур. Скалигер в своем последнем труде показал, как с помощью исследования хронологических систем можно восстанавливать утраченные исторические факты. Хронология обратилась в руках исследователя в «историческую эвристику». Этот метод, разумеется, имеет значение прежде всего для тех периодов древней истории, от которых сохранилась лишь очень скудная документация. С большим успехом он применен Скалигером также для восстановления по неточному иеронимовскому переводу утраченного греческого оригинала «Хроники» Евсевия и для проверки приведенных в ней исторических данных.⁴³

Ученик и ближайший друг Скалигера Исаак Казобон (Casaubon, 1559—1614) происходил из буржуазной южнофранцузской семьи, эмигрировавшей в Женеву вследствие преследований гугенотов. В 23-летнем возрасте он стал профессором греческого языка и истории в Женевской «академии». Скалигер называл его «Фениксом среди эрудитов». Материальная небезопасность побудила его перейти в Монпелье, а оттуда, по предложению Генриха IV, в Париж. Однако во Франции, где влияние гугенотов падало с каждым днем, для ученого-кальвиниста обстановка складывалась столь неблагоприятно, что он немедленно после гибели Генриха IV (1610) переехал в Англию.

Для истории французской историографии Казобон представляет интерес главным образом своим выступлением против «Цер-

⁴³ Энциклопедия Брокгауза—Ефрона, т. 59, стр. 169 (ст. Ф. Мищенко). Jacob V e r n a u s. Joseph Justus Scaliger. Berlin, 1855; в этой превосходной книге, однако, чрезмерно принижаются достижения итальянских гуманистов, Л. Валла неверно рассматривается как «одиночка», не имевший последователей, а заслуги соперника Скалигера и его предшественника на кафедре Лейденского университета Юста Липсия (Justus Lipsius, 1547—1606) значительно умалены. См.: V. A. N o r d m a n n. Justus Lipsius als Geschichtsforscher und Geschichtslehrer. Annales Ac. Scient. Fennicae, Bd. XXVIII, 2, Helsinki, 1932.

ковных анналов» кардинала Барония. Углубленное изучение всех 12 томов этого историка, пользовавшегося не только в католическом, но и в протестантском мире репутацией большой учености и добросовестности, привело Казобона к поразительному выводу, которым он поделился со своим постоянным корреспондентом Паоло Сарпи. Этот вывод гласил: Цезарь Бароний либо крайне невежествен, либо сознательный фальсификатор истории и человек нечестный. Сарпи уверил Казобона, что справедливо первое. В субъективной добросовестности Барония, как писал итальянский ученый, сомневаться не приходится, но он, кроме латинского, не знает ни одного из древних языков и совершенно неспособен, сверх того, критически мыслить.

Немецкие богословы обнаружили у Барония кто 2000, кто даже 8000 ошибок. Но Казобон стремился подорвать авторитет «Церковных анналов» не голословными заявлениями, а систематическим разбором каждого тома. 12 томам Барония он собирался противопоставить 12 томов своих замечаний к ним. Он успел опубликовать только первую половину первого тома своих возражений. Они не вызывают сомнений в поразительной эрудиции Казобона и столь же поразительном невежестве кардинала в области истории и филологии. Но Казобон не ограничился этими науками, а увяз в догматических тонкостях и богословских препирательствах с противником, что ослабило его позиции и сделало его книгу совершенно неудобочитаемой. Французский гуманист в данном случае неожиданно оказался в плену средневековой схоластической традиции: каждому положению Барония он противопоставлял свое, между тем как для опровержения всего труда достаточно было показать на ряде решающих примеров ненаучность метода Барония, игнорировавшего элементарные правила исторической критики.⁴⁴

3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕМУАРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI—НАЧАЛА XVII в.

«Никакие земные силы так же не в состоянии ограничить французскую свободу слова, как закопать солнце в землю или упрятать его в какую-нибудь дыру». Эти слова, которые Пьер де Летуаль поместил в начале своего «Дневника правления Генриха III», могут служить эпиграфом ко всей французской историографии и публицистике времен гражданской войны.

Упадок королевской власти, а тем самым и авторитета Парижского парламента, осуществлявшего с помощью церкви и бо-

⁴⁴ Mark Pattison. Isaac Casaubon. London, 1875; Gr. Enc., IX, 652; Ch. Nizard. Le triumvirat littéraire au XVI siècle: Juste Lipse, Joseph Scaliger et Isaac Casaubon. Paris, 1852.

гословов Сорбонны функции верховной цензуры, привел к установлению во Франции 70—90-х годов XVI в. относительной свободы печати. В эти десятилетия стали невозможными такие случаи, как повешение парижского печатника Мартена Ломме за издание памфлета «Тигр», направленного против герцога Гиза.⁴⁵ Страстная партийная полемика и политическая пропаганда гугенотов и католиков, защитников и противников королевского абсолютизма, апологетов дворянско-аристократического строя и буржуазной демократии, могла вестись почти беспрепятственно. Распространение передовых общественно-политических, философских и исторических идей с помощью печатного станка получило невиданные прежде размеры.

Эти условия были весьма благоприятны для развития богатой и разнообразной историко-политической и мемуарной литературы, превосходящей количественно и качественно все то, что было издано в эти годы в других странах Западной Европы. Характерной особенностью этой литературы было почти полное стирание граней между мемуарами и собственно историческими трудами. Многие мемуары почти ничем не отличаются от работ, посвященных современной политической истории, а последние места сбиваются на мемуары. Произведения таких «мемуаристов», как Лану, де Серр, де Таванн и т. д., очень трудно отнести к определенному жанру.⁴⁶ Поэтому важнейшие исторические произведения периода гражданской войны будут рассмотрены без разделения по признаку жанра и сгруппированы по их религиозной и политической окраске.

Среди официальных историков (так называемых историографов Франции) звездой первой величины был Дюгайян (Berard de Girard, sieur du Naillan, 1556—1610), дворянин из Бордо, большой патриот и ревностный приверженец абсолютизма. В 1570 г. он опубликовал «Четыре книги о состоянии Французского государства... содержащие краткую историю королей», а в 1576 г. свой главный труд — «Всеобщую историю французских королей... от Фарамонда до Карла VII включительно», написанный согласно принципам, ранее им изложенным в особом сочинении «Предпосылки и план французской истории».⁴⁷ Своей задачей он ставит выяснение причин и следствий событий политической истории родины. Взяв в основном материал у Павла Эмилия, он сократил или выбросил оттуда все, относящееся к истории других стран. От себя он прибавил лишь ряд патристических легенд из «Больших французских хроник» и Гагена, а также

⁴⁵ См.: K. Glaser. Betiräge... S. 251.

⁴⁶ Cp.: A. Tilley. The Literature of the French Renaissance, v. II. Cambridge, 1904, p. 206 s.

⁴⁷ Histoire générale des rois de France... depuis Pharamond jusqu'à Charles VII inclusivement. Paris, 1576 (и ряд последующих изданий); Promesses et dessein de l'Histoire de France. Paris, 1571.

много речей. С легкой руки О. Тьерри чаще всего цитируются речи двух вымышленных персонажей, выступающих на мифических Генеральных штатах V в., которые якобы собрались для избрания на «престол Франции» столь же мифического Фарамонда. Эти делегаты «на протяжении девяти страниц рассуждают — один о преимуществах монархии, другой о выгодах аристократического образа правления».⁴⁸ Тьерри и другие позднейшие историки, иронизируя по поводу этой наивной манеры Дюгайяна, оставляют без внимания ту политическую программу, которая изложена в этих вымышленных речах. С помощью такого общепринятого в гуманистической историографии приема, а также легенд о средневековых королях Дюгайян стремился поднять престиж королевской власти, сильно пострадавшей при преемниках Генриха II. В посвящении Карлу IX он пишет о своем труде: «Государь, я первый из французов написал историю Франции, изобразив в почтительных выражениях величие и достоинство наших королей, ибо до сих пор о ней говорилось только в старом хламе летописей. Я дал то, чего никто не дал до меня, представив историю Франции в таком одеянии, в каком она никогда еще не появлялась».

«Всеобщая история» Дюгайяна является ответом на историко-политические памфлеты гугенотов, в особенности Франсуа Отмана, выступавшего против наследственной абсолютной монархии. Однако в научном отношении он сильно уступает Отману. Так, он считает франков одним из галльских племен, в то время как Отман вслед за Беатом Ренаном относит их к германцам и довольно точно указывает места их поселений за Рейном до вторжения в Галлию.

Делая немало ошибок, Дюгайян тем не менее подвергал критике многие ошибки своих политических единомышленников, например их представления о Салической Правде как «декрете Фарамонда» о порядке престолонаследия, равно как и их злоупотребление легендами о чудесах. Эта критика вызвала против него, с одной стороны, нападки других королевских историографов — Бельфора, Сорбена,⁴⁹ с другой, — восхищение трезвого

⁴⁸ A. Thierry. *Lettres sur l'histoire de France*. Bruxelles, 1836, pp. 60—63. О Дюгайяне см. также: A. Tilley. *The Literature...*, v. II, p. 222 s.; Hauser, III, № 1447; A. Darmsteter et A. Hatfeld. *Le seizième siècle...*, p. 51 s.; Petit de Julleville, III, 560 s.

⁴⁹ F. de Belleforest. *Histoire des neuf rois Charles de France...* en 19 livres. Paris, 1568. Уже сам принцип отбора материала по именам королей, носивших одно имя (ср. «Историю... Генрихов» Кэпгрева, стр. 207), говорит о качестве книги. Этот плодовитый автор продолжил хроники Гагена и Жилля, переработал «Космографию» Мюнстера и т. д. См. о нем: Hauser, I, 27. Ла Попленьер дает о нем отрицательный отзыв: «Бельфоре и Тевет (André Thevet, „королевский космограф“, — О. В.) повредили юношеству и, следовательно, государству, — пишет он в „Histoire des Histoire“ (p. 456), — лишены ума, памяти, рассудительности и вообще всего, что нужно писателю, они обладают лишь способностью смело, но плохо объяс-

буржуазного читателя Пьера де Летуаля, называющего Дюгайяна «знаменитым ученым историком», «весьма болтливым, но свободным и смелым писателем».⁵⁰

К группе историков, принадлежащих к придворно-аристократическим кругам, следует отнести и таких мемуаристов, как Монлюк, его продолжатель Кастиельно, Брантом и Жан де Тавани, произведения которых представляют нечто среднее между мемуарами и современной историей.

Блез де Монлюк (Blaise de Montluc, 1501—1577) был участником итальянских походов и первых гражданских войн. Будучи губернатором Перигора, он использовал смутное время для личного обогащения. Награбленные богатства он пустил в рост, создав в столице своего губернаторства Ажане нечто вроде банкирского дома. Свирепый католик, десятками вешавший на деревьях гугенотов и похвалявшийся этим, насильник, грабитель и взяточник, Монлюк оставил по себе недобрую память в Гиени и огромное по тому времени состояние в четверть миллиона ливров. В довершение этой краткой характеристики отметим, что Монлюк, называя себя «лояльным слугою короля», вел переговоры с Филиппом II, и если он остановился на полпути, то отнюдь не из-за отсутствия готовности предать родину. Характерно, что те годы, когда он замыслил предательство, совсем выпали из его повествования.

Во введении к своим «Комментариям» (это название продиктовано пиететом к «величайшему полководцу» Юлию Цезарю) Монлюк скромно заявляет, что он не историк, но в сущности его цель — написать именно историю того 50-летия, когда он мог претендовать на видную роль в событиях. Естественно, что для этого «более солдата, чем историка», единственным достойным сюжетом являлись войны, походы, военные операции. Не ограничиваясь личными воспоминаниями, Монлюк в рассказе об итальянских походах много заимствует у Павла Иовия, у Мартена Дю Белле (продолжателя упомянутого выше Гильома Дю Белле) и других авторов, используя вместе с тем различные документы и письма. Любопытны его признания, относящиеся к религиозным раздорам и их значению в гражданской войне. Католической религии Монлюк отдает предпочтение только потому, что «старая вера» лучше служит сохранению монархии и общественного строя, тогда как кальвинизм ведет к торжеству либо аристократии, либо — что страшнее всего — народа (Комментарии, IV, 297 сл.). Монлюку вообще нельзя отказать в понимании того, что религиозные разногласия являются далеко не един-

нять и еще хуже рассказывать о вещах, недоступных их пониманию. Еще более бездарен напыщенный Сорбен (Sorbin), духовник и историк Карла IX, которого он провозгласил «святым». См.: Hauser, III, № 1438.

⁵⁰ «...libre et hardi à écrire, qui est ce que j'aime». Цит. по изд.: Michaud et Poujoulat, v. XIV, p. XI.

ственной причиной гражданских войн. Он делает также правильное наблюдение, что в гражданских войнах противники сражаются более ожесточенно, чем в войнах с другими народами, ибо в них «дело идет не о чести», а о том, «кому быть господином и кому слугою». Важную роль, указывает он, играют и прямые материальные интересы, в силу чего участники гражданской войны «более желают ее продолжения, чем окончания» (там же, II, 425 сл.). Здесь он предельно искренен: ведь каждый день гражданской войны делал его богаче. Но когда Монлюк «скорбит» по поводу того, что «военные» доводят народ до нищеты и ежедневно создают новых вдов и сирот, «посылающих нам одни лишь проклятия» (там же, III, 499 сл.), то в его устах это звучит лицемерием или же данью литературным традициям.⁵¹

Самое яркое и конденсированное выражение нравов, политических и общественных взглядов французской аристократии второй половины XVI в. мы находим в исторических сочинениях Брантома.

Пьер де Бурдей, сеньор аббатства Брантом (de Bourdeille, 1540—1614), происходивший из знатной перигорской семьи, в молодости вел авантюрную жизнь странствующего рыцаря, а затем в течение 25 лет был попеременно наперсником Катарины Медичи, ее дочери Маргариты и других членов семьи Валуа. Ловкий царедворец, Брантом в период гражданских войн не прятал ни к какой партии и ухитрился, сохраняя свое положение при дворе, поддерживать тесные связи и с Гизами, и с гугенотскими вождами, культивировать дружбу и с Монлюком, и с суровым гугенотом Лану, восхвалять и канцлера Лопиталья, и его врагов из Католической лиги. Вероятно, именно поэтому Брантом не сделал ни придворной, ни политической карьеры и, удалившись от «неблагодарного двора» в уединение своего аббатства, занялся литературно-историческим трудом, побуждаемый желанием свести личные счета не менее, чем «возрожденческой» жаждой славы. Ему принадлежат: «Биографии великих полководцев (des grands capitaines)», французских и, отдельно, иностранных, «Биографии знаменитых дам» и «Биографии галантных дам (des dames galantes)», «Биография Лану» и мн. др.⁵²

⁵¹ Озе (Hauser, III, 35 s, № 1419) отмечает, что Монлюк особенно важен как источник для истории Гиени в 1567—1570 гг.; A. Tilleu. The Literature..., v. II, pp. 202—206; Paul Courteault. Blaise de Montluc historien. Etude critique. Paris, 1908. Commentaires de Messire Blaise de Montluc, maréchal de France. A Bourdeaux, 1592, in f°; вслед за тем множество других изданий до конца XVII в. Лучшее издание, по которому даны цитаты: Commentaires et Lettres de Blaise de Montluc... édition revue... et publ. pour la Société Hist. de France par A. de Ruble, vv. 1—5. Paris, 1867—1872.

⁵² Лучшее издание: Oeuvres complets de Pierre de Bourdeille, seigneur de Brantôme, publ. ... par L. Lalanne, vv. 1—10. Paris, 1864—1875.

Брантом вводит читателя в заблуждение, выдавая себя за большого эрудита. Он цитирует древних, средневековых и современных ему авторов обычно неверно или неточно, из вторых и третьих рук, авторство же тех писателей, у которых он много списывал, он тщательно скрывает. Характерны также нередкие у него фактические ошибки, вызываемые простой небрежностью. Например, он сообщает, что Армада была послана Филиппом II «для спасения» Марии Стюарт, которая за год до того была казнена. Зато в своей подлинной сфере — скандальной придворной хронике — он чувствует себя, как рыба в воде, собирая всевозможные, подчас весьма скабрзные анекдоты, сплетни и слухи, которые, впрочем, весьма живо, хотя и поверхностно, рисуют портреты отдельных лиц и жизнь французской аристократии его времени. В своих описаниях Брантом столь нескромен, рассказывает такие неприятные детали, что его произведения могли увидеть свет лишь через полстолетия после его смерти. Вероятно, поэтому в историографии Ла Поппеньера его имя даже не названо среди историков XVI в.

Как типичный аристократ Брантом боится и ненавидит народ, включая буржуазию. Об этом свидетельствуют его отзывы о народных движениях — восстании коммунаров в Испании, революции в Нидерландах, восхваление кровавой деятельности герцога Альбы и т. п. Разорения Франции гражданскими войнами он, в отличие от Монлюка, даже не заметил. Более того, он считает эти войны благом для Франции. Оправдывая грабежи и гугенотских, и католических войск, он сравнивает Францию с жирным гусем, которого чем больше ощипывают, тем скорее он обрастает новыми перьями. Оказывается, все выиграли от гражданской войны, а особенно люди третьего сословия. «Много ли они потеряли? — спрашивает он — Конечно, нет; наоборот, они много выиграли и разбогатели, ибо купцы, ремесленники и прочие из третьего сословия так взвинтили цены, что изделие, которое прежде продавалось за один тостон (10—15 су, — О. В.), ныне стоит минимум эку (64 су, — О. В.)».⁵³

Среди французских историков времен Возрождения Брантом занимает далеко не первое место, между тем он относится к числу наиболее читаемых авторов и оказал благодаря своей осведомленности и живости пера заметное влияние на литературу, посвященную событиям его времени.⁵⁴

Этого нельзя сказать о Жане де Таванне (Jean de Tavannes), составителе «Мемуаров» за 1515—1595 гг., написанных им от-

⁵³ Oeuvres, IV, p. 332 s.

⁵⁴ См.: L. Pingaud. Brantôme historien. RQH, v. 19, 1876, p. 186 ss.; A. Tilleu. The Literature..., v. II, pp. 190—195; Hauser, III, 33 s., № 1417.

части по бумагам отца, Гаспара де Со Таванна, отчасти по литературным источникам и личным воспоминаниям.⁵⁵

Оба, отец и сын, — колоритные фигуры, представители высшей католической аристократии и видные военно-политические деятели. Отец — маршал Франции, губернатор Дофине, затем Бургундии, участник тайного совещания у Карла IX, на котором было решено организовать убийства Варфоломеевской ночи; сын — губернатор Бургундии от Католической лиги, назначенный ею же маршалом Франции, дважды попадал в плен к Генриху IV, причем во второй раз, будучи заключен в Бастилию, бежал оттуда. На этом карьера его закончилась, несмотря на его усилия привлечь к себе внимание нового правительства. «Мемуары» написаны главным образом с этой целью. Они заканчиваются рядом «советов» (advis) королю: «не терпеть двух религий» в государстве, т. е. отменить Нантский эдикт; для полного успокоения страны вести либо в союзе с Испанией, либо против нее агрессивную внешнюю политику, «ибо французы — народ воинственный и его кипучую кровь надо... очищать кровопусканиями»; заменить абсолютизм «справедливой» монархией, т. е. сократить число чиновников, ликвидировать часть монастырей, созывать регулярно Генеральные штаты, по примеру Кастилии и Англии вводить налоги только с согласия облагаемых, и т. д.

Из опыта гражданской войны де Таванн, как почти все вожди дворянства, вынес величайший страх перед народом. В начале лиги, сообщает он, было подсчитано, сколько можно подкупить дворян с помощью испанских денег. Итог был столь неутешителен, что Таванн предложил шире «использовать» народ, «по этому помещал страх, что они (народ, — О. В.) бросятся на нас (дворян, — О. В.) и организуют республику». Вслед за Монлюком он осуждает дворян за то, что они сами подготовили падение своего политического влияния, отказавшись со времен Франциска I от судейских должностей, которые были целиком захвачены буржуа. «А ведь суд, — замечает автор, — это дворянское дело, так как суды имеют власть над жизнью и имуществом других людей. Быть лишенным права судить значит стать сервом, ибо суд — знак верховенства и суверенитета».

Из истории Франции в XVI в. де Таванн делает следующий вывод. В большом государстве трудно сохранить равновесие между королем, аристократией и демократией без того, чтобы одна из этих сил не получила перевеса над другими. Во Франции этой силой становится «демократия». «Духовенство и дворянство знают, что если кто в состоянии завладеть властью, так это народ, ибо в его руках города и их двенадцать против одного». Если же власть перейдет к народу, наступит конец привилегиям

⁵⁵ Gaspard de Saux-Tavannes. Mémoires, éd. Petitot, tt. XXIII—XXV; Michaud et Poujolat, v. VIII (цит. по этому изданию). См. об авторе мемуаров и его отце: Hausser, III, 40 s., № 1422—1423.

дворян и духовенства, прекратятся королевские пожалования и милости, «потому что народы более всего жаждут равенства».

«Мемуары» свидетельствуют о гуманистической образованности автора: ссылки на греческих и римских писателей, имена и факты древней истории встречаются чуть ли не на каждой странице. Но как историк Таванн обнаруживает подчас крайнюю небрежность, делает элементарные ошибки. Так, он приписывает не Генриху VIII, а «королю Эдуарду» разрыв с Римом ради развода с Екатериной Арагонской и женитьбы на «Анне Булдан»; «Меотидское болото», т. е. Азовское море, он помещает в Греции, и т. д.

Таковы наиболее известные историки и мемуаристы феодально-католического лагеря. Усвоив крайне поверхностно некоторые приемы гуманистической историографии, они не дали ни одного значительного произведения. Их политический кругозор ограничен, загроможден обветшалыми понятиями и представлениями. Характерно, что в годы борьбы против Генриха III и Генриха IV они вынуждены черпать антиабсолютистскую аргументацию у своих противников — гугенотов. Среди них нет ни одного настоящего ученого, исследователя, мыслителя. Мелкие публицисты этого лагеря вроде Буше и Гильома Роз сделали грубую фальсификацию истории своей профессией. Им ничего не стоит, например, сочинить «доказательства» в пользу права Гизов как прямых потомков Фарамонда и Карла Великого на французский престол предпочтительно перед Валуа или Бурбонами — наследниками «узурпатора» Гуго Капета.⁵⁶

Все таланты в области истории, философии, политической публицистики, литературы и науки сосредоточились на стороне протестантов или «политиков». Среди них немало дворян, тем не менее многие из них, хотя и не всегда последовательно, объективно защищают идеалы становящегося буржуазного общества. Кальвину и его преемникам не удалось, несмотря на их усилия, добиться полного единства религиозно-философских и политических воззрений в своем лагере. В отличие от того, что мы видели в протестантской Германии, никакие богословские авторитеты не могли подавить стремления писателей-кальвинистов, не говоря уже о более свободомыслящих «политиках», к относительной независимости мысли.

Среди богословских авторитетов кальвинизма на первое место после самого Кальвина должен быть поставлен Теодор Беза (de Bèze, 1519—1605) — соратник и преемник Кальвина в Женеве. Выходец из богатой семьи советников Парижского парламента, он бежал в Женеву, где был назначен профессором, а затем ректором кальвиновской Академии. В первые годы гражданской войны Беза был проповедником в армии Конде и личным секре-

⁵⁶ J. Viénot. Histoire..., v. II, p. 88.

тарем принца. Ему принадлежит 90 богословских и исторических сочинений.⁵⁷ Самое большое и важное из них — «Церковная история протестантских церквей во Франции»,⁵⁸ охватывающая 1521—1564 гг., от возникновения первой протестантской общины при Франциске I и кончая первой гражданской войной. Написанное в анналистической форме, это произведение не отличается стройностью плана, ни литературными достоинствами. Его цель — пропаганда протестантства путем показа «мучеников за правую веру». Тем не менее в книге резко критикуются не только зверства католиков (например, Монлюка-«вешателя»), но и эксцессы самих гугенотов. Ученый-гуманист сказывается особенно в том, как сильно Беза порицает своих единоверцев за то, что они сожгли ценнейшую библиотеку аббатства Ключи. «Эти сокровища, — пишет он, — погибли по глупости и невежеству военных, принявших все эти рукописи за богослужебные (католические, — О. В.) книги».⁵⁹

В своих богословско-политических трактатах Беза развивает кальвиновское учение о законности восстания подданных против королей-тиранов. Опираясь на факты истории, он доказывает, что источником любой власти является народ и что права государя являются, таким образом, условными, а не абсолютными.⁶⁰ Но под народом он, конечно, понимает только дворянство и богатую буржуазию. Законное правительство должно опираться на религию — «самую прочную основу общества» — и карать смертью «еретиков» — людей, находясь «внутри церкви», т. е. принадлежа к определенному вероучению, выступают против этого вероучения.⁶¹ Беза вступил в полемику с известным уже нам эрудитом Пакье и с бывшим другом Кальвина богословом и гуманистом Себастианом Кастеллионом, которые осудили казнь Мигеля Сервета и провозгласили право христианина на полную свободу в делах веры.⁶² Судя по той ярости, с какою Беза в ходе

⁵⁷ Они перечислены в кн.: La France protestante, v. II, part 1, col. 503—542.

⁵⁸ Histoire ecclésiastique des Eglises réformées au royaume de France, vv. 1—3. Anvers, 1580.

⁵⁹ Цит. по: A. S a y o u s. Etudes..., t. I, p. 349.

⁶⁰ См.: Pierre Mesnard. L'Essor de la philosophie politique au XVI siècle. Paris, 1936, pp. 319—322.

⁶¹ Там же, стр. 310 сл.

⁶² Эту мысль Кастеллион (Castellion, Sébastien Chateillon, 1515—1563) формулировал в трактате «De haereticis an sit persequendi et omnino quomodo sit cum eis agendum doctorum... tum veterum, tum recentiorum sententiae», а также в ряде других произведений. См.: La France protestante, v. IV. Paris, 1883, pp. 122—142; K. G l a s e r. Beiträge..., Zs. f. franz. Sprach- u. Lit., Bd. 33, 1908, S. 54 ff. Ответом на этот трактат была брошюра Безы «De haereticis a civili magistratu puniendis», вышедшая в Женеве у Этьенна в 1554 г. (2-е изд. 1592), в которой выдвигнут тезис: «Свобода совести — дьявольский догмат». Беза организовал настоящую травлю своего ученого противника и был главным виновником его преждевременной смерти в полной нищете.

полемики обрушился на «взгляды некоторых академиков, которые поддерживают безнаказанность людей, сеющих заблуждения» вроде заблуждений «отвратительного Сервета», симпатии большинства гуманистов были не на его стороне.⁶³

Полемика Безы—Кастеллиона приняла еще более страстный характер, когда последний выдвинул положение, что любые богословские системы вызывают сомнения и что только с помощью свободного применения разума можно рассчитывать достигнуть истины. Поэтому в своей незадолго до смерти опубликованной брошюре «Советы опечаленной Франции» («Conseils à la France désolée», 1562) он призывал католиков и гугенотов к примирению на основе принципа веротерпимости.

Однако выдающиеся гугенотские публицисты Дюплесси-Морне, Юбер Ланге, Отман и близкий к ним католик Этьенн Лабозси в своих политических трактатах показали ограниченность позиции, сводившей всю борьбу во Франции к богословским спорам.

В «Защите против тиранов» («Vindiciae contra tyrannos») Юния Брута (псевдоним Юбера Ланге), в «Мемуарах» Филиппа Дюплесси-Морне, в «Рассуждении о добровольном рабстве» Этьенна Лабозси получили дальнейшее развитие идеи народного суверенитета, свободы и достоинства человеческой личности. В их историко-публицистических и полемических трудах уже имеется мысль о возникновении государства из общественного договора, которая усилила кальвинистскую теорию народного суверенитета. Однако Морне и Ланге при всей их прогрессивности обнаруживают классовую ограниченность политической мысли. Недоверие к народной массе, подчеркивание руководящей роли дворянской аристократии во всей политической жизни, защита государственной децентрализации, предоставления провинциям и городам широкой автономии, что означало тогда укрепление политического господства аристократии и отчасти городского патрициата, — все это еще очень далеко от буржуазно-демократической программы XVIII в.⁶⁴

⁶³ H. M. Baird. Th. Beza, the counsellor of the French Reformation. London, 1900; J. W. Allen. A History of political thought in the sixteenth century. Second ed. London, 1941, pp. 89—102; W. J. Stankiewicz. Politics and religion in seventeenth century France. Berkeley-Los Angeles, 1960, p. 8 ss. Себастиан Кастеллион, переводчик Библии на французский язык и борец за свободу совести, в связи с 400-летием начала его полемики с Безой вызвал к себе внимание многих зарубежных историков Реформации. Его трактат «De haereticis» переиздан в Женеве в 1954 г. с введением Вандевуда (Sape van de Woude); см. также сб.: Castellioniana, Leiden, 1951; Autour de Michel Servet et de Sébastien Castellion, Recueil publié sous la direction de B. Becker, Haarlem, 1953, и ряд монографий, отмеченных в издании: Bibliographie de la Réforme 1450—1648. Ouvrages parus de 1940 à 1955. Fasc. 1—III. Ed. 2. 1960—1961.

⁶⁴ P. Mesnard. L'essor..., pp. 340—347; H. Baudrillart. Jean Bodin..., pp. 65—73; J. Viénot. Histoire..., v. II, pp. 80—88; E. Arnt-

Особняком стоит в группе передовых публицистов интимный друг Монтеня Этьен де Лабоэси, который остался католиком, но идеи которого были гугенотами встречены с энтузиазмом. Гугеноты переиздали в 1579 г. его «Рассуждение о добровольном рабстве» («Discours de la servitude volontaire», 1576), дав ему другое название — «Против единоличной власти» («Contr'un»). Они нашли в этой книге исторические и политические основания, оправдывающие вооруженное выступление против «законного короля», ставшего «тираном». Но Лабоэси не ограничивается призывом к борьбе за свободу против тирании. Находясь под влиянием учений революционного анабаптизма, он провозглашает принцип общественного равенства. Дворян он называет «пожирателями народа» (mange-peuple). «Добрая мать-природа, — говорит Лабоэси, — дала всем нам землю, чтобы на ней жить, всех поместила в одном доме, всех слепила из одного теста». Отсюда, из «естественного права», выводится положение о равенстве всех людей и требование ликвидации всех форм феодальной зависимости, что является предвосхищением буржуазно-демократического понимания свободы и равенства в XVIII в.⁶⁶

Бесспорно, самым авторитетным политическим писателем гугенотов, пользовавшимся во всей протестантской Европе репутацией острого полемиста и ученой историка, был Франсуа Отман (Hotman, 1524—1590). Сын советника Парижского парламента, Отман получил в Орлеане юридическое образование и должен был занять места отца, но, едва покинув студенческую скамью, в 1547 г., он примкнул к кальвинизму и ушел в добровольное изгнание. Отман преподавал в ряде швейцарских университетов, приобрел славу великого латиниста и знатока права, чем объясняется приглашение его во Францию, в Буржский университет, на кафедру знаменитого юриста Кюжас (Cujas, Cujacius) для чтения курса феодального права. В 1567 г. он издал свой трактат «Анти-Трибониан», в котором Юстинианов Свод гражданского права подвергнут систематической критике и представлен как извращение подлинного права Римской республики ранней империи. Королева Елизавета приглашала его в Оксфорд, но он предпочел Париж, куда призвал его Лопиталь, добывший для него должность «королевского историографа». Варфоломеев

ская ночь вынудила Отмана снова эмигрировать. В Женеве он издал, по горячим следам этого события, «Биографию Колиньи» и латинский памфлет «Французское бешенство» («De furoribus gallicis»), содержащий яркое описание резни гугенотов. В 1573 г. вышел первым изданием его знаменитый труд «Франко-Галлия» («Hotmani juris consulti Franco-Gallia»),⁶⁶ представляющий попытку юридически обосновать притязания гугенотской феодальной аристократии на участие в политической власти. Отман выдвигает здесь теорию, что Франция с самого начала существования имела конституцию, предоставлявшую «народу» полную свободу и право избирать и низлагать короля. Отман впервые использует древние грамоты наряду с данными средневековых хроник, начиная с Григория Турского, но интерпретирует их крайне произвольно. Он доказывает, что галлы и франки (последних он считает германцами, отбрасывая легенды об их троянском происхождении) находились в тесной связи, обусловленной этническим родством и близостью их интересов: и те, и другие были врагами угнетательской Римской империи. Вторжение франков в Галлию явилось своего рода революцией, в которой коренное население выступало в союзе с пришельцами. В XVIII в. этот тезис возродит буржуазный историк Дюбо. Франки, утверждает Отман, принесли с собою свободу. Они слились с галлами в единый народ, избравший и низлагавший королей на своих собраниях (placitum). «Салический закон», на который ссылаются, доказывая наследственность королевской власти, Отман совершенно правильно рассматривает как памятник частного права, не имеющий отношения к вопросу о престолонаследии.

Останавливаясь затем на мартовских и майских полях времен Меровингов и Каролингов, на собраниях знати при Карле Великом, которые он называет «государственным советом», на церковных соборах, собраниях нотаблей и генеральных штатах XIV—XVI вв., Отман устанавливает фантастическую филиацию между этими учреждениями и приписывает им не соответствующую их характеру функцию носителей народного суверенитета. С помощью исторических примеров автор хочет доказать, что эти мнимые народные собрания обладали законодательной и судебной властью, ограничивавшей власть короля.

Таким образом, по Отману, во Франции существовала ограниченная, «конституционная» монархия. Первый удар по древней конституции был нанесен королями Капетингской династии, которые стали передавать свой престол по наследству. При Капетингах же появились так называемые «легисты», «люди низкого

⁶⁶ Автор сам перевел эту книгу на французский язык; она выдержала до 1589 г. ряд изданий, затем была им подвергнута переработке с целью защитить права гугенотского вождя Генриха Бурбона на французский престол.

strong. The political theory of the Huguenots. EHR, IV, 1889; W. J. Stankiewicz. Politics... p. 12 ss.

⁶⁶ Н. И. Радциг (Этьен де Лабоэси — предшественник монархоманов XVI в. В сб.: Средние века, вып. 2, 1946, стр. 322—332) черезчур ограниченно трактует понимание свободы в «Рассуждении о добровольном рабстве», сводя все к тираноборчеству. Несправедливы и его подозрения будто Монтень хотел скрыть от публики произведение своего друга. См. М. Монтень. Опыты. Кн. II. М.—Л., 1958, стр. 232 сл., 246 сл. Ср. Ф. Коган-Бернштейн. Трактат ля Боэси о добровольном рабстве. Вопросы истории, 1946, № 2—3; H. Baudrillart. Jean Bodin... p. 68 ss; S. Lee. The French Renaissance, p. 308 s.

происхождения», «сутяги и крючкотворы», уничтожившие власть «государственного совета». Засев в Парижском и других парламентах, они присвоили себе право суда и утверждения законов. «Тиран» Людовик XI нанес окончательный удар по конституции, сосредоточив в своих руках всю власть. Борьба «Лиги общественного блага» против этого тирана была последним случаем применения древнего права «народа» восставать против короля. Так Французское государство, заключает Отман, «основанное и утвержденное на свободе», существовало более одиннадцати веков в этом первоначальном состоянии, защищая права народа силой оружия.

Отсюда делается вывод: народу принадлежит право низложить и выгнать короля (Карла IX) и отправить его мать в изгнание, т. е. произвести «необходимую и справедливую революцию». Должно быть создано временное правительство, выразитель народного суверенитета.

Как почти все гугенотские публицисты, Отман понимает под народом феодальную аристократию и городской патрициат. В его работе отражены политические взгляды и чаяния южно-французской феодальной знати, выступавшей в союзе с частью городской буржуазии против централизации страны, против королевского абсолютизма, в защиту своих средневековых привилегий. Разнородный социальный характер тех элементов, которые сражались под единым гугенотским знаменем, обусловил демократическую оболочку теории Отмана, защищавшей под именем народного суверенитета и конституционной свободы вольности феодальной знати.

Парижский парламент запретил печатать, читать и распространять «Франко-Галлию», и ее экземпляры были сожжены рукою палача. Городские власти Женевы, науганные угрозами французского правительства, в свою очередь запретили печатание и распространение как этого труда, так и некоторых политических памфлетов Отмана (1574). Любопытно, что через 15 лет, когда Генрих Наваррский стал по праву наследования преемником Генриха III, Отман выступил (в книге «О праве наследования престола Галлии» — «De jure successionis regno Galliae») в защиту принципа наследования престола, тогда как писатели Католической лиги использовали против нового короля историческую аргументацию этого гугенотского ученого.⁶⁷ Уже один этот факт показывает, в какой мере исторические теории у писателей обоих лагерей определялись политической конъюнктурой.

⁶⁷ A. Thierry. *Considérations sur l'histoire de la France*. Paris, 1840, pp. 20—30; Petit de Julleville, III, 568 s.; B. Reynolds. *Propriety of limited monarchy in sixteenth century France*: Francis Hotman and Jean Bodin. N. Y., 1931, p. 69 ss.; A. Sayous. *Etudes...*, t. II, pp. 1—55; H. Baudrillart. *Jean Bodin...*, p. 62 ss.; P. Mesnard. *L'Essor...*, pp. 327—336.

Франсуа де Лану (de la Noue, 1531—1591) разделяет исторические теории Отмана, но идет своим особым путем. Он представляет интерес как фигура, полная внутренних противоречий, обусловленных столкновением светских, рациональных и оптимистических идей Возрождения с богословским, спиритуалистическим и враждебным миру настроением, присущим некоторым течениям Реформации. В его «Политических и военных рассуждениях»,⁶⁸ написанных в испанском плену (1580—1585), имеются разделы, посвященные истории современной ему Франции. Лану рисует в общем мрачную картину экономического, политического и, главное, морального состояния своего отечества. Он склонен думать, что «бедной Франции» («если бог не вмешается») угрожает близкая гибель от внутренних раздоров, анархии, иностранной интервенции и связанного со всем этим экономического упадка. В частности, он отмечает разорение дворянской знати, но в отличие от Сейсселя ищет причину этого не только в ее страсти к чрезмерной роскоши, к постройкам и т. п., но и в «моральной порче» — в распространении свободомыслия, атеизма, эпикуреизма, приверженности к магии и колдовству. Отход высших классов французского общества от христианства (в чем повинны и католики, и протестанты) Лану, вслед за Отманом, объясняет зловерным влиянием ненавистного Макиавелли, а также «распутного» романа «Амадис Галльский», которым увлекается дворянская молодежь. Дитя Ренессанса, почитатель Рабле, которого он охотно цитирует, Лану в то же время возмущен обращением за политической мудростью к Макиавелли, Аристотелю, Полибию, Плутарху и другим древним языческим или новейшим безбожникам, вместо того, чтобы искать ее в «священном писании». Эти реакционные взгляды совмещаются у него с возрожденческой верой в могущество образования: в качестве эффективной меры против оскудения дворянства он предлагает королю организовать по всей Франции школы для дворянских детей.⁶⁹

Противоречивость мировоззрения Лану следует отнести за счет его еще вполне феодального классового сознания; мы ее не обнаруживаем у буржуазных писателей, таких, как кальвинистский пастор де Серр или как обедневший дворянин Ла Поппленьер.

Жан де Серр (de Serres, 1540—1598) дал своему главному труду название «Комментарии о состоянии религии и правительства во Французском королевстве»⁷⁰ то ли по образцу Слейдана,

⁶⁸ F. de la Noue. *Discours politiques et militaires*. Basle, 1587, in 4°; цит. по изд.: La Noue. *Discours... recueillis et mis en lumière par le sieur de Fresnes*. 1896.

⁶⁹ A. Sayous. *Etudes...*, t. II, pp. 146—173; A. Tilley. *The Literature...*, v. II, p. 200 ss.; H. Baudrillart. *Jean Bodin...*, p. 102 s.; Hauser, III, 58 s., № 1459.

⁷⁰ *Commentariorum de statu Religionis et Republicae in Regno Galliae libri*, vv. I—V. 1572—1580.

которого он продолжил, доведя до 1576 г., то ли по примеру Ла Пласа,⁷¹ из которого он много заимствовал. Как и оба его предшественника, де Серр опирается на официальные акты, письма и другие документы. У него мы находим наиболее обстоятельный рассказ о подготовке и осуществлении резни гугенотов в Варфоломеевскую ночь. Интересно, хотя бездоказательно, его указание, что это преступление было решено Катериной Медичи еще в 1565 г. при свидании с герцогом Альбой в Байоне.

Жан де Серр был одним из ближайших советников Генриха IV, от которого получил звание историографа Франции. Непримириемые гугеноты, вроде Агриппы д'Обинье, не могли простить де Серру, что он ради прекращения гражданской войны в качестве пастора и духовного наставника облегчил совесть Генриха Наваррского, когда тот решил перейти в католичество, и что он носился с мыслью о возможности сближения обеих религий. Д'Обинье причисляет его к тем «голодным и жадным пасторам», которые не видели ничего дурного в примирении Генриха IV с Римом. Как бы в ответ на это обвинение де Серр в своей последней работе — «Кратком обзоре» («Inventaire») французской истории «от Фарамонда до Генриха IV», заключает рассказ о переходе Генриха в католичество в 1593 г. следующими многозначительными словами: «Вот удар, разрушивший партии и надежды некоторых сеньоров на возможность продолжать свои мятежи и восстания».

Репутацию политически неблагонадежного автора приобрел среди ревностных гугенотов и Ла Поппеньер (Voisin Lancelot de la Popelinière, ок. 1540—1608) — историк, замечательный своей начитанностью, широтой интересов и усилиями наметить для историографии новые пути.

В 1571 г. Ла Поппеньер издал обширную «Историю Франции... с 1550 г. до настоящего времени»; спустя 10 лет она была переиздана в виде двух фолиантов, один — с посвящением «королю» (Генриху III), другой — «королеве-матери» (Катерине Медичи).⁷² Полученная от последней субсидия на издание этого труда лишила автора возможности быть объективным по отношению к королевской семье. Рассказывая о Варфоломеевской ночи, он отрицает участие Карла IX и его матери в подготовке этого преступ-

⁷¹ Де ла Плас (Pierre de la Place, 1520—1527), убитый в Варфоломеевскую ночь, оставил труд на французском языке под точно таким же названием: «Commentaire de l'estat de la religion et république sous les roys Henri et François seconds et Charles neuvième. 1565. См.: Hauser, II, 165 № 1262.

⁷² Ch. Dardier. Jean de Serres, historiographe du roi (1540—1598) RH, v. 22, 1883; Hauser, II, 165 ss., № 1263; III, 68 s., №№ 1476—1477.

⁷³ L'Histoire de France. Enrichie des plus notables occurrences survenues ez Provinces de l'Europe et pays voisins... Depuis l'an 1550 jusqu'à ce temps, t. I—II. [La Rochelle], 1581, in f°. Предшествующие издания (без посвящений): Кельн, 1571, Базель, 1572, Ла Рошель, 1573, Базель, 1578—1579 — были анонимными.

ления. Хотя и гугенот, Ла Поппеньер ближе стоит к «политикам», разделяя их мнение о необходимости компромисса. В введении к «Истории Франции» он резко осуждает манеру наклеивать людям ярлыки — «паписты», «гугеноты», «лютеране» и т. п. — и призывает к религиозной терпимости и единству. За все эти и многие другие уклонения от политики гугенотской партии синод пасторов в Ла Рошели привлек Ла Поппеньера к суду и заставил его отречься от своей книги (1585).

Ценою больших трудов и лишений (А. д'Обинье указывает, что Ла Поппеньер потратил и все свое состояние, и деньги, полученные от королевы) гугенотский историк собрал богатейшую документацию. Агриппа д'Обинье ставит его рядом с «лучшим историком Франции XVI в.» Де Ту. Эта оценка вполне заслуженная. Ла Поппеньер обнаруживает поразительное проникновение в суть событий, понимание материальных причин Реформации в ряде стран Западной Европы и гражданской войны во Франции. Успехи Реформации в Германии обусловлены, по его мнению, не столько превосходством лютеровского вероучения над католическим, сколько, с одной стороны, желанием князей увеличить за счет католической церкви свои богатства и могущество, с другой, — стремлением простого народа использовать церковные реформы для своего политического и социального освобождения. Оппозицию английского джентри Марии Тюдор и укрепление Реформации в Англии он объясняет заинтересованностью покупателей монастырских земель в сохранении своих приобретений.

Ла Поппеньер не ограничивается одной отечественной историей (за 1550—1577 гг.), но дает и материал по международным отношениям, исторические портреты, обобщения и рассуждения философско-исторического характера. Новейшая критика сильно снизила значение его «Истории Франции», отметив обширные заимствования из Ла Пласа без упоминания имени последнего.⁷⁴ Однако для историографии Ла Поппеньер имеет значение не как автор «Истории Франции», а как теоретик и историк исторической науки, где он наряду с Боденом является пионером.⁷⁵

Хронологически гугенотскую историографию завершает Агриппа д'Обинье (Théodore-Agrippa d'Aubigné, 1552—1630) — солдат, поэт, публицист и историк.

⁷⁴ Отзыв А. д'Обинье см.: Histoire Universelle, v. I. A. Maille, 1616, Préface, p. 4. О заимствованиях у Ла Пласа см.: Hauser, II, 166, № 1264. Сайфер (George Wylie Sayer. La Popelinière's, Histoire de France. Journ. of History of Ideas, v. XXIV, № 1, 1963), опираясь на материалы из личного архива Ла Поппеньера, ставит под сомнение свидетельство д'Обинье о королевской субсидии историку-гугеноту, подчеркивает его объективность и серьезное стремление к исторической правде, вызвавшие озлобление гугенотских вождей, подробно излагает историю суда над Поппеньером в Ла Рошели.

⁷⁵ См. следующий раздел данной главы, стр. 415 сл.

Один из видных представителей феодальной гугенотской аристократии, воспитанник де Беза в Женеве, друг и соратник Генриха Наваррского, деливший с ним все превратности военной жизни, Агриппа д'Обинье после 1593 г. оказался в числе тех фрондирующих сеньоров, которые, по ядовитому замечанию де Серра, видели в гугенотской вере предлог для «мятежей и восстаний» против короля. Но у д'Обинье была политическая программа, формулированная еще Отманом: частый созыв Генеральных штатов, назначающих государственный совет, восстановление вольностей и привилегий провинций и городов, — словом, ограничение королевской власти в пользу дворянства и верхушки буржуазии. Д'Обинье был главою и оратором гугенотских делегаций, которые обращались к Генриху IV с жалобами, требованиями и даже угрозами. Кинжал Равальяка, оборвавший жизнь Генриха, оборвал и последние нити, связывавшие д'Обинье с правительством. Он стал укреплять свои замки; это вызвало в Париже подозрения и решение их уничтожить. Д'Обинье продал свои замки герцогу де Рогану и бежал в Швейцарию.

Агриппа д'Обинье занимает почетное место среди поэтов и писателей французского Возрождения. Его «Трагические поэмы» («Les tragiques»), в которых в высокохудожественной форме дана картина Франции периода гражданской войны и особенно красноречиво изображены страдания труженников-крестьян, «несчастных жертв злобы неблагодарных бездельников», принадлежат к выдающимся произведениям мировой литературы. «Трагические поэмы» полны резких выпадов против абсолютизма («тирании» по гугенотской фразеологии), против парижского и провинциальных парламентов — этого «позора Франции» — с их чиновниками, «одетыми в шерсть и кожу вдов и сирот» и воплотившими все человеческие пороки — скупость, честолюбие, зависть, ханжество, пьянство.⁷⁶

Из сатирических произведений д'Обинье большой интерес представляет его инвектива «Католическая исповедь сеньора де Санси» («Confession catholique du sieur de Sancy», Cologne, 1694), замечательная своей чисто вольтеровской издевкой над таинством преосуществления. «Пот несчастного пахаря, — говорит д'Обинье, — действительно преосуществляется в жирок преуспевающих чиновников, пальцы гасконского винодела наполняют желудок паразита, слезы разоренной вдовы превращаются в румяна публичной женщины, налоги превратили пашню в пастбище, виноградники в пустоши, крестьян в попрошаек, солдат в воров, и все это почти без всякого чуда».

⁷⁶ «Трагические поэмы», а также «Мемуары» д'Обинье, имеющие в оригинале название «Histoire secrète de Th. Agrippa d'Aubigné, écrite par lui-même et adressé à ses enfants», изданы в русском переводе с вступительной статьей Р. М. Самарина (М., 1949).

Иронизируя над католическими догматами, д'Обинье оставался, однако, человеком верующим, благочестивым кальвинистом. Он глубоко убежден в том, что земная история развивается по воле божественного провидения. Как любой средневековый христианин, он верит в предчувствия, знамения, в предсказания юродивых, даже в чудеса, которые «либо являются таковыми, либо представляются чудесами очевидцам, неспособным найти для них естественные причины».⁷⁷

Мы неоднократно могли убеждаться в том, что многие люди Возрождения соединяли в себе противоречивые черты — самые передовые взгляды с заскорузлыми предрассудками старины. Д'Обинье в этом отношении не является исключением. Эта противоречивость в мировоззрении наложила печать и на его «Всеобщую историю».

Это произведение д'Обинье начал писать, как он утверждает, по предложению Генриха IV. «Всеобщая история» охватывает период с 1553 по 1602 г. Автор собирался довести изложение до 1622 г., когда правительство заключило с гугенотами соглашение, знаменовавшее падение этой партии (значительное ухудшение условий Нантского эдикта), но смерть помешала ему довести эту работу до конца.⁷⁸

В 1620 г., когда вышли в свет первые две книги «Всеобщей истории», они были по решению Парижского парламента сожжены рукою палача «как наполненные выдумками и клеветой, затрагивающими честь королей, принцев и других знатных лиц». Д'Обинье гордился этим решением, говоря: «Огонь, на котором сжигали мои книги, освятил их». Он писал также: «Я служу своей родине чернилами так же верно, как служил ей кровью». Свой исторический труд он посвятил «только потомству». В введении он пишет: «Примите это изображение бурного времени, полного честолюбивых замыслов, замечательных примеров верности и измен, благоразумия и безрассудства, успеха и несчастий, высоких доблестей и позорной трусости... и вы извлечете из этих рассказов настоящий плод истории — познание безумств и слабостей людей, правосудия и могущества бога».⁷⁹

«Всеобщая история» излагает главным образом события гражданской войны во Франции, но к каждому разделу присоединены и сведения о текущей истории других европейских стран, в том числе и Московского государства, «которому предназначено вели-

⁷⁷ Цит. по: J. Plattard. La tricentenaire de la Mort d'Agrippa d'Aubigné. RCC, t. II, № 12, 1930, p. 295.

⁷⁸ Agrippa d'Aubigné. Histoire Universelle, vv. I—III. Ed. 1. A. Maille, 1616—1620, in f°; последнее издание, в 15 книгах, подготовлено А. де Рюбль (Ruble), vv. I—IX, Paris, 1886—1897, Société de l'Hist. de France). Незаконченная 16-я книга вышла, также под маркой SHF, в 1926 г.

⁷⁹ A. d'Aubigné. Histoire... v. I, 1616, p. 5 s. (Préface).

кое будущее».⁸⁰ Д'Обинье немало заимствует у Де Ту и ла Попленьера, которым он воздает должное в своем предисловии, но он опирается и на материалы, собранные с большим старанием им самим: на памятные записи и переписку военно-политических деятелей, на архивные материалы гугенотской партии, предоставленные ему по решению кальвинистского синода в г. Гап (к югу от Гренобля), на хронику текущих событий, издававшуюся до 1611 г. бывшим гугенотом Пальма Кайе (Cayet), и на ее продолжение — «Французский Меркурий» («Mercure de France»).

При использовании этих источников д'Обинье обнаруживает большое критическое чутье, усилия сохранять беспристрастие и быть только «регистратором фактов». Но при всей своей добросовестности и основательном знакомстве с фактами истории гражданской войны Агриппа д'Обинье создал глубоко партийное произведение, проникнутое убеждением в правоте кальвинистского вероучения и политической программы гугенотов.⁸¹

«Политики» в отличие от Католической лиги и гугенотов не представляли собою партии в собственном смысле слова. Это было скорее общественное направление, имевшее сторонников преимущественно среди высшего чиновничества, литераторов и ученых, представлявших интересы богатой буржуазии северофранцузских городов.⁸² Призванным вождем этого направления был канцлер Лопиталь, а его философом — Жан Боден. Лопиталь в ряде выступлений и особенно в «Трактате о реформе правосудия» («Le traité de la Reformation de la justice») формулировал следующие требования «политиков»: укрепление королевской власти, независимость французской национальной (католической) церкви (так называемое «галликанство»), терпимость ко всем христианским вероучениям, уважение к «свободе» (разумеется,

⁸⁰ Наибольшее внимание уделено внешним событиям, главным образом Ливонской войне.

⁸¹ E. Réaume. Etude historique et littéraire sur A. d'Aubigné. Paris, 1883; Samuel Rocheblave. 1) Agrippa d'Aubigné, Paris, 1910; 2) La vie d'un héros, Paris, 1912; Armand Garnier. A. d'Aubigné et le parti protestant, vv. 1—3, Paris, 1928; J. Plattard. La tricentenaire... RCC, tt. I—II, 1929—1930, особенно № 15, p. 635 ss.; A. Sayous. Etudes..., t. II, pp. 208—304; Fueter, 178—181; Hauser, III, 13 ss. К гугенотской историографии до некоторой степени относятся и «Мемуары» Сюлли (Maxim. de Béthune, baron de Rosny, duc de Sully «Mémoires des sages et royales économies d'Etat de Henry le Grand»). Но эти мемуары, написанные четырьмя секретарями Сюлли по его бумагам и под его руководством, представляют исключительно источниковедческий интерес. Ни Сюлли, ни его секретари не были ни историками, ни людьми, сколько-нибудь искусными в литературе. См.: M. Lavissee. Sully d'après ses mémoires. Revue des cours littéraires de la France et de l'Etranger. Paris, 1868—1869, pp. 402—410.

⁸² См.: Francois De Cugue. Le parti politique au lendemain de la S. Barthélemy: La Molle et Coconat. Paris, 1892 (состав этой «партии» определяется следующим образом: «...государственные секретари, советники юристы, эрудиты, дипломаты...»).

в пределах, необходимых для буржуазного предпринимательства). Ближайшей же целью «политиков» было прекращение вооруженной борьбы между партиями и восстановление гражданского мира.

«Политикам» симпатизировали и умеренные гугеноты (вроде Лану или Ла Попленьера), и люди, державшиеся в стороне от всякой политической деятельности (например, Монтень).

В исторической литературе «политики» представлены прежде всего трудами таких выдающихся эрудитов, как рассмотренные выше Пьер Питу, Фоше и Пакье; что касается политической истории современности, то здесь может быть названо только одно единственное монументальное произведение — «История своего времени» Огюста Де Ту, которое признается высшим достижением французской гуманистической историографии XVI в.

Жак Огюст Де Ту (De Thou, лат. Thuanus, 1553—1617), сын президента Парижского парламента, богослов и юрист по образованию, занимал видные посты в правительственных органах, а при Генрихе IV стал правой рукой короля по делам культуры и одним из его влиятельных политических советников. Известно его активное участие в подготовке Нантского эдикта. Де Ту реформировал Парижский университет, содействовал возрождению Collège de France, расширил королевскую библиотеку, поддерживал дружеские связи с Питу, Скалигером, Казобоном и другими крупнейшими гуманистами, будучи одновременно «светским отцом и покровителем» францисканского ордена во Франции.

Главный труд своей жизни — «Историю своего времени» («Historia sui temporis», во французском переводе «Histoire Universelle»), охватывающую период с 1543 по 1607 гг., Де Ту писал более 20 лет, почти до самой смерти, публикуя ее с каждым новым изданием во все более широких размерах: издание 1604 г. насчитывало 18 книг, 1606 г. — 57, 1609 г. — 80, 1617 г. — 126.⁸³ Каждая «книга» начинается с подробного оглавления и списка источников и литературы. По богатству и разнообразию привлеченных архивных материалов (в том числе секретных) и литературы работа Де Ту для своего времени — явление исключительное. Среди источников преобладают государственные акты — протоколы государственных советов, постановления Парижского парламента, указы и резолюции Генеральных штатов, донесения дипломатов, дневники и мемуары военных и политических деятелей, используемые критически.

Все это, разумеется, источники для истории Франции. В истории других стран, особенно Центральной и Восточной Европы,

⁸³ После смерти Де Ту его преемник по заведыванию королевской библиотекой Ригго (Rigault) издал дополнительно 12 книг, составленных по записям и черновикам покойного. В XVIII в. вышло два издания в французском переводе под названием «Histoire Universelle»: в Лондоне (фактически во Франции) в 1734 г. (16 тт.) и в Гааге в 1740 г. (11 тт.). По этому последнему изданию приводятся и все цитаты.

Де Ту в значительной мере зависит от чужих трудов. Как весьма добросовестный автор он с сожалением писал о своем неосуществившемся желании, чтобы эти разделы были просмотрены и исправлены учеными соответствующих стран.

Хотя Франция, естественно, стоит в центре и здесь автор проявляет наибольшую самостоятельность, но и факты всемирной истории не являются простым привеском, как например у д'Обиньи, они изложены достаточно подробно, причем не забыты и данные истории культуры в виде кратких характеристик умерших в соответствующем году писателей, ученых, художников.

Вообще труд задуман широко. Автор пишет в введении к первой книге: «Я намерен передать потомству все, что произошло замечательного во всех частях света...». В серьезности этого намерения можно убедиться, бросив взгляд хотя бы на содержание одного из параграфов той же книги: «Путешествия Хр. Колумба и Америго Веспуччи. Альварес Кабраль открывает Бразилию, Понс де Леон Флориду, Магеллан Огненную землю. Успехи испанцев в Вест-Индии. Португальцы в Ост-Индии...». Далее следуют «Французские дела» и события в других странах Европы.

Таким образом, порядок изложения определяется важностью излагаемых фактов. Чем же определяются их оценки?

Автор утверждает, что он писал, «советуясь только со своей совестью», «без всякой партийности и лести», «без принуждения, свободно», что он «был сдержан в своих суждениях», смягчая даже «самые отвратительные факты», стараясь «ни о ком не говорить плохо».⁸⁴

И все же у него была определенная партийная позиция — позиция «политиков». Аттестуя себя как «верного сына римской церкви» и «благочестивого католика», Де Ту тем не менее более благосклонен к гугенотам, чем к католикам. Он резко отрицательно оценивает деятельность Католической лиги, особенно ее изменнические связи с Испанией. Вслед за Жаном де Серр он приписывает «роковому Байонскому свиданию», где Катерина Медичи поддалась давлению вражеского государства, начало той политики, которая увлекла Францию на опасный путь преследования протестантов. Де Ту считает терпимость ко всем христианским вероучениям азбукой государственной мудрости. История показывает, пишет он, что религию нельзя навязать силой: «Казни не служат ни к чему, они не убеждают и не устрашают, а скорее ожесточают людей» (История..., I, р. XIII). Особенно неуместна суровость по отношению к большой массе еретиков. Здесь Де Ту ссылается, с одной стороны, на авторитет Августина и на опыт древней церкви, которая не предавала еретиков смерти, с другой — на пол-

⁸⁴ См. общее предисловие с посвящением Генриху IV и введение к книге I.

ное банкротство террористических методов герцога Альбы в Нидерландах. Таким образом, религиозные войны являются безрассудством и преступлением в отличие от внешних войн, представляющих лучшее средство отвлечь французов от внутренних междоусобий.

Помимо богатой документации, широты охвата, защиты передовых по тому времени взглядов, осуждающих всю практику католической реакции, Де Ту как историк обладает еще двумя существенными достоинствами. Во-первых, он хорошо понимает значение национального сознания, выражением которого была твердая воля подавляющего большинства французов видеть на престоле национального государя, а не ставленника иностранной державы. Во-вторых, Де Ту выходит за рамки обычного повествования, стремясь показать внутреннее сцепление событий, причину возникновения партии, логику развития партийной борьбы и ее следствия. М. Риттер⁸⁵ полагает, что всему этому Де Ту научился у Макиавелли. Эта догадка уже потому неверна, что имя итальянского писателя было во Франции в то время так же ненавистным, как имя его соотечественницы Катерины Медичи, которую считали «макиавеллисткой». Притом аналитический метод Макиавелли, которым он намного опередил свой век, остался бы просто недоступным французскому историку, даже если бы он читал «Флорентийскую историю» и «Рассуждения на декады Т. Ливия». Но во Франции в то время знали, читали и яростно нападали только на «Государя».

В противоположность великому итальянцу Де Ту ни в чем не опередил своего века, а был только верным его выражением. Это относится и к достоинствам, о которых уже шла речь, и к недостаткам, которых у него тоже немало. Недостатком является прежде всего анналистическая композиция всего труда, вследствие чего под отдельными годами объединены факты, не связанные между собою, а иногда и лишённые всякого исторического значения.⁸⁶

Де Ту разделяет вообще суеверия своего времени и своей среды. Так, например, в комете он видит грозное небесное знамение. Французские переводчики его труда называют это «слабостями

⁸⁵ M. Ritter. Studien zur Entwicklung der Geschichtswissenschaft. Das Zeitalter des Humanismus, der Reformation und Gegenreformation. HZ, Bd. 109, H. 2, 1912, S. 302 f. (перепеч. в кн.: Die Entwicklung der Geschichtswissenschaft. München u. Berlin, 1919, SS. 165—176).

⁸⁶ См., например, кн. V, § 9, где рассказывается о «чуде» — выпадении в Каринтии «хлебного дождя», что «встречалось, впрочем, и раньше». См. там же сведения об уроде, родившемся 14 апреля 1548 г. и прожившем менее одного дня, а также о рождении в Париже курицы «с четырьмя крыльями, четырьмя ногами и двумя хвостами», прожившей два дня. Сообщения о курьезах этого рода встречаются как в этом, так и в других исторических трудах очень часто; они считались чем-то само собою разумеющимся.

его века, еще не просвещенного светом истинной философии и еще невежественного в области естествознания».⁸⁷

Популярности «Истории своего времени» повредило также поощрение Ливию, гуманистическая манера изображать деятелей XVI в. с чертами античных героев, то, что работа написана на латинском языке, причем все личные имена и географические названия переведены на латинский язык, что потребовало для понимания книги специального «ключа» с обратным переводом латинских имен на французский язык.

Произведение Де Ту — не просто зеркало эпохи. Оно рассматривалось современниками как официально одобренное изложение взглядов правящих кругов Франции на важнейшие вопросы истории и текущей политики. В 1609 г. экземпляры книг этого «верного сына католической церкви» были разорваны в Ватикане на куски по решению папской цензуры, и весь труд занесен в Индекс «между Эразмом и Галилеем». Иезуиты во Франции подняли в связи с этим большой шум, обвиняя Де Ту во всех смертных грехах и угрожая ему «пытками и кострами инквизиции». Для всех было ясно, что, пытаясь опешеловать этого историка, римская курия метила в правительство Генриха IV. Отсюда решительная реакция Парижского парламента. Богословская книга кардинала Беллярмина, инициатора осуждения Де Ту, была сожжена рукою палача, и та же участь постигла иезуитские памфлеты, направленные против «Истории своего времени». Точно так же в Лондоне книга Де Ту была воспринята как изложение официальной французской позиции. Яков I Стюарт пустил в ход все средства нажима, чтобы добиться от Де Ту новой редакции разделов, относящихся к истории Шотландии в правление Марии Стюарт, т. е. фальсификации этой истории, но потерпел неудачу.

Многочисленные нападки заставили Де Ту написать для самозащиты «Мемуары», в которых он рисует портреты современников и сообщает много интересных автобиографических подробностей. В общем это историк, достойный уважения. Его высоко ценил Вольтер и другие виднейшие историки XVIII в. Он не был новатором в методике исторического исследования, ни оригинальным мыслителем, ни блестящим писателем, но добросовестность, честность, чувство ответственности за каждую написанную строку, усилия сохранять беспристрастие в оценках, наконец, широта исторического кругозора — все это дает ему право на почетное место в историографии XVI—XVII вв.⁸⁸

⁸⁷ Следует по этому поводу заметить, что в 1749 г. были изданы в шестой раз «Pensées diverses» Пьера Бейля (изд. 1—1699 г.) — произведение, в котором он борется против этих суеверий. Очевидно, они не были изжиты и в XVIII в.

⁸⁸ J. Aug. De Thou. Historia sui temporis. Ab A. D. 1543 usque ad annum 1607, libri CXXXVIII, vv. 1—5. Geneva, 1620—1621. О французском переводе см. гл. восьмую, прим. 83. Литература: М. Ritter. 1) Studien...

Обзор важнейших произведений французской исторической литературы XVI в. убеждает нас в том, что она была ориентирована в основном на актуальные вопросы современности. Это относится не только к собственно политической, но и к «эрудитской» историографии, посвященной отдаленным эпохам (см. параграф 2 настоящей главы), что нисколько не умаляет вклада и той и другой в развитие науки истории. Правда, такой глубокий мыслитель, как Монтень, весьма скептически оценивал возможность историка современности правдиво отразить историческую действительность. «Я считаю, — говорит он, — что описывать прошлое — меньший риск, чем описывать настоящее, ибо в этом (первом, — О. В.) случае писатель отвечает только за точную передачу заимствованного им у других». Но этот взгляд свидетельствует лишь о том, что Монтень просмотрел рождение науки истории, рассматривая ее по традиции как ветвь литературы, где все сводится к рассказу очевидца событий, либо к литературной обработке рассказов старых авторов. Проблемы критики источников он не видел и весь «риск» исказить историю связывал с неизбежной субъективностью участников или очевидцев событий.⁸⁹

Что касается самих французских историков современности, то они, применяя к своим источникам разработанные еще итальянскими гуманистами приемы исторической критики и даже совершенствуя их, не ставили перед собою в отличие от эрудитов такой задачи, как систематическая оценка всей совокупности используемых источников и литературы. Мы не находим у них и широких исторических обобщений, попыток установления исторических закономерностей наподобие тех, какие в древности формулировал Полибий, а в эпоху Возрождения Макиавелли.

Эти задачи взяли на себя писатели, специально занимавшиеся философией истории и историей историографии, главным образом Боден и Поппельер.

4. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ, ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСТОРИОГРАФИИ

Наиболее видные представители философии и теории истории — Боден и Поппельер — имели предшественников в Италии,⁹⁰

SS. 298—312; 2) Die Entwicklung der Geschichtswissenschaft. München—Berlin, 1919, SS. 165—176; A. Tillye. The Literature... v. II, pp. 221—223; Philarète Charles. Etudes... pp. 243—285 (Essai sur la vie et les oeuvres de J. Aug. De Thou); Fueter, 178—180; Petit de Julleville, III, 557 s.

⁸⁹ М. Монтень. Опыты. Кн. I. М.—Л., 196, гл. XXI, стр. 134. Впрочем, возможно, что здесь он просто повторил мысль Бодена (Methodus, IV, p. 53), о чем будет сказано ниже.

⁹⁰ См. А. Garosci. Jean Bodin. Milano, 1934; в этом труде сильно преувеличено влияние Макиавелли на Бодена, так же точно, как в исследовании Ф. Лампрехта (F. Lamprecht. Zur Theorie des humanistischen

в Германии и Испании,⁹¹ в самой Франции,⁹² но они, особенно Боден, так широко и оригинально поставили проблему истории как науки, что могут по справедливости рассматриваться как зачинатели новых исторических дисциплин — исторической методологии и истории историографии.

Жан Боден (ок. 1530—1596) родился в Анжере в семье зажиточного ремесленника (портного). В юности он был кармелитским монахом, но отправленный в Париж изучать богословие, он сблизился с протестантами и едва не стал жертвой гонений со стороны церковных властей. Его спасло добытое его покровителями разрешение выйти из монастыря. Вслед за тем, около 1550 г., он поступил на юридический факультет университета в Тулузе, где он сначала учился, потом преподавал в качестве «помощника профессора». Около 1560 г. мы снова находим его в Париже в качестве адвоката при парламенте. Его первый большой труд — «Метод для легкого познания истории» («Methodus ad facilem historiae cognitionem», 1566) доставил ему известность и связи в ученых и ли-

Geschichtsschreibung. Zürich, 1950) преувеличено влияние на Бодена «Десяти диалогов об истории» (1560) Франческо Патрици.

⁹¹ В Германии — это знаменитый Агриппа Неттесгеймский, автор «De incertitudine et vanitate scientiarum» (1527), где подвергаются критике все истории, так как «они пишут только для развлечения читателей (dilectionis causa) и «обращают истину в ложь», выдавая желательное за действительное («... scribuntque non quod est, sed quod cupiunt»). См. Meta Scheele. Wissen und Glaube in der Geschichtswissenschaft. Heidelberg, S. 13, f. В Испании — это Л. Вивес (L. Vives. «De causis corruptarum artium», 1531), высказывавший аналогичные сомнения в возможности сделать историю правдивой наукой.

⁹² Например, известный юрист Бодуэн (Bauduin, Balduinus) издал за 5 лет до выхода в свет «Исторического метода» Бодена трактат «О составлении всемирной истории и связи ее с юриспруденцией» («De institutione historiae universae et eius cum jurisprudentia conjunctione», Parisii, 1564) и пользовался изданием Вольфиуса (I. Wolfius. Artis historicae penus Basileae, 1579). Этот автор пытается показать особое значение истории как науки, стоявшей выше естествознания. Насколько разум, интеллект (intelligentia) человека выше бессмысленных животных или вещей неодушевленных, настолько же история человечества выше естественной истории. Слабости и ошибки первой могут и должны быть преодолены. Высший вид истории — всемирная история — охватывает все страны и эпохи. В расуждениях Бодуэна много еще схоластики, и само представление о высших и низших науках связано со средневековым мировоззрением (профессия ювелира выше, чем профессия каменщика, а профессия врача еще более высокая, так как врач имеет дело с самой драгоценной материей — человеческим телом, и т. д.). Боден в «Историческом методе» (стр. 8) сам глухо упоминает о предшественниках: «И до меня некоторые писали книги о способе составлять истории». Однако авторы этих книг, замечает он далее, занимались лишь установлением формальных правил, а с этим лучше познакомиться непосредственно по трудам историков, которыми заполнены библиотеки. Его же, Бодена, задачи совсем другие: «...определить сущность истории, ее виды, порядок ее изложения; выяснить общие принципы человеческих действий; далее следует анализ отдельных историков и применение к истории критики; вслед за тем пойдет речь о государственном строе, составляющем центральную тему истории; опровергнута будде-теория четырех монархий» и т. д.

тературных кругах Франции. Гениальный трактат о причинах революции цен — «Ответ на парадоксы г. Мальтруа» («Response aux paradoxes de Mr. de Malestroict, 1568⁹³»), привлек к нему внимание двора. Карл IX назначил Бодена контролером вод и лесов в Нормандии (1570), где он за кратчайший срок возбудил до 400 процессов против дворян, нарушителей прав короны. Это взбудоражило всю аристократию провинции, и она добилась отставки Бодена. Немало врагов он создал себе и в придворных кругах, в день св. Варфоломея ему грозила такая же участь, как и гугенотам. Хотя глава оппозиции «политиков», младший брат короля Франсуа герцог Алансонский (позже герцог Анжуйский) назначил его своим советником и докладчиком (maître des requêtes), Боден вынужден был переехать в г. Лан и заняться там адвокатурой.

В 1576 г. Боден был выбран депутатом на Генеральные штаты от третьего сословия бальяжа Вермандуа. Своей страстной борьбой за прогрессивную в то время программу укрепления королевской власти, восстановления в стране гражданского мира, политики веротерпимости, защиты королевских доменов от расхищения аристократией он стал самой популярной фигурой и лидером буржуазии на этих штатах (в г. Блуа). В том же году вышел в свет его классический труд «О государстве» («Les six livres de la republicque»), выдержавший только в последней четверти XVI в. более дюжины изданий на французском языке и ряд изданий в переводах на языки латинский, итальянский, испанский и немецкий, а в 1606 г. — на английский. В 1580 г. вышла в свет его «Демонomania колдунов» («Démonomanie des sorciers»), произведение, в котором, отдав дань суевериям своего времени (отсюда потрясающий успех — более 20 изданий), Боден нанес удар «итальянской ведьме в Париже в 1572 г.», т. е. Катерине Медичи. В 1581—1583 гг. Боден вынужден был принять участие в нидерландском походе герцога Анжуйского, ездил в Англию для переговоров о браке между герцогом и королевой Елизаветой, а после предсказанного им провала и той и другой авантюры и смерти герцога вернулся в Лан. В 1589 г., вскоре после убийства Гизов, Боден сыграл решающую роль в политике этого города, убедив его правящие круги вступить в союз с революционным Парижем и примкнуть к Католической лиге как объединению «подавляющей массы французского народа» (см. его письмо к первому президенту Парижского парламента Бриссону, опубликованное в начале 1590 г.). В 1594 г. по тем же мотивам он настоял на добровольном подчинении города Генриху IV. За год перед тем он закончил замечательный труд, направленный против католиков, лютеран и кальвинистов, а в сущности и против религии вообще, — «Гептапломерес», или «Разговор [представителей] семи партий о сокровенных

⁹³ Полное название: «Discours de Jean Bodin sur le rehaussement et diminution des monnayes, tant d'or que d'argent, et le moyen d'y remedier, et response aux Paradoxes de M. de Malestroiet» (Paris, 1568).

тайных самых высоких материй» («Colloquium heptaplomero de abditis regum sublimium arcanis»), который он боялся издать при жизни и который никто не осмелился издать после его смерти. Боден скончался от чумы (или холеры) в 1596 г., не оставив почти никакого имущества, хотя он был «королевским прокурором» при ланском высшем суде.

Смелость взглядов, яркий критический талант и свободомыслие сделали Бодена в период реакции XVII в. предметом ненависти для католиков, и для гугенотов. Но в конце XVII в. Пьер Бейль автор самой ранней научной биографии Бодена, и Лейбниц (правда, написавший опровержение «Гептапломерес») воздали ему должное. Его труд «О государстве» привлек внимание в эпоху Просвещения, а прочие труды — лишь в середине XIX и XX в.

В некоторых отношениях Боден, подобно Макиавелли, настолько опередил свой век, что не мог быть оценен современниками по достоинству. Даже родственник ему по духу Монтен отзывается о нем довольно сдержанно, подчеркивая только его «здравомыслие».⁹⁵ Между тем рассуждения Бодена по вопросам

⁹⁴ Лучшее издание философских трудов Бодена, включая главный из них — «Methodus ad facilem historiae cognitionem»: Oeuvres philosophiques de Jean Bodin... publ. par P. Mesnard. Paris, 1951 (Corpus général des philosophes français publ. sous la direct. de R. Bayer). См. здесь же биография Бодена, написанную ученым издателем, и перепечатку этюда Пьера Бейля из его «Исторического словаря». Библиографию трудов о Бодене, вышедших до 1914 г., см.: R. Chauviré. Jean Bodin auteur de la République. Paris, 1914; за следующие 20 лет: A. Garosci. Jean Bodin; за 1934—1941 гг. — в кн.: Jean Bodin. La methode de l'histoire. Traduite... par P. Mesnard. Alger, 1914, p. V. Ниже приведена только литература, цитируемая в тексте: L. J. Diezmann. De naturalismo cum aliorum tum maxime J. Bodini ex opere eius... Schedisma inaugurale. Lipsiae, 1668; G. E. Guhrauer. Das Heptaplomeres des Jean Bodin. Zur Geschichte d. Cultur und Literatur im Jahrhundert der Reformation. Berlin, 1841 (краткая биография и отрывки из «Heptaplomeres»); H. Baudrillard. Jean Bodin... (лучший труд из написанных в XIX в.); R. Flint. The philosophy of history in France and Germany. London, 1874; Fritz Reiser. J. Bodin. Ein Beitrag zur Gesch. d. historischen Methode im 16. Jahrh. Gotha, 1905; Fr. v. Bezold. J. Bodin als Okkultist. HZ, Bd. 105, 1907; R. Oberfohren. J. Bodin u. seine Schule. Weltwirtschaftliches Arch., 1919, SS. 249—285 (о значении Бодена как раннего предвестника «классических школ» буржуазной политической экономии); P. Mesnard. L'Essor pp. 472—546 (главным образом анализ «De la République»); B. Reynolds. Proponents of limited monarchy...; John L. Brown. The Methodus ad facilem historiae cognitionem of Jean Bodin. A critical study. The Catholic Univ. of America, Washington, 1939 (прекрасно документированная книга, но немало нелепых соображений). Из советских историков Боденом занимались только Ф. А. Коган-Бернштейн. См. в Докл. и сообщ. ист. ф. МГУ (вып. 2, 1945, стр. 14—18) автореферат ее докторской диссертации о Бодене, из которой опубликована только одна глава: «Экономические взгляды Бодена» (в сб.: Средние века, вып. 2, 1946). Автор устанавливает, что труды Бодена оказали некоторое влияние на русскую историографию XVIII в., в частности, на И. Н. Болтина.

⁹⁵ См.: Опыты, кн. II, М.—Л., 1958, стр. 465. Враги Бодена, реакционеры, оценивали его более правильно — как опаснейшего сеятеля «нов

государственного права, экономики, истории культуры, религии и церкви, предвосхитившие многие идеи эпохи Просвещения, позволяют отнести его к числу самых выдающихся и передовых буржуазных мыслителей.

Наряду с этим Боден обнаруживает и удивительную в столь могучем уме зависимость от некоторых средневековых суеверий и предрассудков. Его подчас противоречивые взгляды как бы воспроизводят контрасты эпохи Возрождения. Эта противоречивость обнаруживается уже в «Метод», идеи которого он развивает во всех последующих трудах. Только вопросы религии и церкви он здесь старательно обходит, относя их к компетенции богословов (Methodus, I, 14, 28).⁹⁶ Его позднейшее религиозное свободомыслие в «Метод» обнаруживается довольно робко, например, в осуждении Ливия за «чрезмерную религиозность» (там же, IV, 68), Слейдана — за увлечение религиозными проблемами, «вызывающими у читателей скуку» (там же, 67), всех вообще церковных писателей начиная от отцов церкви — за их нетерпимость (там же, 102). Вместе с тем он упрекает своего кумира Полибия за полное пренебрежение к религии и выдвигает положение о ее необходимости: «Лучше иметь ложную религию, чем никакой — Praestabilius falsam quam nullam habere religionem» (там же, 68). Собственно, этим же положением заканчивается спор «семи мудрецов» в «Гептапломерес». Там даже атеист и материалист Торальби, к которому автор относится с явной симпатией, соглашается с тем, что религия нужна для существования общества и государства, ибо «без страха божия» нельзя сохранить общественную мораль и обеспечить послушание народа властям.⁹⁷ Как все это похоже на формулу Вольтера: «Если бы бога не было, его следовало бы выдумать!»

Но тот же Боден, просвещенный мыслитель, который критикует над Ливием, Цезарем и другими древними авторами за их детские суеверия (Methodus, IV, 68) и издевается над евангель-

и зловредных идей», что не мешало им широко пользоваться его материалами, не указывая источника. Так, А. Посевин, иезуит и папский послан к Ивану Грозному, автор «Judicium de quatuor scriptoribus — Ph. Lanua, J. Bodino, S. Morneo et N. Machiavelli» (Roma, 1592, Lyon, 1593), которому подают руку лютеранские и кальвинистские богословы Дрессер (Dresserus) в XVI в., Дикманн (Diezmann) в XVII в. и мн. др., смеялся Бодена с грязью, но в своей «Избранной библиотеке книг о смысле научных занятий» («Bibliotheca selecta de ratione studiorum», Venezia 1597) не постеснялся его обокрасть.

⁹⁶ Страницы «Methodus» указаны по изданию 1607 г. (L. Zetzneri, Argentorati, in 16°).

⁹⁷ Боден заявляет устами Торальби: «К чему Юпитер, Христос, Магомет, если говорит разум?» (Heptapl., V, 192). Но и Торальби считает, что народу религия нужна и что споры по вопросу о религии опасны (там же, IV, 128). Недаром «Heptaplomeres» до середины XIX в. считался «очень опасной книгой», издание которой осуществилось, да и то не на родине, лишь в 1857 г.

скими рассказами о «христовых чудесах» (Heptapl., V, 209), разделяет суеверные представления своего века насчет влияния звезд на судьбу людей,⁹⁸ верит в платоновскую мистику чисел (Methodus, VI, 311—334), в непогрешимый авторитет Моисея, т. е. Ветхого завета (там же, VIII, 435; IV, 101), в действительную силу магии и в существование ведьм, находящихся в связи с дьяволом.

Однако в вопросах, затрагивающих жизненные интересы поднимавшегося класса буржуазии, Боден отличается строгой последовательностью. Он выступает сторонником централизованной монархии, в которой государь ограничен законами, гарантирующими его подданным личную свободу и неприкосновенность собственности.¹⁰⁰ Изложенные Боденом взгляды соответствовали политическим идеалам буржуазии XVI—XVII вв. Этим объясняется беспримерный успех его книги «О государстве», где он особенно популярен, «на французском языке, дабы быть понятным всем», развил свои теории, оказавшие сильное влияние на Монтескье.¹⁰¹

Основой «упорядоченного и цивилизованного» общества является, по Бодену, семья и собственность. Тот факт, что в древнейшем праве «воровство почти не каралось (?), а ныне всюд карается смертью», служит ему одним из важнейших признаков общественного прогресса, перехода от дикости к цивилизации (Methodus, VII, 429 sq.).

В социологической концепции Бодена теория прогресса является центральной. Отвергая учение древних о «золотом веке на заре истории и переходе через этапы постепенного ухудшения к «железному веку», Боден доказывает, что железной, т. е. грубой и жестокой была именно начальная эпоха человеческой истории, затем уже происходит восхождение общества от дикости и варварства ко все более совершенным формам цивилизации. Он прославляет успехи науки и техники (особенно изобретение книгопечатания).

⁹⁸ Правда, Боден делает оговорку, что воля человека может преодолеть «влияние звезд», но вся 8-я книга «Исторического метода», направленная против материализма Эпикура, Аристотеля и Аверроеса, является настоящим сборником старых предрассудков, которыми еще так богата XVI век.

⁹⁹ См.: *Démonomanie des sorciers*. Голландский врач Вир (J. Wier) доказывал, что признания ведьм в их плотской связи с дьяволом — это признак тяжелого психического заболевания. Возражения Бодена, основанные на чисто формальном, юридическом подходе к «добровольным» (т. е. не под пыткой) признаниям «ведьм», только свидетельствуют о неспособности даже этого сильного ума освободиться от гнета предрассудков. Впрочем, здесь сказывается и политическая направленность «Демономании»: ненависть автора к Катарине Медичи с ее итальянскими чародеями, о чем уже упоминалось выше.

¹⁰⁰ Прославление монархического режима и критика всех других форм правления составляет содержание гл. 6 «Метода», но особенно подробно эта тема развита в трактате «О государстве».

¹⁰¹ R. Flint. *The philosophy of history...*, p. 74: «Половина положений Монтескье в кн. XIV—XVIII „Духа законов“ изложена уже Боденом. Боден прибавил к своим предшественникам больше, чем Монтескье к Бодену».

ния и огнестрельного оружия), далеко оставившие позади все достижения древних, географические открытия XV—XVI вв., колонизацию Нового света, рост мировой торговли, смягчение нравов и пр. Таким образом, заключает Боден, «мы выше древних». При этом «множество открытий и изобретений ждет человечество еще впереди», «ибо по своей природе науки содержат в себе несчетные сокровища, которые никогда не могут быть исчерпаны» (Methodus, VI, 431—433).

Этому оптимистическому представлению на первый взгляд противоречит мысль нашего автора о цикличности развития: «Природа кажется подчиненной закону вечного возвращения, так что все вещи как бы вращаются в круге».¹⁰² Однако эта мысль, навеянная Полибием и Макиавелли (см. гл. шестую, стр. 278), служит Бодену только для объяснения упадка античного мира и возрождения первобытного варварства. А за варварством снова последовала эпоха цивилизации и притом более высокой, чем античная. Нарисовав затем картину достижений этой новой цивилизации не только в материальной, но и в духовной сфере, Боден приходит к выводу: «Ошибка думать, что человеческий род не перестает вырождаться» (там же, VI, 433). В этой концепции нашли свое выражение и стихийный историзм мыслителя, и глубокий оптимизм восходящего класса французской буржуазии;¹⁰³ яснее всех Боден показал качественное отличие своего, «нового времени» от античности.

В связи с этими представлениями о прогрессивном развитии человечества находится резко отрицательное отношение к церковно-феодальной периодизации истории по четырем монархиям, которая была молчаливо отвергнута итальянскими гуманистами XV—XVI вв., но упорно защищалась немецкими историками. Боден правильно увидел в этой приверженности немецких гуманистов к старой схеме не научные и даже не религиозные, а чисто политические и националистические мотивы. Всю седьмую главу «Метода» Боден посвятил «опровержению тех, кто придерживается теории четырех монархий и золотого века». Он пользуется при этом историческими, географическими и юридическими аргументами. Пророчество Даниила, лежащее в основании этой теории, он называет «поэтическим вымыслом». Далее он показывает, что истории с древнейших времен известно много монархий или «империй», а не традиционные четыре. Но если даже считать Римскую империю четвертой по порядку, то нынешняя «империя нем-

¹⁰² Methodus, VI, 433: «... cum aeterna quadam lege naturae, conversio omnium rerum velut in orbem redire videatur...»; ср. I, 14: «... humanos casus qui velut in orbem sui similes aliquando currunt». Характерно это «velut» — «как бы», придающее идее циклизма весьма ограничительный смысл.

¹⁰³ Джамбатиста Вико развил эту концепцию лишь спустя полтора века, в «Новой науке» (1725), причем не упустил случая подвергнуть своего предшественника придирчивой и несправедливой критике.

цев» не имеет с нею ничего общего: они не совпадают по территории и между ними нет никакой преемственности, так как империя Карла Великого была не германской, а французской (галльской), и «создана французской доблестью задолго до того, как германцы узнали слово „монархия“». К тому же «нынешняя Германская империя» только по имени монархия, а фактически представляет собою аристократическую республику.

Один из важнейших признаков прогресса Боден видит в быстром росте торговли, охватившей в его век, век географических открытий, «весь мир» и связавшей все человечество «как бы в единую семью». Сама природа, распределив свои богатства неодинаково между различными странами, поставила их в зависимость одну от другой, «дабы народы с помощью взаимной торговли укрепляли между собою узы мира и дружбы» (Methodus, IX, 484). Поэтому Боден настаивает на полной свободе торговли, что он подробно обосновывает в «Ответе на парадоксы г. Мальтруа». Здесь же он уделяет внимание налоговой политике правительства, а также деньгам как орудию обмена, протестуя против порчи монеты, порчи, обусловленной, по его мнению, невежеством правителей в экономических вопросах.

Как идеолог буржуазии Боден враждебен феодальной знати. Ему ненавистен аристократический строй государства. Он не прочь поиздеваться над аристократами, определяя их как «людей, которые не в состоянии точно указать происхождение своих семей», настоящими же родовитыми аристократами являются одни... евреи! (там же, 528 сл.).

Боден осуждает рабство, приравнивая к нему разные формы феодальной зависимости и указывая, что подневольный труд невыгоден для самих господ — «этому учит опыт четырех тысяч лет». Однако ликвидацию рабовладения или крепостничества следует производить осторожно, постепенно.¹⁰⁴ Попытки же самих рабов освободить себя он осуждает, Спартак для него «бандит» (latro), как и для римских рабовладельцев (там же, V, 206). Он враждебен и «народному государству» (état populaire), так как оно неизбежно вырождается в господство простого народа или «черни» — в «охлократию».

Чисто буржуазный характер носит также оценка Боденом революций (conversiones), роли которых в истории государств он уделяет много внимания и в «Метод», и в трактате «О государстве». Его рассуждения на эту тему были, вероятно, главным мотивом переиздания последнего произведения депутатами Конституанты Кондорсе и Ле Шапелье в 1790 г., когда проблемы революции были особенно жгучими (см.: Methodus, VI, 295 sqq. De la République, I, IV). Боден понимает, что революции вызы-

¹⁰⁴ De la République, I, I, ch. XI: «De puissance seigneuriale, et s'il faut souffrir les esclaves en la République bien ordonnée». Ср.: H. Baudrillard art. Jean Bodin..., pp. 253 s., 261.

ваются экономическими и социальными причинами: угнетением «мелкого народа», избытком богатств у меньшинства, крайней бедностью большинства, отсутствием правосудия и т. д. Однако революции, которые ведут к устранению неравенства, Боден считает гибельными. Для их предотвращения он рекомендует, исходя из опыта революции XVI в. в Германии, следующие средства: снять колокола, запретить людям простого звания ношение оружия, запретить свободу слова и принять меры против народных ораторов типа Савонаролы или Иоанна Лейденского, которые увлекали за собою народ силой красноречия.¹⁰⁵

В учении Бодена о революции есть замечательное определение: революция есть перемещение суверенитета. Если восстание не приводит к переходу власти (суверенитета) либо к народу, либо к аристократии, либо к монарху, то мы не вправе считать его революцией. При этом, проводя принципиальное различие между формой государства и суверенитетом (его пример — Германия, по форме это монархия, но суверенитет принадлежит феодальной знати, следовательно, это аристократическая республика), Боден, по-видимому, не против установления «народного суверенитета», но с тем, чтобы реальная власть не попала в руки народа. Ибо в этом случае, говорит он, неизбежно введение «абсолютного равенства в богатствах, почестях, труде и заработной плате», т. е. в конечном счете установление коммунизма. В связи с этим Боден полемизирует с Платоном и Т. Мором и приводит аргументы Аристотеля против коммунизма, присоединяя к ним и свои собственные. Без частной собственности, по его мнению, невозможно существование государства. Он ссылается на Мюнстерскую коммуну анабаптистов, которая показала, что «государство, основанное на коммунизме, противно закону бога и природы» и потому недолговечно.¹⁰⁶

Антикоммунисты последующих веков в сущности не пошли в своей критике дальше Бодена, которому коммунизм на практике представлялся только в образе Мюнстерской коммуны анабаптистов, известной ему к тому же лишь по клеветническим измышлениям ее врагов. Что касается социальных утопий Платона и Т. Мора, то Боден, естественно, смотрел на них глазами трезвого и рассудочного буржуа как на бесполезные и опасные мечтания.

Трезвость, рассудочность и умеренность политических идеалов Бодена обеспечили ему необычайный успех в тех странах, где превращение городского бюргерства в класс буржуазии в нацио-

¹⁰⁵ Буржуазные историки в XIX и XX вв. весьма восхваляли Бодена за то, что он мирной эволюции отдавал предпочтение перед насильственной революцией. См.: H. Baudrillard, Jean Bodin..., pp. 206, 394 ss. Рассмотрев в «Methodus» ряд революций в древности и в «новых» государствах, Боден приходит к выводу, что наилучший строй — это монархия (Methodus, VI, 311—380).

¹⁰⁶ De la République, I, I, ch. II; H. Baudrillard, Jean Bodin..., p. 237.

нальном масштабе шло наиболее успешно, — во Франции и в Англии. Во Франции под влиянием Бодена Антуан де Монкретьен написал замечательный для своего времени «Трактат о политической экономии» («Le Traité de l'Économie politique», 1615), где провозглашается положение: счастье человека зависит от богатства, а богатство от труда. Боден как теоретик конституционной монархии и проповедник здравых экономических взглядов привлекал к себе передовые умы во Франции в течение XVII в., так что Монтескье не понадобилось заново открывать его.

Особенной популярностью Боден пользовался в Англии, где, по свидетельству современников, его трактат «О государстве» был настольной книгой студентов и профессоров, занимавшихся политическими науками. Как писал английский переводчик этого труда Ричард Ноблз в 1606 г., «политическую философию Бодена нужно предпочесть любой другой, существовавшей до сего времени».¹⁰⁷

Однако увлечение буржуазных кругов Боденом не распространялось на другие его произведения, в частности, на его «Метод для познания истории», который не мог быть в то время понят и оценен по достоинству.

Как выше отмечалось, Боден признавал историю наукой, что коренным образом отличало его от большинства гуманистов, видевших в истории по примеру древних ветвь литературы или реторики. Читателям «Метода» была непонятна мысль Бодена, что история — наука гораздо более трудная, чем науки о природе, так как последние неизменны в отличие от вечно меняющейся и необычайно сложной истории человечества (Methodus, I, 13). Ход истории, по Бодену, определяется, с одной стороны, физическими условиями, географической средой, от чего зависят нравы, обычаи, законы и психология народов, с другой, — свободной волей людей.¹⁰⁸ Помимо того, само развитие событий, законодательство, воспитание молодежи влияют на характер народа. Учитывая «свободную волю» как один из решающих факторов истории, Боден выступает против учения итальянских гуманистов о «слепой фортуне», опрокидывающей все расчеты. «Нет ничего случайного в истории» — «Nihil fortuitum esse potest» (Methodus, III, 42). О непосредственном вмешательстве бога и прочих потусторонних сил Боден упоминает бегло, мимоходом, как бы для очистки совести. Главным же является положение, что историю людей творят сами люди, от их воли она зависит в значительной степени:

¹⁰⁷ S. Lee. The French Renaissance... p. 321 s.

¹⁰⁸ Вопросу о влиянии географических условий на учреждения и характер народов посвящена вся гл. 5 «Метода», идеи которой Боден еще более широко развивает в трактате «О государстве». Излишне напоминать, как многим обязан здесь ему Монтескье. О свободной воле личности см. Methodus, III, 28 s.: «... благополучие государства часто зависит от решения одного человека» и т. д.

«... magna sui parte fluit hominum voluntate» (там же, I, 13), а их воля и соответствующие действия определяются, как правило, какими-либо разумными основаниями (там же, III, 29). Следовательно, в истории можно установить известные закономерности и не только объяснять с их помощью настоящее, но и предвидеть будущее: «... ex quibus non solum praesentia commode explicantur, sed etiam futura colliguntur» (там же, предисловие, стр. 2). Правда, эти закономерности в отличие от законов природы, в которой все зависит от «необходимых и постоянных причин», нарушаются подчас неразумными поступками людей, тем не менее одинаковые события, вызываемые сходными причинами, время от времени повторяются (там же, I, 14).

Различая историю «всемирную» и «частную», Боден наиболее высоким ее видом считает первую, ибо она охватывает все человечество во всех частях света. Вот почему он высоко ценит «космографию» и занимающихся ею ученых «географо-историков» (geographohistorici). Таков, например, Лев Африканский, «единственный историк, открывший нам Африку... нравы, законы, учреждения... ее народов, как бы погребенных для нас тысячелетним нашим несчастным варварством и невежеством» (там же, IV, 99 сл.).¹⁰⁹

Вся глава 2 «Метода» дает обширную программу «всемирной истории», охватывающей все народы земного шара. Главным образом содержанием истории является, по Бодену, происхождение, развитие, перевороты, упадок и гибель государств (там же, введение). Изучая историю государства, нужно обратить особое внимание на природу страны, нравы, психологию народа, состояние его культуры (там же V, 105 сл.; VI, 431), выяснить «начала религии, науки, политики и вообще цивилизации» (там же, II, 19 сл.). Интересно указание Бодена на важность цифровых данных, наличие которых он отмечает у Дионисия Галикарнасского, Полибия и Аппиана, Диодора же он порицает за то, что тот «интересовался пустяками» (там же, IV, 75, 79, 82). Все это позволяет считать Бодена наряду с Л. Валлой зачинателем культурно-исторического направления в науке истории, одним из ранних предшественников Вольтера.

Интерес к внутренней истории народов и государств, к их происхождению, культуре, учреждениям, переворотам и прочему, вырос у Бодена на почве занятий правом. Первым достоинством истории как науки он считает то, что «в ней содержится лучшая часть всемирного права», только история позволяет «собрать разбросанные всюду законы древних, дабы объединить их в одно целое» (там же, введение). Таким образом, история выступает

¹⁰⁹ Боден имеет в виду кн.: Leo Afer. Description de l'Afrique, tierce partie du monde, premièrement en langue arabesque, puis en Toscane, et à présent mise en François, vv. 1—3. Paris, 1556. (итал. изд. 1526).

у него сначала как вспомогательная наука юриспруденции. Из занятия правом вырос и рекомендуемый им сравнительный метод изучения всемирной истории (там же, предисловие, стр. 2; I, 14; VI, 209).

Однако историко-правовой уклон, выраженный в предисловии и введении к «Методу», не оставил следов в построении самой книги. Задача Бодена — поднять не юриспруденцию, а историю до уровня достоверной науки, устанавливающей закономерности, и потому особенно полезной для тех, кто «активно вмешиваются в политику» (там же, I, 14). В первую очередь он требует от историков избегать всех элементов риторики, украшения, он резко критикует таких авторов, как Павел Йовий, которые в отличие от лучших историков древности увлекаются «цветами риторики», пишут «ораторским стилем», злоупотребляют отступлениями, выдумывают речи и т. п. (там же, IV, 63 сл.), а венецианца Бембо, пишущего на латыни, порицает за то, что тот «так заботится о чистоте языка, что отказывается употреблять слова мало латинские, но необходимые для того, чтобы быть понятным» (там же, 95 сл.). И хотя его критика почти не распространяется на тех историков-гуманистов, которых он считает лучшими, — на Гвиччардини, Слейдана и некоторых других, но отдельные его замечания свидетельствуют вообще о разрыве с традиционными и общепринятыми формами гуманистической историографии XV—XVI вв.

Стремление Бодена вывести науку истории на новый путь особенно видно при рассмотрении его, правда, недостаточно систематизированных, но ценных и для того времени новаторских соображений о принципах критики источников.

Прежде всего отметим, что Боден не проводит строгого различия между источниками и исторической литературой: так, например, он не делает никаких возражений по поводу того, что источники древней истории — календари (эфemerиды), дневники, анналы, фасты и прочие материалы, служащие источниками истории, «называются, однако, вообще историями» — «in universum tamen historiae appellantur» (там же, I, 15). И наоборот, исторические труды древних и средневековых авторов он рассматривает как источники.¹¹⁰ Само понятие источника Боден берет очень широко, это и официальные документы, за использование которых он особенно ценит Гвиччардини, и устная традиция, и пись-

¹¹⁰ Так, например, отмечая «лживость» Геродота, Боден говорит, что нельзя полностью его отвергать, ибо, кроме очарования и красноречия ионийского повествования, Геродот дает нам самую богатую картину (imago) этих далеких времен и, следовательно, его нужно рассматривать как источник для позднейших трудов (Methodus, IV, 65). По поводу сообщения Цезаря, что статуи богов «потели», Боден иронически замечает: автор забыл указать, что перед этим шел дождь; однако Цезаря он считает очень важным источником.

менная традиция (нарративные источники); для изучения же происхождения народов он считает необходимым обращаться к описаниям географической среды (in regionis situ ac descriptione) и к остаткам старины в языке (in linguae vestigiis; там же, IX, 484 сл.). Это, насколько нам известно, первое прямое упоминание о языке как историческом источнике.

Те правила критики источников, которые изложены Боденом в 4-й книге «Метода», относятся исключительно к источникам нарративным, т. е. к «историям», «хроникам», «биографиям», «комментариям» и т. п. произведениям древних, средневековых и современных Бодену историков.

Сначала провозглашается принцип: «Нельзя во всем верить историкам», необходимо применить к их произведениям определенные критические приемы. Боден рекомендует прежде всего «отобрать самые лучшие источники», собрав предварительно данные о личности и способностях их авторов (там же, IV, 47 сл.).

При отборе источников нельзя критиковать их без достаточных оснований. Боден неоднократно предупреждает об опасности гиперкритики (там же, 47 сл., 61). Он не отвергает даже те произведения древних и средневековых авторов, которые содержат множество басен и явно недостоверных сведений. Вообще на средневековые хроники он не смотрит с обычным у гуманистов презрением. «Хотя они и полны знамений и чудес, — пишет он, — тем не менее они полезны и богаты данными о временах, когда господствовало варварство» — «... utiles tamen et fructuosas [historais] scripserunt praesertim illis temperibus, quibus barbaries omnia simulat» (там же, 97). В то же время он совершенно свободен от гуманистического преклонения перед авторитетом древних. Геродота, Ливия, Цезаря и какого-нибудь средневекового хрониста он одинаково сурово критикует за суеверия, вымыслы и т. п. и одинаково прилагает ко всем принцип: «Под кучей нелепостей в них скрывается образ старины» — «magna farrago rerum levissimarum, in quibus tamen latet antiquitatis as vestustatis imago» (там же, 67; ср. прим. 110).

При отборе свидетельств наибольшего доверия заслуживают те, которые исходят 1) от иностранцев как более объективных наблюдателей, 2) от современников и участников событий, 3) от лиц, вполне компетентных в вопросах, о которых они пишут (поэтому Евсевию нельзя давать веры в военных делах, а Полибию — в вопросах о религии; там же, 102, 60, 64). Нужно быть очень осторожным по отношению к похвалам друзей и к хулам врагов (там же, 49), а особенно — к сведениям и оценкам, продиктованным «страхом перед начальством, или подарками, или ненавистью» — «... principum metu vel praemiis vel odio» (там же, 48). Поэтому, например, ни Фруассар, «купленный англичанами», ни Аретин, который сам похвалится своей подкупностью, доверия не заслуживают (там же, 58).

Причинами фальсификаций в исторической литературе Боден считает также религиозные (там же, 56, 102) и национальные предрассудки. О последних говорится: «Почти все историки больны этой болезнью: защищать с помощью почетной лжи честь своих сограждан» (там же, 58). Даже Полибия, своего любимца, Боден не считает свободным от этого недостатка. Нельзя также полностью верить историкам, которые являются «адвокатами в своем собственном деле» (там же, 50 сл.).

При оценке историков (источников) Боден рекомендует выяснить, был ли автор непосредственным свидетелем события или же брал материал из вторых рук, достаточно ли он образован, точно ли излагает документы или произвольно меняет их текст (там же, 71 сл., 53 сл.). Пользуясь этими критериями, Боден с большим сомнением или вовсе отрицательно относится к рассказам Ливия и Павла Иовия, которым он противопоставляет Полибия и Гвиччардини как историков вполне надежных.

При наличии нескольких свидетельств об одном факте совпадение источников между собою является для Бодена гарантией полной достоверности, при несовпадении нужно отдать предпочтение позднему — странное правило, объяснимое только судебной практикой того времени. При оценке историка решающее значение имеет общепризнанная его репутация — правдивости и добросовестности либо лживости. Насколько эти правила ненадежны, показывает приведенный самим Боденом пример. Все писатели — и античные, и новые — сообщают, что «древние нервы, нынешние ливы, временами превращаются в волков». Боден, обезоруженный этим единодушным свидетельством, пишет: «Имеем ли мы здесь дело с тайной силой природы... или с божьим гневом... мне еще неясно». В самом же свидетельстве, при всей его нелепости, он не смеет усомниться (там же, 98).

Таким образом, далеко не все предложенные Боденом критические приемы обеспечивают правильные выводы, но все они отражают уровень исторической критики, достигнутый к концу XVI в. Боден только попытался систематически изложить те рациональные основы, на которые опирались лучшие историки эпохи Возрождения, и это его бесспорная заслуга.

Одной из самых оригинальных идей Бодена является его представление о всеобъемлющем характере истории. Она заключает в себе все науки, но только изложенные понятным и неспециалисту языком, что делает историю выше всех других наук (там же, предисловие, стр. 4). Она служит не для развлечения в часы досуга, а для усвоения опыта предшествующих поколений, для понимания настоящего и предвидения будущего (там же, стр. 3). Она обладает большой моральной и политической силой. Отсюда вытекают высокие требования к историку. Он должен быть объективен, критичен, неподкупен, проникателен, красноречив, широко

образован и хорошо осведомлен.¹¹¹ Сделав беглый историографический обзор трудов крупнейших историков, Боден приходит к выводу, что идеалу историка более всего удовлетворяют Тацит и Полибий из древних, Гвиччардини из новых авторов.

Таковы важнейшие мысли Бодена об исторической науке. Не все они одинаково ценны, а некоторые носят на себе еще печать средневековых пережитков. Но по многим основным вопросам истории Боден выступает как новатор. Он рациональными доводами обосновал единство человечества (подчеркнув при этом факт «перемешивания» племен и народов) и сделал отсюда вывод о первостепенной важности всемирной истории. Он показал, правда, в самых общих чертах, что всемирная история дает картину непрерывного и прогрессивного движения, идущего не по прямой линии, а как бы по спирали, в которой моменты подъема и упадка не нарушают общей восходящей тенденции развития. Он подробнее и систематичнее, чем кто-либо до него, рассмотрел вопрос о воздействии природных условий на человека. Новаторской является его мысль о большей сложности закономерностей общественной жизни по сравнению с законами природы. Впервые он поставил как важную проблему роль революции в истории, научно опровергнул церковно-феодалную схему четырех монархий, формулировал некоторые простейшие правила исторической критики. У Бодена мы находим зародыши многих идей, которые станут впоследствии развивать Вико и Гердер, Монтескье и Вольтер.

«Метод» Бодена, хотя и не получивший такого широкого распространения, как его трактат «О государстве», не остался без влияния на западноевропейскую историографию. Иоганн Вольф в своем сборнике теоретических работ по истории («*Artis historiae penus*», 1579) недаром на первом месте помещает этот труд Бодена, а не предшествовавшие ему трактаты Франческо Патрици, Бодуэна, Робетелло и др. «Метод» историка права и социолога Бодена, а не трактаты итальянских философов открывает собою серию работ по методологии истории, исторической критике и истории историографии.

Несомненно под влиянием «Метода» Бодена известный уже нам историк Франции Ла Попленьер написал «Историю истории» — книгу, развивающую, а нередко просто повторяющую многие мысли Бодена.¹¹² Попленьер претендует без достаточных на то оснований на приоритет в данной области, однако несправедливо утверждать, как это делает А. Озе, что Попле-

¹¹¹ Methodus, IV, 64: «...historicus vir gravis, integer, severus, intelligens, disertus, et quasi vitae communis ac privatae omniumque rerum magnarum et scientia instructus esse debeat».

¹¹² Lancelot Voisin de la Popelinière. L'Histoire des histoires avec l'idée de l'histoire accomplie...

ньер по существу только перевел книгу Бодена на французский язык.¹¹³

Действительно, Поппеньер часто ссылается на Бодена, называя его «одним из лучших мыслителей» и ученым, не уступающим по эрудиции Скалигеру. Но он не только повторяет, но нередко и развивает мысли своего предшественника, например, в связи с рассмотрением правил исторической критики. Эти правды он дополняет указаниями, что умолчание о каких-либо важных фактах есть особый вид фальсификации («espèce de fausseté»; История историй, стр. 73) и что первой задачей критики является выяснение подлинности источника (там же, стр. 320). Среди его дополнений к Бодену особенно интересно требование к историку объяснять все «чудеса» и «знамения» естественными причинами, «без чего читатель вынесет из истории только детское удивление и суеверные представления» (там же, стр. 299).

Будучи многим обязан Бодену, Поппеньер в то же время подвергает его подчас резкой критике. Так, он упрекает Бодена в том, что в своем «Метод» тот больше занимается вопросом о лучшем государственном строе, чем теорией исторической науки. Иногда он совершенно расходится с Боденом в оценке отдельных историков, проявляя при этом чуждую Бодену нетерпимость: идеи «атеиста и циника» Макиавелли кажутся Поппеньеру столь опасными, что он считает необходимым сжечь все его произведения.

Поппеньер ставит своей первоочередной задачей рассмотреть развитие историографии с древнейших времен и посвящает этой теме всю первую часть (около трети) своей книги. Однако задача оказалась ему не по плечу, он много путает, перескакивает с одной эпохи на другую, называет множество историков всех времен и народов, зная их только понаслышке. Но у него и немало правительных критических замечаний и оригинальных мыслей, омерзжающих его время. К сожалению, все это погребено под хламом показной эрудиции, а бессистемность изложения и плохой стиль сделали его работу неудобочитаемой, сведя к минимуму ее влияние на развитие французской историографии.

¹¹³ Hauser, III, 14; II, 167; A. Tilley. The Literature..., v. II, ch. 24; ср., однако, отзыв Моно (G. Monod. Du progrès...): «Замечательный труд». Баттерфилд (H. Butterfield. Man and his past. Cambridge, 1955) дает небольшой экскурс об «Истории историй», не обнаруживающий серьезного знакомства этого английского ученого с книгой Поппеньера; Аткинсон (Geoffrey Atkinson. Les nouveaux horizons de la Renaissance française. Paris, 1936, p. 425 s.), а еще более Вивенти (Corrado Vivanti. Alle origini dell' idee di civiltà... e gli scritti di H. de la Poplinière. R. St. it., LXXIV, fasc. II, 1962, pp. 225—247) отдадут должное этому труду Поппеньера, впервые показавшему «широтнейшую панораму истории историографии» (там же, стр. 239). Однако отвергнув оценку Озе, оба автора ударились в противоположную крайность: они преувеличили оригинальность Поппеньера, приписав ему и мысли, заимствованные у Бодена.

Поппеньер правильно отмечает (там же, стр. 29), что нет народа, каким бы диким, некультурным он ни был, который не хранил бы в памяти — в песнях, сказаниях, легендах и плясках — деяний своих предков.

Письменная история, утверждает он (не приводя оснований), впервые появилась у «халдов и ассирийцев», затем у египтян, а еще позже — вопреки господствовавшим взглядам — у евреев. Это достижение древневосточной культуры было заимствовано греками, которые «превозмогли всех в писании истории» (там же, стр. 27). Тем не менее они, а еще более их ученики римляне, были очень далеки от совершенства. Поэтому их можно и должно превзойти (там же, стр. 17).

К средневековым хроникам Поппеньер, подобно всем гуманистам, относится презрительно. То обстоятельство, что в течение целого тысячелетия историей занимались только священники и монахи, не способствовало ее прогрессу. Даже о своем собственном времени, указывает он, хронисты писали неудовлетворительно («avec in fort maigre succes»; там же, стр. 314). Они превзошли древних только «в необузданной страсти» к восхвалению своих высоких покровителей: «Государь у них герой, полубог, а не человек с множеством пороков... Именно так пишет Эйнгарт о Карле Великом, Евсевий о Константине, Иовий о Козимо Медичи, Проконий о Велизарии, Авила¹¹⁴... о Карле V» (там же, стр. 325).

Особенно достается французским авторам. Их труды заполнены баснями и суеверными выдумками. Боден, пишет Поппеньер, насмехается над Евсевием за его суеверие, «но наши французские историки более подвержены этой болезни ума, чем писатели у других христианских народов». К числу этих суеверий Поппеньер относит и астрологию, проявляя здесь большую свободу от предрассудков своей эпохи, чем другие ученые, не исключая Бодена (там же, стр. 264 сл.). Эту критику соотечественников он еще усиливает указанием, что некоторые средневековые хронисты — Ламперт Герсфельдский, Сигеберт, из Жамблу и др., — «несмотря на невежество и варварство их эпохи», более достойны внимания, чем французские историки XVI в., «думающие, что они овладели теорией и практикой всех наук на свете» (там же, стр. 470 сл.).

Наибольшее внимания заслуживают соображения Поппеньера о состоянии французской историографии и стоящих перед ней задачах. Этой теме посвящены вторая и третья части его книги.

Французские историки, говорит он, поставлены в более благоприятные условия, чем древнегреческие. Они имеют возможность использовать и опыт последних, и новейшие достижения культуры во Франции. Если же они даже не пытаются стать выше древних, то лишь «вследствие низкого чувства неполноцен-

¹¹⁴ Имеется в виду дон Луис д'Авила, историк войны императора Карла V с протестантскими князьями в 1546—1547 гг.

ности перед лицом великих достоинств древних историков» — «...un vil discouragement qu'ils ont pris pour leur insuffisance rapportée au grande mérite de ces anciens historiographes».

Подвергнув острой критике ряд историков — Коммина, Гегена, Эмилия Павла, Монлюка и др. (об историках-гугенотах он умалчивает), Поппеньер приходит к следующему выводу. Главным выражением слабости новых историков по сравнению с древними является то, что последние занимались и внутренней (гражданской) историей, и войнами, «наши же игнорируют историю гражданского общества (la police civile) и всецело поглощены войнами и церковными делами» (там же, стр. 322 сл.). Грубая ошибка всех французских историков, указывает он далее, состоит и в том, что они «не исследуют состояния народов древней Галлии, а также франков». Нужно изучить общественный строй галлов — наших предков (nos vieux pères), «финансы, торговлю, нравы, образ правления, вторжение в Галлию франков — германцев и ликвидацию ими старого строя, чтобы насадить новый — сеньорию... Основание, развитие, судьбы сеньории явились бы настоящим и достойным сюжетом для прекрасной истории французов».¹¹⁵ Без выяснения «начала» (как мы бы сказали генезиса) «человеческих дел», без понимания причин явлений нет науки. Происхождение французской нации, развитие сеньории, успехи наук, законодательство, налоги, финансы, суд, наемная плата (louer) — вот основные вопросы подлинно научной истории. «Невежество в этих вопросах есть причина болезни нашего государства» (там же, стр. 356; ср.: стр. 87 сл.).

Соответственно этим положениям, Поппеньер в третьей части своей книги дает подробную программу «совершенной истории Франции» («histoire accomplie»). Проблемы социально-экономического развития занимают в ней видное место. Разумеется, реализовать эту широкую программу ни он сам, ни кто-либо другой из историков того времени не были в состоянии хотя бы ввиду отсутствия в их руках нужных материалов, невысокого еще уровня исторической критики, делавшей в сущности только первые шаги и неразвитости источниковедения в целом. Но сама идея «совершенной истории» и замечательная формулировка задач, стоящих перед исторической наукой, свидетельствует о том, каких успехов достигла историческая мысль во Франции к концу XVI в.

Следует подчеркнуть, что интерес Поппеньера к истории «сеньории», т. е. феодального строя, в немалой степени обусловлен критическим состоянием дворянского хозяйства его времени. Сам Поппеньер, разоренный владетель «сеньории» (по свидетельству Агриппы д'Обинье),¹¹⁶ полностью испытал на себе послед-

ствия кризиса. Этим же объясняются и некоторые особенности его социально-политических взглядов. Он пытается оправдать сословное расчленение общества следующими соображениями. «Самые умные, способные и подготовленные к управлению государством» являются предками нынешних дворян (nobles). «Менее ловкие и менее культурные» образовали прочие общественные группы (conditions) — юристов, купцов, финансистов, ремесленников, земледельцев. Все это — «ротюрье, низшая часть гражданского общества». Заработки ремесленников и крестьян, цены на все производимые ими вещи и на услуги должны устанавливать «гранды», дворянская аристократия, ибо в противном случае эти люди «станут тиранить всех остальных граждан» и заставят их платить «сообразно своим аппетитам» (там же, стр. 247). Так и чувствуется в этих словах враждебность дворянина, разоренного революцией цен, ко всем непонятным ему явлениям экономической и социальной действительности.

Но каковы бы ни были его мотивы, заслугой Поппеньера является то, что он не только формулировал требование изучать социально-экономические отношения (это сделал до него Боден), но и разработал конкретную программу такого изучения на материале истории Франции.

Теоретические сочинения XVI в., вроде рассмотренных трудов Бодена и Поппеньера, представляют собою первые опыты философии истории в соединении с элементами исторической методологии, истории исторической науки и исторической библиографии. Сама нерасчлененность этих различных областей исторической работы, не говоря уже о поверхностном характере отдельных замечаний и обобщений, свидетельствует о том, что мы имеем перед собой начальный этап обособления теоретической мысли от конкретной историографии. Как и во всех отраслях знания, теория исторического творчества выросла из практики, но значительно опередила последнюю. Исходя из критики всей предшествовавшей и современной литературы, теоретики пытались формулировать требования, которым должно удовлетворять идеальное историческое произведение, и указать пути для достижения этого идеала. И хотя развитие конкретной историографии определялось более мощными факторами, чем теоретические соображения Патрици или Кампанеллы, Бодена или Поппеньера, однако нельзя игнорировать влияние некоторых теоретиков на историческую литературу XVII—XVIII вв. Без них будет также неполным и наше представление об уровне, достигнутом буржуазной исторической мыслью в эпоху Возрождения и Реформации.

¹¹⁵ «Le fondement, progres et variable succes de laquelle (la nouvelle) forme de seigneurie, — O. B.) seroit le vray et memorable subject de la belle histoire des François» (p. 354).

¹¹⁶ A. d'Aubigné. Histoire Universelle. Préface, p. 4.

АНГЛИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ XVI—НАЧАЛА XVII в.

1. РАННИЙ АНГЛИЙСКИЙ ГУМАНИЗМ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVI в.)

«Утренняя заря капиталистической эры производства»¹ занимает в Англии почти одновременно с утверждением абсолютной монархии Тюдоров (1485—1603). При Тюдорах, начиная от основателя этой династии Генриха VII и кончая ее последней представительницей Елизаветой, развертываются в Англии «главные моменты первоначального накопления»² с такими их следствиями и сопутствующими явлениями, как разложение старых общественных классов (обуржуазивание части дворянства), реформация «сверху», крестьянские восстания, перипетии военно-дипломатической борьбы против Испании и папства, рост английской колониально-грабительской и торговой активности в обоих полушариях, превращение Англии в великую морскую державу.

Интенсивный процесс первоначального накопления в XVI в. со всеми его следствиями наложил печать на развитие культуры на характер английского гуманизма, определив тем самым особенность английской историографии этого периода.

При всей «самобытности» английской культурной и политической традиции, обусловленной «относительной изолированностью» страны,³ первые семена гуманистической образованности запад занесены на Британские острова, как и в другие страны Западной Европы, из Италии. Купцы и ростовщики из Флоренции, Венеции, Лукки и Сьены, привлекаемые возможностями быстрого обогащения (несмотря на враждебность английского купечества, подстрекавшего народные массы к антиитальянским

погромам), еще в XIII в. селились в Лондоне или основывали здесь отделения своих торговых домов. Они привозили с собой итальянские рукописи, содействовали путешествиям отдельных представителей английской знати по Италии. Однако почти до самого конца XV в. культурные англо-итальянские связи были спорадическими, а влияние итальянского Возрождения сравнительно слабым. Правда, в творчестве великого национального поэта Англии Чосера (проведшего в 1373 г. в Италии три месяца) можно обнаружить влияние «Декамерона» Боккаччо, однако даже те ученые иерархи английской церкви — Ричард де Бери и Томас Эрундель (первая половина XV в.), которых считают ранними представителями гуманизма в Англии, в действительности почти не затронуты гуманистическими идеями, хотя они и переписывались с итальянскими гуманистами.⁴

Итальянцы, приезжавшие в Англию в XIV—XV вв., чувствовали себя так, как если бы они перенеслись на два века назад.⁵

Вспомним, что писал в 1415—1417 гг. о грубых нравах аристократии, о низком уровне культуры прочих слоев английского народа, об отсталости английских общественных порядков итальянский гуманист Поджио Браччиолини.⁶

Но с прекращением феодальных усобиц в конце XV в. положение постепенно изменяется. Отпрыски семей новой «тюдоровской» знати и сыновья богатых лондонских купцов, привлеченные блеском итальянской культуры, устремляются в центры Ренес-

⁴ В. Крусман, посвятивший упомянутым английским прелатам ряд специальных статей и обширное исследование (см. прим. 3), называет их «первыми английскими гуманистами», хотя это люди чисто средневекового склада, глубоко чуждые духу Возрождения. Так, Эрундель, посещая Флоренцию, интересовался не расцветшими в ней новыми искусством и литературой, а церковной литургией и порядками в монастырях. Эрундель сверх того известен как мракобес, запретивший англичанам читать Библию на народном языке, вырвавший у парламента «право» посылать на костер людей, уличенных в лоллардской ереси, и т. п.; см.: В. Крусман. На заре английского гуманизма, стр. 505, 573 сл. Взгляд В. Крусмана с помощью других аргументов оспаривает Вейс (R. Weiss. Humanism in England during the XV century. Second ed. Oxford, 1947, p. 7 ss.); ср.: Cesare Foligno. Eredità romana nella civiltà inglese. Guido alla Studio della civiltà Romana Antica. Diretta da Vincenzo Ussani e Fr. Arnaldi, v. II. Napoli, 1954, pp. 753—764.

⁵ L. Einstein. The Italian Renaissance in England. N. Y., 1902, p. 260.
⁶ См. гл. шестую, стр. 250. Новейшие буржуазные историки — Д. Хэй, Роберт Вейс, Франко Симоне — склонны сильно преувеличивать влияние итальянской культуры на английские господствующие классы в XV в. Приводимые в подтверждение этого данные весьма скудны (итальянский гуманист Тит Ливий Фруловизи написал по поручению герцога Глостерского биографии Генриха V и самого герцога; Биондо послал секретарю английского короля копию части своей «Истории от падения Рима»). Вряд ли этих фактов достаточно для утверждения, что «культурные связи Англии с Италией богаче и непрерывнее, чем раньше думали». См.: D. Hay. History and historians in France and England during the XV century. Bull. of the Inst. of Hist. Research, v. XXXV, № 92, 1962, p. 125 s.

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, гл. 24. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 23, стр. 760.

² Там же.

³ В. Крусман. На заре английского гуманизма. Одесса, 1915, стр. X—XII.

санса и гуманистической учености — Флоренцию, Падую, Феррару, Болонью. На протяжении XVI в. появляется немало описаний Италии, принадлежавших перу восторженных английских адептов Ренессанса и гуманизма.⁷ Английские ученики Лэта, Валлы, Полициано по возвращении на родину ведут борьбу против средневековой схоластической учености, распространяют гуманистические идеи о воспитании, становятся профессорами классической филологии в Оксфорде и Кембридже. Это — Вильям Гросайн, Ричард Пейс, Томас Линэкр, Джон Колет, Вильям Лили, учителя или близкие друзья крупнейшего из ранних английских гуманистов Томаса Мора. Королевская власть, особенно в лице Генриха VIII и его ближайших помощников, оказывала гуманистам покровительство и материальную поддержку, рассчитывая на их услуги как апологетов абсолютизма и пропагандистов правительственной политики.⁸ Нельзя сказать, чтобы соответственно этому в Англии быстро повысился уровень духовной культуры. По данным крупного книгопродавца Джона Дорна, из 2383 книг, купленных у него в 1520 г., подавляющую массу составляли жития святых, часословы, богословские и философские труды древних и средневековых авторов, чисто светская литература представлена преимущественно художественными произведениями (Виргилий, Овидий, Лукан и т. д.), а вся античная историография — всего шестью экземплярами Саллюстия и одним Тацита!⁹

Более заметным результатом влияния итальянской культуры Возрождения было то, что в придворно-аристократических кругах входит в моду итальянский язык, появляются учебники, грамматики и словари (Вильяма Томаса, Джона Флорио) в помощь изучающим этот язык. В. Томас является также автором компилятивной «Истории Италии» (1549), где история Флоренции изложена по Макиавелли, Венеции — по Бембо и т. д. Лишь к концу века выходят в английских переводах труды крупнейших итальянских историков («История Италии» Гвиччардини в 1579 г. «Флорентийские истории» Макиавелли в 1595 г.).¹⁰

⁷ Список этих произведений см. в кн.: L. Einstein. The Italian Renaissance..., app. В. Об английских студентах в Италии XV в. см.: R. J. Mitchell. English student life in early Renaissance Italy. Italian Studies, v. VII, 1952, pp. 62—81.

⁸ Большой фактический материал о покровительстве Генриха VIII ученым гуманистам собран в исследовании: W. Gordon Zeeveld. Foundations of Tudor policy. Harvard Univ. Press, Cambridge Mass., 1948, по выводу и оценки автора, сформулированные в духе новейших реакционных течений в буржуазной историографии, нуждаются в радикальном пересмотре. См. также: F. Caspari. Humanism and the social order in Tudor England. Chicago, 1954; P. Meissner. England im Zeitalter des Humanismus, Renaissance und Reformation. Heidelberg. 1952.

⁹ CHL, III, ch. 1.

¹⁰ В. Томас, казненный в царствование Марии Тюдор «за измену» был вообще поклонником Макиавелли. Из его трудов он сделал вывод

С итальянским культурным влиянием соперничало французское. Многие англичане, проезжая в Италию и обратно через Францию, задерживались в этой стране, чаще в самом Париже. В столице Франции появился особый колледж для молодых английских аристократов, которые здесь жили и учились, не смещаясь со студенческой массой; одним из их наставников был Эразм Роттердамский. Английских студентов было немало и в других французских городах, по словам Джемса Хоуэлла (Howell), автора «Наставлений для заграничных путешествий» (1618), во Франции «двадцать университетов соперничали с парижским в распространении гуманистического воспитания».¹¹

Особенно возрастает влияние французского гуманизма с 20—30-х годов XVI в., когда многие протестанты, вынужденные религиозными и политическими преследованиями покинуть Францию, переселяются в Англию. В 1552 г. французский эрудит Этьенн Пакье сообщал, что в Англии «нет знатной семьи без домашнего учителя французского языка».¹² Первым королевским историографом Генриха VII и учителем его детей был француз Бернар Андре, другой гуманист, друг Рабле, Никола Бурбон был учителем будущего фаворита Елизаветы графа Лейстера, гуманист Никола Денизо обучал дочерей герцога Сомерсета, протектора Англии при Эдуарде VI. Произведения французских гуманистов Бюде, Анри Этьена, Лабозеи, Дюплесси-Морне, Бодена пользовались большим авторитетом и были более распространены, чем даже Гвиччардини и Макиавелли. Из французских, в частности и особенности гугенотских, историко-политических памфлетов идеологи антиабсолютистской оппозиции в Англии и Шотландии черпали свои главные аргументы. Недаром «Защита против тиранов» Дюплесси-Морне по вступлении на английский престол Якова I была сожжена как «мятежная и еретическая книга».¹³

Следует в связи с этим подчеркнуть, что гуманистическая оппозиция абсолютизму Тюдоров обнаруживается только к концу XVI в., когда он уже сыграл свою прогрессивную роль и стал превращаться в тормоз для буржуазного развития. К тому же, нахо-

о благодетельности для Англии абсолютизма Тюдоров, положившего конец внутренним раздорам. В подражание «Государю» Макиавелли Томас, будучи секретарем Тайного совета при Эдуарде VI, написал «Исследования о делах государственных». См.: The Works of William Thomas, ed A. D'Aubant, 1774. Характерно, что в конце XVI в. увлечение Макиавелли, которого считали теоретиком абсолютизма, сменилось ненавистью к нему. В 1596 г. Даллингтон (Robert Dallington), автор «Обзора [истории] герцогов Тосканского государства», опираясь на Гвиччардини, рисует картину полной деградации Флоренции под абсолютистской властью герцогов Медичи. См.: J. R. Hale. England and the Italian Renaissance. London, [1953], pp. 12—22.

¹¹ Цит. в кн.: S. Lee. The French Renaissance in England. Oxford, 1910, p. 26.

¹² Там же, стр. 44.

¹³ Там же, стр. 320.

дьясь под бдительным контролем правительства, гуманисты осмеливались лишь в исключительных случаях выходить за рамки отведенной им скромной роли истолкователей и защитников тюдорской политики. Судьба Томаса Мора, достигшего высших ступеней в правительственной иерархии, а затем казненного за пассивное сопротивление политике Генриха VIII, принадлежит к числу таких исключений. Сыграла ли в его трагической судьбе какую-либо роль знаменитая «Утопия»?¹⁴ Буржуазные исследователи полагают, что содержащаяся в этой книге острая критика английских порядков, обрекающих на голодную смерть широкие массы народа, и восхваление идеального коммунистического общества никакого отношения к гибели ее автора не имели. Казнили Мора только за его преданность старой религии и отказ признать «Реформацию» Генриха VIII, что сделало этого гуманиста «мучеником католической церкви». Особенно за последние годы предпринято немало попыток лишить всякого значения по существу революционные идеи Мора, которые разделял и связанный с ним узлами тесной дружбы Эразм Роттердамский.¹⁵ Одно ссылаются на то, что Генрих VIII, посылая Мора на эшафот, якобы не имел даже представления о существовании «Утопии», хотя ее переводили и без конца переиздавали во всех странах Западной Европы (кроме Англии!)¹⁶ и хотя ее превозносил весь ученый гуманистический мир. Другие, извращая мысли Мора, утверждают, что он критикует не английские общественные порядки своего времени, а коммунистический строй острова Утопии, поклонником которого является отнюдь не Мор, а его вымышлен-

¹⁴ «Утопия» вышла первым изданием в 1516 г. в Лувене с хвалебным предисловием Гильома Бюде, вторым — в Париже в 1517 г., третьим — в Базеле в 1518 г. Полное название книги: «*Libellus aureus nec minus salutaris quam festivus de optima reipublicae statu deque nova insula Utopia*». Последнее русское издание: Томас Мор. Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии. Перев. и коммент. А. И. Малеина и Ф. А. Петровского. М., 1953 (с введением В. П. Волгина). На русском языке имеется довольно большая литература о Т. Море, но только как об авторе «Утопии». См.: В. В. Святловский. Каталог утопий. М.—Пгр., 1923; М. П. Алексеев. Славянские источники «Утопии» Томаса Мора. М., 1955 (автор называет в сносках и важнейшую зарубежную литературу, в том числе библиографический справочник: F. Sullivan and M. P. Sullivan. *Moreana*, 1478—1945. Kansas city, 1946). См. также: И. Н. Осиповский. Т. Мор в английской историографии XX в. В сб.: Средние века, вып. 21, 1962, стр. 262—274.

¹⁵ P. Mesnard. *L'Essor de la philosophie politique au XVI siècle*. Paris, 1936, pp. 141—177; Филлипс (Margaret M. Phillips. *Erasmus and the Northern Renaissance*. N. Y. 1950) приходит даже к выводу, что «„Утопия“ заключала большую часть Эразмовской мысли, и объясняет этим слух, будто Эразм был автором первой части этой книги.

¹⁶ F. Caspari. *Humanism...* В Англии «Утопия» была впервые издана в собрании его сочинений, вышедшем в Лондоне в 1557 г., т. е. через 22 года после смерти автора.

ный собеседник Гитлодей.¹⁷ Было высказано совсем уже абсурдное мнение, что «Утопия» была для Мора просто литературным упражнением, «декламацией с трюками, имеющими целью доставить удовольствие читателю».¹⁸ Антикоммунизм некоторых новейших исследователей Мора породил немало других несообразностей и фальши: «Нет доказательств, что Мор был революционером, — заявил, ломясь в открытые двери, один из таких исследователей, — ... нет признаков, что он сделал хотя бы малейшее усилие для реализации экономического учения утопийцев в Англии» (?!).¹⁹ Но мы хорошо знаем другое: Мор в «Эпиграммах», напечатанных вместе с «Утопией» выступает противником абсолютизма, клеймит презрением «жадность и злобу королей».

Несомненно, начиная в 1518 г. (с большой неохотой) навязанную ему административную карьеру, Мор должен был пожертвовать многими из идеалов молодости, его привело в ужас известие, что «Утопией» пользовались в 1524—1525 гг. агитаторы, проповедовавшие в селах и городах Германии идеи уравнилельного коммунизма.²⁰ Поэтому нет ничего удивительного в том, что Вильям Ропер, зять Мора, очень близкий ему по убеждениям, автор обстоятельной биографии великого английского гуманиста, не счел возможным упомянуть «Утопию» среди его сочинений.²¹

В «Истории Ричарда III», главном историческом произведении Т. Мора, написанном в 1513—1517 гг., т. е. почти в одно время с «Утопией», затронуты вопросы политики государства, рассма-

¹⁷ Такова основная мысль книги Кэмпбелл (W. E. Campbell. *Erasmus, Tundal and More*. London, 1949, p. 92 s.): «Возражения Мора Гитлодею — это не самозащита от возможных преследований за смелые мысли, а подлинное выражение идей автора, который в действительности является защитником частной собственности и социальных различий, основанных на экономическом неравенстве». То же пытается доказать Доннер (H. W. Donner. *Introduction to Utopia*. London, 1945; цит. у: F. Caspari. *Humanism...*, pp. 224 s., 7—8). Этим ухищрением придать гуманным мыслям Мора тривиально буржуазный смысл противостоят его собственные слова: «Разве справедливо, что ростовщик, человек, ничего не производящий, живет в изобилии и безделье, тогда как рабочий, тележник, ремесленник, пахарь живут в мрачной нищете, с трудом добывая себе самую жалкую пищу?» Буржуазный историк середины прошлого века Бодрийяр (H. Baudrillard. *Jean Bodin et son temps*. Paris, 1853, pp. 24—28), выводив антифеодальные и антикапиталистические идеи Мора из его «подлинно христианских убеждений», был гораздо честнее новейших реакционных историков.

¹⁸ E. Surtz. *The Praise of Pleasure. Philosophy, Education and Communism in More's Utopia*. Harvard Univ. Press, 1957. См.: О. Л. Вайнштейн. Реакционные течения в современной американской медиевистике. В сб.: Средние века, вып. 18, 1960, стр. 74.

¹⁹ F. Caspari. *Humanism...*, p. 51 s.

²⁰ CHL, III, 18 s.; И. Н. Осиповский. Т. Мор и Реформация Генриха III. М., 1960 (Моск. пед. инст. им. В. И. Ленина).

²¹ См.: *The English Works of sir Thomas More*, ed. W. E. Campbell, v. I. 1931; *The Life of Sir Thomas More by his Son-in-law William Roper*.

триваемые с тех же позиций общечеловеческой морали, как и все вообще социально-политические проблемы в «Утопии». В отличие от Макиавелли, который превыше всего ставит «государственный интерес» (*la raison d'état*), отказываясь применять к оценкам действий государей обычные моральные критерии, Мор считает одними и теми же принципы морали обязательными и в политике, и в отношениях между людьми. На примере Ричарда III он задается целью показать аморальность государственной власти, использующей коварство и голое насилие для достижения своих целей. В эпоху становления абсолютной монархии эта проблема была исключительно актуальной. Макиавелли решает ее как ученый, анализирующий методы действий, применяемые для захвата и удержания единоличной власти, только с точки зрения их эффективности и целесообразности. Мор также дает историю захвата Ричардом III абсолютной власти и усилий удержать ее, но этот король в его изображении предстает как внушающий отвращение физический и моральный урод с низкой, злобной, завистливой душой. Ему противопоставлен его брат — «рыцарски благородный», «великодушный», «добрый» Эдуард IV, хотя история не дает для такого противопоставления никаких серьезных оснований. Однако обе характеристики были целиком восприняты английскими хронистами XVI в. Холлом и Холлинshedом, а через них Шекспиром,²² и стали господствующими.

Труд Мора еще и потому оказал сильное влияние на изложение соответствующего раздела английской истории, что он явился одним из источников для Полидора Виргилия, автора первого научного произведения по общей истории Англии.

Собственно первая попытка создания гуманистического произведения, но в гораздо более узких хронологических рамках, принадлежит упомянутому выше французскому историку Андре (André, ум. ок. 1521). Но этот «поэт-лауреат» и официальный историограф Генриха VII усвоил принципы гуманистической историографии чисто формально и был вообще слабым историком. Его образцом является Тит Ливий. Его «История Генриха VII», дове-

Chiswick, 1817; E. Dermenghem. T. Morus et les Utopistes de la Renaissance. Paris, 1927; G. T. Rudhart. T. Morus. 1929.

²² Латинский оригинал «*Historia Richardi Regis Tertii*» издан в Лувене в 1565 г., английский перевод, сделанный самим автором и являющийся первым образцом английской гуманистической прозы, издан в сб.: Kennet's complete history of England, v. III, 1706, in ^o (вместе с биографией Эдуарда V — менее значительным произведением Мора). См.: S. R. Gardiner and J. Bass Mullinger. Introduction to the study of English History. London, 1894, pp. 217, note 5, 296; A. F. Pollard. Sir Thomas More's Richard III. History, N. S., v. 17, 1933, p. 317 ss.; Fueter, p. 196—199; автор гл. XV Кембриджской истории литературы, т. III, склоняется к несостоятельной гипотезе, что автором «Истории Ричарда III» является не Мор, а епископ Мортон! Труды Гибсмана (O. Hübshmann. Textkritische Untersuchungen zu More's Geschichte Richards III. Anglia, 1910—1911) и Глунца (H. A. Glunz. Shakespeare und Morus, Bochum, 1938) были мне недоступны;

денная только до 1497 г., и «Анналы», охватывающие годы 1504—1508, с выходом в свет «Английской истории» Полидора лишились и значения единственного рассказа современника.²³

Полидор Виргилий (1470—1555), родом из Урбино, сначала секретарь урбинского герцога, затем камерарий папской курии, был в 1502 г. послан папой Александром VI в Англию для сбора «динария св. Петра». К этому времени Полидор был уже автором замечательного труда «Об изобретателях вещей» («*De inventori-bus rerum*»), в котором рассматриваются «начала» всех наук и искусств (в частности, немало внимания уделено «изобретателю истории» Моисею).²⁴

Генрих VII, щедро обеспечив Полидора доходами от церковных бенефициев, поручил ему написать, согласно гуманистическим канонам, историю своего королевства. Полидор остался в Англии, где он прожил около полувека, в 1510 г. он принял английское подданство. В Италию он окончательно возвратился лишь за четыре года до смерти.

Полидор Виргилий принадлежал к школе Биондо. За порученный ему труд он взялся как эрудит, как исследователь, стремящийся установить точные факты и опереться на возможно более широкий круг источников. Кроме средневековых английских и отчасти французских хроник, он использовал документальные материалы — постановления парламентов, папские буллы, дипломатическую переписку, а для последней трети XV—начала XVI в. — и собранные им самим устные показания современников. О серьезности его подхода к источникам свидетельствует подготовленное им в 1525 г. первое критическое издание древнейшей бретонской хроники Гильдаса (ум. 570) «Жалобная книга о гибели Британии» («*Liber querulus de excidio Britanniae*»). На подготовку же своей книги «Английская история» («*Anglica historia*») он потратил свыше 30 лет, не переставая дополнять и исправлять ее до самой смерти.

В 1533 г. рукопись «Английской истории» в 27 книгах была представлена королю. Это — первый научный труд на данную тему, охватывающий всю историю страны начиная с древнейших времен и кончая правлением Генриха VIII. Автор критически подошел к легендам о Бруте, о короле Артуре и проч., отверг все вымыслы Джозффри Монмаутского (см. стр. 97—98).

²³ См. о нем: DNB, I, 398 s.; D. H. A. U. The historiographers royal in England and Scotland. Scot. HR, v. XXX, 1951, p. 15. Иначе оценивает его Гардинер (S. R. Gardiner and J. Bass Mullinger. Introduction..., p. 303 s.): «Это, может быть, лучший рассказ современника о правлении Генриха VII». Для такой оценки нет никаких оснований. Непонятно, почему они же называют Андре «an Italian Scholar», хотя им известно, что он был родом из Тулузы.

²⁴ В XVI в. эта работа выдержала около 20 изданий, а в последующие столетия — еще около 60. Это был первый труд по истории науки и техники, переведенный на русский язык и изданный в 1720 г.

Уступая давлению официальных кругов, он, однако, бывал вынужден подчас идти на сделки со своей научной совестью, менять отдельные оценки и формулировки, исключать, а затем в зависимости от обстановки восстанавливать некоторые места. Вследствие этого во всех трех прижизненных изданиях (1534, 1546 и 1555) и сохранившихся рукописях имеются значительные расхождения.²⁵

Полидор начинает с географо-этнографического описания Британии по данным древних писателей, далее следует история страны в период римского владычества, англосаксонского вторжения и гептархии, с 5-й книги изложение ведется строго по царствованиям, благодаря чему история выступает в основном как результат деятельности королей.

Это, в частности, относится к истории различных учреждений. Парламент, органы центрального и местного управления, администрация Лондона оказываются созданными решением того или иного короля институтами, которые навсегда сохраняют свои первоначальные черты и, раз возникнув, более не развиваются. Такой подход, как полагает Д. Хэй, объясняется относительной стабильностью форм английской общественной жизни, казавшейся итальянцу полной противоположностью бурной политической жизни его родины.

В целом же историческая концепция Полидора связана с гуманистическим представлением, что ход истории обусловлен взаимодействием двух факторов — неизменности человеческой природы, т. е. страстей, управляющих человеческими действиями, и изменчивости фортуны.

Среди страстей, управляющих действиями королей, на первом месте, по Полидору, стоит жажда большей власти и больших владений. В этом отношении короли, по его мнению, неправимы. Большое значение имеет и общее всем людям стремление к переменам (*mortalium natura est novitatis avida*). Особенно присуща эта черта народной массе: будучи недовольна

²⁵ Любопытно, что все 7 изданий XVI и 2 издания XVII в. вышли за пределами Англии! В этой стране, историю которой Полидор рассказывает, его труд был впервые опубликован только в 1844 г., а первая посвященная ему монография (D. Н а у. Polydore Vergil. Oxford) — в 1952 г.; XXVI и XXVII книги «Anglicae historiae» изданы тем же Хэем по авторской рукописи в последней редакции с переводом на английский язык и ценным введением, включающим биографию Полидора, описание сохранившихся рукописей, перечень всех изданий, критическое сопоставление изданного текста с другими произведениями ранней Тюдоровской историографии (The Anglica historia of Polydore Vergil A. D., 1485—1537, ed. and transl. by D. Н а у. Camden series, v. LXXIV. London, 1950); библиографические данные см. также: G r o s s, № 1854; F u e t e r, 199—202; ряд интересных подробностей о жизни Полидора в Англии, о его связях с Эразмом, Мором, Линакром и другими гуманистами, наконец, текст его завещания находим в ст. E. A. W h i t n e y and P. P. C r a m. The will of Polydore Vergil. Trans. of the R. Hist. Soc., 4th series, v. XI, 1928.

существующими условиями, она всегда склонна к новизне (*plebs novarum rerum avida*). Полидор — не «демократ», как и большинство гуманистов, но он критикует и знает, и даже королей, следующих своим страстям, а не голосу разума. Правда, в критике власть имущих он был не совсем свободен. Ему приходилось, между прочим, считаться с предрассудками Тюдоров, гордившихся своим кельтским происхождением. Отсюда наличие в его труде кое-каких средневековых пережитков, например, указаний на различные пророчества и предзнаменования. Так, переход престола к Генриху VII был, оказывается, предсказан последним королем бриттов еще в 797 г. на основании бывшего ему чудесного видения — *imago quaedam divinum ferens vultum* (Anglica historia p. 4₁₆₋₂₀). Несчастливый конец брака Генриха VIII с Екатериной Арагонской был предопределен еще в 1501 г., когда испанская инфанта при переезде в Англию едва не погибла от кораблекрушения (там же, стр. 12₁₅₋₂₀). Близкая смерть Филиппа Красивого была возведена страшной бурей, занесшей его корабль в Англию (там же, стр. 138, 15-35), и т. д.

Однако подобные частные недостатки не лишают «Английскую историю» характера строго научного произведения. Умение автора критически сопоставлять свидетельства источников, выбирать из них наиболее надежные, устанавливать причинные связи событий, рисовать исторические портреты, а временами и яркие картины социальной и экономической жизни, — все это значительно возвышает его над всеми современными ему английскими историками.

Ограничимся одним отрывком из 27-й книги «Английской истории», дающим вместе с тем представление о стиле Полидора и его манере компановки документального материала и свидетельских показаний.

«За полвека до того или более (т. е. ок. 1485 г., — О. В.) дворяне, имевшие овечьи стада, старались найти способы увеличить ежегодный доход со своих владений. Вследствии этого крестьяне (*agricolae*) понесли большие убытки. Культивируя пастбища на манер арабов, лендлорды стали употреблять мало рабочих рук, уничтожать крестьянские жилища, обращать [пахотные] земли в обширные пустоши, оставляя их без обработки и заполняя стадами скота и множеством дичи (*ferarum multitudine*), а также огораживать [общинные] пастбища изгородями, захватывая их себе и таким образом устанавливая свое монопольное право на шерсть, на овец и на крупный рогатый скот (*monopolia lanae, ovium boumque*). Отсюда тройное зло для государства: уменьшилось число крестьян, из коих набираются солдаты, разрушены многие деревни и местечки, которые лишились своих обитателей, настолько вздорожала шерсть и производимые из нее ткани, а также мясо всех видов животных, что и по сей день цены не удается снизить. Эти злоупотребления своевременно не были

приостановлены, они закрепились, а позже положение было трудно улучшить».

Рассказав затем о законе 15-го года Генриха VIII, которым местные власти обязывались представить отчет о последствиях этих злоупотреблений за последние 50 лет, Полидор пишет:

«Было официально предписано, чтобы под страхом суровых наказаний разрушенные жилища были восстановлены, крестьяне возвращены, изгороди снесены. Но значение этих столь священных декретов немного спустя было сведено на нет... ибо знатные лица, производившие огораживания для содержания скота на общинных землях, стали за деньги откупаться у Вулси (кардинала, лорда-канцлера Генриха VIII, — *O. B.*) от всякого беспокойства (*vexationem pecunia redimere*). Так были обмануты надежды, которые возлагались на закон, хотя многие крестьяне все же получили небольшую выгоду: опираясь на закон, они сами уничтожали изгороди, прежде чем этому могла воспрепятствовать королева-деньги (*regina pecunia*)» (там же, стр. 276²⁰⁻³¹).

Страстное выступление Т. Мора против огораживаний и их следствий всем известно и постоянно цитируется. Но обстоятельный и точный рассказ Полидора вносит немало новых деталей и дает не менее конкретную картину, чем соответствующее место в «Утопии». Чего стоит указание на взяточничество всесильного временщика Вулси или никем ранее не сообщавшиеся данные о резком вздорожании продуктов скотоводства вследствие их «монополизации» лендлордами!²⁶

С большим вниманием, хотя и без всякого сочувствия, следит Полидор за становлением английского абсолютизма в форме национальной монархии. Еще в рассказе о Столетней войне он отмечает рост национального чувства у французов и англичан. «Как бык следует за стадом, — пишет он, — так француз следует за французом, а англичанин за англичанином». К национальному чувству этот «папист», как его называли в Англии, разумеется, враждебен, именуя его «ядом» (*hoc venenum*). Он не упускает из виду и такую деталь в становлении абсолютизма, как учреждение Генрихом VII, «по примеру французских королей», отряда телохранителей (*satellites... ad custodium corporis*), включенных в придворный штат (там же, стр. 6⁵⁻¹).

Разрушение Полидором патристических легенд, созданных средневековыми хронистами, его отрицательное отношение к английскому национальному чувству, разоблачение им аристократов

и джентри, которые даже Реформацией пользовались для обезземеления крестьян, его верность католической церкви — все это породило ненависть к нему со стороны идеологов английской буржуазии и обуржуазившегося дворянства. Лилэнд, Бейли, Фокс и другие английские писатели XVI в. обвиняли Полидора в намеренном искажении английской истории, в том, что он якобы уничтожил предоставленные ему для работы документы, ограбил библиотеку Оксфордского университета, увез с собой в Италию письма, разоблачающие папские махинации в Англии, словом, в том, что он предал свою вторую родину. Денис Хэй показал всю вздорность этих обвинений, которым верили некоторые английские ученые вплоть до конца XIX в.

Усилия опорочить Полидора Виргилия не помешали английским компиляторам — Холлу, Холиншеду, Стоу и мн. др., включить в свои труды целые главы из «Английской истории» в переводе на английский язык и без упоминания имени автора, а позднейшим историкам «принять все его оценки, относящиеся к истории XV—XVI вв.» (*D. H a u, Poloydor Vergil, p. 159 s.*).

Вычеркнув Полидора из списка английских историков и постаравшись предать его труд полному забвению, его противники не создали, однако, ни одного произведения, которое могло бы свидетельствовать о заметном прогрессе в английской историографии. На протяжении XVI и частью XVII в. английский читатель довольствовался хрониками старого, средневекового типа, отличавшимися от монашеских хроник только английским языком и чисто светскими интересами. Наибольшим успехом среди произведений этого рода пользовалась известная уже нам (см. гл. пятую, стр. 222) «Новая хроника Англии и Франции» лондонского суконщика и шерифа Роберта Фабиана, выдержавшая в XVI в. пять изданий (1502, 1518, 1533, 1542, 1559).²⁷

Начиная с 1542 г. с нею стала конкурировать, а затем почти вытеснила ее хроника лондонского юриста Эдуарда Холла (*Hall, ok. 1497—1547*). Будучи в своей большей части вольным переводом на английский язык «Английской истории» Полидора Виргилия, она произвела на более квалифицированных читателей впечатление нового слова в исторической литературе. Среди этих читателей были Вильям Шекспир, взявший из хроники Холла материал для серии своих исторических трагедий, и Френсис Бэкон, использовавший ту же хронику в качестве одного из источников своей «Истории Генриха VII». Возможно, что ни тот, ни другой даже не подозревали, что их подлинным осведомителем являлся итальянский гуманист, а не его английский плагиатор.

²⁷ Поттхаст (*Potthast, I, 443*), не указывая источника, сообщает, что кардинал Вулси приказал сжечь эту книгу за содержащиеся в ней «нападки на английское духовенство». Он не знает 1-го издания 1502 г. и ошибочно датирует 2-е издание 1516 годом.

²⁶ В обширной литературе об огораживаниях труд Полидора Виргилия не упоминается среди источников, и его ценные замечания, образцы которых приведены выше, кажется, никем не учитывались. См.: В. Ф. Семёнов. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века, М.—Л., 1949, гл. II, раздел «Литературные выступления против огораживаний в конце XV и начале XVI в.», стр. 57—63. Ср. там же, стр. 116 сл. о деятельности Вулси: «...аппарат Вулси в ряде случаев оказывал энергичное давление на огораживателей...».

Самостоятельное значение хроника Холла имеет лишь для периода 1509—1532 г. Но как раз в этой части бросается в глаза отсталость исторических представлений автора, как только он заговорил своими собственными словами. Придворные празднества, банкеты и маскарады, публичные церемонии и уличные зрелища занимают в его изложении непомерно много места. Впрочем, политические симпатии широких кругов богатого купечества и нового дворянства, их интересы и литературные вкусы получили здесь верное отражение. Холл является апологетом тюдоровской политики, восторженным поклонником Генриха VIII и всех его действий, особенно разрыва с римской церковью. Последнее обстоятельство было причиной уничтожения почти всех экземпляров этой книги при Марии Тюдор.²⁸ После смерти королевы-католички печатник Ричард Грейтон продолжил хронику Холла до смерти Генриха VIII (1549), и она получила широкое распространение.²⁹

Слабое и весьма затрудненное развитие английской гуманистической историографии в первой половине XVI в. не подлежит сомнению. Кроме произведений Томаса Мора и Полидора Виргилия, к гуманистической литературе могут быть еще отнесены лишь упомянутая выше «Биография Мора» Ропера и «Биография кардинала Вулси» Кавендиша. Но обе работы в течение десятилетий ходили по рукам в рукописных копиях, первые же печатные их издания вышли в свет лишь в XVII в., да и то не в самой Англии.³⁰

Джордж Кавендиш (Cavendish, 1500—1561), подобно Роперу близкий по семейным связям к Т. Мору, служил в свите Вулси, фактического руководителя государства в первые 18 лет царствования Генриха VIII. Кавендиш нарисовал впечатляющий портрет умного, но заносчивого и алчного прелата и особенно подробно изобразил обстоятельства его падения. Отсюда взят фактический материал для трагедии «Король Генрих VIII», которую заканчивается историческая серия шекспировской драматургии.

²⁸ От первого издания (1542) уцелели только фрагменты, от следующих двух (1548 и 1550) — только единичные экземпляры.

²⁹ Хроника Эдуарда Холла носит название: «The Union of the Two Noble Families of Lancaster and Yorke», см.: W. Busch. England under the Tudors, Bd. I. Stuttgart, 1892, S. 399 f.; W. R. Trimble. Early Tudor Historiography, 1485—1548. Journal of History of Ideas, v. IX, № 1, 1950, pp. 30—41; S. R. Gardiner and J. Bass Mullinger. Introduction... pp. 299, 303; Thompson, 600 s.; CHL, III, 316 s.; DNB, XXIV, 63—64; J. D. Mackie. The Earlier Tudors, 1485—1598. N. Y., 1955.

³⁰ «Биография Мора» Ропера (W. Roper. Life of Sir Thomas More) впервые издана в Париже в 1626 г.; последнее издание — в кн.: Th. More. Selection of his English Works. 1929; цит. по: Lond. Bibliogr. of Soc. Scienc. v. XI, 1950—1955, 1960. Сохранилось большое число рукописных копий XVI—XVII вв. «Биографии кардинала Вулси» Кавендиша (G. Cavendish. Life of cardinal Wolsey); первое издание — 1641 г., первое полное издание — 1815, а последнее — 1885 г.

2. АНГЛИЙСКИЕ ХРОНИКИ И АННАЛЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.

В правление Елизаветы (1558—1603), ознаменовавшееся быстрым ростом экономического и военно-политического могущества Англии, английская историография вступает в новую полосу развития. В этот период историческая литература обогатилась большим числом трудов, разнообразных по жанру и тематике. Наряду с всемирными хрониками, анналами и городскими хрониками, хотя и не чуждыми гуманистических приемов, но в основном продолжавшими средневековую традицию, появляются произведения новых жанров: историко-географические и «антикварные» описания родной страны, описания английского государственного строя, труды по истории английского мореплавания и географических открытий, биографии некоторых купцов, возглавлявших органы лондонского Сити, переводы на английский язык Саллюстия, Плутарха и других древних историков, правда, не с латинских и греческих оригиналов, а с французских переводов.

История в этот период приобретает большое общественное значение. Денежные купцы, выбивающиеся покупкой земель в ряды нового дворянства, проникаются убеждением, что без знания истории нельзя стать настоящим джентльменом. Даже пуританская часть буржуазии привыкает видеть в исторических трудах не только развлекательное и полезное для успехов в жизни, но и «душеспасительное» чтение, идущее по значению сразу же за «Священным писанием». В этом отношении немалую роль сыграла позиция Лютера, Кальвина и других религиозных реформаторов, считавших историю важным орудием пропаганды своих учений и средством борьбы с папством. Правительство Тюдоров, подчинившее себе церковь, естественно, взяло под свой полный контроль и историю. При Елизавете история — через литературу и театр — становится более, чем когда-либо раньше, орудием формирования общественного мнения. Ничто не является лучшим свидетельством преувеличенного представления английской буржуазии о могущественном воздействии исторических примеров на умы, чем тот факт, что скаредные воротилы Сити в 60-х годах XVI в. сочли нужным установить платную должность городского историка («хронолога»). Курьезно, что политические памфлетисты на службе правительства объясняли восстания в Ирландии против английского владычества тем, что ирландцы «не читают историй»!³¹ Исторические сюжеты заняли виднейшее место в драматургии, особенно шекспировской, и таким образом елизаветинский театр сделался одним из каналов, через которые

³¹ См.: Louis B. Wright. The Elizabethan Middle-class taste for History. Journ. of Mod. Hist., v. III, № 2, 1931, p. 178 s. Там же (стр. 176, прим. 2—3) приведен ряд других аналогичных высказываний.

шла популяризация истории среди широких кругов городского населения.

Огромный спрос на «истории» со стороны «средних» читателей — купцов, ремесленников, сельских эсквайров и богатых йоменов — породил обширную популярную литературу исторических компиляций, пересказывающих с большими или меньшими подробностями, без всякой критики, материал старых хроник. В соответствии с требованиями читателей авторы таких компиляций доводили изложение до года их выпуска в свет. Растелл пишет «Развлечение для народа, или хронику разных королевств, а главным образом королевства Англии», Грефтон — «Сокращенную хронику Англии», выдержавшую пять изданий за 1562—1572 гг., затем «Учебник английских хроник... до сего 1585 года», наконец, «Подробную хронику и историю Англии и ее королей» (1569), Т. Лэнкет и его продолжатель Т. Купер издают в 60-х годах «Извлечения из хроник». Успех всех этих и им подобных произведений этого жанра затмили «Конспект английских хроник» Джона Стоу (Stow, 1525—1605) и его же подробная хроника «от Брута до настоящего 1580 года», выдержавшие в XVI—XVII вв. рекордное число изданий.³²

Впрочем, Стоу, деятельный член основанного в 1572 г. общества антикваров, был не рядовым компилятором, а выдающимся антикваром, влюбленным в английскую старину. Его «Обзор Лондона и Вестминстера» («Survey of London and Westminster», London, 1598), плод 60-летних наблюдений и исследований, содержит массу интересных данных об английской столице времен Елизаветы. Портной по профессии, Стоу мало затронут гуманистической образованностью и совершенно неспособен критически оценивать материалы, извлеченные им из старой литературы или полученные из устной традиции, но его искреннее и бескорыстное увлечение стариной внушает уважение. Он не искал никаких материальных выгод от своих многочисленных трудов и умер бедняком.

Таким же историком-любителем, членом общества антикваров, был другой лондонский портной Джон Спид (Speed, 1552—1629), автор «Истории Великобритании... от Юлия Цезаря до короля Якова» («History of Great Britain...», London, 1611). Он превосходит Стоу способностью к критическому суждению, а также сравнительно широким использованием документальных материалов (из богатой коллекции рукописей и книг сэра Роберта Коттона). Впрочем, Френсис Бэкон, которому «История Великобритании» служила одним из источников для его «Генриха VII» (см. стр. 451), находит, что хотя книга Спида «обогащена ценными памятниками и составлена с большим критическим суждением, чем прежние работы, все же она основана глав-

³² Там же, стр. 176—181.

ным образом на старых материалах и повторяет почти все старые ошибки».

К серьезным недостаткам Спида относится и напыщенный стиль, создавший ему у современников репутацию «изящного и элегантного писателя». Он называет Елизавету «королевой Церерой», Англию — «житницей западного мира, счастливым государством, раем наслаждений, божьим садом...». Вся эта безвкусная риторика сделала его труд неудобочитаемым уже для следующего поколения.

Спид был в свое время не только видным антикваром, но и крупнейшим картографом Англии. Он составил карты всех английских графств, снабдил картами знаменитую «Британию» Кемпдена, а в 1611 г. выпустил отдельным изданием все свои карты с краткими описаниями областей, к которым они относятся, под пышным названием «Театр Великобританской империи» («Theatre of the empire of Great Britain»)³³.

Наибольшей известностью среди хроник XVI—первой половины XVII в. пользовалась так называемая хроника Холиншеда.

Рафаил Холиншед (Holinshed, ум. 1580), священник, был не единственным составителем, а редактором и одним из авторов обширного свода хроник и антикварно-топографических описаний, включенных в коллективный труд «Хроника Англии, Шотландии и Ирландии». Описание Англии является перепечаткой из известного очерка Вильяма Харрисона (Harrison, 1534—1593), а ее история написана главным образом по хронике Холла; описание Ирландии и ее история до нормандского завоевания изложена по книге писателя XIII в. Геральда Камбрейского (см. о нем стр. 163), история же позднейших периодов составлена по другим литературным источникам Холиншедом и ирландцем Стенихерстом; хроника Шотландии скомпилирована Холиншедом по «Истории скоттов» («Historia Scotorum») Гектора Боэция (1465—1536), шотландского гуманиста, тесно связанного с французскими гуманистическими кругами, а также по шотландской хронике Джона Майора (1470—1550). Из холиншедовской компиляции Шекспир взял материалы для «Макбета» и некоторых других трагедий.³⁴

Вся эта историческая литература проникнута сильным националистическим духом, ее авторы стремятся внушить англичанам высокомерное презрение к другим народам, показать превосход-

³³ DNB, LIII, 318—320; Thompson, 609 s. В. К. Яцунский в своей «Исторической географии» (М., 1955) почему-то не упоминает Спида, который был во всяком случае более крупным картографом, чем историком.
³⁴ О хрониках Стоу и Холиншеда см.: S. R. Gardiner and J. Bass Müllinger. Introduction..., pp. 306—309; Thompson, 603—605; CHL, III, 322—325; V. de Sola Pinto. English Renaissance. London, 1938, pp. 196—198 (приведены библиографические данные). Об исторических пьесах Шекспира, основанных на материалах хроник Хэла и Холиншеда, см.: J. F. C. Hearnshaw. Shakespeare as Historian. Contemporary Review, 1923, № 696, pp. 728—738; P. Meissner. England... p. 370 sq.

ство Англии, ее государственного строя, ее правительства и т. д. над всем неанглийским. Лондон — это лучший, прекраснейший и населеннейший из городов всего мира, англичане — «счастливейшие из смертных», «божественная» (diva) Елизавета — мудрейшая из всех известных истории государей со времен императора Августа и проч. В подобных риторически-преувеличенных формулировках, несомненно, сказывается удовлетворенность имущих классов своим положением в период опяняющего роста богатства и могущества Англии.³⁵ Наряду с этим апологетический тон господствовавший в елизаветинской историографии, был обусловлен и прямым давлением правительства на историков. Особенно поощрялись произведения, показывавшие на исторических примерах бесцельность и опасность непослушания установленным властям. Типичным образцом может служить вышедшая в 1586 г. книга некоего Джорджа Уитстона (Whetston) «Английское зеркало... Спасительное произведение, которое должен прочесть каждый верноподанный» («The English Myrror... A work safely, and necessarie to be read of everie good subiect»). На примерах как древней, так и новой истории, особенно английской автор показывает, что неизбежная кара постигает мятежников и предателей, вместе с тем он прославляет государей, успешно подавлявших мятежи и обеспечивавших гражданский мир. Отсюда урок читателю: «Бойся бога, будь верен своему государю и повинуйся законам».

Таков же характер «Удивительных историй» («Strange histories», 1602) Томаса Делони, известного автора баллады о богатом мануфактуристе Джеке из Ньюбери. В «Удивительных историях» видное место занимает история восстания Уота Тайлера. Автор прославляет «храброго рыборотковца Вильяма Уолворса», предательски убившего крестьянского вождя, расписывает во всех деталях «ужасный конец» Джека Струу и его товарищей, что должно послужить хорошим уроком для всех, кто посмеет восстать против властей.

Этот исторический сюжет не раз использовался правительством с целью политической пропаганды. Последний известный случай относится к начальному периоду Английской буржуазной революции. В 1642 г. анонимный автор опубликовал памфлет

³⁵ V. de Sola Pinto. English Renaissance, p. 51 s.: «Когда Елизавета вступила на трон, Англия была бедной страной, а англичане — одним из отсталых народов Европы». Стране, сверх того, угрожала гражданская война в результате резкого обострения противоречий между протестантами и католиками при Марии Тюдор. «От хаоса и серии религиозных войн... Англию спасла Елизавета и ее советники». Под «мудрым» руководством этой королевы, «дочери Ренессанса» (там же, стр. 50), вся энергия нации (т. е. дворянства и купечества) направлена была на географические открытия, заморскую торговлю, ограбление испанских колоний в Новом Свете и т. д. Об усилившемся ограблении трудовых масс самой Англии автор умалчивает.

под многозначительным названием «Справедливое возмездие мятежникам, или жизнь и смерть Джека Струу и Уота Тайлера».³⁶

Вместе с тем правительство проявляло большую чувствительность к малейшим признакам оппозиции в исторических трудах. Оно становится особенно подозрительным и усиливает цензурные строгости в последние годы Елизаветы, а затем при первых Стюартах ввиду непрерывного роста оппозиционных настроений. Поучительна в этой связи судьба известного историка Джона Хэйворда (Hayward, 1560—1627), издавшего в 1599 г. историю низложения и убийства короля Ричарда II его родственником графом Дерби, занявшим английский престол под именем Генриха IV. Елизавета усмотрела в этой книге, посвященной ее родственнику и опальному фавориту графу Эссексу, какую-то скрытую параллель и намек на угрозу ее трону и жизни со стороны популярного в столице Эссекса. Хэйворд и его печатник попали в Тауэр. На суде Хэйворд отрицал, что он писал свою историю в свете современной политики и защищал свое право, «как и право любого хорошего писателя историй, добавлять и сочинять мотивы [действий] и речи сообразно сюжету». Королева все же готова была подвергнуть его пытке и отправить на эшафот вместе с Эссексом. Хотя Хэйворд, по насмешливому замечанию Френсиса Бэкона (являвшегося тогда адвокатом короны), может быть обвинен только в плагиате из Тацита, но отнюдь не в политическом преступлении, из Тауэра его выпустили не раньше, чем умерла королева Елизавета (1603).³⁷

Вскоре после этого Тауэр принял в свои стены другого историка, члена общества антикваров, сэра Уолтера Рэли (Walter Raleigh, ок. 1554—1618). Рэли более знаменит как поэт, путешественник, «королевский пират», фаворит и доверенный секретарь Елизаветы, гроза испанцев, основатель первой английской колонии в Северной Америке (Виргиния, 1584), наконец, как один из адмиралов, разгромивших «Великую Армаду», чем как историк. Его главный труд — «История мира в пяти книгах» — написан в заключении, длившемся 12 лет (1604—1616).³⁸ Обвиненный

³⁶ Louis B. Wright. The Elizabethan Middle-class taste... pp. 186—189. Любопытно, что среди бумаг лорда Берли (канцлера Елизаветы), относящихся к мятежу графа Эссекса, имеется памятка о восстании Уота Тайлера: этот «мятежник» также кричал, что он «за короля и общины», как Эссекс, утверждающий, что он за королеву; но, невзирая на это, он «приказал королю явиться на свидание в Майль-Энд и захватил Тауэр». Берли мобилизовал и другие исторические примеры для обоснования измены Эссекса. См.: Lily B. Campbell. The Use of historical patterns in the Reign of Elizabeth. Huntington Library Quarterly, 1938, № 2, p. 141 s.

³⁷ См.: M. Dawling. Sir John Hayward's troubles over his life of Henry IV. Library, v. XI, № 2, 1930, p. 212 ss.; L. B. Campbell. The Use... p. 162 ss.; DNB, v. XXV, s. v. Hayward.

³⁸ The Historie of the World in five bookes... by Sir Walter Raleigh, Knight. Printed for Walter Burre. London, 1614, in 7°. «История мира» в этом издании предпослана биография автора и протоколы судебного про-

в каком-то заговоре против Якова I Стюарта, он за недостаточностью улик был временно выпущен на свободу, но в 1618 г. после нового ареста и суда казнен.

В судьбе Рэли главную роль сыграли политические мотивы (желание дать удовлетворение Испании, а также личная ненависть Якова I к любимцу Елизаветы), но и его исторический труд, вызвавший неодобрительный отзыв короля, также не остался без влияния на исход процесса.

«История мира» во многих отношениях похожа на типичную средневековую хронику. Она основана на Библии с дополнениями из античной языческой литературы. Библейские и языческие мифы используются таким же кредитом, как и подлинные исторические факты. Завершающая весь труд история Греции и Рима, доведенная до момента полного подчинения эллинистического мира Римом (завоевание Пергама, 130 г. до н. э.), заботливо синхронизирована с библейской историей.

Средневековую окраску придают «Истории мира» уже первые разделы книги, посвященные разбору отдельных понятий и слов Библии в чисто богословском духе: «О значении слова „в начале“», «О значении слов „небо, земля“», «Как понять, что дух божий носился над водами», «О провидении», «О предопределении» и проч.

Важнее этих формальных признаков общая историческая концепция автора. История выступает у него как реализация божьего плана. Действия людей чаще объясняются вмешательством «божественного провидения», чем естественными причинами. «Бог, действующий различными способами, — пишет Рэли, — лишает правителей разума, когда он хочет покарать народ». Понимаемая так история обращается в наставницу христианской морали.

Оригинальная особенность «Истории мира» в том, что рядом с богословской трактовкой выступают и некоторые черты светского, возрожденческого мировоззрения. В предисловии к книге и в многочисленных отступлениях, посвященных философско-историческим размышлениям, обнаруживаются заметные следы знакомства с Макиавелли. Таковы рассуждения Рэли о неудержимом развитии абсолютной власти монарха в сторону тиранического злоупотребления властью: рост налогов вызывает ненависть народа к правителю, последний пытается мерами жестокости обратить ненависть в страх, результатом являются восстания, подавляемые с помощью иностранных наемников, чтобы обеспечить верность наемников, тиран еще более разоряет свою страну, и т. д.

цесса, неблагоприятный для Рэли исход которого послужил формальным основанием вторичного ареста и смертного приговора в 1618 г. Из ранних произведений Рэли наиболее известна его книга о Гвиане («The Discoverie of the large, rich and bewtiful Empire of Guiana», 1596). Прочие библиографические данные и литературу о Рэли см.: V. de Sola Pinto. English Renaissance, p. 239 s.

Влияние Макиавелли, а возможно и непосредственно Полибия, сказывается и в тех элементах циклической концепции, которые содержатся — в некотором противоречии богословским представлениям о «божьем плане» — в его размышлениях об уроках истории Англии. Генрих I, желая оставить престол собственным детям, лишил наследия своего брата, но дети его погибли. Эдуард II был убит, но это преступление отмщено на его правнуке Ричарде II, низложенном и убитом Генрихом IV; этот «грех» в свою очередь искуплен гибелью его внука Генриха VI; Ричард III, последний король из династии Плантагенетов, убит Генрихом Тюдором, но уже внуками первого Тюдора эта династия окончилась. Таким образом, история повторяется. Читателю предоставляется возможность самому сообразить, какая судьба постигнет новую династию Стюартов. Второй вывод: короли, зная неисправимы, они идут на преступления ради захвата власти, хотя бог карает их потомков за грехи отцов. Третий вывод: божье провидение не ограничивает свободы человеческой воли.

Общий итог наблюдений над историей далекого прошлого и оценки событий позднейшей истории Англии формулирован у Рэли следующим образом: «Если искать смысла в последовательном и постоянном честолюбии смертных, то мы сможем добавить к уже сказанному, что короли и светские князья неизменно ставили перед собою не те цели, которые имел в виду бог (the great One). Они всегда заботились о славе одного, но никогда о несчастьи других... Они пренебрегали советами бога, пока наслаждались жизнью... но они следовали советам приближающейся смерти. Именно смерть, не произнося ни слова, приобщает человека к мирской мудрости, тогда как бог не мог этого добиться ни словами своего Закона, ни обещаниями, ни угрозами. Смерти, которая ненавидит и убивает человека, верят, а бога, который его сотворил и любит, покидают... Только смерть позволяет человеку познать самого себя. О, красноречивая, справедливая, могучая смерть! Ты убеждаешь тех, кого никто не мог убедить, ты делаешь презренными тех, кому свет поклонялся» (The Historie of the World... , p. 669).

Этот глубокий пессимизм в отношении всего хода истории, сочетающийся со столь же глубокой ненавистью к «королям и светским князьям», симптоматичен в устах бывшего баловня фортуны, одного из активнейших деятелей первоначального накопления. Сидя в тюрьме, он повторяет слова библейского мудреца: «Все суета и томление духа...».

Возвышенным, «ветхозаветным» стилем Рэли спел отходную «старой, веселой Англии». Его книга — это один из предвестников полной победы Реформации над Возрождением, сурового пуританства над безоблачным оптимизмом буржуазно-дворянских наживал времен Елизаветы.

Научное значение книги Уолтера Рэли равно нулю, но влияние его историко-философских раздумий на английскую литературу прослеживается почти до середины XVIII в.³⁹

3. ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI—НАЧАЛА XVII в.

Английские хроники, рассмотренные выше, очень слабо затронуты идеями Возрождения. Несравненно ярче отразилось новое мировоззрение в художественной литературе, особенно в шекспировской драматургии.

Однако и в исторической литературе можно назвать труды, которые носят на себе печать возрожденческой мысли и могут быть отнесены к достижениям гуманистической историографии. Это в первую очередь произведения историка-антиквара Кемдена, историка и философа Бэкона, шотландского историка Бьюкенена, а также нескольких менее значительных авторов (вроде названного выше Хэйурда, историка-географа Хаклюйта, историка церкви Джона Фокса, знаменитого автора описания России Джильса Флетчера и др.).

Вильям Кемден (Camden, 1551—1623), выходец из низов, благодаря блестящим способностям и трудолюбию добился высшего образования, соединяя со своими студенческими занятиями обязанности слуги при одном оксфордском колледже. Получив по окончании университета место школьного учителя в Лондоне, он стал на средства своих «покровителей» совершать ежегодные поездки по Англии с целью изучить памятники старины, воспроизвести надписи, собрать вещественные источники, записать местные предания, словом, накопить материалы, относящиеся к английским древностям. Самоучкой он овладел англосаксонским и кельтским (уэльским) языками, а также навыками в палеографии. На основе собранных таким путем обильных данных Кемден создал свой первый большой антикварно-топографический

³⁹ «История мира» до 1736 г. выдержала 11 изданий. Цитаты всюду даны по 1-му изданию 1614 г. — Leonard F. Deane. Tudor Theories of History writing. Univ. of Michigan. Contribution in Modern Philology, № 1, apr. 1947, p. 17 ss.; L. V. Campbell. The Use... p. 138; работы Рида (N. T. Reed. The philosophical background of Sir W. Raleigh's history of the World. Northwestern Univ. diss. 1934) и Стратмена (Ernest A. Strathmann. Sir Walter Raleigh. A Study in Elizabethan skepticism. N. Y., 1951) остались мне недоступны. Сэнтсбери (George Saintsbury. A history of Elizabethan literature. London, 1887, p. 212) называет «Историю мира» «шедевром», в котором короткие отрывки «необычайной красоты» перемежаются с длинными монотонными рассказами и отступлениями, лишенными «грациозности стиля» и прочих литературных достоинств. Подобные оценки, нередко встречающиеся в трудах по истории английской литературы XVI в., заставляют усомниться, читали ли их авторы книгу Уолтера Рэли.

труд «Описание Британии», принесший ему признание его ученых заслуг на родине и европейскую известность.⁴⁰

У Кемдена в этом деле были предшественники. Самый ранний из них — капеллан и библиотекарь Генриха VIII, ученик французских гуманистов Джон Лилэнд (Leland, 1506—1562), который в течение шести лет по поручению короля путешествовал по Англии с теми же целями, но со значительно меньшим успехом, чем впоследствии Кемден. В 1546 г. Лилэнд опубликовал на английском языке отчет о своих поездках. Его заметки отрывочны и бессистемны. Среди массы незначительных подробностей в них, однако, имеются и ценные сведения, которыми пользовалось несколько поколений антикваров, в том числе и Кемден. Немало почерпнул последний и из упоминавшихся выше «Описания Англии» Харрисона и «Обзора Лондона» Стоу. Но основная масса антикварных данных собрана самим Кемденом, употребившим на это дело тридцать лет неутомимых поисков и исследований.

В посвящении лорду Берли Кемден говорит о трудностях исследования древнейших периодов истории Британии, начиная с происхождения этого названия и кончая сведениями о составляющих ее областях, их старинных границах, природных ресурсах, преданиями о вождях, герцогах, графах и проч. Его подход к решению поставленных перед собою задач является критическим, строго научным. Так, разоблачая вздорные выдумки (inertiae) Джоффри Монмаутского о Бруте, «сыне троянского царя Приама» и Скоте, «сыне дочери фараона Скоты» как родоначальниках бриттов и скоттов, Кемден пытается выяснить мотивы этих фантазий. По его мнению, сказка о «родоначальнике франков Франционе, сыне Приама», сочиненная «глупым писателем Хунибалдом», дабы возвеличить свой народ, побудила Джоффри пойти по тому же пути. А всему виной «густейшая тьма невежества», присущая «варварской эпохе», в которую жили оба автора. Выводы же самого Кемдена о кельтском происхождении бриттов и скоттов, перешедших, по его мнению, на Британские острова из Галлии (Арморики), об их быте, социальном строе и т. д. основаны на лингвистических данных, сведениях древних авторов — Цезаря, Тацита, Страбона, использовании топонимики и народных преданий. Особенно многим обязан Кемден Беде, которого он называет «единственным правдивым писателем» среди ранних летописцев. Для истории англосаксов, их вторжений и

⁴⁰ Полное название этого труда: «Britannia sive Florentissimorum Regnorum Angliae, Scotiae, Hiberniae et insularum adiacentium ex intima antiquitate chorographica descriptio. Authore Guilielmo Camdeno. London, 1586. В 5-м издании 1600 г. присоединен раздел о монетах и даны шесть листов с изображениями монет; 6-е издание 1607 г. снабжено картами различных графств, составленными Спином. Наряду с изданиями латинского оригинала с 1610 г. и до конца XVIII в. «Британия» неоднократно выходила в переводах на английский язык. Я пользовался франкфуртским изданием латинского оригинала 1616 г.

основанных ими «государств» его источниками, кроме Беды, были Адам Бременский и Гервазий Тильбергский (начало XIII в.). Интересен сделанный Кемденом анализ «Книги судного дня» («Domsdaybook»), по данным которой дается социальная характеристика Англии времен нормандского завоевания, в частности, установленной завоевателями феодальной иерархии. Далее следуют: историко-географические очерки каждого из графств и областей Англии, книга об Ирландии и прилегающих островах, наконец, «Указатель древних народов, городов, рек... их латинские и современные английские названия».

Кемдена обычно называют последователем Биондо, но за полтора века, разделяющих обоих ученых, историческая наука сделала заметные успехи, разнообразнее и богаче стали привлекаемые источники, улучшились методы их собирания и критической обработки. Об этих успехах свидетельствует не только «Описание Британии», но и подготовленное автором в связи с этим трудное критическое издание хроник Ассера, Геральда Камбрийского, Гильома Жюмьежского, Уолсингема и других под названием «Старинные известия об Англии, Нормандии и Ирландии» («Anglica, Normannica, Hibernica a veteribus scripta», 1603). Впрочем, в критике текста Кемден еще делает подчас грубые ошибки. Так, в хронике Ассера он не заметил позднейшую интерполяцию об основании Оксфордского университета... Альфредом Великим т. е. в IX веке! Этот подлог попал в его «Описание Британии».

Еще при жизни Елизаветы Кемден обещал своему покровителю лорду Берли написать историю ее царствования. Всесильный министр открыл ему доступ не только к своему личному, но и к королевским архивам (tabularia). Сверх того, сэр Роберт Коттон предоставил в его распоряжение свои богатые коллекции.

К выполнению обещания Кемден приступил лишь спустя десять лет, имея уже нового патрона в лице Якова I. Кемден гордился тем, что он «никогда ни к кому не подлаживался». Тем не менее в оценках лиц ему приходилось считаться с «покровителями», проявлять осторожность в отборе фактов и формулировании выводов.

В 1615 г. вышла его «Летопись событий в Англии и Ирландии в царствование Елизаветы до 1589 г.»⁴¹ Хотя автор остается пагубно настроенным этой королевы, но здесь нет таких формулировок, какие мы находим в «Описании Британии» («Никогда Англия не была столь счастливой, как при Елизавете!»). Характерно его отношение к фаворитам королевы. Так, в подробном рассказе о борьбе с Испанией и разгроме Армады он перечисляет всех английских флотоводцев, но даже не упоминает главного из них — Уолтера Рэли. Об этом опальном адмирале, казненно

⁴¹ Annales rerum Anglicarum et Hibernicarum regnante Elizabetha a. annu Salutis MDLXXXIX. Я пользовался вторым изданием (Typis Bringeri, Francofurti ad Moenum, 1616).

через год по выходе «Летописи», сказано лишь несколько осторожных слов в связи с основанием колонии Виргинии и подавлением восстания в Ирландии (последнее — скорее как намек на огромные земельные владения, захваченные Рэли в этой стране). В «Летописи» нигде не встречается имя Шекспира, между тем как «певец Елизаветы» Эдмунд Спенсер представлен в качестве «величайшего поэта Англии», превзошедшего даже Чосера. Но самым трудным для автора делом было так изложить историю отношений между Марией Стюарт, матерью царствующего короля, и Елизаветой, отправившей ее на эшафот, чтобы не слишком погрешить против правды и в то же время удовлетворить Якова I.

Известно, что Де Ту включил в свою «Историю» соответствующие разделы «Летописи», посланные ему Кемденом еще в рукописи, но несколько изменил текст, дополнив его материалами из французских архивов. Мы уже упоминали, что рассказ Де Ту, неблагоприятный для Марии Стюарт, вызвал гнев Якова I, потребовавшего, но не добившегося изменений в книге французского историка. При таких условиях Кемдену приходилось быть здесь особенно осмотрительным. Кемден вынужден был написать по приказу короля критические замечания («Animadversiones») на изложение Де Ту, т. е. на самого себя, и долго отказывался издать свою «Летопись», а после выхода в свет воспротивился ее переводу на английский язык, опасаясь «несправедливых суждений необразованных читателей» (английский перевод первой части, до 1589 г., вышел лишь после его смерти, а второй части — до 1603 г., только в 1629 г.).

Как все же выпутался Кемден из трудного положения — рассказать о шотландских делах так, чтобы не вызвать недовольства Якова и не слишком погрешить против истины? Одних «умолчаний» и «смягчений» было мало. Но Кемден нашел «счастливую» формулировку. Упомянув в нужном месте о Якове Стюарте, ставшем преемником Елизаветы, он далее пишет: «Так было завершено два дела, которые как для Марии, так и для Елизаветы были самыми дорогими в жизни, ибо в лице сына Марии был обеспечен и союз Англии с Шотландией, и укрепление истинной [протестантской] религии, необходимое для безопасности Англии».

В «Обращении к читателю» Кемден пишет, что «возлагает свой труд на алтарь истины, посвящая его богу, отечеству, потомкам» («Deo, patriae et posteris ad Veritatis Aram dedico consecroque»). Как можно было убедиться из приведенных примеров, число которых легко увеличить, его «алтарь истины» покоится не на очень прочном основании.

Кемден не выполнил полностью и других обещаний читателям: писать без прикрас и реторики (Елизавета получает у него эпитеты «королевы морей, звезды севера, восстановительницы нашей морской славы»), не включать мелочей и пустяков (он не

прочь рассказать всякие слухи и сплетни о каком-то зверьке, привезенном английским послом Боусом из России, о землетрясениях, о «новой звезде» 1572 г., «предвещавшей Варфоломеевскую ночь», и проч.). Сама избранная им, «по примеру Тацита», строго анналистическая форма требовала соединения под одним годом важных фактов и мелочей, делала невозможным ни строгий план, ни выявление глубоких причинных связей, отдаленных предпосылок и следствий крупных исторических событий.

Тем не менее «Летопись» Кемдена является лучшим трудом по современной автору истории Англии. Следуя, как он там пишет, наставлениям Полибия, он ставил своей задачей извлечь из источников ответы на следующие вопросы: «почему? каким образом? с какою целью? что именно происходило? какие разумные основания лежали в основе действий?». «Все остальное, — заявляет автор, — относится более к развлекательной, чем к документированной истории».

В основном эти задачи решены благодаря наличию первоклассных источников и трудолюбию автора, благодаря широте его внешнеполитического кругозора и реалистическому отношению к действительности. Центральными в его рассказе являются не внутренние английские, а шотландские дела, англо-голландские и англо-испанские отношения, а также англо-русские торговые и дипломатические связи. Помимо богатых архивных материалов, автор широко пользовался устными показаниями видных политических деятелей Елизаветинского времени. По всем этим сюжетам там, где его не связывали посторонние науке мотивы, Кемден проявляет историческое чутье, способность обнаруживать скрытые пружины действий, по этим сюжетам он дает и наиболее обстоятельный, насыщенный фактами рассказ. Например, только у него мы находим интересное указание на международный характер, который папа вместе с Филиппом II пытался придать испанской агрессии 1588 г. против Англии. Кемден подчеркивает, что папа специальной буллой объявил эту агрессию крестовым походом Европы, в котором помимо испанцев участвовали поименно перечисленные австрийские и итальянские феодалы. Весьма интересны также некоторые аспекты и подробности англо-русских торговых и политических отношений, изложенные Кемденом довольно объективно. У него мы не найдем и следов того высокомерия и тех антирусских выпадов, которые характеризуют известную книгу Флетчера о Русском государстве. Рассказывая о различных русских посольствах к Елизавете, Кемден не забывает отметить исключительно дружественное отношение к ним со стороны «жителей Лондона», пышность их приема при дворе и т. п., сопоставляя с этим историю одного польского посольства, глава которого, наделав в Англии много долгов, поспешил скрыться от своих кредиторов. Конечно, в основе этих дружественных отношений лежали интересы Московской компании,

выгодность русской торговли для Англии, и Кемден это сам указывает. Однако новейшие историки англо-русских отношений, стремясь доказать их исключительно торговый характер и нежелание Елизаветы стать на путь политического союза, забывают отметить посредническую роль английской дипломатии в деле заключения мира между Швецией и Россией в 1583 г. Кемден же приводит этот факт как доказательство готовности королевы оказать царю Ивану дипломатическую поддержку. Приводя общеизвестные данные о благосклонности этого царя к английским купцам, Кемден расширяет их указанием, что «англичане были им приняты в опричину, отборную часть народа» («Anglos in Oprissney, delectum semen populi sui, suscepit»). Примером сравнительно объективного изложения русско-английских отношений в России: «Преемник Ивана царь Федор Иванович... открыл в Россию доступ купцам всех наций. Елизавета несколько раз ставила вопрос о нарушении английских привилегий, но царь отвечал: „Несправедливо одним разрешать то, что другим запрещается. Нужно, чтобы торговля, согласно международному праву (*iure gentium*), была разрешена всем, а не служила в виде монополии частному обогащению небольшого числа людей“».

Никаких оценок Кемден здесь не дает и, по-видимому, считает ответ московского правительства вполне основательным и разумным.

«Летопись» Кемдена называют «зенитом английской хронистики». Но если подвести баланс ее достоинств и недостатков, то нельзя будет не прийти к выводу, что Кемден-антиквар выше Кемдена — историка современности, что объясняется не столько какими-то особенностями его таланта, сколько не раз уже отмечавшейся несвободой английских историков в условиях абсолютизма. В этом отношении равный Кемдену по таланту французский историк Де Ту находился в несравненно более благоприятном положении. Ведь даже такой, казалось бы, второстепенный факт, как запрещение книги Флетчера по выходе ее в свет (1591), Кемден должен был объяснить только ходатайством Московской компании, якобы опасавшейся неблагоприятной реакции русских (хотя на западе и, в частности, в той же Англии распространялось о России немало сведений более враждебных, чем приведенные Флетчером). Что касается подлинной причины запрещения книги — недовольства королевы произведением, в котором она увидела попытку под покровом критики русского абсолютизма осудить абсолютизм английский, — то на нее у Кемдена нет и намека.⁴²

⁴² С. М. Середонин (Сочинение Джильса Флетчера *Of the Russe Common Wealth* как исторический источник. СПб., 1891, стр. 43—45) по весьма неубедительным соображениям считает главной причиной жалобу Московской компании.

В 1838 г. было основано общество имени Кемдена (Camden Society), существующее по сей день и хорошо известное ценными публикациями неизданных ранее источников истории Англии в XVI, XVII и XVIII вв. Но за этой данью уважения к памяти виднейшего представителя английской исторической науки XVI—начала XVII в. не последовало ни одной монографии о его творчестве.⁴³

Младший современник Кемдена Френсис Бэкон (1561—1626) более известен как естествоиспытатель и философ, «родоначальник материализма и всей современной экспериментальной науки»,⁴⁴ чем как историк. Но он, как все крупные деятели Возрождения, был весьма разносторонним ученым. В его литературном наследии имеется одна большая («История царствования Генриха VII») и несколько мелких исторических работ.

Бэкон происходил из мелких дворян, обязанных своим возвышением династии Тюдоров. Отец философа, Николай Бэкон, занимал при Елизавете высокий пост лорда — хранителя королевской печати. Френсис Бэкон был отправлен для завершения образования в Париж. Здесь он познакомился с «Опытами» Монтеня, которые, по его собственному признанию, натолкнули его на мысль о решающем значении для науки эмпирического метода познания.⁴⁵ Опираясь на исторический опыт, он в своих политических трактатах выступал апологетом абсолютной монархии, к чему его склоняли и семейные традиции, в связи с этим находится и его увлечение «Государем» Макиавелли.

По возвращении из Франции Бэкон занялся адвокатурой и политической деятельностью в парламенте. Ему покровительствовал граф Эссекс, которого он, однако, не поколебался предать, когда на того пало подозрение в заговоре против королевы, положив тем самым начало своей быстрой политической карьере. Особенно он преуспел при Якове I, который назначил его в 1618 г. первым канцлером, наградил землями и титулом барона Веруламского, виконта Сент-Албанского. Ненавистный парламенту как

⁴³ О «Британии» Кемдена см.: В. К. Ядунский. Историческая география, стр. 131 сл.; биографические данные: DNB, VIII, 277—285 (статья Е. М. Томпсона); перечень его работ и прочие библиографические сведения: S. R. Gardiner and J. Bass Mullinger. Introduction... Index s. v. Camden; Read, № 2837; Fueter, 203—205; Н. В. Walters. The English Antiquaries in the sixteenth, seventeenth... centuries. London, 1934; V. de Sola Pinto. English Renaissance, 199 s.

⁴⁴ К. Маркс. Святое семейство. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 142.

⁴⁵ О пребывании во Франции Френсиса Бэкона и его брата Энтони (который стал другом Монтеня) см.: S. Lee. The French Renaissance... p. 43; о влиянии Монтеня на Бэкона писал А. И. Герцен (Письма об изучении природы, цит. в кн.: М. Монтень. Опыты. Кн. III. М.—Л., 1960, стр. 439), Ф. А. Коган-Бернштейн. Философские воззрения Мишеля Монтеня.

верный слуга абсолютизма, Бэкон в 1621 г. был обвинен в злоупотреблении властью (хотя он служил, вероятно, только ширмой для бесчестных махинаций королевского фаворита Букингема), снят с должности, лишен политической правоспособности и посажен в Тауэр (1621). Правда, Яков I освободил его уже через несколько дней и возвратил ему владения и титулы, но политическая карьера его кончилась, и он, подобно Макиавелли, только тогда получил возможность всецело посвятить себя научной и литературной работе.

Первым плодом его занятий в сельском уединении после выхода из Тауэра была «История царствования Генриха VII» («History of the Reign of King Henry the Seventh»), посвященная Якову I. Но это не был его первый исторический труд. Еще в самом начале XVII в. он задумал написать историю Тюдоров «от соединения Роз» (т. е. от начала правления Генриха VII) «до соединения королевств» (т. е. до вступления в 1603 г. на престол Англии шотландского короля Якова I, объединившего оба королевства).⁴⁶ Эту эпоху Бэкон считал наиболее интересной и важной, так как именно тогда оформилась и достигла «совершенства» новая система государственного управления — абсолютная монархия.⁴⁷ Но в те годы дальше первых шагов — собирания материалов, черновых набросков к истории Англии времен Генриха VII и его преемников — он не пошел. Зато он развил свои теоретические взгляды на историю в большом сочинении, представленном Якову I в 1605 г., носящем название «Две книги... об успехах и прогрессе божественной и человеческой наук».

В этом труде Бэкон обнаруживает в отношении истории величайшую непоследовательность мысли. Вслед за Патрици и Боденом он считает историю наукой. Но в то время как «настоящая наука опирается на знание причин», задача историка состоит, по его мнению, только в описании событий, «замечания же и выводы из них должны быть предоставлены свободному суждению каждого человека».⁴⁸ Что касается философских рассужде-

⁴⁶ См.: The two bookes of F. Bacon of the proficiencie and advancement of Learning divine and human. To the King. London, 1605. Цит. по: F. Bacon. Works, ed. by I. Spedding, R. L. Ellis and D. Heath, v. III. 1876, p. 336. Ср.: там же, т. VI, стр. 222, где слова Бэкона: «Задумав писать историю Англии от начала царствования Генриха VIII до настоящего времени, когда королева Елизавета счастливо правит...», — свидетельствуют о том, что замысел его исторического труда относится к концу XVI в., но решение начать с Генриха VII было им принято только между 1603 и 1605 гг., после вступления на престол Якова I. На русском языке философские сочинения Бэкона в неудовлетворительном переводе П. А. Библикова вышли в 1874 г. (тт. 1—2, СПб.); сверх того, «Новый Органон» был издан в переводе С. Красильщикова в 1938 г. Библиографию его трудов см.: V. de Sola Pinto. English Renaissance, pp. 240, 273—275.

⁴⁷ F. Bacon. Works, v. III, p. 336.

⁴⁸ Там же, стр. 339: «... for it is the true office of history to represent the events themselves together with the counsels, and to leave the observa-

ний по поводу общего хода истории, то они составляют содержание особого рода трудов (a kind of ruminated history), которые относятся более к искусству государственного управления, «к политике (policy), чем к собственно истории».

Еще более ослабляет Бэкон значение истории как науки различными уступками теологическому мышлению. Отделив от «гражданской истории» «историю церкви», он различает в последней три особых вида: конкретную историю церкви, «пророческую историю» (historia prophetica) и «историю провидения» содержащую указания на «прекрасное соответствие» (excellen correspondance) «между откровением божественной воли и тайной волей бога».⁴⁹

Таким образом, выбросив теологию из естествознания, Бэкон с заднего крыльца — через историю церкви — вводит ее снова в науку. Это одна из тех «теологических непоследовательностей» которые Маркс отметил в учении этого отца механистического материализма в естественных науках и идеалиста в науках общественных.⁵⁰

Разумеется, Бэкона интересовала только «гражданская история» как единственный вид истории, имеющий практическое значение для политики.⁵¹ Но его теоретические соображения по этому вопросу мало оригинальны и в общем остаются на уровне итальянской гуманистической мысли XV в. Древнегреческие государства и древний Рим являются для него «образцовыми государствами», которые божественному провидению угодно было избрать, «чтобы сделать их примером для подражания в мирное и военное время, в науке, морали, государственном строе и законах». История этих государств благодаря трудам Фукидида, Ксенофонта, Ливия, Полибия, Саллюстия, Цезаря, Аммиана и Тацита «находится в совершенном состоянии» — «... the history of the exemplar states... is extant in good perfection» (Две книги... , стр. 335). «Комментарии» Цезаря Бэкон называет «лучшей историей на свете» (там же, стр. 333). Таким образом, он игнорирует всю критическую работу эрудитов и политических историков второй половины XVI в., прежде всего историков французских, показавших недостатки античных авторов, в особенности Ливия, и превосходство «новых» над «древними».

tions and conclusions thereupon to the liberty and faculty of every man's judgement».

⁴⁹ Там же, стр. 341.

⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 143.

⁵¹ Бэкона, как и всех авторов политических историй эпохи Возрождения, история интересовала прежде всего именно с этой точки зрения. Он говорит: «Писатели историй — лучшие доктора этого (политического, — О. В.) знания. Где можем мы найти наиболее живое изображение того, как успокаиваются или возбуждаются аффекты; ... как они себя обнаруживают; как они действуют (work), меняются, растут, усиливаются; как они

Древней истории Бэкон противопоставляет «новую» (modern histories), стоящую, по его мнению, на более низком уровне (заметьте, что под трудами по новой истории он разумеет также историческую продукцию средневековых анналистов и хронистов XIII—XV вв.).⁵² По отношению к английской историографии, которую он и имеет главным образом в виду, это противопоставление имеет известные основания. Но только Бэкон, который, как мы видели, требовал от историка чисто эмпирического подхода, т. е. описания событий без их истолкования, теперь с характерной для него непоследовательностью упрекает хронистов в том, что в их произведениях «больше помпы, внешнего блеска, чем настоящих внутренних пружин (resorts) событий» (там же, стр. 334). Вот почему он считает необходимым написать заново историю Англии и Шотландии, в первую очередь историю этих королевств в XVI в.⁵³

Это обещание он выполнил, да и то не полностью, лишь через 16 лет, в 1621 г., когда была написана «История царствования Генриха VII», где скрытые причины событий показаны с большим мастерством. Этот труд представляет собою историю внутренней и отчасти внешней политики Англии от 1485 до 1509 г., когда страной был сделан решающий поворот от феодальных неурядиц к абсолютной монархии. Единственным героем этого поворота к новой форме правления был в представлении автора Генрих VII. «Государственная мудрость» этого короля, его политическая изворотливость, наконец, неразборчивость в средствах для достижения «высшей цели» — увеличения могущества государства, — все эти черты роднят его с Людовиком XI и Фердинандом Католическим, вместе с которыми он образует «троицу

воздействуют друг на друга; как сталкиваются и борются между собой... ; на каких основах покоится рациональное применение наград и наказаний, коими держится гражданский порядок?» (F. Bacon. Works, v. III, p. 337 s.).

⁵² Лучинани (Vincent Luciani. Bacon and Guicciardini. PMLA, v. LXII, № 1, 1947) полагает, что Бэкона привлекала «только древняя и новая история», «средневековая же история его не интересовала; хотя и есть ссылки на средневековую историю Англии, но нет и намека на средневековых историков». Это явное недоразумение, результат, может быть, невнимательного отношения к тексту «Advancement of Learning».

⁵³ F. Bacon. Works, v. III, p. 336: «I cannot fail to represent to your Majesty [пишет он Якову I] the unworthiness of the history of England... and the partiality and obliquity of that of Scotland», и т. д. Теоретические взгляды Бэкона на историю затронуты очень кратко в статье: L. F. De an. Sir Francis Bacon's theory of civil history-writing. Engl. Lit. History, 8, 1941, pp. 170—172, и в указанной выше его работе «Tudor Theories...». Ср.: I. F. C. Hearnshaw. Bacon as Historian. Contemporary Review, 1923, № 689, pp. 606—614 (порчеркнуто значение «Истории царствования Генриха VII» как реализации тех принципов исторического исследования, которые Бэкон развил за 17 лет перед тем во второй книге «Advancement of Learning»).

мудрецов среди королей этой эпохи» («... three magi among the Kings of the age»).

Таким образом, в центре исторической картины, созданной Бэконом, стоит личность короля, который впервые в истории Англии «был своим собственным первым министром» и самолично вершил все государственные дела. Важнейшим же признаком победы абсолютизма в Англии Бэкон считает падение значения парламента. Говоря о парламенте 1504 г., он подчеркивает, что тогда особенно легко «можно было увидеть каким абсолютным [государем] держал себя король по отношению к своему парламенту: Дедли, которого все ненавидели, был сделан спикером палаты общин, все постановления как этого, так и других парламентов посят на себя печать мудрой политики короля» (Works, VI, 222). Иными словами, парламент времен Генриха VII превратился в орган, всецело послушный королевской воле и беспрекословно питающий как свои статуты все королевские законопроекты. К такому выводу Бэкон подводит читателя, хотя, согласно изложенным выше своим взглядам на «совершенную историю», отчетливо его не формулирует.

Этим же исключительным вниманием к деятельности абсолютного монарха объясняется то видное место, которое в данном труде занимает законодательство. Как бывший высокий сановник, имеющий большой политический опыт и досконально знакомый со всем механизмом английской государственной машины в эпоху абсолютизма, наш историк излагает причины, сделавшие необходимым тот или иной закон, его цели, эффективность и конечные результаты.

Образцом такого комментирования законов является изложение статута 1489 г. об огораживании.⁵⁴ «Этот статут, — пишет Бэкон, — имел целью увеличить народонаселение и служить, таким образом, увеличению военной мощи государства». Изображая далее социальные следствия огораживаний и обращения пашен в пастбища, автор отмечает ликвидацию во многих местах всех видов феодальных держаний (пожизненных, на срок и т. д.) и присоединение их к домену лорда, что «лишило многих йоменов средств к существованию» и привело к «упадку городов, церквей, десятин и т. д.». «Король понимал, что это поведет к падению налогов, ибо чем больше дворян, тем меньше налогоплательщиков». Его мудрость нашла выход из положения. Полностью запретить огораживания было бессмысленно, ибо это значило бы запретить «улучшение земли и более продуктивное ее использование», а принуждать лордов к полеводству означало бы «пойти против природы и выгоды». Поэтому законом предусмат-

⁵⁴ Именно этот исторический комментарий из «Истории царствования Генриха VII» цитирует К. Маркс в XXIV гл. I т. «Капитала» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 731 и прим. 193а).

ривалось только восстановление держаний от 20 акров и более, чем было обеспечено сохранение «людей среднего достатка и йоменов, стоящих между дворянами и коттеджерами» (последних Бэкон презрительно называет «нищими со своим жильем» — «hused beggars»). Так благодаря Генриху VII, заключает автор, Англия сохранила своих йоменов и обеспечила себя превосходной национальной пехотой, в то время как более крупные государства, где между дворянами и зависимыми крестьянами нет средней свободной прослойки, вынуждены комплектовать пехоту швейцарскими и другими наемниками.⁵⁵

Сопоставляя это место с цитированным выше текстом Полидора Виргилия (который через Холла, Спиды и других хронистов служил одним из источников Бэкона), мы видим существенное различие между ними. Полидор упоминает только о конверсии пахотной земли в пастбища и захвате лордами общинных пастбищ, Бэкон же — об уничтожении крестьянских держаний и включении их земельных участков в состав господского владения (домена). Полидор подчеркивает, что непосредственным следствием конверсии явилась монополизация лордами производства в стране шерсти и мяса, что повело к значительному росту цен на эти продукты, Бэкон же об этом молчит, а на первое место в перечне последствий огораживаний выдвигает сокращение численности налогоплательщиков. Полидор видит в огораживании «злоупотребление», которое во времена Генриха VIII уже настолько укоренилось, что исправить положение стало «трудным», для Бэкона все зло огораживаний ограничивается подрывом хозяйства средних йоменов, но и это зло ликвидировано мудрым законом Генриха VII.

Таким образом, у обоих историков не совпадают важные моменты в самой картине огораживаний, различно акцентированы их следствия, неодинаковы оценки, пессимизму Полидора в отношении эффективности правительственных мероприятий противостоит казенный оптимизм Бэкона, закрывающего глаза на пауперизацию всего крестьянства и ряд других следствий процесса первоначального накопления.

Бэкона отличает от Полидора Виргилия и его плагиаторов также большее внимание к народным движениям, хотя их причинная связь с огораживаниями и эвикцией и у него не выяснена. Так, мы находим у него подробный рассказ о восстании в Корнуэлле и Уэльсе (так называемый мятеж лорда Аудли), которое он приписывает только усилению налогового прессы. Не скрывая враждебного отношения к повстанцам, Бэкон назы-

⁵⁵ F. Bacon. Works, v. VI, pp. 93—95. В использованном нами издании Спеддинга даются наряду с английским текстом «Истории царствования Генриха VII» (впервые изданной в 1622 г.) латинские разночтения по переводу, сделанному самим Бэконом. Эти разночтения учтены нами при цитировании без специальных оговорок.

вают их глупцами (the foolish people), смеется над их невежественным представлением о графстве Кент как стране «самых свободных людей в Англии», над их походом в направлении к Кенту и с удовлетворением рассказывает об их разгроме. Вместе с тем он указывает на мужество и боеспособность «мятежников» (большие потери, нанесенные королевскому войску крестьянами-лучниками), на их дисциплинированность (отсутствие грабежей и прочих эксцессов), а их поражение объясняет плохим вооружением, в частности, отсутствием артиллерии и неумелой военной тактикой. Интересно также описание паники среди богатого купечества при первом известии о приближении крестьянских отрядов к столице (История царствования Генриха VII, стр. 176—179).

Усилия Бэкона при всем его преклонении перед абсолютизмом проявить известную объективность сказываются и в его критическом отношении к некоторым чертам характера Генриха VII и к некоторым сторонам его деятельности. Он осуждает страсть короля к накоплению богатств, жестокость по отношению к феодальной знати; таинственность, какую он обставлял все свои решения, даже то, что он был плохим мужем Елизавете Йоркской. Бэкон отмечает непопулярность короля, ненависть к нему в низах, недоверие и тревогу в верхах. Но в качестве поклонника «политического реализма» Макиавелли, которого он не раз цитирует в своих речах и политических трактатах (например, «Об империи»), он дает правлению Генриха VII весьма положительную оценку.⁵⁶

Наибольшее влияние на Бэкона как историка оказали Коммин и Гвиччардини. У первого взяты отдельные характеристики (например, Людовика XI, испанского короля Фердинанда); по образцу «Истории Италии» построены разделы, относящиеся к войнам и дипломатии, их композиция, манера подачи речей. Несомненно, Гвиччардини Бэкон обязан идеей политического равновесия (balance of power), в свете которой оценивается внешняя политика Генриха VII, добившегося, по мнению нашего автора, значительного усиления английского влияния в Европе.⁵⁷

В оценке рассматриваемого труда Бэкона его буржуазными критиками наблюдается большой разбой. Известный шотландский историк конца XVIII—начала XIX в. сэр Джеймс Макинтош, радикал, защищавший Французскую революцию от нападок Берка, низко оценивает Бэкона — апологета абсолютизма, идеализирующего образ короля-тирана. В 70-х годах XIX в. издатели

⁵⁶ Подробный разбор отношения нашего автора к Макиавелли дается в монографии Орсини (N. Orsini. Bacon e Machiavelli. Genoa, 1936), оставшейся мне недоступной. Итальянский исследователь отмечает влияние «Discorsi» и «Il Principe» и полное игнорирование «Istorie Fiorentine». Следование Макиавелли сказывается, например, в общей оценке внутренней политики Генриха VII, обусловленной его страхом и перед мятежным духом феодальной знати, и перед восстаниями простого народа.

⁵⁷ См.: V. Luciani. Bacon and Guicciardini.

трудов Бэкона (Спеддинг и др.), наоборот, утверждали, что рядом с ним нельзя поставить ни одного английского историка XVI—XVII вв., настолько он всех их превосходит. В конце того же XIX в. немецкий ученый В. Буш «развенчал» Бэкона как оригинального историка, показав его полную зависимость по материалу от предшествующих хронистов.⁵⁸ В середине XX в. Д. Хэй пошел еще дальше, утверждая, что «История царствования Генриха VII» не более, как перевод Полидора Виргилия на английский язык, «который экономнее и богаче латыни Полидора», перевод, дополненный кое-какими материалами из Бернара Андре, Фабиана, Стоу, Спида и парламентских отчетов.⁵⁹ Следуя такому источниковедческому принципу оценки исторического труда, можно и гениальную «Флорентийскую историю» Макиавелли объявить джонниным произведением.

Однако до того как подвести итог, выслушаем самого Бэкона. «Прежние авторы, — пишет он, — сочиняли по различным частным воспоминаниям, донесениям и рассказам, которые нетрудно было обработать и украсить (to digest with ornament) и на этом материале написать историю... Их источники в большинстве утрачены, поэтому и заимствования незаметны. У меня же весьма невыгодное положение, так как я не нашел никаких ценных записок современников и вынужден был опираться на устные воспоминания или традицию, на акты, дипломатические документы, сведения из иностранных историй. Все это труднее, чем писать на основании уже существующих хроник...» (Bacon, Works, VI, 222 s.).

Нет никаких оснований считать эти слова выдающегося философа простым бахвальством. Известно, что для времени Генриха VII скудная «История» Бернара Андре является «единственной строго современной» хроникой событий.⁶⁰ Этот факт англичанам второй половины XVI и XVII в. казался столь странным, что они приписали отсутствие хроник этого времени злокозненности Полидора Виргилия, якобы уничтожившего представленные ему источники с целью лишить своих английских преемников средства восстановить искаженную им историческую правду. Так думал и Бэкон. Принципы же исторической критики, которых он придерживался, не позволяли ему довериться Холлу и прочим позднейшим хронистам. К тому же больше всего его интересовала внутренняя история Англии, и здесь парламентские отчеты, государственные акты, письма и прочие документы, которыми его щедро снабжал сэр Роберт Коттон, действительно явились для него важными источниками, которые он истолковывал в свете своего богатого политического опыта. Пробелы же и фактические неточности

⁵⁸ W. Bush. England unter den Tudors, Bd. I.

⁵⁹ D. Hay. Polydore Vergil, ch. V.

⁶⁰ См.: Hauser, I, 105, № 234.

в его изложении объясняются трудными условиями работы — оторванностью от столицы, ее библиотек и архивов, ограниченностью времени, затраченного на писание книги (6—7 месяцев), необходимостью остерегаться всего, что могло бы вызвать недовольство со стороны враждебного автору общественного мнения.

Все это заставляет нас вернуться к старому взгляду Спеддинга на «Историю царствования Генриха VII» как на лучшее произведение английской историографии эпохи позднего Возрождения. Хотя в отличие от «Органона» и других философских сочинений Бэкона его исторический труд не открывает никаких новых путей в данной области науки, он ценен как свидетельство достигнутого политической историографией уровня накануне победы пирронизма и антиисторической картезианской философии в XVII в.

Английская наука эпохи Возрождения достигла в изучении отечественной истории значительных успехов, но она не обогатила историческую мысль какими-либо новыми идеями и не пошла дальше итальянских гуманистов в технике исторического исследования. О сравнительной отсталости английской исторической мысли свидетельствует особенно тот факт, что единственная теоретическая работа по истории, вышедшая в XVI в., — книга Томаса Блендевила «Истинный порядок и метод писания и чтения истории» (1574)⁶¹ — в основном представляет собою перевод из «Диалогов» Франческо Патрици (гл. VI—X) и из работы «О методе» итальянского философа-эмигранта Джакомо Кончио (Concio или Accontio), написанной им для своего покровителя Роберта Дедди, графа Лейстера (главы V и XI).⁶² Собственный же вклад Блендевила весьма скуден, что и понятно, так как, будучи крупным специалистом... по воспитанию скаковых лошадей и искусству верховой езды, в области истории он являлся, очевидно, только любителем.⁶³

Другая известная нам работа на ту же тему, появившаяся в свет уже в XVII в., — «Зимние размышления о значении и методе изучения истории» Дегори Уира — также лишена всякой оригинальности. Автор в основном следует «Методу» Бодена, отклоняясь от него лишь в вопросе о периодизации истории. По-

⁶¹ Thomas Blundeville. The True Order and Method of writing and reading Histories, according to precepts of Fr. patricio and Accontio tridentino. London, 1574 (переиздана: Huntington Library Quarterly, 1940, № 2, pp. 149—170).

⁶² Работа Джакомо Кончио опубликована во Флоренции в 1944 г. (G. Accontio. De Methodo e opusculis religiosi e philosophi, a cura di G. Raddetti); в ней развиваются некоторые мысли Ф. Патрици. Об этом итальянском философе, кроме введения Радетти, см.: D. Dick. Giacomo Concio: A Renaissance Exile. Modern Language Forum, Univ. of California, 1941. Подробное изложение работы «О методе»: L. Einstein. The Italian Renaissance... pp. 310—314.

⁶³ DNB, II, s. v. Blundeville (приводится длинный список работ Блендевила; все они посвящены искусству верховой езды и т. п. сюжетам).

добно немецким критикам Бодена, Уир считает традиционное деление по «четырем монархиям» единственно правильным и «научным», так как оно засвидетельствовано «древними авторитетами».⁶⁴

Теоретические взгляды на историю, господствовавшие в Англии XVI в., если судить по работе Блендевила и высказываниям наиболее популярных историков, можно свести к следующим положениям.

История — учительница жизни. Историк должен способствовать морально-религиозному воспитанию своих соотечественников. Поэтому ему незначительно заниматься всемирной историей, все его внимание должно быть направлено на историю родной страны или города, причем изучению недавнего прошлого следует отдавать предпочтение перед занятиями более отдаленными периодами. Воспитательная задача отечественной истории достигается путем подробного рассказа о деяниях руководителей государства и народа — королей и проч. Из таких рассказов легче всего почерпнуть уроки политической мудрости и добродетельной жизни. Первой заповедью истории является правда, а источником, ее гарантирующим, — непосредственный опыт самого рассказчика, очевидца или участника событий; на втором месте — показания других лиц, правдивость которых следует подвергнуть предварительной проверке. Первопричиной человеческих действий является бог, исторические события показывают его могущество. Однако историк обязан указывать и на мотивы конфликтов между историческими личностями, обрисовать их характеры, намерения и планы. Таким образом, наряду с божественным провидением определенную роль играют и люди, их психология, мотивы их поступков. Материал исторических свидетельств должен быть обработан согласно правилам античной риторики, требующей, в частности, сочинения речей, дабы придать рассказу драматический характер с целью усилить его воздействие на читателя. В основе речей должны лежать подлинные факты, но допускаются и вымышленные речи при условии, если при этом сохранена верность общей обстановке и характеру говорящего лица. В историческом рассказе следует уделять много внимания детальному описанию сражений, начиная от характеристик местности, размера и состава сил обеих сражающихся сторон и кончая исходом боя и его следствиями. Наилучший порядок изложения в историческом труде — строго хронологический, но нельзя пренебрегать и причинными или логическими связями событий.⁶⁵

⁶⁴ Degory Whear. Reflectiones hyemales de ratione et methodo legendi historias. Cambridge, 1623. Книга Уира служила учебником в Кембриджском университете еще в XVIII в. См.: L. Brown. The Methodus ad facilem Historiae cognitionem of Jean Bodin. A critical study. The Catholic Univ. of America, Washington, 1939, p. 172 ss.

⁶⁵ L. F. De a n. Sir Francis Bacon's theory... pp. 1—6.

Выдающиеся историки иногда высказывались против некоторых правил, наименее согласуемых с требованиями научности. Так Кемден указывает, что он речей не сочинял, а воспроизводил подлинные слова исторических личностей, ничего в них не меняя. Но нам не известно, какими критериями он пользовался для установления их подлинности. Бесспорным достижением является его стиль, лишенный, как правило, риторических красот. Вообще деловое, спокойное изложение свойственно работам почти всех историков-антикваров. Что касается политических историков, то лишь один Бэкон был подлинным мастером английской прозы (что мешало ему переводить самому или поручать другим перевод его трудов на латинский язык, чтобы «спасти их от забвения»). Но Бэкон, будучи блестящим писателем и новатором в философии, не внес ничего нового в метод и технику работы историка. В его теоретических высказываниях об истории нельзя уловить след знакомства с Патрици, Боденом или другими авторами трактатов о «методе в истории».

Более высокой ступени английская историческая мысль достигла лишь во второй половине XVII в. в результате опыта напряженной классовой и партийной борьбы, способствовавшей более ясному пониманию общественных противоречий между феодальным дворянством и разоряющимися крестьянскими массами, между абсолютизмом и интересами капиталистических классов. Идеологи мелкокрестьянства Уинстенли, идеологи буржуазии и новоявленного дворянства Мильтон, Гаррингтон, Олджернон Сидней (равно как и защитники абсолютной монархии) не были, строго говоря, историками, но в идейно-политической борьбе все они пользовались историческими аргументами и, главное, обнаружили при этом лучшее понимание сущности борьбы своего времени, чем позднейшие буржуазно-дворянские историки Английской революции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении всего тысячелетнего развития феодальной общественно-экономической формации, от ее зарождения в V—VI вв. и до начала ее разложения в XIV—XV вв., западноевропейская историография прошла извилистый путь подъемов и падений, но на всем этом пути сохранила почти неизменным свой феодально-клерикальный характер, свою верность той теоцентрической картине мира, которая еще в IV—V вв. была создана «отцами церкви». В этом отношении между типичными монашескими хрониками, возникающими в XII—XIII вв. городскими хрониками и рыцарскими хрониками XV в. нет принципиальной разницы. Мирские интересы, особенно в периоды обострения политической и классовой борьбы, властно вторгались в ткань исторического повествования, соприкосновение, особенно в эпоху Крестовых походов, с культурным миром мусульманского Востока расширяло кругозор историка, содействуя пробуждению критической мысли, подъемом городского ремесла, рост межгородской и международной торговли создавали благоприятные условия для развития городской культуры и первых попыток сравнительно широко использовать наследие античности, процесс формирования национальных феодальных монархий сопровождался появлением на авансцене истории военно-политических деятелей с яркими, резко очерченными характерами — все это получало отражение в исторических трудах, обогащая их новым фактическим материалом, вызывая к жизни новые жанры — «истории», биографические и автобиографические произведения, учебники и т. д., соперничавшие и даже вытеснявшие универсальные хроники.

Но все эти сдвиги были бессильны оказать сколько-нибудь серьезное воздействие на традиционные исторические представления поколебать евсевиянско-августиновскую историческую концепцию. Решающую роль в этом консерватизме исторической мысли, помимо сравнительно медленных темпов движения в экономике и общественной жизни, играла церковь. Занимая командные высоты во всех областях духовной культуры, она с помощью своего разветвленного аппарата пропаганды и контроля над умами

имела возможность заграждать новым идеям доступ в философскую и историческую литературу либо останавливать их распространение.

В XV—XVI вв., когда более заметно, сначала в Италии, затем в других странах Западной Европы, обнаруживаются влияние зарождающегося капитализма и связанные с этим социально-политические перемены, происходит блестящий взлет светской культуры, известный под именем Возрождения. К этому времени и церковь, ослабленная схизмами XV в. и Реформацией начала XVI в., оказалась не в состоянии остановить напор новых буржуазно-гуманистических идей и с присущей ей гибкостью пыталась даже одно время поставить их себе на службу. В этот же период географические открытия, познакомившие европейцев с ранее неведомыми народами и культурами Америки и Дальнего Востока, а затем великие научные открытия Коперника, Кеплера, Галилея стали подрывать доверие к «историкам Священного писания» и взглядам «отцов церкви». Была опрокинута, в частности, такая основа средневековой историографии, как хронология «от сотворения мира», когда оказалось, например, что хронология китайцев гораздо древнее библейского Адама. Так подготовлена была почва для роста скептицизма в отношении христианской исторической традиции.

Непосредственным результатом первого этапа культурного возрождения была секуляризация историко-политической мысли. Факты политической жизни в Италии и международных отношений в масштабах всей Европы, усиливая влияние и углубляя понимание античной греко-римской историографии, породили усилия объяснить новые историко-политические проблемы с помощью понятий «государственного интереса» и «равновесия сил». История из учительницы христианской морали, помощницы богословия становится учительницей дипломатии, наукой, необходимой в первую очередь государственным деятелям. Карл V и Франциск I в десятилетия их соперничества за гегемонию в Западной Европе усердно изучали произведения Коммина, Макиавелли, Сейсселя. К истории тянулись не только короли и князья, но и феодальная аристократия Франции и Англии, ища в ней теоретического обоснования своей оппозиции абсолютизму, и буржуазия, повсюду уже начинавшая открыто выступать против феодально-дворянских привилегий и церковных злоупотреблений, и идеологи плебейско-крестьянских масс Германии. Подъему общественного значения историографии на первых порах особенно содействовали церковные реформации, взявшие ее на вооружение в период наиболее ожесточенных атак против папства, а несколько позже — и их противники из лагеря католической реакции в целях контратаки.

Усиление общественного значения историографии в XVI—начале XVII в. явилось причиной живого интереса широких кругов

читателей к теоретическим — методологическим и методическим — проблемам истории, к вопросам ее достоверности, характера ее источников, принципов исторической критики, критериев оценки исторических трудов и проч. В идейную борьбу были втянуты и такие, казалось бы, далекие от современности отрасли историко-филологических знаний, как классическая филология, хронология, лингвистика, археология и т. п. — словом вся так называемая эрудиция.

Однако притязания истории на значение науки, умеющей на основе рационально объясненного опыта прошлых поколений указывать правила поведения в современной политике и жизни и даже предвидеть будущее, несмотря на достигнутые успехи, были преждевременными. История как наука еще делала первые, неуверенные шаги и даже ее критическая работа по разрушению теоцентрической картины мира далеко не была доведена до конца. Для этого не было предпосылок ни в экономических условиях, которые на протяжении всего периода Возрождения оставались в своей основе феодальными, ни в социально-политической жизни, которая почти с самого начала XVII в. характеризовалась во всех странах Европы, за исключением, пожалуй, одной Голландии, победой реакции и консолидацией феодальных общественных отношений.

В то время как физико-математические науки, получившие первый могучий импульс в эпоху Возрождения, даже в условиях общественной реакции шли неудержимо вперед, науки общественные вступили в полосу затяжного кризиса. Гуманистическая историография, не оправдавшая тех преувеличенных ожиданий, которые с нею связывали передовые общественные слои, мало-помалу превращается в трудах эпигонов гуманизма в оторванную от жизни педантичную эрудицию и политическое, в ограниченную, лишнюю живой мысли бесплодную фактологию.¹

История начинает подвергаться атакам как со стороны католических и протестантских теологов и вообще идеологов феодальной реакции, так и со стороны «вольнодумцев», философов-рационалистов и так называемых новаторов, ослепленных успехами естественно-математических наук и решительно отрицавших значение для современности античной культуры, не говоря уже о культуре средневековой.

Если в Риме, Виттенберге и Женеве идеи гуманистической светской историографии предавались анафеме как безбожные, языческие, подрывающие основы христианской морали и делались

¹ К крайне правому, реакционному крылу этих эпигонов относится формулировка Энгельса и Каутского: «Первая форма буржуазного просвещения — гуманизм XV и XVI вв. — в своем дальнейшем развитии превращается в католический иезуитизм». См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 21.

усилия повернуть историографию на старую дорогу вспомогательной для богословия дисциплины, то в еще большей мере подорвано было значение истории поборниками исторического пирронизма.

Это направление получило свое название от греческого философа Пиррона из Элиды, современника Аристотеля, учившего, что истина вообще недоступна человеческому уму: ничего нельзя знать о сущности вещей, следовательно, все наши суждения и оценки недостоверны.² Этот крайний скептицизм был в XVI—XVII в. применен по отношению к истории.

Ранние пирронисты — Джованни Франческо делла Мирандола («О бесполезности науки язычников», 1520) и Агриппа Неттесгеймский («О ненадежности и бесполезности наук», 1527) — имели в виду не только историю, их скептицизм распространялся на все области знания, за исключением богословия.³ Но во Франции в период гражданской войны пирронизм попытались использовать против истории феодальные силы. В 1567 г., вероятно, в ответ на только что вышедший труд Жана Бодена о методе в истории с яростной диатрибой «Против истории и профессоров истории» («Contre l'histoire et les professeurs d'icelle», Poitiers) выступил некий Шарль де ла Рюэльль. Об эрудиции и научных исследованиях гуманистов, об «увлечении французов историей» он говорил с величайшим презрением. В его глазах значение имеют только «божественная история» и «естественная история». Что касается «человеческой истории», то бессмысленно искать в ней поучения и примеры. Познать истину о прошлых событиях невозможно поэтому история бесполезна и в лучшем случае может служить лишь для удовлетворения «детской любознательности». Больше всего Рюэльль возмущает, что люди незнатного происхождения в своих трудах по истории осмеливаются порицать или хвалить людей знатных и высокопоставленных. Но и дворянам, по его мнению, не пристало заниматься историей, их дело — охота, война, участие в государственном управлении, а не копание в старых бумагах.

В начале XVII в. в качестве пирронистов выступают иногда сами историки-эрудиты. Герхард Иоганн Фосс (Vossius, 1577—1649) в трактате «Искусство истории» («Ars historica», Leyden, 1623), отвергнув все известия языческих античных авторов о Троянской войне, об основании Рима Ромулом и т. п., высказал одновременно мысль о недостоверности истории в целом. Исключение он делает только для Библии, исторические сведения которой он считает заслуживающими полного доверия. Работу аналогичного содержания под названием «О малой достоверности исто-

рии» опубликовал в 1668 г. известный французский писатель, «Плутарх Франции», Ламот ле Вайе (La Mothe le Vayer, 1583—1672). Ссылаясь на смешение в древности истории с поэзией и на басни, которыми изобилуют средневековые хроники, он ставит под сомнение всю античную и средневековую историческую традицию. Разумеется, и этот автор делает оговорку, что его критика не относится к «Священному писанию», которое является «откровением свыше».

По-видимому, без такой оговорки критика пирронистов не была бы пропущена цензурой. Этим щитом пользуется и такой умеренный пирронист, как Габриель Ноде (Naudé, 1600—1653), друг Кампанеллы, библиотекарь Мазарини. В своих «Политических размышлениях о государственных переворотах» он обрушивается уже не на факты, а на объяснения фактов и на концепции историков, противопоставляя их «произвольным и ненадежным» построениям успеха изобразительных искусств и естественных наук.

Любопытно, что первая попытка нарушить запрет подвергать сомнению все относящееся к церкви и религии исходила от иезуита-священника Жана Ардуэна (Hardouin, 1676—1729). Этот пирронист дошел до того, что объявил подлогом всю античную литературу, приписав даже творения поэтов Вергилия и Горация средневековым монахам. Он усомнился, далее, в подлинности документов, относящихся ко всем церковным соборам до Тридентского собора XVI в. Его разрушительный скепсис коснулся даже кое-каких данных Нового завета, и его примечания к этому памятнику были помещены в Индекс запрещенных книг, а сам он вынужден был отречься от своих заблуждений.

В конце XVII в. Пьер Бейль (1647—1707), автор знаменитого «Историко-критического словаря», вынес суровый приговор современной ему исторической литературе. «В ней, — писал он, — нет ничего, кроме предрассудков, личных интересов и партийности... Нет большего мошенничества, чем то, которое можно совершить с помощью исторических памятников... Некогда говорили, что музы prostituteвали себя даже рабам; особенно это относится к музе истории» («О поносительных писаниях» — «Dissertation sur les libelles diffamatoires»). А профессор истории в Лейпциге и издатель знаменитого журнала «Acta eruditorum» И. Б. Менкен (Mencken, 1674—1732) объявил всех историков шарлатанами («De Charlataneria eruditorum»).

Дальше в поношении исторической науки идти было уже некуда. Но преувеличения Ардуэна, Бейля и Менкена уже начинают встречать отпор. В 1702 г. профессор Лейденского университета и видный филолог Яков Перизоний (Perizonius, 1651—1715), отметив наличие кризиса, переживаемого историографией, осудил искажение истории одними авторами и отрицание за ней всякого значения другими. Скептицизм, заключает Перизоний,

² L. Robin. Pyrrhon et le scepticisme grec. Paris, 1944.

³ Meta Scheele. Wissen und Glaube in der Geschichtswissenschaft Heidelberg, 1930.

опасен, он в состоянии убить любую науку. Поэтому «долгой пирронизм!» («Valeat tandem Pyrrhonismus!»).⁴

Однако наиболее опасными по своему общественному влиянию противниками исторической науки в XVII столетии были «новаторы», философы-рационалисты, в том числе и наиболее блестящие умы Западной Европы — Декарт и целая плеяда его последователей; так называемых картезианцев (Мальбранш, Чербер и др.), а далее Спиноза и отчасти даже Лейбниц (хотя он сам много занимался историей, но сравнивал это занятие с браком со злою женою).

Рене Декарт (Descartes, лат. Cartesius, 1596—1650), основатель новой рационалистической философии, опирающейся на принципы математики и механики, в своем «Рассуждении о методе» («Discours de la Méthode», 1639) и в «Исследовании истины с помощью познания природы» («Recherche de la vérité par la lumière naturelle») выражает полное презрение к изучению истории, считая это занятие недостойным мыслящего человека. «Те, кто проявляют чрезмерный интерес к событиям прошлых веков, — пишет он в первом из названных произведений («Discours», Paris, 1894, p. 13 s.), — как правило, абсолютно невежественны в отношении событий настоящего столетия. Басни [историков] заставляют воображать возможным то, что совершенно невозможно, и самые добросовестные историки, если даже они не искажают и не преувеличивают фактов, дабы сделать их более привлекательными для читателя, даже они почти всегда опускают наиболее низменное и менее бросающееся в глаза. В итоге и все остальное становится непохожим на то, что происходило в действительности...». В своем пренебрежении к истории Декарт доходит до утверждения, что ему совершенно безразлично, существовали ли до него вообще люди или нет.

Близки к этому и высказывания картезианцев. Так, Эдуард Герберт Чербери (Ed. Herbert of Cherbury) считает историческое знание в лучшем случае только правдоподобным («Historiam rerum praeteritarum in classe verissimilium posuimus»).

Спиноза, как известно, ссылается в «Политическом трактате» на уроки истории, но и он смотрит на эту науку свысока. Для него, как и для всех рационалистов XVII в., история человечества есть нечто изменчивое и уже потому несовершенное в отличие от законченного совершенства мира природы. «Реальность и совершенство для меня тождественны (Per realitatem et perfectionem idem intelligo)». Следовательно, мир человеческой истории есть нечто нереальное, недоступное познанию. Понятия истины к истории неприменимы.⁵

⁴ P. Hazard. La Crise de la conscience Européenne. Цит. по английскому переводу: P. Hazard. The European Mind. 1953, p. 35.

⁵ Вопрос об антиисторизме «новаторов» и философов XVII в. подробно рассмотрен в труде Е. Спекторского «Проблемы социальной физики»; см.

Одной из причин антиисторизма философов является плачевное состояние исторических знаний и особенно политической истории в XVII в. Выше уже отмечалось, что после великих социальных битв XVI в. почти во всех странах Западной Европы начинается период феодальной реакции, которая была еще усилена Тридцатилетней войной в первой половине века и завоевательными войнами Людовика XIV во второй его половине. Историческая литература, целиком заполненная реляциями о сражениях, дипломатическими переговорами, откровенно тенденциозная, уныло однообразная по тону и содержанию, возмещавшая всякое отсутствие мысли избитыми риторическими приемами, перестала возбуждать интерес в обществе. «Потолок» историографии этого периода представляют труды выдающегося немецкого правоведа и историка Самуила Пуффендорфа, но и они при ближайшем ознакомлении оказываются набором официальных архивных документов, систематизированных по хронологическому признаку и соединенных между собою формальными авторскими ремарками. Эти труды предназначены были служить апологией действий тех правителей (сначала шведского, затем прусского), по поручению которых они были написаны.

Низкому уровню историографии соответствовал уровень исторического образования или того, что понималось тогда под историческим образованием, особенно в протестантских странах. Преподавание истории поручалось профессорам реторики и поэзии, которые обратили эту область знания в собрание анекдотов, приправленных моралью, и в скучнейший перечень имен государей и их воинских подвигов.

Только в Голландии и Англии, странах ранних буржуазных революций, история сохранила свои общественные функции и продолжала оставаться проводником определенных политических идей.

Однако такое объяснение пирронизма и философского антиисторизма само по себе недостаточно. Ибо остается непонятным, почему презрение к современной исторической литературе распространялось на историографию в целом? Почему были забыты Фукидид, Полибий, Тацит, достижения историков Возрождения, заложивших основы исторической науки?

Единственным ответом на эти вопросы является, на наш взгляд, то обстоятельство, что общественное внимание к истории и признание ее значения определяется во все времена ее актуальностью, т. е. ее тесной связью с современностью, определяемой не сюжетом исторического произведения, а характером его трактовки. Гуманисты XV—XVI вв., занимаясь даже историей

особенно том 2-й (Киев, 1917), стр. 587—609. Однако этот автор не делает попытки выяснить причины отрицательного отношения философов к истории.

древнего Рима, или древних германцев, или возникновения французской монархии, отвечали на вопросы, поставленные современной им жизнью и вызывавшие общественный интерес. Почти каждое историческое произведение XV—XVI вв. решало определенную общественную задачу, либо часть этой задачи, либо облегчало путь для ее решения (как это делали, например, итальянские и французские эрудиты). Такая глубокая, внутренняя связь историографии с современностью была в течение ряда десятилетий XVII в. утрачена. Она была полностью восстановлена только в следующем столетии, когда буржуазные историки-просветители вернулись на путь, намеченный гуманистами, выступив, таким образом, как их прямые продолжатели.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

A.	— Auflage.
Abt.	— Abteilung.
Ac., Acc., Ak.	— Academie, Accademia, Akademie.
App.	— Appendix.
col.	— colonne.
conf.	— conferre, confronter.
dt.	— deutsche.
ep.	— epistola.
f., ff.	— folgend, folgende.
MA	— Mittelalter, Moyen Age, Middle Ages.
m. a.	— mittelalterliche.
Mss.	— Manuscrits.
NF	— Neue Folge.
s., ss.	— suivant, suivants.
sq., sqq.	— sequens, sequentes.
s. a.	— sine anno.
SB	— Sitzungsberichte.
s. v.	— sub voce.
Zs.	— Zeitschrift.
—	
AHR	— American Historical Review.
AKG	— Archiv für Kulturgeschichte.
Arch. St. it.	— Archivio Storico italiano.
Ausg. Quellen	— Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters, herausgegeben von Rudolf Buchner, Bde I—XVI ff. Berlin. [1952 ff.].
BEHET	— Bibliothèque de l'Ecole des Hautes Etudes.
CHL	— The Cambridge History of English literature, ed. 2, Cambridge, 1930 s.
Cont. Rev.	— Contemporary Review.
D. A. f. Erforsch. d. MA	— Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters.
DNB	— Dictionary of National Biography, ed. by L. Stephen and S. Lee. 66 vols London, 1885—1901.
DV f. Lit. Wiss. u. Geist.	— Deutsche Vierteljahrschrift für Literatur, Wissenschaft und Geistesgeschichte.
EHR	— English Historical Review.
Enc. it.	— Enciclopedia italiana di scienze, lettere ed arti. 36 vols. Milano, 1929—1939.
Fueter	— Eduard Fueter. Histoire de l'historiographie moderne, trad. par E. Jeanmaire (avec notes et additions de l'auteur). Paris, 1914 (нем. оригинал).

- E. Fueter. Geschichte der neueren Historiographie. A. 2, 1936).
- Gr. Enc. — La Grande Encyclopédie: inventaire raisonné des sciences, des lettres etc., 31 volumes. Paris, 1885—1903.
- Gross — Ch. Gross. Sources and Literature of English History to about 1485. London, 1900 (ed. 2 — 1915).
- Hauser — Henri Hauser. Les sources de l'histoire de France. XVI siècle. 4 volumes. Paris, 1906—1916.
- Hist. Jahrb. — Historisches Jahrbuch.
- HP — Johannis Salisbury. The Historia Pontificalis, ed. by M. Chibnall. London, 1956.
- HZ — Historische Zeitschrift.
- Journ. of Mod. Hist. — The Journal of Modern History.
- JS — Journal des savants.
- Lorenz — Otto Lorenz. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter seit der Mitte 13 Jahrhunderts. 2 Bde. A. 3, Berlin, 1886—1887.
- Manitius — M. Manitius. Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters. 3 Bde. München, 1911—1931.
- MG — Monumenta Germaniae Historica (500—1500). Hannover, 1840 ff.
- MG AA — Monumenta Germaniae, Auctores antiquissimi.
- MG SS — Monumenta Germaniae, Scriptorum.
- Molinier — Auguste Molinier. Les sources de l'histoire de France des origines aux guerres d'Italie (1494). 6 volumes. Paris, 1901—1906.
- NA — Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. 50 Bde. Hanover, 1856—1935.
- Paetow — L. J. Paetow. Guide to the study of medieval History. London, 1931.
- Petit de Julleville — L. Petit de Julleville. Histoire de la langue et de la littérature française. 8 volumes. Paris, 1896—1900.
- PL — Patrologiae cursus completus. Series latina. Ed. par J. P. Migne, 221 v., Paris, 1844—1864.
- PMLA — Publications of the Modern Language Association.
- Potthast — August Potthast. Bibliotheca historica Medii Aevi. Wegweiser durch die Geschichtswerke des Europäischen Mittelalters bis 1500. 2 Bde. A. 2, Berlin, 1896.
- RCC — Révue des Cours et des Conférences, Paris, 1893 sqq.
- Read — Conyers Read. Bibliography of British History. Tudor Period, 1485—1603. Oxford, 1933.
- RH du droit fr. et étr. — Révue historique du droit français et étranger.
- RH — Révue Historique.
- RIS — Rerum Italicarum scriptores. Nuova ed. di G. Garducci. Bologna, 1900 sqq.
- Rolls series — Rerum Britannicarum medii aevi scriptores, or chronicles and memorials of Great Britain and Iceland during the middle ages, published... under the directive of the Master of the Rolls, 242 volumes. London, 1888—1896.
- RQH — Révue des Questions Historiques.
- RSH — Révue du Synthèse Historique.
- R. St. it. — Rivista Storica Italiana.
- Scott. HR — Scottish Historical Review.

- Thompson — J. W. Thompson. A history of historical writing, v. I, N. Y., 1942.
- Tr. of the R. Hist. Soc. — Transactions of the Royal Historical Society.
- Wattenbach — W. Wattenbach. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. 2 Bde. a. 6. Berlin, 1893—1894.
- Wattenbach-Levison — Wattenbach-Levison. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, bearbeitet von W. Levison u. Heinz Löwe. H. 1—2, Weimar, 1952—1953; H. 3, Weimar, 1957.
- ZKG — Zeitschrift für Kulturgeschichte.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- Абеляр* (Abelard Pierre) 115, 148—149.
Абель (Abel Otto) 106.
Августин, епископ Иппонский 30, 43, 44—51, 58, 59, 61, 68—71, 73, 76, 77, 81, 82, 87—89.
Авентин (Turmair Johannes) 318, 332—334.
д'Авила (d'Avila Luis) 417.
Авит Вьеннский 62.
Авл Геллий 163.
Агрикола (Agricola Rudolf) 315, 320—321.
Агриппа Неттесгеймский (Cornelius Agrippa de Nettesheim) 355, 402, 460.
Адальберт 136.
Адам Брежеский 62, 63, 74, 92, 114, 175—177.
Адемар Шабанский 62, 141.
Адон Вьеннский 106, 134.
Адрианов Н. 31.
Азар (Hazard P.) 462.
Аккольти (Accolti Benedetto) 261.
Акконцио (Acconcio Tridentino G.) 297, 454.
Александр де Роес (de Roes) 145.
Алексеев М. П. 325, 424.
Алидам 15.
Аллен (Allen I. W.) 287, 387.
Альбертини (Albertini Rudolf, von) 284.
Альбертино Муссато (Mussato Albertino) 226.
Д'Альи (De Alliaco Petrus) 75.
- Альтамира-и-Кревеа* (Altamira-y-Gre-vea R.) 124.
Альтанер (Altaner V.) 187.
Альфандери (Alphandery P.) 171.
Альфред Великий 125.
Альчиато (Alciato Andrea) 246.
Амат (Amatus, Aimé de Monte Cas-sino) 181—182.
Амбруаз (Ambroise) 188.
Аммиан Марцеллин 38.
Аммирато (Ammirato Scipione) 296—297.
Анджелери (Angeleri Carlo) 240.
Анджело Кларено (Angelus Clare-nus) 86.
Андре (André Bernard) 423, 426—427.
Андреас (Andreas W.) 316, 320.
Анквич-Клеенховен (Ankvicz-Kleeh-hoven H.) 324.
Анний Витгербский (Nanni Giovanni) 252, 330.
Апсельм Гавельсбергский 83.
Антифон 15.
Антонин, архиепископ Флорентий-ский 207, 303.
Аппиан 23, 26.
Ардуэн (Hardouin Jean) 461.
Аристотель 15, 18—20, 59—61, 75.
Аркари (Arcari R. M.) 311.
Армстронг (Armstrong Elizabeth) 363.
Арнольд из Любека 177.
Арульф, диакон 183.
Арриан Флавий 26.
Аткинсон (Atkinson Geoffry) 416.

¹ В указатель вошли только авторы произведений, цитируемых или упо-минаемых в тексте и в подстрочных примечаниях. Справочные издания, на которые делаются частые ссылки, см. в списке сокращений. Курсивом на-браны имена древних и средневековых авторов и страницы, на которых дается более или менее развернутая характеристика.

- Бальдески* (Baldeschi L. K.) 141.
Бальцани (Balzani Ugo) 89, 92, 99, 183, 185, 189, 195.
Барнз (Barnes R.) 343.
Барон (Baron Hans) 210, 216, 252.
Бароний Цезарь (Baronio Cesare) 92, 274, 348—350, 378.
Бароцци (Barozzi L.) 245.
Бартоли (Bartoli A.) 102.
Бартоломео ди сер Горелло (Bar-tolomeo di ser Goroello) 220.
Баткин Л. М. 227.
Баттерфилд (Butterfield H.) 139, 416.
Бауер, В. В. 353.
Баум (Baum Walter) 139.
Бауман (Baumann I. I.) 60, 75.
Баур (Baur F. Chr.) 56, 348.
Бауэр (Bauer Bruno) 61.
Бах (Bach E.) 140.
Баччи (Bacci Domenico) 260.
Бедель (Bebel Heinrich) 318, 322.
Бедда Почтенный (Beda Venerabilis) 45, 63, 76, 79, 89, 90, 93, 94, 98, 100, 105, 107, 113, 116, 120, 121, 123, 124—126, 128—130, 134, 160, 441.
Беза (Bèze Theodore, de) 385—387.
Бейль (Bayle Pierre) 404, 461.
Бейнз (Baynes M. H.) 37.
Бек (Beck Franz) 245.
Бекштрем А. Г. 45.
Бельфоре (Belleforests François, de) 380.
Бембо (Bembo Pietro) 267, 412.
Бемер (Böhmer H.) 92.
Бенедикт из Соракте 141.
Бенуа (Benoist E.) 288, 292.
Беренс (Bährens W.) 30.
Бери (Bury Richard, de) 421.
Беркен (Berquin Louis, de) 363.
Беркут Л. 63.
Бернайс (Bernays Jacob) 43, 375, 377.
Бернард Гу (Bernard Gui) 101, 200—201.
Бернард Клервосский 113, 147, 152.
Бернгейм (Bernheim E.) 11, 16, 40, 56.
Бернольд Блазиенский 170.
Бернштейн (Bernstein L.) 28.
Бероз, Берос 9.
Бетман (Bethmann L. C.) 154.
Безольд (Bezold F., von) 71, 74, 75, 101, 322, 404.
Беццола (Bezzola G. A.) 56, 110, 136, 137.
Бидингер (Büdinger Max) 40, 43.
Биккель (Bickel E.) 329.
Бильбасов В. А. 193.
- Биндинг* (Bünding Margaret) 177.
Биньями-Одье (Bignami-Odier J.) 85.
Биондо Флавио (Biondo Flavio) 55, 242, 247, 255, 261—264.
Бистиччи (Bisticci Vespasiano, da) 303—305.
Биццilli П. М. 66, 115, 186, 195, 197, 244.
Бишоф (Bischof S. H.) 339.
Блаватский В. Д. 21.
Блендевилль (Blundeville Thomas) 454.
Блок (Block Marc) 65.
Блюм (Blum Owen I.) 73.
Боас (Boas G.) 22, 50, 85, 86.
Богаевский Б. Л. 37.
Богнер (Bogner H.) 17.
Боден (Bodin Jean) 28, 247, 249, 291, 294, 312, 359, 366, 402—415.
Бодрильяр (Baudrillart Henri) 359, 425.
Бодуэн (Bauduin Fr.) 402.
Бойман (Beumann Helmut) 56, 57, 61, 91, 93, 110, 113, 140.
Бойрер (Beurer J. J.) 354.
Боккалина (Boccalini) 297.
Боккачио (Boccaccio Giovanni) 256—257, 302, 421.
Бокшанин А. 36.
Болгар (Bolgar R. R.) 27, 37.
Болтин И. Н. 404.
Бомпер (Bompaire J.) 37.
Бонавентура 66, 198.
Бонно (Bonneau Alcide) 273.
Борриес (Borries E.) 329.
Боссюэ (Bossuet Jacques V.) 45, 48.
Бохатек (Bohatec Joseph) 361, 363.
Бозий (Boèce Hector) 435.
Бозий (Boetius Anicius) 160.
Бранди (Brandi Karl) 265, 320.
Бранка (Branca Vittore) 236.
Брант (Brant Sebastian) 340, 362.
Брантом (Brantôme, Pierre de Bour-deille) 382—383.
Бресслау (Bresslau H.) 171.
Брестед (Breasted I. H.) 7.
Бретшнейдер (Bretschneider H.) 344.
Бреци (Brezzi P.) 51.
Бринкен (Brincken A. D., von den) 56, 57, 80, 135, 136, 154.
Броун (Brown John L.) 404.
Броун (Brown T. S.) 455.
Броуэ (Browe S. J.) 187, 188.
Брунетто Латини (Brunetto Latini) 189.
Бруни Леонардо 27, 55, 225, 241, 242, 245, 246, 251, 253, 255, 257—260, 303.

Бруньоли (Brugnolli G.) 123.
Буассье (Boissier G.) 45, 51.
Бугдорф (Bugdorf M.) 340.
Бузескул В. П. 17, 18.
Бук (Buck A.) 244.
Буонакорзи Филиппо (Каллимах) 265, 314.
Буонаюти (Buonaiutti E.) 85.
Бургер (Burger Gerhart) 224.
Бурдах (Burdach K.) 85.
Буркхардт Я. (Burckhardt J.) 239, 254, 306.
Буррилья (Bourrilly V. L.) 366.
Бурский М. И. 124.
Бухгольд (Buchholz P.) 171, 263.
Буш (Busch W.) 432, 453.
Бущман (Buschmann R.) 322.
Бэкон (Bacon Francis) 434, 446—454, 456.
Бэрд (Baird H. M.) 387.
Бюдэ (Budé Guillaume) 246, 362—363, 365, 424.

Вагнер (Wagner Fritz) 17, 36.
Вазари (Vasari Giorgio) 306—307.
Вайнштейн О. Л. 45, 425.
Валбенк (Walbank E. W.) 26.
Валерий Антват 29.
Валкер (Walker B.) 32.
Валла, Лоренцо 27, 41, 241, 245, 268—273.
Валлас-Адриль (Wallace-Hadrilles J.) 122.
Валле де Веривиль (Vallet de Veriville A.) 214, 215.
Валш (Walsh Gerald G.) 147.
Валш (Walsch P. G.) 31.
Вальзер (Walser G.) 32.
Вальсекки (Valsecchi Franco) 244, 267.
Вальтер Мап (Walter Map) 163, 164.
Вальц (Waltz O.) 292.
Ван де Вайвер (Van de Vyver A.) 118.
Вандеркиндер (Vanderkindere L.) 203.
Ван Мерлан (Van Merlan) 204.
Варга (Varga L.) 248.
Варки (Varchi Benedette) 284.
Васильевский Г. В. 257.
Вахсмут (Wachsmuth Curt) 12.
Веверс (Wevers M.) 106.
Веделе (Wegele F., von) 245, 320.
Вейзингер (Weisinger Gerbert) 237.
Вейл (Weil Raymond) 21.
Вейс (Weiss A.) 275.
Вейс (Weiss R.) 421.

Вейснер (Weissner P.) 123.
Веллей Патеркул (Velleius Paterculus) 330.
Веллутти Донато (Velluti Donato) 230.
Верджеро (Vergerio Pierpaolo) 241.
Вермингоф (Werminghoff A.) 323.
Вернер (Werner K.) 113.
Веселовский А. Н. 240.
Вивенти (Viventi Corrado) 416.
Вивес (Vivés Luis) 402.
Видукинд Корвейский 63, 70, 71, 91, 93, 101, 110, 136, 139—140.
Виклиф Джон (Wyclif John) 204.
Вико (Vico Giambattista) 407.
Виктринг (Viktring Johannes) 206.
Виллани Джованни 75, 227—230, 259.
Виллани Маттео 251.
Виллани Филиппо 249, 251, 303.
Виллардуэн (Villehardouin Geoffroi) 189—190.
Виллари (Villari Pasquale) 285, 292.
Вильгельм Тирский 261.
Вильям Мэксберийский (William of Malmesbury) 61, 69, 89, 90, 100, 101, 109, 112, 113, 115, 159—161.
Вильям Ньюбургский (William of Newburgh, Guilelmus Neubrigensis) 98, 107, 164—165.
Вимфелинг (Wimpheling Jacob) 327—329.
Виндеке (Windecke Eberhard) 106—107.
Винцент из Бове 101, 106, 108, 199—200, 263.
Виперано (Viperano Antonio) 309.
Випо (Wipo) 69, 115, 178.
Вир (Wier J.) 406.
Власич (Flacius Mathias) 346—347.
Воран (Vaughan Richard) 108, 193.
Волгин В. П. 424.
Вольпи (Volpi G.) 230.
Вольтер (Voltaire F. M. Arouet, de) 291.
Вольтер (Volter H.) 74, 107, 109, 156, 157.
Вольф (Wolf Johannes) 243, 308, 353.
Вьено (Viénot J.) 364, 372.

Габба (Gabba E.) 27.
Габричевский, А. Г. 307.
Гагэн (Gaguin Robert) 361.
Галвей (Galway M.) 211.
Галди (Galdi M.) 139.
Гамбарин (Gambarin G.) 298, 300.
Гардинер (Gardiner S. R.) 208.
Гарнье (Garnier A.) 396.
Гароши (Garosci A.) 401.

Гаскойнь (Gascoigne Thomas) 205.
Гаук (Hauck Alb.) 64, 70, 174, 193.
Гаусрат (Hausrath A.) 348.
Гаэта (Gaeta Franco) 242, 268.
Гварино Веронский (Guarino da Verona, Battisto) 27, 242.
Гвиберт Ножанский (Guibert de Nogent) 65, 74, 90, 91, 99, 109, 115, 149—151, 153.
Гвиччардини Лодовико 293.
Гвиччардини Франческо 243, 249, 286—293.
Гвоздев С. П. 30.
Гевирт (Gewirth Alan) 204.
Гегель (Hegel Georg-Wilhelm-Friedrich) 360.
Гегель (Hegel Karl) 223.
Гейгер (Geiger L.) 317, 334.
Гейнце (Heinze R.) 31.
Гекатей Милетский 13.
Геллананд (Helinand de Froimont) 248.
Гелланик из Митилены 13.
Геллинк (Ghellinck J. S.) 147.
Гельман (Helmann S.) 106.
Гельмольд (Helmold von Bosau) 63, 177.
Гельфт (Helft M. M.) 64.
Гельцер (Gelzer H.) 22, 39, 41.
Гельцер (Gelzer M.) 26, 43.
Генрих Гентингдонский (Henry of Huntingdon) 70, 76, 100.
Геральд Камбрийский (Geraldus Cambrensis) 101, 109, 115, 163.
Гербер (Gerber A.) 285.
Герберштейн (Herberstein Sigismund, von) 324—325.
Гервасий Кентерберийский (Gervasius Cantuariensis) 104.
Геродот 5, 14—15, 120, 122, 373, 412.
Гертц (Hertz Frederic) 62.
Гертц (Hertz Johann) 220.
Герцен А. И. 446.
Гесиод 25.
Гетц (Goetz W.) 64.
Гец (Goez W.) 80.
Гиббон (Gibbon Edw.) 182, 266.
Гиберти Лоренцо 249.
Гильберт (Gilbert W.) 340.
Гильберт Порретанский (Gilbert de la Porré) 113.
Гильдас (Gildas Sapiens) 98.
Гильом Бретонский 106.
Гильом Гиард 188.
Гильом Жюмьежский 101, 105.
Гильом из Нанжи 152, 191, 200.
Гильом, из Пуатье 101.
Гильом Роншский 148, 149, 155.
Гильом Триполитанский 187.

Гинкмар (Hinkmar Hincmar) 191, 132.
Гиньебер (Guignebert Ch.) 51.
Гиральд см. Геральд.
Глазер (Glaser Curt) 364.
Глазер (Glaser Hubert) 153.
Гмелин (Gmelin Hermann) 284.
Годфрид Хагене (Gotfrid Hagen) 188.
Гольденвейзер Н. Б. 30.
Гольман Л. И. 163.
Гомме (Gomme A. W.) 17.
Гомперц Т. 17.
Гонорий Отенский 62, 154—155.
Гонсетт (Gonsette I.) 93.
Горавиц (Horowitz Ad.) 331.
Готлиб (Gottlieb T.) 163.
Готфрид Витербский (Godefridus Viterbiensis) 78, 80, 94, 95, 104, 116, 117, 180—181.
Гофман (Hoffmann H.) 132.
Гофмейстер (Hoffmeister A.) 174.
Гофф (Goff Jacques le) 236.
Гоцци (Gozzi G.) 300.
Граммши (Gramsci Antonio) 239, 256.
Грановский Т. Н. 153.
Гревс И. М. 32.
Грегори (Gregory William) 222.
Грегоровиус (Gregorovius F.) 138, 264, 265.
Греф Г. 25.
Грей Т. (Gray Thomas) 215—216.
Грей Х. (Gray Hanna H.) 252, 271.
Грей Биш (Gray Bish W., de) 161.
Гренди (Grundi G. B.) 17.
Грефтон (Grafton Richard) 432, 434.
Григорий Великий, папа 59.
Григорий Турский 45, 79, 93, 120, 121—122, 126, 128, 129.
Гризар (Grisar H.) 179.
Гримм (Grimm Harold) 268.
Грин (Green Vivian Hubert) 270.
Гросвита (Hroswitha) 140.
Гросс (Gross Ch.) 66, 96, 98, 104, 126.
Грундман (Grundmann Herbert) 56, 83, 85, 86.
Гуго из Сен-Виктора 83, 154, 165.
Гуго из Флавиньи 154.
Гуго из Флери (Hugo Floriacensis) 81, 144—145.
Гуго Фальканд (Hugo Falcandus, Hugues Foucault) 182—183.
Гудде (Gudde E. G.) 205.
Гуковский М. А. 240, 265, 307.
Гумпольд Мантуанский 74.
Гундольф (Gundolf Friedrich) 325.
Гункель (Gunkel H.) 10.
Гурауэр (Guhrauer G. E.) 404.
Гутербок (Güterbock F.) 267.

Гуттен (Hutten Ulrich, von) 273, 315, 329, 340.
Галбрэт (Galbraith V. H.) 67, 192, 193, 208.
Гюнтер (Günter H.) 348.
Гюрджан Н. Н. 66.
Гютербок (Güterbock H. G.) 8.

Давидсон (Davidsohn R.) 195, 227.
Давила (Davila Arrigo) 297, 300—302.
Даллингтон (Dallington R.) 423.
Дандоло (Dandolo Andrea) 231.
Данте 124, 225, 251.
Дардье (Dardier Ch.) 392.
Дармстетер (Darmsteter A.) 211, 360, 370.
Дати (Dati Agostino) 220.
Даулинг (Dawling Margaret) 437.
Дацци (Dazzi M. T.) 226.
Деборин А. М. 3.
Декарт (Descartes René) 462.
Деламар (De Lamar Jensen) 286.
Деларк (Delarc Odon) 182.
Деларюэль (Delaruelle L.) 362.
Делеэй (Delehay Hippolyte) 103.
Делиль (Delisle L.) 200.
Делла Вида (Della Vida G. Levi) 45.
Деллингер (Döllinger J.) 334.
Делони (Deloney Thomas) 436.
Дельбек (Delebecque E.) 18.
Дельгер (Dölgel Fr.) 183.
Дельмонте (Del Monte) 185.
Демокрит 12, 25.
Дерменгем (Dermenghem E.) 426.
Детмар (Detmar) 220.
Де Ту (De Thou Jacques-Aug.) 363, 397—400, 443.
Децембрио (Decembrio Piero-Candido) 27, 306.
Джемисон (Jamison E.) 183.
Дженкинс (Jenkins Claude) 99, 106, 108, 192.
Джентиле (Gentile Giovanni) 313.
Дживелегов А. К. 285, 287, 292.
Джилберт (Gilbert Neal Ward) 308.
Джиральд де Барри см. Геральд Камбрейский.
Джованни да Черминато 226, 231.
Джовио (Giovio Paolo) 293—296, 306, 412.
Джонс (Jones, Ch. W.) 126.
Джозффри Монмаутский (Geoffrey of Monmouth) 96—98, 107, 164, 181, 222, 229.
Джустиниани (Giustiniani Bernardo) 267.
Дик (Dick D.) 454.
Диккарх 19, 23.

Дикман (Diesmann L. I.) 404.
Дильтей (Dilthey W.) 277, 339, 340.
Дин (Dean Leonard P.) 440.
Дино Компания (Dino Compagni) 226—227.
Диодор Сицилийский 23.
Дион Кассий 26.
Дионисий Галикарнасский 25.
Дионисий Милетский 13.
Добиаш-Рождественская О. А. 62, 127, 124.
Доватур А. И. 14.
Дове (Dove A.) 197.
Доннер (Donner H. W.) 425.
Доннерг (Donnert Erich) 140, 141.
Дориа (Doria Giacomo) 184.
Доссон (Dossone E.) 35.
Дотремер (Dautremer L.) 38.
Дудон Сенкантенский 106, 141.
Дунс Скотт 203.
Дусбург (Dusburg P.) 206.
Дэй (Day J.) 20.
Дю Беллэ (Du Bellay Guillaume) 366.
Дю Беллэ (Du Bellay Jean) 366.
Дю Беллэ (Du Bellay Joachim) 361.
Дю Беллэ (Du Bellay Martin) 381.
Дюбо (Dubos J.-B.) 389.
Дюгайян (Du Haillan) 379—381.
Дюплесси-Морне (Duplessis-Mornay Philippe) 387, 423.
Дюпрель (Duprêel E.) 15.
Дюшен (Duchesne L.) 157.

Евгемер 22.
Евдем из Родоса 19.
Евсевий Памфил, епископ Кесарийский 9, 39—42, 49, 71, 82, 106, 118, 123, 135, 153.
Евтропий 38, 112, 119, 126.
Егоров Д. Н. 133, 177, 343.
Едлицкий (Jedlicki M. Z.) 141.

Жакс (Jacket M. A.) 360.
Жан де Венетт (Jean de Venette) 66, 67.
Жебар (Gebhart E.) 82, 85, 86, 141.
Жебелев С. А. 17, 20, 27, 36.
Жуанвилль (Joinville Jean, de) 190—191.

Забугин В. Н. (Zabughin) 265.
Заккур (Sackur E.) 76, 94.
Замысловский Е. 324.
Зачек (Zatschek H.) 180.
Зеберг (Seeberg R.) 344.

Зеек (Seeck Otto) 14, 36.
Зейрих (Seyrich G. J.) 50.
Зельин К. 17, 21, 33.
Зенон 21.
Зибель (Sybel H.) 56.
Зивелд (Zeevald W. Gordon) 422.
Зигфрид (Siegfried W.) 26.
Зиккель (Sickel Theod.) 91.

Идаций (Hidatius) 42.
Иегер (Jaeger W.) 17.
Иедин (Jedin H.) 300.
Иенсен (Jensen H.) 139.
Иероним из Кардии 23.
Иероним, святой 11, 27, 39, 40—42, 45, 49, 71, 106, 118, 119, 123, 153.
Иетис (Jates Frances A.) 238.
Иоанн Сольсберийский 19, 64, 69, 81, 89, 100, 109, 113, 165—168, 186.
Иоахим Флорский 83—87.
Иоахимсен (Joachimsen P.) 318, 320, 340.
Иовий Павел см. Джовио.
Иоганн Вингертурский (Iohannes Vitoduranus) 206.
Иордан (Jordan G.) 175.
Иордан (Jordanis) 45, 63, 119—120, 121.
Иосиф Флавий 9, 27—28, 34, 41, 112, 118, 135.
Иреникус (Irenicus-Friedlieb Franz) 327.
Исидор Севильский 45, 59, 79, 82, 103, 105, 108, 112, 116, 120, 122—124, 125, 128, 134.
Исократ 25.
Истрин В. А. 6.

Кавальканти (Cavalcanti Giovanni) 279.
Кавендиш (Cavendish George) 432.
Казобон (Casaubon Isaac) 377—378.
Кайе (Cayet Palma) 396.
Кайзер (Kayser E.) 223.
Каллаб (Kallab W.) 307.
Каликл 15.
Каллимах см. Буонакорзи.
Кальвин Ж. 361.
Калько (Calco Tristano) 266.
Калькофф (Kalkoff P.) 340.
Кальметт (Calmette J.) 152, 153.
Кальпурний Пизон 29.
Кампанелла (Campanella Tommaso) 294, 311—313.
Каппони (Carroni Gino) 230.
Капрариас (Caprariis Vittorio, de) 249, 286.

Карион (Carion Johann) 75, 343—344.
Карлейль (Carlyle A. I. and R. W.) 59, 144.
Карли (Carli P.) 285.
Картелиери (Cartellieri Otto) 153.
Каспари (Caspari Fritz) 422.
Кассиодор 27, 28, 42, 118—119, 120, 121.
Кастеллион (Castellion, Chasteillon Sébastien) 386—387.
Катон Марк Порций 28.
Каффаро (Caffaro de Caschifellone) 184.
Квинтилиан М. Фабий 33, 34.
Кекерман (Kecckermann Bartholomäus) 354—356.
Келлер Х. (Cellarius Chr.) 262.
Кемден (Camden W.) 440—446.
Кеменов В. 240.
Кервин де Леттенове (Kervyn de Lettenhove) 211.
Кернер (Körner H.) 340.
Килер (Keeler L.) 96.
Кинг (King W.) 177.
Кингдом (Kingdom R. M.) 374.
Кингсфорд (Kingsford Charles L.) 208.
Кинэ (Quinet Edgar) 291.
Кирн (Kirn P.) 56, 104, 110, 112, 114, 117, 177.
Киссак (Kisack May Mac) 203.
Клавдий Квадригарий 29.
Кларк (Clark Donald Lemen) 35.
Клемпт (Klempt Adalbert) 342, 357.
Клосковска (Kloskowska Antonina) 241, 285.
Клоц (Klotz A.) 31.
Ключевский В. О. 295, 325.
Кнепер (Knepper J.) 329.
Ковалевский М. М. 285.
Коган-Бернштейн Ф. 388, 404, 446.
Козьма Пражский 63.
Колеман (Coleman C.) 273.
Коллингвуд (Collingwood B. G.) 56.
Колонна (Colonna Giovanni) 104.
Кольман (Kohlmann P. W.) 177.
Коммин (Commynes Philippe, de) 216—219.
Кондратьев С. П. 37.
Конринг (Congring Hermann) 356.
Кончио см. Аккончио.
Корелин М. 226.
Корио (Corio Bernardino) 241, 267, 306.
Корнеманн (Kornemann E.) 32.
Корнфорд (Cornford F. M.) 16.
Косминский Е. А. 202.
Коултон (Coulton G. G.) 210, 211.
Кохран (Cochrane C. N.) 16, 17.

Коцци (Cozzi G.) 300.
Кранц (Krantz Albert) 325.
Красс Петр (Crassus Peter) 144.
Край (Crahay R.) 15.
Кребс (Krebs J. Ph.) 296.
Кристеллер (Kristeller P. O.) 239.
Кроко (Crocco A.) 85.
Кроче (Croce Benedetto) 56, 243, 294.
Крузе А. и М. 17, 37.
Крусман В. 420, 421.
Круш (Krusch B.) 91.
Кривелев И. 11.
Крю (Crue Fr., de) 396.
Ксенофонт 18.
Кудерк (Couderc Camille) 102.
Кулаковский Ю. 30, 38.
Курто (Courteault P.) 382.
Курций Руф 30.
Курциус (Curtius E. R.) 111, 166.
Куспиниан (Cuspianian) 318, 323—324, 325.
Кэкстон (Caxton William) 207, 216.
Кэмпбелл (Campbell Lily B.) 437.
Кэмпбелл (Campbell W. E.) 425.
Кэпгрев (Capgrave John) 207.
Кюжас (Cujas Jacques, лат. Cuiacius) 246.

Лабьен Тит 30.
Лабозси (La Voétie Etienne, de) 387, 388.
Лабриоль (Labriolle P., de) 39, 43.
Лавертюжон (Lavertujon A.) 43.
Лависс (Lavissee E.) 396.
Лависс (Lavissee M.) 203.
Лазарев В. Н. 240.
Лайстнер (Laistner M. L.) 20, 36, 38, 42, 107, 116, 118, 119, 125.
Лакер (Laqueur R.) 8, 39.
Лакруа (Lacroix P.) 25, 35, 37.
Лактанций 22.
Ламмерс (Lammers W.) 172.
Ламот ле Вайе (La Mothe le Vayer) 461.
Ламперт Герсфельдский 65, 69, 72, 92, 99, 104, 169—170.
Лампрехт (Lamprecht Franz) 311, 401.
Лампрехт (Lamprecht Hans) 56, 57, 70, 76, 89, 100, 103, 113, 162.
Лангэ (Lenguet Ubert) 387.
Ланглау (Langlois Ch. V.) 247, 349.
Ланглау (Langlois E.) 205, 244.
Ландульф Миланский 183.
Ландульф Младший 183—184.
Ландульф Сагакс (Landulf Sagax) 126.
Лантофт (Langtoft P.) 215.
Лану (La Noue François, de) 391.

Ла Пьяно (La Piano G.) 85.
Лаплас (La Place Pierre, de) 392.
Ла Попленьер (La Popelenière H.) 366, 370, 380, 381, 392—393, 415—419.
Лапуш (Latouche, R.) 56, 57, 110, 137.
Лаш (Lasch Berthold) 90, 153.
Лебель (Le Bel Jean) 210—211.
Лев Африканский (Leo Afer) 411.
Лев Марсианский (Leo Marsicanus) 73, 92, 103, 109, 115, 179—180.
Левек де ла Равальер (Lévesque de la Ravalière) 373.
Левен В. Г. 336, 340.
Левенклав (Löwenklav, Leunclavius) 247.
Левят (Löwith K.) 342, 356.
Ледло (Ludlow Bull) 7.
Лейбниц (Leibnitz G.-W.) 404, 462.
Лейдингер (Leidinger G.) 334.
Леманн (Lehmann P.) 108, 119, 142, 144, 151, 163.
Лемменс (Lemmens P. L.) 187.
Ленгленд (Langland William) 204.
Лески (Lesky A.) 27.
Лестокуа (Lestouquoy J.) 203, 236.
Летуаль (L'Etoile Pierre, de) 378, 381.
Левьер (Lefevre Jean) 215.
Лефранк (Lefranc Abel) 91, 151, 365.
Ли (Lee Sidney) 362, 423.
Либешюц (Liebeschütz H.) 148, 166—168.
Ливий Тит 30—31, 36, 38, 42, 127.
Лиззо (Lisio Giuseppe) 185.
Лиланд (Leland John) 441.
Линцель (Lintzel M.) 139.
Липсий (Lipsius Justus) 377.
Лир (Lear Floyd Seward) 50.
Лиутбранд Кременский 69, 112, 136, 137—139.
Лихачев Д. С. 57.
Ловягин А. М. 20.
Лоньон (Lognon J.) 190.
Лопец (Lopez R. S.) 147.
Лопиталь (L'Hôpital Michel, de) 396.
Лоренц (Lorenz K.) 26.
Лоренц (Lorenz, Ottokar) 107.
Лоски (Loschi Antonio) 268.
Лот (Lot Ferdinand) 121, 124, 137.
Лукиан Самосатский 36—37.
Лукреций 12, 25.
Лунго (Lungo Isidoro, del) 227, 230.
Лурье С. Я. 14, 15.
Луцио (Luzio A.) 300.
Луццато (Luzzato G.) 178, 235.
Лучиани (Luciani V.) 292, 449.
Лэнкет (Lanket T.) 434.
Лэто Помпонно (Laetus Pomponius) 245, 264—266, 305.

Люс (Luce Siméon) 211.
Люгер Мартин 335, 341—343.
Льюис (Lewis Ewart) 145.

Мазюс (Masius A.) 261.
Майер (Mayer E. W.) 285.
Майлендер (Maylender M.) 238.
Майор (Major John) 435.
Майрис (Myres John) 15.
Макдональд (Mac Donald A. J.) 92.
Макиавелли (Machiavelli Nicolo) 218, 239, 241, 244, 250, 276—286.
Маккай (Mackie J. D.) 432.
Мак Кеон (Mac Keon) 111.
Мак Киссак см. Киссак.
Максимовский В. 251.
Малапьеро (Malapiero Domenico) 267.
Малатерра (Malaterra Gaufredus) 182.
Малеспини (Malespini Ricordano) 253.
Мандро (Mandrot B., de) 216.
Манегольд фон Лаутенбах (Manehold von Lautenbach) 144.
Манефон 9.
Манициус (Manitius M.) 37, 38.
Маринео (Marineo Luzio) 314.
Маркарян Е. С. 25.
Маркионе см. Стефани.
Марко Поло (Marco-Polo) 187.
Маркс Карл 27, 36, 54, 203, 205, 251, 269, 279, 307, 341, 351, 420, 446, 448, 450.
Марру (Marrou H. J.) 51.
Марсилиус Падуанский 204.
Марсупини (Marsuppini) 260.
Мартин (Martin Alfred, von) 237, 239.
Мартин Галл 63.
Мартин Минорит 198.
Мартин Опавский (Martinus Polonus, M. von Troppau) 198—199.
Мартинио да Канале 99, 189, 195.
Марцеллин, комит 79.
Марцио (Martio Galeotto) 314.
Маскарди (Mascardi Agostino) 313.
Маслова О. М. 293.
Матвей Парижский (Mathew Paris) 98, 99, 101, 106, 108, 191—193, 204, 205.
Маттео ди Джовенаццо (Matteo di Giovenazzo) 253.
Маффеи (Maffei E.) 308.
Маччи (Macci Sebastiano) 313.
Мейер (Meyer Ed.) 17.
Мейнеке (Meinecke F.) 286.
Мейсснер (Meissner Bruno) 8.
Мейсснер (Meissner Paul) 422.

Меланхтон (Melanchthon Philipp) 335, 341—345.
Мель (Mehl Ernst) 230.
Мен (Meung Jehan, de) 204.
Менар (Mesnard P.) 285, 386, 404, 424.
Мендель (Mendell Clarence W.) 32.
Менке-Глюккерт (Mencke-Glückert E.) 343.
Менкен (Mencken J. B.) 461.
Менье (Meunier R.) 122.
Меони (Méoni E.) 26.
Мерил (Méril E., du) 205.
Меринг (Mehring Franz) 54, 342.
Мерула (Merula Giorgio) 272.
Месховий Арнольд 339.
Метленд (Maitland F. W.) 126.
Мильберн (Milburn R.) 41, 51, 104.
Мильтон Джон 42.
Минербетти (Minerbetti Piero di Giovanni) 230.
Мирандола Джованни-Франческо 460.
Мирандола Пико делла (Mirandola Pico della) 75.
Миссингер (Missinger K. A.) 340.
Митчелл (Mitchell R. I.) 422.
Миш (Misch G.) 115, 151, 166.
Мищенко Ф. 14, 33, 377.
Моген (Mogain Gabriel) 296.
Модестов В. И. 32.
Молине (Molinet Jean) 67, 209, 215.
Молинье (Molinier Auguste) 66, 97, 106.
Момigliано (Momigliano A.) 119.
Моммзен (Mommsen Theodore E.) 44, 45, 248.
Монкретьен (Montchrestien Antoine, de) 410.
Монлюк (Montluc Blaise, de) 381—382.
Моно (Monod Bernard) 151.
Моно (Monod Gabriel) 91, 102, 122, 132, 133, 136, 137, 350.
Монстреле (Monstrelet Enguerrand, de) 67, 213.
Монтеверди (Monteverdi Angelo) 142.

Монтень Мишель 213, 219, 291, 401.
Мор (More Thomas) 424—426.
Морелли (Morelli Pagolo) 236.
Морель-Фасио (Morel-Fatio A.) 294.
Морена (Morena Acerbus) 184.
Морй (Maury A.) 211.
Морб (Moraux P.) 17.
Мортон (Morton A.) 203.
Мурнер (Murner Thomas) 327—328.
Муск (Mousques Philippe) 188.
Муссато см. Альбертино Муссато.
Мюлих (Mülich Hector) 222.
Мюнстер (Münster Sebastian) 325.

Нанни (Nanni Giovanni) см. Анний Витербский.
Нарди (Nardi Giacomo) 284.
Науклер (Nauclerus Johannes) 321—322.
Недович Г. С. 34.
Немилов А. Н. 320.
Непот Корнелий 30.
Нери (Neri Ferd.) 230.
Нерли (Nerli Filippo) 284.
Нетушиль И. В. 36.
Низар (Nisard Ch.) 378.
Низе (Niese B.) 36.
Никколи (Niccoli, Niccolò) 269.
Никола де Бэй (Nicolas de Baye) 221.
Николай Кузанский (Nicolaus von Cues, Cusanus) 75, 268, 270, 273.
Ниггард 134.
Ногара (Nogara B.) 264.
Ноде (Naudé Gabriel) 461.
Норден (Norden Eduard) 17, 29.
Норден (Norden W.) 177.
Нордман (Nordmann V. A.) 377.
Норса (Norsa A.) 285.
Ноткер Заика (Notker Balbulus) 106, 133.
Ноулз (Knowles Dom David) 208.
Нуайяль (Noyaille Jean, de) 208.

Обер (Aubert M.) 153.
Оберфорен (Oberfohren R.) 404.
д'Обинье (d'Aubigné Agrippa) 392, 393—396.
Оветт А. 189.
Ог (Ogg David) 286.
Оккам 203, 204.
Оливье де ла Марш (Olivier de la Marche) 215.
Олмстид (Olmstead A. T.) 8.
Онзорге (Ohnsorge Ulrich) 206.
Онкен (Oncken Hermann) 337, 340.
Опперман (Oppermann H.) 29.
Ордерик Вигалий (Ordericus Vitalis) 64, 74, 76, 77, 81, 94, 100, 104, 105, 107, 108, 112, 113, 114, 116, 154, 155—157.
д'Оржемон (d'Orgemon Pierre) 206.
Орозий Павел 32, 42, 43—45, 94, 105, 113, 118, 123, 126, 263.
Орсини (Orsini N.) 452.
Осиновский И. Н. 424, 425.
Отло Сент-Эммерамский (Otloh von St Emmeram) 70.
Отман (Hotman François) 388—390.
Ототеа (Ototea A.) 292.
Отто (Otto Walter F.) 17.
Оттокар Штирийский 188.

Отгон Фрейзингенский 45, 74, 76, 79, 80, 81, 83, 94, 95, 100, 104, 109, 112, 146, 171—175.

Павел Диакон 63, 94, 95—96, 106, 115, 120, 121, 126—128, 129.
Павел Эмлий из Вероны 314, 360, 370—371.
Пакуль Н. 292.
Пакве (Pasquier Etienne) 375, 423.
Паладини (Paladini V.) 30.
Палацкий (Palacky Fr.) 188, 189, 274.
Паллавичини (Pallavicini S.) 298.
Панелла (Panella A.) 285.
Панина В. 66.
Параццоли (Parazzoli G.) 227.
Паре (Paré G.) 147.
Паскаль (Pascal R.) 320.
Пассерен д'Антрев (Passerin d'Entrève A.) 172.
Пастор (Pastor Ludwig) 272, 283, 292, 299.
Патрици (Patrizi Francesco) 309—311.
Паттисон (Pattison Marc) 378.
Паули-Висова (Pauly-Wisowa) 12.
Паульсен (Paulsen Fr.) 317.
Пегалотти (Pegalotti Balducci) 235.
Пейтингер (Peutinger Conrad) 315, 318, 322, 325—326.
Пейцер (Peuser Caspar) 345.
Пенго (Pingaud L.) 383.
Перизоний (Perizonius J.) 461—462.
Перотти (Perotti Niccolò) 27.
Перруа (Perroy E.) 203.
Пето (Pétou Denis) 377.
Петр Дамiani 73, 93, 178.
Петр Диакон 92, 109, 180.
Петр Красс (Petrus Crassus) 144.
Петрарка Франческо 43, 48, 239, 248, 256—257.
Петровский Ф. А. 25, 34, 424.
Петрушевский Д. М. 67.
Пиганиоль (Piganiol A.) 33.
Пий II см. Энеа Сильвио.
Пикё (Picot E.) 360.
Пико делла Мирандола см. Мирандола.
Пикок (Pescok Reginald) 270.
Пипер (Pieper Max) 7.
Пиркгеймер (Pirkheimer Wilibald) 315, 325, 326—327, 341.
Пиррон из Элиды 460.
Пирсон (Pearson L.) 13.
Питю (Pithou Pierre) 373.
Пиур (Piur P.) 86.
Пишон (Pichon R.) 31.
Плано Карпини (Plano Carpini Giovanni, del) 187.

Платина (Platina, Barth. de'Sacchi) 251, 272, 305.
Платон 15, 18, 49.
Платтар (Plattard J.) 395.
Плиний 113.
Плутарх 26.
Поджио Браччиолини (Poggio Bracciolini) 27, 241, 250, 260, 421.
Покровский М. 29.
Полибий 16, 19, 22, 24—26, 36, 110.
Полидор Виргилий (Polydore Virgilius) 98, 241, 314, 427—431, 451.
Полициано (Politiano Angelo) 245.
Поллард (Pollard A. F.) 426.
Польман (Polman P.) 348.
Помпей Трог см. Трог Помпей.
Понтано (Pontano Giovanni) 241.
Понти (Ponty Maurice Merleau) 244.
Попленьер см. Ла Попленьер.
Поссевин Антоний 405.
Поссидоний 23.
Поттер (Potter K. R.) 210, 240.
Пралле (Prallé L.) 330.
Прей (Prey Jean de) 208.
Примá (Primat) 191.
Прокопий 120.
Проспер Аквитанский 42, 118.
Прост (Prost Auguste) 195.
Протагор 25.
Пруденций 79.
Псевдофредегар см. Фредегар.
Пулле (Pulle G.) 187.
Пуфендорф (Pufendorf Samuel) 463.
Пьетро Аретино 295.

Рабле Франсуа 360.
Рагевин (Rahevin) 112, 113, 175.
Рад (Rad Gerhard, von) 10.
Радетти (Radetti G.) 454.
Радульф (Ральф) из Дичето (Radulfus de Diceto) 109, 162—163.
Радульф (Рауль) Глабер 72, 74, 76, 81, 140.
Радиг Н. И. 388.
Ражей (Ragey P.) 159.
Райт (Wright L. B.) 433.
Рамбо (Rambeau E.) 344.
Рамм Б. Я. 136, 149, 155.
Рамус (Ramus, Pierre de la Ramée) 374.
Ранке Л. 45, 54, 110, 169, 291, 294, 299, 302, 346, 351, 368.
Рапович Б. А. 21.
Рабитте (Rebitté D.) 362.
Ревякина Н. В. 274.
Режон Прюмский 134, 135—136.
Рейман (Reimann Ed.) 340.
Рейнек (Reineccius R.) 353—354.

Рейнолдс (Reynolds B.) 308, 390.
Ренан Беат (Beatus Rhenanus) 327, 329—331.
Ренар (Renard Georges) 203, 205.
Рене де Нант (René de Nantes P.) 85.
Ренц (Renz Fritz) 404.
Реом (Réaume Eugène) 396.
Ривз (Reeves M.) 85.
Риго (Rigault Nicolas) 397.
Ригор (Rigord) 106.
Рид (Reed M. T.) 440.
Ридольфи (Ridolfi R.) 288, 291.
Рикобальд Феррарский 207.
Ринучини (Rinuccini Cino) 238.
Рисс (Riess Hedwig) 322.
Риттер (Ritter M.) 82, 92, 146, 399.
Ритшел (Rietschel S.) 193.
Рихер 57, 69, 110, 136—137, 159.
Рихтер (Richter Heinz) 56, 57, 89—92, 101, 105, 115, 160, 161, 164.
Рицлер (Riezler S.) 145.
Ричард Сайренчестерский 101.
Ришенджер (Rishanger William) 205.
Робен (Robin L.) 460.
Робер де Клари (Robert de Clari) 190.
Робер из Торинья (Robert de Torigny) 154.
Робер Оксеррский (Robert d'Auxerrois) 154.
Ровелли (Rovelli Luigi) 296.
Рогинская А. Е. 216.
Роджер из Ховдена (Roger de Hoveden) 162.
Роджер Уэндовер (Roger Wendover) 101, 191.
Розенберг (Rosenberg A.) 27, 36.
Розенталь Н. Н. 38.
Ройсс (Reuss E.) 12.
Роландин из Падуи (Rolandinus Patavinus) 194.
Ролевинк (Rolevinck Werner) 206.
Ромилль (Romilly J., de) 17.
Роон Бассерманн (E. Roon Bassermann, von) 227.
Ропер (Roper William) 425—426, 432.
Росцелин 148.
Рот (Roth Friedrich) 327.
Рошблав (Rocheblave S.) 396.
Рубинштейн (Rubinstein N.) 260, 292.
Рубрук (Rubruquis, Rubrouck Guillaume, de) 187.
Рудольф Фульдский 63.
Рудхарт (Rudhardt G. T.) 426.
Руотгер 69, 110.
Руссе (Rousset P.) 78.
Руссо (Roussou L.) 285.

Рутенбург В. И. 230, 282.
Рутилий Руф 29.
Руфин 42.
Рэли (Raleigh Walter) 437—440.
Растелл (Rastell John) 434.
Рюбль (Ruble A., de) 382, 395.
Рюэльль (Ruelle Charles, de la) 460.

Саббадини (Sabbadini R.) 242, 243.
Сабеллико (Sabellico Marcantonio) 261, 267, 306.
Сайтта (Saitta Giuseppe) 242, 270.
Сайфер (Sypher George Wylie) 393.
Салимбене (Salimbene de Adamo Salimbenis) 66, 85, 86, 115, 195—197.
Салин (Salin Edgar) 51.
Саллюстий Крисп 29—30, 34, 36, 37, 42, 110—112, 140.
Сальвавторелли (Salvatorelli Luigi) 297, 300.
Сальвемини (Salvemini G.) 280.
Сальвиати (Salviati Jacopo) 230.
Сальвиоли (Salvioli Giuseppe) 160, 178.
Самарин Р. М. 394.
Санктис (Sanctis Francesco, de) 298, 300.
Сантини (Santini E.) 254.
Санто Мадзарино (Santo Mazzarino) 246.
Санудо (Sanudo Marino) 267.
Санфорд (Sanford E. M.) 147.
Санцаноме (Sanzanome) 195.
Сапори (Sapori A.) 236.
Сарпи (Sarpi Fra Paolo) 297—300.
Сартон (Sarton G.) 21.
Сассо (Sasso G.) 285.
Саузсерн (Southern R. W.) 99.
Свейн (Swain J. W.) 11.
Свегоний Транквилл 30, 35—38, 110, 114, 116, 123, 132, 140.
Святловский В. В. 424.
Севастьянова О. 27.
Сегалл (Segall Hermann) 204.
Сейссель (Seysse Claude, de) 360, 366—370.
Секст Юлий Африкан 39, 40.
Семенов В. Ф. 430.
Семпроний Азеллион 29.
Сенека 61.
Сент-Бев (Sainte-Beuve J., de) 216.
Сепульведа (Sepulveda J., de) 294.
Середонин С. М. 445.
Серкамби (Sercambi Giovanni) 241.
Серр (Serres Jean, de) 391—392.
Серц (Surtz Ed.) 425.
Сигеберт из Жамблу 153—154.
Сигонио, Кароло (Sigonio Carolo) 246, 274, 296—297, 309.

Сидорова Н. А. 147, 148, 151.
Сими (Sime Ronalde) 32.
Симонетта (Simonetta Giovanni) 241.
Симонсфельд (Simonsfeld H.) 175.
Симпсон (Simpson C. A.) 11.
Сирмон (Sirmond Jacques) 376.
Сирó (Ciro G.) 253.
Скалигер (Scaliger Joseph-Juste) 28, 375—377.
Скржинская Е. Ч. 119, 120.
Слейдан (Sleidanus J.) 81, 345—346, 350—353.
Смидт (Smidt W.) 180.
Смирин М. 203, 320, 351.
Смирнов В. В. 120.
Смит (Smith K.) 202.
Сола Пинто (Sola Pinto V., de) 435, 436.
Солин (Solinus C. Julius) 113.
Соранцо (Soranzo G.) 187.
Сорбен (Sorbin Arnaud) 380, 381.
Спекторский Е. 462.
Спид (Speed John) 434—435.
Спини (Spini G.) 311.
Спиноза Б. 462.
Спирито (Spirito U.) 273, 292.
Србик (Srbik Heinrich Ritter, von) 238, 317.
Стам С. М. 85.
Станкевич (Stankiewicz W. J.) 387.
Стасюлевич М. 61.
Стеллинг-Мишо (Stelling-Michaud S.) 77.
Стендаль 291, 294.
Стефани (Stefani Marchione di Sorpo) 230.
Стид (Stead M. T.) 144.
Стоклицкая-Терешкович В. В. 203.
Стю (Stow John) 434.
Страбон 23, 33.
Страда (Strada Famiano) 313.
Струве В. В. 9, 12.
Стратмен (Strathman Ernest A.) 440.
Сугерий, аббат 65, 115, 152—153.
Сулла Люций Корнелий 29.
Сульций Север 32, 42—43.
Сурий (Surius Laurentius) 352.
Сэйю (Sayous A.) 361.
Сэнтсбери (Saintsbury G.) 440.
Сюлли (Sully duc de) 396.
Сюлливан (Sullivan F. and M. P.) 424.

Таванн (Tavanne Jean, de) 383—385.
Таванн де Со (Tavanne Gaspard de Saulx) 383—385.
Тальдо (Taldo Pietro) 373.

Тарн (Tarn W. W.) 21.
Тацит 31—33, 36, 38, 42, 132, 329, 330.
Твингер (Twinger Jacob von Königshofen) 208—209.
Теган 63.
Теодорет 71.
Теофраст 19.
Террасс (Terrasse Ch.) 360.
Тергуллиан 32.
Тессье (Tessier I.) 171.
Тидеман (Tiedemann H.) 330.
Тилли (Tilley Arth.) 379.
Тимаген 23.
Тимей 23, 25.
Тирабоски (Tiraboschi Girolamo) 207, 226, 247.
Титмар Мерзебургский 62, 65, 70, 72—73, 90, 114, 141.
Тихомиров М. Н. 324.
Токко (Тоско Felice) 85.
Толомео из Лукки (Tholomeus Lucensis) 195.
Томас (Thomas W.) 422, 423.
Томмазини (Tommasini O.) 278.
Томпсон (Thompson E. A.) 38.
Томпсон (Thompson E. M.) 67.
Тости (Tosti L.) 180.
Тоут (Tout Th. Fred.) 105.
Тоффанин (Toffanin Giuseppe) 186.
Трельч (Troeltsch E.) 51, 356.
Трибер (Trieber C.) 11.
Тримбл (Trimble W. R.) 432.
Тригемий, аббат 321.
Трог Помпей 23, 33, 94, 106, 112.
Тронский И. М. 36.
Трубецкой Е. 51.
Ту см. Де Ту.
Тураев Б. 7, 9.
Тухер Эндрес 223.
Тьерри (Thierry Augustin) 380, 390.
Тэйлор (Taylor H. O.) 199.
Тэтлок (Tatlock J. S. B.) 96, 97.

Уильям см. Вильям.
Уир Дегори (Whear Degory) 454—455.
Уитни (Whitney E. A.) 428.
Уитстон (Whitston George) 436.
Ульман (Ullman B. L.) 200, 249, 254.
Ульманн (Ulmann H.) 78, 181.
Унтерштейнер (Untersteiner M.) 15.
Уолсингем (Walsingham Th.) 193, 205.
Уолтерс (Walters H. B.) 446.
Успенский Л. 51.
Успенский Ф. 139.
Утченко С. Л. 30.

Фабиян (Fabian Robert) 222, 431.
Фабий Пиктор 28.
Фаган (Fagan G.) 203.
Файф (Fife R. H.) 340.
Фалько (Falco G.) 346.
Фанний Кай 29.
Фараль (Faral Edmond) 187, 190.
Фацио (Facijs Bartholomeus) 255, 305.
Фежёр (Feugère L.) 375.
Феопомп 25.
Фергюсон (Ferguson Wallace K.) 236, 240.
Ферран-Далль (Ferrant-Dalle) 216.
Феррето из Виенцы 231.
Фик (Fick J. G.) 328.
Филельфо 27.
Филиппо (Philippeau P.) 211.
Филлипе (Phillips Margaret) 424.
Финке (Finke H.) 204.
Фирпо (Firpo L.) 144, 294.
Фичино (Picino Marsiglio) 48, 244.
Фишер (Fisher H. A. L.) 38.
Фленли (Flenley Ralph) 221, 222.
Флетчер (Fletcher Giles) 445.
Флинт (Flint R.) 404.
Флиш (Fliche A.) 144.
Флодоард 136.
Фойгт (Voigt Georg) 243, 275.
Фокис-Джексон (Foakes-Jackson J.) 39, 41, 126.
Фолиньо (Foligno Cesare) 421.
Фольц (Folz Robert) 80.
Фома Аквинский 19, 59—61, 74—76, 80, 85, 124.
Фома из Челано (Thomas de Celano) 198.
Фонтэн (Fontaine Jacques) 124.
Фортинский Ф. Я. 141.
Фосс (Voss Gerhard Johann) 460.
Фоссе (Fauchet Claude) 374—375.
Франк (Frank Sebastian) 334—339.
Фрасимах 15.
Фредегар 81, 106.
Фрекульф 93, 100, 106, 134—135.
Фриденбург (Friedensburg Walter) 366.
Фримен (Freeman Edw.-Aug.) 98, 164.
Фритц (Fritz Curt, von) 16.
Фритц (Fritz Wolfgang D.) 169.
Фруассар (Froissart Jean) 67, 211—214.
Фрузер (Fruser A.) 144.
Фруловичи (Frulovisi Tito Livio) 421.
Фруманто (Froumanteau N.) 372.
Фругольф Микельсбергский 105, 106, 170—171.
Фукидид 15—18, 120.
Фульк Анжуйский 97, 160.

Фурнье (Fournier P.) 85.
Фьямма (Fiamma Galvani) 231.

Хаген (Hagen K.) 339.
Хагене см. Годафрит Хагене.
Хазе (Hase C. A.) 339.
Хайтц (Haitz M.) 225.
Хаммер (Hammer Jacob) 96.
Хампе (Hampe R.) 133, 147.
Харон Лампсакский 13.
Харрисон (Harrison William) 435.
Хартман (Hartmann G. M.) 239.
Хаскинс (Haskins Ch. H.) 147, 157.
Хеглер (Hegler A.) 340.
Хейдель (Heidel G.) 216.
Хейзинга (Huizinga J.) 67, 202, 209,
210, 216.
Хеймпель (Heimpel H.) 203.
Хельфт (Helft M. M.) 64.
Хердинг (Herding Otto) 50, 320.
Хертлинг (Hertling G., von) 51.
Хигден (Higden Ranulf) 98, 101,
207.
Хилтон (Hilton R.) 203.
Хирншоу (Hearnshaw J. F. C.) 435,
449.
Хойсси (Heussi K.) 39.
Холдер-Эггер (Holder-Egger Oswald)
169, 197.
Холиншед (Holinshed Raf.) 435.
Холл (Hall Ed.) 431—432.
Холмс (Holmes Urban T.) 147.
Холь (Hohl E.) 37.
Хорн (Horn Andrew) 221.
Хорн (Hornius G.) 81.
Хоуэлл (Howell, James) 423.
Хук (Huck J. C.) 85.
Хусслеин (Husslein Johann Clemens)
261.
Хьюттон (Hutton Edw.) 295.
Хэй (Hay Denis) 241, 242, 262, 359,
421, 427, 428, 453.
Хэйворд (Haward John) 437.
Хэль (Hale J. R.) 423.

Цан (Zahn Th.) 70.
Цезарий Гейстербахский 73.
Цезарь 29, 42, 118, 412.
Целий Антипатер 29.
Целлариус (Keller Christorh) 262.
Цельтис (Celtis Conrad) 322—323,
325, 355.
Цепф (Zoepf Ludwig) 63, 71, 74, 91,
115.
Циммерман (Zimmermann Harald)
196.
Цинк Буркард 223—224.

Цицерон 34, 36, 88, 103, 112.
Цоймер (Zeumer K.) 193.

Чан (Tchan Francis J.) 177.
Чекко д'Асколи (Cecco d'Askoli) 75.
Чемберс (Chambers E. K.) 96.
Чербери (Cherbury Ed. Herbert) 462.
Чиан (Cian V.) 296.
Чибналл (Chibnall M.) 100.

Шабо (Chabod Frederico) 240, 247,
285.

Шанц (Schanz M.) 36.
Шарль (Charles Philarète) 362.
Шартье (Chartier Jean) 205.
Шаскольский П. 270.
Шателе (Chatelet François) 14, 16.
Шателен (Chastellain Georges) 67,
213—215.

Шаумкель (Schaumkell E.) 348.
Шван (Schwahn Walter) 268.
Шварц (Schwarz Ед.) 9, 26, 27, 39,
41.

Шевчик (Szewczyk Roman) 216.
Шедель (Schedel Hartmann) 224.
Шееле (Scheele Meta) 402, 460.
Шекспир 435.
Шиллинг (Schilling Fr.) 285.
Ширс (Shears F. S.) 241, 242.
Шмейдлер (Schmeidler B.) 56, 63,
106, 177, 194, 196, 197.

Шмекель (Schmeckel A.) 123.
Шмид (Schmid Karl) 278.
Шмидт (Schmidt Charles) 329, 361.
Шмидт (Schmidt Heinrich) 68, 224.
Шмидт (Schmidt R.) 81.
Шмидт-Штелин (Schmidt-Stählin) 18.
Шнабель (Schnabel Franz) 316.
Шнейдер (Schneider Hermann) 62, 69,
70, 137, 171.

Шнейдер (Schneider W. A.) 83, 92.
Шнит (Schnith Karl) 224.
Шовире (Chauviré R.) 404.
Шольц (Scholz R.) 204.
Шотуэлл (Shotwell J. T.) 7, 16, 39,
40, 51.

Шпейзер (Speiser E. A.) 8.
Шперль (Spörl Adolf) 320.
Шперль (Spörl Joh.) 56, 75, 81, 134,
156, 167, 168, 263.

Шпренглер (Sprengler G.) 225.
Шредер (Schröder E.) 64.
Штадельман (Stadelmann R.) 236.
Штадле (Stadle W.) 30.
Штейдле (Steidle W.) 30.
Штейн (Stein E.) 215.
Штенгель (Stengel E. E.) 177.

Штерн (Stern Leo) 340, 341.
Штромер (Stromer Ulmann) 222.
Штуперих (Stupperich R.) 340.
Шубин Н. Я. 20.
Шульте (Schulte W.) 348.
Шульц (Schulz Marie) 153.
Шур (Schur W.) 30.
Шэ (Chaix Paul) 363.
Шют (Schütt Marie) 161.

Эадмер (Eadmer) 69, 89, 92, 112, 158—
160.

Эйке фон Пенгос (Eike von Repgow)
193.

Эйкен Г. 51, 56.
Эйнгард 106, 115, 132—133, 140.
Эйнштейн (Einstein L.) 421.
Эйсфельдт (Eisfeldt Otto) 11.

Эккарт (Eckart Heinrich) 204.
Эккегард из Ауры (Ekkehardus de
Aura) 170—171.

Экклестон (Eccleston Thomas, de) 198.
Эллингер (Ellinger, H.) 56, 89, 90.
Эмбар де ла Тур (Imbart de la
Tour P.) 363.

Эмили Славр 29.
Энгельберг Адмонтский 145.
Энгельс Фридрих 5, 12, 18, 21, 36,
54, 61, 148, 163, 203, 210, 240, 258,
279, 342, 459.

Энеа Сильвио Пиколломини (Eneas

Sylvius Piccolomini, папа Пий II)
242, 245, 264, 274—275, 314.

Энслин (Ensslin W.) 38.
Эпикур 12.
Эразм Роттердамский 252, 270, 273,
335, 341, 362.

Эратосфен 23.
Эрдманн (Erdmann C.) 80.
Эригена Иоанн Скотт 82, 83, 86.
Эрисманн (Ehrismann G.) 220.

Эрнуль (Ernoult) 190.
Эрундель (Arundel Thomas) 421.
д'Этапль (d'Etaple Lefevre) 362.
Этьен А. (Estienne Henri) 361, 373—
374.

Этьен Р. (Estienne Robert) 363.
Эфор 22, 25.

Юбелейн (Ubelein M.) 334.
Ювенал 34.
Юндт (Jundt A.) 348.
Юстин 33, 112.

Якоб (Jacob Karl) 223.
Якоби (Jacobus Felix) 13.
Якопо ди Ворагине (Jacopo di Vora-
gine) 103.

Янке (Jahnke Rud.) 164.
Янсен (Janssen J.) 348, 352.
Яцунский В. К. 245, 247, 325.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
<i>Глава первая (вводная). Античная традиция и патристическая историография</i>	5
1. Историография рабовладельческих обществ Ближнего Востока	5
2. Греко-римская историография	12
1) Период расцвета греческой историографии (12)	
2) Эпоха эллинизма (21) 3) Римская историография (28)	
4) Упадок римской историографии (III—IV вв.) (36)	
3. Патристическая историография (IV—V вв.)	39
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
ФЕОДАЛЬНО-ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ (VI—XV вв.)	
<i>Глава вторая. Общие черты феодально-церковной средневековой историографии</i>	55
1. Изучение средневековой историографии буржуазными медиевистами	55
2. Классовые черты феодально-церковной историографии	58
3. Исторические представления и методология феодальных хронистов	68
4. Вопросы периодизации истории в феодально-церковной литературе	78
5. Отношение средневекового историка к действительности. Фальсификация истории и ее цели	87
6. Виды и жанры исторических произведений. Организация и методы работы историка	103
7. Влияние античной литературы и школьной реторики на историографию	110
<i>Глава третья. Этапы развития феодально-церковной историографии</i>	118
1. Период становления феодализма (VI—VIII вв.)	118
2. Раннефеодальный период (IX—середина XI в.). Историография каролингского периода и ее упадок	129
<i>Глава четвертая. Этапы развития феодально-церковной историографии. Период развитого феодализма (конец XI—XIII в.)</i>	143
1. Французская историография конца XI—XII в.	148
2. Английская историография конца XI—XII в.	158

3. Немецкая историография конца XI—XII в.	168
4. Итальянская историография XII в.	178
5. Западноевропейская историография в XIII в.	186
<i>Глава пятая. Этапы развития феодально-церковной историографии. Период разложения и упадка (XIV—XV вв.)</i>	202

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ, РЕФОРМАЦИИ И КОНТРЕФОРМАЦИИ (XV—начало XVII в.)

<i>Глава шестая. Историография итальянского Возрождения (XV—начала XVII в.)</i>	235
1. Итальянское Возрождение	235
2. Общие черты гуманистической историографии	241
3. Гуманистическая историография в Италии (XV в.)	256
4. Гуманистическая историография в Италии (XVI—начало XVII в.)	275
5. Теории истории итальянских гуманистов (вторая половина XVI—начало XVII в.)	308
<i>Глава седьмая. Немецкая историография периода Возрождения, Реформации и контрреформации</i>	316
1. Ранняя гуманистическая историография (конец XV—первая треть XVI в.)	316
2. Немецкая историография на службе Реформации	340
<i>Глава восьмая. Французская гуманистическая историография</i>	359
1. Развитие исторической науки до начала гражданской войны (1494—1559)	359
2. Историография второй половины XVI—начала XVII в. (эрудиты)	371
3. Политическая историография и мемуары второй половины XVI—начала XVII в.	378
4. Философия истории, теория и история историографии	401
<i>Глава девятая. Английская историография XVI—начала XVII в.</i>	420
1. Ранний английский гуманизм (первая половина XVI в.)	420
2. Английские хроники и анналы второй половины XVI в.	433
3. Гуманистическая историография второй половины XVI—начала XVII в.	440
Заключение	457
Список сокращений	465
Указатель имен	468

Осип Львович Вайнштейн
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ

Утверждено к печати Ленинградским отделением
института истории Академии Наук СССР

Редакторы издательства Е. Г. Дагин и Д. И. Тихонов
Художник М. И. Разулегич
Технический редактор М. Н. Кондратьева
Корректоры К. И. Видре, Л. Я. Комм и Г. А. Мошкина

Сдано в набор 1/VIII 1964 г. Подписано к печати
27/X 1964 г. РИСО АН СССР № 22-154Р. Формат
бумаги 60×90^{1/16}. Бум. л. 15^{1/8}. Печ. л. 30^{1/4}=30,25
усл. печ. л. Уч.-изд. л. 34,44. Изд. № 2409. Тип.
зак. № 876. М-23269. Тираж 1600. ТП 1965 г. № 53

Цена 2 р. 27 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
106	15 сверху	ad Adamo	ab Adamo
183	19 »	образа	обзора
313	2 снизу	прим. 354	стр. 354
404	1 сверху	тайных	тайнах

О. Л. Вайнштейн.